

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

SV 716.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

2-1633

НОЯБРЬ

1882

ГОДЪ I

*1882
11-12*

A

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 11.

Зак
СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Нефедовскій почипокъ. (Разсказъ). Н. Наумова	1
II. Памяти Некрасова. (Стихотвореніе). Мартова	38
III. Ножиковъ. (Очеркъ изъ солдатскаго быта). В. П.	39
IV. Взглядъ крестьянъ на школу. Тредьякова	67
V. Бурлачина. (Изъ деревенской жизни). Н. Курбатова	82
VI. Къ роднѣ! (Стихотвореніе). А. Брусиловскаго.	113
VII. Поѣздка въ американскія поселенія русскихъ менонитовъ въ штатъ Кэнзэсъ. (Изъ путешествія по Америкѣ въ 1878 г.). И. Дементьева.	114
VIII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальян- скаго. В. Зайцева (Приложеніе)	449—512
—	
IX. Оренбургская Окраппа. Н. А. Баратынскаго	1
X. Внутреннее обозрѣніе	31
XI. Химикъ въ области социологіи. (Объ условіяхъ развитія за- водскаго дѣла въ Россіи. Д. Менделѣва). —ога.	66
XII. Новая книга: I. С. Капустинъ, Что такое поземельная об- щина? Выводы изъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины». —II. А. Титовъ, Воржская волость. Историческій и статистическій очеркъ. —III. Люди труда и сильной воли. (Изданіе редакціи журнала «Родникъ»).	73
XIII. Бѣлинскій въ наше время. (Замѣтка о Бѣлинскомъ). С—ога.	79
XIV. Объявленія	92

*7371
12/1/11*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова, Средняя Подъяческая, № 1.

1882.

Вин
1882
11-12

Заказ № 3206/13

Дата 24/10

Микросъемка экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

W 11-12

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Наименование или
шифр издания

М.
1882

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

Тип. ГПБ з. 1499-5000 7-6-61

B

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ

Содержаніе: Отъ автора.—Типъ «средней» деревни.—Крестьянскіе дѣти.—Перехожіе учителя.—Схема народно-бытовыхъ основъ.—Семейные раздѣлы.—Распредѣленіе общинной земли.—Схолы.—Передѣлы.—Помочь.—Товарищество.—Типъ общины «хозяйственного» мужичка.—Атмосфера двоедушій и двуличій.—Организація «выти».—Нѣчто объ изученіи деревни и проч.
Стр. 254 in 8°. Цѣна 1 р. 25 к.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору, Слб. Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, цѣна 1 р. съ пересылкою.

— Того же автора: «СРЕДИ НАРОДА» (рассказъ). Ц. 1 р. 50 к. «ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА» (повѣсть). Ц. 50 к.

ВЫШЛА НОВАЯ БНЯГА

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

РАЗСКАЗЫ.

Четыре дня.—Проншествіе.—Трусъ.—Встрѣча.—Attalea принсера.—Художники.—Ночь.—То, чего не было.

Цѣна 1 руб.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору журнала пересылка безплатно.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «УСТОИ» ПРОДАЮТСЯ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ

ВИКТОРА ГЮГО.

Цѣна 2 р., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

НАНА

Романъ Э. ЗОЛА.

Цѣна 1 р. 50 к., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 25 к. съ пересылкой.

РАЗСКАЗЫ МАКСИМА БЪЛЛИНСКАГО

Цѣна 1 р. 25 к. Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р.

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

Л И Т Е Р А Т У Р Н О - П О Л И Т И Ч Е С К И Й Ж У Р Н А Л Ъ

№ 11.

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
I. Нефедовскій починокъ. (Разсказъ). Н. Наумова	1
II. Памяти Некрасова. (Стихотвореніе). Мартова	38
III. Ножиковъ. (Очеркъ изъ солдатскаго быта). В. П.	39
IV. Взглядъ крестьянъ на школу. Тредьякова.	67
V. Бурлачина (Изъ деревенской жизни). Н. Курбатова	82
VI. Къ родинѣ! (Стихотвореніе). А. Брусилонскаго	113
VII. Поѣздка въ американскія поселенія русскихъ менонитовъ въ штатѣ Кънзэсъ (Изъ путешествія по Америкѣ въ 1878 г.). Н. Дементьева	114
VIII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (Приложеніе)	449—512
IX. Оренбургская Округна Н. А. Баратынскаго	1
X. Внутреннее озрѣніе	31
XI. Химикъ въ области социологій. (Объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи. Д. Менделѣева). — о в а	66
XII. Новыя книги: I. С. Капустинъ, Что такое поземельная община? Выводы изъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины». — II. А. Титовъ, Воржская волость. Историческій и статистическій очеркъ. — III. Люди труда в сильной волн. (Изданіе редакціи журнала «Родникъ»).	73
XIII. Бѣлинскій въ наше время. (Замѣтка о Бѣлинскомъ). С—о в а	79
XIV. Объявленія	92

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, № 1.
1882.

Δ
Pslaw 716-5 ($\frac{1882}{11-12}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 5 1962

MRHP

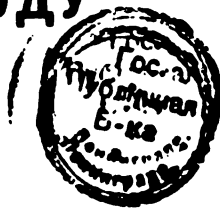

Средина Подьячская, № 1.
3426.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„УСТОИ“.

Литературный, научный и политическій журналъ «УСТОИ» удесть выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

- 1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.
- 2) Научный отдѣлъ: статьи по всеѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 3) Критика: Общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.
- 4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.
- 5) Политическій отдѣлъ: обзорѣніе жизни иностранныхъ государствъ.
- 6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.
- 7) Театръ и музыка.
- 8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.
- 9) Объявленія.

Въ журналъ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Федосеевъ), М. П. Альбовъ, Александровъ, К. Баранцевичъ, Мак-

симъ Бѣлинскій, А. І. Боровиковскій, С. А. Венгеровъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В. В., проф. Алексѣи Ник. Веселовскій, А. Ефименко, Н. Н. Златовратскій, проф. И. П. Ивановковъ, проф. Ив. Лучицкій, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, П. Лафаргъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. Карѣевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. І. Мордовцевъ, Н. Морозовъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. П. Орловъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. П. Семеновскій, Л. Э. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. П. Успенскій, Ѳ. А. Щербина, Ѳ. Ѳ. Эрцманъ, проф. И. И. Янжуль, Я. В. Ѳедосъевецъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ; Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. *Цинзерлина*, Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.; *на полгода*: безъ доставки 5 р. 50 к.; съ доставкою въ Петербургъ 6 р., съ пересылкою въ другіе города 7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ не-исправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже* выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору «УСТОЕВЪ».

Лица, желающія получить отъ редакціи какія-либо письменныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ почтовыя марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журнала «УСТОИ» по личному ихъ востребованію; пересылаются же въ другіе города лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ расходовъ; рукописи же, не востребованныя въ теченіи годового срока съ ихъ присылки, уничтожаются. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за ихъ сохраненіе.

Нефедовскій починокъ.

(Разсказъ).

Далеко въ сторонѣ отъ всякой, сколько нибудь удобной для проѣзда дороги, при выпаденіи изъ озера, немѣвшаго имени, рѣчки Суклемы, стояла деревенька Нефедовка. Это была даже не деревенька, а починокъ, какъ называли ее крестьяне X-ой волости, и какъ числилась она въ спискѣ населенныхъ мѣстъ этой волости. Печальнѣе, пустыннѣе мѣстности, въ какую заброшонъ былъ этотъ починокъ, едва-ли можно было встрѣтить гдѣ нибудь. Кругомъ его на десятки верстъ тянулось сплошное болото, заросшее чахламъ березникомъ да ивой. Болото это было и главнымъ питомникомъ рѣчки Суклемы, извивавшейся среди топкихъ, унылыхъ береговъ. Проѣхать въ Починокъ на лошади можно было только зимою. Лѣтомъ рѣшались на это немногіе. Весною, лѣтомъ и осенью обитатели Починка сообщались съ остальнымъ міромъ пѣшкомъ, проходя по зановѣднымъ, проложеннымъ среди болотъ и лѣсовъ, тропинкамъ, или на лодкахъ по Суклемѣ, впадавшей въ Тоболъ. Въ починокѣ всего было два двора, стоявшихъ на высокой гривѣ, упиравшейся пятою въ озеро. Вдали за озеромъ синѣли уже лѣса, и лѣса, въ которыхъ можетъ не бывала еще нога человѣка.

«Гиблое мѣсто!» говорили крестьяне, когда заходила рѣчь
«уставъ», № 11, отд. 1.

о починкѣ, исторія заселенія котораго была крайне проста. Лѣтъ за семь до описываемаго времени, въ X-ю волость пришелъ ссыльно-поселенецъ Нефедь, фамилію котораго едва-ли кто знаетъ кромѣ писаря. Это былъ сѣдой, угрюмый старикъ избѣгавшій всякихъ разговоровъ и общенія съ людьми. Волость приписала его на жительство къ обществу крестьянъ деревни Пушкиной, но придя въ Пушкину, Нефедь пробылъ въ ней два три и за тѣмъ исчезъ, неизвѣстно куда. Сибирскіе крестьяне привыкли уже къ подобнымъ явленіямъ. Рѣдкій изъ ссыльно-поселенцевъ, приписанный къ какому нибудь крестьянскому обществу, придя на мѣсто жительства, заводится домохозяйствомъ. Большинство ихъ тотчасъ-же беретъ изъ волости билетъ, затѣмъ идетъ куда нибудь на работу, и волость иногда по нѣсколькѣ лѣтъ не имѣетъ о немъ никакихъ свѣдѣній. «Извѣстно ужъ, перелетная птица; усидитъ-ли тебѣ на одномъ мѣстѣ!» говорятъ въ такихъ случаяхъ крестьяне, махая рукою на «непосѣдливый народъ», какъ называютъ они поселенцевъ. Такъ и Пушкинцы махнули было рукою на исчезнушаго Нефедю. Но не прошло и мѣсяца, какъ Нефедь снова появился въ Пушкиной, закупилъ у крестьянъ кое-какихъ плотничныхъ инструментовъ, печенаго хлѣба, луку, соли, картофеля и объявилъ, что онъ поселился вверхъ по Суклемѣ, на гривкѣ у озера. Старикъ былъ мастеръ плести корзины изъ тонкихъ прутьевъ ивы, и скоро корзины его, отличавшіяся прочностью и красотой работы, нашли для себя благодарный сбытъ въ городѣ и по деревнямъ, лежавшимъ на пути въ городъ. Не смотря на угрюмый видъ старика и необщительность, его скоро полюбили за честность и прямоту по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, называя его одни «Нефедомъ съ гривки», другіе «Нефедомъ съ озера». Появленіе его съ корзинами служило также вѣстникомъ установившагося по болоту саннаго пути. Нашлись охотники среди крестьянъ, которые изъ любопытства посмотрѣть, какъ устроился Нефедь, пробрались на гривку, гдѣ увидѣли крошечную избу, покрытую дерномъ вмѣсто кровли и обнесенную плетнемъ. Весь плетень былъ увѣшанъ

корзинами различныхъ формъ и величинъ. Старикъ весной, лѣтомъ и осенью жилъ безотлучно на своей гривкѣ, плетя корзины и только изрѣдка показываясь въ Пушкину за хлѣбомъ и картофелемъ. Но скоро онъ развелъ свой огородъ, гдѣ сѣялъ рѣдьку, садилъ картофель и лукъ, и тогда посѣщенія его стали еще рѣже, но за то чаще и чаще стали навѣдываться къ нему крестьяне. У старика, какъ иссялась молва между ними, водились деньги, и первый рѣшившійся прибѣгнуть къ нему съ просьбой о ссудѣ крестьянинъ изъ Пушкиной, Антонъ Кузьминъ, сообщилъ своимъ однодеревенцамъ диковенную вещь:

— Ну, и старикъ, други, поискать экаго! удивленно говорилъ онъ. «Пришелъ это я къ нему поскучать о деньгахъ, да и думаю не дастъ; даже страхъ обуялъ... слово-то вымолвить, обругаетъ!.. Ну, однако достаточно это набравшись духу, говорю: такъ и такъ, задумевный молъ старичекъ, настигло меня, говорю, горе, выручи!.. Снабди, буде есть, тремя рублями, отдамъ! Што-жъ вѣдь, братцы, слова не вымолвилъ. Выдернулъ это сундучекъ изъ подъ лавки, развязалъ какую-то тряпочку и подаль мнѣ трешникъ, и хошь-бы тѣ слово сказалъ...

О-о-о!... какъ есть ни слова?.. спросили слушатели, удивленные не менѣе его.

— Хошь-бы тѣ вотъ, для примѣру говорю, ротъ разинулъ.

— Чу-удной!

— Какъ тебѣ не чудной!... Поищика другого экакого!..

Ну, я погорилъ еще съ нимъ для прилики болѣ, а онъ хошь-бы вотъ на смѣхъ тебѣ пикнулъ. Сидитъ себѣ, ковыряетъ прутьями и не слышитъ, ему говорятъ, аль стѣнѣ. Попрощались молча. Я и въ путь...

Старикъ дѣйствительно никому изъ прибѣгавшихъ къ нему за ссудой не отказывалъ. Молча давалъ просителю денегъ. Молча принималъ ихъ, если возвращали. Но такъ какъ возвращали немногіе, то онъ и не напоминалъ должникамъ о нихъ. Все это очень возвышало старика Нефѣда во мнѣніи крестьянъ, но не такъ взглянуло на это дѣло волостное на-

чалство, до котораго не замедлила дойти подобная вѣсть. Волостной писарь усмотрѣлъ въ необщительномъ характерѣ старика Нефедѣ, а главное въ самовольномъ удаленіи его на пустынную гривку къ озеру нѣчто противузаконное и заподозрилъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ въ поддѣлкѣ фальшивыхъ денегъ. Однажды ночью въ началѣ зимы Нефедъ былъ разбуженъ прибывшими къ нему волостными чинами въ сопровожденіи двѣнадцати человѣкъ понятыхъ крестьянъ. Угрюмо и молча онъ встрѣтилъ неожиданныхъ посѣтителей, все время смотрѣлъ насупившись, какъ перерывали скромные пожитки его, разобрали половицы въ избушкѣ, взрыли всю землю подъ ними, вытаскали паклю и мохъ изъ пазовъ между бревенъ разобрали кирпичи, на которыхъ была утверждена большая чугунная печь. Ни бумаги, ни красокъ, ни формъ для поддѣлки кредитныхъ билетовъ они разумѣется не нашли, но сто тридцать рублей денегъ, найденныя завязанными въ клѣтчатый платокъ въ сундукѣ старика писарь призналъ подозрительными и взялъ ихъ съ собой для представленія по начальству. Однако-жъ начальству деньги эти представлены не были, а оказались въ карманѣ волостнаго писаря, изъ коего и были возвращены обратно Нефеду по распоряженію губернатора, внявшаго просьбѣ старика, и снова тщательно были завязаны имъ въ тотъ же клѣтчатый платокъ.

Постыгая старика Нефедѣ неприятность, не пожалуясь онъ губернатору о возвращеніи отобранныхъ у него при обыскѣ денегъ, прошла-бы можетъ быть безслѣдно для него. Но когда предписано было возвратитъ старику деньги, оказавшіяся совершенно настоящими, а писаря за лихоимство посадить на двѣ недѣли въ волостную тюрьму на хлѣбъ и воду, то писарь въ отмщеніе Нефеду внесъ въ списокъ деревень Х...ой волости «Починокъ Нефедовку» и перваго же прибывшаго въ волость поселенца Мирона Глушкова съ женою и годовымъ ребенкомъ приписалъ на жительство къ Нефедовкѣ, и отправилъ даже подъ конвоемъ волостнаго сотника для водворенія на мѣсто жительства. Удивленіе старика Нефедѣ было беспредѣльно,

когда однажды вечеромъ къ избѣ его подъѣхали пошевни, въ которыхъ сидѣла женщина, закутанная въ арстантскую шубу съ ребенкомъ на рукахъ и съ нею тщедушный мужичекъ. Женщина съ ребенкомъ и мужичекъ, привязавши лошадь къ плетню, ввалили въ крошечную избу Нефеда.

— Здорово, вашей милости, будь, говоримъ, здоровъ! произнесъ мужикъ торопливо перекрестившись и кланяясь старику, который, приподнявшись съ обрубка, замѣнявшаго ему стулъ, удивленно смотрѣлъ своимъ насупленнымъ взоромъ на неожиданныхъ посѣтителей. «Это и будетъ Нефедовка-то?» спросилъ мужичекъ.

— Какая это Нефедовка? спросилъ въ свою очередь старикъ.

— Стало быть, какъ будто-бы починокъ, Нефедовскій починокъ! повторилъ онъ.

— Никакой тебѣ нѣтъ тутъ Нефедовки! грубо отрѣзалъ ему старикъ, снова садясь на обрубокъ и беря въ руки остовъ только что начатой корзины.

— О-о-о!.. протянулъ мужичекъ. «Это стало быть што-жь? Почему-же такъ вышло?.. Ну и поря-я-ядки! Ваня, вотъ тѣ и починскъ! Починай говоримъ, а? Милый, а-а милый старичокъ! снова окликнулъ вошедшій.

— Ну, я старичекъ!.. отвѣтилъ, не глядя на него, Нефедъ.

— Гдѣ-жь это починокъ-то? сердешный, укажь!

— Какой тебѣ починокъ-то надо? сердито спросилъ старикъ.

— Нефедовскій.

— Нѣту здѣсь экаго, сказано.

— Ну и поря-я-ядки! Ваня, а?.. Слышь, Марковна, обратился онъ къ женѣ своей. Гдѣ-жь это починокъ-то искать мы будемъ а? Сказывали, поѣжай все по рѣчкѣ вверхъ, доѣдешь говорить до ивы, што на трое раскрестилась, сверни маненечко влѣво, а тамъ увидишь гривку, на гривкѣ избу, тутъ тѣ и будетъ починокъ Нефедовка.

— Блажной, штобъ тѣ драю! взвизгнула вдругъ Марковна «говорила тебѣ одру: подари три рубля писарю, ужъ

по крайности въ путное-бы мѣсто прислали, а то, Господи, цѣлый-то годъ шли-и, шли, на самый край свѣта пришли и сугрѣву тебѣ нѣтъ! Да што это за жизнь, Царица Небесная, да ужъ хоша-бы въ каторгу, чѣмъ экую-то муку мученскую терпѣть», со слезами въ голосѣ говорила она. Ребенокъ завернутый въ лохмотья и прижатый къ груди ея, вѣроятно подвляніемъ волненія матери, отразившагося и на немъ, заплакалъ. и Марковна стала раскачиваться на лавкѣ, убаюкивая его.

— А-хъ ты напасть, а? Увидишь, говоритъ гривку, на гривкѣ, говоритъ избу, тутъ тѣ и будетъ Нефедовскій починокъ, и пріѣхали, вотъ тѣ и починокъ, ворота оглобли, да будь таковъ!.. произнесъ Миронъ, съ отчаяніемъ хлопнувъ себя руками по бедрамъ. «Ну и Сиби-и-рь, штобъ ей пусто было!»

— Ты кто таковъ? не отнимая головы отъ корзины, тѣмъ-же суровымъ тономъ спросилъ его Нефедъ.

— Посельшники, милый.

— Откедова?

— Вятчіе.

— И видать, что вяткой, не безъ проіи произнесъ старикъ. Зачѣмъ ты пріѣхаль-то ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Послали милый. Писарь послалъ. На жительство въ Нефедовскій Починокъ приписалъ. Выдали пятнадцать рублей способа на домообзаводъ; купилъ вотъ скотинку, семь рублей далъ, разваленки, пріѣхаль было селиться, да вотъ и селись ищи теперь гдѣ энтотъ починокъ. Ну и наро-о-одъ! ахъ ты Боже мой! Увидишь, говоритъ, гривку, на гривкѣ избу, тутъ тѣ и будетъ Нефедовскій починокъ! Ну и пріѣхали вотъ, видишь!

Старикъ снова угрюмо осмотрѣлъ своихъ упавшихъ духомъ посѣтителей. Наконецъ всталъ, отложивъ въ сторону работу, молча развелъ въ чугунной печкѣ огонь и поставилъ въ печь горшокъ съ картофелемъ.

— Раздѣвайтесь, ужо, переночуйте; опосля подумаемъ, произнесъ онъ, снова садясь на обрубокъ и принимаясь за прерванную работу.

Марковна сняла съ себя шубу и сунувъ ребенку какую-то соску уложила его въ углу лавки и затѣмъ принялась хозяйничать у печки, точно какъ будто и печь, и изба, и все скудное хозяйство старика давно было знакомо ей. Она размыкала и солонку съ солью, и лукъ, и мѣшокъ съ ржаными сухарями. Миронъ вышелъ на улицу выпрягъ лошадь и пустивъ ее въ плетевую изъ хвороста стайку, стоявшую за избой Нефедя, бросилъ ей сѣна изъ розваленъ и, внеся въ избу мѣшокъ съ пожитками и сбрую, подсѣлъ къ старику Нефеду и молча смотрѣлъ, съ какимъ проворствомъ огибалъ онъ около остова размоченные въ водѣ тонкіе ивовые прутья. Накормивъ гостей ужиномъ, состоявшимъ изъ варенаго картофеля да луку, старикъ не промолвилъ съ ними болѣе ни слова, но по видимому и не тяготился ими; да и гости какъ-то вдругъ почувствовали себя точно дома, точно будто они давно уже знали старика Нефедя и обитали съ нимъ.

— Ужъ присланъ, такъ чего-жъ, куда тебя дѣтъ-то? селись! сурово сказалъ на другое утро Мирону старикъ Нефедъ и болѣе во весь тотъ день гости не слышали отъ него ни слова. И вотъ невдалекѣ отъ избы Нефедя, не смотря на зимнее время, стала постепенно расти новая изба. Съ утра и до ночи на пустынной гривкѣ, слышался стукъ топора, визгъ пилы, или раздавались уханья, когда Марковна и Миронъ поднимали какое нибудь тяжелое бревно. Старикъ Нефедъ выходилъ иногда изъ избы, молча осматривалъ работу Мирона и, сдѣлавъ какое нибудь практическое замѣчаніе, снова садился за свои корзины. Старикъ видѣлъ, что новосельцы его горькая бѣднота, но люди смиренные, забитые нищетою и несчастіемъ; онъ узналъ, что Миронъ попалъ въ Сибирь единственно по глупости, зачтенной ему въ преступленіе, и полюбилъ ихъ. Мирону трудно было-бы построится безъ помощи старика, который, видя постоянную нужду, его, не дожидаясь просьбъ, развязывалъ свой клѣтчатый платокъ и молча давалъ деньги на тотъ или другой предметъ, необходимый для постройки или въ хозяйствѣ. Угрюмый старикъ, иногда по не-

дѣлѣ не говорившій съ ними ни слова, любовно нянчился по цѣлымъ днямъ съ ребенкомъ, остававшимся на рукахъ его, когда Миронъ и Марковна уѣзжали въ лѣсъ рубить бревна на избу и вывозить ихъ. Старикъ, въ первые-же дни по прибытіи ихъ, сплелъ для ребенка люльку и самъ укрѣпилъ ее на треножникѣ въ переднемъ углу избы около печки. Когда однажды ребенокъ захворалъ, старикъ сильно запечалился, и, вынувъ изъ платочка пятнадцать рублей, приказалъ Мирону тотчасъ-же ѣхать и купить для ребенка корову, и молча отвернулся отъ растерявшихся и разсыпавшихся въ благодарностяхъ Мирона и Марковны.

— Отца не надоть!.. отзывался каждый разъ Миронъ о Нефедѣ, посѣщая Пушкину или другія деревни, проѣздомъ или за какими нибудь покупками, но въ сущности страшно боялся старика, боялся его суроваго сверкаваго изъ подъ насуленныхъ бровей взгляда, его рѣзко правдиваго языка и всегда и во всемъ чувствовалъ себя, какъ будто, виноватымъ передъ нимъ.

Къ веснѣ изба была совсѣмъ почти готова, Миронъ перенесъ уже въ нее свои пожитки и ждалъ только наступленія теплыхъ дней, чтобъ выкласть печь и переселиться въ нее.

— Ну слава тебѣ господи, управились, скоро и въ свою избу Господь приведетъ уйти!.. перекрестясь произнесъ однажды Миронъ, возвратясь съ постройки «Обстроился; только вотъ печь ншо выкласть!..

— А зачѣмъ ты обстроился-то, спросилъ-ли себя? неожиданно отвѣтилъ ему старикъ Нефедъ, угрюмо взглянувъ на него.

— Зачѣмъ? Извѣстно, штобъ жить. Зачѣмъ болѣ-то?

— Жить!.. А чѣмъ ты жить-то здѣсь будешь а?.. Подумалъ-ли?.. сурово допрашивалъ его старикъ.

— Оно признаться... тово... по твоему быдто слову... забормоталъ озадаченный Миронъ:—вѣдь ты-жъ... тово... сказалъ мнѣ тогда, селись!..

— Ты и поселился. А я-бы тѣ сказать: утопись: ты и выдайся въ воду!.. насмѣшливо спросилъ его старикъ.

— Чего-жъ... оно... Приписанъ такъ что-жъ... чего-жъ еще. Власть, воля начальства, на перекоръ не пойдешь, перекоръ-то энтотъ... о... о!.. Храни Господи!

— Дуракъ.

— А-а-а... Я-то будто? За што-жъ-бы это?

— Да, ты-то будто! Строился, строился, тюкалъ, тюкалъ зиму-то топоромъ, и не подумалъ, чѣмъ дѣ жить-то здѣсь буду, кормится-то съ семьей. Ну чѣмъ ты займешься тутъ, а? Кругомъ болотина, ни тебѣ хлѣба посеять, ни тебѣ покосъ снать, штобъ скотинку-то голодомъ не морить, ни тебѣ хошъ бы што, а строился! Ну, есть-ли за плечами у тебя хоша рукомесло какое?

— То-то... вишь того... не учены быдо...

— Дуракъ, съ которой стороны не глянь... Ну чѣмъ ты хлѣбъ-то спискивать себѣ ставешь? Подумай хошъ одпова.—

— А-а-ахъ... оно и то слышъ... слово-то.. твое...

— Ну, што мое слово, говори?...

— У-убивно будто.

Нефедъ покачалъ только головой и болѣе не сказалъ ни слова, но изрѣдка всетаки посматривалъ вскося на Мирона, который страшно загрустилъ и ходилъ цѣлый день, какъ потерянный.

— Деготь-то сидѣть умѣешь, аль и этому не обученъ? спросилъ онъ, уже подъ вечеръ окапчивая корзину и придѣлывая къ ней уши.

— Это ништо, сладимъ, отвѣтилъ Миронъ.

— Ну, гони вотъ деготь; лѣсу здѣсь не занимать, урманъ то подъ бокомъ. Лыко дери, лыка здѣсь много требуется, були-то на расхватъ берутъ въ городъ. Угля тоже много спрашивается; крестьяне здѣсь не охочи жечь его. Уголь жги. А тѣмъ времемъ и посудку-бы приладилъ дѣлать, боченочки, лагушки, корыта...

— О-о!.. это-то я умѣю! радостно прервалъ его Миронъ.

— А-а, ученъ нѣшто?.. съ недоувѣріемъ посмотрѣвъ на него, спросилъ Нефедъ.

— Промышлялъ; пожалуй такъ скажу—ма-астерь.

— Ну слава тѣ Господи! кошъ на што ни есть да годенъ, не безъ проиіи отвѣтилъ старикъ.

Благодаря совѣту Нефедѣ, Миронъ съ первыхъ же весеннихъ дней переселился въ урманъ, синѣвшій вдаль за озеромъ, гдѣ принялся гнать деготь, жечь уголь, выдѣлывать лагушенъ подъ деготь, корыта и боченки; хотя посуда его издѣлія была и аляповата на видъ, но прочна. Въ половинѣ лѣта Миронъ при помощи Нефедѣ купилъ большую лодку, и водой по Суземѣ, впадающей въ Тоболь, возилъ на продажу по сосѣднимъ деревнямъ и въ городъ Т...ъ деготь, уголь и деревянную посуду. Марковна почти всю зиму плела кулеи изъ лыка, приготовленаго лѣтомъ; кромѣ того она въ первое-же лѣто сдѣлала небольшой огородъ и немного льну. Обитатели починка жили хотя далеко не припѣваючи, но не голодали, и были довольны спокойною, мирною жизнью, какая дается труженикамъ съ самыми скромными отъ нея требованіями и желаніями.

Прошло два года, въ теченіи когорыхъ въ починкѣ все чаще и чаще появлялись поселенцы, которые не имѣя возможности дать имсарю три, четыре рубля, чтобъ быть приписанными въ болѣе лучшія села и деревни, приписывались обыкновенно къ Нефедовскому починку. Старикъ Нефедъ смотрѣлъ на появленіе новыхъ обитателей, какъ на неизбѣжное зло, и по немногу освоился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что приписываемые къ починку поселенцы, придя въ починокъ и, поглядѣвъ на унылую окружающую его мѣстность, лишённую всякихъ угодій, и переночевавъ ночь, много дѣвъ, снова взваливали на свои плечи мѣшки съ пожитками и, поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ за соль, уходили въ городъ или ближайшія деревни искать заработка. Но однажды, въ началѣ осени, въ починокъ пришелъ пожилой, высокаго роста и могучаго сложенія поселенецъ съ мѣшкомъ на плечахъ. Наружность при-

шедшаго была весьма характерна. Живые, черные глаза его сверкали изъ подъ черныхъ совершенно сросшихся между собою бровей, окладистая борода съ значительною просѣдью отъняла, какъ рама, смуглое лицо его, изъ за толстыхъ, румяныхъ губъ видѣлись бѣлые, красивые зубы. Пришелецъ, какъ замѣтно, былъ человекъ крайнѣ веселаго нрава онъ постоянно почти улыбался, причемъ сросшіяся брови его то поднимались вверхъ, образуя дугу, то снова насупливались и какъ-то странно всегда подергивались и дрожали. Былъ уже вечеръ, когда онъ поднялся на гривку и, посмотрѣвъ съ вышины ея на зеркальную поверхность озера, подернутаго розовымъ отливомъ потухавшей вечерней зари, на избу Мирона, обнесенную плетнемъ, по высокой изгороди котораго гирляндами вился хмѣль, образуя густую листвою своей непропцаемую для глазъ шпалеру, и посмотрѣвъ на жильѣ старика Нефедя, также обнесенное плетнемъ, сплошь почти увѣшаннымъ различныхъ величинъ корзинами, онъ спустился съ гривки, и подойдя къ Нефеду, сидѣвшему за работой на порогѣ своей избы, произнесъ «Помогай Богъ!..

Нефедъ молча поднялъ голову, осмотрѣлъ путника и отрывисто спросилъ: «откуда?»

— Изъ волости! отвѣтилъ тотъ, пристально въ свою очередь осматривая старика и съ любопытствомъ слѣдя, какъ гибкая вѣтвь ивы гнулась точно соломинка въ грубыхъ, открытыхъ мозолями рукахъ Нефедя. «Это и есть Нефедовскій-то, починокъ? спросилъ наконецъ пришедшій.

— Этотъ! не глядя на него отвѣтилъ Нефедъ.

— Превосходное мѣсто! Экая благодать то, а? произнесъ онъ снова оглянувшись вокругъ. «А по дорожѣ, сказывали, што всѣ бѣгутъ отселева. Гиблое, говорятъ, мѣсто, а? А я-бы, то ись, сто цѣлковыхъ, тыщу давай мнѣ, не ушоль-бы отселева. Давно ты здѣсь, старичекъ? спросилъ онъ.

— Давно! сухо отвѣтилъ Нефедъ.

— Ознакомился поди съ мѣстами-то а? Твоя это изба-то шголь?

— Чужая.

— А-а! протянулъ пришедшій, впившись въ него своими черными глазами, и брови его судорожно запрыгали, а на губахъ заиграла улыбка. «Старичекъ!» наивно-веселымъ тономъ окликнулъ его пришедшій послѣ минутнаго молчанія. «Аль ты всегда, шутникъ такой, а? Чужая... хе... нѣшто я не вижу, што ты хозяинъ ей?»

— А коли видишь, такъ чего-жъ спрашивать; аль языкъ зудитъ? рѣзко отвѣтилъ ему Нефедъ.

— А хошь и зудитъ, што-жъ? Ты обходительнѣй будь; чай вѣдь жить вмѣстѣ станемъ. Ты поселенецъ штоль?

— Поселенецъ.

— Одного стало поля-то ягодки; за што судился-то?

— Не велѣли сказывать.

— А-а-а! вишь ты какъ наблудилъ-то! А ты не серчай, Божій старецъ, вѣдь не убилъ словомъ-то; э-эхъ, какой ты! Вѣдь мы чай, сродственники...

— Когда-жъ это породнились-то, напосади! искоса посмотрѣвъ на него, спросилъ Нефедъ.

— Расейскіе, чать, оба; а здѣсь што, чужбина, а на чужбинѣ, на мой умъ, и собака коли съ одной земли, и та родня, право! Э-эхъ покурить штоль, вздохнувъ произнесъ онъ: «мѣшокъ то вотъ лопатку намажь, снять рази, а?»

— Снимай, коль намажь.

— А мѣста... и што это Боже мой за ухажи, а? снова оглянувшись клугомъ и снимая мѣшокъ съ себя, говорилъ пришедшій «Птицы-то, поди, птицы-то, си-и-пла!.. Это-бы Евгений-то Миколанчъ, увидѣлъ, чего-бъ и было! Ониска сказаль-бы, не мигай, а, ужъ Ониска не смигнулъ-бы, нѣ-ѣ-тъ не смигнулъ-бы! Э-эхъ, отписать рази ему!.. говорилъ пришедшій скорѣе самому себѣ чѣмъ Нефеду, который, оставивъ наконецъ работу и молча почесывая въ затылкѣ, искоса осматривалъ пришедшаго родственника. Снявъ съ себя мѣшокъ и положивъ его у порога избы, пришедшій досталъ изъ кармана надѣтаго на немъ сѣраго, арестантскаго армяка кисеть

съ табакомъ и трубкой на корогенькомъ чубукѣ, неторопливо намявъ на лѣвой ладони табакъ, онъ набилъ имъ трубку, вырубилъ огня и, закуривъ ее, опустился на землю.

— Старичёкъ, это тебя, штоль, кличуть Нефедомъ - то? спросилъ онъ, выпустивъ струю дыма и сплюнувъ на сторону.

— Меня! отвѣтилъ старикъ.

— Меня-то Опсиномомъ крестили. Ониской болѣ звали-то, а то ишо Боровикомъ! отрекомендовался онъ. «Я, милый, охотой все болѣ займствовался съ ружейцомъ... и-и-и... хлѣбомъ не корми только допусти по лѣсамъ мыкаться. Стра-а-асть охочь. И въ какой ты не пусти меня лѣсъ, не заллутаюсь!

— О-о!.. гляди-жь! отозвался старикъ.

— Планиду знаю! А по экому мѣсту, какъ здѣсь... и-и-и Боже мой... смолой не выкуришь, ей Богу! Чай птицы-то, птицы-то, а? На тыщи.

— Охотникъ ты што-ли? спросилъ Нефедъ, котораго видимо забавлялъ разговоръ Ониски

— Стрѣлецъ!.. За стрѣльбу и на поселенье пошолъ.. Лѣсничаго подстрѣлилъ, за это и судили. Я то будто ненарокомъ въ него пальнулъ, а дѣло-то вишь свернули кабы въ сурезъ. Ну и вышло на поселенье, а мнѣ што, все одно, што Росея, што Сибирь, ружейцо-бы было! Прочитали какъ мнѣ энтю приговоръ-то на поселенье, я и говорю: покорнѣйше васъ благодарю милостивые судьи! Смѣются.

— Судьи-то?

— Ну, доволенъ ли? спрашиваютъ. Очень молъ даже признателенъ, и вѣкъ-бы сталъ Бога молить, говорю, кабы со-благоволили и ружейцо мнѣ выдать, потому, говорю, безъ ружья я што-же пропащій человекъ.

— Выдали? снова прервалъ его Нефедъ.

— Нѣтъ. Энтю говорить будто вещественное доказательство, такъ закону на то нѣтъ выдавать-то! А ружейцо-то милый было—тыщу рублевъ-бы не взялъ за него: ластку въ леть билъ, право! А горячипькаго у васъ, старичёкъ, не по-

лагается для проходящих? неожиданно спросил Ониска выколачивая докуренную трубку. А у насъ, по Расеп, первое это дѣло—странному человѣку похлебать дадутъ.

— Похлебать-то? переспросилъ Нефедъ, заносъ правую руку въ затылокъ.

— Мы и въ сухоматку-бы рады, што-жъ, коли можетъ по гиблости мѣста не полагается варева-то. Хлѣбца-то вишь, што прихватилъ съ собой, не осталось, а то я-бы безъ утруж-денья.

Нефедъ молча вошелъ въ избу, провожаемый глазами Ониски, который слѣдилъ за всѣми его движеніями, и вернулся, держа въ рукахъ огромный ломоть хлѣба съ большою щепотью соли на немъ. Принявъ ломоть, Ониска перекрестился, произнесъ: «Господи благослови, пожумь-ко!» и съ разу почти откусилъ половину ломтя, тщательно собирая на ладонь сыпавшіяся крошки. «Много-ли, говорю, человѣку-то надоть а?» произнесъ онъ, dokonчивъ ломоть и снова крестясь. «А што спрошу, Божій старецъ, самк сѣете хлѣбъ-то, аль съ купи?»

— Съ купи.

— Корзины плетешь?

— Плету.

— Все-жъ промысль. Чего-же, жить-то можно.

— Живемъ.

— Тэ-эбъ! Мѣста для хлѣба гляжу постылыя, замѣтилъ Ониска. «Болотина кругомъ, лѣсъ. Эка благодать лѣсу-то. Птицы-то чать, птицы-то а? умирать не надо. Это съ ружейцомъ если, и-и-и ходи да поपालивай! Попить рази, произнесъ онъ, приподнимаясь съ земли и направляясь идти къ озеру.

— Вонъ вода въ ведрѣ стоить, отвѣтилъ ему Нефедъ, осматривая со всѣхъ сторонъ оконченную корзину, оставшись доволенъ повидному отдѣлкой ея, онъ повѣсилъ ее на тычинку плетня, и поднявъ лежавшій на землѣ ножъ и пестикъ, которыми сдвигалъ при плетеніи прутья къ основѣ корзины, понесъ ихъ въ избу.

Новый пришелецъ, Ониска или Боровикъ, какъ называлъ онъ себя, сначала казался весьма загадочнымъ чловѣкомъ для обитателей починка. Въ первые дни онъ очень занималъ старика Нефедя разказами о своихъ охотничьихъ подвигахъ, и о какомъ-то баринѣ Евгениѣ Николаевичѣ Чурмилевѣ, который будто-бы былъ въ такой съ нимъ Ониской дружбѣ, что даже ѣздилъ самолично къ Царю просить не ссылать Ониску на поселенье. Миронъ слушалъ Ониску съ разинутымъ ртомъ и даже чувствовалъ какое-то благоговѣніе къ нему, особенно послѣ того, когда Ониска торжественно заявилъ ему, «что ему стоитъ только отписать Евгению Микаланчу, такъ тотъ сейчасъ пришлетъ ему тысячу рублей на домообзаводство!» Но дни шли за днями, а Ониска и не думалъ писать благодарительному барону о присылкѣ тысячи рублей. Онъ не думалъ даже о выборѣ для себя ремесла для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, о домообзаводствѣ онъ тоже не помышлялъ, а поселился просто на просто въ избѣ Мирона, говоря, «что ему мѣста-то не много надоть, что онъ болѣе съ ружейцомъ въ лѣсу будетъ мыкаться!» Прошло уже болѣе мѣсяца со времени его пріхода, а всѣ занятія Ониски заключались только въ томъ, что забравшись съ утра на печь онъ спалъ, пока къ ночи не появлялись изъ лѣса Миронъ и Марковна. Тогда онъ просыпался, проворно слѣзалъ съ печи и помогалъ Марковнѣ растапливать ее и представлять горшокъ съ какимъ нибудь варевомъ, если было чего варить и, пообѣдавъ и вмѣстѣ поужинавъ, снова пускался въ свои безконечные разказы.

— Не путевая ты погудка!» рѣзко отвѣтилъ ему однажды старикъ Нефедь, который долго молчалъ, присматриваясь къ Онискѣ, и слушая его разказы, только кряхтѣлъ да сердито хмурилъ брови «Спать ты сюда пришолъ да сказки свазывать, штоль? сурово спросилъ онъ.

— Што-жъ, старичекъ, всему часъ да время. Обожди, и мы покажемъ себя! хвастливо отвѣтилъ ему Ониска.

— Показался, ужъ нечего, со всѣхъ сторонъ оглядѣли! Экая дѣтина, въ косую сажень не уложишь, не пріурочиться

къ дѣлу, чужой хлѣбъ только ѣсть, да со сна пухнетъ а? Вѣдь здѣсь братъ хлѣбъ-то куплень, жуи да оглядывайся, а ты полагаемъ на батраковъ напалъ, даромъ робить на тебя стануть! говорилъ съ непривычнымъ оживленіемъ Нефедь.

— Старичекъ, а-ахъ Боже мой, хлѣбомъ-то укорилъ! конфузиво произпесъ Ониска, укоризненно покачавъ головой.

— А что-же, глядѣть на тебя, да радоваться, какъ ты жи-рѣешь а?

— Не ожида а-ахъ... Ахъ старичекъ старичекъ, да дай оглядѣться, со сторицей вознагражу.

— Чѣмъ?

— Дай ты мнѣ только ружейцо, такъ птицы этой я тебѣ набью песосвѣтнующую силу...

— Палить-то умѣешь-ли, скажи на перво? насмѣшливо спросилъ Нефедь.

— Я-то? ластку въ леть ударю, хопъ... ты звашь разъ я съ Евденіемъ Миколаичемъ вотъ такъ-то слово за слово межъ нами зашло...

Но старикъ Нефедь, не дослушавъ его, молча съ сердцемъ плюнулъ и, нахмурившись, вышелъ изъ избы, сердито хлопнувъ дверью. Старика давно уже возмущала лѣнь Ониска, ложь и хвастовство его на каждомъ шагу, но онъ все еще крѣпился и молчалъ выжидая, что будетъ, но видя, что Миронъ, не зная покоя, и день и ночь убивался на работѣ, чтобы приобрѣсти тѣ жалкіе гроши, которые почти всѣцѣло шли на хлѣбъ, видя, какъ, уставшій, онъ возвращался съ женой изъ лѣса и дома снова принимался за какую нибудь работу, а Ониска, проспавши весь день на печь, спокойно садился на завалинку у избы и впадалъ въ созерцательное раздумье, любуясь на синѣющей вдали лѣсъ и на спокойную поверхность озера заросшаго по берегамъ осокой, старикъ не выдержалъ, и, зная добродушіе Мирона, у котораго никогда-бы не хватило духу попрекнуть своего жильца кускомъ хлѣба, которымъ онъ радушно дѣлился съ нимъ, Нефедь вступился за него и съ обычной суровостью началъ преслѣдовать своимъ козлпми на-

смѣшками «не путевую погудку». Со свойственной ему проницательностью старикъ скоро опредѣлилъ, въ какому сорту людей принадлежалъ Ониска. Это былъ въ сущности добродушный человѣкъ, не глупый отъ природы, одаренный богатою фантазіей и въ тоже время крайне безхарактерный, лгавшій и хваставшій на каждомъ шагу, и лгавшій безъ всякой цѣли, не отдавая себѣ даже отчета, для чего и зачѣмъ онъ лжетъ, и болѣе вредившій себѣ, чѣмъ выигрывавшій своимъ хвастовствомъ и ложью. Не заикнись старикъ Нефедъ о дармождествѣ Ониски, Ониска прожилъ-бы годы, мечтая о ружейцѣ и наслаждаясь красотами и тишиною окружающей его пустыни, и ни разу не вспомнилъ-бы, что надо-же, что нибудь и дѣлать, что хлѣбъ, который онъ ѣсть, достается людямъ, у которыхъ поселился онъ, слишкомъ упорнымъ трудомъ. Но едва ему надпомнили объ этомъ, и Ониска точно очнулся отъ своей созерцательной дремоты, засовѣстился, заскучалъ и даже, какъ показалось Марковнѣ, всплакнулъ. Утромъ на слѣдующій день онъ проснулся ранѣе всѣхъ и, наносивъ изъ озера воды, объявилъ, что идетъ въ городъ, и не принявъ даже предложеннаго ему Марковной хлѣба, не простившись съ Нефедомъ, пустился въ путь и болѣе двухъ недѣль не показывался въ Починкѣ. Поджигаемая любопытствомъ Марковна пересмотрѣла оставленный Онискою мѣшокъ, по всѣ пожитки Ониски заключались въ одной рубахѣ арестантскаго образца, въ сапогахъ съ протоптанными подошвами, въ порывѣвшемъ отъ времени кожанномъ голенищѣ отъ сапога, да въ нѣсколькихъ узелкахъ, въ которыхъ завязаны были заржавѣвшіе ружейные замки, отвертка, винтики, куски свинца, кремни, дробь и т. п.

— Не замай, не ладно это; пошто чужое безъ спросу шевелишь, рази можно этакъ-то! остановилъ ее Миронъ, неожиданно вошедшій въ это время въ избу. Скопфуженная Марковна завязала мѣшокъ и ей уже не привелось болѣе подробно осмотрѣть инвентарь Ониски, такъ какъ Миронъ заперъ мѣшокъ его въ чуланъ.

Появленіе Ониски изъ города было долго памятно обитателямъ починка. Миронъ въ этотъ день былъ дома; выкопавъ съ утра картофель съ грядъ и свозивъ на гривку сѣно, смѣнное въ кофны кой-гдѣ по лужкамъ, онъ конопатилъ и обривалъ варомъ лодку, собираясь отправиться на дняхъ въ городъ. Не смотря на то, что вечеръ былъ довольно свѣжій старикъ Нефедъ сидѣлъ около избы, занятый обычнымъ плетениемъ корзины; у ногъ его копошилась дочь Мирона Мафуска въ одной рубашонкѣ, едва доходившей до колѣнъ. Марковна мочила на берегу озера ленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мыла горшки и полоскала бѣлье, звонко вылапывая его валкомъ. Въ это время на гривкѣ, ярко облитой лучами заката, пающагося солнца, обрисовалась фигура Ониски. Завидѣвъ Мирона, онъ издали еще началъ кричать ему, махая рукою и восторженно поднимая надъ головой какой-то предметъ. Миронъ какъ стоялъ у лодки, опрокинутой вверхъ дномъ, съ мазиломъ для вара въ рукахъ, такъ и застылъ, глядя на фигуру Ониски. Даже старикъ Нефедъ, слышавъ голосъ Ониски, поднялъ голову и, защитивъ глаза ладонью отъ свѣта, съ любопытствомъ глядѣлъ на приближеніе его...

— Ружейцо-то, ружейцо! кричалъ Ониска, продолжая махать имъ въ воздухѣ надъ головой и быстро приближаясь къ нему, согнувшись подъ тяжестью мѣшка взваленнаго на плечи. Подойдя наконецъ къ избѣ Нефедъ, онъ свалилъ мѣшокъ съ плечъ, и обведя торжествующимъ взглядомъ подошедшаго къ нему Мирона, приподнял на головѣ свою баранью шапку и произнесъ обращаясь къ Нефеду: «Строгому стрелку наше нижайшее! Нутко-сь, огляди, одобришь-ли?» Хвастливо спросилъ онъ, подавая ему ружье.

Старикъ молча взялъ изъ рукъ его дробовикъ Тульскаго работъ, вправленный въ грубо обдѣланную ложу, и повертѣлъ его въ рукахъ, молча подавъ ему...

— Рубъ съ четвертью! произнесъ Ониска, любуясь имъ и бережно приставляя его къ углу избы. «А это што, а?» и горилъ, онъ снимая съ себя ремень, на которомъ висѣла и

венькая, хотя также весьма грубой работы, винтовка «Это братъ ве-е-ещь! Это, милый старпчекъ, не поха-а-ай...» говорилъ, Ониска, подавая ему для осмотра винтовку. Ужь какъ бился съ купцомъ-то, грызтся былъ радъ. Ну, за три съ гривной вышибъ. Ну, парень! Купецъ-то сказалъ мнѣ: другому-бы я этого ружья и понюхать не далъ, а ты, говоритъ, вижу, стрѣлецъ! Тебѣ, говоритъ, имъ и владѣть только, а ужъ какъ бился... и .. и... и... Ну што ты теперя скажешь мнѣ старичекъ а?..» спросилъ Ониска приставляя и винтовку, какъ дробовикъ къ стѣнѣ избы.

— Чего сказать-то?.. спросилъ старикъ.

— Исправенъ я, аль нѣтъ?

— Поглядимъ.

— Э... э... то... то!.. Нѣтъ ты вотъ чего скажи мнѣ милый да похвали-и... Нонѣ и мы со своимъ хлѣбомъ да-а-а!.. Ты мнѣ какую науку-то задалъ знашь-ли а?..» говорилъ онъ, впадая въ лиризмъ. «Въ жизнь не забуду. Это штобъ Ониска съ чужаго хлѣба пухнулъ, а?.. Нѣтъ, старичекъ, такъ ты не мочи думать обо мнѣ. Во-онъ мѣшокъ-то видишь?» говорилъ онъ, показывая на принесенный имъ мѣшокъ съ мукой «два пуда! ну што теперь, какъ ты полагаешь обо мнѣ?

— Чего-же полагать-то?.. съ проніей спросилъ Нефедъ.

— А на счетъ эфтаго ты какихъ понятій будешь? снова заговорилъ Ониска вынувъ изъ оттопырившейся пазухи запуна завернутый въ картузную бумагу, новый стальной ножъ, съ красиво-отполированной ручкой. «Это какъ по твоему, вещь, аль нѣтъ а?..

— Вещь.

— Для чего бы она намъ занадобилась, объясните?

— А Богъ тебя знаетъ, на што, мнѣ-то почемъ знать?

— То-то, на што?.. А энто мы такъ полагаемъ, што приобрѣли его для Божьяго старичка Нефедя Максимича, кабы значить на поминъ объ Онисимѣ примаете-ль?.. спросилъ онъ, перекачнувшись на бокъ и прищурившись, при чемъ

брови его судорожно запрыгали, придавая выражению лица его крайне комичный видъ.

— Ты што это парень щедришься-то изъ какихъ доходов?.. удивленно спросилъ его Нефедъ.

— Отвѣйте одно намъ, примаете-ль, а касательно доходовъ особый сказъ.

— Спасибо, благодарю покорно, произнесъ старикъ Нефедъ, оглядывая ножъ съ легкой краской, разлившейся по лицу его. «Оно-бы, такъ сказать, совсѣмъ-бы не для чего расходоваться-то на меня, ну, да куплено, такъ не назадъ нести; Богъ дастъ, заслужимъ.

— Э-эхъ, старичекъ, старичекъ. Я теперича такъ полагаю, милый, што ты за мѣсто отца мнѣ будто, ей Богу!

— О-о!.. Съ конхъ это поръ въ отцы-то попалъ?..

— Отецъ, одно слово знай!.. А—ахъ!.. што я, милый, кто? скажи ты мнѣ, впадая въ восторженный тонъ, говорилъ Ониска. «Тычинка въ полѣ! Ни кругомъ меня, ни около нѣтъ, сирота... А ты теперича страннаго человѣка призрѣлъ, неуклонился; а хоша и укорилъ хлѣбомъ, то завсегда скажу, покорнѣйше благодарю...

— О-о!..

— Никающе благодарю, прервалъ его Ониска, кланаясь. И пошли тебѣ, Господи, за твою науку! Ты не полагай, што я безъ понятій человѣкъ, нѣтъ... я... человѣкъ... Э... эхъ... да што тутъ...» произнесъ онъ, махнувъ рукой, и отвернувшись, неожиданно крикнулъ: «Миро-шка!» и съ такою силою хлопнулъ по плечу стоявшаго около него Мирона, что тотъ покачнулся. «Заживемъ мы теперича: ружейцо на плечи... п... и... и... поминай какъ звали! Марфушка, бѣги сюда, сучья дочь!» крикнулъ онъ снова, запустивъ руку за пазуху и доставъ оттуда глиняную свистульку въ формѣ уточки, пронзительно засвистѣлъ въ нее. Марфушка, толстый неуклюжий ребенокъ, съ бѣлыми, какъ лень, волосами, спускавшимися прядями на плечи ея, переваливаясь съ ноги на ногу подошла къ нему. Схвативъ ее на руки, Ониска поднялъ ее выше головы.

покачавъ ее въ воздухѣ, бережно опустилъ на землю, и весь сія радостною улыбкою, подаль ей свистульку. Глядя на эту сцену, Миронъ добродушно улыбался, даже обычное суровое выраженіе въ лицѣ Нефеда исчезло, и что-то мягкое, ласкающее отразилось въ старческихъ чертахъ его, когда, обхвативъ уточку обѣими руками, Мароушка свиснула въ нее и радостная побѣжала къ матери на берегъ озера казать ей невиданную ею игрушку.

— Куда ты, сучья дочь, сто-о-ой! Во-о-оть я уже тебя!.. По-одай мнѣ игрушку!.. кричалъ Ониска, топая ногами на одномъ мѣстѣ, показывая видъ, что бѣжитъ за ней. Но Мароушка, переваливаясь, какъ кубарь, бѣжала, не оглядываясь, подъ горку, сопровождаемая дружнымъ смѣхомъ взрослыхъ обитателей починка.

Съ самаго основанія починка въ немъ не было такого веселаго, одушевленнаго вечера. Всѣ были довольны, а болѣе всѣхъ Ониска, сознававшій, что онъ одинъ виновникъ общаго довольства. Марковна суетилась около печки, въ которой пылалъ теперь яркій огонь и стоялъ чугунокъ, гдѣ кипѣла уже уха со щукой, купленной Онисимомъ по дорогѣ. Дешевенькая шаль пестрѣвшая самыми яркими узорами, какую принесъ Онисимъ въ подарокъ Марковнѣ, до того взволновала бѣдную женщину, не привыкшую къ обновамъ, что она совершенно растерялась; на блѣдномъ, покрытомъ веснушками лицѣ ея, выступилъ яркій румянецъ и, держа шаль въ рукахъ, она безсвязно бормотала «да што вы это, занапрасно... зачѣмъ утруждаетесь-то, пошто...

— Оекля Марковна, по-озвольте, предоставте это намъ. Теперича я такъ въ своемъ сумлѣніи полагаю, што Миронъ Акимычъ, што вы, кабы ближающіе сродственники мнѣ, говорилъ все тѣмъ-же восторженнымъ голосомъ Ониска; намъ эта вещь—тѣфу...все единственно... по какъ значить по душѣ... отъ сердца... владѣйте... и будьте безъ сумлѣнія...

— Бери-и... вишь царень-то какъ убивается, произнесъ Миронъ, на глазахъ котораго навернулись слезы.

— Прймайте-сь!

— Ужъ будто того... дай вамъ Богъ... занапрасно-бы ровно, бормотала растерявшаяся Марковна.

— И языка не треплите.. штобъ это вамъ... Оеклѣ Марковнѣ... за ваше неоставленье... да съ пустыми-бы руками... да ра-азрази меня, да нѣшто я скоть безчувственный: позвольте васъ спросить, подперевъ руки въ бока говорилъ Ониска.

— Пошто вы слова-то экія... да мы завсегда... прервала его Марковна.

— Отвѣтите, при какомъ мы качествѣ? наставлялъ Ониска: долженъ я понимать, аль нѣтъ, што пивши, ѣвши, и не утруждаться-бъ! Покорнѣйше васъ прошу за ваше какъ стало быть неоставленье, и Ониска, быстро опустившись на колѣни, поклонился Марковнѣ въ ноги.

— Онисямъ Егорычъ, да штой-то Господи!.. крикнула Марковна поднимая его.

— Зе-е-мно-сь...

— Штой-то мать Пресвятая... пошто въ ноги-то...

— У насъ можетъ сердце теперича сгнило, Оекла Марковна, глядя какъ вы, стало быть, при женскихъ качествахъ съ утра и до ночи теперича безъ положенья. О-о Господи, и это не утруждаться-бъ!.. говорилъ Ониска, поднимаясь съ полу и колотя себя кулакомъ въ грудь. «Да што-жь это докелева-жь, Миронъ Акимычъ а?.. Свойственникъ!.. кринулъ онъ, обвиняя его:—свойственникъ ты, аль нѣтъ?..

— Одна будто доля-то?.. отвѣтилъ тотъ.

— Дру-угъ!.. По лишеніи говорить всѣхъ правъ состоянія сослать на поселеніе въ Тобольскую Сибирь, а?.. Нѣшто это не доля, а?.. И теперича, какъ значитъ пивши, ѣвши съ приходу и не утруждаться-бъ а?.. Сто—ой, а ты думаешь тебя-то я забылъ Мирошка а-а?..

— Мы и то ужъ много довольны тобой!.. конфузливо отвѣтилъ Миронъ.

— Сто-о-ой!.. Какъ ты полагаешь, обрадую, аль нѣтъ а?..

— Богъ тѣ знаетъ!

— Говори...

— Чу-удной!.. да почему мнѣ знать, чего у тебя на умѣ-то?

— И то ужъ милостей-то отъ тебя, Онисимъ Егорычъ, слава тѣ Господи, не по заслугамъ-бы, и совѣсть-бы ужъ надо знать! вступилась Марковна, вытягивая вмѣсто ухвата руками обмотанными лнкомъ чугунокъ изъ печи, въ которомъ уже ключемъ вилѣла уха». Народу-то ужъ не мало перебивало у насъ, а экого-то награжденья, какъ отъ тебя, еще въ первый видимъ!..

— Забава-ль?.. весело спросилъ Ониска, вынимая изъ кармана своихъ холщевыхъ шароваръ полуштофъ съ водкой и ставя его на столъ.

— А-ахъ ха-ха а... Ну это пожалуй што забава! точно проснувшись отъ своей обычной апатии, съ хохотомъ отвѣтилъ Миронъ. Ахъ ты грѣхотворникъ а?.. Полуштофа! Ну, это забава! Ужо, старикъ-то увидить, забодаетъ тебя!

— Роговъ-то нѣ-ѣтъ.

— Онъ языкомъ-то братъ крѣпче рога буравить. Ну, это пожалуй што забава! Глянь-ко, Марковна.

— Одобряете-ли, Оекла Марковна? спросилъ и Ониска.

Но Оекла Марковна только мелькомъ взглянула на полуштофъ. Уха брызгала изъ чугунка черезъ край, и она, поспѣшно снявъ съ полочки, привѣшенной надъ окномъ около печки, большую деревянную чашку, стала вынимать изъ чугунка нарѣзанную крупными кусками рыбу. Разостлавъ на столѣ синюю скатертку, она поставила на столъ чашку съ рыбой, достала съ полки солонку, ложки, пару луковницъ. Въ это время въ избу вошелъ Нефедъ, ведя за руку Марфушку.

— Старичекъ, восторженно крикнулъ увидя его Ониска, успѣвшій уже раскупорить полуштофъ и пропустить съ Мирономъ по чайной чашечкѣ драгоценной влаги. Милый, къ нашему столу съ своей чашечкой!

Старикъ молча прищурившись посмотрѣлъ на полуштофъ, и покраивая, сѣлъ на лавку около печки.

— Покорнѣйше прошу, Нефедъ Максимычъ, ува-ажъ, проглони, наполнивъ чашку виномъ и подходя къ нему, упрашивалъ Онисимъ.

— Не пью! отводя чашку рукой, отозвался Нефедъ.

— Отецъ, хошь малость-то! а-ахъ Боже мой, неужъ разорветъ тебя?.. Ну съ радости-то пригубь.

— Съ какой радости-то? спросилъ его старикъ.

— Съ обзаведеніемъ проздравь, съ хозяйствомъ. Неужъ съ капли-то душу погубишь? Старичекъ, кто мы?.. Ссылно-поселенцы, стало быть, кабы лишены всѣхъ правъ состоянія. Но ежели мы въ союзѣ, любовно, стало, какъ сродственники, живемъ, то неужъ намъ не пить а?.. Рази энтаго права лишали насъ а? Милый, ува-а-ажъ, опростай чашечку-то? упрашивалъ Ониска, наступая на старика съ чашкой въ рукахъ и не замѣчая, какъ вино плескалось изъ нея на полъ.

— Отшатнись ты, съ роду не пивалъ, да на старости пачкаться стану! рѣзко отвѣтилъ ему старикъ.

— Ахъ ты, не покладистый старецъ, а?.. Ну што мы есть? персть, брение, и ежели теперича не пить, то что-жъ въ жизни-то остается намъ, а? философствовалъ Ониска, стоя съ чашкою въ рукахъ. Фекла Марковна, уважьте по крайности. Ежели теперича Божій старецъ препону намъ ставитъ, то неужъ и вы? благородно-ли это?

— Выпей, Фекла, што-жъ! вишь мужикъ-то какъ убивается, произнесъ Миронъ.

— Ну васъ! откачитесь вы съ виномъ-то. Хлѣбайте лучше уху, а то простынетъ. Садись-ка, Онисимъ Егорычъ, а то съ дороги-то не ѣлъ ишо! говорила она, нарѣзывая большими ломтями хлѣбъ и раскладывая на столъ деревянныя ложки съ сильно-обхлебанными краями.

— Не фартитъ намъ, Миронъ, компанія-то не подходитъ, а? произнесъ Ониска, опорожнивъ чашку, и сплюнувъ на

сторону и отеревъ ротъ рукавомъ рубахи, онъ сѣлъ на лавку къ столу.

Марковна зажгла въ это время лучину и воткнула ее въ свѣтецъ въ стѣнѣ, и затѣмъ въ тѣсной избѣ Мирона, половина которой была занята большой русской печью и полатами, насланными довольно низко подъ потолкомъ, слышалось только звучное чмоканье губъ при обсасываніи рыбныхъ костей, да ухлебываніе ухи, густо приправленной лукомъ. Закусивъ послѣ ухи варенымъ картофелемъ и выхлебавъ чашку молока, трапезующіе молча поднялись изъ-за стола, помолились на передній уголъ и, поблагодаривъ другъ друга за хлѣбъ за соль, усѣлись на лавку. Огъ жаркопатоленной печи въ избѣ было невыносимо душно. Марковна, убравъ посуду со стола, распахнула дверь, изъ которой пахло свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, и Онисимъ, набивъ трубку табакомъ, закурилъ ее и вышелъ на улицу.

На синемъ безоблачномъ небѣ давно возшла луна, и яркая полоса свѣта отъ нея столбомъ протянулась по спокойной поверхности озера, примыкавшаго къ гривкѣ. Синей, дымчатой каймой тянулась на горизонтѣ сплошная стѣна лѣсовъ. Въ воздухѣ было тихо и холодно, и среди этой невозмутимой тишины отчетливо слышалось, точно какъ подавляемый говоръ вдали, журчаніе Суклемы, выпадавшей изъ озера. Порою, издалека откуда-то, доносились отрывистое криканье дикой утки, крикъ совы или внезапно проносился надъ окрестностью тяжелый, удушливый стонъ выпа, гулко отдававшійся въ безмолвіи ночи. Тянувшаяся за гривкою болотная низина постепенно закутывалась въ густое, бѣлое покрывало, волнообразно растилавшагося надъ нею пара и точно какъ будто оторванныя ключья его, цѣпляясь за кусты ивыяка, облитыя луннымъ свѣтомъ, носились, какъ серебряныя, нити надъ сплошною матовою массой тумана. Старикъ Нефедъ, выйдя изъ избы вслѣдъ за Ониской, остановился, какъ очарованный и долго молча смотрѣлъ на зеркальную поверхность озера, тонувшаго въ чуть замѣтной дымчатой рамѣ лѣсовъ,

окружавшихъ его и на низину, окутанную волнистымъ туманомъ.

— Ну, Нефедъ Максимычъ, теперича вы только и дѣли насъ, прощайте-съ! произнесъ Ониска, присаживаясь плетню, обносившему избу Мирона, съ котораго свѣшивая внизъ густыя тонкія нити хмѣля, усѣянные желтѣвшими шишками.

— Куда-жь ты? спросилъ, не оглянувшись на него рикъ.

— Въ лѣса, подрядъ исполнять. Теперича намъ ты колея, милый старичекъ, выпала, што даже самому у ленья: фартуна какъ есть фартуна! Ты вотъ корзины плелъ, а мы съ исправникомъ обзнакомились и даже о подробный разговоръ имѣли.

— Ты? спросилъ старикъ, обернувшись къ нему.

— Мы-съ! Ониска Боровикъ! выпустивъ густую струю дыма и сплюнувъ на сторону хвастливо отвѣтилъ онъ. И ежели говоритъ теперича, исправникъ-то сказалъ мнѣ, ты въ ратѣ мнѣ птицу предоставишь, то въ первѣющіе говорю стрѣльцы произведу тебя! Слыхалъ, а? Какъ вы насчетъ это полагаете, Миронъ Акмычъ? обратился Ониска къ подошедшему въ это время Мирону, который, подбросивъ боровикъ лошади сѣна на ночь, подошелъ тоже къ нимъ. «Э, Ониска Боровикъ ншо покажетъ себя! ужъ съ молоду бѣдалъ, подъ старость вдвое! Старичекъ, знашь-ли, чего я съ тебѣ? снова спросилъ онъ Нефеду, молча сидѣвшаго, рядомъ съ нимъ.

— Чего?

— Вѣдь я подрядъ взялъ къ княгинѣ Евпраксѣ двѣ штуки рябковъ набить, аль не фартуна, а? И какъ вѣдь внезапно произошло все, даже ума затмѣніе. Пошолъ это с лева я въ волость, други», началъ Ониска, выколавывая куренную трубку и неторопливо завязывая ее въ кисетъ табакомъ.— «Ну, и говорю писарю: такъ и такъ, молъ, жель ты только-бы намъ, говорю, способе получить, потому какъ

моль по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сосланы въ Тобольскую Сибирь и намѣрены теперича хозяйствомъ обзавестись, ружейцо купить, такъ очень, моль, по деньгамъ скучаемъ. «Женать ты?» писарь-то спрашиваетъ меня.—Холость, говорю. «Боли холость, такъ способья, говорятъ, не полагается; женись на перво, тогда, говоритъ, съ полнымъ удовольствіемъ пятнадцать рублей изъ поселенческаго капитала на домообзаводъ благословимъ!» Ахъ ты! Не задача-ль? Женись, штобъ пятнадцать рублей способья получить, а? Это што-жь, говорю, неужь въ законѣ такъ и писано?—Въ законѣ, говорятъ. Ну и зако-о-онъ! А ежели, говорю, мы жениться не намѣрены, такъ тогда какъ? А ежели, говорю, намъ ѣсть нечего, какъ чужестранному человѣку, такъ въ эфтомъ случаѣ, что?.. умреть?.. спрашиваю его.—«А боли охота, говоритъ, есть,—не воспрещается». Ну и зако-онъ, думаю,—соплютъ человѣка, и живи чѣмъ хошь! Подумаль это я, други мои, поскучаль маленько, да не будь слышь простъ, и махни въ городъ. Тридцать версть не путина. Пришелъ и спрашиваю: Гдѣ тутъ исправникъ живеть? «Эвона!» говорятъ и указываютъ мнѣ на домину, што взглянуть боязно, и войти-то страсть. Ну насмѣлился. Доложите, говорю, ихъ высокородію, што ссыльно-поселепецъ. Описимъ Боровикъ, съ низающею просьбой. Допустили. Прихожу, братаецъ ты мой, да гдѣ-бы ино дѣло обробѣть, а я это пощупаль зубы свои, перекрестился и столь-то энтой храбрости напустиль на себя, што даже духъ спирать стало! Вышелъ это исправникъ ко мнѣ; вижу старичекъ ужъ изъ себя, поперегъ это шире, но не очень штобы страшень. «Что, говоритъ, тебѣ надоть, братаецъ?» «Явите, говорю, вашескородіе, Божескую милость, не попустите чужестранному человѣку лютою смертью животъ предать» и бухъ ему въ ноги, а самъ гляжу изъ подъ тиха, чего будетъ. Смякъ онъ это, такъ-бы ровно затуманился и спрашивастъ: «што тебѣ надо?»—«Такъ и такъ, говорю, вашескородіе, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія присланы мы въ Тобольскую Сибирь на поселенье, и пришедши, теперича не имѣемъ никакого

пропитанія. Соблаговолите говорю нижающе оказать намъ д
 нежное способе?»—«Ты женать? спрашиваетъ».—«Въ одиноч
 ствѣ», отвѣчаю. — «Положенья, говоритъ, вѣтъ одинокому сп
 собе выдавать, женись!» «Карахтеръ, говорю, не попускаетъ
 вашскородѣ, бракъ принять, потому, говорю, што-жъ, ба
 не ружейцо, на плечи не вскинешъ, да въ лѣсъ не пойдешъ
 Явите, говорю, Божескую милость, окажите способе безъ
 пружескаго вѣнца; теперича, говорю, по экому-бы времени
 при нашихъ способностяхъ, намъ бы слѣдовало по лѣса
 ходить, птицу промыслять и имѣть оіъ оныхъ дѣлъ прог
 таніе, а мы, говорю, по скудости лишены средствъ и ружей
 приобрѣсти и порошку!»—«Ты, говоритъ, рази охотникъ?»
 «Стрѣлецъ, говорю, вашскородіе; ластку въ лѣтъ бьемъ.
 измальства приспособлены!»—«А не врешъ, говоритъ?» «Осм
 люсь-ли, говорю, предъ вашскородіемъ языкомъ блудить. Вѣ
 вы, говорю, теперича власть, сила, а мы штожъ, по лишен
 всѣхъ правъ въ ничтожество обращены!» Подумалъ онъ э
 подумалъ, милый ты мой, поглядѣлъ такъ на меня, да
 спрашиваетъ съизнова: «Такъ ты, говоритъ, точно охотникъ?»
 «Стрѣлецъ, говорю, вашскородѣ, вѣрте Господу Богу, ласт
 въ лѣтъ изо подъ небесья вышебемъ!» — «Хорошо. Мнѣ, го
 рить, экаго-то и надоть. Ладно, што пришелъ! Дамъ, говори
 я тебѣ десять рублей изъ своего будто кошта; купи, говори
 ты себѣ ружейцо, а пороху я возьму для тебя. И ежели, г
 ворить, ты мнѣ къ княгинѣ Евпраксѣе, што шестнадцата
 октября чтится, доставишь двѣсти штукъ рябковъ, взыщу те
 милостью, въ первѣющіе стрѣльцы произведу. Ну, а еже
 говоритъ, кольми паче въ обманъ вдаришься, спущу, говори
 тебѣ шкуру съ головы до пятъ. Понялъ?»—«Какъ, гово
 не понять, вашскородѣ, операція чувствительная!» «Ручаешь
 ли?» говоритъ. «Головой и тѣломъ, говорю, вашескородѣ; и
 вашу теперича, говорю, милость пошли вамъ, Царица Неб
 ная!» Ушелъ это онъ, други мои, въ апартаменты, выноси
 оттъль бумагу и счасъ-же, значитъ, при этой самой бума
 препроводили меня въ волость съ сотникомъ: «Дескать точи

ли я Ониска Боровикъ, то самое лицо, коимъ себя именую и имѣть сторожающее наблюденіе, какими качествами займуся впредь!» Посулилъ это я, милые, писарю полштофъ поставить, подержали меня въ волости съ полсутокъ время и съизнова съ тѣмъ-же сотникомъ въ городъ отправили, прямо къ исправнику. Привезли. Подалъ ему это сотникъ бумагу, што писарь отписалъ. Прочиталъ онъ, и прочитавши, даетъ мнѣ десять рублей. Я съизнова ему въ ноги. Слуга, говорю, вашей милости по гробъ жизни!» — «Ну, ну, говорить, посмотримъ! посмѣивается. Подъ, говорить, уже на куфню, подожди, пока пороху принесутъ!» Я его въ ручку тѣмъ время. «Взыщи говорю васъ, Царьца Небесная!» ничего. Ну, ушоль. Вотъ, милый, на куфнѣ-то мнѣ и говорятъ, што въ Евпраксѣевъ-то день барыня мяннивица, и гостей дѣ будетъ видимо не види мо вся губервія и што дѣ баринъ вездѣ заказалъ по деревнямъ-то и телятъ молокомъ отпаивать, и рыбы въ рѣкахъ паловить, и поросятъ да птицы набить къ поднебесья. Ладно, што къ случаю ты попалъ, говорятъ мнѣ, а лють говорить драть, дереть такъ, што паръ идетъ. Ничего, мы, говорю, ластку въ леть бьемъ, не привыкать. Ужъ какъ порошок-то мнѣ выдали, милый сторичокъ, такъ ровно слышь крылья у меня на лопаткахъ-то выросли. Теперь, говорю, ищите Ониску, уйдетъ онъ въ лѣса, и то ись... а ахъ ты мать Пресвятая!.. Ну што скажешь, не задача-ль? подбоченившись, спросилъ онъ, обеда восторженнымъ взглядомъ своихъ слушателей...

— Набьешь-ли, смотри? съ сомнѣньемъ въ голосѣ отозвался старикъ Нефедъ.

— Отпшлифуюмъ, Нефедъ Максимовичъ!. хе, хе... Ты спроси, посколь мы бывало, съ Евденіемъ Миколаичемъ птицы-то набивали, а? На тыщи! А это што, тьфу! я тѣ сотню-то за одинъ запалъ изъ поднебесья спущу.

— О-о!

— Што хощь! Я экъ-то одна пальнулъ, такъ ужъ на што у насъ въ губерніи охотникъ былъ Федотъ... чей, бишь онъ уже... Енерала Бафметева, стрѣлецъ онъ былъ первью-

щій по губерніи, такъ и тотъ мнѣ знашь чего сказалъ, видя экую диковину?

— Чего-жь?.. спросилъ старикъ.

— Плюнулъ!

— Въ тебя, што ль?..

— «Ну, пропади, говоритъ, ты, нечистая сила!» А ужъ стрѣлецъ то былъ первѣющій! Бафметевъ то еeneralъ царю его не отдалъ, а ужъ какъ, связываютъ, царь то наступалъ, деревню въ тыщу душъ за экаго то стрѣльца дарилъ, фить-маршаломъ сулилъ,—енерала то сдѣлать—не отдалъ, потому, говоритъ, ежели я этого стрѣльца отдамъ, то безъ пропитанія останусь. Ты вотъ знашь ли, какъ мы бывало съ Евденіемъ то Миколаичемъ баловались, а?..». Ино время муха ему на голову сядетъ, онъ и кричитъ: «Ониска!»—Ой! говорю.—Вишь, говоритъ, на головѣ у меня муха сидитъ?». «Вижу!»—«Сшиби!» говоритъ. Плюнешь это только бывало на ладонь, нацѣлишь ружейцо и поминай, какъ звали!..

— Сшибалъ?

— Зажмуришь глаза.

— Ну, и диво, покачавъ головой, отозвался Нефедь.

— Э, то ли испо я тѣ поскажу! Мы экъ-то разъ съ нимъ на медвѣдя нахлынули, началъ было Ониска, входя въ экстазъ.

Но старикъ молча поднялся съ завалины, плюнулъ и пошелъ къ своей избѣ, но до слуха его долго долеталъ еще говоръ Ониски и съ пафосомъ произносимыя слова: «пальнулъ» «тыщу» и т. п., слыша второя, старикъ только покачивалъ головой. На другой день, проснувшись еще до восхода солнца, Нефедь вышелъ изъ избы и первый предметъ, попавшійся ему на глаза, былъ Ониска. Сидя на завалинѣ у избы Мирона, онъ разбиралъ по частямъ купленный имъ дробовикъ; винтовка стояла прислоненная къ углу избы. Кругомъ Ониски на завалинѣ былъ разложенъ цѣлый арсеналъ ружейныхъ принадлежностей; тутъ были заржавѣвшіе ружейные замки, отвертки и различныхъ формъ винтики. Ониска повидимому до того былъ поглощенъ своимъ занятіемъ, что не замѣтилъ старика,

молча подошедшаго къ нему и наблюдавшаго за нимъ. Изъ горшка, замѣнявшаго трубу на избѣ Мирона, валилъ уже густой дымъ. Въ стайкѣ, сдѣланной изъ плетня и обмазанной глиной, слышалось мѣрное цѣженіе молока въ подойникъ: «Стои, благословенная, стои матушка!.. О-о-о!.. штобъ тебя... стои же говорить!» кричала время отъ времени Марковна на корову, не стоявшую на мѣстѣ. На берегу озера Миронъ давно уже развелъ большой костеръ, разогрѣвая варъ въ котлѣ, и густой бѣлый дымъ столбомъ поднимался вверхъ въ безоблачную лазурь неба.

Утро было свѣжее, ясное. На гривкѣ и на низинѣ тонкимъ слоемъ лежалъ иней, сверкавшій мириадами искръ, когда по немъ брызнули первые косвенные лучи взошедшаго солнца. Озеро лежало неподвижное, какъ зеркало въ своей зеленѣющей рамѣ и только дальніе берега его и опушка лѣса тонули въ бѣловатомъ туманѣ, постепенно поднимавшемся вверхъ и безслѣдно таявшемъ въ воздушномъ пространствѣ. Взошедшее солнце ярко освѣтило теперь сплошную темную массу лѣса, запестрѣвшаго тѣми радужными переливами осеннихъ красокъ, какія придаютъ такую причудливую прелесть осеннему пейзажу.

Поплескавъ на лицо и руки воды изъ деревяннаго самодѣльнаго ковша, старикъ Нефедъ ушелъ за свою избу и чинно, неторопливо крестясь, низко кланялся на востокъ. Кончивъ молитву, онъ поклонился на всѣ четыре стороны и затѣмъ принялся за свою обычную работу. Всѣ движенія и дѣйствія его имѣли тотъ степенный, обдуманый характеръ, свойственный не столько лѣтамъ, сколько правиламъ, выработавшимся въ теченіи долгой, строго уже опредѣлившейся жизни и цѣлей ея. Старикъ, казалось, отдавалъ строгій отчетъ себѣ не только въ каждомъ словѣ и поступкѣ, но даже въ движеніяхъ. Про него знали, что онъ попалъ въ Сибирь на поселеніе за сопротивленіе полицейскимъ властямъ, но въ чемъ заключалось это сопротивленіе и по какому поводу возникло оно, этого никто не зналъ, а самъ онъ не любилъ распространяться о своей жизни, но все-таки глядя на него никто не сказалъ бы, чтобы

онъ могъ совершить какой нибудь безправственный поступокъ, а если онъ и впалъ въ преступленіе, то по всей вѣроятности совершилъ его въ силу глубокаго убѣжденія, что иначе нельзя было поступить. Сидя на обрубкѣ у порога своей избы, старикъ доплеталъ неконченную съ вечера корзину, поглядывая по временамъ на Ониску, но Ониска, поглощенный своимъ занятіемъ, не замѣчалъ пытливыхъ взглядовъ старика. Во всей фигурѣ и приемахъ Ониски было много комичнаго, но все-таки занятіе его было повидимому по душѣ ему. Онъ приставлялъ отвинченный отъ ложи стволъ дробовика, то къ правому глазу, то къ лѣвому, наводя его на тотъ или другой предметъ. «Ужъ я тѣ, чорта, вобью, въ точку вобью-ю-ю!» громко произносилъ онъ каждый разъ послѣ подобнаго приема и съ удвоеннымъ рвеніемъ принимался что-то подпихивать внутри ствола, продувать его, прилаживать какія то гайки въ отвинченному замку и т. п. «А-а-а... ты думаешь, такъ я тѣ и повѣрилъ, нѣтъ сто-ой! я въ тебя вдую, карахтеръ то... ввинчу причаль то!» говорилъ онъ прицѣливаясь, и жмурия то тотъ, то другой глазъ. Вдуваніе характера и ввинчиванье причала Ониска продолжалъ до тѣхъ поръ, пока Марковна выгнала корову изъ стайки на низину, убралась съ молокомъ и позвала всѣхъ въ избу утратить.

— Нѣтъ, намъ не до ѣды! отозвался Ониска, когда его окружили подошедшіе на зовъ Марковны старикъ Нефедъ и Миронъ. Тоже мастера, говорю, пропзнесъ онъ, не глядя на своихъ слушателей:—ружья дѣлають, а я бы экихъ то мастеровъ въ три бы плети дулъ, пра-а-аво! Ружье, тоже коли поглядѣть, а гдѣ карахтеръ, а? строго спросилъ онъ, обратившись къ Нефеду.

— Не гоже развѣ въ фальбу то? съ удивленіемъ спросилъ его Миронъ.

— Карахтеру нѣтъ, выдержки. Ужъ я сичасъ, какъ только въ прицѣлъ взялъ, такъ ужъ вижу: сто-о-ой, не орудь. Настоящая то орудь въ точку бей, а не токма штобъ въ одно тѣ мѣсто Маваръ, въ друго—Улита.

— Чего-жь ты глядѣль, когда покупалъ то? спросилъ его въ свою очередь Нефедь.

— Нешто настоящій то охотникъ, стрѣлецъ то, дастъ тѣ вѣру въ покупную орудь, а? съ провѣей отозвался ему Ониска. Э-эхъ, старичекъ, старичекъ, всякое брать дѣло своего мастера ждеть, а вотъ какъ мы уже пригонимъ его къ своему причалу, принаровимъ къ нему нашъ карахтеръ, вотъ тѣ и будетъ ружейцо-о-о.

— Идите уже, время то недосужно, снова произнесла Марковна, отворивъ дверь избы и стоя на порогѣ.

— Подойдемъ, дай уже причалъ винтити! отозвался Ониска, роясь въ кучкѣ винтовъ и шурупчиковъ и только отыскавъ необходимый для него винтъ, онъ поплевалъ на руки, и обтеревъ ихъ о полу рубахи, вошелъ въ избу, гдѣ уже, сидя за столомъ, хлѣбали молоко изъ чашки старикъ Нефедь, Миронъ и Марковна, державшая на рукахъ Мареушку, протиравшую булаченками заспаные глаза свои.

Приданіе ружью характера и винтываніе въ него причала продолжалось почти цѣлый день; къ вечеру только, съ молчаливою торжественностью, собравъ ружье, Ониска задумчиво осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, не обращая внимая на старика Нефеду и Мирона, стоявшихъ около него. Мареушка цѣлый день не отходила отъ Ониски и, заложивъ ручки за спину, наблюдательно слѣдила за нимъ. «Ну-ко, Господи благослови!» произнесъ наконецъ Ониска, заряжая ружье, и медленно пошелъ къ озеру, сопровождаемый всѣми. Мареушка побѣжала даже въпереди его. Подойдя къ озеру, онъ остановился, прицѣлился въ густую стаю воронъ, бродившихъ по берегу и вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ, гулко прокатившійся по окрестности, и чуть-ли не первый еще выстрѣлъ въ этой дикой, дѣвственной пустынѣ. Мареушка, не ожидая такого дѣйствія отъ ружья, съ громкимъ плачемъ побѣжала отъ озера къ избѣ. Стая воронъ мирно бродившихъ всегда около озера, поднялась на воздухъ и съ громкимъ карканьемъ

кружила надъ озеромъ, слѣдя за пятью или шестью подругами, бившимися на берегу въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Долбануль-таки, а-ахъ...ха..ха-а! раздался вслѣдъ за выстрѣломъ громкій хохотъ Мирона, бросившагося подбирать бившихся воронъ.

— Ужъ теперя безъ промашки, братъ, только попыхивай знай! говорилъ Ониска, продувая стволь. «Ну съ начатымъ дѣломъ, старичекъ! обратился онъ къ Нефеду съ торжествующей улыбкой на лицѣ.

— Помогай Богъ! отвѣтилъ тотъ.

— Теперича и мы при ремеслѣ, говорилъ онъ, вертя въ рукахъ ружье. «Теперича закачусь въ лѣса, и не поминай насъ лухомъ!

Весь вечеръ Ониска былъ занятъ сборами къ охотѣ. Изъ стараго сапожнаго голенища онъ спилъ два мѣшка подъ порохъ и дробь, раздергивалъ паклю на нити, отбивалъ кремни и утромъ, обувшись въ хранившіяся у него стоптанные сапоги и обвѣсившись охотничьими принадлежностями, онъ степенно распрощался со всѣми и направился въ обходъ озера въ снѣвшій вдали лѣсъ. Ониска дѣйствительно сдержалъ свое слово, и съ этого дня, иногда на недѣлю, на двѣ, уходилъ въ лѣса и, возвращаясь домой, усталый, съ обильною добычей, восторженно описывалъ Мирону и Нефеду первобытная чаща лѣса, усѣянная непроходимыми зарослями и буреломами, болотами и озерами, кишѣвшими птицей. «Ну, и звѣрья-я, другъ!» говорилъ онъ каждый разъ, рассказывая про какія-нибудь диковинныя встрѣчи, то съ лосемъ, котораго онъ чуть было не поймалъ за рога, то съ волками. Такъ однажды онъ объявилъ, что наткнулся на медвѣжье логово: «Ужъ ходилъ, ходилъ я около него», говорилъ Ониска, «нѣтъ, чортъ, засѣлъ и не лезеть... хотѣлъ ужъ было самъ въ логово то къ нему лѣзть, да за уши его отгеть вытащить...

— Медвѣдя-то это? сумрачно прѣрвалъ его старикъ Нефедъ, вскося оглянувъ его.

— Его, анаемю.

— Ну онъ бы-тѣ показать, чей затылокъ вѣрнѣе! усмѣхнувшись, замѣтилъ ему старикъ.

— Медвѣдь-то-бы это? хвастливо переспросилъ Ониска.

— Медвѣдь-то!..

— Охъ, старичекъ, старичекъ!.. Да знаешь-ли ты, скажу тебѣ: однава мы также съ Евденіемъ Миколанчемъ на медвѣдь-то логово паткнулись, а?.. Ну также вотъ дразнили, дразнили его, апаѣему, выходи молъ, — нѣтъ, уперся тебѣ, какъ боровъ, и што хопъ, дѣлай съ нимъ. Вижу разсердился то мой Евденій Миколанчъ и говоритъ мнѣ: «Ониска, хошь то рублевъ заробить?» Сто рублевъ, говорю, деньги, подавай! «Лѣзь, говоритъ, къ нему въ логово, при его оттелъ, апаѣему, а уши!»

— Ты и полѣзь? прервалъ его старикъ.

— Полѣзь!.. Влѣзь это, братецъ, темно... духонъ тамъ у него, какъ въ банѣ. Вижу, только глаза горять, да урчить, — какъ песь. А я это, братецъ, вольнымъ духомъ, хватъ его за ши и попе-е-ерь...

— Медвѣдь-то? снова прервалъ его старикъ.

— Его самого. Рѣветъ только несъ лихимъ матомъ, а я го пружу-у изъ логова то, ажъ въ потъ меня въ тѣ поры удаило, ей Богу. Ну тутъ мы его и пришибли! Такъ мнѣ Евденій-то Миколанчъ опосля и говоритъ: «Ну, Ониска, бывали, говоритъ, на свѣтѣ стрѣльцы, а экаго какъ ты ишо и въ гаетѣ не нисано. Такъ его, братецъ, за уши и выперъ въ тѣ поры. Вотъ-тѣ и медвѣдь! хвастливо качнувъ головой, заключилъ Ониска.

Не смотря на подобное хвастовство и ложь, выслушивая которія Нефедъ молчалъ, упорно глядя въ землю, да изрѣдка побрякивая, въ обращеніи старика съ Ониской произошла все таки рѣзкая перемѣна. При всѣхъ недостаткахъ Ониски, у него была добрая и честная натура. Возвращаясь изъ города, дѣ онъ разносилъ по домамъ набитую имъ дичь, выручая за нее довольно порядочныя деньги, онъ всегда приносилъ домой куда два, три хлѣба, гостиницъ Марковнѣ и Марѣушкѣ, ко-

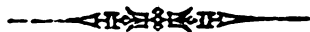
торая каждый разъ, завидѣвъ его фигуру на гривкѣ, радостно бѣжала на встрѣчу къ нему и возвращалась, уже сидя верхомъ на его шеѣ; кромѣ того, онъ каждый разъ радушно отдавалъ весь свой заработокъ на нужды Мирона, въ избѣ котораго онъ жилъ. Семейная жизнь обитателей починка протекавшая въ непрерывныхъ трудахъ, не нарушалась никакими невзгодами. Миронъ пристроилъ къ своей избѣ бревенчатую стайку для коровы и трехъ лошадей, (одна лошадь была куплена имъ пополамъ съ Ониской) и поставилъ баню на берегу осера. Въ постройки бани и стайки для скота принималъ участіе весь починокъ, такъ какъ въ одну изъ зимъ починокъ каждую ночь почти подвергался нападенію волковъ, и еслибы не вышка Ониски, уложившая на мѣстѣ не одного «лобастаго», какъ называлъ онъ волковъ, то имъ-бы пришлось прогнаться съ лошадьми и коровой. «Вотъ стрѣльцу Богъ и шубу далъ!» хвалился Ониска, обдирая послѣ каждой боевой ночи уложенныхъ «лобастыхъ», но шубы онъ себѣ не сшилъ, а продалъ всѣ шкуры за три рубля съ гривной, получивъ въ придачу къ нимъ кулъ овса, двѣ мѣрки гречи, да свиную тушу къ празднику рождества. На вырученные деньги Ониска купилъ двухъ курицъ и цѣтуха, которыхъ торжественно поднесъ въ подарокъ Марковнѣ, а остальные деньги съ меньшимъ торжествомъ были пропиты имъ и Мирonomъ въ наступившіе праздники. Въ благодарность за такое вниманіе къ себѣ, Марковна каждый разъ ко времени возвращенія Ониски съ охоты топала баню, и гоготанье и крики, съ какими парился Ониска, разносились далеко по окрестностямъ починка. Крестьяне окрестныхъ деревень и сель, видя свромную, трудолюбивую жизнь Нефедовскихъ посельщиковъ или посельщиковъ съ гривки, какъ называли ихъ, перестали ихъ чуждаться и даже не рѣдко зазывали ихъ въ гости къ себѣ на сѣзжія праздники. Вообще, вопреки установившемуся мнѣнію о ссыльно-поселенцахъ, посельщики съ гривки пользовались хорошою репутаціею и довѣріемъ, и въ праздникъ рождества мѣстный священникъ, объѣзжая приходъ свой съ крестомъ, осчастливилъ и ихъ своимъ

посѣщеніемъ, не смотря на то, что разстояніе починка отъ приходской церкви было чуть-ли не семьдесятъ версть. Удивленіе священника, сѣдаго, хотя и бодрого еще старика, было безиредѣльно, когда Нефедъ поднесъ ему отъ обитателей починка три рубля, — гонораръ, какого онъ не получалъ почти въ теченіи всей своей жизни. Похваливъ ихъ радѣніе и общежитіе, священникъ увезъ съ собой изъ починка двѣ корзины, какія подарилъ ему старикъ Нефедъ, большое корыто попадѣ отъ Милона и ведро моченой брусники отъ Марковны и, садясь уже въ пошевни, замѣтилъ Онискѣ: «А ты-бы, стрѣлецъ, почтилъ когда духовнаго-то отца уточками, Господь-то благословилъ-бы за то твой уловъ со сторицей!..»

— Ужо я батюшка, того... теперя твой ловецъ, отвѣтилъ ему Ониска, низко поклонясь.

— То-то, порады! и осѣнивъ починокъ крестнымъ знаменіемъ, священникъ отѣхалъ съ мпромъ съ гиблыхъ мѣсть, неожиданно оказавшихся такими гостепріимными, и при первомъ-же свиданіи съ мѣстнымъ засѣдателемъ въ лестныхъ словахъ отозвался о благочестіи и трѣзвенной, трудолюбивой жизни Нефедовскихъ посельщиковъ.

Н. Наумовъ.

Памяти Н. А. Некрасова.

Ты смоль, поэтъ толпы народной,
 Ея мученій вѣковыхъ,
 Твой голосъ дѣвственно свободный
 Въ борьбѣ неоконченной затихъ...

Ты поднялъ траурное знамя.
 Надъ этимъ моремъ тайныхъ слезъ,
 Твоей души суровой пламя
 Сожгло вѣнокъ роскошныхъ грезъ
 Какъ Моисей во дни исхода,
 Ты вель народъ во дни тревогъ,
 Твой Ханаанъ была свобода,
 Любовь была твой вѣчный Богъ.

Ты смоль поэтъ, по и донинѣ
 Твой стихъ могучій въ даль зоветъ—
 Среди непройденной пустыни
 Во тмѣ блуждающій народъ...

Мартовъ.

Ножиковъ.

Очеркъ изъ солдатскаго быта.

I.

Концертный сезонъ.

Великій постъ. Весепнее солнце усердно подтачиваетъ свѣж-ную пелену. Почернѣли дороги. Передъ казармами огромный плацъ ослѣпительной яркости. Теперь, около полудня, плацъ оживленъ — то новобранцы учатся протаптывать тропинки, идя по одному, оставляютъ широкія темныя полосы, проходя раз-вернутымъ фронтомъ. Подтаявшій поздраватый снѣгъ то и дѣло обманываетъ непривычную ногу. Многіе спотыкаются, сколь-зять, толкаются локтями втихомолку, рвутъ строй и получаютъ замѣчанія. Приятны и полезны такія прогулки въ весенніе дни, но нѣсколько утомительны. Въ колоннахъ хотъ зажди носъ, такъ обильны и остры выдѣленія, обыкновенно сопровождающія мускульную работу солдата.

Всему чередъ. Обучавшій офицеръ гаркнулъ: разоидись! и съ крикомъ ура молоде, большею частью, безусые солдатики хлынули въ казармы, нестройной, шаловливой толпой. У всѣхъ легко на душѣ: занятія кончены, ранецъ, оружіе долой и го-товься поѣсть послѣ двухчасоваго движенія. Что готовится? «Пошелъ обѣдать» магическая команда для здоровыхъ и юныхъ

людей. Тутъ и вялый становится проворень, ловко мпнуеть казарменные закулки, мокрпя, скользкія лѣстницы и спѣшитъ занять мѣсто въ строю передъ кухней.

Вотъ и вся рота въ сборѣ. Кто то хихикнулъ. Нечего гадать—Ножиковъ. Кого только не подыметъ на смѣхъ неугомонная голова!

— Эй ты, лыкомъ шитый, мочалой набитый! подсмѣивался Ножиковъ надъ стоявшимъ въ затылокъ.— Чего не на свое мѣсто сталъ? Разуи глаза то!

— Тебѣ вездѣ забота. Напередъ попа въ петлю не суйся, отшучивался тотъ, и добродушная улыбка пробѣгала по его открытому лицу. Всѣ поглядывали на перебранивавшихся, очевидно, въ шутку, чтобы сократить предобѣденныя минуты.

— Не тебѣ меня учить, возразилъ Ножиковъ и сѣрые живые глаза его слегка прищурились въ знакъ превосходства. Знаемъ мы вашего брата, рязанскихъ то. Спроси въ Питерѣ, надъ чѣмъ они трудятся по ночамъ.

Острота не произвела впечатлѣнія: большинство только слышало про столицу и порядковъ ея не знало, однако, многіе ухмылялись въ самомъ благодушномъ настроеніи, свидѣтельствовавшемъ о близости момента «морить червяка».

— Молчи, обжора! огрызнулся рязанецъ.

— Да и ты не подгадишь: на ученѣ захватываетъ духъ, а нсъ—давай двухъ.

Ножиковъ первымъ захохоталъ—такъ былъ увѣренъ въ эффектъ прибаутки, но она прошла незамѣченной въ виду болѣе важнаго восклицанія заплывшаго жиромъ кашевара съ глуноватымъ лицомъ, который стоялъ у дверей кухни, держа руки подъ передникомъ.

— Ребята, сиди опять канцеры!

Это сообщеніе всѣхъ задѣло за живое. Раздались неодобрительные возгласы, ни къ кому, въ особенности не относившіеся, послышался ропотъ съ разныхъ сторонъ:

— Вѣдь, третьево дни были канцеры! воскликнулъ съ энергіей широколицый Юсуповъ.

— Ахъ ты, Господи! И кто ихъ выдумалъ? Слышно было тихое сѣтованіе ефрейтора.

— Кто выдумалъ? Чтобъ своимъ дѣтамъ вѣкъ ихъ исъ, не перепсы, громогласно заявлялъ высокорослый правофланговикъ.

По командѣ повалили въ кухню. Шумный говоръ не прекращался, когда разсѣлся по столамъ. Солдаты ворчали, и не въ первый разъ.

— Эти канцеры изъ Питера, братцы, свѣжіе, говорили ротный артельщикъ сладенькимъ голосомъ. Эти не въ примѣръ лучше, чѣмъ прежні. Въ нихъ новый составъ. Три года ѣшь, человекъ отъ нихъ не захудаетъ.

— Хлебай, коли хороши, а намъ не надо, горячо вмѣшался Ножиговъ въ разговоръ артельщика съ группой «молодыхъ». Кто эти помои исъ станеть? продолжалъ онъ. Ей-Богу, надо сказать командпру: не можемъ, нутро не принимаетъ, и шабашъ... Онѣ думаютъ, что солдатъ все слопаеть. Шалишь! Я изъ терпѣнья вышелъ, я скажу, а вы какъ знате.

— Вѣрно, надо сказать, заорало нѣсколько голосовъ. Пусть дядя идетъ сюда! Фельдфебеля сюда! Господинъ дежурный, докладывайте фельдфебелю, что мы претензію хотимъ показать, это никакъ не возможно...

Дежурный изъ смиренскихъ унтеръ-офицеровъ, которые изображаютъ собою саму безконечность въ дѣлѣ исполненія, повиновенія и нуль инициативы, распорядительности, пробовавъ было что то говорить, какъ можно было догадываться по движенію его губъ, но возраставшій гамъ не позволилъ ему сообщить своихъ соображеній. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ (шумъ не уменьшался), махнулъ рукой и вышелъ.

Фельдфебель не заставилъ себя ждать: чрезъ небольшой промежутокъ времени его жирная фізіономія появилась на порогѣ кухни. Громко окрикнувъ «смирно» (всѣ притихли), онъ спросилъ:

— Что у васъ за содомъ тутъ? Ни днемъ, ни ночью покои мнѣ не даютъ, семь чертей вамъ на вѣротахъ. Какого дѣшкѣ вамъ надо отъ меня, сказывайте, чтоли!

Фельдфебелю уже было сообщено, что причина беспорядка приставные на пробу консервы, но онъ рассчитывалъ, авось никто не посмѣетъ открыто заявить неудовольствіе. Опытность подсказывала ему дать дѣлу такой дипломатическій оборотъ: на этотъ разъ она его обманула. Вся рота напсальнѣйшимъ образомъ загалдѣла; можно было разобрать только отдѣльныя восклицанія:

— Командеру докладайте, Василій Андренчъ! Каждый день нельзя намъ голодомъ сидѣть. Сказывали, канцеры разъ въ недѣлю будутъ, а тутъ три раза пошли! Я разъ поѣлъ—другу недѣлю животъ нучить! Рази это по правилу?

Снова зычный окрикъ изъ могучей фельдфебельской груди: «смирно!» и снова всѣ стихли.

— Чего вы орете, желторотые? Ни лысаго черта разобратъ нельзя, громко утѣщевалъ фельдфебель. Тутъ начальство, значить, молчать! Тутъ проба, семь чертей вамъ на воротъ-то, а не разговаривать надо!

— Хороша проба—три раза на недѣлѣ, собаки не ѣдятъ этихъ канцеровъ самыхъ, дружнымъ, но нестройнымъ хоромъ заголосили разсвирѣпѣвшіе воины, защищая поправныя, но ихъ мнѣнію, права желудка. Голосъ Ножикова раздавался громче, рѣзче другихъ, какъ-бы вель основной мотивъ жалобы:

— Докладайте командеру, Василій Андренчъ! Рази мы рестораны какіе, что-ли? На что это похоже? Мы государю вѣрой и правдой служимъ: нешто лзя по три раза на недѣлѣ? Мы тоже люди... Въ какомъ законѣ это писано? Слава Богу, терпѣли не мало; терпѣли да и лопнули. Такъ и докладайте: лопнули.

Фельдфебель былъ окончательно сраженъ такой неожиданной, неслыханной дерзостью подчиненныхъ, съ минуту колебался, очевидно, затрудняясь, что уместнѣе предпринять, зачѣмъ, осѣненный какою-то мыслию, опростомъ бросился на уаду.

Едва минуло нѣсколько минутъ послѣ исчезновенія фельдфе-

фебеля, какъ смпренькїи унтеръ-офицеръ боязливо выкрикнулъ:

— Дежурный офицеръ, ребята! Дежурный офицеръ!

Послышались торопливые шаги, бряцанье сабли. Всѣ звуки замерли. Вошелъ маленькїи съ розовыми щечками прапорщикъ, лѣтъ восемнадцати, слегка встревоженный, и голосомъ, почти дѣтскимъ, объявилъ:

— Братцы! Вашъ фельдфебель говоритъ, что вы бунтуете; заявляете какія-то претензіи. Помните: вы на службѣ. Дисциплина... Ну скажи ты, въ чемъ твоя претензія? сказалъ офицеръ, указывая пальцемъ на рязанца, надъ которымъ незадолго передъ обѣдомъ подшучивалъ Ножиговъ.

— Я, ваше бл—іе, я... растерялся спрошенный.

— Что-же ты?

— Ваше бл—іе, тутъ на счетъ шищи... и другіе тоже... нсь нелья.

— Ага, пробурчалъ офицерикъ, а ты, сосѣтъ?

— Точно такъ, ваше бл—іе.

— А ты?

— Такъ точно, ваше бл—іе.

— Хорошо, братцы. Я сегодня доложу объ этомъ его пр—ству и, что слѣдуетъ, будетъ сдѣлано. Кто хочетъ — обѣдай.

Юный укротитель бунтовщиковъ не безъ граціи повернулся на каблучкахъ, звякнулъ саблей и направился къ дверямъ. Фельдфебель что-то почтительно докладывалъ, держа руку подъ козырекъ.

— Кто изъ васъ Ножиговъ? обернулся офицеръ.

— Я... громко отозвался Ножиговъ.

— Ты, говорятъ, подстрекаешь товарищей?

— Нивакъ нѣтъ, ваше бл—іе.

— Фельдфебель, какъ-же ты говоришь?

— Онъ самый горластый, ваше бл—іе. Спросите у всѣхъ.

— Что, Ножиговъ бунтовалъ тебя? обратился дежурный офицеръ наудачу и, услышавъ стереотипное «никакъ нѣтъ»,

задать вопросъ другому, который отвѣтилъ: «не могу знать». Офицеръ улыбнулся и вышелъ.

Солдаты пошумѣли, поѣли каша и разошлись.

Описанная сцена изъ-за нелюбимыхъ консервовъ нѣсколько оживила казарму, дала ей тему для безконечныхъ разсужденій, изъ которыхъ ничего опредѣленнаго не вытекало, кромѣ констатированія безвкусія, малой питательности, вообще непригодности консервовъ. Насколько и почему необходима проба, и если необходима, то какъ распределить испытаніе болѣе удобнымъ образомъ, или передъ кѣмъ и когда можно законно ходатайствовать объ устраненіи его,—такіе вопросы не занимали солдатъ. Недовольство, возбужденіе, вдругъ охватившее всѣхъ, главнымъ образомъ, выражались въ бранчивости, направленной, Богъ вѣсть, противъ кого; вѣроятнѣйшимъ объектомъ былъ пеумолимый рокъ. Обыкновенно, подобныя недоразумѣнія оканчивались семейнымъ образомъ, т. е. выговорамъ и руганью ротнаго командира. Все впечатлѣніе этихъ увѣщаній рота резюмировала въ немногихъ словахъ: «ужь и ловокъ пробирать только!»... Случай, предлагаемый здѣсь вниманію читателя, имѣлъ другое теченіе, благодаря неопытности дежурнаго офицера, который, по незнанію мѣстныхъ порядковъ, вмѣсто непосредственнаго начальства, доложилъ прямо генералу. Такимъ образомъ, въ это, повидному, неважное дѣло вмѣшалась высшая мѣстная власть, въ лицѣ командира части.

Черезъ полчаса послѣ обѣда всѣхъ солдатъ вдругъ потребовали изъ казармы на волю. «Генералъ пріѣхалъ!» испуганно передавали дневальные. Дѣлать нечего: сосчитали пуговицы и выстроились передъ казармами. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить то любопытное обстоятельство, что посѣщеніе высшаго начальства было совершенно неожиданно для роты. Казалось-бы, чего проще предположить такую возможность и, въ виду ея, предначертать себѣ тотъ или другой образъ дѣйствій? Однако, въ предшлущихъ диспутахъ о злобѣ дня никто не занялся объ этомъ.

Генераль явился въ сопровожденіи румянаго прапорщика и командира роты. Пока это тріо медленно подходило къ фронту, кто-то шепнулъ въ рядахъ:

— Сдавай грѣхи, Ножиковъ!

— Привяжи языкъ-то, въ ротъ тѣ... малина! Въ карцію захотѣлъ? слышался сдержанный шепотъ въ отвѣтъ.

Величественно закинувъ голову назадъ, генераль началъ:

— Ребята! Законы вы знаете—обязаны знать. Знаете, что ваши законныя требованія будутъ уважены. Знаете, какія жестокія кары налагаетъ законъ за ослушаніе, явное возстаніе. А потому мнѣ нечего вамъ объяснять. Скажите теперь, кто не доволенъ пищей?

Всѣ молчатъ.

— Ну, говори смѣло! Кто не доволенъ пищей?

Нѣтъ отвѣта.

— Ахъ вы, материны дѣти! Безъ мсня галдятъ, при мнѣ ротъ зашпнтъ?.. Ну, подыми руку, что-ли!

Тишина. Робкіе сдерживаютъ дыханіе.

— Ты, правофланговый, отвѣчай, какъ находишь пищу?

Гоцій правофланговикъ чрезвычайно высокаго роста имѣлъ маленькую душу, да и той, повидимому, липился и бессмысленно—молодцовато смотрѣлъ генералу въ глаза, вѣрнѣе, не въ глаза, а промежь нихъ нѣсколько ближе, или дальше.

— Говори, верста ты эдакая, горячился его пр—ство, обѣдалъ ты сегодня?

Послѣ небольшой паузы правофланговикъ моргнулъ глазами и далъ утвердительный отвѣтъ.

— А ты тоже? спросилъ генераль стоявшаго рядомъ.

— Точно такъ, ваше пр—ство, громко и отрывисто произнесъ тотъ.

Далѣе довольно легко посыпались желанныя утвержденія, такъ какъ и люди побойчѣе увидѣли, что товарищи «сбердили». Дѣшла очередь до Ножикова. Онъ причинилъ небольшую остановку. На трижды предложенный вопросъ, ѣлъ-ли онъ при-

готовленную сегодня пищу, Ножиговъ съ явно-растеряннымъ видомъ отвѣчалъ:

— Не могу знать, ваше пр—ство.

Генераль вспыхнулъ. Только ловкое вмѣшательство ротнаго командира, объяснившего несообразный отвѣтъ испугомъ, умѣрило отчасти гнѣвное волненіе генерала. Однако, оно стоило Ножигову двухдневнаго пребыванія въ темномъ карцерѣ.

Исторія кончилась благополучно. Генераль уѣхалъ, если не удовлетворенный, то въ спокойномъ состояніи духа. Такъ были убѣждены, по крайней мѣрѣ, всѣ изучившіе его. Они подмѣтили, что нервное подергиваніе въ стороны верхней губы съ длинными сѣдыми, пастоящими генеральскими усами, къ концу дѣла прекратилось. На солдатъ этотъ чрезвычайный опросъ претепзіи оказалъ мало вліянія: по прежнему ворчали они на неудовлетворительность великопостной пищи, по прежнему заявленіе неудовольствія ограничивалось предѣлами тѣснаго ротнаго круга. Этотъ случай имѣлъ развѣ то значеніе, что внесъ кой-какое временное оживленіе, какъ матеріаль для споровъ и взаимныхъ пререканій.

Два дня спустя въ ротѣ произошла, напримѣръ, такая бестѣда. Маленькій дневальный упрекалъ тощаго правофланговика:

— Кабы ты сказалъ, что не обѣдалъ, и вся рота сказала-бы за тобой.

— Всѣ вы храбры — воронъ пугать на огорождѣ! Небось у самого языка-то присохъ? началъ браниться правофланговикъ.

— Сказалъ, не сказалъ—все одно, примирительно замѣтилъ эфрейторъ. Есть изъ чего спориться?.. Вонъ судейской шведаръ на пороховомъ заводѣ служилъ. Говорить, у нихъ тоже разъ на счетъ пищи вышло. Такъ ихной полковникъ выстроилъ, знаешь, роту и зачалъ съ праваго флангу: «ты, говорить не доволенъ?» Тотъ, значится, молчитъ — въ зубы! Другаго: «ты, говоритъ, таковой, сякой, тоже?» И этотъ, значится, смолчалъ—онъ и его въ зубы! Да какъ восьмерымъ начистилъ хорошенько—и всѣ довольны стали...

— Чертъ съ ними, съ концертами! громко воскликнулъ подошедшій Ножиновъ.

— А, Ножиновъ! обрадовались товарищи. Ты отбродова? Плохо, чай, въ темномъ-то?

— Спать все одно, что въ свѣтломъ... На голой нарѣ. Да это что! Главна вещь, крысы (крѣпкое слово) скребутся цѣлну ночь подъ поломъ-ли, гдѣ-ли... Всю душу выскребли. Дай-ка закурить, другъ!

Эфрейторъ открылъ мѣдную крышечку своей коротенькой трубки.

— По мнѣ плевать на все, продолжалъ Ножиновъ, страшная на посу, а тамъ, Богъ дастъ, и до святой доживемъ. Обидно какъ будто... Э, лучше я, братцы, расскажу вамъ, какіе въ Питерѣ концерты есть. Хочешь вѣрь, хочешь—нѣтъ: по красенькой даютъ, только-бы однимъ глазкомъ посмотрѣть. И хороша штука, я вамъ доложу... Господа всѣ въ бархатѣ, перчатки бѣлыя, бѣлыя...

— Припасай уши, землякъ! негромко вставилъ эфрейторъ и лукаво подмигнулъ сосѣду.

II.

Въ учебной командѣ.

Ротный командиръ, капитанъ Петръ Ивановичъ, не сходилъ съ языка у всѣхъ офицеровъ: никто не умѣлъ такъ деликатно обойтись съ ровней и визшимъ въ чинѣ, какъ Петръ Ивановичъ, никто не могъ такъ тонко, незамѣтно перебить дорогу у другаго, такъ хитро подставить ножку сослуживцу, какъ Петръ Ивановичъ. (Впрочемъ, онъ прибѣгалъ къ такимъ неблаговиднымъ средствамъ только въ виду прямой, настоятельной и несомнѣнной выгоды для себя, но не изъ любви къ искусству—Боже упаси!) Петръ Ивановичъ—«сирсевичъ», Петръ Ивановичъ обла-

даетъ большими спеціальными свѣдѣніями (много примѣровъ: и изъ академіи выходятъ—круглые невѣжды!), Петръ Ивановичъ чрезвычайно начитанный человекъ (военная среда нѣмѣетъ отъ удивленія, когда онъ начнетъ перечислять цѣлые десятки знаменитыхъ французскихъ романистовъ), Петръ Ивановичъ дѣловитъ: все, что начальство ни поручитъ, спорится въ его рукахъ. За то Петръ Ивановичъ отличенъ: въ приказахъ, то в дѣло, похвалы съ обидными для другихъ командировъ сравненіями, грудь увѣшена орденами,—все за мирные труды,—выгодныя командировки лѣтомъ, зимой почетное завѣдываніе учебной командой и не бесполезное—лишнія столовые идутъ. Еще одинъ штрихъ: по мнѣнію большинства офицеровъ, Петръ Ивановичъ въ высшей степени гуманная личность. Онъ приготовилъ уже пять выпусковъ расторопныхъ унтеръ офицеровъ и былъ только одинъ случай самоубійства солдата, состоявшаго въ учебной командѣ. Виновникъ этого скандальнаго происшествія, едва грамотный сынъ священника, оставилъ такую записку: «мне такъ тяжело что я стреляюсь». Почтенная репутація Петра Ивановича поколебалась-было, но слѣдствіе, напряженное по этому дѣлу, ее восстановило и укрѣпило.

На пріемномъ экзаменѣ осенью 187.. года Петръ Ивановичъ обратилъ свое вниманіе на высокую мужественную фигуру Ножикова. Когда тотъ подошелъ къ длинному столу, за которымъ сидѣли всѣ наставники команды, Петръ Ивановичъ сказалъ:

— Вотъ такихъ молодежь намъ надо, а то что! маленькіе, худенькіе какіе-то все... Кру—гомъ! Затылокъ подстриженъ коротко—это хорошая примѣта... Увѣряю васъ, господа, этотъ будетъ исправенъ. Кру—гомъ! Выглядитъ бойкимъ. Ну, дружокъ, быть тебѣ фельдфебелемъ... Но надо будетъ постараться... хорошенько постараться...

— Постараюсь, ваше бл—діе.

Разъ Ножиковъ шелъ съ засаленной книжкой въ рукахъ и аспидной доской подъ мышкой вмѣстѣ съ другими товарищами по первому курсу на лекцію геометріи.

— Эй, Ножиковъ! кричалъ Петръ Ивановичъ рѣзкимъ горловымъ голосомъ. — Какія у тебя манеры? У тебя слишкомъ смѣлыя манеры! Такая развязность въ нижнемъ чинѣ неустойчива. Понялъ?..

Ножиковъ заморгалъ глазами.

— И такъ, братцы, объяснялъ въ классѣ длинный подслѣвоватый поручикъ Гончаровъ, — пирамидой называется тѣло, ограниченное съ боковъ треугольниками, а основаніемъ имѣющее ту же фигуру, или какую-либо другую. Ножиковъ, не найдешь ли примѣра?

— Ваше бл—іе, церковь въ родѣ этого.

— Садись. Не можешь, значитъ. А когда не можешь сказать, лучше молчи. Тароватость то надо бросить: она здѣсь не къ мѣсту, съ отгѣнкомъ раздраженія въ голосѣ проговорилъ обучающій офицеръ. — Такъ вотъ, братцы, снова впалъ онъ въ равнодушный тонъ истаго ученаго, есть зданія такія, они давно построены и называются египетскія пирамиды. Они похожи на это тѣло. Аксеновъ! повтори, что называется пирамидой? обратился поручикъ къ тщедушному солдату съ желтымъ лицомъ и желтоватыми бѣлками глазъ, причемъ указалъ на деревянную полированную пирамидку, которую держалъ въ лѣвой рукѣ.

— Пирамидой называется... Ваше бл—іе, она въ рукахъ у васъ...

— Ахъ, право, какой непонятливый народъ! Ты словами скажи. Развѣ на экзаменѣ можно будетъ такъ?

Аксеновъ нутужится, но необходимыхъ словъ придумать не можетъ. Поручикъ снова начинаетъ толкованіе, приплетая для ясности египетскія пирамиды, и опять не понять и сердится:

— Ну расскажи ты, Ножиковъ, этимъ безпамятнымъ...

— Ваше бл—іе, пирамидой называется тѣло, ограниченное съ боковъ треугольниками и снизу тоже самое. Примѣръ того мы...

— Не тоже самое, а треугольникъ, или многоугольникъ.

— Точно такъ: треугольникъ, или многоугольникъ. П
мѣръ того мы видимъ египетскія пирамиды. Онѣ давно
строены и очинь схожи.

— Молодецъ, садись. Ну, Аксеновъ, повтори хоть
перъ то!

— Ваше бл — іе, я къ завтраму выучу, у меня пам
нѣту, сразу чтобы...

— Удивляюсь, какъ ты попалъ сюда? Ножиговъ, повт
все сначала.

— Параллелепипедомъ называется тѣло, схожее на ящи
и ограниченное...

— Да не похожее. Я говорилъ похожее, къ примѣру то
ко. Ты мнѣ опредѣленіе давай сначала.

Послѣ урока геометріи самъ Петръ Иванычъ обучалъ стр

— Ножиговъ! кричалъ онъ. — Что ты нахмурился? Пер
начальникомъ ты долженъ имѣть видъ веселый, ясный. А
брови сдвинулъ!?. Бестія, не улыбаться! Я тебѣ такъ поу
баюсь, на всю жизнь помнитъ будешь. Ты знаешь, если я
ложу: его пр — ство шутить не любятъ.

Раннее зимнее утро. Въ обширной классной комнатѣ п
вѣшены къ потолку три лампы съ жестяными абажурами. П
рты, стоящія подъ ними, сплошь заняты подъ гребенку стр
женными солдатскими головами: это учебная команда при
товляетъ свои ежедневные уроки. Слышится неясное бор
танье заучивающихъ наизусть, скрипитъ непослушное пе
подъ рукой пишущихъ сочиненія и упражненія, раздаю
рѣдкія восклицанія разрѣшающихъ математическія задачи, в
дѣ: «а, поймалъ, пархатина!» что обозначаетъ: нашелъ рѣш
ніе, понялъ условія. Ножиговъ откинулъ свою большую бѣ
курую голову на заднюю парту; глаза его, обыкновенно в
разительные, съ блескомъ гдѣ то тамъ въ глубинѣ ихъ, сл
койно остановились на желтомъ пламени лампы.

— Ножиговъ! обликнулъ Аксеновъ, сидѣвшій на перв
партѣ. — Расскажи, пожалуйста, геометрію. Убей Богъ, все з
биль до одного словечка.

— Ну, расскажи, въ самомъ дѣлѣ, обернулось нѣсколько головъ. Не ровень часъ, поручикъ проберетъ, такъ что и своихъ не узнаешь.

— Убирайтесь къ чорту всѣ! Я больше учиться не буду, съ энергіей заявилъ Ножиновъ.

— Куды это надумалъ? Въ роту, али въ карцію?

— Я въ роту пойду.

— Мотри, не сломай ногъ... коли командеръ не захочетъ.

Презрительная мина скользнула по лицу Ножинова и взоръ его снова сосредоточился на огнѣ. Только самые усердные продолжали бормотать уроки, остальные завели частные разговоры, больше на тему: «вѣдь, два года не поспишь, не отдохнешь, какъ въ ротѣ, а дадутъ-ли галуны—вилами на водѣ писано».

— Что такъ сдумалъ? Рази тебѣ трудно, чудачина! съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ Аксеновъ, причемъ нельзя было разобрать, говорилъ ли онъ, какъ заинтересованный въ объясненіяхъ по геометріи, или изъ желанія побесѣдовать.

— Отъ гимнастики... Понялъ, глупая твоя голова?

— Не ругайся, чортъ лысой! Тебя добромъ спрашиваютъ.

— Тебѣ добромъ и отвѣчаютъ: отъ гимнастики.

— Какъ такъ? воскликнуло нѣсколько человѣкъ съ видимымъ изумленіемъ.

— Очнись просто: какъ подѣлаю ее натоцаеъ, важный разъ у меня брюхо болитъ, когда пучить, а когда занграть, да какъ? Что наши трубачи? Имъ не выдѣлать ни за что... Съ дробью!

Всѣ присутствовавшіе засмѣялись.

— Чего вы рты-то разинули? Заниматься! скомандовалъ фельдфебель, выскочившій изъ сосѣдней съ заломъ каморки.— Ножиновъ, я тебя посажу отдѣльно, если ты будешь балясы точить.

— Я самъ скоро отдѣльно сяду.

Послѣ обѣда Ножиновъ исчезъ. Не смотря на тщательные розыски, его не нашли до самой повѣрки, когда онъ въ без-

чувственномъ состояніи былъ привезенъ какимъ-то вольнымъ на извозчикѣ. Фельдфебель сначала встревожился, увидя недвижимое тѣло подчиненнаго, потомъ что то сообразилъ, быстро наклонился къ лицу и, услышавъ запахъ виннаго погреба, распорядился немедленно свести пьянаго въ карцеръ: тамъ Ножиговъ просидѣлъ ровно три сутки.

— Будешь пьянствовать? съ саркастической улыбкой спрашивалъ, Петръ Ивановичъ Ножигова, только что выпущеннаго изъ темнаго карцера на волю.

— Ваше бл-іе, позвольте въ роту. Чувствую, запой пришелъ.

— Ничего, дружокъ. Темный карцеръ холодитъ страсти, по маленьку отвыкнешь. А въ наукахъ ты догонишь и обгонишь другихъ.

Предчувствіе Ножигова оправдалось: запой схватилъ его на цѣлый мѣсяць; день, два на урокахъ, три дня въ карцерѣ чередовались съ замѣчательною правильностью. Петръ Ивановичъ выходилъ изъ себя, стращалъ тюрмой, розгами—все напрасно: неисправимый не исправился и былъ препровожденъ обратно въ роту съ аттестаціей горьчайшаго пьяницы.

III.

На Шибкѣ.

Густой туманъ быстро опускался и заволакивалъ гранитныя громады. Холодная влага моментально пронизывала изорванную, попрѣвшую одежду солдата, дрожь надрывала истомленное тѣло, какъ-то болѣзненно отзывалась въ груди, сжимала сердце. Становилось темно, сыро, скользко и жутко. Гулъ дневной канонады какъ-бы носился еще въ воздухѣ; напряженные первы энергично реагировали на малѣйшій шорохъ: случайный стукъ ружья о камень нерѣдко звучалъ въ ухѣ, какъ неприятельскій выстрѣлъ. Усталые, захудалые солдаты

молча копошились въ траншеяхъ, въ ямкахъ, выкопанныхъ для ночлега и покрытыхъ парусиною съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ, усердно изыскивая въ нихъ болѣе или менѣе удобные способы отдохнуть въ наступившую ночь. Офицеры гѣснились въ палаткахъ. Не слышно было говору, безконечныхъ, давноизвѣстныхъ анекдотовъ—непогода всѣмъ сковала языкъ.

— Проклятіе! съ энергіей произнесъ бородатый капитанъ, лежавшій на кровати, наскоро сколоченной изъ сосновыхъ досокъ походными мастерами. У меня опять разыгрался ревматизмъ...

— Пойдемте въ землянку—тамъ огонь, предложилъ румяный прапорщикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это идея, сказалъ подымаясь капитанъ. По пути тамъ дымомъ можно затянуться разика два: табаку-то, вѣдь, нѣтъ.

— Ребята, потѣснись! Командеръ идетъ, говоритъ какой-то надорванный голосъ при входѣ въ землянку.

Два, три сырыхъ полѣна крайне лѣнливо тлѣли на очагѣ. Было душно, но не тепло.

— Что дровъ-то мало, ребятки? спросилъ капитанъ.

— Должно, вышли всѣ, ваше бл-іе. Мы сейчасъ съ передовыхъ смѣнились—не знаемъ.

— Губертъ Петровичъ! Распорядитесь, пожалуйста, чтобы сходили за дровами, обратился капитанъ къ румяному прапорщику.

Тотъ не замедлилъ повиноваться.

— Понялъ? Отрядишь 15 человекъ свободныхъ рабочими, 15 въ конвой—пойдутъ за дровами, распорядился прапорщикъ.

Со стороны фельдфебеля предъявлялись несмѣлыя возраженія: склизко, де, и темно. Прошло минутъ двадцать. Раздавались хриплые голоса, кто-то бранился, на чемъ свѣтъ стоять.

— Нарядъ сдѣланъ, ваше бл-іе, доложилъ фельдфебель. Смѣю сказать: солдатики упираются, притомились очень...

— Что-о?

— Солдатики говорятъ, что по адакой теменн...

— Гдѣ они? Проведи.

Прапорщикъ въ ажитацин зашагалъ по слѣдамъ фельдфебеля. Ноги скользили по мокрому камню и тонули около земляныхъ работъ въ глубокой вязкой грязи. Минуть за десять ходьбы офицеръ и провожатый достигли небольшой площадки, на которой обрисовалась кучка людей.

— Не подемъ и шабашъ, слышался рѣзкій голосъ Ножикова. Пушай отъ другихъ зводовъ, нѣтъ ротъ назначать. Наша каторжная, что-ли, не взычетъ ходить?

— Кто тамъ разсуждаетъ? громко окликнулъ офицеръ.

Молчаніе.

— Кто тамъ разсуждаетъ, я спрашиваю? уже сердито крикнулъ Губертъ Петровичъ и нечаянно звякнулъ желѣзными ножнами сабли.

— За дровамъ не наша очередь. Отъ первой роты чередъ идти, мы вчера ходили ваше бл—іе...

— Молчать! Ножиковъ, ты на войнѣ, не забудь. Ты начинаешь опасное дѣло. Смотри... Ну ребята, безъ разговоровъ отправляться за дровами. Принесите вязанки четыре и довольно. Маршъ!

Въ кучкѣ раздался неясный ропотъ.

— И-п, братеньки! Въ темнотѣ то турка безпремѣнно заберетъ насъ, да такъ раздѣляетъ-ажъ съ головы до пятокъ!

Окружавшая темень мѣшала видѣть, какъ при этомъ завленіи розы слетѣли съ лавитъ юнаго прапорщика, какъ конвульсивно передернулось лицо, дрогнули губы.

— Барабанъ сюда! Фельдфебель, да въ сюда барабанъ! крикнулъ онъ глухимъ голосомъ.

Всѣ оторопѣли и ждали, что будетъ... Появился барабанъ. Губертъ Петровичъ торопливо вынулъ изъ кабуры заряженный револьверъ.

— Ножиковъ! Последнее слово: ты пойдешь?

— Не наша очередь, ваше бл—іе, спокойно отвѣтилъ тотъ.

— Садись!

Ножиковъ медленнымъ шагами подошелъ къ барабану и сѣлъ на него. Раздался выстрѣлъ. Пуля мякнула гдѣ-то близко, почти надъ самымъ ухомъ каждаго изъ присутствовавшихъ—по крайней мѣрѣ, такъ показалось,—шлепнулась о что-то твердое, сдѣлала короткій «з—з» и все стихло. Губертъ Петровичъ нетвердой ногой пошелъ къ землянкѣ...

«А, Ножиковъ испужался, Ножиковъ трусь! Хорошо. Я вамъ покажу, какой я есть трусь. Подъ рапець завтра... Эка не видаль, станвали!.. У тебя еще молоко не обсохло на губахъ-то.. Я видаль виды... не такихъ страховъ панмался... Я вамъ покажу, какъ я струсилъ его. Вы штыка не видали... это пострашнѣе будетъ... Склизко какъ...»

Такія мысли пробѣгали въ разгоряченной головѣ Ножикова, когда онъ черезъ полчаса спускался съ невообразимой кручи къ непріятельской сторонѣ. Часто онъ оступался, спотыкался, скользилъ, но могучія руки цѣпко хватались за каждый небольшой краспѣкъ камня, за траву, прывсканную тамъ, сямъ изъ расщелинъ голыхъ скалъ. Топоръ болтался за ремненнымъ поясомъ.

«Да что Ножиковъ? Трусь, больше ничего. Вчера съ дровамъ послали—не пошелъ. Говорить, онъ тамъ... Я вамъ покажу, черти драные, какой я боязливый. Не шибко засмѣетесь, пріятели,—нутро вывернетъ. Не папа очередь. Ишь сами знаютъ, что не по правду, а языкъ-то проглотили. Словъ нѣтъ сказать свои права. Мнѣ все единственно: здѣсь не въ бабки играютъ. Не сиди, такъ завтра убьютъ, а въ болѣзь свернетъ... Всѣ подъ однимъ крестомъ останемся... Слава Богу, поровнѣе...»

Крутой спускъ въ сѣдловину кончился. Далѣе шла съ легкимъ уклономъ обширная площадь, покрытая сочной травой. По лѣвую руку темнѣло что-то огромное съ совершенно-неопредѣленными контурами, можно было думать, скала или высокой лѣсъ. Ножиковъ глянулъ кругомъ, какъ-бы ориентируясь, быстро повернулся въ эту сторону и порывисто зашагалъ, размахивая руками.

«Пулю въ лобъ! Не очень испужался... Вотъ на кобылѣ

Сафронова драли... пострашнѣе будетъ. Мясо кускамъ вылетало... Плеть-то не свой братъ: десять разъ помрешь прежде чѣмъ Богу душу отдашь... Молокосось!.. Стрѣляй! Кто тебѣ мѣшалъ?.. Ишь, пистолетъ на земь бросилъ. Видно, совѣсть взяла... Я просилъ развѣ? Я не просилъ... Я у отца роднаго не прашивалъ... Помиловалъ!.. Всѣ видѣли, я не просилъ... Гдѣ-то «наши» теперь, жонка?.. Можетъ, погорячился.. потомъ видить самъ: не по правилу. Молодъ—дѣло ясно... Господи, прости мои грѣхи... Ровно-бы огонекъ мелькнулъ. Нѣтъ, это показалось... Не велика мудрость—на людяхъ ходить. Пуцай одинъ кто пойдетъ... тусы!.. Да воскреснетъ Богъ. Никакъ въ лѣсу есть кто... Ступай, коли пошелъ; нечего раздумывать... Ахъ, господа, господа!..»

Ножиковъ все ускорялъ шагъ. Воображеніе его рисовало собственный безобразный трупъ, который завтра принесутъ на батарею, будутъ отпѣвать вмѣстѣ съ другими; подойдетъ г. Петровичъ и скажетъ: это я его...

— Съ нами крестная сила! вполголоса произнесъ Ножиковъ. «Чтобъ тебѣ пусто было», добавилъ онъ мысленно по адресу большой ночной птицы, шарахнувшейся съ близстоявшаго дерева въ глубь чащи. Ножиковъ осмотрѣлъ, вѣрнѣе, нащупалъ потоньше деревцо и, перекрестившись, началъ усердно рубить. Нѣсколько искусныхъ взмаховъ топора и дерево накрепко, цѣпляясь вѣтвями за сосѣднія.

— Вотъ какъ наши-то! вслухъ сказалъ Ножиковъ. «Эхъ, Матюшки (братенька) нѣтъ, посмотрѣлъ-бы, едрена корень».

Нѣсколько времени спустя, Ножиковъ съ большой вязанкой дровъ на спинѣ ввалился въ землянку, гдѣ сидѣли господа. Потъ ручьями катился съ покраснѣвшаго отъ натуги лица. Пахнуло характернымъ запахомъ мокрой солдатской шинели.

— Ваше бл-іе, я привнесъ дровецъ-то, съ добродушнѣйшей улыбкой обратился онъ къ прапорщику, бурившему махорку изъ солдатской трубки.

— Спасибо, пріятель! процѣдилъ сквозь зубы офицеръ и отвернулся.

IV.

О рождествѣ.

Полкъ возвратился съ войны благополучно и расположился въ томъ-же городѣ, гдѣ стоялъ раньше. Въ каждой ротѣ три четверти прежняго состава людей осталось на ратномъ полѣ и въ лазаретахъ, больше въ послѣднихъ. Ножиловъ получилъ серебрянную медаль за Шибку и георгиевскій крестъ, по выбору роты. Былъ канунъ рождества. Около топленной печи въ казармѣ стояла группа солдатъ.

— Если-бы не геометрія, я бы галуны получилъ, какъ пить далъ, съ убѣжденіемъ сообщилъ Аксеновъ, ставшій послѣ похода еще желтѣе. Да и въ ей малость чего понять не могъ. Хуже нѣтъ, какъ поручикъ начнетъ допытывать... про тѣла разныя, съ чего ограничено тамъ, на что похоже. Если-бы не онъ, я-бы безпремѣнно курсъ кончилъ... немного и оставалось-то. Бывало, самъ капитанъ скажетъ: учишь Аксеновъ, старайся — въ унтеры пожалую. И грѣхъ на душу не возьму, онъ мнѣ худа не сдѣлалъ. Отсидѣлъ разъ въ карцѣ — за унтера не могъ командовать — такъ разъ-то и считать нечего. Да, братцы, и нашъ братъ тоже... все паровитъ поперегъ сдѣлать...

— Что-жь что кончилъ-бы? Все равно умнѣе не сталъ-бы, презрительно замѣтилъ Ножиловъ, присловившійся къ печи и заложившій руки за спину.

— Не суйся, коли не съ тобой говорятъ.

— Тошно мнѣ слушать твои глупыя рѣчи, а то, другъ, говори, что хошь. Другихъ, вѣдь, морочить только. Какой ты унтеръ! Тебѣ въ кашевары-бы и то за честь...

— Самъ-отъ уменъ больно, чортъ лысой, пробормоталъ Аксеновъ и отошелъ въ сторону, зная по опыту, что не переговорить Ножилова, разъ онъ вмѣшался.

— Я-бы курсъ кончилъ, да я-бы галуны носилъ! А въ башку не возьметъ, зачѣмъ учиться, коли человекъ своей настоящей

пользы понять не можетъ. А? Къ чему учился писарь Тарасевичъ? Не учебной командѣ какой нибудь, а чуть гимназію не кончилъ, по французски, по нѣмецки могъ, сколько угодно. Разъ чухна свои книги принесъ и тѣ сейчасъ, всѣ молитвы прочиталъ. Даже чухонецъ удивился: какъ вы, говорить, не понимаете, а выговоръ вѣрной? Это твоей геометріи чета, что-ли?.. Чѣмъ кончилъ, всѣмъ извѣстно. Гдѣ-бы жить въ свое удовольствіе, съ господамъ чай съ ромомъ распивать, онъ все деньги копилъ. Вотъ тѣ и докопилъ! Трясло, трясло и вытрясло. Съ турецкой лихорадкой, братъ, шутки въ сторону. Сколько еще нашихъ она унесла! Но сосчитать... Болѣ двухсотъ рублей золотомъ въ сундучкѣ-то нашли; говорятъ, и бумажекъ довольно въ томъ числѣ. Ну, кому онѣ пошли? Ни отца, ни матери... По моему, перепали деньжонки: одѣнься, какъ слѣдуетъ, поѣшь всласть, выпей...

— Тебѣ хоть тысячу рублей, все пропьешь, съ укориной сказалъ Аксеновъ.

— И пропью. Самъ пьянъ и другіе сыты — угощу. Ужъ въ чужой ротъ не буду глядѣть, сдѣлай милость. Да у меня вотъ полгода скоро — маковой росипки во рту не бывало. Это, братъ, въ роду... У меня двое дядекъ, тоже запой имѣють. На этимъ не посмѣйся.

— Пьяницы, значить, тоже, вставилъ Мержеевскій.

— Не тотъ пьяница, кто запоемъ пьетъ, а кто по рюмкѣ въ депъ потребляетъ... Въ Петербургѣ отъ этого лѣкаря есть — вотъ что. А ты свой «патеръ-ностеръ» выучилъ и больше-то ни въ чемъ понятыя нѣтъ.

— Я да я... Ты не смѣй чужой вѣры трогать.

— Вѣры, братъ, трогать нельзя. Это я лучше тебя понимаю. На то у насъ законъ есть: въ каторгу, значить, за вѣру... ежели тронешь. Понялъ? А какъ ты Варшаву, вишь, проспалъ. такъ я не могу съ тобой за одно быть.

— Чего ты лаешься, собака?

— Я въ Питерѣ у одного поляка служилъ... онъ тоже за

важнымъ разомъ: пся кровь, пся кровь... Такъ онъ учителемъ въ академіи былъ, а ты гдѣ обучался?

— Чортъ! огрызнулся Мержеевскій и сталъ дѣлать па-перску.

— Отслужи ка лучше службу по ихному, съ улыбкой попросилъ Ножикова тощій правофланговецъ. Сюртукъ сидѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ.

— Что ты? Завтра праздникъ... Охъ, Господи прости! Все смѣешься надъ другими... (Иной разъ слеза прошибаетъ... Ударила, помню, пуля въ рязанца... вотъ въ это мѣсто... (Ножи-ковъ указалъ на правую половину груди) онъ, покойна голо-вушка, повалился на меня и говоритъ: «братъ, напихи домой... я...» и ни слова больше, глаза эдакіе страшные, повернулся... и упалъ. Вотъ страшно! Сорокъ лѣпихъ, кажись, легче по-встрѣчать...

Наступила невольная пауза, всѣмъ было жутко.

Многіе рассказывали о войнѣ, никто не умѣлъ произво-дить такого сильнаго, иногда потрясающаго впечатлѣнія, какъ Ножиковъ. Вообще въ его натурѣ было нѣчто увлекавшее, подчинявшее всѣхъ. Ножиковъ заплѣлъ — сейчасъ составитя хоръ изъ любителей, подтягиваютъ; началъ онъ рассказывать, по малой мѣрѣ, взводъ—авдиторія, а то и всѣ свободные въ ротѣ налѣзутъ. Захочетъ разсмѣшнить—въ репертуарѣ его анек-дотовъ есть такіе, противъ которыхъ устоять невозможно, и чуть не вся казарма хохочетъ; грустный, желчный стихъ на-паль, что случилось съ нимъ не рѣдко,—раздосадуетъ многихъ, повидимому, самыхъ неподвижныхъ, самыхъ флегматичныхъ. Во всемъ первенствуетъ Ножиковъ. Коснется ли дѣло науки, ни одинъ унтеръ-офицеръ не сумѣетъ выказаться такимъ свѣ-дущимъ, какъ онъ; захотятъ ли сказку почитать: Ножикова просятъ: декламаторское искусство его дѣйствительно было за-мѣчательно. Кромѣ того чтеніе приправлялось у него присказ-ками и остротами собственнаго изобрѣтенія, едва ли не болѣе занимательными и понятными для солдатъ, чѣмъ самыя фанта-стическія событія сказокъ. Нѣкоторые изъ товаришей, часто

попадавших на острый зубок Ножикова, недолюбливали его, значительная часть ротной семьи относилась къ нему съ любопытствомъ, интересомъ, не болѣе. Впрочемъ, война укрѣпила за нимъ симпатіи многихъ. Она показала на дѣлѣ, что Ножиковъ не только ловкій говорунъ, но и мужественный, надежный боевой товарищъ. Были поклонники, наконецъ, ожидавшіе, что онъ рано или поздно совершитъ что либо необыкновенное, и въ этомъ ожиданіи уже теперь составлявшіе маловѣроятные рассказы о подвигахъ его во время войны, вродѣ того, что онъ однажды схватилъ, будто бы, неприятельское орудіе и бросилъ въ ровъ.

— Писарь гозорилъ, о маслянкѣ домой, прервалъ молчаніе подошедшій рыжебородый солдатъ изъ резервныхъ.

— И раньше завсегда пуцали. Эка новнику сказать! не безъ сарказма замѣтилъ Аксеновъ.

— Голова съ мозгамъ! Совсѣмъ будутъ пуцать... весь четвертый годъ уходитъ.

— Ужли? Вотъ бы фартъ нашему брату! воскликнулъ эфрейторъ съ радостнымъ сіяніемъ морщинокъ вокругъ глазъ.

Солдаты оживились и стали тормозить принесеннаго извѣстіе. Тотъ стоялъ на одномъ: писарь сказывалъ, стало быть, вѣрно. Хотя резервный ничего толкомъ объяснить не могъ, но самый родъ извѣстія скоро всѣхъ убѣдилъ въ его истинности. «У насъ дома, братъ. Придешь, на кой-чортъ. Крути, ребята, завертывай, приказъ домой вышелъ...». На эти восклицанія, выдѣлявшіяся изъ общаго говора и шума, бѣжали солдаты изъ сосѣднихъ взводовъ и торопливо спрашивали, кого это домой, когда это?

— Чего вы рыжому вѣрите? съ усиліемъ выкрикнулъ смиренькій унтеръ-офицеръ. Звонъ, одинъ звонъ... Я знаю вѣрно, самъ командиръ при мнѣ говорилъ, только женатымъ отпускъ, ни единому человѣку больше...

— Замололъ, женатымъ! По какому положенію женатымъ? съ азартомъ накинулись на унтера всѣ холостые, которыхъ было большинство.

— А вот по тому положенію: мало ли за войну народу перебито. Женаты, глядишь, опять надѣлаютъ... сколько угодно...

Холостые стали возражать, по ихъ мнѣнію, очень вѣско. Споръ затянулся.

Въ противоположномъ углу казармы кто то чиркнулъ спичкой и зажегъ стеариновую свѣчу. На маленькомъ столкѣ возлѣ койки жирная рука солдата изъ прищипковъ развертывала бумажки съ колбасой, масломъ. Зимой солдаты большую часть сутокъ ходятъ въ полутьмѣ и потому, какъ мотыльки, идутъ на огонь. И теперь нѣкоторые изъ спорившей группы обернулись и съ завистью смотрѣли, какъ обладатель съдобнаго медленно намазывалъ хлѣбъ, разрѣзалъ колбасу на тонкіе кружки. Споръ сталъ затихать и наконецъ совсѣмъ оборвался. Не одна пара блестящихъ глазъ была устремлена на счастливаца и несчастивца вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣлаго хлѣбъ съ масломъ накануне рожества.

— Ножиковъ! Къ тебѣ жонка приѣхала. Тупай! Запыхавшись объявилъ дневальный.

— Врешь? Радость и недоувѣріе выразились на лицѣ Ножикова.

— Тупай, говорятъ тебѣ! Дневальный исчезъ.

Въ снѣгахъ казармы передъ грязной лѣстницей, гдѣ сильно пахло моврыми ошлбами, стояла молодая женщина, держа за руку дѣвочку лѣтъ пяти. Дѣвочка изумленно взглядывала въ лицо матери и по временамъ произносила:

— Мама, мнѣ холодно.

— Ножиковъ, здѣсь! направлялъ дневальный.

— Голубчикъ ты мой сизый! Женщина заплакала, цѣлуясь съ мужемъ. Вотъ и Машу привезла, говорю, тятка гостинцевъ дастъ...

Большіе глаза дѣвочки съ любопытствомъ и страхомъ уставились на «большого» въ шинели.

— Не узнаешь, пострѣленокъ! Ну, иди ко мнѣ.

Ребенокъ припалъ къ ногамъ матери.

— Гдѣ ты остановилась? спросилъ Ножиковъ...

— Да нигдѣ покажѣть. Какъ съ машины, такъ и сюды. Тамъ и узелокъ остался. Думаю, ужь не случилось ли чего, Боже сохрани. И не вытерпѣла...

Первый день праздника Пожниковъ былъ у обѣдни и гулялъ по городу вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ, котораго водилъ за руку. Благодаря дѣтской подвижности, дочь скоро привыкла къ отцу и сразу полюбила, такъ какъ тятка ласкалъ ее и далъ гостипцевъ. Быстро пролетѣли счастливые три дня. Утѣшеніемъ при разлукѣ служилъ безсрочный отпускъ въ скоромъ будущемъ и, стало быть, жизнь вмѣстѣ по прежнему.

V.

Въ безсрочный!

Наступила та поздняя весна, когда переменны температуры бываютъ чрезвычайно рѣзки. Днемъ таетъ довольно сильно, почной морозъ, повидимому, сводитъ работу солнышка на нѣтъ, сковывая талыя кучки снѣга въ твердыя глыбы, превращая широкія лужи въ настоящій катокъ. Утромъ какая-нибудь поручица торопливо бѣжитъ на рынокъ въ мѣховомъ салопѣ, прикрывая носъ муфтой; деньщикъ, сопровождающій ее, по зимней привычкѣ, ставитъ башлыкъ на затылокъ. А въ полдень, смотришь, уличные мальчишки въ однихъ рубашенкахъ шлепаютъ голыми ножками по лужамъ улицъ, солдаты въ красныхъ и синихъ фуфайкахъ сидятъ на припекѣ у казармъ.

Солдатскій мірокъ волновался: «старьки» уходили домой. Жаль было разставаться съ старыми друзьями и вмѣстѣ радостно, потому что отпускъ однихъ напоминалъ остальнымъ, что близится ихъ чередъ.

— Нешто вправду мундеровъ-то нонѣ не получимъ? спрашивалъ Аксеновъ эфрейтора, сидѣвшаго на скамьѣ съ сол-

печной стороны казармы и, заслоня лѣвой рукой глаза, разсматривавшаго что-то через площадь.

— А Богъ ё вѣдаетъ. Можетъ, дадутъ... Ахъ пострѣль! Мотри, въ лужу садится.

Аксеновъ прищурился: дѣти бродили въ лужѣ, одинъ сѣлъ въ нее, доносилось веселое взвизгиванье.

— Чертъ съ нимъ! Пуцай садятся, коли охота...

Съ крыльца казармы, какъ нуцешное ядро, вылетѣлъ Ножиговъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, ловко обернувшись, всталъ въ угрожающую позу и засучилъ рукава. Едва успѣлъ онъ крикнуть:

— Много-ли васъ? Выходи! какъ съ десятокъ здоровыхъ смѣющихся парней, тѣсясь въ дверяхъ, выбѣжали на волю и съ крикомъ ура бросились на Ножигова. Пронзошла свалга: мелькали кулаки, стриженные затылки, широкія спины.

— Смерти, или живота?

— Брось, довольно...

— Нѣтъ, врешь. Говори прямо: смерти, или-живота?

— Брось... все одно—повалили, сказалъ дюжій бѣлобрысый новобранецъ и подоломъ рубашки сталъ утирать потъ на лбу.

Веселый яркій полдень развеселилъ всѣхъ.

— Что, дохвасталъ? подсмѣивались нападавшіе, межъ тѣмъ какъ Ножиговъ отряхался и стиралъ грязь съ колѣнъ и спины.

— Теперь склизко. Подождемъ травы, тогда увидимъ: кто кого?

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ ослабѣло усиленное дыханіе борцевъ и побѣдители достаточно накуражились, а побѣжденный истощилъ свои возраженія. Наконецъ всѣ успокоились и присѣли на корточки и на скамейку въ эфрейтору.

— Ножиговъ, слышалъ? сказалъ Аксеновъ. Первосрочной одежи нонѣ не получимъ.

— Штуки все, федьфебельски штуки, ужъ я знаю, отвѣтилъ Ножиговъ.

— Каки тамъ штуки? Вѣрно, не получимъ. Въ приказѣ, говорятъ.. главный штабъ...

— Ты читалъ приказъ-отъ?

— Нѣтъ, я не читалъ. Писарь говорилъ.

— И не суйся, коли не читалъ. А я самъ собственными глазами видѣлъ: тамъ надвое сказано.

— Какъ надвое? Должно, ты не понялъ?

Ножиковъ презрительно усмѣхнулся.

— Да, если не выдадутъ—въ старомъ придется дома щеголять.

— Будь спокоенъ—дадутъ. Эти слова были произнесены тономъ, не допускавшимъ сомнѣній. Аксеновъ повеселѣлъ.

Пришелъ и давно желанный день опроса претензій полковымъ командиромъ. Опускные билеты были выправлены, солдаты всѣмъ удовлетворены по положенію и выстроены на плацу. Явился генераль съ батальонными и ротными командирами и сталъ обходить шеренги, получая вездѣ одинъ отвѣтъ: никакъ нѣтъ, никакъ нѣтъ.

— Ваше пр—ство, намъ мундеры не выданы, прежни года выдавали, заявилъ Ножиковъ.

— Подполковникъ, вы объяснили людямъ новыя правила? обратился генераль къ батальонному и, угадавъ отвѣтъ того по выраженію лица, продолжалъ: я былъ увѣренъ, что да. Болванъ! вскипѣлъ генераль на Ножикова. Еще георгиевскій кавалеръ!..

— Позвольте объяснить, ваше пр—ство...

— Молчать!

— Ваше пр—ство, а...

— Арестовать его!

— Ишь какъ чудесно... Богъ накинулъ голубой платочекъ на землю... одѣваетъ ее въ зеленое платье... Хорошо! Тебе, Бога, хвалимъ... И дорога-то въ нашу сторону... А, курочка! Голубушка ты моя... собираетъ себѣ по зернышку и сыта. И

у меня, поди, тоже курочки не вывелись... Теперь цыплятки есть... съ алой гривой... алошалевы лучше»...

Такія мысли ползли, переплетаясь, въ головѣ Ножикова, выглядывавшаго черезъ рѣшетку карцера.

— Кутя, кутя, поманилъ онъ въ форточку курицу, бродившую одиноко на задахъ казармъ, поклевывая тамъ, тутъ въ сорной землѣ. Курица, вѣроятно, не ожидавшая здѣсь человѣческаго голоса, приподняла голову, склонивъ се на бокъ, вытянула шею, мигнула нѣсколько разъ и насторожилась.

— Кутя, кутя, снова поманилъ Ножиковъ. Курица удивленно поглядѣла на звавшаго, медленно поворотила въ сторону и побрела, не торопясь, поклевывая.

«Ушла... Земляки забѣжали на одну мннутку... ишь, слѣхъ пришелъ... много хлопотъ—ѣхать домой! Шапку въ охапку и готово... Теперь-бы одна сотня верстъ оставалась. За языкъ развѣ тянули?.. Самъ напросился—расклебывай... Я свое получу. Еще не родился тотъ человѣкъ, который меня обморочить... И въ приказѣ тоже очень ясно... Не иначе, какъ не поняли сами-то... За что-же держать?.. За что держать?»

Ножиковъ отошелъ отъ окна и сѣлъ на пару.

«Съ дуру, что съ дубу: упадешь — не встанешь. Главная сила, перечилъ... Характеръ такой — не удержишься... Не полагается... Сколько лѣтъ выдавали, а тутъ на—поди... Рубля три стоитъ—не ладутъ и того, пожалуй... Все-таки не по закону... А если не выходитъ по приказу-то? Отдувайся тогда. Недѣли три, пожалуй... нѣтъ больше. Хоть-бы рѣшили скорѣй.. Какъ ни какъ все дома будешь... Машутка выбѣжить... жонка»...

Ножиковъ сталъ быстро ходить.

«Не по правилу. Всѣ говорили, только никто не сказалъ... поджилки затряслись, небось. Дурака нашли... Ножиковъ скажетъ... Тамъ что будетъ... Сами домой, подавай, Богъ, ноги... Что, если судить будутъ? Нѣтъ, не будутъ... не за что... Чего добраго, еще призовутъ, скажутъ: вотъ тебѣ по ошибкѣ не выдали, получай и поѣзжай... За что держать тогда?»..

Правой рукой Ножиковъ ухватился за желѣзную рѣшетку.
«Дѣло ясно—не виновать... Характеръ такой, ваше пр—
ство. Завсегда служить готовъ... Пришла чередѣ домой идти...
пойду... Я кровь проливалъ, скажу... позвольте домой!»!

— Домой! вслухъ возкликнулъ Ножиковъ и дернулъ рѣ—
шетку; та свистнула на ржавыхъ гвоздяхъ.

Черезъ полгода военный окружной судъ разсматривалъ
дѣло за № 4. 305 о попыткѣ рядоваго Ножикова бѣжать изъ
карцера со взломомъ стѣны, причемъ побѣгъ не удался по
причинамъ, не зависѣвшимъ отъ виновнаго.

Ножиковъ былъ осужденъ въ арестантскія роты.

В. П.

Взглядъ крестьянъ на школу.

Утро. Въ сельской школѣ переключка.

— Абакумовъ? здѣсь?

— Нѣтъ, его нѣту! отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Почему?

— На базаръ съ отцемъ уѣхалъ.

— Что же онъ тамъ будетъ дѣлать?

— Да что... ученики улыбаются: на телѣгѣ сидѣть, да ва-
лочки ѣсть.

— Бѣлоусовъ?

— Нѣту.

— Этого почему?

— Съ матерью къ празднику въ Борщевое уѣхалъ.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ.. зачѣмъ къ празднику то ѣздить?

— Гавриловъ?

— Онъ совсѣмъ не будетъ ходить.

— Отчего?

— Ну ё, говорить, неѣмше-то ходить.

— Какъ неѣвши?

— Они ему завтракать не варятъ, а придетъ изъ учи-
лища—щей нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Да таеъ! Похлѣбають сами за обѣдомъ всѣ щи, а онъ придетъ—ничего.

— Донскихъ?

— У него лаптей нѣтъ.

— Нивульшинъ?

— У нихъ гать то энту затопило, онъ и не перейдетъ.

— У него кажется сапоги есть?

— Ну что-жь? развѣ сапоги въ будни дадутъ?

— Шишовскій?

— Они дѣвку пропили, онъ нынѣ не придетъ.

— Щугоревъ?

— Онъ не будетъ ходить, его учить тетка, монашка.

— Петръ Егорычъ, обратился ко мнѣ одинъ ученикъ, подходя къ столу и держа въ рукахъ связку книгъ: вотъ мои книги.

— Что-жь ты, братъ? Ходить не хочешь?

— Да.

— Что же?

— Свое дѣло нашлось. Батя говоритъ—пора ужъ учиться башмаки шить.

Въ школу вошло нѣсколько человекъ взрослыхъ, они привели съ собой дѣтей.

— Имѣемъ честь кланяться-сь! привѣтствовалъ меня мѣщанинъ, подходя къ столу и ведя за руку сына съ намасланными до лоску черными волосами.

— Вы желаете сына помѣстить въ школу?

— Точно такъ-сь, ухмылялся Разуваевъ самымъ приторнымъ манеромъ.

— Ему сколько лѣтъ? онъ еще не учень?

— Восемь-девятый-сь. Нѣтъ еще, когда-же-сь, помилуйте! Онъ у насъ одинъ-сь, мы его... Да намъ бы не до большаго, а мало-мало, писать бы поскорѣе,—это для насъ самое главное, потому дѣло наше коммерческое, вездѣ, знаете ли, свой глазъ нуженъ, потому народъ, а народъ, вы знаете, какой нынѣ? если таперечко не доглядѣлъ самъ, ну и не спрашивай. Народъ, народъ выпичка, извѣсто...

— Ну, мальчикъ, садись сюда то, вотъ и будемъ учиться, поспѣшилъ я прервать Разуваева, зная напередъ, что если онъ началъ о народѣ, ну и не дожидайся конца.

— Онъ съ ними будетъ? указалъ Разуваевъ на учениковъ.

— Да.

— Нынчика-съ всё сравнялись, ноня-съ...

— До свиданія, пусть онъ ходитъ, старался я отдѣлаться отъ словоохотливаго обдираюга.

— До свиданьяца. — Только вы пожалуйста не того съ нимъ, а то онъ у насъ не смѣлъ какъ то. Да памъ, говорю, и не до большаго... а главное письмо-съ...

— Ты, бабушка, кого привела? обратился я къ старухѣ.

— Да я, родимый, вотъ внученка, указала она на черноглазаго мальчугана лѣтъ двѣнадцати:—онъ у насъ ужъ ученъ, да не дюжа, а отецъ бакчами занимается, народъ, значить, бываетъ, разсчетъ тамъ всякій, иной разъ для памяти записать пужно, а онъ еще не умѣетъ, чего-жъ ты сдѣлаешь-то? Отецъ то и говоритъ: поведи, говоритъ, бабка, авось чему нибудь... Намъ, родименькей, хоть не до божескаго, а лишъ бы запись то вотъ эту.

Я указалъ мѣсто мальчику.

— Ты тоже мальчика привелъ? обратился я къ мужичку—сѣрячку.

— Да, отвѣтилъ мужикъ.—Вотъ, продолжалъ онъ иронически, сынишка въ писарья захотѣлъ выдти. Извѣстное дѣло—тварь: ребятишки, видить, бѣгаютъ, ну и его охота пошибла, а робкой кобылы жеребенокъ то боится. Последнюю фразу мужикъ произнесъ тономъ презлѣйшей ироніи.

— Ну, ну! Чего боишься то! продолжалъ улыбаться мужикъ, отпихивая отъ себя сына, который обѣими руками вцѣпился въ него,—садись вонъ въ Пашкѣ то, а то—учиться да учиться! вотъ тѣ и учиться; небойсь, здѣсь проберутъ, этъ тѣ не въ казанки, этъ тамъ то ты востеръ!..

Мальчикъ усѣлся.

— Что-жь и понимаютъ что? еще разъ улыбулся мужикъ, указывая на учениковъ.

— Какъ же, понимаютъ, отвѣтилъ я.

— Ишь ты! удивился мужикъ. — Да оно знамо, — припаялъ онъ болѣе серьезный тонъ, — ребячье дѣло, дѣла чтоль за ими какія? Намъ то оно, вѣстимо... такъ кубыть... начальство требуетъ, да заведеніе такое пошло по всѣмъ селамъ, а то знамо дѣло... Да оно пожалуй и намъ ничего, какъ бы спохватился мужикъ: вовъ я надесь къ Кузьмѣ зашелъ, а Гришатка его псалтырь читалъ, -- такъ нечего сказать, послушать пріятно, особливо Гришатка: — малый то рѣчистый, шелудякъ, такъ и отливая. И по мертвомъ, коли годится, почитать хорошо, все душѣ отрада, а то извѣстное дѣло, народъ мы слѣпой: — грѣшнить — такъ давай, а такъ чтобъ на счетъ помолиться... Лба иной перекрестить не умѣеть. Чего тамъ говорить, темный народъ да и все тутъ!

— Ну прощай! Учи, коли не залѣнится, авось писарь будетъ, указалъ мужикъ на сына.

— Прощай, буду.

— Господинъ учитель, запишите моего сына, отбарабанилъ солдатъ, быстро подходя къ столу и становясь въ знакомую ему позу.

Я записалъ и указалъ мальчику мѣсто, гдѣ сѣсть.

— Садись, да шалостей у меня чтобы.... Боже тѣ избавь! Я потачки не дамъ! Я васъ прошу, г. учитель, чтобъ вы значить того, потому я не люблю, я самъ все это до подлинности знаю, у васъ бывало въ полку какъ... Я не люблю эфту мужиковщину, необразованность, у меня чтобъ зналъ какъ съ человекомъ обхожденіе имѣть, а эфта сиволапщина!... — Ну, крестись, да чтобъ, говорю, не того, а то не проси милости! усаживалъ и наставлялъ солдатъ сына.

— Прощайте, г. учитель, покорнѣйше благодаримъ.

— Прощай.

Большинство учениковъ — новичковъ пришли безъ провожатыхъ, одни: вѣроятно потому, что не робки, не боясь, а

можетъ быть и потому, что не имѣли такихъ чувствительныхъ родителей, которые согласились бы потворствовать всякому вздору: «коли охота пошла, ступай, не съѣзжать, а не хочешь,—не ходи».

— Михаилъ гдѣ будетъ? обратился я къ бабѣ, подходя къ избѣ крестьянина, сынъ котораго что-то пересталъ ходить въ школу.

— Дома, онъ въ избѣ, отвѣтила мнѣ баба, кивнувъ головой.

Я вошелъ въ избу.

— Здравствуйте.

— Добраго здравія, отвѣчали мнѣ.

— Что хорошенькаго скажешь? обратился ко мнѣ Михаилъ, добродушно улыбаясь и протягивая руку.

— Да вотъ къ тебѣ.

— Что? небойсь все насчетъ ребятшевъ?

— Да.

— Охота тебѣ таскаться по имъ! Не ходить,—ну и песь съ имъ. Не надоѣли зиму-то, еще лѣтомъ нарвонись собрать? А мы вонъ когда зимнее время дома бываешь, такъ хоть бѣги, всѣ уши прожужжать, ужъ къ тебѣ посылаешь: ступайте, молъ, ребята въ училище, тамъ васъ жѣлаютъ, а то отъ васъ голова вскружится.

— А теперь-то отчего не ходить? дѣло есть?

— Ну какое за имъ дѣло, такъ болтается: кой у телѣги посидить, хлѣбъ отъ ворона покараулить, кой водицы принесть мнѣ на борозду, а то убѣжить куда.

— Ну такъ лучше посылай, чѣмъ болтаться.

— Надо велѣть, коли говоришь—нужно. Да чему, скажи, только вы ихъ учите? Зиму ходятъ, лѣто тоже. Ну что? въ писарья не выдутъ, а читать ужъ горазды.

— Почему-жъ ты думаешь, что не выйдутъ?

— А потому, что до большаго довести, у насъ капитала не хватитъ, а если такъ себѣ, писаришка, забудыгу,—намъ

его не надо, потому что онъ ни туды, ни суды-то, ни къ тому берегу, ни къ этому?

— А какъ-же у Алексѣй Гаврилова-то?

— То другая статья. У него и дѣдъ съ отцомъ не работали и онъ съ сыномъ не будутъ, потому такой жребій ихъ, такъ они, къ примѣру, сказать заправили себя, не привыкли къ черной работѣ.

— Но все-таки вышелъ же? А безъ денегъ.

— Выдти-то вышелъ, да вѣдь всѣ-то въ писарья не попадаемъ?

— Школа и не въ одни писаря учить, а тамъ мы по разнымъ книгамъ и хозяйству кое-какому научаемся.

— Хозяйству.... Михаилъ покачалъ головой. Да какое-жъ тамъ хозяйство? удивился онъ. Хозяйство знамо гдѣ, а тамъ какое хозяйство?..

— А грамота развѣ не нужна въ вашемъ обиходѣ?

— Оно какъ не нужна, грамотный человекъ не то, что мы, да только до большой грамоты мы не доведемъ, чтобы эдакъ куды подалше, а эта грамота—что она? да она въ нашемъ быту и забывается скоро, потому сами мы неграмотные. А то какъ не нужна: грамотный, аль неграмотный? Неграмотный старшина не знаетъ какъ отвѣтить, а не то чтобъ большому начальству.

— Въ томъ-то и дѣло-то. Ну прощай.

— Съ Господомъ. Что, молъ, за тѣмъ и приходилъ?

— Да, я хотѣлъ сказать....

— Я вслю, велю.

По выходѣ отъ Михаила меня встрѣтилъ подгулавшій крестьянинъ, сынъ котораго ходить въ школу и учится довольно хорошо.

— А, П. Е., отецъ родной! простиралъ онъ бо мнѣ руки.— Давай подѣлуемъ! Ты у насъ кто? Инвараль? а? Мы тебѣ завтра 100 руб. прибавимъ, а мало 100—200 не пожалѣемъ!

Ты меня прости, я малость подгульнулъ. Да мнѣ что-жъ не подгульнуть-то? э! сынъ до дѣла доходить! Ты только учи, а я кажинай день буду посылать... Ты мнѣ лишь до дѣла доведи, а я..... Ну прощай, прости, не посуди дурака.

На другой день послѣ встрѣчи.

— Ивановъ? спрашивалъ я сына «подгульнувшего» крестьянина.

— Его нѣту, отвѣчали ученики.

— Почему?

— Отецъ куды-то усталъ.

— Куда же?

— Не знаемъ, такъ куды нибудь.

Изъ-за стѣны, отдѣляющей мою квартиру отъ классной комнаты, слышатся голоса крестьянъ, собравшихся въ школу отъ заурени подождать обѣда.

— А что, Федоръ Ивановичъ, и впрямь такіе звѣрья есть на свѣтѣ? спрашивалъ одинъ крестьянинъ сторожа школы, указывая на картины, развѣшенные по стѣнамъ школы.

— Вѣстимо есть, отвѣтилъ тотъ авторитетно: кабы не было, не стали бы и писать. Поѣзжай въ америки, тамъ не такихъ еще увидишь.

— Ишь ты; братецъ! удивился крестьянинъ.

— Да, и все учать, на все деньги нужно, добавилъ другой крестьянинъ.—Вонъ нашъ Миентка учился тоже, а что онъ?

— И къ чему въ нашемъ быту, вотъ что! какъ-бы отвѣтилъ третій крестьянинъ,—потому по нашему положенію эта грамота никому. Ну что, братецъ ты мой, выучимъ мы его?.. надо бы до дѣла доводить, ну такъ, а этъ что-же? ну выучился кой чему, а потомъ какъ поступилъ къ намъ, такъ и перзабылъ все, что и зналъ-то, а не то что...

— Это вѣрно. Вонъ дядинъ Андрюхинъ канурка вѣдь куды еще ученѣе? и читать, и писать, и все такое, а нынѣ все забылъ, даже и перо не знаетъ съ какого конца взять.

— То-то и есть!

— Бывало, хоть обходилось все это дешево: отдашь бывало Яфанычу, дьячку, 20 рублей, онъ и учить въ своей избѣ, а вѣдь нынѣ-то что вотъ она стоитъ? А тамъ протопить ее надо, сторожу, учителю жалованье. А все равно: что Яфанычъ училъ, что тутъ.

Сходка. Ото всюду, не спѣша, ползуть старики, собираются кучами и толкуютъ о разныхъ жптейскихъ дѣлахъ. Наконецъ сходъ полный, являются власти и объявляютъ о причинѣ совѣщаній.

— Въ числѣ оныхъ, читаетъ писарь: на содержаніе училища и жалованіе наставнику...

— Какъ, старички, утвердите по старому? перебилъ старшина.

— Много! много! Убавить! бунтоваль міръ. Будеть и ста рублей! Яфанычъ... въ нашемъ быту... ни буды... слышались потомъ отрывки крестьянскихъ мнѣній.

— Нельзя, старички! Нынѣ во всѣхъ селахъ... да и начальство отъ насъ требуетъ. Нѣтъ, нельзя, лучше что другое укрошите, уговариваль старшина, заряженный начальствомъ.

Подумавъ, потолковавъ, поспоривъ, мужички положили, что коли начальство... въ другихъ селахъ... чтожъ намъ-то? Утвердить! И утвердимъ.

Сходъ въ другомъ селѣ.

— Въ числѣ оныхъ, повторяетъ писарь: на жалованіе учителю 120 рублей.

— Какъ, старички, не многовато? дразь старшина холостой: А то на васъ и такъ не мало налогу; да еще не донмочки есть, а учителей-то нынѣ...

— Извѣстное дѣло много! Тутъ и такъ, указывали мужики на «хрипъ»... а учителей-то сколько хошь, да еще подешевле.

Въ концѣ концовъ порѣшили убавить учителю жалованіе до 75 рублей.

Все выше приведенное фотографически верно, но слишком неутешительно, и я очень опасаюсь встрѣтить недоверіе и подозрѣніе читателя, тѣмъ болѣе того читателя, который слышалъ мнѣнія о школахъ крестьянъ пригородныхъ, о которыхъ я здѣсь не говорю, ибо то другая статья, или составилъ понятіе о школахъ на основаніи газетныхъ сообщеній, гдѣ вещи очень часто не называются собственными именами. Ввиду этого, я спѣшу дополнить сказанное выводами изъ наблюденій, которыя мнѣ приходилось дѣлать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ своей учительской практики.

Крестьяне очень хорошо понимаютъ, что нынѣшнія школы сами по себѣ лучше старыхъ, дьячковскихъ, и тотъ, кто утверждаетъ, что крестьяне предпочитаютъ дьячковскую школу потому, что дьячки были, а въ нынѣшнихъ школахъ не бьютъ, — конечно смѣшитъ, потому что мужикъ хоть и сѣрь, а умъ у него ни кто не съѣлъ, и не можетъ онъ не предпочесть того, что хоть въ нынѣшнихъ школахъ и не бьютъ, а выучиваютъ скорѣе. Нѣтъ, не потому мужикъ предпочитаетъ дьячковскую школу современной, что дьячки дрались, а потому, что за гораздо большую цѣну результатъ нынѣшнія школы даютъ такой же, какой и встарь, думаютъ мужики, съ чѣмъ и я вполне согласенъ. Если сравнивать эти результаты съ мужицкой точки зрѣнія. Встарь, когда мужикъ мало чѣмъ отличался отъ домашняго рабочаго скота, когда образованные люди были очень далеки отъ него, когда обладателями высшей грамоты онъ видѣлъ только своихъ владыкъ, господъ, а низшей своихъ собратій, сельскихъ начетчиковъ, онъ двойко смотрѣлъ на грамоту: высшая грамота, думалъ онъ, пужна для господъ, чтобы въ ихъ врожденному благородству прибавить еще научное, низшая, мужицкая — ихъ брату, чтобы въ свободное время почитать книжку «для души спасенія». Теперь, когда мужика очеловѣчили, когда онъ развернуться можетъ свободнѣе, когда умственный кругозоръ его расширился, перешелъ границы господскихъ владѣній, а главное — когда, такъ называемая, пи-

телигенція болѣе приблизилась къ мужику, взглядъ его хоть и остался двоякимъ, но нѣсколько измѣнился: высшая грамота нужна не для того, чтобы быть бариномъ, какъ встарь, стала теперь думать мужикъ,—а для того, чтобы быть докторомъ, адвокатомъ, инженеромъ, архитекторомъ, землеѣромъ, учителемъ и «начальникомъ»; обладателемъ высшей грамоты можетъ быть и онъ, мужичекъ, но только очень рѣдко это удается имъ, а сѣрому-то мужику и никогда, поэтому они, предоставивъ высшую школу счастливымъ, себѣ оставили низшую, мужицкую, отъ которой по прежнему ожидаютъ только начетчика. Дьячковская школа давала лучшихъ начетчиковъ, чѣмъ современная. Дьячки учили безтолково, но безтолковой книгѣ, и ученики ихъ никакого толку не находили въ читаемыхъ ими книгахъ; но имъ этого толку и не нужно было; они знали одно, что книга ихъ на церковномъ языкѣ, значитъ непременно святая, а потому читать ее всегда полезно для спасенія души; ну и читали начетчики свои книжки до девятаго пота, читали и умилялись, хоть и ни слова не понимали изъ читаемаго; мужики очень довольны были какъ чтецами, такъ и учителями, а слѣдовательно и школамъ, потому что цѣль вполне достигалась. Теперь не то. Современный учитель учить толково, и ребята, читая книгу, понимаютъ читаемое. Но то, что они читаютъ и понимаютъ, не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ деревенской жизни: это или никому не нужный вздоръ или такія свѣдѣнія (о домашнихъ животныхъ, напр.), которыя извѣстны ученикамъ безъ книгъ и притомъ гораздо лучше, чѣмъ учителю. Выходитъ, что современная школа не даетъ и того, немногаго, что давала старая школа (званія «божественнаго»). Не даромъ мужики говорятъ: «нынѣ все возлики да возлики, а божескаго нѣтъ?» Правда, мужики допускаютъ, что школа можетъ дать еще писаря, но этому они не сочувствуютъ, потому что, говорятъ они, забудыга, ни туды, ни суды, бабы до «большаго»!

И такъ, вотъ взглядъ на школу мужичка-сѣрячка (а не кулака, которому грамота нужна, какъ подспорье для науки

обираюгін), вотъ его ожиданія и причина недовольства. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, быть довольнымъ, когда за тоже самое, даже меньшее, берутъ вмѣсто 20 рублей 300.

Мы недовольны, разумѣется, мужикомъ за такой узкій взглядъ, мы кричимъ, что школа развиваетъ человѣка умственно и нравственно и проч.; она даетъ ему многія очень полезныя въ жизни знанія; она научаетъ его разумной грамотѣ, при помощи которой онъ впоследствии, читая разныя полезныя книги, научится такимъ вещамъ, какія его отцамъ и во свѣ не снились; изъ книгъ онъ узнаетъ свои права и обязанности какъ члена семьи, общества, земства и гражданина государства и станетъ неизмѣримо выше своихъ неграмотныхъ сельчанъ; изъ книгъ онъ узнаетъ о другой, болѣе лучшей жизни, и постарается улучшить и осмыслить свою собственную; наконецъ нынѣшнія школы научаютъ своего ученика читать и понимать молитвы такъ, какъ встарь и сами учителя не понимали. Какъ же послѣ этого, восклицаемъ мы съ негодованіемъ, можно сравнивать нынѣшнюю школу съ дьячковскою?!

Но мужикъ смотритъ на это дѣло иначе, — можетъ быть потому во 1-хъ), что онъ реалистъ, а во 2-хъ) и потому, что не можетъ онъ иначе сморгѣть по тѣмъ даннымъ, какія есть на лицо. Мужикъ говоритъ: «умъ человѣку данъ отъ Бога, и у кого его нѣтъ, того хоть не учи». И такъ до пониманія отдаленной пользы отъ развитія мужикъ еще не доросъ. Что касается пользы для хозяйства, которую можно почерпнуть изъ «полезныхъ» книгъ, то на это мужикъ только улыбается; онъ въ этомъ отношеніи настолько гордъ, такое высокое мѣсто отводитъ себѣ, что не допускаетъ и мысли, чтобы кто нибудь былъ компетентнѣе его въ хозяйствѣ, чтобы хозяйству его нужно учить. «Хозяйство», улыбается онъ, «а тамъ какое хозяйство? Хозяйство знамо гдѣ». Но виноватъ ли въ этомъ мужикъ? Нѣтъ, конечно, и тысячу разъ нѣтъ. Вѣдь книжекъ этихъ «полезныхъ» онъ не видалъ, вѣдь ихъ нѣтъ въ народѣ, такъ откуда же у него составитсѣ понятіе о нѣ

Нѣтъ книжекъ, не читаютъ изъ школькни, ну и грамотностью обладаютъ 2—3 года по выходѣ изъ школы, а потому и мужики не цѣнятъ ее, хотя и говорятъ, что «грамотный, аль неграмотный». Да, и не станеть мужикъ ожидать отъ школы ничего, кромѣ начетника, и не перестанеть предпочитать въ этомъ отношеніи «яфанычеву» школу, не перестанеть смотрѣть на школу, какъ на ребячью игрушку, а на учителя, какъ на «ребячаго учника», до тѣхъ поръ, пока не будетъ данъ свободный доступъ хорошимъ книгамъ въ народъ, пока школы не будутъ снабжены хорошими библіотеками, пока при нихъ (школахъ) не будетъ читалень, пока, наконецъ, тѣ, кто такъ или иначе призванъ сѣять въ народѣ сѣмена просвѣщенія, не перестануть смотрѣть на это дѣло съ высоты всемилостиваго феодала среднихъ вѣковъ. Мнѣ сейчасъ, дописывая эти строки, довелось слышать такое мнѣніе одного крестьянина, что я, впрочемъ, слышалъ почти въ каждомъ селѣ и отъ каждаго крестьянина: «Что вынѣ тамъ учать то? два да два — четыре, пять да одна — шесть — что это? Вотъ хоть бы мой сынъ: то читалъ о быкахъ, волахъ, да собакахъ, а то — вотъ ужъ съ конхъ поръ? наладилъ на какого то Ноя, да о какомъ то потоцѣ все читаетъ, — что это? Ходятъ, ходятъ, правда, а не одинъ никуда не вышелъ?» У крестьянъ почему то составилось мнѣніе, что если мальчишь хорошо учиться, то его непременно «казна должна взять и учить дальше»; между тѣмъ подобныя вещи случаются, какъ рѣдкость, и крестьяне очень недовольны тѣмъ учителемъ, у котораго ни одного мальчика никуда не взяли. Козловское земство, начиная съ 73 года по 81, посылало ежегодно по четыре мальчика изъ лучшихъ учениковъ всего уѣзда въ тамбовскій Еватерининскій учительскій институтъ, но въ 81 г. этотъ прекрасный обычай прекращенъ, и будто потому, что некуда дѣвать учителей, которые выходятъ изъ института. Очень жаль, конечно, близорукость козловскихъ земцевъ, и не дурно было бы другимъ земствамъ поднять брошенное козловцами.

Вотъ для характеристики свѣдѣнія о томъ, какъ въ одной

изъ лучшихъ школъ Коловскаго уѣзда ученики посѣщаютъ уроки. Въ 1880—81 учебномъ году въ Х—хъ училищѣ было 85 учениковъ, учебныхъ дней, съ 25 сентября по 24 мая 167, посѣщались уроки учениками такъ:

Имя и фами- лія ученика.	Иль числа учеб. дней.	Пропустить.	Выгъ.	Когда и по какой причинѣ вышелъ.
Абакумовъ .	167	34	133	24 мая на каникулы.
»	167	19	148	» » »
»	167	15	152	» » »
»	167	43	124	» » »
»	167	32	135	» » »
»	167	50	117	» » »
»	167	45	122	» » »
»	167	9	158	» » »
»	167	7	160	» » »
»	167	37	130	» » »
»	167	20	147	» » »
»	167	160	7	7 октября безъ причинъ.
»	167	23	144	24 мая на каникулы.
»	167	89	78	20 апрѣля безъ причинъ.
»	167	69	98	20 апрѣля безъ причинъ.
»	167	34	133	24 мая на каникулы.
»	167	25	142	» » »
»	167	88	79	1 апрѣля безъ причинъ.
»	167	20	147	24 мая на каникулы.
»	167	23	144	» » »
»	167	22	145	» » »
»	167	44	143	» » »
»	167	85	82	27 февраля перемѣн. жительства
»	167	48	119	1 апрѣля пасти стадо.
»	167	10	157	24 мая на каникулы.
»	167	14	153	» » »
»	167	141	26	2 ноября безъ причинъ.
»	167	25	142	24 мая на каникулы.
»	167	6	161	» » »
»	167	123	44	» » »
»	167	98	69	» » »
В Т О Р О Е О Т Д Ъ Л Е Н І Е.				
»	167	51	116	20 апрѣля безъ причинъ.
»	67	27	140	24 мая на каникулы.

Имя и фами- лія ученика.	Изъ числа учебн. дней.	Пропущеннѣ.	Вмѣ.	Когда и по какой причинѣ вышелъ.
Абакумовъ .	167	112	54	18 марта безъ причины.
„	167	109	58	24 марта безъ причины.
„	167	80	87	10 марта безъ причины.
„	167	103	64	26 марта безъ причины.
„	167	153	14	1 ноября побираться.
„	167	145	22	1 апрѣля безъ причины.
„	167	64	103	23 марта безъ причины.
„	167	39	128	23 марта безъ причины.
„	167	120	47	23 марта безъ причины.
„	167	71	96	18 марта безъ причины.
„	167	56	111	23 марта безъ причины.
„	167	42	125	20 апрѣля безъ причины.
„	167	31	136	24 мая на каникулы.
„	167	68	99	„ „ „
„	167	60	107	16 марта безъ причины.
„	167	97	70	19 января безъ причины.
„	167	3	164	24 мая на каникулы.
„	167	9	158	„ „ „
„	167	17	150	„ „ „
„	167	56	111	7 марта безъ причины.
„	167	54	113	16 марта безъ причины.
„	167	102	55	8 января безъ причины.
„	167	27	140	24 мая на каникулы.
„	167	7	160	„ „ „
„	167	36	131	„ „ „
„	167	26	41	1 мая безъ причины.
„	167	77	90	24 мая на каникулы.
„	167	29	138	„ „ „
„	167	58	109	23 апрѣля безъ причины.
„	167	122	45	23 апрѣля безъ причины.
„	167	103	64	23 апрѣля пахать (ему 15 лѣтъ).
„	167	117	50	15 марта безъ причины.
„	167	122	45	17 марта безъ причины.

СТАРШЕЕ (ТРЕТЬЕ) ОТДѢЛЕНІЕ.

„	167	75	92	21 марта безъ причины.
„	167	78	89	24 мая уволенъ на каникулы.
„	167	13	154	24 мая получилъ льготы свидѣт.
„	167	8	159	24 мая не явился на экзамень.
„	167	43	124	23 апрѣля безъ причины.
„	167	41	126	23 марта безъ причины.

Имя и фами- лія ученика.	Издъ числа учебн. дней.	Пропусталъ.	Выгъ.	Когда и по какой причинѣ вышелъ.
Абакумовъ . . .	167	77	90	22 января безъ причинъ.
»	167	113	54	18 марта безъ причинъ.
»	167	43	124	24 мая отпущенъ на канникулы.
»	167	76	91	13 января безъ причинъ.
»	167	13	154	24 мая получилъ льготы. свидѣт.
»	167	19	148	»
»	167	35	132	»
»	167	28	139	Не выдержалъ экзаменъ.
»	167	39	128	20 марта безъ причинъ.
»	167	71	96	7 марта безъ причинъ.
»	167	23	144	24 мая получилъ свидѣтельство .
»	167	29	138	24 мая получилъ свидѣтельство.
»	167	49	118	24 мая получилъ свидѣтельство.

Третьяковъ.

Бурлачина.

(Изъ деревенской жизни.)

I.

Вторая недѣля великаго поста. Пасха въ этотъ годъ приходится чуть-ли не въ половинѣ апрѣля, а потому весна даже и теперь начинаетъ не на шутку заявлять свои права на господство. Чуть не каждую ночь крыши и застрѣхи деревенскихъ домовъ украшаются стройными рядами длинныхъ, тонкихъ, хрусталеобразныхъ сосулекъ, доставляющихъ по утрамъ неистощимый источникъ увеселеній и забавъ для подросткающаго деревенскаго молодого поколѣнiя. Вооружившись длинными палками, толпа ребятишекъ съ шумомъ и гамомъ, какъ стая воробьевъ, перебѣгаетъ отъ одного дома къ другому, обламывая и обивая ледяные сталактиты, которые падая на обледенѣлую и замерзшую еще поверхность почвы, тутъ же разлетаются и рассыпаются съ легкимъ трескомъ на тысячи мелкихъ кристаллическихъ кусочковъ; превратившись чрезъ нѣсколько минутъ въ свѣтлыя прозрачныя капли воды, эти кусочки бесслѣдно исчезаютъ въ губчатой массѣ рыхлаго, таллаго снѣга.

Не смотря на то, что на дворѣ еще мартъ мѣсяць, природа начинаетъ уже по немногу пробуждаться отъ своего по-

лугодичнаго летаргическаго сна. Въ воздухѣ совершается что-то необыкновенное... Всюду чувствуется животворное дыханіе весны. Каждый день приноситъ съ собою что нибудь новое, что-нибудь такое, что напоминаетъ скорѣ лѣто, чѣмъ зиму, хотя, на самомъ дѣлѣ, царство послѣдней далеко еще не кончилось. И хоть Сенька Оверкипъ вчера и божился, что видѣлъ дикихъ гусей, но Трифонъ Семенычъ, самый старшій и самый опытный старикъ во всемъ селѣ, которому извѣстны всѣ примѣты мужицкія на счетъ тепла и холода, дождя или вѣдра, и который знаетъ наизусть чуть-ли не всю псалтырь и святцы, только головой тряхнулъ и, выглянувши на минутку на Сеньку изъ подъ своихъ густыхъ сѣдыхъ бровей, только и проговорилъ ему въ отвѣтъ: «прималындывай больше», а это значить, что до настоящей весны еще далеко, и что Сенька либо совралъ, либо оглядѣлся, потому что никто лучше дяди Трифона не знаетъ времени наступленія весны.

Вотъ и сегодня денекъ выдался такой хоть куда, если-бы только не снѣгъ, право счелъ-бы, что наступила заправская весна, такъ хорошо тепло и отрадно на вольномъ воздухѣ. Высокій бѣлоствольный березнякъ, густой щетиной поднявшійся за церковнымъ угоромъ (бугромъ) словно замеръ въ ожиданіи чего-то чудеснаго, необыкновеннаго. Не телохнется не встретятся... Не то въ селѣ. Невозмутимая тишина полей и лѣсовъ здѣсь нарушается мычаньемъ коровъ, ржаньемъ лошадей, звономъ бубенчиковъ, скрипомъ отворяемыхъ воротъ и др. хорошо знакомыми каждому деревенскому жителю звуками. Тутъ-же раздаются и мѣрные плавные удары будничнаго, поліелейнаго колокола, призывающаго плачевнымъ голосомъ вѣрующихъ на молитву. Вышедшее изъ за высокихъ горъ солнышко припекаетъ уже совсемъ по лѣтнему. Съ деревянныхъ и соломенныхъ деревенскихъ крышъ гремятъ настоящіе водопады. На оголенныхъ вѣтвяхъ зашдевѣвшихъ за ночь придорожныхъ березъ дрожать и переливаются разноцвѣтными огнями, словно какъ какіе нибудь драгоценные камни, крупныя капли воды. На почернѣвшей дорогѣ чирикаютъ и

суетятся стая воробьевъ, покряпываютъ звонкоголосыя галки и безъ устали стрекочуть, перепрыгивая съ одного мѣста на другое, неугомонныя болтушки сороки.

Времени еще немного, всего только восемь часовъ утра, но не смотря на это, безсмѣнный десятскій Красноурѣчинскаго волостнаго правленія, Тимка кривой, служащій въ этой должности чуть-ли не съ самаго дѣтства, уже два раза обѣжалъ весь свой околодокъ, постукивая рѣзнымъ батажомъ, символомъ десятнической власти, въ ставни и оконницы обывательскихъ домовъ и приглашая всѣхъ домохозяевъ явиться сегодня на сходку въ волостное правленіе, потому: «становой пріѣхалъ недоимку собирать, а подрядчики—бурлаковъ нанимать». Около нѣкоторыхъ домовъ «по хуже» Тимка стучалъ до тѣхъ поръ, пока не выглядывалъ наконецъ самъ хозяинъ.

— Чево те надать, огалтѣлый! сердито спрашивалъ онъ у десятника.

— Иди на сходку. Становой пріѣхалъ недоимку собирать.

— Ну, дакъ што-што пріѣхалъ?

— Старшпна велѣлъ сказать, што-бы ты севодни безпримѣнно на сходку пришлолъ.

— Ну, дакъ што, и прійду... знаемъ и безъ ево... а ты не ломись, а не то... Но «Кривой» ужъ не слушалъ и бѣжалъ въ слѣдующему окошку, гдѣ снова повторялась та же самая сцена, съ небольшими развѣ варіаціями.

Всѣ тѣ, которыхъ Тимка-Кривой допытывался такъ усленно и особенно усердно приглашалъ на сходку, были «недопщники», т. е. люди, за которыми числилась недоимка по государственнымъ и земскимъ податямъ и повинностямъ.

Вотъ и сей часъ стоитъ онъ у худенькой, покосившейся на бокъ избышки и усердно выбиваетъ своимъ вырѣзнымъ батажомъ мелкую барабанную дробь по перекошеной почернѣвшей отъ времени и непогоды рамѣ.

— Што тебя лѣпшій-отъ убиваетъ, чево ты ломишься-то? высовывается въ окошко баба.

— Дома хозяинъ-отъ?

— Прійду, прійду. А попилъ бы, пра, чайку-то, куда тебѣ торопиться-то, успѣешь вѣдь исшо, а?

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю, и то опоздалъ, а баринъ — отъ нынѣче сердитый, тово и гляди, што въ бороду вцѣпится...

— Твоя воля, твоя воля... какъ знаешь.

— До свиданья пока, и Тимка-Кривой, отвѣсивши низкій поклонъ булаку, повернулъ назадъ, такъ какъ домъ Двоежилова былъ послѣднимъ, и зашагалъ къ волостному правленію.

II.

Хозяинъ той избы, гдѣ обругала Тимку-Криваго баба, Спиридонъ Захаровъ, былъ дома. Онъ только что пришелъ съ гумна, гдѣ молотилъ у сосѣда рожь, и, пока баба возилась около печки и приготавлила для него завтракъ, забрался было на палати отдохнуть и порасправить свои косточки.

Приглашеніе на сходку было для него крайне неприятнымъ сюрпризомъ. Неприятнымъ не только потому, что оно отвлекало его отъ работы, но и еще потому, что за нимъ въ этомъ году вмѣлились поряточные недонжки, чуть-ли не въ 18 рублей слишкомъ, что въ перспективѣ не представляло, конечно, ничего пріятнаго.

Спиридонъ слышалъ съ полатей весь разговоръ десятскаго со своей бабой. Онъ не проронилъ изъ этого разговора ни одного слова, но тѣмъ не менѣе не трогался съ полатей.

— На сходку зовутъ.

— Небось, не оглохъ исшо. II Спиридонъ сердито заворочался на полатяхъ, ударилъ случайно подвернувшуюся кошку, обругалъ кого-то сволочью и снова замолкъ...

Однако надо было собираться на сходку. Старшина и въ самомъ дѣлѣ оштрафуетъ, потому эго для него все равно, что плюнуть. «А тутъ вотъ исшо и недоимки»...

— Нуко собирай на столъ што-ли да надо идти.

— А чево исъ-то станешъ?

— А што у тебя есть?

Не успѣлъ Тимка-Кривой стукнуть батожкомъ въ размале-
ванный подоконникъ и двухъ разъ, какъ открылось окошко и
въ немъ показался самъ хозяинъ.

— А, Тимофей Ивановичъ! въ кои-то вѣки ужъ тебя я ви-
дѣлъ.

— Семену Ивановичу, проговорилъ тотъ снимая почтительно
свою кудлатую баранью шапку.

— Здравствуй, здравствуй! Да ты чево-это стоишь-то тутъ.
Иди въ избу. У меня самоваръ на столѣ, выпей чашечку, по-
парь брюхо, а?

— Нѣтъ, покорно благодарю, некогда, надо въ волостное
идти. Становой вѣшь вчерась пріѣхалъ... опять же вотъ и под-
рядчики... такъ велѣно значить севодня сходъ собрать... недо-
имку собирать будутъ.

— Вотъ што—протянулъ Двужиловъ, и маленькіе рысинные
глазки его безпокойно забѣгали по сторонамъ, какъ два мы-
шенка.—Тэ-экъ-съ! А откуда подрядчики-то, знакомые или
нѣтъ?

— Нѣтъ, не знакомые. Какіе-то заводскіе или городскіе,
кто ихъ знаетъ. Въ лисьихъ шубахъ все.

— Одни пріѣхали?

— Нѣтъ, вмѣстѣ со становымъ.

— Свои значить, тэ-экъ-съ, протянулъ снова Двоежиловъ
и глазки его забѣгали по сторонамъ еще сильнѣе. А Комаро-
ва-то нѣтъ?

— Нѣтъ и онъ здѣсь; да только онъ-то нынче самъ по
себѣ...

— Не поладпи значить—сообразилъ про себя Двоежи-
ловъ и потомъ прибавилъ въ слухъ.—Такъ у васъ севодни
значить сходка, тэ-экъ...

— Это точно, подтвердилъ Тимка.

— Ладно, ладно прійду. Отчего не сходить, занятно по-
смотреть какъ это будутъ грызться подрядчики-то.

— Такъ ужъ, пожалуйста, Семень Ивановичъ... я такъ ужъ
и старшинѣ скажу.

красной, зеленой и голубой красками въ самые причудливыя и фантастическія узоры и цвѣты.

Крѣпко не хотѣлось сегодня Спиридону идти на сходку. Чужало его сердце, что тутъ что-то не ладно.—«Не даромъ же подрядчики вмѣстѣ съ становымъ пріѣхали... пошлетъ вотъ какъ за недонмку-то мѣсяца на полтора, на два бурлачить, вотъ тибѣ и пашня, вотъ тибѣ и сѣвъ!», размышлялъ онъ по дорогѣ, уныло посматривая по сторонамъ. Не проста это намедни старшина то вычитывалъ намъ бурлацкія правла ¹⁾, а Комаровъ, да Двоежиловъ вызывались платить за насъ недонмку... Вотъ теперь и подтянуть, засунуть... охомутаютъ такъ, што и въ жисть не выперстится. Эка жисть! вздохнулъ тяжело Спиридонъ и съ ожесточеніемъ плюнулъ на сѣроватую галку, назойливо вертѣвшуюся около его ногъ.

— Любезному сосѣду Спиридону Захаровичу! раздался голосъ позади Спиридона.

Тотъ обернулся.

За римъ, въ двухъ-трехъ шагахъ, шелъ Двоежиловъ въ новой суконной шубѣ, высовихъ смазныхъ сапогахъ и дорогой бобровой шапкѣ, изъ подъ которой виднѣлись косицы обильно смазанныхъ коровьимъ масломъ волосъ.

— Аль на сходку? спросилъ онъ, поравнявшись съ Спиридономъ.

— На сходку, отвѣтилъ тотъ угрюмо.

Нѣкоторое время они шли молча. Спиридонъ, казалось, что-то обдумывалъ.

— А что, Спиридонъ Захарычъ,—началъ Двоежиловъ мягкимъ слащавымъ голосомъ:—нынѣче, говорятъ, и за тобой недонмочка есть?

— Какже, есть, отвѣчалъ тотъ и нахмурился.

— Што дѣлать, што дѣлать, участливо вздохнулъ Двоежиловъ,— всѣ подъ Богомъ ходимъ. Нынѣче ты, завтра я... А раздобылся деньженками-то?

¹⁾ Условія найма рабочихъ на барки.

— Откуда ихъ взять-то? Посовался туда-сюда, да съ тѣмъ и остался.

— А што же ко мнѣ-то пе пришелъ?

Спиридонъ смутился.

— Да такъ што-то, не привелось... думаль, обойдусь.

— Напрасно, напрасно, вотъ ужъ напрасно-то Спиридонъ Захарычъ,—укоризненно покачалъ головой Двоежиловъ,—ужъ кому другому, а тибѣ я всегда бы далъ. Дѣло сусѣдское. Другъ за друга, Богъ за всѣхъ. А тамъ глядишь—я тибѣ помогъ и ты бы меня не оставилъ. Попахалъ бы мнѣ, покосилъ, или тамъ пожалъ маленько, вотъ оно и ладно бы было, а деньги выплачивалъ бы исподоволь. Нудить то я тебя не сталъ бы... Есть деньги—далъ, нѣтъ—и не надо. Вотъ што другъ. А ты меня обидѣлъ, какъ предъ истиннымъ, обидѣлъ.

Спиридонъ смутился еще больше. Ласковымъ словомъ изъ иного человѣка можно веревки вить, и знай Спиридонъ Двоежилова по меньше, онъ ни на минуту не задумался бы взять у него денегъ. Но теперь ему не хотѣлось у него брать.

— Да я нынче собираюсь идти бурлачить.

— Бурлачить! Да што ты Спиридонъ!? Да ты вѣрно съ ума сошелъ совсѣмъ? бурлачить—эко слово-то сказалъ непутевое. Добры люди откупаются отъ бурлачины, а онъ бурлачить... А какже у тебя пашия то, да посѣвъ? А неровень часъ, въ дорогъ то испо прихворнешь?! А?

Спиридонъ зналъ это все не хуже Двоежилова, зналъ, что подобные случаи не рѣдки въ бурлацкой жизни, но, странное дѣло, чѣмъ больше говорилъ онъ съ Двоежиловымъ, тѣмъ больше онъ укрѣплялся въ мысли не занимать у него ни копѣйки: «лучше ужъ бурлачить идти, чѣмъ въ кабалу... Тамъ ужъ за одно... отломилъ путину-ю да и чисть, а у ево и себя и скотину изведешь, и долгу-то не выплатишь все равно».

III.

Красноярчичские крестьяне изъстаря лѣтъ занимались бурлацкимъ промысломъ, чему много способствовало то обстоятельство, что Красноярчье лежало не вдалекѣ отъ двухъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, въ самомъ центрѣ горнозаводской промышленности. Кругомъ было около 8—10 большихъ чугунолитейныхъ и мѣдно-плавильныхъ заводовъ, съ которыхъ каждую весну отправлялись большіе караваны, барокъ по 15—20, съ желѣзомъ, чугуномъ, мѣдью и кирпичами въ низовые города, и слѣдовательно рабочихъ на эти барки каждую весну требовалось много. Нанимали ихъ обыкновенно только до губернскаго города. Дальше барки сплавлялись или другими бурлаками или перегружались на баржи. Кромѣ самаго плаванія, бурлаки при заключеніи условія обязывались еще и построить ихъ и нагрузить, а потому должны были собираться на пристань задолго до начала навигаціи, когда рѣка и не думаетъ еще трогаться, а на замерзшей обледенѣлой почвѣ лежитъ толстый слой снѣга. Цѣну за свой трудъ бурлаки получаютъ обыкновенно по здѣшнимъ мѣстамъ хорошую, рублей 10—15, а иногда при очень спѣшной работѣ, т. е. когда напр. постройки барокъ почему-либо замедлялись, а между тѣмъ начиналось уже половодье, цѣна поднималась до 20 р. «за путину», такъ какъ бурлаки въ такихъ случаяхъ, не смотря на большіе штрафы и взысканія, начинаютъ расходиться по домамъ, потому что отъ малѣйшаго замедленія въ отправкѣ каравана, работа на баркахъ становится тяжелѣе и изнурительнѣе, плыть приходится на веслахъ и притомъ ежеминутно подвергаться опасности разбить барку или посадить ее на мель, при чемъ дѣло никогда не обходится безъ несчастій для бурлаковъ.

Но не смотря на такую значительную цифру какъ 15—20 р., въ руки бурлака попадетъ обыкновенно не больше трехъ-че-

тырехъ рублей; а изъ остальныхъ денегъ часть зачиталась въ счетъ податей и недоимокъ, при самомъ заключеніи условія въ волостномъ правленіи, а другая часть уходила на разные штрафы, поборы и взысканія за неисполненіе тѣхъ или другихъ условій, а иногда и просто не выдавалась. — «Зажилывалась» «Ищи-моль, коли охота, начинай дѣло». Дѣла эти, конечно, никогда не возникали, и не возникали по той простой причинѣ, что бурлаки хорошо знали извѣстную русскую пословицу: «Кобыла съ волками тягалась—хвостъ да грива осталась». Поругаютъ, поругаютъ бурлаки судохозяина «жидоморомъ, кровопивцемъ» и другими тому подобными нелестными именами, да съ тѣмъ и расходятся. «Што съ ево, жиди, возмешь? Мы народъ темный»—отвѣчаютъ обыкновенно они на вопросъ о причинахъ нежеланія ихъ начинать дѣло.—Да опять же и то сказать: ну, начнешь ты съ нимъ дьяволомъ дѣло, подашь мировому, а мировой-отъ што? Нешто онъ по нашему разсудить? Коли найдутся свидѣтели—ладно, а нѣтъ—дакъ и суда нѣтъ. Вотъ што!

Въ прежніе годы, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, бурлацкій промыселъ былъ несравненно выгоднѣе. Бурлакъ тогда за путину получалъ не рѣдко рублей тридцать, а то и больше, такъ какъ въ то время бурлаки, нанимаясь на барки, выговаривали себѣ право везти пожитковъ «сколько можно» и, пользуясь этимъ, забирали разные домашніе товары, какъ-то: холстъ, ленъ, коноплю, кадки, корзинки, лопаты и т. п. мелкія подѣлки доморощенныхъ «мостаконъ», которыя и сбывали по пріѣздѣ въ городъ по очень выгоднымъ для себя цѣнамъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, заработная плата понизилась на половину и кромѣ того, въ видахъ собственной выгоды, судохозяева изгнали изъ бурлацкихъ условій право бурлаковъ возить пожитковъ «сколько можно», и потому за послѣдніе годы бурлачить крестьяне идутъ не особенно охотно, предпочитая лучше оставаться дома, гдѣ «съ лошадыю рубля три-четыре, а то и всѣ шесть въ весну заработать можно особливо ежели лошадь добрая.

Ино дѣлю на дровахъ, или на извозѣ, а то и желѣзную руду на заводъ возить... да и пашня-то будетъ во время сготовлена.» И только самые отчаянные бѣдняки, пьянчуги и голыши, которымъ терять все равно нечего, да еще самые закорепѣлые бурлаки, привыкшіе къ этому промыслу съ самаго дѣтства, втянувшіеся въ него, всосавшіе его въ свою плоть и кровь, продолжаютъ бурлачить по прежнему. Притягательная сила бурлачества для послѣднихъ заключается въ его кочевой, бродяжнической жизни. Ни одинъ старый бурлакъ весной не усидитъ на мѣстѣ. Его тянетъ на рѣку, на барки; хочется поразмять свои косточки въ борьбѣ съ непостоянной стихіей, тянетъ посмотреть на старья, давно знакомыя мѣста, «погулять на чистомъ воздухѣ», хотя подобная прогулка обходится для его спины и рукъ далеко не дешево. «Да намъ это не въ диковину и не то исшо видали», отвѣчаетъ бурлакъ, когда ему указываютъ на эту невыгодную сторону бурлачины. Что же касается голышей, то ихъ и сами подрядчики и судохозяева не особенно жалуютъ, и если и нанимаютъ, то крайне неохотно, и то только за недостаткомъ хорошихъ рабочихъ, потому что все это по большей части народъ буйный, безпокойный, «отчаянный», который при случаѣ не задумается не только приващника какогонибудь, а даже и самого хозяина «звѣздонуть въ рыло», «треснуть по уху», или «своротить на сторону салазки», да при томъ же, въ случаѣ неустойки или какойнибудь покражи съ барки — а таковыя во время дороги случаются далеко не рѣдко — съ нихъ и взыскать нельзя ничего, «голь, какъ соколъ». «Голь пережатная, сума пережатная».

Откуда же, спрашивается, въ такомъ случаѣ набираютъ подрядчики бурлаковъ?

А вотъ откуда. Когда наступаетъ время платежа податей и повинностей, у многихъ мужиковъ, особенно слабосильныхъ и малосемейныхъ, денегъ въ наличности не оказывается, такъ какъ снятый съ полей хлѣбъ еще не убранъ, т. е. не вымо-

лочень, а слѣдовательно и не проданъ. Заработковъ постропниихъ, въ осеннее время въ глухой мѣстности, также нѣтъ никакихъ. А сборщикъ податей, по мѣрѣ приближенія срока платежей, понуждаемый старшиной и писаремъ, тѣснить мужика все болѣе и болѣе. Какъ тутъ быть? Денегъ у мужика нѣтъ, такъ какъ не вымолочень и не проданъ еще хлѣбъ—единственный почти продуктъ сельскохозяйственной культуры, при помощи котораго крестьянинъ имѣетъ возможность не только уплачивать сполна всѣ причитающіеся на него налоги, подати и повинности, но и ухитряется еще, какимъ то образомъ, поддерживать и свое существованіе, и вести хозяйство въ достодолжномъ порядкѣ, а между тѣмъ они нужны ему до зарѣзу. Не молотить же хлѣбъ сейчасъ и не везти его на продажу. Да если бы даже и такъ,—что въ томъ толку? Настоящей цѣны за него теперь никто не дастъ, потому—сыромолотъ, а спустить его за половинную цѣну—чистый убытокъ «безъ смерти-смерть...» Посуется, посуется мужикъ туда-сюда, поспрашиваетъ «покучится» у своихъ болѣе состоятельныхъ сосѣдей, да, потерпѣвши всюду неудачу, завернетъ въ концѣ концовъ въ платокъ или тряпичу гуська, либо курочку, если они у него есть, а то тагъ и масла коровьяго фунтика три-четыре да и отправится на поклонъ къ старшинѣ или писарю. «Сдѣлайте-моль, Иванъ Антоновичъ или Федоръ Ивановичъ,—божецкую великую милость, пообождите съ податями-то малую толику, не понуждайте! Вотъ какъ передъ Истиннымъ говорю, продамъ только по осени хлѣбъ, ни одного часу не задержу принесу все до копѣечки». А старшинѣ да писарю это и на руку. У нихъ еще съ лѣта заключено съ бурлацкими подрядчиками условіе, по которому старшина съ писаремъ обязались представить подрядчику къ веснѣ слѣдующаго года, положимъ, хоть 50 человекъ рабочихъ по 18—20 р. каждому, за что въ ихъ пользу и поступаетъ извѣстный процентъ съ капитала, затрачиваемаго на насмъ рабочихъ. Нанимать же ихъ на самомъ дѣлѣ, розыскивать ихъ, да торговаться съ

ними, они до поры до времени, конечно, и не думаютъ. «На мѣдную удочку сама рыбка клюнетъ». Словомъ, дожидаются того времени, когда будутъ собирать подати, когда мужику понадобятся деньги.

— Займи гдѣ нибудь. Перехвати на время. Казна не ждетъ—совѣтуетъ мужику писарь, перебирая бумагами, вѣдь и съ насъ, братъ, тоже строго взыскиваютъ. Не собери-ка мы, да не представь ихъ куда слѣдуетъ во время, ужъ тутъ такъ тебѣ намылять шею-ту, что и—и... По головеѣ-то тоже и насъ за это небось не поглядятъ.

— Знамо дѣло, знамо дѣло... Што и говорить—почесывая въ затылкѣ соглашается съ доводами писаря проситель.

— Помнишь, чай, что въ позапрошломъ году сдѣлалъ исправникъ за эти самыя подати съ Шапкинскимъ старшиной?

— Какъ не помнить, помню, помню.—И мужикъ еще сильнѣе начинаетъ чесать затылокъ.

— Вотъ то-то же и есть, наставительнымъ тономъ замѣчаетъ писарь, выразительно кивая головой, и смолкаетъ.

Молчаніе продолжается довольно долго. Писарь пишетъ. Проситель тяжело вздыхаетъ и робко переступаетъ съ ноги на ногу.

— Ты говоришь денегъ нѣтъ, взять негдѣ. Какъ негдѣ? Была бы только охота, а то деньги всегда можно найти. Начинаетъ опять писарь прерванный разговоръ.

— Охота смертная, да участь горькая. И искалъ вотъ, да не нашель. Научи, Федоръ Ивановичъ, меня, укажи гдѣ ихъ взять. Въ ножки тебѣ поклонюсь.

— Какъ гдѣ? Да вотъ къ примѣру, старшина нонче подражаетъ отъ Комарова бурлаковъ на Шайтанку. Подражайся, вотъ тебѣ и деньги будутъ.

— Да про это-то я ужъ чуюль, говоритъ мужикъ, ожидавшій услышать отъ писаря что нибудь новое, и снова отправляется со всей пятерней въ затылокъ.—Да цѣна то, говорятъ, не подходящая.

— Чего не подходящая. Цѣна хорошая, 14 рублей, до

мѣста на хозяйскихъ харчахъ, это, братъ, не всякій такъ дастъ. Вонъ на чулковскихъ, 10—12 рублей, хошь берешь, хошь нѣтъ, а вѣхать нисколько не меньше да и не лучше. Однихъ камней да переборовъ тамъ не оберешься; а здѣсь тишь да гладь. Всю дорогу спи.

— Дорога одна и та же, а ужъ на счетъ спанья, гдѣ тутъ спать, подько и прикурнуть то порядкомъ не приведется.

Послѣднее замѣчаніе мужика писарь пропускаетъ мимо ушей и продолжаетъ расхваливать Комарова.

— Велѣлъ и деньги половину впередъ выдать, потому мужику то по осени деньги понадобятся, а мнѣ то говорить за мою добродѣтель можетъ на томъ свѣтѣ добро будетъ...

Дѣло кончается по большей части тѣмъ, что окончательно сбитый находчивымъ пронырой-писаремъ на всѣхъ пунктахъ мужикъ соглашается идти бурлачить. А въ благодарность за добрый совѣтъ вручаетъ писарю принесенный имъ изъ дому подарокъ. Послѣ чего вмѣстѣ съ писаремъ отправляется онъ въ старшинѣ на домъ, заключаетъ тамъ письменное условіе, по которому обязывается подрядчику Комарову, или кому онъ прикажетъ, на хозяйскихъ харчахъ, въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, за 14 рублей, «отбывать всякую работу, какую только ему укажутъ». Тутъ же при свидѣтеляхъ получаетъ впередъ половину, которая немедленно же и отбирается отъ него сборщикомъ податей. И вся эта немноготрудная процедура завершается полуштофомъ «зеленаго вина», покупаемымъ обыкновенно нанявшимся. Этотъ полуштофъ роснивается всѣми присутствующими, послѣ чего мужикъ отправляется домой до весны, когда его потребуютъ на работу. Остальная часть недонмки вносится въ концѣ года, когда продается хлѣбъ.

Но не всегда и далеко не со всякимъ мужикомъ дѣло кончается такъ просто. Другой такой попадется, что и денегъ не платитъ, да и бурлачить не соглашается. Побьются, побьются около него старшина съ писаремъ, поговориваютъ, поговориваютъ его, и втузкой-то пугнутъ его,

и продажей имущества,—да такъ ни съ чѣмъ и отстанутъ. Упрется какъ быкъ, да и баста. Хоть ты ему коль на головѣ теши—все единственно. «Отдамъ, говорить, когда будутъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ». Да только такихъ то упрямыхъ попадаетея все-таки не особенно много. Да ихъ ужь и не притѣспяютъ больно то, такъ какъ все это народъ болѣе или менѣе состоятельный, попавшій въ такіе недомычки по какому нибудь случаю. Положеніе такихъ недомыщиковъ довольно спосное.

Гораздо хуже положеніе постоянныхъ недомыщиковъ, т. е. такихъ, у которыхъ недомычка не только не убавляется, а съ каждымъ годомъ нарастаетъ: съ ними ни старшина, ни писарь много не церемонятся. Не спрашивая, хотятъ или не хотятъ идти они бурлачить, ихъ прямо записываютъ въ число желающихъ, заключаютъ отъ ихъ имени съ подрядчикомъ условіе, получаютъ деньги, идущія на уплату недомычки, и, выдавши судохозяину ихъ билеты, въ одно прекрасное утро собираютъ всѣхъ въ волостное правленіе и объявляютъ, что они должны отправляться туда то. Никакихъ споровъ, раздоровъ и объясненій при этомъ не допускается, а чтобы не вышло какой нибудь крупной неприятности, при этой отправкѣ всегда присутствуетъ становой съ двумя или тремя полицейскими, которые называются въ народѣ «козаками» и которые по одному мановенію руки становаго, всякаго, вздумавшаго протестовать немедленно же отправляютъ въ кутузку, а оттуда на другой или на третій день на барки. И горе ему, если онъ и тутъ не угомонится, ослушается и вздумаетъ вернуться домой! Мало того, что его заставляютъ просидѣть въ кутузкѣ недѣли двѣ и прогуляться за сорокъ, шестьдесятъ верстъ къ мировому судѣ, гдѣ онъ долженъ будетъ по условію заплатить судохозяину неустойку и всѣ протори и убытки, съ него взыщутъ еще всю недоимку; взыщутъ съ строгостью, причемъ дѣлю не обойдется ипогда и безъ березовой ваши съ необходимой приправой изъ зуботычинъ и дранья забороду.

IV.

Около краснорѣчинскаго волостнаго правленія собралась уже довольно значительная толпа обывателей. Ежеминутно пополняясь вновь приходящими, она раздвигалась и разрасталась все больше и больше и наконецъ заняла собою всю волостную площадку. Многіе усѣлись на ступенькахъ высокаго рѣзнаго крыльца съ различными замысловатыми коныками, калачиками и пичужками. Другіе помѣстились на перилахъ около, на завалинкахъ, на вымосткахъ. Человѣкъ тридцать забрались на бревна, наваленныя напротивъ крыльца около какого то полуразвалившагося сарайчика, покрашеннаго когда то въ желтую краску. При ближайшемъ знакомствѣ, этотъ сарайчикъ оказывался, однако, ни больше ни меньше какъ краснорѣчинскимъ пожарнымъ депо. Въ немъ стояли двѣ разохшіяся бочки, пожарная машина безъ задняго колеса, со сломанной осью, четыре ржавыхъ искалеченныхъ багра, лѣстница безъ нѣсколькихъ ступеней и пучъ полусгнившихъ веревокъ. Около этихъ инструментовъ и ихъ необходимыхъ принадлежностей, запасенныхъ на случай могущаго произойти пожара, которые такъ нерѣдки въ нашихъ деревняхъ, навалены были высокія поленицы дровъ, какія то доски, только что сдѣланныя березовыя метлы и нѣсколько красивыхъ пучковъ классической розги, термометра, измѣряющаго количество и степень терпѣнія человѣка.

Между собравшимися на сходку обывателями шли разговоры о томъ-о семъ, отчего надъ толпой стоялъ какой-то однообразный гулъ, похожій на шумъ недавно вылетевшаго пчелинаго роя. Въ отдѣльныхъ небольшихъ группахъ, стоявшихъ по бокамъ толпы, слышались по временамъ взрывы хохота — это какой нибудь деревенскій шутникъ распотѣшалъ почтеннѣйшую публику забористымъ крѣпкимъ словомъ или мѣткой

и вѣской остротой, попавшей по назначенію - не въ бровь, а прямо въ глазъ». Два пожилыхъ уже мужика глубокомысленно разсматривали деревенскую колокольню, которую каждый изъ нихъ видалъ ежедневно по нѣскольку разъ и пресерьезно разсуждали о томъ: можно ли человѣку, «ежели, къ примѣру сказать,—упавши съ самаго што ни на есть крестика, разбиться въ мелкіе дребезги?» одинъ говорилъ, что можно,—другой — что нельзя...

Въ сторонѣ отъ пожарной за бревнами столпилась небольшая кучка народа. Судя по костюмамъ, зажиточныхъ между ними не было. Гваные зипуны и полушубки, липовые лапти, овчинныя шапки вполне гармонировали съ ихъ блѣдными «испытанными» фізіономіями. Всѣ они о чемъ-то разговаривали между собой и спорили съ большимъ жаромъ. Говорили не громко, но иногда изъ толпы вдругъ на нѣсколько минутъ вышала чей нибудь голосъ. Сидѣвшіе на бревнахъ оглядывались на разговаривающихъ и, прислушавшись къ разговору, спускались съ бревенъ и присоединялись къ нимъ; такъ что и эта кучка народа, хотя и медленно, тоже увеличивалась въ своихъ размѣрахъ.

Къ этой кучкѣ подошелъ и Спиридонъ. Двоежилинь-же направился въ волостное правленіе.

Эта кучка бѣдно одѣтыхъ людей состояла главнымъ образомъ изъ постоянныхъ недоумчиковъ, которыхъ тутъ было большинство. Кромѣ постоянныхъ недоумчиковъ, тутъ были и временные, а также и всѣ тѣ, которые по разнымъ причинамъ такъ или иначе трепетали за цѣлость своихъ «животовъ». Общая опасность и общій врагъ заставили ихъ какъ-то инстинктивно отдѣлаться отъ остального міра и сплотиться въ особенную кучку. «У кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить», а кому же и поразсказать о своей бѣдѣ, какъ не тому, который испыталъ или испытываетъ эту бѣду на своей собственной спинѣ».

— Што Спиря, полуслушляво, полусерьезно обратился къ

Спиридону одинъ изъ присутствующихъ, молоденькій, худенькій мужиченко Аникій, съ корявой добродушной фізіономіей и жиденькой рыжеватой растительностью на лицѣ. Попалъ братъ? Иначе и ты видно бурлачить пойдешь?

— Попалъ, попалъ,—угрюмо проворчалъ Спиридонъ себѣ подъ носъ и почесалъ затылокъ.

— Што дѣлать! Не ты первый, не ты и послѣдній.... Всѣ подъ Богомъ ходимъ—вдохнулъ Акакій участливо.—Для тебя бурлачина-то будетъ, пожалуй, похуже, чѣмъ для насъ. Не въ первые-ли?

— Въ первые.

— То-то то-то!.. А вѣдь нашъ братъ, голытѣба, обтерпѣлся ужь...

— Выморозило всю дурь.—съострилъ кто то изъ толпы.

— Вѣрно, што выморозило... Захотали слушатели.—Небось, братъ, нисдной косточки живой-то не осталось.

— Охо, хо, робятушки, какъ-то мы жить-то станемъ. Весна-то нынче опять што-то ранняя—замѣтилъ одинъ сѣдой старикъ.

Разговоръ быстро и съ замѣчательнымъ единодушіемъ перешелъ на новую тему. Фраза: «какъ-то мы жить-то станемъ» пропзвела на всѣхъ самое магическое дѣйствіе. Очевидно она задѣвала одну изъ самыхъ слабыхъ струнокъ въ сердцѣ каждаго изъ собесѣдниковъ, въ равной степени интересовала каждаго изъ нихъ, и каждый умудрялся и ухитрялся принскать на этотъ мудреный вопросъ—болѣе или менѣе подходящій отвѣтъ, каждый старался рѣшить его такъ или иначе и каждый потерпѣлъ при этомъ болѣе или менѣе чувствительное фіаско... Кругомъ начались самые оживленные разговоры, завязались споры, дѣлались различные выводы, предположенія, сопоставленія, высказывались самыя разнообразныя и разнохарактерныя соображенія, иногда дѣтски наивныя, а иногда и крайне оригинальныя, поражавшія посторонняго, непричастнаго разговорамъ наблюдателя (если бы таковой тутъ случился) своей основательностью, глубиной, тонкой пронизательностью и изу-

мительной смѣлостью выводовъ. Сразу можно было видѣть, что этотъ вопросъ, вопросъ о насущномъ хлѣбѣ и дневномъ пропитаніи— idée fixe большинства собравшихся, что онъ знакомъ имъ въ самыхъ самодеятѣйшихъ деталяхъ, что они сроднились съ нимъ, сжились и впитали его въ свою плоть и кровь. чуть-ли еще не съ молокомъ матери...

По улицѣ пронесся вдругъ откуда-то звонъ бубенчиковъ и шуршавье полозьевъ. Черезъ двѣ-три минуты къ волостному правленію лихо на тройкѣ подкатилъ самъ г. становой приставъ, его высокоблагородіе Аполлонъ Александровичъ Кочергинъ. Шумъ мгновенно стихъ, а мужицкія головы обнажились.

Выбарабкавшись изъ возка, становой тяжело вздохнулъ, оправился, дотронулся, въ знакъ привѣтствія, важно до козырька шапки и направился, грузно переваливаясь съ ноги на ногу, въ волостное правленіе.

Какъ только становой скрылся за дверью, толпа снова заволповалась и зашумѣла.

Кучка оборванцевъ за бревнами снова принялась за разсужденія на тему: «Чѣмъ-то мы жить-то станемъ»; но теперь къ прежней темѣ прибавилась еще новая: «не будутъ-ли сегодня драть когонибудь».

Четверть часа спустя два десятника пронесли изъ пожарной въ правленіе два пучка розогъ.

Такимъ образомъ вопросъ относительно порки разрѣшился самъ собой, но на его мѣсто являлся новый—кого будутъ драть?

Заглянемъ не на долго во внутренность волостнаго правленія, и посмотримъ,—что дѣлается тамъ?

Большая продолговатая комната, изображающая собою правильный четырехугольникъ. Стѣны оклеены свѣтло-голубыми обоями. По средній длинный четырехугольный столъ, покры-

тый зеленымъ сукномъ съ золотою бахромою вокругъ и серебрянными кистями по угламъ. Вокругъ стола, съ той и другой стороны по три кресла, обтянутыхъ черною клеенкою. Прямо противъ входа кресло председателя, на которомъ въ данную минуту сидитъ г. становой приставъ и внимательно просматриваетъ бумаги, подкладываемыя ему услужливымъ волостнымъ писаремъ. Передъ становымъ на столѣ стоитъ зеркало. Въ смежной комнатѣ, носящей названіе «писарской», столпилось нѣсколько человѣкъ подрядчиковъ. Тутъ же и Двоежиловъ и Комаровъ, которые ведутъ между собою какой-то оживленный разговоръ въ полголоса.

Старшина сидитъ за присутственнымъ столомъ, по правую руку отъ становаго, и подписываетъ какія-то бумаги.

— А сколько въ вашей волости, Иванъ Антонычъ, всѣхъ недоимщиковъ? спрашиваетъ становой у старшины.

— Да съ прошлогодними если, такъ человѣкъ до 60 наберется.

— А велика ли сумма недоимки?

— Со старыми 4,074 р. 38 коп.

— А за нынѣшній годъ?

— Нынче не много, всего только 842 р. 17 коп., а къ веснѣ-то такъ пожалуй не больше половины останется.

— Почему?

— Да много справныхъ задолжали. Хлѣбъ-то нынѣ вѣдь плохо уродился. Градомъ побилло, вотъ и нечѣмъ стало платить. Ну, а къ веснѣ то, Богъ дастъ, и поразживутся. Иные вонъ въ извозъ ушли, другіе—руду на заводы возять...

— Такъ половину, значить, навѣрное выплатятъ? И становой взглянулъ на старшину въ упоръ.

— Значить, ты мнѣ можешь за эту половину поручиться? а? Старшина смутился.

— Ручаться-то не могу... кто ихъ знаетъ... а только думаю, что выплатятъ, потому народъ все само...

— Ну, а если не можешь ручаться, такъ и не разсуждай,

сердито огрызнулся становой, и снова углубился въ чтеніе бумагъ.

Старшина смутился еще больше и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ. Изъ писарской, съ иронической усмѣшкой посмотрѣлъ на него Двоежиловъ. Двоежиловъ былъ давнишній врагъ и соперникъ старшины, какъ въ дѣлѣ торговомъ—старшина тоже занимался торговлей,—такъ и въ дѣлѣ управленія волостью. И если ему удавалось успѣшно побивать и подрывать старшину въ торговыхъ операціяхъ, за то онъ никакъ не могъ добиться того же въ деревенскомъ обществѣ. Не смотря на различныя уловки, подвохи, каверзы старшинѣ и угощенія міра водкой, онъ ни коимъ образомъ не могъ попасть не только въ старшины, но даже и въ кандидаты. Міряне знали хорошо его хищническую натуру, его цѣпкія руки и совершенно справедливо опасались, что разъ деревенская представительная власть попадетъ въ его руки, онъ проявитъ тѣ же самыя наклонности и по отношенію ко всему волостному міру: заберетъ и присосетъ его къ себѣ такъ, «што опосля и въ жисть отъ ево не вывертишься».

Старинные, массивные стѣнные часы волостнаго правленія, повѣшанные «въ писарской», захрипѣли, зашипѣли и, кое-какъ собравшись съ силами, пробили стариковскимъ дребезжающимъ тономъ девять часовъ. Въ писарской застучали счеты. Въ присутствіе снова заглянулъ Двоежиловъ и слегка кашлянулъ въ кулакъ. Становой наконецъ кончилъ чтеніе.

— Господа подрядчики, пожалуйте сюда!

Изъ писарской вышли: Двоежиловъ, Комаровъ и еще двое какихъ-то незнакомыхъ, которыхъ въ волостномъ правленіи за исключеніемъ становаго, никто не зналъ. Всѣ они остановились около прісутственнаго стола.

— Общее число недоимщиковъ въ Краспорѣчинской волости за нынѣшній годъ простирается до 64 человекъ. Сумма числящейся за ними недоимки вмѣстѣ съ прошлогодней 4,074 р. 38 к. громко и отчетливо прочиталъ г. становой приставъ,

ровнымъ, густымъ басомъ.—Вотъ, господа, слышали? обратился онъ къ подрядчикамъ.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, слышали, отозвались тѣ.

— По закону, за неплатежъ казенныхъ податей и повинностей, я имѣю право продать движимую собственность неплательщиковъ, продажа которой не можетъ принести явнаго ущерба для хозяйства. Но, не желая подвергать крестьянъ раззоренію, я рѣшился принять въ нынѣшнемъ году на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ передъ высшимъ начальствомъ, испробовать мѣру, имѣвшую въ другихъ волостяхъ вѣреннаго мнѣ стана, самый полный успѣхъ. Мѣра эта—отдача недоимщиковъ въ бурлаки, причемъ деньги, полученныя за ихъ трудъ, зачисляются въ уплату недоимки.

И становой съ самодовольнымъ видомъ посмотрѣлъ на старшину.

Старшина привсталъ со стула и, придерживая одной рукой висѣвшій на груди знакъ, поклонился становому.

— Осмѣливаюсь замѣтить, ваше высокоблагородіе, што это дѣло трудное.

Становой выпрямился и наморщилъ брови. Онъ не терпѣлъ противорѣчій.

— Да, трудное, настойчиво повторилъ старшина снова.— Первое дѣло не всѣхъ возьмутъ въ бурлаки, потому—есть народъ и болѣзненный и старики, а друго—дѣло не всякій ищю и идти то захочетъ, потому...

— Что-о? Не всякій захочетъ? Да смѣютъ ли они это сдѣлать? Загорячился становой.— Не всякій захочетъ! Да я ихъ... въ бараній рогъ согну! Не захотятъ идти бурлачить—будемъ недоимку взыскивать... Не захотятъ—вѣдь раззоряться?!

— Буйный народъ у насъ, ваше высокоблагородіе, кабы грѣха какого не вышло... Опять же и бурлачиву то у насъ недолюбливаютъ. Замѣтилъ было старшина.

— Ну, это мы еще увидимъ, отвѣтилъ становой.—А вотъ

ты поди-ва лучше да заяви объ этомъ сходѣ, нынѣшнимъ недонмицамъ, что-моль становой велѣлъ вамъ сказать: — если будете въ бурлаки наниматься—будеть ждать недонмку, а не найметесь—будеть сегодня же взыскивать.

Старшина взялъ шапку и пошелъ на улицу къ мірянамъ, глухо шумѣвшимъ и волновавшимся около волостнаго крыльца. Становой и подрядчики остались въ правленіи.

Къ столу станового съ поклономъ подошелъ Двоежиловъ.

— Что тебѣ? глянулъ на него свысока становой.

— Къ вашей милости съ небольшой просьбицей.

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ я, ваше высокоблагородіе, хотѣлъ бы недонмку заплатить человекъ за тропхъ—за четверыхъ сусѣдей. Ежели можно—явите Божецкую милость.

— То есть какже это заплатить недонмку? Они родственники тебѣ? Удивился становой.

— Никкъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я собственно для себя... хочу токъ имъ облегченіе сдѣлать... потому какъ мнѣ сусѣди, такъ значить жалко, ежели въ раззоръ пойдуть... сразу-то мнѣ чужало платить всю ту подать, ну, а мнѣ-то заплатить и исподоволь, а кое и работой расчетъ сдѣлаемъ по Божецки безъ обиды...

— Толкуй тутъ «безъ обиды». Забрать въ руки видно захотѣлъ ихъ «безъ обиды», а? Ахъ ты... лиса деревенская. Меня-то хочеть обмануть, а? Ты думаешь я не знаю, что ты затѣваешь? Въ кабалу забрать мужиковъ то хочешь, а?

Становой начиналъ сердиться, надо было его успокоить. Двоежиловъ вытащилъ изъ бумажника кое-что, не то прошеніе, не то письмо и подалъ его становому.

— Вотъ, прочтите, ваше высокоблагородіе. Сами увидите, што я не изъ за корысти какой бюсь тутъ, а просто значить... ну! и Двоежиловъ махнулъ рукой, вздохнулъ и посмотрѣлъ на образъ, какъ бы желая сказать, что Богъ, моль, видитъ, изъ за чего я стараюсь.

Становой развернул бумагу, въ ней оказалась «красенькая». Становой однако не подалъ и виду о находкѣ. Нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ на этотъ простой бѣлый листъ, послѣ чего, свернувши его по прежнему, положилъ въ себѣ въ карманъ.

— Ну вотъ это я понимаю. Отчего же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Теперь, понятное дѣло, можно. За кого же ты желаешь заплатить?

— Да вотъ Федоръ Ивановичъ, — и Двоежиловъ мотнулъ головой на писаря, тамотка ужъ знаютъ... потому — я имъ ужъ говорилъ про эфто.

— Ну и прекрасно. Подавай деньги, сколько тамъ слѣдуетъ. Писарь помѣтитъ тамъ, что недоимка съ такихъ-то получена сполна. — И становой, при послѣднихъ словахъ, протянулъ къ Двоежилову руку.

Наружная дверь отворилась и въ комнату грузно вошелъ толстый старшина. Онъ былъ красенъ какъ ракъ.

— Ну, что? спросилъ у него становой, не перемѣня однако своего положенія.

— Согласны, да не всѣ.

— Почему? становой пересчиталъ полученные отъ Двоежилова деньги и, положивъ ихъ въ карманъ, снова принялъ прежнюю позу Зевса-громоверзца.

— Да работа-то, говорятъ, больно ужъ тяжелая, и плата за нее низкая. Говорятъ, дома въ весну-ту больше выробимъ...

— Ахъ скоты... Писарь, подайка мнѣ Сельскій Уставъ!

Писарь изъ за стола проворно шмыгнулъ въ сосѣднюю комнату, досталъ съ полки Сельскій Уставъ и подалъ его становому.

— Слушай: за невзность податей и повинностей... назначить къ продажѣ лично принадлежащее недоимщику имущество... Отдать недоимщика по мірскому приговору въ недалніе заработки... Назначить опекуна надъ имѣніемъ неплательщика.. Отобратъ отъ недоимщика земельный надѣлъ и отдать

его съ торговъ въ арендное содержаніе... Слышалъ? Грозно спросилъ становой у старшины, закрывая книгу.

— Точно такъ, Ваше Высокоблагородіе!

— Ступай и повтори все это на сходѣ и объяви при этомъ отъ моего имени, что если они не согласятся добровольно идти въ бурлаки, я завтра же буду описывать ихъ имущество... А ты назначъ мнѣ къ завтраму сотскаго, двухъ оцѣнщиковъ и объяви по селу о продажѣ имущества.

Становой всталъ, надѣлъ поданную ему писаремъ шинель и, величественно поклонившись присутствующимъ, вышелъ изъ Волостнаго правленія. Вскорѣ подъ окнами зазвенѣли колокольчики и загремѣлъ экипажъ г. становаго пристава.

Вотъ тутъ и дѣлайся какъ знаешь, беспомощно развелъ руками старшина.

V.

Сходъ кончился благополучно. Напуганные угрозой становаго, описать все имущество, всѣ недоимщики безпрекословно согласились идти бурлачить. Старые недоимщики, отправлявшіеся по приказанію начальства бурлачить каждый годъ, большею частію бобыли, одиночки и горе-горькіе пьяницы, были веселы. Имъ все равно—терять было нечего. Хозяйства ихъ давнымъ давно разстроились и они махнули на нихъ рукой. Дома жена, ребятенки... хлѣба ни крохи... а тамъ «по крайности хоть наѣшся-то досыта». А тутъ еще и подрядчики подали жару, купили на всѣхъ три ведра вина!

Не таковы были новые недоимщики, которымъ идти въ бурлачину приходилось чуть ли не въ первый разъ. Не одинъ изъ нихъ въ это утро расчесалъ себѣ до крови затылокъ; не одинъ помянулъ г. становаго пристава недобрымъ словомъ и пожелалъ ему на томъ свѣтѣ всевозможныхъ благополучій

вродѣ смолы кипучей, сѣры горючей, каленыхъ щипцовъ и жаркихъ костровъ. Особенно крѣпко злобствовали на становаго Степанъ Захаровъ, Спиридонъ Захаровъ, сосѣдь его Акакій и еще два три мужика изъ Починка, которыхъ становой отдалъ Двоежилову, а этотъ въ свою очередь перепродалъ ихъ, съ барышемъ для себя, одному изъ подрядчиковъ.

— Нѣтъ, братцы, такъ нельзя... што-же эфто такое? словно какъ корову, либо лошадь продаютъ. Такъ вѣдь и крѣпостныхъ-то не часто продавали... Наткося! Внесъ за меня деньги, 16 рублей, а я ему за эфто долженъ все лѣто протрубить?.. Чистой разбой, пра, чистый разбой! горячился Спиридонъ, оживленно жестулируя руками и ногами.

— Хорошъ и Двужильной-отъ, — замѣтилъ Акакій, — истой Искариотъ. На каждомъ изъ насъ рублей поди по пяти нажилъ.

Двоежильовъ дѣйствительно «продалъ» всѣхъ своихъ должниковъ прикащику Комарову. Продалъ т. е. передалъ ему всѣ свои росписки и векселя и право взыскивать по нимъ, а также и съ тѣхъ, за которыхъ онъ сегодня заплатилъ недоимку, и за эту передачу получилъ чуть-ли не 50% барыша. Не былъ въ убыткѣ и купившій, такъ какъ за половинную почти плату онъ приобрѣлъ на все лѣто около 15 человекъ рабочихъ.

— Двужильный, дакъ Двужильный и есть, проговорилъ Степанъ. Изъ живова и изъ мертова готовъ жиламъ вытянуть. А што, братцы, не спросить ли намъ у Двужильнова, поскольку онъ выторговалъ на насъ?

— А и то, спросимте, ребя. Намъ-то вѣдь не стыдно, подзадорилъ Акакій.

— Конечно надо спросить, чево тутъ... Не стыдно-ли будетъ ему...

— Айда ребя! И вся толпа направилась къ Двоежилову, который разговаривалъ у крыльца съ подрядчикомъ.

Лице Двоежилова, при взглядѣ на приближавшуюся толпу,

мгновенно покрылось красными пятнами. Въ этой толпѣ были всѣ его должники и онъ инстинктивно почувствовалъ, что тутъ что-то не ладно.

— Што, почтенный, давно ли ты въ Иуды-то записался... Почемъ съ души продаешь... Давно ли торговать-то людьми сталъ... Не продаешь-ли хрестьянскихъ душъ въ разновѣску, раздавались голоса. Когда толпа подошла поближе, Двоежиловъ, окечательно уже сирисившій, хотѣлъ было дать тягу, но нѣсколько дюжихъ мужицкихъ рукъ ухватились за него и не пустили. Шумъ и гамъ усиливались. Толпа кричала и волновалась все больше и больше. Теперь около Двоежилова собралась и столпилась уже вся сходка. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, что будетъ говорить Двоежиловъ; другіе, болѣе опытные и проникательные, ожидали, что ему будетъ взбучка.

Двоежиловъ, притиснутый къ стѣнѣ, былъ блѣденъ какъ полотно. Онъ теперь раскаявался, что остался на сходкѣ, но было уже поздно. Дѣло сдѣлано, назадъ не воротишь. Каша заварилась и ему пришлось расхлебывать.

Между тѣмъ пока толпа всячески читала и ругала Двоежилова, Спиридонъ Захаровъ продрался къ нему по ближе и красный отъ волненія, требовалъ у него своихъ денегъ.

— Я тебѣ долженъ 16 рублей, а ты продалъ меня за 25 рублей, подавай сейчасъ же мои 9 рублей, а не то... и Спиридонъ, ухвативши его за шиворотъ, замахнулся кулакомъ.

— Ты съума сошелъ? захрипѣлъ Двоежиловъ, тщетно стараась высвободиться изъ руки Спиридона.

— Врешь... не уйдешь! И Спиридонъ ухватился за него обѣими руками.

— Караулъ, караулъ! крикнулъ было Двоежиловъ.

— Ничего, мы и безъ караула знатно обрабатываемъ. Такъ его. Нуко-ся, Спиря, встряхнико-ся покрѣпче, поощряли изъ толпы Спиридона.

— Отдай деньги, дьяволъ! Деньги отдай, мои 9 рубликовъ

рычалъ Спиридонъ, встряхивая Двоежилова такъ, что у того даже шапка съ головы слетѣла.

Кто-то въ толпѣ крикнулъ:

— Бей его!

Не одобровать бы было Двоежилову отъ здоровыхъ кулаковъ разозлившихся должниковъ, если бы за него не вступился самъ старшина, все время стоявшій на крыльцѣ и видѣвшій униженіе своего соперника.

— Што вы, братцы! Вѣдь это уголовщина. Да мы тутъ всѣ въ отвѣтъ попадемъ! крикнулъ онъ на всю сходку.

Толпа, двинувшаяся было колотить Двоежилова, остановилась. Благоразуміе взяло верхъ надъ чувствомъ. Толпа попятилась назадъ. У стѣны остались только Двоежиловъ и его должники, которые уже начали было съ нимъ расправляться по своейси.

— Растащите ихъ, приказалъ старшина десятникамъ.

Тѣ бросились разнимать драчуновъ и драка скоро прекратилась. Бушевали и никакъ не хотѣли отступиться отъ Двоежилова только Спиридонъ и Акакій, съ которыми десятники кое-какъ справились.

— Пусть, убью... рычалъ опьянѣвшій отъ злости Спиридонъ.

Десятники однако держали его крѣпко.

Двоежиловъ, почувствовавъ свободу, не помнилъ себя отъ злости.

— Такъ то вы меня благодарите за мое добро? Хорошо голубчики! Я вамъ это припомню, припомню! Будете вы меня помнить. Охъ, будете!

— Што-о? Закипѣлъ Спиридонъ, снова порываясь къ Двоежилову. — Ты што, грозиться вздумалъ... Пустите, я ему...

Но на этотъ разъ за Спиридона ухватились уже въ шесть рукъ. А въ толпѣ снова начались угрожающіе Двоежилову крики.

— Уходи-во, Семень Иванычъ, до грѣха со сходки-то. Не

ровенъ часъ, пожалуй и въправду тибѣ бока-те помпуть. За-
мѣтилъ старшина насмѣшливо Двоежилову.

Тотъ злобно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Вѣрно говорю, уходи, долго-ли до грѣха, тѣмъ же то-
номъ подтвердилъ ему старшина, снова спокойно и прстально
вглядываясь въ лице своего соперника.—Ишь вѣдь какъ тебя
ловко погладили... Щеки-то што твой барабанъ!

Двоежиловъ молча надѣлъ шапку и пошелъ домой. Его
душила злоба. Надежда на старшинское мѣсто пропала. Весь
мїръ противъ него и это сознаніе мучило и злило его еще
больше, чѣмъ самыя побой. Опъ былъ оскорбленъ, униженъ,
можно сказать, уничтоженъ на глазахъ всей сходы. «Пого-
дите ужю, голубчнкп, ужь я каковъ иибудъ да вамъ буду!
Шепталъ онъ дорогою, злобно сжимая кулаки.

Съ уходомъ Двоежилова, толпа начала понемногу успока-
иваться. Спиридона и Акакія десятники посадили въ чижевку.

Подрядчики сходили въ волостное и внесли за недомщи-
ковъ деньги. Потомъ, возвратившись на сходъ, сдѣлали каждый
перекличку своимъ бурлакамъ, причемъ у Комарова—патрона
старшины, всѣ бурлаки оказались, какъ на подборъ, рослые,
плечистые, здоровые, словомъ, кровь съ молокомъ.

— Ну братцы, послѣ-завтра собирайтесь въ дорогу! Зая-
вили подрядчики бурлакамъ.—А ежели кому денегъ надо, при-
ходите къ намъ на квартиру. Много дать нельзя, а немного
найдется.

Сходка кончилась, всѣ пошли по домамъ.

— А жаль, што Двоежилова-то не поколотили. Пожалуй
не скоро-бы отдохнуть, говорили мужики.—Што-то Спиръ да
Акакію будетъ?

А черезъ три недѣли послѣ этого схода, въ половинѣ апрѣ-
ля, у N—скаго мирового судьи разбиралось дѣло о нанесеніи
крестьянину Двоежилову оскорбленія дѣйствіемъ крестьянами
Спиридономъ Захаровымъ и Акакіемъ Коряковымъ. Какъ тотъ,
такъ и другой присуждены были къ уплатѣ денежнаго штрафа

въ количествѣ 25 руб. каждый. При чемъ, независимо отъ этого, къ мировому судѣ поступило прошеніе отъ того же самаго Двоежилова о взысканіи съ крестьянина Спиридона Захарова по векселю 37 руб. 19 коп.

Можно сказать почти навѣрное, что на слѣдующій годъ Спиридонъ отправится бурлачить по доброй волѣ, а въ селѣ Краснорѣчьѣ на слѣдующій годъ будетъ однимъ голышемъ больше.

Николай Курбатовъ.

Къ родинѣ!

Люблю тебя, но тою злой любовью,
Которая такъ жжетъ, такъ душитъ, такъ язвитъ—
И сердце, истекая жаркой кровью,
Не радостный восторгъ, но боль и стыдъ таитъ...

И боль, и стыдъ! Боль матери склоненной
Надъ гробомъ дорогимъ съ безумною тоской.
Стыдъ дѣвы, въ первой страсти оскорбленной,
Стыдъ плѣнника передъ лжущей толпой...

Люблю... Такъ тотъ, кто зналъ лишь гнетъ страданий,
Мечтой болѣзненной полюбить наконецъ
И тяжкій крестъ привычныхъ испытаний,
И горечь слезъ, и—свой страдальческій вѣнецъ.

А. Брусиловскій.

Поѣздка въ американскія поселенія русскихъ менонитовъ въ штатѣ Кэнзэсъ.

(Изъ путешествія по Америкѣ въ 1878 г.).

На самой границѣ штатовъ Кэнзэсъ и Миссури, на берегу р. Миссури стоитъ городъ Кэнзэсъ Сити, послѣ Ст. Луи второй по числу жителей и торговымъ оборотамъ городъ Новаго Запада. Еще не прошло и двадцати лѣтъ, какъ положено основаніе этому городу, а нынѣ въ немъ ужъ свыше 50 тысячъ жителей, и къ нему сходятся съ разныхъ концовъ Союза 12 желѣзныхъ дорогъ; а посредствомъ рѣкъ Миссури и Миссисипи онъ завязалъ уже непосредственныя торговныя сношенія и съ портами Мексиканскаго залива, Южной Америки и Европы. Въ роскошномъ зданіи Соединеннаго Депо (Union Depot) всѣхъ желѣзныхъ дорогъ города, я пересѣлъ въ вагонъ Э. Т. и С. Ф. желѣзной дороги, и, слѣдуя все время южнымъ берегомъ рѣки Кэнзэса, прибылъ въ г. Топпику, столицу штата. Главную особенность всѣхъ большихъ линій американскихъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ то, что онѣ всегда идутъ долинами рѣкъ, слѣдуя имъ изгибаемъ; расчетливые янки нашли, что дешевле и скорѣе строить мосты, чѣмъ насыпать гати и дѣлать выемки. Вся мѣстность до Топпики и дальше до городка Емпоріи густо заселена и имѣетъ совершенно одинаковый видъ съ старыми штатами—а гигантская растительность полей, прелест-

ные сады, окружающіе каждую ферму, красивая и разнообразная архитектура построекъ, огромныя стада крупнаго, тучнаго скота— все говоритъ о богатствѣ и энергіи населенія. Совершенно ровная поверхность необъятныхъ прерій, только кое-гдѣ прорѣзываемая кустарникомъ по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, позволяетъ окинуть изъ окна вагона огромное пространство, и все, что только можетъ окинуть глазъ, все воздѣлано и покрыто богатѣйшими жатвами. Нѣтъ лѣсовъ, болотъ, пустырей—безконечная степь разнообразится только маленькими усадьбами фермъ съ темными садами, да разными цвѣтами полевыхъ — то зеленой стѣнной стоитъ восьми-футовой маисъ, то желтѣетъ уже поспѣвшая пшеница, то пестрѣютъ тысячами разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ отгороженные подъ постоянныя настища участки прерій. Станціи и полустанки попадаются каждыя 3, 4 мили — всюду громадныя элеваторы для храненія зерна и остроумнѣйшія приспособленія для нагрузки въ вагоны рогатаго скота и свиней. Не смотря на частыя остановки, поѣздъ идетъ очень быстро, миль 40—45 въ часъ, и, выѣхавъ изъ Кэнзэсъ Сити около 9 часовъ утра, къ 5 часамъ пополудни я уже достигъ перваго русскаго поселенія въ долину рѣчки Kölnmönbyda (Cottonwood Valey). Въ четырехъ миляхъ отъ желѣзнодорожной станціи стоитъ ферма Якоба Функа, одного изъ первыхъ, прибывшихъ сюда въ 1874 г. изъ колоніи Молочной, Таврической губерніи, русскихъ менонитовъ. Большой каменный домъ, обширныя сараи и амбары, прелестный фруктовый садъ, виноградники и обширное овцеводство—вотъ результатъ четырехлѣтняго пребыванія. Герръ Функъ — человекъ состоятельный; онъ поселился отдѣльно отъ своихъ прежнихъ земляковъ, и, располагая большимъ количествомъ земли, даетъ у себя помѣщеніе 14 бѣднымъ семействамъ съ Волги, прибывшимъ сюда въ 1876 г. безъ всякихъ средствъ; они арендуютъ у него по 80 акровъ каждое семейство, платя работою, и надѣются, что черезъ годъ будутъ въ состояніи обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Урожай пшеницы доходитъ здѣсь до 40 бушелей съ акра; у герръ Функа, включая сюда 1876 г. когда все было поѣдено саранчею, за четыре года средній урожай вышелъ въ 22 бушеля; маисъ даетъ 60 бушелей, а сахарный тростникъ 100 бушелей сѣмянъ и 150 галлоновъ сиропа, стоимостью отъ 40 до 60 центовъ за галлонъ. Каждая овца, шерстью и ягненкомъ, приноситъ отъ 1 д. 50 ц. до 2 д. 10 ц. въ годъ. Впро-

чемъ, ниже я буду говорить подробно о продуктивности здѣшнихъ фермъ.

Дальше къ югу, на Френгъ-Крикъ (French-Creek—французскій ручей) лежитъ колонія Роганнесталь, основанная въ 1876 г. менонитами изъ Польши. Тутъ живетъ до 30 семействъ, уже организовавшихъ школьный дистриктъ и построившихъ прекрасное двухэтажное училище.

Колоніей Гнаденау начинаются большія поселенія менонитовъ въ графствахъ Хервей и Макъ-Ферсонъ. Гнаденау образовали переселенцы изъ Крыма, прибывшіе сюда въ 1874 г. подъ предводительствомъ Якоба Вибе, и здѣсь же былъ первый опытъ примѣненія русской общинной системы землевладѣнія, потерпѣвшей на американской почвѣ совершеннѣйшее фіаско и въ настоящее время окончательно оставленной. Въ Гнаденау живетъ свыше сорока семействъ; урожай пшеницы около 25 бушелей, маиса отъ 40 до 80, овса около 55. Школа выстроена уже въ 1875 г., теперь окончена и церковь, но уничтоженіе общинной системы, переноска построекъ на отдѣльные участки и устройство новыхъ садовъ повлекли за собой большіе расходы, тяжело отозвавшіеся на благосостояніе только что устроившихся переселенцевъ—они потеряли три года и потому колонія эта выглядитъ еще совершенно новымъ, только что основаннымъ поселеніемъ. Рядомъ къ Гнаденау расположены колоніи Хоффунгсталь, Александерфельдъ и Экерта, состоящіе изъ 51 семейства и находящіеся въ тѣхъ же условіяхъ, что и Гнаденау.

Въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ Ньютона (Newton) главный городъ графства Хервей, расположенъ центръ большаго поселенія менонитовъ изъ Крыма, извѣстнаго подъ общимъ названіемъ Александерволя и раздѣляющагося на 9 дистриктовъ: Розенортъ, Вейдефельдъ, Хохфельдъ, Спрингфильдъ, Гнаденталь, Гнаденфельдъ, Грюнфельдъ, Эматаль и Блуменфельдъ. Во всемъ Александерволѣ 165 семействъ съ 858 душами обоего пола, занимающіе 22,500 акровъ земли, только въ Хохфельдѣ было общинное устройство, остальные сразу привились за участковое землевладѣніе. Всѣ названія перенесены изъ Россіи—такъ назывались въ Крыму колоніи, а общее названіе, по объясненію поселенцевъ, даво чтобы сохранить воспоминаніе о русскомъ царѣ, дозволившемъ имъ переселиться.

Когда въ 1873 году менонитамъ сдѣлался извѣстенъ новый законъ о воинской повинности и эти 165 семей рѣшились на переселеніе, они послали въ Америку 7 человекъ, чтобъ осмотрѣть новое отечество и выбрать подходящее для поселенія мѣсто. Эти семь человекъ, изъ которыхъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ Абрагамомъ Реймеромъ изъ Хохфельда и Якобомъ Бюлеромъ изъ Эмматалы, объѣхали весь западъ Америки: какъ представители значительной партіи эмигрантовъ, они всюду пользовались даровыми билетами и помѣщеніями отъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, земли которыхъ они осматривали—выборъ палъ на долину Арканзаса, тогда еще почти совершенно пустынную, и вся земля подъ поселеніе этой партіи была куплена у компаніи Э. Т. и С. Ф. желѣзной дороги по 2 доллара за акръ, на условіяхъ 11-ти лѣтняго кредита, причемъ компанія обязалась выстроить въ центрѣ купленной мѣстности два большихъ дома для временнаго помѣщенія имѣвшихъ прибыть поселенцевъ. Въ 1874 г. послѣдовало переселеніе—дома были уже готовы, и слишкомъ 800 душъ помѣстились въ нихъ. Менониты рѣшили поселиться общинами; кинули жребій, сначала между этими общинами, затѣмъ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сразу рѣшили перейти къ участковому землевладѣнію, между членами; въ 2—3 мѣсяца были построены жилища, и дикая прерія обратилась въ густо заселенную страну; дома, выстроенные желѣзнодорожной компаніей, были обращены одинъ въ школу, другой въ церковь, и жизнь новаго поселенія пошла своимъ путемъ. Средній урожай пшеницы въ этой колоніи 25 бушелей съ акра; манса — 40. Нѣкоторые поселенцы сообщали мнѣ объ урожаяхъ пшеницы гораздо выше средняго: въ 1877 г. Генрихъ Штуль намолотилъ 45 бушелей съ акра, Вильгельмъ Мелиссонъ 60, а Габріэль Вильдъ—63.

Къ югу отъ Ньютона расположена колонія Михалина на Шельдонѣ, состоящая изъ 33 семей на 3500 акрахъ земли и прибывшая изъ окрестностей Бердянска въ 1875 г. подъ предводительствомъ Леонгарда Судермана, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ патеровъ въ Канзасѣ.

Слѣдуя по желѣзной дорогѣ дальше на западъ, въ 15 миляхъ я вышелъ въ городокъ Хэльстедъ (Halstead) основанномъ всего три года тому назадъ и считающемся теперь центромъ менонитскихъ поселеній въ Канзасѣ. «Западное общество журналистовъ» вало здѣсь большую типографію, и теперь въ Хэльстедѣ изда-

ются специально для менонитовъ двѣ газеты на вѣмецкомъ языкѣ, подѣ названіемъ «Zug Heimath»; одна изъ нихъ — большое двухнедѣльное изданіе, другая — небольшой ежедневный листокъ, и выходятъ онѣ въ числѣ 8—12 тысячъ экземпляровъ. Кругомъ Хэльстеда на разстояніи трехъ миль къ югу и 20 миль къ сѣверу, менонитами изъ разныхъ мѣстностей Россіи и Пруссіи, куплено 48 тысячъ акровъ — но тутъ нѣтъ той сомкнутости, какъ въ предшествовавшихъ колоніяхъ, и русскіе и пруссаки живутъ въ перемежку съ американцами и переселенцами изъ другихъ странъ; они не образуютъ отдѣльныхъ общинъ и объамериканяются весьма быстро.

Въ 12 миляхъ къ сѣверу отъ Хэльстеда расположена колонія Хоффнунгсфельдъ, образованная менонитами съ Волыни, прибывшими сюда подѣ предводительствомъ Якоба Стуки въ 1875 году. Колонія состоитъ изъ 60 семействъ и занимаетъ 8,400 акровъ земли.

Рядомъ съ Хоффнунгсфельдомъ, къ востоку и сѣверу, расположено поселеніе Кантонъ, состоящее изъ менонитовъ изъ Польши, жившихъ тамъ въ большой бѣдности и не имѣвшихъ никакихъ средствъ къ переселенію. Американское Менонитское общество, къ которому они обратились за помощью, дало имъ средства на переѣздъ и первоначальное устройство въ Америкѣ. Колонія эта состоитъ изъ 100 семействъ, и расходы общества на нее превысили 20 тысячъ долларовъ; кромѣ того, желѣзная дорога даромъ перевезла и ихъ самихъ, и ихъ имущество, дала имъ бесплатныя помѣщенія на первую зиму и уступила землю на самыхъ снисходительныхъ условіяхъ, въ количествѣ 80 акровъ на семейство. Теперь колонія нѣсколько оправилась и имѣетъ уже собственный школьный докъ, стоявшій свыше 700 долларовъ, и въ которомъ учится до 150 дѣтей.

Дальше къ западу, въ графствѣ Рено, расположилось большое поселеніе менонитовъ изъ Крыма, прибывшихъ одновременно съ поселенцами Александерволя, и извѣстное подѣ общимъ названіемъ Хоффнунгс-Ау. Эта колонія прибыла подѣ предводительствомъ Дитриха Геддерта и Гейнриха Ригера, и поселилась частію на желѣзнодорожныхъ, частію на правительственныхъ земляхъ по рѣкамъ Малому Арканзэзу и Тюрки-Криву; поселенія идутъ тремя параллельными линіями, приблизительно въ 12 миль длины, къ сѣверу отъ желѣзнодорожной станціи Бѣртона до городка Макъ-

Ферсонъ Центръ, главнаго города графства того же имени, и посаженными названія Джерменъ Стритъ (German Street), Смитъ Лайнъ (Smith line) и Джонсонъ Стритъ (Johnson Street). Нѣсколько къ западу отъ этихъ линий расположились отдѣльно колоніи Францталь и Классена. Во всей этой группѣ живетъ слишкомъ 200 семействъ, занимающихъ болѣе 25,000 акровъ земли. Средній урожаи пшеницы отъ 15 до 25 бушелей, у Геддerta 27, у Андре—35, максимумъ 40; овса среднее 45, максимумъ 75, ржи 25, манса отъ 40 до 75 бушелей.

Еще дальше къ западу, въ графствѣ Рѣшъ (Rush County), Русское Графство, въ долину рѣки Уольпута (Walnut Valeу) расположилась колонія Гнаденталь, прибывшая сюда подъ предводительствомъ Августа Ханхарда въ 1876 году и состоящая изъ выселившихся за недостаткомъ земли членовъ раньше упомянутой колоніи Александерволь, въ числѣ 30 семействъ. Урожаи пшеницы въ 1877 году былъ не менѣе 20 бушелей съ акра, максимумъ 35.

Въ десяти миляхъ къ сѣверу, поселились нѣмцы-лютеране съ Волги, занявшіе правительственныя земли и только что построившіеся.

Въ девяти миляхъ къ западу отъ городка Гритъ-бендъ (Great Bend) желѣзнодорожной станціи и главнаго города графства Бертонъ, открыта недавно станція Поуни Рокъ (Pawnee Rock), кругомъ которой, въ графствѣ Рѣшъ, на разстояніи 2—10 миль, поселились меннониты съ Волги въ числѣ 37 семействъ, прибывшіе въ 1876 году и поселившіеся на правительственныхъ и школьныхъ земляхъ. Урожаи пшеницы отъ 25 до 33 бушелей, манса около 55, овса около 50 бушелей.

Графство Рѣшъ и главный городъ его, Рѣшъ Центръ, отстоящій приблизительно на 20 миль отъ желѣзной дороги къ сѣверу, населены преимущественно меннонитами изъ Россіи, но они прибывали сюда въ разное время небольшими партіями, расселились незначительными группами или въ одиночку, и не составляютъ такихъ сплоченныхъ общинъ, какъ выше перечисленныя.

Я упомянулъ всѣ, болѣе или менѣе значительныя центры; множество другихъ, меньшихъ колоній и отдѣльныхъ семей поселилось въ разныхъ мѣстахъ долины Аркэнзаса, и конечно нѣтъ надобности перечислять каждое такое поселеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ они имѣютъ совершенно одинаковый характеръ. Дальше всего я пробылъ въ колоніи Александерволь, и болѣею частію свидѣ-

ній обязанъ Якову Бюлеру, пастору и предводителю этой колоніи человѣку очень серьезному и имѣющему огромное вліяніе на свою паству.

Наружный видъ меннонитскихъ фермъ довольно однообразенъ— каждая усадьба въ громадномъ большинствѣ случаевъ состоитъ только изъ двухъ построекъ: жилого дома и сарая или амбара— по мѣстному барнъ (barn) Жилые дома большею частью деревянные, въ 2 или 1½ этажа и 5 или 6 комнатъ, выкрашены снаружи бѣлой краской, съ зеленою, крытою деревяннымъ гонтомъ, крышею и зелеными же ставнями. Отличительную ихъ особенность составляютъ кирпичныя русскія печи, отапливаемыя соломой; меннониты не захотѣли покупать обыкновенныхъ американскихъ чугунныхъ печей, отапливаемыхъ покупнымъ каменнымъ углемъ и сохранили свои русскія; практичныя янки ясно видятъ ихъ преимущество, и теперь эти печи можно видѣть въ домахъ Арканзаса и въ домахъ чистокровныхъ янки. Барнъ—тоже обыкновенно двухэтажная постройка, въ которой внизу стоила для лошадей и помѣщеніе для машинъ, а верхній этажъ служитъ складомъ зерна и мелкихъ принадлежностей хозяйства. На каждой фермѣ непременно фруктовый садъ и виноградникъ; яблоки, груши, и, главнымъ образомъ, персики, а виноградъ принадлежитъ къ числу мелкихъ синыхъ сортовъ. Посадка такого сада стоитъ очень дешево и не требуетъ особыхъ хлопотъ—саженцы получаютъ изъ большихъ питомниковъ около Ст. Луи по три Поллара за сотню съ доставкой на ближайшую желѣзнодорожную станцію, и уже на третій годъ даютъ плоды, а виноградъ разводится отводками, которые втыкаются прямо въ землю и растутъ безъ всякихъ подпоръ, стелясь по землѣ. Живыя изгороди изъ кратегуса и другихъ колючихъ растений уже на третій годъ представляютъ непроходимую преграду не только для скота, но и для самого хозяина; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ проволочныя огороды, на деревянныхъ, изъ желѣзнаго дерева, столбахъ. Рабочій скотъ составляютъ волы, лошади и мулы. Эти послѣдніе считаются лучшими рабочими животными, и цѣна на нихъ доходитъ до 200 дол. за штуку. Лошади принадлежатъ или къ кентѣкской породѣ, или къ тексасскимъ мустангамъ. Первые представляютъ нѣчто въ родѣ нашихъ битюговъ, только съ болѣе тонкими формами, напоминающими стати англійской лошади; штатъ Кентѣкки занимается

преимущественно коневодствомъ и поставляетъ лошадей во всѣ другія части союза; цѣна ихъ колеблется отъ 75 до 150 дол. за штуку, и пары такихъ коней совершенно достаточно для работы тяжелой самовяжущей жатвенной машины или двухлемешнаго плуга съ сидѣньемъ. Мустанги гораздо мельче и дешевле; пригоняются они изъ Тексаса, Нью-Мексико и Аризоны огромными табунами въ 5—6 тысячъ головъ, и продаются на выборъ по 25 дол. за штуку; употребляются преимущественно для верховой и экипажной ѣзды, такъ какъ очень выносливы и крѣпки. Волы попадаются сравнительно рѣдко, только у самыхъ бѣдныхъ поселенцевъ—пара ихъ стоитъ долларовъ 60. Молочный рогатый скотъ представляетъ смѣсь всевозможныхъ европейскихъ породъ; онъ очень крупенъ, хотя и не особенно молоченъ, и долженъ быть отнесенъ скорѣе къ мяснымъ породамъ, чѣмъ къ молочнымъ. Мennonиты—хорошіе скотоводы, какъ и всѣ нѣмцы; янки сразу замѣтили это, и уже въ 1875 году вѣкто Альбертъ Краунъ, богатый капиталистъ изъ Чикаго, купилъ въ долинѣ рѣчки Коттѳовуда, подлѣ поселенія герра-Фупка, 6,400 акровъ земли и устроилъ тутъ хозяйство для разведенія и продажи племеннаго скота. Ферма эта называется Дургэмъ Паркъ, лежитъ по обѣимъ берегамъ рѣки, изъ 6,400 акровъ, 5,700 отгорожены подъ пастбища небольшими участками, такъ что однихъ огородовъ свыше 50 миль: на фермѣ 225 штукъ только что выписаннаго изъ Англіи короткорогого скота, нѣкоторые экземпляры котораго обошлись отъ 3 до 5 тыс. дол., до 200 штукъ скота изъ разныхъ мѣстностей союза, и сотня беркшайрскихъ свиней, изъ которыхъ нѣкоторыя плачены по 500 и даже по тысячѣ долларовъ. Помѣщенія для скота идутъ по берегамъ рѣки, и составляютъ всѣ вмѣстѣ зданіе въ 2,500 футовъ длины, при 16 футахъ ширины. На фермѣ 20 надзирателей и 60 рабочихъ, и дѣло развивается весьма быстро; и хозяинъ съ большими барышами, и меннониты очень благодарны за возможность получить близко хорошій племенной скотъ по недорогой, сравнительно, цѣнѣ.

Овцеводство находится еще въ зародышѣ; овцы герра Фупка принадлежатъ мѣстной породѣ и даютъ около 2 долл. дохода со штуки, причемъ расходъ на нихъ крайне незначителенъ, такъ какъ рѣдкую зиму приходится кормить ихъ на стойлѣ; большею частью онѣ круглый годъ довольствуются пастбищнымъ кормомъ.

Г. Водзюртзъ (Wadsworth) ¹⁾ сообщилъ мнѣ слѣдующіе результаты за первый годъ его занятія овцеводствомъ: куплено 1,000 овецъ за 3,000 дол. и 15 барановъ за 150 дол.; въ теченіе года издержано на сѣно 75 дол., на устройство коралей или загородей 300 дол., убытку отъ павшихъ овецъ 100 дол., стрижка и другіе расходы 300 дол., пастуху 300 дол. Итого расходу 4,400 доллар. Въ теченіи года продано овецъ и ягвять на 2,000 дол. и шерсти на 1,200 дол., всего доходу 3,200 дол., причеъ стадо не уменьшилось ни на одну голову. Киръ Фрей (Cyrus Frey), почтмейстеръ въ Лэрнедѣ, купилъ въ прошломъ году стадо въ 478 головъ за 1,075 дол., издержалъ на него 441 дол. и продалъ нынче за 2,885 дол. 85 цент., получивъ чистаго барыша 1,369 дол. 85 центнер. Мѣстные знатоки овцеводства утверждаютъ, что здѣсь съ успѣхомъ можно разводить и самыя лучшія породы овецъ, причеъ доходъ со штуки можетъ увеличиться до 5 дол. въ годъ; владѣлецъ Дургэмъ Парка хотѣлъ въ нынѣшнемъ году выписать партію испанскихъ мериносовъ, и этимъ вѣроятно будетъ положено начало разведенію топкорунныхъ овецъ, обещающему въ будущемъ большія выгоды населенію этой части Кэнзаса.

Свиноводство составляетъ неотъемлемую принадлежность каждой фермы. Въ сущности, со свиньями здѣсь очень мало хлопотъ, опѣ ограничиваются отведеніемъ извѣстнаго участка земли, смотря по величинѣ стада, съ какойнибудь непересыхающей лужей или ручьемъ; участокъ этотъ тщательно огораживается, и туда садятся матки и борова. Чтобъ свиньи не могли рыть землю, каждому животному вставляется въ носъ кольцо особой конструкціи—огромная фабрика въ г. Декатурѣ, штатъ Иллинойсъ, занимается исключительно фабрикаціей этихъ колецъ, и продала ихъ до 1877 года 44 милл., а въ 1877 году—28.326,800 штукъ. Мѣсяца за два до времени продажи хозяинъ начинаетъ откармливать своихъ свиней немолоченными шипками манса—этимъ и ограничиваются всѣ заботы, такъ какъ остается только отобрать то количество приплода, которое хозяинъ намѣренъ продать, и свезти его на ближайшую желѣзнодорожную станцію. До сихъ поръ цѣна на свиней была 10—12 дол. за штуку, теперь гораздо выше, такъ какъ кэнза-

¹⁾ Въ граествѣ Edwads.

ская ветчина стоила здѣсь только 6 цент. за фунтъ, когда шла въ Европу черезъ Чикаго и Нью-Йоркъ, а теперь, когда пошла черезъ Гальвестонъ, стоитъ 9—10 центовъ.

Домашнія куры безъ всякихъ хлопотъ и корму выводятъ по три выводка цыплятъ въ лѣто; яйца очень дешевы, и на рынкахъ Ньютона и Упчиты цѣна на нихъ рѣдко доходитъ до 6 центовъ за дюжину. Значительнымъ подспорьемъ домашнему столу фермеровъ служатъ степныя курочки, въ несмѣтномъ количествѣ населяющія поля и преріи Кэпзеса; онѣ не могутъ хорошо летать и ихъ бьютъ просто палками. На городскихъ рынкахъ можно ихъ купить по 10 ц. за пару.

Основной продуктъ меннопитскаго хозяйства составляетъ озимовая пшеница. Сѣютъ правда и яровую, но очень немного, только на вновь вводимыхъ въ хозяйство участкахъ, и цѣна на нее значительно ниже, чѣмъ на озимовую. Высѣвается бушель на акръ—о количествѣ прироста я уже говорилъ при перечисленіи поселеній. Мансу высѣвается менѣе полубушеля на акръ; на продажу идетъ не больше половины, остальная часть идетъ на откормъ свиней. Цѣны на маисъ невысоки—отъ 25 до 40 ц. за бушель. Овесъ сѣется въ незначительномъ количествѣ, и весь уходитъ на потребности хозяйства; да и цѣны на него очень низки, въ Ньютонѣ напр. 2—20 ц. за бушель. Сахарный тростникъ ¹⁾ сѣется въ каждомъ хозяйствѣ, какъ для собственнаго употребленія, такъ и на продажу, и компетентные люди полагаютъ, что когда меннониты вполне познакомятся съ его производствомъ, онъ неминуемо займетъ второе послѣ пшеницы мѣсто въ ихъ хозяйствѣ. Затѣмъ сѣется въ небольшихъ количествахъ брумъ корнъ (broom corn), растеніе, изъ котораго приготавливаютъ метлы и щетки; очень рѣдко рожь и ячмень. Овощи все мѣстныя, даже картофель принадлежатъ къ особому, сладкому виду. Дыни и арбузы растутъ безъ всякаго ухода между маисовыми стеблями. Меннониты очень сокрушаются по всероссійской сѣрой капуствѣ—она совсѣмъ не можетъ произрастать здѣсь, и вмѣсто клубковъ обращается въ толстые, де-

¹⁾ Sorghum, особый видъ сахарнаго тростника, которому я не знаю русскаго названія. Изъ него прессами получается нечто въ родѣ сладкой патоки, наз. моласси.

ревянистые стебли, такъ что имъ пришлось распротиться съ сѣрыми щами.

Меннонины—коренастый, рослый народъ, большею частью выше 6 футовъ. Мушны брѣютъ усы и бороду; у большинства свѣтлорусые волосы и голубые глаза. Языкъ и нравы—чисто нѣмецкіе; нельзя найти лучшаго доказательства нашей полнѣйшей неспособности къ обрусѣнію другихъ національностей. Нѣкоторые изъ меннонитовъ переселились въ Россію еще при Екатеринѣ Великой и жили среди русскаго народа больше ста лѣтъ—а кромѣ употребленія сѣрыхъ щей да русскихъ печей остались нѣмцами съ ногъ до головы. Не надо забывать, что переселясь къ намъ въ такія времена, когда не было еще никакихъ путей сообщенія и даже почтовыхъ сношеній, они неминуемо должны были порвать всякую связь съ родиной, слѣдовательно на нихъ не могли вліять и тѣ задерживающія слияніе причины, которыя существуютъ въ занимаемыхъ, покоряемыхъ странахъ, гдѣ первоначальный обыватель остается на своей землѣ и въ своемъ дому. Сто лѣтъ прожили они среди русскаго народа—и незамѣтно ни малѣйшаго вліянія этого народа, хотя и очевидно, что сами они такъ и застыли на той степени цивилизаціи, которую когда то принесли съ собой—даже плуги, которыми пахали ихъ переселившіеся прадѣды, остались и до сихъ поръ безъ всякаго измѣненія. Только четыре года прожили они въ Америкѣ—и вліяніе американскаго народа сказывается уже весьма чувствительно. Неугомонный янки успѣлъ уже заразить свою подвижностью и предпримчивостью даже этихъ невозмутимыхъ сыновъ Тевтоніи; не говоря о томъ, что всѣ излюбленные приемы земледѣлія окончательно оставлены меннопитами, и они вполне усвоили Американскіе, въ нихъ проснулся уже духъ предпримчивости, и многіе, стряхнувъ съ себя столѣтній морозъ, занимаются уже торговлей и промышленностью. Втеченіи ста лѣтъ не могли они выучиться русскому языку—весьма многіе не имѣютъ о немъ никакого понятія, да и говорящіе, за немногими исключеніями, весьма близко напоминаютъ говорящаго по русски польскаго жида; а въ четыре года успѣли научиться англійскому языку довольно изрядно, и не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтъ черезъ десять, двадцать, когда перемрутъ старики, новое поколѣніе совсѣмъ забудетъ нѣмецкій языкъ и едвали будетъ замѣтно отличаться отъ окружающаго ихъ американскаго народа.

Переселяясь въ Кэнзасъ, меннопиты захватили съ собой не только общину и нижегородскіе сундуки съ красными букетами какихъ то невозможныхъ цвѣтовъ по синему полю, но и плуги, фургоны и даже мельничные жернова. Все это оказалось совершенно непригоднымъ, какъ оказались непригодными и тѣ жалкіе приемы земледѣлія, къ которымъ они привыкли въ Россіи. Неуклюжій, тяжелый русскій колонистскій плугъ, въ который они впрягали по 3 и по 4 пары воловъ, пришлось замѣнить здѣшнимъ легкимъ двухлемешнымъ плугомъ, при которомъ, употребляя пару хорошихъ кентекійскихъ коней или муловъ, работникъ преспокойно сидитъ на особомъ сидѣньи, даже подъ зонтикомъ, чтобъ не страдать отъ солнечныхъ лучей; ручное жниво, на которое съ изумленіемъ смотрѣли Американцы, какъ на нѣчто до пельзя варварское и ужасное, перемѣнили на легкую и веселую работу, опять таки подъ зонтикомъ, самовяжущей жатвенной машины, а тяжелые, скрипучіе фургоны, сами по себѣ составляющіе порядочный возъ, на красивые и легкіе вагоны на лежачихъ рессорахъ. Я уже имѣлъ случай замѣтить, какъ плачевно обопчилось общинное землевладѣніе въ Гнаденау, Хохфельдъ и нѣкоторыхъ другихъ поселеніяхъ—теперь сообщу подробности. Обыватели Гнаденау купили 9 сенцій земли, т. е. 9 квадратныхъ миль, расположенныхъ правильнымъ квадратомъ, каждая сторона котораго равняется 3 милямъ или $4\frac{1}{2}$ верстамъ. На средней, центральной секціи, было выстроено поселеніе и вся земля раздѣлена полосами, причемъ, такъ какъ по участку текутъ нѣсколько ручьевъ и есть прудины, невозможно было избѣгнуть мелкихъ заповосковъ, необходимой принадлежности правильного дѣлежа. Какъ только разнеслась по штатамъ вѣсть о такомъ необыкновенномъ пользованіи землею, къ поселенцамъ нахлынули корреспонденты, репортеры, даже землемѣры: редакція крупныхъ газетъ пожелала имѣть точные планы полосъ дѣлянокъ. Нѣкоторое время вся Американская пресса была занята русскими коммунистами—появилось безчисленное множество журнальныхъ и газетныхъ статей и отдѣльныхъ брошюръ по поводу русской общины. Взвѣсивъ всѣ шансы pro и contra, практичные янки единогласно порѣшили, что это дѣло не подходящее и убыточное, и вопросъ былъ погребенъ на всегда. И дѣйствительно, въ первый же годъ обыватели Гнаденау, несмотря на свою нѣмецкую закалку и любовь къ традиціямъ, ясно увидѣли, что при общин-

ной системѣ въ Америкѣ хозяйничать невозможно. Во первыхъ, нѣтъ царовыхъ полей, а вся земля засѣвается ежегодно; во вторыхъ, воздѣлываемыя растенія крайне разнообразны, и, въ то время, какъ ячмень поспѣваетъ въ 6 недѣль, мансъ требуетъ 4-хъ мѣсяцевъ, а тѣ, которые занялись скотоводствомъ, сѣяли мансъ въ большихъ количествахъ и затрудняли этимъ доступъ къ полямъ, засѣяннымъ зерновыми хлѣбами и дѣлали невозможнымъ утилизацію ихъ, какъ пастбищъ, по снятіи хлѣба; въ 3-хъ, нѣкоторыя машины какъ напр. самовяжущая жатвенная и культиваторъ манса, оказались такъ велики, что не только работать, а даже проѣхать съ ними по узкой полосѣ невозможно, а на установку на каждой полосѣ и переѣзды съ одной на другую уходило слишкомъ много дорогаго рабочаго времени; въ 4-хъ, когда настало время молотить, пришлось свозить снопы въ одно мѣсто, въ деревню,—машина не могла выѣхать въ поле, такъ какъ оно было засѣяно разными родами хлѣба и полосы владѣльца были раскиданы въ разныхъ мѣстахъ по всему огромному пространству 9 секцій земли, въ 5-хъ... Да этихъ причинъ набралось такое безчисленное множество, что несчастные заступники общиннаго начала не знали что и дѣлать, пришлось разобрать деревню и вновь строиться на отдѣльныхъ участкахъ.

Выше я уже говорилъ, что колонія Александерволь купила свою землю по 2 доллара за акръ на условіяхъ 11-го лѣтняго кредита; почти всѣ русскіе переселенцы, занявшіе земли желѣзнодорожной компаніи, приобрѣли ихъ на тѣхъ же условіяхъ. Цѣны на землю въ Америкѣ стоятъ въ зависимости отъ расположенія относительно желѣзнодорожныхъ станцій, и, главнымъ образомъ, отъ степени заселенности страны; свойства почвы очень однородны, такъ что въ Кэнзесѣ напр. по качеству различаются только 2 рода земли: bottom и up lands. Къ первымъ принадлежатъ долины большихъ рѣкъ, иногда довольно широкия;—ко вторымъ—всѣ преріи. Первые цѣнятся дороже по своей высшей производительности; но ихъ такъ мало ¹⁾, какъ мало въ средней полосѣ Россіи поемныхъ сѣнокосовъ, и потому на рынокъ дѣлается цѣна

¹⁾ На всѣ 52 мил. акровъ, составляющихъ Кэнзесъ, на долю bottom lands приходится maximum 200 т. акровъ.

исключительно на up lands, на преріи. Тѣ участки, на которыхъ стоятъ теперь города Уичита и Ньютонъ, еще восемь лѣтъ тому назадъ, сравнительно, ничего не стоили; желѣзная дорога продавала ихъ по 1 д. 50 ц. за акръ, а въ настоящее время цѣна на мѣста въ 50×165 кв. футовъ, расположенныя въ центрѣ этихъ городовъ, стоитъ около 300 дол. за мѣсто. Тѣ земли, которыя 4 года тому назадъ колонія Александерволь купила по 2 доллара за акръ, стоятъ теперь 10—12 долларовъ, несмотря на то, что только 50 миль дальше къ западу, за Гринъ Бендомъ, можно имѣть сколько угодно такой же точно правительственной земли на основаніи homestead law, т. е. почти даромъ, а желѣзнодорожная, близъ лѣвнн, продается по 1 д. 50 ц. за акръ. Очевидно слѣдовательно, что цѣна зависитъ не отъ качества почвы, а отъ удобства жизни въ извѣстной мѣстности; берутъ дороже за то, что уже устроены дороги и мосты и выстроены школы и церкви.

Колонія Александерволь, на 165 семействъ, имѣетъ 22¹/₂ т. акровъ земли, слѣд. въ среднемъ, по 136 акровъ на семейство. Но земля раздѣлена по семьямъ далеко не равномерно; иные владѣютъ 320, другіе только 80 акрами. Произошло это не вслѣдствіе значительной разницы въ средствахъ семей, какъ можно бы было подумать, а потому, что меннониты и представить себѣ не могли того облегченія и ускоренія земледѣльческаго труда, которыхъ достигли американцы; они полагали, что придется также брать все плечомъ и руками, какъ они дѣлали въ Россіи, и малосемейные не рассчитывали, что будутъ въ состояніи обрабатывать болѣе 80 акровъ, тѣмъ болѣе, что они слышали, что земля не пустуетъ а обрабатывается вся каждый годъ. 80 акровъ—почти 30 дес.; мало-мальски знакомый съ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ читатель пойметъ, что, при ручномъ трудѣ, особенно при жнитвѣ руками, одновокій работникъ и думать не можетъ о томъ, чтобы своевременно справиться съ такимъ участкомъ, особенно если онъ можетъ весь засѣваться. Между тѣмъ, машины сдѣлали то, что среднее американское хозяйство, обрабатываемое средствами одного семейства ¹⁾, безъ какого бы то ни было займа со стороны, можно считать въ ¹/₄.

¹⁾ При этомъ необходимо замѣтить, что у природныхъ американцевъ женщины никогда не работаютъ въ полѣ.

секции, 160 акров¹⁾, а семья, въ которой 2 или 3 работника, можетъ свободно справиться съ 300 и болѣе акровъ. Меннонимы, у которыхъ и женщины работаютъ въ полѣ, скоро поняли свою ошибку, привлеченіе работать по 15 часовъ въ сутки въ рабочую пору (тогда какъ ни одинъ американецъ не работаетъ болѣе 10 час., а большинство только 8 час.) они, пользуясь машинами, имѣютъ массу свободного времени, и тѣ, которые уже догадались, въ чемъ дѣло, продаютъ свои маленькіе участки сосѣдямъ и перебираются далѣе на западъ въ графства Rush, Rawnee и Edwards, гдѣ берутъ по 320 и болѣе акровъ. Двухлемешный американскій плугъ поднимаетъ въ 10 рабочихъ часовъ около 6 акровъ; а сезонъ посѣва озимовой пшеницы продолжается въ Канзасѣ съ первыхъ чиселъ августа до послѣднихъ октября, почти три мѣсяца, причемъ это какъ разъ такое время, когда фермера не отвлекаютъ никакія другія хозяйственныя работы, такъ какъ пшеница выжата и убрана въ іюнь и іюль, а поспѣвающій въ сентябрѣ мансъ оставляется въ полѣ до ноября, когда его прямо съ поля возятъ въ свиную загородъ; мансъ можетъ стоять на корню всю зиму, ни сколько не теряя ни въ качествѣ, ни въ количествѣ, и та часть его, которая идетъ на продажу, молотится постепенно прямо съ корня уже зимой. Самовязущая жатвенная машина выжинаетъ и вяжетъ, смотря по качеству хлѣба, отъ 15 до 18 акровъ въ день, слѣдовательно, замѣняетъ около 70 жнецовъ серпами. Ниже я буду имѣть случай еще разъ вернуться къ тому изумительному облегченію земледѣльческаго труда, котораго успѣли достигъ американцы—теперь же я полагаю достаточно яснымъ то обстоятельство, что при такихъ условіяхъ земледѣлія 80 акровъ не могутъ занять всего времени отдѣльнаго семейства. Прибывшіе сюда въ 1876 г. и позже меннониты, благодаря опыту своихъ предшественниковъ, избѣгли обѣихъ ихъ крупныхъ ошибокъ—и общиннаго землевладѣнія, и малыхъ участковъ земли; въ Rush Connty minimum купленнаго меннонитомъ участка составляетъ 160 акровъ.

Въ Эмматалѣ, одномъ изъ дистриктовъ Александервала, я про-

¹⁾ Статистика землевладѣнія Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что въ всѣхъ отдѣльныхъ поземельныхъ участкахъ въ Штатахъ, а слѣдовательно и громадное большинство фермъ, именно такой величинны.

жилъ довольно долго у колониста Якоба Смита, ближайшаго сосѣда пастора Бюлера, и съ его то хозяйство и хочу познакомить читателя. Какъ уже выше мнѣ приходилось неоднократно замѣчать, меннитскія хозяйства все ведутся по одному шаблону и потому достаточно познакомиться съ однимъ изъ нихъ, чтобы имѣть возможность болѣе или менѣе удовлетворительно судить и обо всѣхъ остальныхъ.

По словамъ Бюлера, служившаго посредникомъ при обмѣнѣ русскихъ кредитокъ на американское золото, среднее количество денегъ у каждой переселившейся подъ его предводительствомъ семьмъ расходами по переѣзду, было 700 долларовъ— у иныхъ больше у иныхъ меньше. Они заплатили за долларъ по 1 р. 75 к., дорога обошлась со всеми расходами по 100 кредитн. рублей на каждую душу, слѣдовательно, считая семью въ 5 душъ, каждая семья вывезла изъ Россіи по 1,725 р., не считая цѣнности движимаго имущества, которое они захватили съ собою почти все. У самого Бюлера было около 2,000 доллар., у Якоба Смита около 1,000, у большинства по 400, 500, а у нѣкоторыхъ и того меньше. Какъ я уже говорилъ, землю они купили по 2 доллара за акръ, на условіяхъ одиннадцатилѣтняго кредита; но всѣхъ поселенцевъ уже выплатили весь состоявшій за ними долгъ, и всѣ сожалеютъ, что, имѣя неосновательныя опасенія относительно трудности уплаты, не купили земли на условіяхъ двухлѣтняго кредита, почему потеряли 20% уступки и заплатили 2 дол. вмѣсто 1 дол. 60 ц. Постройка была заказана по одному шаблону большому торговому дому въ Чикаго; за домъ и барнъ съ нихъ взяли по 700 доллар., съ срочкой уплаты на два года; за наличныя деньги они могли бы получить тѣже постройки за 550 долл., такъ какъ за отсрочку съ нихъ взяли не менѣе 20% лишку. Дома были готовы черезъ мѣсяцъ по заказу, привезены по желѣзной дорогѣ въ разобранномъ видѣ, и затѣмъ въ нѣсколько дней собраны уже на мѣстахъ присланными торговымъ домомъ рабочими. Тѣ, которые были побѣднѣе, заказали дома поменьше, въ 2, 3 комнаты, и одноэтажныя барнъ; такія постройки обошлись въ 200—300 долл. Надо замѣтить, что дома продаются всею готовою—съ дверями, окнами и ставнями—остается только поставить печи.

Семейство Якоба Смита состоитъ изъ него самаго, крѣпкаго и здороваго мужчины, лѣтъ 45, жены, коренастой нѣмки, и шести

человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему сыну, теперь сильному и рослому молодцу, во время переселенія было 14 лѣтъ; остальные малолѣтки, старшей дѣвочки теперь лѣтъ 15. При поселеніи было куплено 160 экровъ, такъ что первый взносъ за землю составилъ всего 52 дол. 16 ц. да задатокъ при заказѣ постройки 300 дол., такъ что у Смита оставалось около 600 долларовъ, на которые онъ долженъ былъ жить въ ожиданіи первой жатвы и обзавестись рабочимъ и молочнымъ скотомъ и машинами. За пару хорошихъ лошадей, жеребца и кобылу онъ отдалъ 180 дол., за двухъ молочныхъ коровъ 45 дол., за пару годовыхъ телятъ, бычка и телочку 16 дол.; за 7 матокъ свиней и борова 85 дол., за куръ, утокъ и другую домашнюю птицу 5 дол., такъ что скотъ обошелся ему въ 338 дол., оставалось еще около 260. За сѣмяна разныхъ хлѣбовъ пришлось заплатить около 75 дол.; а изъ машинъ за различныя деньги были куплены только плугъ для ломки преріи за 22 дол. и нѣкоторыя другія, мелкія, какъ соломорѣзка за 8 дол. и чугунный насосъ для колодца за 6 дол.; остальные, крупныя, а именно сѣялки для зерновыхъ хлѣбовъ и маиса, жатвенная машина, культиваторъ маиса, бороны и проч. были куплены въ кредитъ, причемъ опять пришлось заплатить 10—20% лишку за отсрочку. Прибыли они ранней весной, такъ что Смитъ успѣлъ посѣять около 40 экровъ яровой пшеницы, около 30 маису и около 5 овса—затѣмъ лѣто было употреблено на посадку сада и изгородей. Осенью была снята первая жатва, очень обильная; онъ могъ продать 500 бушелей пшеницы. Вся земля изъ подъ посѣва, около 75 экровъ, была засѣяна озимовой пшеницей, и на слѣдующую весну посѣяно еще 40 экровъ маиса и другихъ хлѣбовъ, такъ что, снявъ въ 1875 г. около 1,500 бушелей пшеницы, онъ засѣялъ ею къ 1876 г. уже 115 экровъ. Уже въ это время оказалось, что земли на двухъ взрослыхъ работниковъ мало, весной 1876 г. онъ купилъ у сосѣда переселившагося далѣе на западъ 80 экровъ по 5 дол. за акръ, и въ 1877 г. еще 80, уже по 7 дол., такъ что теперь, въ 1878 г. владѣеть всего 320 акрами земли, снялъ около 2,500 бушелей пшеницы, рассчитывалъ засѣять ею къ 1879 г. около 200 экровъ и имѣлъ уже 6 лошадей, 11 коровъ, до 80 свиней и всѣ необходимыя машины въ полномъ комплектѣ и единственномъ своемъ владѣніи; только молотить приѣзжаетъ машина американца спекулятора, взимающаго по 3 ц. за бушель пшеницы,

2 ц. за бушель овса и т. д. ¹⁾). Такъ какъ намалачиваемый Смитомъ хлѣбъ не убирается уже въ верхній этажъ его барна, то приходится до продажи свозить его на храненіе въ элеваторъ въ Ньютонѣ. Этотъ элеваторъ (громадный, многоэтажный амбаръ) содержится компаніей, которая взимаетъ за храненіе и страхъ ишеницы 2 ц. за бушель въ первый мѣсяцъ и по 1 ц. за послѣдующіе; при элеваторѣ состоятъ выборные оцѣнщики, опредѣляющіе качество ссыпаемаго хлѣба (ишеницы на кэнзэсскихъ рынкахъ 5 померовъ) и выдающіе вкладчику веррантъ, который онъ и продаетъ на рынокъ, когда ему заблагоразсудится.

Въ 1878 г. у Смита было посѣано 190 экр. озимовой ишеницы, 15 яровой, 60 маусу, 8 сахарнаго тростнику и 12 овса; подъ усадьбой и садомъ было 5 экровъ, остальные 60 были подъ свиной загородью и пастбищемъ ²⁾). Долги за землю желѣзнодорожной компаніи, за постройку и машины были уже сполна уплачены; оставалась часть долга за купленную уже послѣ землю около 400 долларовъ, и онъ разсчитывалъ, что будетъ имѣть возможность совсѣмъ раздѣлаться и съ этимъ долгомъ въ 1879 г. Между тѣмъ, ферма его стоитъ теперь уже 10 дол. за экръ, т. е. около 3,000 долларовъ, да движимости въ урожаѣ, скотѣ и машинахъ онъ имѣетъ на такую же сумму — въ 4 года изъ тысячи долларовъ у него образовалось шесть.

Относительно жизни въ своемъ новомъ отечествѣ сравнительно съ прежней жизнью въ Россіи, всѣ менпопиты говорятъ одинаково, и я предпочитаю передать ихъ взглядъ на этотъ предметъ словами Бюлера, съ которымъ я долго и подробно говорилъ по этому поводу.

¹⁾ Впрочемъ, молоченъе и въ старыхъ Штатахъ производится такимъ же образомъ — ермеру выгодише заплатитъ за молоченъе извѣстный процентъ, чѣмъ покупать дорогую паровую молотилку.

²⁾ Чтобы нѣсколько пояснить значеніе количества посѣва, я приведу изъ отчета Земледѣльческаго Департамента Соединенныхъ Штатовъ слѣдующія данныя за 1876 г. относительно валовой стоимости урожая съ экра посѣва въ Кэнзэсѣ; экръ озимой и яровой ишеницы 12 долл. 55 ц., мауса 10 дол. 44 ц., овса 6 дол. 97 ц., ячменя 10 дол. 57 ц., ржи 8 дол. 94 ц., табаку 70 дол., гречихи 14 дол., картофелю 52 дол. 50 ц. и сахарнаго тростнику 71 дол. 50 ц.

«Мы», говорилъ Бюллеръ, «были вполне довольны своей участью въ Россіи, и не желали ничего лучшаго. Если-бы не этотъ законъ, который противенъ и нашей религіи, и тѣмъ условіямъ, на которыхъ наши дѣды приняли русское подданство, мы бы и не подумали объ эмиграціи. И въ Россіи у насъ были плодородныя земли, но онѣ были тяжелѣе и труднѣе поддавались обработкѣ; кромѣ того, ихъ было сравнительно мало, да и полное отсутствіе машинъ не позволяло увеличить размѣровъ хозяйства; при большихъ посявахъ, мы не могли бы своевременно справляться съ уборкой хлѣба. Тамъ мы часто страдали отъ засухъ; здѣсь онѣ неизвѣстны. Дождя здѣсь очень много; но грозы бывають преимущественно ночью и не мѣшаютъ нашимъ работамъ¹⁾. Здѣшніе урожаи, по крайней мѣрѣ, вдвое лучше тѣхъ, которые мы имѣли въ Россіи, за то здѣсь цѣны гораздо ниже, и четверть пшеницы, которую мы продавали въ Бердянскѣ по 12 руб., здѣсь стоитъ только 4—5 доллар. Тамъ приходилось возить хлѣбъ по ужасной дорогѣ 75 верстъ до рынка—здѣсь самое дальнес разстояніе не превышаетъ 20 миль, или 30 верстъ—это то же разсчетъ, такъ какъ теперь мы ворацаемся въ тотъ же день, а тогда употребляли на поѣздку 4`дня, причемъ увозили заразъ только половину того, что увозимъ здѣсь. Жизнь и разныя предметы потребленія здѣсь гораздо дешевле, вдвое, если не втрое; такъ, за кофе мы платили въ Россіи 40 и 50 коп., здѣсь 18 и 20 цент. за фунтъ, который на $\frac{1}{10}$ больше русскаго; за сахаръ тамъ 20—22 коп., здѣсь 10—11 цент., за керосинъ тамъ 10—12 коп., здѣсь 3—4 цент. за аршинъ плохаго ситца 15—20 коп., здѣсь 6 цент. за ярдъ (около $2\frac{1}{2}$ арш.) хорошей бумажной матеріи; тамъ 1 р. 50 к.—2 руб. за аршинъ неважнаго сукна, здѣсь 45—50 ц. за ярдъ вѣрпкой шерстяной матеріи, замѣнившей въ нашей одеждѣ русское сукно. Ъдимъ мы здѣсь гораздо лучше; намъ не приходится

¹⁾ Кавказскія грозы пользуются извѣстностью по всему союзу; дѣйствительно, онѣ представляютъ собою нѣчто ужасное. Не разъ ночью я вскакивалъ въ полной увѣренности, что горитъ вся ферма—все небо бывало залито огнемъ и дождь лилъ какъ изъ ведра; но къ семи часамъ утра исчезали все признаки свирѣпствовавшей ночью грозы, небо было совершенно ясно—а къ десяти все высыхало и на поверхности не оставалось никакихъ слѣдовъ ночнаго ливна.

дѣлать запасовъ корму на зиму, и потому мясо и молоко обходится гораздо дешевле—мы всякій день имѣли за столомъ хорошій кусокъ говядины или ветчины, что было невозможно въ Россіи, гдѣ скоть стоилъ дороже и его продукты составляли существенную статью въ нашихъ доходахъ. Въ Россіи мы страдали отъ жучка и сусликовъ—здѣсь нашу грозу составляетъ саранча; впрочемъ, она прилетаетъ обыкновенно въ Августъ, ¹⁾ когда зерновые хлѣба уже убраны, и поѣдаетъ только листья манса, такъ какъ шишки его бываютъ въ это время уже на столько тверды, что не поддаются ей. Въ 1876 г. въ первый разъ послѣ начала колонизаціи Канзеса, саранча неожиданно прилетѣла, въ маѣ, и истребила всю пшеницу; сейчасъ же мы пересѣяли наши поля яровыми хлѣбами и имѣли хорошій урожай.

«Въ Россіи, чтобы безбѣдно существовать и имѣть каждый день чашку кофе и по праздникамъ кафтанъ изъ порядочнаго сукна, мы должны были работать круглый годъ не разгибая спины; возвращаясь домой послѣ нятнадцатичасовой работы съ навозными вилами или косой въ рукахъ, мы только и думали о томъ, чтобы поплотнѣй поужинать и завалиться спать, у насъ не оставалось времени для умственныхъ интересовъ и всѣ наши стремленія ограничивались только матеріальной стороной жизни. Мы были довольны, если могли дать нашимъ дѣтямъ возможность научиться читать и писать; дальше этого мы не шли; мнѣ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы кто нибудь изъ нашихъ колонистовъ отдалъ сына въ какое нибудь среднее учебное заведеніе; образованіе тамъ было дорого и не по карману нашему брату фермеру. Здѣсь машины облегчили нашъ трудъ; послѣ десятичасовой работы мы чувствуемъ себя свѣжими и бодрыми, и вечера наши заняты газетами. Мы живемъ здѣсь всего четыре года, а ужъ газеты, о которыхъ большинство изъ насъ и не слыхало въ Россіи, стали нашей насущной потребностью, и многіе изъ нашихъ дѣтей, окончивъ элементарное образованіе, учатся въ *graded school* ²⁾ въ Ньютонѣ; кромѣ того, какъ только мы справимся съ передрыгой переселенія

¹⁾ Съ 1854 г. Канзесъ былъ 3 раза посѣщенъ саранчею.

²⁾ Курсъ *graded school* въ Канзесѣ составляетъ нѣчто въ родѣ курса нашихъ реальныхъ училищъ, и считается среднимъ образованіемъ.

и устроимся совсѣмъ, мы непременно поставимъ свое собственное училище съ среднимъ курсомъ — это вопросъ рѣшенный, и, если онъ не приведенъ еще въ исполненіе, то виною тому не наша пассивность ¹⁾, а новизна положенія и тяжесть другихъ общинныхъ расходовъ, при платежахъ за землю и постройки, нѣкоторыми еще не вполне погашенныхъ. Это не значитъ, что мы можемъ пожаловаться на тяжесть налоговъ, напротивъ, они совершенно ничтожны: прямыхъ государственныхъ налоговъ мы совсѣмъ не знаемъ, а налоги штата такъ незначительны, что объ нихъ не стоитъ и говорить, я, напр. плачу всего долларовъ 7, 8 въ годъ ²⁾ Мы совсѣмъ не занимаемся политикой ³⁾, что составляетъ одинъ изъ догматовъ нашего религіознаго ученія; но, видя съ какимъ интересомъ наша молодежь ходитъ на митинги и съ какимъ жаромъ обсуждаетъ она слышанное на нихъ, я опасаюсь, что уже дѣти наши нарушаютъ чистоту нашего ученія, и одинъ изъ главныхъ его догматовъ утратить для нихъ свое значеніе. Да и мы, сѣдые старики, выросшіе въ самой строгой неподвижности жизни въ Россіи, здѣсь по неволѣ втягиваемся въ чуждые намъ доселѣ интересы, и самъ я, пасторъ

¹⁾ Втеченіи 1876 и 1877 годовъ въ Александерволѣ были выстроены элементарныя школы на каждыя 9 секцій, слѣд. на каждыя 25 — 30 семействъ такъ что теперь нѣтъ фермы, которая бы отстояла отъ школы дальше какъ на 2 1/2 версты. Постройки эти, съ квартирами для учителей и необходимыми инвентарями, обошлись около 800 долларовъ каждая, слѣд. около 35 дол. на семейство, а Якобу Смиту, владеющему цѣлой полусекціей, 45 дол.

²⁾ Дѣйствительно, налоги штата въ Конзессѣ очень незначительны. Онъ низкъ въ 1865 г. при окончаніи междоусобной войны, громадный военный долгъ; къ 1 января 1877 г. оставалось этого долга 1.182,175 дол.; втеченіи 1877 г. было погашено, съ процентами, 713,600 дол.; въ 1878 г. уплачено еще 468,575 дол., такъ что въ августъ этого года всего долгу оставалось 86,075 дол., и 2 слѣдующіе мѣсяца должны были совершенно погасить его. Налогъ штата на каждую вѣличную душу составлялъ въ 1860 г. 1 д. 60 ц., въ 1870 г. 2 д. 22 ц., въ 1875 г. 1 д. 37 ц., и въ 1877 г. 1 д. 12 ц., и взимается только съ тѣхъ лицъ, имущество которыхъ превышаетъ опредѣленную, свободную отъ всякаго налога, норму.

³⁾ Дѣйствительно, всѣ Американцы съ которыми мнѣ приходилось говорить о Меннонитахъ, искренно изумлялись ихъ пассивностью въ политическихъ вопросахъ; во многихъ округахъ они составляютъ безусловное большинство, а между тѣмъ не принимаютъ абсолютно никакого участія въ выборахъ, и позволяютъ управлять собою незначительному меньшинству.

и блюститель нашей религии, не могу не сознать, что здѣшная жизнь непремѣнно потребуетъ расширенія ея рамокъ. Возьмите главный предметъ нашихъ занятій—земледѣіе. Въ Россіи, несмотря на то, что мы нисколько не подвигались впередъ, не вносили въ дѣло никакихъ существенныхъ улучшеній втеченіи цѣлыхъ ста лѣтъ, намъ нечего было бояться конкуренціи; мы все таки были учителями въ сельскомъ хозяйствѣ, и окружающіе наши колоніи русскіе крестьяне и сей часъ еще стоятъ гораздо ниже насъ въ этомъ отношеніи,—а здѣсь, на оборотъ, мы оказались круглыми невѣждами, и намъ необходимо постоянно учиться и зорко слѣдить за всѣми нововведеніями, иначе мы постоянно будемъ отставать отъ нашихъ сосѣдей, и трудъ нашъ, какъ дома, такъ и на рынкѣ, будетъ постоянно ниже оплачиваться, что мы испытываемъ въ настоящее время. Теперь мы еще въ состояніи выносить послѣдствія этой отсталости и неумѣлости, такъ какъ нравы наши суровы и потребности наши крайне ограничены—мы считаемъ роскошью и еще можемъ обходиться безъ многого, что составляетъ существенную необходимость для природныхъ здѣшнихъ фермеровъ; но я убѣжденъ, что это не на долго, и дѣти наши уже не въ состояніи будутъ вести спартанскую жизнь своихъ отцовъ.

«Въ Россіи введеніе жатвенной машины самой простой конструкціи было бы для насъ необыкновеннымъ событіемъ, которое мы и въ десять лѣтъ переварили бы съ трудомъ—здѣсь чуть ли не при каждой уборкѣ хлѣба намъ приходится братья за новую. Когда мы пріѣхали сюда въ 1874 году, мы застали еще обыкновенную косилку—жнею, работу которой приходилось убирать граблями; ее ужъ смѣнила машина, укладывавшая сжатый хлѣбъ правильными снопами, которые требовали только вязальщиковъ—такая машина, при погонщикѣ и 5 вязальщикахъ, выжинала 15 экровъ въ день, такъ что вязка сноповъ, при цѣнѣ поденщика съ содержаніемъ въ 3 доллара на день, обходилась по одному доллару на акръ. Затѣмъ появились машины такой же конструкціи, но съ платформой для вязальщиковъ: такъ что два человѣка управлялись съ тѣмъ, на что прежде нужно было пятерыхъ; требовалась только лишняя лошадь, и расходъ на вязку уменьшился до 50 ц. на акръ. Въ 1876 году явилась самовязущая машина—эта требовала только погонщика и пару лошадей, и расходъ на вязку сократился почти

до нуля, такъ какъ проволоки выходитъ всего на 20 центовъ на тѣ 18 экровъ, которые эта машина выжинаетъ въ день. Не успѣли мы справиться съ этой новостью, какъ янче появился header — эта машина срѣзаетъ только колосья, и сама укладываетъ ихъ въ рядомъ съ ней ѣдущій вагонъ — уничтожился расходъ на уборку сноповъ, которая при прежнихъ машинахъ все таки оставалась главной заботой фермера; кромѣ того, значительно облегчилось молоченъе. Такія же перемѣны происходятъ ежегодно и въ дѣлѣ культуры манса и тростника, да и во всѣхъ другихъ отрасляхъ нашихъ занятій — приходится слѣдить за всѣмъ этимъ, ѣздить на конкурсы и выставки, учиться у америкапцевъ-фермеровъ сосѣдей — наша замкнутость исчезаетъ, и здѣшняя жизнь незамѣтно втягиваетъ насъ въ свою колею. Намъ, старикамъ, это и тяжело, и, подчасъ, неприятно — мы любимъ нашу замкнутость, мы привыкли къ ней съ дѣтства — но молодежь наша весело идетъ на встрѣчу новымъ впечатлѣнїямъ, и старыя, дорогія традиціи раззываются съ каждымъ днемъ.

«Да, намъ тяжело было покидать наши старыя дома, въ которыхъ мы родились и выросли, при видѣ голой, безлѣсной прерїи, на которой намъ пришлось поселиться, мы съ грустью вспоминали наши прекрасныя сады на Молочной — но теперь прерїя обратилась въ роскошныя поля, маленькіе саженцы въ густыя богатые сады — мы съ почтенїемъ и любовью вспоминаемъ наши старыя пепелища, но мы успѣли полюбить и наше новое отечество; а дѣти наши, не умѣющіе еще цѣнить старыя воспоминанія и привязанности, свыклись уже съ здѣшними условїями и едва ли желаютъ чего либо лучшаго; не думаю, чтобъ хоть одинъ изъ нихъ вспоминалъ о далекой Россїи и помышлялъ бы объ обратномъ путешествїи. Нѣтъ, мы довольны, и благодаримъ Создателя за свою судьбу».

На этомъ я закончу свой очеркъ. Еслибъ читатель пожелалъ узнать объ общемъ впечатлѣнїи, которое производитъ на посѣтителя этотъ возникающій мїръ, то я скажу, что ни чудеса природы — а я видѣлъ и дѣвственныя лѣса тропиковъ, и Ніагару, и берега Рейна, и Кордильеры — ни чудеса исусства — а я видѣлъ Лондонъ, Парижъ и Нью-Йоркъ — ничто, никогда и нигдѣ не приводило меня въ такое изумленїе, какъ этотъ маленькій, безвѣстный уголокъ. Богатыя фермы, цвѣтушіе города, роскошныя школы, многочислен-

ное, энергичное населеніе—на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только пять лѣтъ тому назадъ была дикая прерія, паслись буйволы и антилопы да рыскали хищныя индѣйцы; и все это неудержимо—быстро развивается и идетъ впередъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуя о томъ, на что способна человѣческая натура при свободѣ и равенствѣ всѣхъ членовъ общества.

И. Дементьевъ.

Оренбургская Окрина.

I.

Два года назадъ мнѣ привелось поселиться въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ, какъ я прежде читалъ и слышалъ, просторно нареду жить, на который Петербургскіе литераторы указывали какъ на запасный край для народныхъ переселеній, отъ тѣсноты внутренней Россіи. Сюда же въ концѣ шестидесятихъ и въ семидесятихъ годахъ, малоземельныя и безземельныя крестьянскія общества Поволжья и центральныхъ губерній, посылали своихъ ходокъ-соглятаевъ узнать—дѣйствительно-ли здѣсь земли много и еѣ даютъ вволю крестьянству? Ходоки находили необъятную «ковылу», дѣвственную почву, возвратившись, рассказывали пославшимъ о просторѣ и раздолѣ здѣшняго житья, объ изобиліи плодовъ земныхъ, птицы въ лѣсахъ и лугахъ и рыбы въ рѣкахъ. Земли здѣсь дѣйствительно много и земли богатой, не тропутой плугомъ, но она мало давалась даромъ, потому что въ послѣднія десятилѣтія она имѣла уже опредѣленную цѣнность и была въ рукахъ хозяевъ. Что же касается государственныхъ земель, то селиться на нихъ крестьянамъ-переселенцамъ какъ прежде, такъ и теперь весьма затруднительно; для переселенцевъ не существовало и не существуетъ никакихъ льготъ, и, напротивъ, масса препятствій, хлопотъ и формальностей отгоняла ходоковъ отъ мысли занять казенные участки, ходоки почти всегда возвращались «на старину», къ своей родинѣ ни съ чѣмъ. Трудно переселиться сюда экономиче-

скимъ подонкамъ русскаго крестьянства, безземельнымъ и малоземельнымъ, ихъ участь жить и умереть тамъ, гдѣ родился, составлять изъ себя армію наемныхъ рабочихъ рукъ. Но, несмотря на недоступность для пролетаріата выбраться изъ тѣсноты сюда на просторъ, все таки, мало по малу, необъятныя ковыльные степи превращаются въ поля съ пшеницей, полбой, просомъ, льномъ; лѣса рубятся, рыба въ рѣкахъ вылавливается. Населеніе края растетъ быстро.

Первоначальное поселеніе Оренбургской окранны составилось изъ башкиръ и другихъ инородцевъ, перешедшихъ изъ кочевого состоянія въ осѣдлос и основавшихъ деревни и посады. По большимъ дорогамъ, вѣроятно еще во времена ямскаго приказа, поселены были ямщики въ различныхъ китай-ямахъ, козлоямахъ и т. п. Нѣкоторый процентъ населенія, впрочемъ, должно быть, не особенно малый, составилъ изъ бѣглыхъ. Известно, что исторія Россіи, со временъ Московскаго періода до крестьянской реформы 1861 года, богата побѣгами полувольныхъ, кабалныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ и раскольниковъ. Весь людъ, недовольный порядками Московской и Петербургской Россіи, бѣгъ на Окранны, чтобы быть свободнымъ отъ прикрѣпленія къ тяглу, землѣ или церкви. На долю Оренбургской окранны досталось этаго люда не менѣе, чѣмъ на долю другихъ окранны; особенно великъ былъ сюда токъ бѣглецовъ во времена Екатерины II,—во все продолженіе Пугачевскаго бунта и послѣ. Здѣсь, въ степяхъ, бѣглець, дѣствительно былъ далекъ отъ закона и чиновника и могъ устроить жизнь по своей мысли и желанію свободно. Далѣе, первоначальное населеніе края сложилось изъ выведенныхъ изъ центральной Россіи крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ; выводъ послѣднихъ произведенъ съ колонизаторскими цѣлями во времена Екатерины II, Павла и Александра I; миѣ не случилось встрѣтить здѣсь поселенія, изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которое основалось бы ранее 80—90 лѣтъ назадъ. Крѣпостные крестьяне переселены сюда въ болѣе позднее время, начиная съ 20 годовъ настоящаго столѣтія, когда стала производиться распродажа башкирами своихъ земель.

То была, по преданію, сказочная распродажа. Земли покупались за чай кирпичный, за вино, за барановъ и за все, что могло правиться дикарю-башкиру и не имѣть значительной цѣнности въ

глазахъ пионеровъ цивилизаціи въ краѣ, даже за хорошее по башкирски угощеніе. Бывало такъ, говоритъ преданіе, пріѣдетъ «гость» къ башкирамъ, велитъ заколоть кобылу или двѣ, нѣсколько барановъ, наварить чаю, запасется кумысомъ и водкой для либераловъ-башкиръ и угощаетъ своихъ хозяевъ до пресыщенія. Послѣ пятой, шестой отрывки (чѣмъ выражаютъ башкиры то, что они совершенно удовлетворены угощеніемъ) выйдутъ всеѣмъ довольные, а особенно гостемъ, башкирскія главы и мужи мудрые и скажутъ гостю: «бери своего лучшаго коня, садись на него и что объѣдешь до завтра, когда солнце встанетъ тутъ же, гдѣ теперь стоитъ, все тебѣ дамъ». Гость ѣхалъ, объѣзжалъ въ сутки большое пространство земли, гдѣ ступалъ копы, тамъ граница его владѣній. Въ городѣ гость на свой счетъ сверпалъ купчую и дѣло сдѣлано,—пионеръ цивилизаціи съ землей, а башкиру она не нужна, у него земли было слишкомъ много и для новыхъ гостей. Надѣленный гость изъ города посылалъ новыхъ гостей, новые—новѣйшихъ и всякій изъ нихъ угощалъ башкировъ или дарилъ кирпичнымъ чаемъ, цоилъ кумысомъ и не ѣзжалъ безъ добычи, съ пустыми руками; башкирамъ же жилось хорошо, они пили чай, кумысъ, ѣли вволю барапину и кобылятину, не думая о будущемъ. Теперь уже давно большіе гости не ѣздятъ къ башкирамъ, настала очередь маленькихъ, которые за малое угощеніе пользуются маленькимъ. Характеръ распродажи земель башкирами преданіе передастъ весьма достоверно.

Въ 20—40 годахъ почти все частныя земли края были куплены у башкиръ, и у кого изъ цивилизаторовъ-покупщиковъ была возможность сдѣлать, хоть какія нибудь, поселенія на степяхъ, тѣ покупали ни выводъ крестьянъ, выводили большою частію незначительными партіями по 10—50 душъ на много тысячъ десятинъ. По своей незначительности, новыя поселенія далеко не могли «поднять» значительную часть ковыльныхъ степей, крѣпостной трудъ распаивалъ незначительныя карточки, и степи, по прежнему, остались степями, черточки посѣвовъ тонули въ необъятныхъ лугахъ. Поселенія и распаивки не увеличивались болѣе или менѣе значительно до шестидесятихъ годовъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вызвало здѣсь «горестное» явленіе для цивилизаторовъ-помѣщиковъ, болѣе «горестное», чѣмъ для ихъ собратій во внутренней Россіи: они потеряли хотя и незначительную даровую рабочую силу, но, что осо-

бенно важно, дѣйствительно ее потеряли, у нихъ не осталось почти никакихъ средствъ заставить эту силу работать на себя. Во внутренней Россіи помѣщики, потерявъ правовую власть надъ крѣпостными, скоро замѣнили ее властью экономической, здѣсь же случилось иначе,—уничтоженную правовую власть не привелось замѣнить властью экономической, осталось «пустое мѣсто». Дѣло въ томъ, что освобожденные крестьяне совсѣмъ не нуждались въ землѣ своихъ бывшихъ властителей, многіе записались въ мѣщанскія общества различныхъ городовъ, оставаясь въ сущности крестьянами, земледѣльцами по промыслу; живя въ селеніяхъ и хуторахъ, этотъ своеобразный классъ за малую цѣну арендовалъ и арендуетъ до сихъ поръ усадьбную землю, пашни и луга у башкиръ или у своихъ же прежнихъ господъ, если послѣднее «сходно».. Мѣщанинъ-крестьянинъ воленъ какъ своеобразный пролетарій, онъ не нуждается, какъ нуждаются его собратья во внутренней Россіи, ни въ выгонѣ, ни въ сѣнокосѣ, онъ живетъ тамъ, гдѣ ему лучше и подумай землевладѣлецъ положить лишній грошъ на землю, онъ перенесетъ свою усадьбу на землю другого,—много желающихъ владѣльцевъ пустить его на свои земли. Перенести мѣщанину свое жилье, конечно, чего нибудь стоитъ, но землевладѣлецъ понимаетъ, что эта стоимость не велика, все будетъ сдѣлано своими руками, а трудъ и безпокойство для себя крестьянинъ низко цѣнить. Нѣтъ здѣсь у помѣщика земли, въ которой бы нуждался его бывший крѣпостной, въ этомъ «несчастіе» помѣщика, поэтому то здѣсь цѣна великая, поравнялись, обонми концами ударила по барину. Башкиры конкурируютъ съ землевладѣльцами въ сдачѣ земель и наносятъ имъ поражения. Башкиръ привыкъ считать землю Божіей, а не капиталомъ, а, если, что нибудь ему дадутъ за носѣвъ, то онъ радъ этому и думаетъ, что такъ устроилось только «по простотѣ» русскихъ. И вотъ вокругъ башкиръ вьются маленькіе гости, не рассчитывающіе на большую поживу. Но время дешевизны земель близится къ концу, какъ увидитъ читатель изъ обзора цѣпъ найма земель. Не было здѣсь тѣсноты и плоха была участь помѣщика, крѣпостное право не замѣнилось подневольнымъ наймомъ; было и такъ, что землевладѣлецъ, владѣя 10—20 тысячами десятинъ, распахивалъ всего 40—50 десятинъ сравнительно съ центральной Россіей дорогимъ заемнымъ трудомъ. Относительная дороговизна найма иногда обратно пропорциональна жела-

нѣю имѣть большую поземельную собственность; если вообразить себѣ полную невозможность найма, то крупная собственность для капиталиста и землевладѣльца обращается въ ничто. Недалеко отсюда въ Башкиріи и есть такіе собственники: они сами теперь тамъ не живутъ, не имѣютъ ни усадьбъ, ни арендаторовъ, ни караульщиковъ; они ждутъ заселенія края и наплыва рабочихъ рукъ. Теперь вообразите, что окранный помѣщикъ, освободивъ горстку своихъ крѣпостныхъ людей, остался съ безлюдными тысячами десятинъ, а крѣпостные разбрелась. Освобожденные крестьяне «безъ давленія» могли бы остаться у своего помѣщика и работать по найму только въ томъ случаѣ, если бы онъ въ наемной платѣ давалъ столько, сколько они выработаютъ самостоятельно, т. е. уплатилъ бы имъ все то, что производятъ ихъ трудъ,—но тогда непроизводительный капиталъ не имѣлъ бы «наклонности къ приращенію», т. е. не давалъ бы никакой прибыли. Такъ здѣсь и случилось послѣ реформы. Наемъ былъ дорогъ, приближался къ суммѣ производительности труда, а не къ цѣнѣ рабочей силы. Нежеланіе имѣть земельные участки вызывало желаніе распродать ихъ, покупателей въ шестидесятыхъ годахъ было немного, поэтому то лучшая земля охотно продавалась по 2—3 р. за десятину. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ прошлое Оренбургскаго края, теперь перейдемъ къ его настоящему.

II.

Мое первое знакомство съ Оренбургскими степями началось въ концѣ іюня 1880 года. Жара была страшная, до 40° R., когда я простился съ Оренбургскими городскими песками. Мой путь лежалъ на Сѣверо-западъ по староказанскому тракту, гдѣ, вѣроятно, когда то въ старину, былъ путь изъ Россіи въ Китай, что можно заключить изъ названій селъ, основанныхъ ямщиками. Близъ города, мнѣ довелось испытать новое для меня впечатлѣніе: на протяженіи 20 верстъ, отъ Оренбурга до Каргалы (Сентовскій посадъ), большого селенія, кажется съ 12—13 мечетями, кишѣла жизнь, своеобразная азіатско-европейская жизнь. Страшный гулъ раздиралъ уши: тутъ былъ скрипъ немазанной сбруи верениць обозовъ, ржаніе конныхъ табуновъ, бляеніе киргизскихъ и русскихъ овецъ, гуртами пасущихся по выжженному полю, мычаніе гуртовъ рогатаго

скота. Къ этому еще—визгъ колокольчиковъ проѣзжающихъ, крики ямщиковъ и обозниковъ—«право или лѣво держи», ругань, свистъ бичей. И дорога и поле были оживлены—русскіе крестьяне, мордва, татары, башкиры, киргизы, изрѣдка хивинцы и бухарцы и прочій оренбургскій людъ наполняли воздухъ своими нарѣчіями: всѣ эти народы ѣхали и стояли и кормили по полю, пріютившись сами въ тѣни телѣгъ или фуръ; день былъ въ городѣ базарный. На этихъ 20 верстахъ ни одного засѣянаго клочка земли, дуга до нельзя вытравлены скотомъ и выжжены солнцемъ, — казалось скотъ питается пылью, а не растительностію. Солнце немовѣрно палило, пыль лезла въ глаза, ротъ и носъ, все лице покрывалось довольно толстымъ слоемъ ея и всѣ люди казались — пепельнаго цвѣта. Въ оживленномъ движеніи выражалась дѣятельная жизнь окраины. Глупъ везла къ базару, къ мѣновому рынку и желѣзному пути пшеницу, полбу, просо и др. хлѣба, гнала свои стада и табуны «въ старину» внутрь Россіи. Попутчиковъ тоже было много и пьяныхъ, и трезвыхъ и русскихъ и инородцевъ,—то возчики порожнякомъ или съ городскими товарами для уѣздныхъ рынковъ, то крестьянинъ, сбывшій возъ своего хлѣба, съ «десятишкой» за парухой, комомъ соли въ телѣгѣ и гостинцемъ ребятишкамъ въ мѣшкѣ.—трусилъ рысью. Не мало попадалось и переселенцевъ, которые медленно подвигались, какъ въ древности Израиль изъ плѣна Вавилонскаго, изъ тѣсной Россіи въ просторную Россію.

Обозы переселенцевъ представляли оригинальное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, унылое зрѣлище. Ряды фуръ-ковчеговъ, обшитыхъ кое гдѣ тряпьемъ, кое гдѣ рогожей или лубкомъ, казало изъ себя богъ знаетъ что! Въ лазъ ковчега видны семьи переселенцевъ: женщины, дѣвушки, дѣти. Фуры пообносились, что понятно,—можетъ быть, тысячи верстъ фура, только-что обшитая для пути, тащится шагомъ и подъ знойнымъ солнцемъ и въ непогоду. Поэтому кое что вѣтромъ, бурей порвало, а что отъ жару полопалось,—но опять зашито, перевязано, повые заплаты наложены. Тоже и съ платьемъ переселенцевъ, которое и по крестьянски уже плохо,—было время и мѣсто износиться. Мужики-хозяева фуръ мало присаживались, болѣе шагали гурьбой позади обоза, иногда молча, иногда бесѣдуя между собой или съ крестьянами попутчиками, говорить имъ есть о чемъ—воспоминаніе о тяжеломъ житьѣ и трудѣ на старинѣ, мечты о счастливомъ избытѣ въ будущемъ, или сомнѣнія въ немъ. Фуры

везлись лошадьми, большею частью каждая парой, тажкомъ всю дорогу: берегли лошадей—загнать можно; потѣмъ чугуны, лопаты, коробки—все это переколотъ, если шибко поѣдешь, а все это въ фурахъ и на фурахъ есть, на новину всякимъ везется. Тутъ есть и палица сошная, какъ солнце свѣтится, и сошники и заступъ, и серпы, и косы, и топоръ, и бабья прылка, однимъ словомъ все есть, что составляетъ «капиталъ въ орудіяхъ труда» крестьянина... Великій мѣстный крестьянинъ встрѣчался переселенцами съ любопытствомъ, его безъ конца спрашивали о землѣ, урожаяхъ, скотѣ, сѣнокошѣ и пр. и пр., и все это разбиралось обстоятельно, до мелочей подробно. Здѣшній крестьянинъ, какъ своему брату, не скупится на отвѣты и разсужденія—все разскажетъ, все опишетъ. И отъ этихъ разсказовъ переселенцы то вѣшаютъ головы, то, наоборотъ, становятся бодрѣе, самоувѣреннѣе. Мнѣ самому часто случалось здѣсь слушать плохіе отзывы о здѣшнемъ земледѣльческомъ трудѣ и о результатахъ его, но еще чаще я слышалъ совершенно противоположное—что жить здѣсь земледѣльцу хорошо. Жизнь всегда и вездѣ имѣетъ свои радости и печали, и, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ, крестьянинъ-старожилъ то радовался, то печалилъ своими разсказами переселенца. И старожилы здѣшніе такъ же съ любопытствомъ спрашивали переселенцевъ о старинѣ, о тамошнихъ порядкахъ, землѣ, урожаяхъ, о Волгѣ и о многомъ другомъ. Разсказы о старинѣ, переходя изъ устъ въ уста, принимаютъ сказочный характеръ. Старожилъ полувѣритъ тому, что слышитъ, и трудно вѣритъ, когда говорятъ, что на старинѣ земля по 100—150 рублей за десятину продается, что за постѣвъ ся землевладѣлецъ беретъ 20—30 рублей; трудно вѣритъ, что Волга рѣка—двѣ версты шириной, а въ иномъ мѣстѣ и 5 будетъ,—что чрезъ Волгу мостъ желѣзный построенъ. Какъ же всему этому вѣритъ? Прихвастнули переселенцы, насъ морочатъ, думаетъ старожилъ; но онъ все-таки полувѣритъ, потому что капля и камень долбитъ,—ниче слышитъ отъ однихъ, завтра отъ другихъ переселенцевъ и все одно и тоже—стало-быть правда, говорить мозгу, сомнительно, говорить сердцу.

На почлегѣ въ Китай-Ямахъ мнѣ пришлось разговориться съ хозяиномъ дома, словоохотливымъ добрымъ хохломъ. «И ночью и днемъ ѣдутъ сюда! разсказывалъ онъ мнѣ ломаннымъ русскимъ языкомъ, дивуюсь я, куда идутъ? На новину, говорятъ. А что по-

вина? не знают. А я вотъ знаю теперь, а вышелъ тоже не зналъ и говорилъ: на новину! Далѣе онъ рассказывалъ, какъ продалъ все свое имѣніе въ Харьковской губерніи, выручилъ до 600 рублей, доѣхалъ сюда въ Китайскій Ляъ, купилъ домъ, засѣялъ 15 десятищъ хлѣба и на это истратилъ всѣ деньги. Хлѣбъ не уродился, еле-еле воротилъ затраты на посѣвъ. «Здѣсь жить плохо, поѣду искать лучшаго житья». Но, по словамъ того же злосчастнаго хохла, 4 года назадъ 12 пудовъ засѣва дали здѣсь среднимъ числомъ 200 пудовъ, но его еще тогда не было, а фактъ, имъ лично испытанный, для него важнѣе,—разсѣялъ 180 пудовъ, а уродилось 500.

На другой день моего путешествія не было ни сильной жары ни пыли: картина измѣнилась. За Китай-Ямами чаще стали попадаться полоски, карточки засѣвовъ, трава не выжжена. И здѣсь была жизнь по большому тракту, но уже болѣе слабая; обозы, порожняки, гурты, табуны и фуры переселенцевъ встрѣчались на пути уже рѣже. Почва смѣнилась, цвѣтъ ея сталъ значительно чернѣе. Пшеничная земля смѣнилась ржаной и овсяной; въ этомъ районѣ, при трехпольной системѣ, пшеницу сѣютъ только по нови къ ряду два раза, а потомъ рожь, овесъ, полбу и т. д. Но и здѣсь ковыльные луга топятъ собою полоски засѣвовъ, это край сѣна, оно не выжигается солнцемъ, какъ подъ Оренбургомъ. На купеческихъ лугахъ за недѣлю, за двѣ до Петрова дня здѣсь встрѣтите грандіозную картину покоса вольнонаемнымъ трудомъ. Артели человѣкъ по 200—500 на поляхъ косцевъ, точно большія селенія вышли на барщинный трудъ своему господину. Купцы объявляютъ цѣну на базарахъ, они почти никогда не ѣздятъ по деревнямъ нанимать работниковъ, къ нимъ собираются работники изъ всѣхъ селеній, кто имѣетъ свободное время (не запродался) и считаетъ объявленную цѣну выгодной. Въ настоящій годъ косили отъ 1 р. 40 до 2 р. въ сутки на своемъ продовольствіи. Въ наймѣ рабочихъ здѣсь есть отличіе отъ найма во внутреннихъ губерніяхъ. Какъ въ Сѣв. Амер. Штатахъ, здѣсь, благодаря малонаселенности и избытку земель, господствуетъ рыночная цѣна на трудъ; здѣсь нѣтъ эксплуатаціи рабочихъ тѣснотой, какъ въ Россіи внутренней: за выгонъ, за посѣвъ, за покосъ здѣсь не закабалишь крестьянина. Приходится немногочисленнымъ въ краѣ капиталистамъ брать рабочихъ съ рынка и въ пору работъ, а не заблаговременно. Выдача зимой денегъ подъ лѣтнія работы только въ ограниченныхъ размѣрахъ

практикуется; причина этого та, что капиталистъ, имѣя въ степи хуторъ, далеко отъ крестьянина наемщика, не держитъ послѣдняго въ рукахъ и, въ случаѣ невыполненія работъ, не имѣетъ средствъ вернуть съ процентами свою утрату а, во вторыхъ, то, что «административная» сила здѣшняго купца или промышленника, человѣчка чернышкаго, слабѣ этой силы помѣщика центральной Россіи. Здѣсь работникъ можетъ отказаться отъ работъ, возвратитъ деньги и за это трудно содрать съ него кожу. Кромѣ того, разница цѣнъ на лѣтній трудъ зимой и лѣтомъ не достигаетъ и 30%, стало-быть, нѣтъ особеннаго расчета въ зимнемъ наймѣ, принимая во вниманіе рискъ остаться безъ рабочихъ и получить обратно деньги.

На третій день своего путешествія изъ Оренбурга я свернулъ на проселки; вмѣстѣ съ большимъ трактомъ я растаялъ съ оживленіемъ глуши, здѣсь полное затишье, вмѣсто селъ и деревень—хутора; луга казались еще зеленѣе и необъятнѣе. Хутора въ населенныхъ губерніяхъ очень рѣдки, они тамъ явленіе исключительное, здѣсь же хуторъ вещь обыкновенная. Причины этого очевидны—села и деревни рѣдки. Земли прежде покупались здѣсь вообще крупными участками и незаселенными; покупали владѣльцы на выводъ крестьянъ, селили ихъ въ деревушкахъ, гдѣ, какъ и въ Россіи, заводили свои усадьбы;—но земли все-таки оставались пустыми. Теперь распродажа, за отсутствіемъ крупныхъ покупателей, идетъ мелкими участками, земля сильно дробится и всякій повый владѣлецъ строитъ на своемъ участкѣ хуторъ; иногда на одномъ хуторѣ селятся по 2—10 семей.

III.

Я поселился близь границы Оренбургскаго уѣзда съ Стерлитамакскимъ (Уфимской губерніи) и Бузулукскимъ (Самарской губерніи), на хуторѣ, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Энеева Хутора». Это одинъ изъ послѣднихъ типовъ вымирающихъ здѣсь барскихъ хуторовъ. На первомъ планѣ здѣсь почтенный разрушающійся домъ, потомъ амбаръ тысячъ на пять пудовъ, не наполняемый вѣроятно никогда хлѣбомъ, каменные постройки въ одну силовую линію сажень въ 14—15, гдѣ помѣщается погребъ, каретникъ,

лошадиное стойло и три помещенія для рогатаго скота. Потомъ есть мельница-игрушка на ключѣ въ одиѣ поставѣ, обрабатывающая въ день пудовъ 8—10, скотный дворъ, огородъ и ощищенный садъ—юоть и все. Скота было 4 выѣздныхъ лошади и 15 головъ рогатаго. Владѣлецъ хутора засѣвалъ обыкновенно не болѣе 5—8 сотенныхъ десятинъ земли. (Въ здѣшнихъ мѣстахъ хозяйственное измѣреніе земли производится сотенными десятинами, каждая такая десятина равняется въ дл. 100 саж., въ ширину 40, кв. с. въ десятинѣ 4000. Въ этомъ измѣреніи отразился избытокъ земель въ краѣ: мѣра тѣмъ большая, чѣмъ больше измѣряемый предметъ и наоборотъ). Вся остальная, за исключеніемъ посѣва, земля—подъ лугами и лѣсомъ. Доходъ съ участка въ 300 дес. при барской безхозяйственности равенъ 300—400 р., при хорошо устроенномъ хозяйствѣ съ затратой оборотнаго капитала въ 1000 р. съ того же участка можно получить чистой прибыли 1500—2000 р.

Хутора здѣсь есть и барскіе (осталось ихъ немного) и крестьянскіе; первые безхозяйственныя, вымирающіе, вытѣсняемые, вторые хозяйственныя вполне, развивающіеся, трудовые. Отличіе хутора стародворянскаго отъ хутора промышленника-крестьянина существенное: въ первомъ домъ, во второмъ домишко; въ первомъ пустой амбаръ, во второмъ съ хлѣбомъ; въ первомъ 10—20 головъ скота, во второмъ 60—100; въ первомъ $\frac{1}{3}$ —3% засѣва земли, во второмъ 10—15% находится земли въ распахкѣ; въ первомъ сѣнокосъ безъ хлопотъ сдается за безсѣнокъ, или изъ третьяго стога владѣльцу, во второмъ владѣльцы сами снимаютъ сѣно и рѣдко продаютъ траву, потому что выгоднѣе сдѣлать изъ нихъ пастбища для своего скота, чѣмъ брать ничтожную плату съ сѣмщиковъ луговъ.

Поселившись на хуторѣ, я разузналъ, кто мои сосѣди; кругомъ на 30 верстъ нашелся только одинъ владѣлецъ человекъ образованный, да и тотъ распродалъ свое имѣніе и уѣзжаетъ. Кругомъ верстъ на 70 нѣтъ ни одного человека, получившаго университетское образованіе, исключая правительственнаго мирового судьи. Мѣстная интеллигенція составляется изъ становыхъ приставовъ, духовенства, волостныхъ властей и урядниковъ; представители интеллигенціи сравнительно съ своими собратьями центральной Россіи, здѣсь въ дѣйственной странѣ довольно таки одичали. Сосѣдями-владѣльцами оказались люди съ типичными прозвищами, — Галупкины, Оглодковы, Масловы, Оксены, Макен (безъ фамилій), Рыловы и т. п. Я

подумалъ, что здѣсь настоящее царство кулаковъ, но это заключеніе оказалось не совсѣмъ вѣрнымъ: ошибся я въ томъ, что думалъ встрѣтить въ окраинскомъ кулакѣ кулака центральнаго; здѣшнему промышленнику-крестьянину слѣдовало бы дать болѣе мягкое имя, чѣмъ «кулакъ», онъ менѣе тяжелъ для народа, болѣе подчиняется рынку въ наймѣ труда, не выжимаетъ сока такъ сильно изъ народа, какъ въ центральной Россіи, и поэтому не закалялся крѣпко въ безсовѣстности и пахальствѣ, въ искусствѣ безнаказанно грабить. Крестьянинъ-хозяинъ здѣшняго хутора болѣе походитъ по отношенію къ населенію на фермера Америки, онъ болѣе ведетъ экономическую игру открыто, скрытыхъ и нелегальныхъ путей къ наживѣ онъ почти не ищетъ. Конечно, если разсуждать такъ, что фермеръ Америки и русскій кулакъ ведутъ хозяйство наемнымъ трудомъ, слѣдовательно, и тотъ и другой присваиваютъ себѣ производительность труда работника, отдавая ему только цѣну его рабочей силы, и тотъ и другой не возвращаютъ въ цѣнѣ найма того, что дѣйствительно сработаетъ наемщикъ, иначе не было бы интереса нанимать—то дѣйствительно мы не найдемъ принципиально разницы между кулакомъ и фермеромъ, но такое смѣшеніе только занутиваетъ дѣло. Не признавая принципиальной разницы даже между наемнымъ и рабскимъ трудомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что существуетъ различіе не принципиальное, а только весьма значительное между открытымъ рыночнымъ путемъ найма и путемъ мошенническимъ; одинъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона, который хотя и *injusta lex*, *sed lex*, другой не довольствуется даже законной рамкой, нарушаетъ законъ, являясь безнаказаннымъ преступникомъ его; одинъ увѣренъ, что онъ поступаетъ и долженъ поступать при столкновеніи съ людьми въ экономической сферѣ по совѣсти и обычаю, другой убѣжденъ, что совѣсть плохой совѣтникъ въ экономической дѣятельности и подчиняется только выгодному обычаю.

Рядомъ съ Масловыми, Оглодковыми и Оксенами, владельцами тысячъ десятинъ, гораздо быстрѣе растетъ на новой землѣ новый почти неизвѣстный центральной Россіи классъ «среднихъ собственниковъ»; на этомъ классѣ мы остановимъ вниманіе читателя. Выше было упомянуто, что, подъ вліяніемъ дороговизны наемнаго труда, земельная собственность имѣла здѣсь мало привлекательнаго, что этотъ фактъ вызвалъ стремленіе къ бѣгству отсюда дворянства, а это, въ свою очередь, произвело большое предложеніе

земель въ продажѣ, при маломъ спросѣ. Россійскіе капиталисты всевозможныхъ родовъ почти вовсе не покупали здѣсь участковъ по отдаленности края и его ненаселенности, т. е. потому же недостатку наемныхъ рабочихъ рукъ. Спросъ на землю явился со стороны крестьянства средней руки, ежегодно переселяющагося сюда въ значительномъ количествѣ. По вѣрному замѣчанію экономистовъ и статистиковъ во всѣхъ переселеніяхъ новаго времени главный контингентъ переселяющихся составляетъ экономически среднее сословіе. Причины этого понятны. Какъ въ западной Европѣ съ конца прошлаго столѣтія, такъ и у насъ съ шестидесятыхъ годовъ, происходитъ централизація капиталовъ и землевладѣнія; въ силу естественно-экономической необходимости мелкіе производители не могутъ выдерживать конкуренціи въ производствѣ съ крупными производителями и имъ предстоить неизбѣжная альтернатива: или разориться и усилить собой бѣдствующее немущее крестьянство, пролетаріатъ, наемную рабочую силу, или выбиться всѣми правдами и неправдами въ кругъ крупныхъ производителей и самому нанять. Но всякому ясно, что послѣдній исходъ труднѣе перваго, — большинство разоряется и гибнетъ въ неравной борьбѣ. Этотъ опытъ, тысячи разъ повторяемый, убѣждаетъ очевидцевъ его, мелкихъ производителей, въ неизбѣжности для нихъ самихъ той же участи; отсюда естественно возникаетъ стремленіе уйти туда, гдѣ капитализмъ еще не составляетъ все подавляющей силы, гдѣ борьба капитала съ трудомъ не ожесточена, въ неразвившемся еще состояніи. Продаетъ крестьянинъ свой скарбъ «на старинѣ» и на вырученныя 3—6 сотенъ рублей ѣдетъ сюда на окраину и покупаетъ участокъ земли. Но тѣмъ, которые не могутъ сколотить отъ продажи своего имущества даже трехсотъ рублей, и на просторѣ окраины дѣлать нечего, кромѣ какъ продавать свой трудъ и продать выработанное. Поэтому и нѣтъ переселеній немущихъ. Кромѣ того и не — начто немущему передвинуться на новыя мѣста: путешествіе въ 1000—2000 верстъ стоитъ значительныхъ для мужика денегъ, и, чтобы рѣшиться на эту затрату, нужно имѣть, во-первыхъ, нѣкоторую сумму, а, во-вторыхъ, имѣть что нибудь въ виду, что могло-бы вознаграждать за затрату. Нѣтъ куда интереса переселяться сюда и капиталистамъ, потому что мало наемнаго труда. Правда, немногіе капиталисты скупаютъ здѣсь земли, но это дѣлается не въ видахъ производства, а большею частію въ виду

быстраго роста цѣнъ на земли: такъ участки, продававшіеся въ 1861 году по 50 копѣекъ и 1 рублю за десятину и ненаходившіе покупателей, въ 64 году продавались по 3—4 рубля, въ 1870—1875 годахъ по 7—9 рублей, теперь по 12—15 рублей за десятину. Увеличеніе спроса находится въ прямой зависимости отъ переселеній; покупка-же земель капиталистами — спекулятивная игра, измѣняющая цѣны вѣпрочно, такъ какъ нахожденіе земли въ тѣхъ или иныхъ непронзводительныхъ рукахъ не увеличиваетъ ее доходности, а слѣдовательно и цѣнности. Нынѣче спросъ капиталистовъ усилился, благодаря притоку переселенцевъ и надеждѣ на будущее переселеніе новыхъ массъ народа и цѣны поднимаются; завтра, подъ вліаніемъ худыхъ вѣстей о переселеніяхъ, капиталисты усиливаютъ предложеніе земель и цѣны падаютъ. Постоянный ростъ цѣнъ на земли происходитъ отъ спроса въ крѣпкія руки, покупающія участки не для продажи, а для эксплуатаціи.

Какъ сильно переселеніе сюда крестьянъ изъ центральныхъ губерній, къ сожалѣнію, точно мы сказать не можемъ; на этотъ счетъ не существуетъ статистическихъ свѣденій, между тѣмъ какъ статистика переселеній необходима для точной картины жизни окраины, для опредѣленія прогресса экономическаго развитія ея и для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній о будущемъ экономическомъ состояніи края. Теперь поневолѣ приходится замѣнять статистику гаданіями по фактамъ побочнымъ. Эти факты—ростъ цѣнъ на земли, стремленіе дробить крупныя участки, достаточное количество хуторовъ переселенцевъ, массы семей-квартирантовъ въ деревняхъ, живущихъ въ послѣднихъ до устройства хуторовъ, движеніе по большимъ дорогамъ фуръ переселенцевъ и, наконецъ, основательное убѣжденіе каждаго обывателя, что изъ Россіи сюда народъ шибко идетъ, отчего здѣсь становится теснѣе.

Идетъ сюда переселенецъ не зря, еще заранѣе онъ присылаетъ соглядателя—довѣреннаго, который сначала узналъ, кто земли продаетъ, потомъ на продажныхъ участкахъ ямы порылъ, земли на глазъ и зубъ попробовалъ, «понюхалъ» ихъ и, совершивъ сей химическій анализъ, сторговалъ излюбленный участокъ и получалъ запродажную. Заручившись этимъ документомъ, довѣренный вызываетъ своихъ одпосельцевъ, изъявившихъ желаніе переселиться вмѣстѣ съ нимъ.

Участки земель, покупаемыя переселенцами, по количеству де-

сятинъ различны, смотря по числу семей и по ихъ состоятельности. Участки почти всегда продаются съ разсрочкой платежа на срокъ отъ трехъ до 10 лѣтъ; половина, а иногда и треть всей суммы вносится продавцу при купчей, остальная плата разсрочивается; въ обезпеченіе уплаты долга покупщики участка выдаютъ закладную записъ, такъ что въ случаѣ неуплаты продавцы вполне гарантированы отъ убытковъ. Въ закладной и въ разныхъ неустойкахъ, какъ мнѣ привелось убѣдиться, ничего нѣтъ опаснаго и для покупателя, я не знаю ни одного случая, гдѣ бы подобныя закладныя были предъявлены для взыскаія въ судъ, почти не бываетъ и неустоекъ. Средняя цифра участка земли, покупаемаго на семью, равняется приблизительно 100—150 десятинамъ; положимъ въ семьѣ 3 работника, слѣдовательно на cadaго работника придется $33\frac{1}{3}$ —50 десятинъ; на пять же, примѣрно, семей, составляющихъ одинъ хуторъ, земли придется около 600 дес., но покупка дѣлается не сообща, въ купчей означается сколько десятинъ и гдѣ расположенныхъ приходится на каждую семью. Что-же нужно уплатить каждому домохозяину при купчей? За участокъ въ 600 дес., примѣрно 6, 600 рублей, при купчей половина 3, 300 р. а на каждую семью при купчей приходится рублей 660; если это не подьсилу какой либо семьѣ, то подьскивается посторонній дольщикъ на треть или половину семейной части, часто и товарищи переселенцы, при несостоятельности своего собрата даютъ ему въ долгъ денегъ или берутъ за себя часть его земли. Первый взносъ—крутая гора для переселенца, остальные деньги уплачиваются по срокамъ сравнительно легко.

Переселенцы, прибывъ на мѣсто, временно селятся въ ближайшихъ къ купленному участку деревняхъ, потомъ дѣлають на своихъ участкахъ землянки и что то въ родѣ двора и потомъ уже на другой, третій годъ съ трудомъ слаживаютъ себѣ избы. На первыхъ порахъ, вся забота сосредоточивается на уплатѣ долга за землю и рѣдко, чтобы переселенецъ не уплатилъ всѣхъ денегъ за 2—3 года до срока,—душа мужицкая не покойна, когда ощущается долгъ, земля какъ будто не своя, тоже и проценты платитъ невыгодно. Увеличеніе количества скота, засѣва, сѣнокоса—вотъ дальнѣйшія за долгомъ заботы, далѣе—уже болѣе легкая дорога къ благосостоянію. Средній обжившійся переселенецъ засѣваетъ около 15 сотенныхъ десятинъ хлѣба, столько же косить травы, имѣеть

до 30 головъ крупнаго скота и головъ до 60 овецъ и свиней. Вла-госостояніе вполне достаточное. Въ средній по урожаю годъ 15 дес. засева дадутъ 1,500 пудовъ хлѣба, что можетъ имѣть цѣну 1,000—1,500 рублей; 20 стоговъ сѣна съ 15 десятинъ имѣютъ среднюю стоимость отъ 100 до 200 руб.; 30 головъ крупнаго скота цѣнятся не ниже 600 р. и 60 головъ мелкаго скота около 300 р. Итого въ оборотномъ капиталѣ достаточнаго переселенца, производящаго все руками своей семьи безъ найма, находится цѣнность отъ 2 до 3 тысячъ. Конечно, переселенецъ сѣдуетъ часть своего хлѣба самъ, сѣно не продаетъ почти и очень мало продаетъ скота, но всетаки ясно, что тутъ существуетъ полный достатокъ.

Новые «средніе» собственники, переселившіеся изъ общины, здѣсь иногда забываютъ общину и ея порядки, въ общемъ пользованіи остается только выгонъ, да и то не у всѣхъ, у кого скота по больше, тѣ пасутъ его на своихъ участкахъ. Селяне поселенцы на общей землѣ вмѣстѣ всѣ, которые купили извѣстный участокъ, это понятно—и врагъ всякой общинности и то тутъ сдѣластъ уступку ей, жить въ лѣсу или степи одному, какъ зигрю въ берлогѣ, едва-ли придется по вкусу обыкновенному индивидуалисту. Вотъ новый типъ землевладѣльца нашей окраины; теперь это явленіе отрадное, но что будетъ съ значительнымъ увеличеніемъ населенія края, когда вмѣсто простора будетъ тѣснота,—сказать не трудно,—тоже, что и во внутренней Россіи теперь; мы не желали бы образованія здѣсь чрезмѣрной тѣсноты и желали бы въ нашемъ выводѣ ошибиться, но иннаго намъ не подсказываютъ факты жизни. Новое распределе-ніе земельной собственности, при отсутствіи общиннаго начала, можетъ, конечно, просуществовать болѣе или менѣе значительное время, но оно все таки—явленіе переходное. Принципы частной собствен-ности въ Россіи еще въ развивающемся состояніи, онъ далеко еще не достигъ высшаго развитія. Начало частной собственности, про-изводитъ конкуренцію, послѣдняя—централизацію капиталовъ и землевладѣнія.

Еще нѣсколько словъ о здѣшнемъ крестьянствѣ, надѣленномъ землею, живущемъ здѣсь съ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Надѣлы здѣшнихъ старожиловъ-крестьянъ на масштабъ, которымъ мы привыкли измѣрять надѣлы центральной Россіи, ко-жалуй,—достаточны, въ общемъ они доходятъ до 15 десятинъ на ревизскую душу. Доброжелатель народа, не зная здѣшнихъ усло-

вій, позавидуєть такому крупному надѣлу. Это можетъ быть и такъ, если принимать во вниманіе только будущее здѣшняго крестьянства; когда значительно увеличится народонаселеніе края, въ этомъ надѣлѣ будетъ нѣкоторая гарантія отъ обезземеленія. Но теперь, чѣмъ больше крестьянскій надѣлъ, тѣмъ хуже для здѣшнихъ крестьянъ, потому что за десятину надѣльной земли платится гораздо больше, чѣмъ стоитъ десятина въ арендномъ содержаніи. Кромѣ этого самаго простаго расчета, невыгода надѣловъ оказывается еще въ томъ, что надѣльная земля, въ силу того, что она оплачивается ежегодно обязательно податями, ежегодно и распаивается въ теченіи десятковъ лѣтъ. Производительность ея въ нѣкоторыхъ участкахъ дошла до крайняго мінімума. При свободномъ же наймѣ у мѣстныхъ землевладѣльцевъ за болѣе дешевую цѣну, есть полная возможность не брать старыхъ участковъ, сѣять хлѣбъ на новыхъ. Наконецъ, вѣроятно подъ вліяніемъ общаго стремленія въ шестидесятыхъ годахъ, здѣсь, какъ и во внутренней Россіи, подъ крестьянскій надѣлъ пошла наихудшая земля. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ большихъ земельныхъ налоговъ съ крестьянскихъ земель, истощенности и плохаго природнаго качества почвы, крестьянину здѣсь теперь тѣмъ хуже, чѣмъ больше у него душевой земли.

Это и породило здѣсь деревенское мѣщанство, о которомъ мы упоминали выше. За малую плату мѣщане арендуютъ усадьбы и выгонъ; а подъ посѣвъ и сѣнокосъ нанимаютъ землю, гдѣ придется, гдѣ выгодище и столько, сколько силъ хватаетъ. Положеніе мѣщанъ лучше положенія крестьянъ-общинниковъ тѣмъ, что живутъ они лучше, лучше ѣдятъ и одѣваются, они гордятся своимъ мѣщанствомъ и превосходствомъ въ жизненной обстановкѣ предъ «вольнотой», но достатка, въ видѣ какихъ либо запасовъ, не имѣютъ, проживаютъ почти все, что зарабатываютъ, за нѣкоторыми исключениями, конечно. Духа общинности въ этомъ классѣ, осталось еще меньше; здѣсь полный экономическій индивидуализмъ, отсутствіе даже инстинкта солидарности, существующаго въ крестьянствѣ центральной и окраинской Россіи. За какія нибудь льготы, за деньги, мѣщане всегда готовы рассказать про грѣхи своихъ сосѣдей, продать другъ друга; произошла ли порубка лѣса, потрава или кража своихъ полей,—сосѣдъ рѣдко пожалѣетъ виновнаго сосѣда, выдастъ его, если видитъ, что можно кое что получить за это. Не то въ кре-

стьянствѣ. Случалось, что, при дружбѣ крестьянина и мелкаго собственника, первый не доводилъ до свѣдѣнія послѣдняго о погрѣшностяхъ однообщинника противъ правъ собственности своего пріятеля, тутъ боязнь міра,—міръ осудить! Общественнаго же мнѣнія для здѣшнихъ мѣщанъ почти не существуетъ, отчего ихъ нравственныя правила гораздо ниже крестьянскихъ. Деревенское мѣщанство просуществовать не долго: съ вздорожаніемъ арендной платы за землю, оно мало по малу будетъ терять возможность нанимать ее, сократитъ посѣвы и потомъ частію, если уснѣетъ, перейдетъ въ крестьянскія общества, частію—въ сельскій безземельный пролетаріатъ. Крестьянскія общества теперь принимаютъ въ свою среду новыхъ членовъ охотно, потому что въ этомъ—облегченіе тяжести земельныхъ налоговъ, но, съ увеличеніемъ пародонаселенія, и здѣсь поступленія въ крестьянскія общества будутъ затруднены, какъ теперь въ центральной Россіи, потому что наемная плата за десятину земли будетъ большая, чѣмъ подать съ десятины крестьянскаго надѣла.

IV.

Кэри, замѣтилъ въ своемъ «Руководствѣ къ соціальной наукѣ», при изслѣдованіи американскаго экономическо-земледѣльческаго строя, что чѣмъ сильнѣе, ленокореннѣе природа, тѣмъ безсильнѣе предъ ней человѣкъ и что Рикардо въ ученіи о рентѣ ошибся, сказавъ, что при колонизаціи человѣкъ занимаетъ сначала наиблгороднѣйшую землю, между тѣмъ, какъ колонизаторъ, напротивъ, первоначально обрабатываетъ наихудшую землю, потому что на ней не такъ сильна природная растительность, а, слѣдовательно, меньшая борьба здѣсь предстоитъ человѣку, что поэтому сначала обрабатываются холмы и уже послѣ—болѣе плодородныя равнины, долины и низменности. Я не берусь судить о сравнительномъ плодородіи оренбургскихъ холмовъ и долинъ; констатирую только факты, очевидные для каждаго здѣшняго жителя. Растительность холмовъ дѣвственной земли—ковыль, растительность низменностей и подлѣсныхъ мѣстъ другаго характера, здѣсь—травы всевозможныхъ породъ отличаются значительнымъ ростомъ и густотой,—между тѣмъ, какъ ковыль растетъ сравнительно рѣдко и

«устон», № 11, отд. п.

не достигаетъ значительнаго роста. Земля на степныхъ холмахъ представляется выгорѣвшей и сѣнокосъ не даетъ здѣсь много сѣна. Съ сотенной десятины луговъ на низменностяхъ можно получить иногда до 400 пудовъ сѣна; ковыльная же десятина даетъ только 100—150 пудовъ. Первоначально распахиваются преимущественно ковыльные луга и, когда уже ихъ нѣтъ совсѣмъ въ участкѣ извѣстнаго собственника, распахиваются долины и низменности. Это согласно съ замѣчаніемъ Кэри. Руководящимъ началомъ такого порядка распашки служитъ не сравнительное плодородіе тѣхъ или другихъ участковъ, а, главнымъ образомъ, что на буграхъ лучше вырѣиваетъ «кубанка», крупная зерномъ пшеница; во вторыхъ, то соображеніе, что ковыльные луга, не смотря на лучшее качество сѣна, мало доходны; въ третьихъ, что поля на ковыльныхъ лугахъ очень рѣдко заростають сорными травами.

На равнинахъ и низменностяхъ первымъ хлѣбомъ сѣютъ обыкновенно лепъ или просо, потомъ рожь, полбу, овесъ или гречу. Четыре, пять посѣвовъ выносить земля къ ряду и запускается подъ луга. Тѣ же землевладѣльцы, которымъ такое хищничество не доступно по недостатку земли, послѣ третьяго хлѣба даютъ годовой отдыхъ землѣ и потомъ уже эксплуатируютъ ее по системѣ трехъ или четырехпольной. На ковыльныхъ степяхъ «по пластамъ, обороту и третьяку» сѣется пшеница, потомъ тѣже хлѣба, какъ и на низменностяхъ, если принята трехпольная или четырехпольная система, если же нѣтъ, то послѣ пятаго, чистаго хлѣба земля оставляется подъ луга. Переселенцы начинаютъ обыкновенно эксплуатацію земли хищнической системой ежегодныхъ засѣвовъ и жалуются, что земля не вознаграждаетъ трудъ въ 7 посѣвъ. Истощивъ свои участки, они, какъ и крестьяне—старожилы, разбиваютъ земли на три, четыре поля. Урожай послѣднихъ лѣтъ здѣсь неудовлетворительны, по всеобщему убѣжденію старожиловъ, отъ неблагоприятныхъ атмосферныхъ условій: то засуха—поля выжигаются, то ливни—хлѣбъ не вырѣиваетъ. Неудовлетворительность урожая въ послѣднихъ лѣтъ и то, что земля послѣ шести, семилетней эксплуатаціи истощается, породило мнѣніе нѣкоторыхъ новичковъ, что земли здѣсь неплодородны. Но эта большая ошибка. Въ прошлый неурожайный сельскій годъ, тамъ, гдѣ во время вывали дожди, десятина пшеницы дала 200 пудовъ, при засѣвѣ въ 12 пудовъ, следовательно, на каждый пудъ засѣва снято $16\frac{2}{3}$ пуда и снято

косой; будь вмѣсто косы рѣдкій здѣсь серпъ, при молотбѣ съ рядовъ, каждый пудъ засѣва далъ бы 20—25 пудовъ. Послѣ знаменитаго самарскаго голода, постигнаго всю здѣшнюю окранию, въ 1875 году урожай пшеницы доходилъ до 300—350 пудовъ съ десятины при крайне недостаточномъ обѣмненіи ея. Цѣна пшеницы въ зернѣ пала до 17 к. за пудъ, сбыта почти не было; за отсутствіемъ желѣзной дороги, хлѣбу приходилось путешествовать 300—500 верстъ на лошадяхъ. Было горе отъ избытка.

Кто видалъ обработку земли въ поволжской Россіи, тотъ убѣдится, при сравненіи ея съ здѣшней обработкой, въ большемъ плодородіи степей окранны. Мы въ нѣсколькихъ словахъ опишемъ здѣшній земледѣльческій трудъ и означимъ его рыночную стоимость въ настоящее время. На первомъ мѣстѣ мы должны остановиться на «поднятій ковыла», т. е. земли, никогда не бывшей въ обработкѣ. Ковыль поднять можетъ только хозяинъ не бѣдный по здѣшнему, а имѣющій извѣстный достатокъ; дѣло въ томъ, что сохой и даже сабаномъ его не подымешь, для этого существуютъ плуги и классъ крестьянъ плугарей. Плугари—народъ зажиточный. имѣющій возможность приобрѣсти и содержать быковъ и плуги. Каждый плугарь содержитъ отъ 4 до 9 паръ быковъ, стоимостью отъ 60 до 120 руб. за пару и плугъ, стоящій 20—30 руб.; плужники во всякой деревнѣ, если она болѣе или менѣе значительна, есть свои, это экономически среднее деревенское сословіе. Богатый крестьянинъ не считаетъ выгоднымъ занятіе плугаря, онъ рассчитываетъ на болѣе легкой и выгодной трудъ, за плугомъ же самъ хозяинъ ходитъ все лѣто, его нельзя поручить наемнымъ рабочимъ, во избѣжаніе шорчи дорогаго скота и потери дорогаго времени,—каждый день плугарю приносить 5—6 рублей, что возможно только при личномъ надзорѣ хозяина. Въ плугъ запрягаются 4 пары воловъ, иногда присоединяется пятая обучающаяся пара; хозяинъ правитъ плугомъ, два погонщика криками и бичами гоняютъ воловъ¹⁾. Плугъ [вырѣзываетъ пласты вершковъ 6—8 шириной и 3—4 глубиной, пласты ложатся верхнимъ слоемъ въ наклонное положеніе къ грунту нераздробленными лѣнтами. Пашня ковыла

¹⁾ Поднять десятину пластовъ стоитъ 10 р. с., что однимъ плугомъ дѣлается въ 2 дня.

подъ пшеницу производится въ срединѣ и концѣ іюня, лѣтомъ земля пластовъ «перегораетъ», а на слѣдующую весну, съ открытіемъ сѣва, прямо на пласты разсѣваютъ зерна и боронятъ; верхніе слои пластовъ немного осыпаются и тонкимъ слоемъ земли покрываютъ разсѣянные зерна. Когда снятъ хлѣбъ, пласты переворачиваются перегнившей травой вверхъ такъ же въ наклонномъ, положеніи; оборотъ дѣлается тѣмъ же плугомъ, такъ какъ пласты настолько тверды, что ихъ нѣтъ возможности распахать сохой, и еще потому, что вторая пашня дѣлается на $\frac{3}{4}$ —1 вершокъ глубже первой, слѣдовательно, кромѣ оборота пласта, захватывается и материкъ. Первые два посѣва даютъ лучшей урожай. Третья пашня производится сабаномъ въ четыре лошади; сохой же, которая отличается отъ сохи центральной Россіи своими малыми размѣрами, здѣсь состоятельные крестьяне только двоятъ и троятъ мягкую землю подъ посѣвъ ржи. Сохой подъ третій засѣвъ пашетъ только обѣднота и урожай на ея поляхъ обыкновенно плохи; вообще соха здѣсь имѣетъ ограниченное примѣненіе. Новая земля тѣмъ въ нашиѣ отличается отъ старой, что она очень тверда; ни плугъ, не смотря на печенный объемъ лемеха ни конный сабанъ не удовлетворительны для новой почвы, потому что, хотя и рѣжутъ глубоко землю, но не разрыхляютъ ее достаточно. Здѣсь нужно орудіе конструкціи сохи, чтобы вмѣстѣ съ разрѣзомъ производилось дробленіе пластовъ, бороновка же не можетъ разрыхлять пласты сколько нибудь достаточно. Неудовлетворительная распахка и коса, замѣняющая серпъ, — причина, что урожай на дѣвственной почвѣ въ хорошіе годы даютъ самъ 16 — 18, а не болѣе. Отвороченный плугомъ пластъ слишкомъ твердъ и потому неблагоприятенъ для роста, кошенный хлѣбъ всегда даетъ меньшій умолотъ, — отъ ударовъ косы крупнѣйшія зерна дождемъ текутъ на землю. Жнитво здѣсь мало практикуется, причина этого — изобиліе засѣвовъ и дороговизна жнитва, иногда нѣтъ возможности нанять жнецовъ даже на десятокъ десятинъ за высокую пѣну сравнительно, напримѣръ рублей за 15 — 18. Скосить десятину хлѣба стоитъ 7—8 р.: здѣшній работникъ правильно считаетъ, что ему легче скосить двѣ десятины, чѣмъ сжать одну, женщины же весьма рѣдко умѣютъ взять серпъ въ руки. Для сбереженія зерна часто косятъ хлѣбъ сыроватый, тогда утечки зерна менѣе.

хотя крупнѣйшее все-таки выпадаетъ, но тутъ грозитъ другая опасность—въ случаѣ ненастья потерять все.

Какъ въ жнитвѣ, такъ и въ молотбѣ хлѣба здѣсь ощущается недостатокъ рабочихъ рукъ. Способы конной и телѣжной молотбы почти неизвѣстные центральной Россіи, въ нашей окраинѣ преобладаютъ предъ ручнымъ способомъ. Конная молотба производится самымъ простымъ образомъ. Связать хлѣбъ на круглый токъ, диаметръ котораго, смотря по количеству лошадей, отъ 4 до 6 сажень, сваливаютъ возы сноповъ безъ порядка, на средній токъ идетъ сотъ пять сноповъ; далѣе вводятъ 5—10 лошадей и кружатъ по току, поправляя и стряхивая солому. Молотба телѣгами также проста—тотъ же круглый токъ, но только втрое, вчетверо больше, на него валятъ до 2000 и болѣе сноповъ и на лошадахъ. Запряженныхъ въ простыя телѣги, ѣздятъ кругомъ по току. Крупные землевладѣльцы кубанскую пшеницу, ленъ, почти всегда молотятъ телѣгами ¹⁾. Низшіе роды пшеницы и всѣ другіе хлѣба, кромѣ ржи, отчасти молотятъ лошадыми; ржаную солому берегутъ на крыши и кормъ крупнаго скота, потому рожь молотятъ цѣнами. Что касается чистоты вымолотки, то нѣтъ различія между цѣпной, телѣжной и конной молотбой; всѣми способами, при извѣстныхъ условіяхъ, можно обмолотить хлѣбъ хорошо, но солома при конной молотбѣ сильно переминается и становится негодной для корма, а часто и ни на что негодной; молотба телѣгами доступна только богатымъ земледѣльцамъ; крестьяне берегутъ вообще солому и наполовину молотятъ цѣнами. Затруднительность ручной молотбы какъ и жнитва въ томъ, что женщина въ здѣшнемъ крестьянствѣ почти вовсе не работаетъ въ полѣ и лѣтомъ, а тѣмъ болѣе зимой, она никогда не берется на гумно, дѣло ея домашнее—выдѣлка цвѣтныхъ матерій, праздничнаго и будничнаго крестьянскаго костюма и тканье бѣлыхъ суконъ. Освобожденіе женщины отъ земле-

¹⁾ При значительныхъ здѣсь засѣвахъ льна, около 90% его косится, а не выбирается, какъ въ Псковской, Ярославской, Костромской и др. губерніяхъ, гдѣ льноводство развито. Здѣсь крупные землевладѣльцы цѣнятъ только сѣмя, льняная же солома пропадаетъ за дороговизной выдѣлки ея. Только крестьяне, непокупающіе трудъ, не довольствуются сѣмьями льна, а обрабатываютъ и волокна, которое составляетъ цѣнность, не меньшую цѣнности сѣмянъ.

дѣльческихъ работъ не согласно съ обычаями крестьянъ центральной Россіи, гдѣ она мало уступаетъ въ трудѣ мужинѣ. Привышему видѣть молотьбу, какъ артельную работу, во внутреннихъ губерніяхъ, странной покажется бѣдная и скучная картина, какъ одинъ мужикъ ходитъ по миниатюрному току и стучитъ цѣломъ, что здѣсь силошь и рядомъ встрѣчается. Тотъ, кто пожелалъ бы молотить хлѣбъ цѣнами, долженъ довольствоваться за рѣдкими исключеніями, какъ и въ жнитвѣ, дорогимъ, мужскимъ трудомъ, женщина не умѣетъ работать въ полѣ. По этому разпица между цѣной для работника и работницы во время лѣта довольно велика; въ лѣто 1880 года дневная работа женщины и цѣнилась не болѣе 25 коп., цѣна же труда работниковъ въ то же лѣто доходила до 1 р. 50 и 2 р. въ день на продовольствіи хозяина. Цѣны на молотьбу здѣсь, какъ мы уже сказали, выше чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ; средняя цѣна съ пуда въ настоящемъ году ниже посредственнаго урожая 10—12 коп.; въ Буинскомъ же напр. уѣздѣ цѣны на молотьбу въ настоящемъ году при рѣдко хорошемъ урожаѣ, едва достигали 4—5 коп. за пудъ.

Въ этой главѣ намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о скотоводствѣ края, какъ промыслѣ тѣсно связанномъ съ земледѣніемъ и земледѣіемъ. Въ странахъ малонаселенныхъ скотоводство вообще ведется въ широкихъ размѣрахъ—скотомъ главнымъ образомъ эксплуатируется земля; и здѣсь—тоже, если мы будемъ сравнивать здѣшній край съ тѣсной Россіей. Но здѣсь далеко скотоводство въ неразвитомъ состояніи; по сравненію съ американскими и австралійскими степями, здѣшнія степи пустыютъ, потому что нѣтъ значительнаго спроса на рынки центральной Россіи и заграничные. Самые крупные города Россіи вполнѣ питаются мясомъ своихъ губерній, а второстепенные города вполнѣ имъ удовлетворяются; намъ лично извѣстно, что въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи цѣна мяса въ 77 году пала до 3 и 2 коп. за фунтъ, стало быть не туда ввозить, а оттуда вывозить слѣдовало скоть, а Тетюшскій уѣздъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ многоземельнымъ. Куда же сбывать скоть съ окраинъ? Удовлетворительно солить мясо, дѣлать мясные консервы, здѣсь не умѣютъ, да и нѣтъ спроса на эти продукты. Скоть сбывается гуртами для верхнеповолжскихъ губерній. Стоимость скота здѣсь ниже стоимости его, напр., на поволжьѣ, но провозъ или прогонъ его къ

центру Россіи стоитъ сравнительно очень дорого. Присоединивъ къ цѣнѣ штуки скота на мѣстѣ цѣну провоза или прогона ея, получится самая малая разница въ цѣнѣ скота здѣсь на окраинѣ и въ центрѣ; поэтому торгъ скотомъ съ центромъ Россіи возможенъ только при условіи — крупными партіями, тогда на каждую штуку будетъ приходится менѣе расходовъ по прогону или провозу, но, съ другой стороны, крупными партіями, по недостаточности спроса въ центральной Россіи, трудноѣ сбывать скоть. Стоимость скота определяется стоимостью корма и вообще содержанія его. Что касается лѣта, то содержаніе скота въ это время очень мало стоитъ, пастбища можно нанимать по 40—50 коп. за десятину, слѣдовательно 1000 дес. пастбища стоитъ 500 р., на 1000 дес. можно вполне удовлетворительно прокормить 5000 головъ рогатаго скота, наблюдение за гуртомъ будетъ стоить около 400^ур., итого въ лѣто гуртъ въ 5 тысячъ головъ потребуесть 900 руб. Зимой каждая штука скота потребуесть около 70 пудовъ сѣна; считая сѣно для арендатора по 5 коп. пудъ, прокормленіе штуки скота въ зиму будетъ стоить 3 р. 50 к.; присоединивъ къ этому еще плату за уходъ за скотомъ во время зимы 3 коп. на штуку, получимъ стоимость годового содержанія рогатой скотины 3 р. 71 к. Каждая штука рогатаго скота годовалая имѣетъ среднюю рыночную цѣну 6 руб., двухгодовалая 14, трехгодовалая 28 р. Такимъ образомъ трехлѣтокъ можетъ дать чистой прибыли при продажѣ болѣе 10 р., двухлѣтокъ—6 р. 58 к. и годовикъ 2 р. 29 к.

Если мы сказали, что скотоводство въ здѣшнемъ краѣ въ болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ въ центральной Россіи, то имѣли въ виду скотоводство крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, скотопромышленниковъ и отчасти переселенцевъ. Что же касается крестьянскаго скотоводства, — оно въ жалкомъ состояніи, оно далеко не соответствуетъ, тѣмъ болѣе теперь количеству средняго земельного надѣла, ведется въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ тотъ, который въ состояніи прокормить пятнадцатидесятинный душевой надѣлъ, поэтому проростаніе полей сорными травами — вещь повсемѣстная. Это проростаніе въ свою очередь производитъ стремленіе распахивать новыя земли въ ущербъ сѣнокоснымъ участкамъ. Въ концѣ концовъ и выходитъ замѣчательное явленіе, что здѣшній крестьянинъ, при значительномъ надѣлѣ и слабомъ скотоводствѣ, снимаетъ сѣнокосы у частныхъ землевладѣльцевъ и, за не-

достаткомъ скота, запуская пашенные участки и распахавъ до борозды всю свою новь, занимаетъ и подъ пашни земли частныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, при хищнической системѣ земледѣлія и крайнемъ недостаткѣ скота, украинскій общинникъ, при пятнадцатидесятиномъ надѣлѣ, остается безъ удовлетворительныхъ луговъ и пашень, а лишь съ обильнымъ выгономъ, проросшимъ рѣдкимъ пыреемъ, негоднымъ какъ лугъ и какъ пашня.

Къ двумъ причинамъ крестьянскаго оскудѣнія — къ хищнической системѣ земледѣлія и недостатку скота, въ послѣднее десятилѣтіе присоединилась могучая новая причина — періодическіе неурожаи. Много было писано о томъ, до чего крестьянство обѣднѣло, мы приведемъ здѣсь только небольшой отрывокъ изъ бузулукской корреспонденціи «Порядка» № 61 объ упадкѣ скотоводства въ этомъ уѣздѣ. «По порученію губернскаго гласнаго г. Аксакова, писалъ почтенный корреспондентъ, одинъ помѣщикъ-старожилъ произвелъ, такъ сказать, осмотръ одного изъ сель бузулукскаго уѣзда, а именно Большой-Малышовки; изъ числа 300 дворовъ было осмотрѣно 87, имѣющихъ 94 работника, а всего 556 душъ обоюго пола и всякаго возраста. Движимое имущество ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: лошадей 60, коровъ 50 и овецъ 80, т. е. 1 лошадь почти на 10 человѣкъ, 1 корова на 11 и 1 овца на 7 человѣкъ. Для крестьянина, занимающагося исключительно хлѣбонашествомъ, подобная зажиточность равна почти разоренію. Старый помѣщикъ-обозрѣватель встрѣтилъ одного крестьянина, знакомаго ему издавна, у котораго до 1873 года было 13 лошадей и засѣвалось 30 дес. хлѣба, а нынѣ у него 3 лошади и количество засѣваемыхъ десятинъ уменьшилось въ шесть разъ».

Причины крестьянскаго обѣдненія понятны, — хищническая система земледѣлія, какъ постоянная, и періодическіе неурожаи и засухи, какъ случайныя, но ужасныя, по разрушительной силѣ причины. Только такой богатый край, только новая почва и просторъ, являясь, съ одной стороны, причиной хищнической агрикультуры, — спасли народонаселеніе отъ голодной смерти въ буквальномъ смыслѣ слова. Окрина перенесла страшный голодъ 1874 года, разорившій народъ до конца. Въ 1875 году былъ громадный урожай, но онъ принесъ новое горе: чтобы заплатить подати, ссуды, недоимки и частныя долги, нужно было, чтобы хлѣбъ имѣлъ нормальную стоимость, а онъ палъ до 15 коп. за пудъ. Крестьяне

продавали поспѣшно массы хлѣба и получали очень мало денегъ, чтобы удовлетворить различныхъ кредиторовъ, не говоря уже о поправленіи разстроеннаго въ конецъ хозяйства. Несчастіе отъ урожая довольно иллюстрируется тѣмъ, что крестьянинъ, чтобы получить 100 руб. денегъ, долженъ былъ продать 1,500 пудовъ хлѣба. Но 100 руб. сумма недостаточная для разореннаго голодомъ мужика, а потомъ, не смотря на необыкновенный урожай 1875 года, засывы были слишкомъ малы, чтобы крестьянинъ могъ продать 1,500 пудовъ. Отъ голода 1874 года здѣшнее крестьянство можетъ оправиться только десятками лѣтъ при болѣе или менѣе благопріятныхъ условіяхъ, но тутъ послѣ опять были мѣстные неурожай, были и плохіе урожан. Наконецъ въ зиму 1879—1880 года цѣна сѣна доходила до 1 р. 50 коп. за пудъ; это было новое страшное бѣдствіе. Естественно при такихъ условіяхъ скотъ былъ переведенъ. Большинство землевладѣльцевъ и богатыхъ крестьянъ еще осенью 1879 года продавали скотъ, а въ концѣ зимы сѣно; эта политика дала большой выигрышъ людямъ со «сметкой». Положимъ, эти люди со «сметкой» продавали скотъ дешево, корову за 12—15 р., лошадь 20—25 р., овцу 1—2 рубля; но, чтобы прокормить зиму корову—нужно было 70 пуд. сѣна, а лошадь 150 пудовъ, что стоило для коровы около 100 р., а для лошади 225 р. Поэтому-то и были невѣроятные барыши промышленникамъ, успѣвшимъ все, какъ слѣдуетъ, сдѣлать во время. Крестьянинъ, особенно бѣднякъ, коммерчески-неподвиженъ и недалководенъ, его скотъ ему дорогъ, какъ его товарищъ, кормилецъ и поилецъ, какъ существо родное. Мужикъ сначала стравилъ свое сѣно на скотъ, потомъ сталъ покупать и кормить и не разстался со скотомъ покуда было возможно, скинулъ съ крыши избы и сарая сѣно, иногда 10—20 лѣтъ лежавшую и перегпившую, и ею кормилъ скотъ. При такихъ условіяхъ животныя мерли отъ истощенія. Тотъ же скотъ, который кое-какъ «пролипѣлъ» до конца зимы, крестьяне все-таки принуждены были продать, потому что не было ни хлѣба, ни сѣна, ни денегъ, но продать за безцѣнокъ, за 5% нормальной цѣны, продать, проѣсть и разориться. Итогъ для крестьянина вышелъ такой: сѣно, какое было, онъ стравилъ, истратилъ послѣдніе свои гроши на покупку корма, стравилъ пятнадцати двадцатилѣтнія крыши, а скотина все таки или пала или продана за ничтожныя деньги. Вышло, что насколько выигралъ отъ голода человекъ

со «смекалкой», настолько же проигралъ простой, недалновидный мужикъ; голодъ былъ счастьемъ для однихъ, бѣдствіемъ для другихъ. Въ 1880 году сѣно уродилось хорошо, крестьяне накосили его много, накосили больше на продажу, такъ какъ своего скота осталось мало. Но цѣны на сѣно были очень низки, чѣмъ опять воспользовались скотопромышленники: они усилили скотоводство весьма значительно; крестьянинъ же хорошо если сколотилъ денегъ на лошадь и тѣлку и будетъ ждать умноженія своего скота отъ естественнаго размноженія послѣдней; въ крестьянствѣ скотъ наживается годами, по понятнымъ причинамъ,—чтобы на нихъ оставались.

V.

Общенародный русскій интересъ въ земельномъ вопросѣ состоитъ въ томъ, чтобы вездѣ было соотвѣтствіе количества рабочаго земледѣльческаго народонаселенія съ количествомъ занимаемыхъ имъ земель. Преобладаніе того или другаго—явленіе ненормальное и не выгодное въ смыслѣ народной экономіи. И всегда народная социальнo-экономическая жизнь стремилась къ соотвѣтственному отношенію народа и земли. Репрессивныя мѣры прикрѣпленія всевозможныхъ видовъ и родовъ много задерживали и задерживаютъ правильный токъ народныхъ силъ, но прекратить этотъ токъ совершенно никогда не удавалось. Исторія послѣднихъ лѣтъ учитъ насъ, что неустройство земледѣльца, то есть, почти всего народонаселенія Россіи, имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ страданіе правящихъ судьбами его классовъ.

Не трудно представить себѣ, что вызовутъ переселенія въ экономическую жизнь внутренней Россіи. Они будутъ имѣть результатомъ, что количество безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ тамъ уменьшится можетъ быть на половину. что брошенные крестьянскіе надѣлы, оставаясь въ оставшихся на мѣстѣ обществахъ, увеличатъ надѣлы послѣднихъ болѣе или менѣе значительно, стало бытъ остающееся крестьянство будетъ имѣть больше земли; работникъ-пахарь будетъ болѣе пахать свою землю, чѣмъ по найму; рабочая плата значительно повысится какъ въ земледѣліи,

такъ и въ фабричномъ и заводскомъ производствѣ. Однимъ словомъ, результаты переселеній огромны для массы русскаго народа.

Свобода переселеній будетъ новымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ экономическаго порабощенія, и, какъ реформа, можетъ быть равносильной реформѣ 1861 года. Кромѣ того, только переселенія могутъ сдѣлать освобожденіе крестьянъ въ центральной Россіи дѣйствительнымъ освобожденіемъ. Теперь очевидно для всѣхъ что мѣсто крѣпостнаго права послѣ 1861 года замѣнила экономическая неволя. Только переселенія могутъ болѣе или менѣе ослабить эту неволю, поэтому они есть необходимое дополненіе крестьянской реформы. Это, повидимому, вполне сознано и правительствомъ, поставившимъ переселенческій вопросъ на очередь и устроивающимъ цѣль уже переселенческія конторы.

Что касается окраинъ, куда могутъ направиться переселенцы, то здѣсь результаты отъ народнаго наплыва будутъ діаметрально противоположны тѣмъ, которые получатся во внутренней Россіи. Направленіе сюда народныхъ силъ выгодно землевладѣльцу и вообще капиталистическимъ классамъ общества; но за то проиграетъ здѣшнее крестьянство. Рента земель повысится, нѣсколько падетъ заработная плата, луга, пашни и пастбища вздорожаютъ. И такъ, въ результатѣ отъ свободы переселеній получится выгода для массъ крестьянства внутренней Россіи и землевладѣльческаго и капиталистическаго классовъ окраинъ и невыгода для землевладѣльцевъ и капиталистовъ внутренней Россіи и крестьянства окраинъ. Но численность могущихъ получить выгоду отъ переселеній совершенно затемняетъ численность могущихъ потерпѣть убытки. Поэтому выборъ ясенъ.

Чтобы допустить свободу переселеній, нужно къ этому подготовиться. Можетъ случиться, что хотя и будетъ объявлена свобода всякому идти жить туда, куда глаза глядятъ, по никто никуда не пойдетъ и никакого переселенія не будетъ. Необходимо изученіе условій переселеній; во многомъ тутъ поможетъ изученіе переселеній въ Америку, особенно частной и правительственной организаціи переселеній въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. У насъ, въ виду забитости народа и бѣдности его, нужны многія предшествующія переселеніямъ мѣропріятія и льготы для желающихъ переселиться. Безъ предварительныхъ мѣръ, безъ льготъ и капиталъной помощи переселенія въ Россіи не усилятся. Здѣсь мы пере-

числимъ главнѣйшія мѣропріятія и пособія, которыя по нашему мнѣнію и мнѣнію многихъ, изучавшихъ этотъ вопросъ, необходимы. Въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ удобныхъ, незаселенныхъ земель, принадлежащихъ казнѣ, около 3.338,377 дес.; много казенныхъ земель и въ Уфимской губерніи. Но гдѣ эти земли, въ какихъ частяхъ губерній, главное, какого качества, сколько въ нихъ лѣсовъ и степей, при какихъ рѣкахъ, не состоитъ ли часть ихъ въ арендномъ содержаніи и за какую цѣну, сколько изъ нихъ были подъ распахкой и насколько истощены ею,—все это требуется привести въ извѣстность, нужно измѣрить участки, снять съ нихъ планы и точно знать условія каждаго участка. Кромѣ казенныхъ, масса частныхъ земель лежитъ перѣдко непроизводительно, не давая часто никакого дохода. Если въ участкѣ въ 1,000 дес. принадлежащемъ частному владѣльцу, распахивается всего 10—20 дес., то при совершенномъ отсутствіи свободныхъ казенныхъ земель и эти участки были бы удобны для переселеній, правительство могло бы скупить ихъ, потому что рента ихъ сравнительно весьма низка. Открытыми для переселеній мѣстами могутъ быть вообще, не смотря на принадлежность земель казнѣ или частнымъ лицамъ, тѣ земли, которыя или вовсе не даютъ ренты, или даютъ, но сравнительно ничтожную. Но казенныхъ земель только въ Оренбургскомъ краѣ миллионы десятинъ, такъ что не требуется скупки казной частныхъ земель для переселеній. При настоящихъ условіяхъ эта скупка можетъ даже имѣть вредныя послѣдствія и вполне нежелательна, потому что раздача крестьянамъ на ряду съ казенными и этихъ земель вызоветъ излишнюю густоту народонаселенія и чрезмѣрное паденіе рабочей платы. При заселеніи же только казенныхъ участковъ, цѣна рабочей силы не можетъ быть слишкомъ низко, благодаря спросу на нея со стороны здѣшнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Не закупаая частныхъ земель, правительство можетъ, въ случаѣ надобности, отводить токъ переселеній далѣе на востокъ и юго-востокъ, поселяя переселенцевъ такъ же исключительно на казенныхъ земляхъ. Частныя же земли останутся запасомъ для будущаго роста народонаселенія отъ естественнаго размноженія и гарантіей рабочему классу въ извѣстномъ минимумѣ его рабочей платы. Другимъ необходимымъ условіемъ, предшествующимъ переселенію, — должна быть всеобщая извѣстность возможности пересе-

ляться крестьянству: известность. куда нужно обратиться желающему переселиться, гдѣ бы онъ могъ легко и удобно безъ всякихъ затратъ получить всѣ нужныя ему свѣдѣнія, какъ то о размѣрѣ надѣльной земли, ея мѣстонахожденіи, положеніи и качествѣ, гдѣ могъ бы разсмотрѣть ея планы и гдѣ ему объяснили бы подробно условія переселеній. Кто не знакомъ, хоть по слуху, съ крестьянскими хоздателями, съ ихъ мытарствами по присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ они не могутъ добиться никакаго толка, гдѣ ихъ кабацкихъ просьбъ понять никто не можетъ; ходятъ эти ходатели изъ одного мѣста въ другое, тратятъ жалкіе мірскіе гроши и очень часто совѣмъ не отыщутъ компетентнаго присутствія по ихъ дѣлу и возвращаются къ міру ни съ чѣмъ. Эти хожденія стоятъ времени и денегъ. Тѣ учрежденія, которымъ можно бы было поручить завѣдываніе переселеніями, должны быть доступны каждому мужику безъ хоздателей, траты денегъ и времени. Нужно имѣть въ виду, что этого присутствія будутъ искать не богачи, а люди, часто не имѣющіе средствъ добратъся до губернскаго горюда иначе какъ пѣшкомъ. Далѣе, чтобы свобода переселеній имѣла хорошіе результаты, необходимо освободить крестьянина отъ административныхъ паутинь, въ видѣ формальности выхода изъ крестьянскаго общества, приписки на новомъ мѣстѣ и тяжелой паспортной системы.

Нужны еще льготы. Такъ, за земли, оставляемыя переселяющимися въ пользу остающихся обществъ, государство, въ счетъ послѣднихъ, должно дать переселенцамъ то, что стоятъ оставленные надѣлы и, кромѣ того, дать въ ссуду средства, достаточныя на первое обзаведеніе и посѣвы на новыхъ мѣстахъ; содѣйствовать проѣзду по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ семействамъ переселенцевъ и провозу хозяйственнаго скарба ихъ и т. п. На мѣстѣ поселенія необходимо освободить поселенцевъ отъ выкупа земель и государственныхъ повинностей въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока они не оправятся въ хозяйственномъ отношеніи. Далѣе, какъ льгота, необходима разсрочка платежей за занимаемыя земли по возможности на некороткій срокъ.

Что касается оцѣнки земель, которыя могутъ быть продаваемы переселенцамъ, то, при соблюденіи указанныхъ выше условій, нѣтъ особенной причины продавать участки ниже нормальныхъ цѣнъ для настоящаго времени, а теперъ цѣна десятины, средняя во всемъ

краѣ, доходить до 14 рублей, но оцѣнка должна быть, для простоты дѣла, въ извѣстной мѣстности одинакова для всѣхъ участковъ и не подвергается измѣненіямъ, болѣе или менѣе постоянная, на десятки лѣтъ впередъ.

Теперь сдѣлаемъ краткій расчетъ, сколько требуется земли переселенцу, чтобы подъ силу одному работнику нехищнически обрабатывать. Опытъ указываетъ, что крестьянину требуется имѣть 3 десятины на выгонъ скота. 4 десятины луговъ, 2 десятины усадебной земли и—при трехпольной земледѣльческой системѣ—12 десятинъ подъ посѣвъ, слѣдовательно на душу 21 десятина удобной, невыпаханной земли. При нарѣзкѣ земель необходимо самымъ внимательнымъ образомъ наблюдать, чтобы не вошла въ надѣлъ неудобная земля; такъ, намъ лично извѣстно много казенныхъ участковъ въ краѣ, которые десятки лѣтъ сдаются въ арендное содержаніе и безпощаднымъ хищничествомъ арендаторовъ доведены до наихудшаго состоянія. Надѣленіе крестьянъ такими участками было бы равносильно осужденію ихъ на вѣчное нищенство. Еслибы могъ быть принятъ за норму 21 десятинный надѣлъ, то, по нашему мнѣнію, болѣе болѣе могъ бы благоприятствовать развитію хищнической агрикультуры: поселенцы стали бы стремиться распахивать новъ, не тратя труда на улучшение старыхъ участковъ, какъ это существуетъ теперь, благодаря излишнему простору. Далѣе, если будетъ признана извѣстная норма рабочаго надѣла, то, во избѣжаніе возникновенія кулачества, не слѣдуетъ продавать одному работнику земли болѣе нормального количества; нѣтъ интереса, чтобы увеличивалось число участковъ, обрабатываемыхъ наемнымъ трудомъ, а число участковъ обрабатываемыхъ самими хозяевами-собственниками уменьшилось.

Н. А. Баратынскій.

Внутреннее обозрѣніе.

Ученые люди называютъ языкъ народа живою лѣтописью его судебъ. Если это правда, то, посмотрите, какое обиліе въ русскомъ языкѣ словъ, означающихъ воровство: укралъ, похитилъ, уворовалъ, растратилъ, цапнулъ, хапанулъ, позанмствовалъ, попользовался, заработалъ, стащилъ, стибрилъ и т. д. Всѣ эти слова обозначаютъ одно и тоже — кражу, но всѣ они указываютъ собою на особые оттѣнки этого занятія: «попользовался» совсѣмъ не то, что «растратилъ», а послѣднее совсѣмъ не то, что «укралъ». Того, кто «укралъ», въ острогъ сажаютъ, а тому, кто «растратилъ», руку жмутъ, а кто только «пользуется» и «зарабатываетъ», того развѣ только дуракъ считаетъ нечестнымъ человѣкомъ. «Крадетъ» тотъ, кто съ голоду въ окошко лѣзетъ; «растрачиваетъ» (хотя въ дѣйствительности сберегаетъ) кассиръ à la Юханцевъ; «пользуется» всякій умный человѣкъ. Это различіе между разными видами воровства прочно установлено и строго блюдетъ нашимъ обществомъ. И потому, всякій разъ, когда человѣкъ, которому полагается только «пользоваться» и только въ крайнемъ случаѣ позволяется произвести «растрату», вдругъ окажется самымъ что ни на есть заправскимъ ворипшкой, общество приходитъ въ смущеніе.

Такой именно скандаль произвело открытіе, что «нашъ извѣстный финансистъ», «замѣчательный самородокъ», «почтенный», «достопочтенный», «многоуважаемый» и «достоуважаемый», другъ и пріятель всякихъ «особъ», коммерціи совѣтникъ, потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ многихъ орденовъ — между про-

чимъ, даже персидскаго ордена «Льва и Солнца» — Иванъ Гавриловичъ Рыковъ, во все то время, пока его величали всяческими титулами и увѣщивали ему грудь орденами, занимаясь воровствомъ, составленіемъ подлоговъ и всевозможными обманами и надувательствами публики. Не правда-ли, какой афронтъ! Былъ—былъ чело-вѣкъ почтеннымъ и достопочтеннымъ, и вдругъ оказался воромъ. Кому же, послѣ этого вѣрить?!

А между тѣмъ, то обстоятельство, что въ скопинскомъ банкѣ, директоромъ котораго Рыковъ состоялъ и который онъ такъ артистически обокралъ (12 милліоновъ ухнулъ!), не оказалось ни копѣйки денегъ, собственно говоря, вовсе не должно бы быть неожиданностью для всѣхъ тѣхъ, до кого это такъ или иначе касалось. Еще „по поводу отчетовъ банка за 1868 и 1869 годы многіе жители Скопина подавали обстоятельныя жалобы рязанскому губернатору, министру финансовъ, г. Рейтерну, и министру внутреннихъ дѣлъ, генералу Тимашеву, объясняя, что дѣла банка идутъ скверно и что болѣе двухъ милліоновъ векселей можно считать совершенно безнадежными. Къ сожалѣнію, тогда на всѣ эти заявленія и жалобы не было обращено никакого вниманія. Всѣ эти протесты и заявленія, послѣ справокъ у скопинской думы черезъ губернскаго правленіе, были оставлены безъ послѣдствій. Мало того, жалобщикамъ оффиціально было объявлено, чтобы они не утруждали напрасно высшее начальство, а подавали свои жалобы въ городскую думу». А скопинская городская дума илгала подъ дудку г. Рыкова и, понятное дѣло, только складывала въ архивъ всѣ жалобы скопинскихъ гражданъ. Еще хуже пошло дѣло со введеніемъ «Городоваго Положенія», отдавшаго нами города въ полное распоряженіе наиболѣе зажиточной части городского населенія. Такъ-какъ, по «Городовому Положенію», «въ избирательныхъ комиссіяхъ явный переувѣсъ данъ купечеству и его прикащикамъ, то понятно, что изъ разночинцевъ въ думу въ Скопинѣ попали только тѣ, которые служили уже у Рыкова и были причастны воровству: и такихъ «депутатовъ» оказалось, впрочемъ, всего двое» (Новое Время). Вотъ тутъ-то Рыковъ и развернулся: въ кассѣ не было ни копѣйки наличными, а въ отчетахъ смѣло выставялись сотни тысячъ наличности; банковыя книги поддѣлывались самымъ безцеремоннымъ образомъ; всѣ, кто могъ обнаружить подлоги и, такимъ образомъ, помѣшать воровству, были закуплены или простыми взятками, или

открытіемъ неограниченнаго кредита въ банкѣ. Для привлеченія вкладчиковъ прибѣгли къ самому первобытному приему,—стали дѣйствовать на жадность россійскихъ гражданъ,—и приемъ вполнѣ удался. Объявили необыкновенно высокой процентъ—и вклады посыпались широкою струею: всего вкладовъ къ 1-му января 1882 г. было болѣе 12 милліоновъ. Маленькій ничтожный городишка, Скопинь, вдругъ сдѣлался центромъ помысловъ и пожеланій всѣхъ, жаждущихъ высокаго процента на свои «сбереженія». Особенно много попалось на удачку отцовъ духовныхъ, какъ бѣлаго, такъ и чернаго разряда. Обороты банка въ 1881 г. достигли 41 милліона. Рыковъ являлся въ видѣ какого то мага и чародѣя, задавапгагося цѣлью облагодѣтельствовать свой родной городъ и всѣхъ собственниковъ «сбереженій».

Напрасно опытные люди покачивали головами, читая широко-вѣщательные отчеты и рекламы Рыкова, напрасно люди знающіе указывали на противорѣчія цифръ и ихъ очевидную подтасованность, напрасно они предупреждали вкладчиковъ скопинскаго банка и желающихъ стать таковыми;—вѣра въ чародѣйство Рыкова не изсякала, а все росла; росли и вклады. Дѣло доходило до курьезовъ. Вотъ какой веселенькій пейзажикъ сообщался Донскимъ Голосомъ:

Одинъ священникъ Донской области, перепуганный извѣстіями газетъ о близости краха въ Скопинѣ, поѣхалъ туда и имѣлъ удовольствіе получить обратно свой вкладъ. Возвратившись изъ банка въ гостиницу, батюшка пилъ чай и проклиналъ газеты, его смутившія, и какъ разъ въ это время вошелъ къ нему одинъ изъ служащихъ банка съ предложеніемъ отдать вкладъ обратно, а вза-мѣнъ его получить банковый билетъ на гораздо большую сумму. Обрадованный этимъ любезнымъ, хотя и не совсѣмъ честнымъ предложеніемъ, священникъ сейчасъ же отдалъ свои деньги и уѣхалъ съ крупнымъ билетомъ. Теперь этотъ билетъ превратился въ ненужную бумажку, и батюшка уже не бранитъ газеты...

Пришелъ часъ расплаты. Банкъ лопнулъ—и въ кассѣ оказался грошъ. Рыковъ съ компаніей сдался, впрочемъ, не съ разу. Когда въ газетахъ появились извѣстія о неизбежности скопинскаго краха, Рыковъ и его товарищъ, бывшій скопинскій голова Иконниковъ, нагло объявили, что всѣ газетныя извѣстія о банкѣ—ложь и клевета. Однако, нѣглость не привела ни къ чему,—и крахъ разразился

Полетѣли по почтѣ требованія вкладовъ,—Рыковъ рѣшился от-малчиваться. Начали поступать требованія черезъ судъ—таже тактика. Явились вкладчики лично, — «директоръ не принимаетъ». Страшная паника распространилась между тысячами вкладчиковъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ Россіи. Многіе стали прибѣгать къ угрозамъ,—Рыковъ молчалъ. Другіе вздумали подѣйствовать на него жалобными письмами. Одинъ батюшка писалъ, что у него шесть возрастныхъ дочерей и что если ему не будетъ возвращенъ вкладъ его «дщери» останутся безъ мужей. Но на Рыкова не подѣйствовало и такая печальная будущность священническихъ дочерей. Наплывъ вкладчиковъ въ Скопинъ еще усилился; однихъ духовныхъ особъ пріѣхало около 800,—словно на вселенскій соборъ. Но увы! напрасно они утруждали себя поѣздкою: въ банкѣ не оказалось денегъ.

Самый ходъ краха мы опишемъ по корреспонденціямъ «Русскаго Курьера», представляющимъ довольно полную картину цѣлаго ряда мошенническихъ попытокъ. Рыкова, Иконниковыхъ и другихъ скопинскихъ воротилъ надуть всѣхъ до самой послѣдней минуты и такъ или иначе избѣжать заслуженнаго наказанія.

3 сентября, по распоряженію г. начальника Рязанской губерніи, назначено было засѣданіе скопинской городской думы, для обсужденія заявленій вкладчиковъ скопинскаго банка о невыдачѣ имъ требуемыхъ обратно вкладовъ. По открытіи засѣданія, кассиромъ скопинскаго банка, Иконниковымъ, подано было два заявленія—городскому головѣ и директору банка—объ отказѣ его отъ занимаемой должности, о чемъ словесно заявлено имъ и гг. гласнымъ. Нѣкоторые изъ гласныхъ просили прочтати заявленіе кассира Иконникова, имѣя въ виду, что причины, побудившія его къ выходу въ отставку, могутъ помочь объясненію вопроса, для обсужденія котораго назначено засѣданіе, но предложеніе гласныхъ собраніемъ отклонено, на томъ основаніи, что г. Иконниковымъ заявленіе подано несвоевременно (!). Затѣмъ, собранію прочитано было отношеніе г. рязанскаго губернатора, изъ котораго видно, что вкладчиками скопинскаго банка подано было 80 слишкомъ заявленій и просьбъ г. министру финансовъ, прокурору московской судебной палаты и рязанскому губернатору о понужденіи правленія скопинскаго банка къ выдачѣ имъ обратно требуемыхъ вкладовъ. Гласный г. Оаддѣевъ обратился къ предсѣдателю съ вопросомъ, кака

сумма требуется на удовлетвореніе поименованных вкладчиков. На этот вопрос гласнаго отвѣтилъ секретарь думы, что требованіе всѣхъ означенныхъ вкладчиковъ равняется суммѣ 127,000 р., причемъ, какъ оказалось впоследствии, онъ предумышленно сказалъ неправду, такъ какъ сумма требуемыхъ по заявленію вкладовъ не на 127,000, а 560,000 рублей; подлогъ этотъ совершенно случайно выяснился чрезъ нѣсколько часовъ послѣ засѣданія. Затѣмъ, на просьбу нѣкоторыхъ изъ гласныхъ, обращенную чрезъ предсѣдателя къ директору банка, г. Рыкову, почему правленіе банка не удовлетворяетъ такому, сравнительно съ суммой принятыхъ банкомъ вкладовъ, ничтожному требованію, Рыковъ далъ объясненіе, что неудовлетвореніе вкладчиковъ произошло по слѣдующимъ причинамъ: вслѣдствіе появленія въ нѣкоторыхъ газетахъ, за послѣднее время, корреспонденцій изъ Скопина, посылаемыхъ злонамеренными людьми, съ помѣщеніемъ въ оныхъ ложныхъ слуховъ о неблагонадежности скопинскаго банка, перепечатанныхъ во всѣхъ почти столичныхъ газетахъ,—явилось такое громадное требованіе возврата вкладовъ, что своевременно удовлетворить ихъ правленіе банка не имѣетъ возможности, а потому и просилъ думу всѣ перечисленные заявленія вкладчиковъ передать въ правленіе банка, для удовлетворенія ихъ по мѣрѣ возможности. Гласные, большинствомъ голосовъ, предложеніе директора утвердили, о чемъ и приступлено было къ составленію журнальнаго постановленія, но при этомъ выпло слѣдующее недоразумѣніе: для веденія журнала засѣданія Рыковымъ приглашенъ былъ одинъ изъ служащихъ въ банкѣ, нѣкто г. Евтихievъ, на что многіе изъ гласныхъ заявили протестъ, возразивъ, что скопинская дума имѣетъ служащаго по выбору секретаря, находящагося здѣсь же въ засѣданіи, а потому просили услуги г. Евтихіева отклонить и веденіе журнала предоставить законному секретарю думы, но на протестъ гласныхъ не было обращено должнаго вниманія (чисто по-наполеоновски!). Вслѣдъ затѣмъ, собранію прочитано было отношеніе правленія скопинскаго банка съ просьбой къ думѣ о возбужденіи ходатайства послѣдней передъ министромъ финансовъ о выдачѣ скопинскому обществу займа изъ государственнаго банка, для немедленнаго удовлетворенія вкладчиковъ. Большинство гласныхъ, какъ раньше подготовленныхъ директоромъ, вопросъ этотъ

приняло сочувственно, но за то на многочисленную публику, бывшую въ собраніи, и на тѣхъ непогихъ представителей города, которые доселѣ оставались непричастными къ хитро-сплетеннымъ ухищреніямъ директора, вопросъ этотъ произвелъ совершенно противоположное впечатлѣніе; люди, которые до настоящаго момента вѣрили еще въ возможность какъ нибудь поправить дѣла банка и отвергали существованіе нѣкоторыхъ злоупотребленій членовъ правленія, всѣ пришли къ тому заключенію, что дѣла банка непоправимы, и допустить проектируемый заемъ, имѣющій единственную цѣль—новое эксплуатированіе довѣрчивой публики—немыслимо, а потому вопросъ этотъ возбудилъ между гласными бурныя пренія: но изворотливый директоръ принялъ при этомъ роль предсѣдателя и, обратившись къ своимъ приверженцамъ-гласнымъ, просилъ ихъ баллотировать вопросъ открытой подачей голосовъ на бумагѣ, въ полной увѣренности, что большинство гласныхъ будетъ на его сторонѣ; но едва лишь гласные сдѣлали шагъ къ столу для подачи голосовъ, какъ сдерживаемая дотолѣ публика, состоящая преимущественно изъ мѣщанъ, ринулась въ канцелярію мѣщанскаго старосты, прося его, какъ представителя мѣщанскаго общества, ходатайствовать передъ собраніемъ объ отклоненіи займа, который, по ихъ мнѣнію, положительно нежелателенъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что общество далеко не въ состояніи выслать и той колоссальной суммы, которая растрочена уже правленіемъ банка. Для удовлетворенія неотступныхъ просьбъ согражданъ, староста вынужденъ былъ войти въ залу засѣданія. И вотъ громадная партія мѣщанъ, имѣя во главѣ своего представителя—мѣщанскаго старосту, является въ засѣданіе и начинаетъ молить думу о пощадѣ. Такой исходъ дѣла никто не могъ предвидѣть, а тѣмъ болѣе Риковъ, привыкшій видѣть въ гражданахъ всегда покорныхъ рабовъ, и хотя мѣщанское общество вошло въ засѣданіе съ просьбами и мольбами. на которыя, понятно, имѣли право не обратить вниманія и даже попустунокъ ихъ, какъ нарушающій порядокъ засѣданія, счесть противозаконнымъ и составить протоколъ, но, тѣмъ не менѣе, предсѣдатель собранія и директоръ банка были настолько перепуганы неожиданнымъ вмѣшательствомъ мѣщанскаго общества, что немедленно постарались закрыть засѣданіе, признавъ его несостоявшимся, и оставить залъ собранія.

4 числа, во второй уже разъ присутствія въ банкѣ не было, и до 70 человекъ вкладчиковъ. просидѣвъ въ банкѣ цѣлый день въ ожиданіи членовъ правленія, обратились, наконецъ, за отсутствіемъ товарища прокурора, къ уѣздному исправнику съ просьбой о составленіи о томъ акта, послѣ чего тѣмъ же вкладчиками посланы были телеграммы г. министру финансовъ, прокурору московской судебной палаты и начальнику Рязанской губерніи о томъ, что члены правленія банка безъ видимыхъ причинъ не являются въ присутствіе. Многие изъ вкладчиковъ, живя въ Скопинѣ по двѣ недѣли, не получили еще изъ банка ни одной копѣйки и не могли даже добиться лично видѣть знаменитаго директора банка, не принимающаго къ себѣ никого.

Вскорѣ послѣ этого, кассиромъ скопинскаго банка Иконниковымъ было подано, чрезъ уѣзднаго исправника, рязанскому губернатору заявленіе, въ 9-ти пунктахъ котораго обстоятельно выяснены злоупотребленія правленія банка. Въ заявленіи этомъ говорится, что Рыковъ забралъ въ банкѣ болѣе 5.000,000 руб. Кроме того, Иконниковъ, какъ человекъ малограмотный, въ продолженіе своей полуторагодовой службы въ должности кассира, подписывалъ всевозможныя бумаги, не обращая вниманія на ихъ содержаніе, а потому онъ и не знаетъ даже, какой недочетъ можетъ оказаться у него по кассѣ, знаетъ только, что многихъ документовъ уже не существуетъ, денегъ же по нимъ онъ не получалъ. Заявленіе это прислано губернаторомъ на обсужденіе скопинской думы съ предписаніемъ городскому головъ о немедленномъ назначеніи экстреннаго засѣданія. Но городской голова, по совѣту директора, отъ назначенія засѣданія уклонился, несмотря на всевозможныя понужденія административной власти.

Въ очередной четвергъ, вкладчиковъ въ банкѣ собралось болѣе 150-ти человекъ. Выдачи вкладовъ совершенно не было. Членъ банковскаго правленія въ присутствіе не явились, и вывѣщенное объявленіе извѣстило вкладчиковъ, что, по болѣзни одного изъ членовъ, засѣданія не будетъ. Вкладчики, возмущенные этой уже не первой выходкой Рыкова, пригласили въ банкъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ властей, а также послали и за кассиромъ банка, который немедленно явился и объявилъ, что касса банка пуста, а потому и выдавать вкладчикамъ нечего, о чемъ и былъ составленъ актъ.

Въ тотъ же дені, однимъ изъ вкладчиковъ приглашенъ былъ судебный приставъ для описи имущества и кассы банка по исполнительному листу въ 7,000 руб., но опись не состоялась вслѣдствіе того, что оказалась присылка съ почтой новаго вклада, который и далъ возможность скопинскому банку еще просуществовать нѣсколько дней. Такимъ образомъ, несмотря на видный и неизбѣжный плачевный конецъ банка, онъ, тѣмъ не менѣе, пользовался еще довѣріемъ новыхъ жертвъ. Въ продолженіе августа и сентября, вкладовъ поступило, все-таки, порядочная сумма. Изъ этихъ вкладовъ производилось содержаніе безумно-дорогой канцеляріи банка, стоящей до 8,000 руб. въ мѣсяць, затѣмъ, часть бралась директоромъ подъ учетъ векселей, а изъ остальныхъ производили копѣчныя подачки вкладчикамъ.

Многіе изъ гражданъ скопинскаго общества, видя бездѣйствіе власти, стали думать, а нѣкоторые даже положительно были увѣрены, несмотря на состоявшееся 23 го сентября постановленіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія о преданіи суду членовъ правленія банка,— что Рыковъ песокрушимъ.

А между тѣмъ Рыковъ и К^о дѣятельно работали надъ тѣмъ, чтобы сохранить въ свою пользу «остаточки». Такъ, въ Тулу привѣзжали изъ Скопина, передъ самымъ официальнымъ крушеніемъ банка, тамошніе банковскіе дѣльцы съ предложеніемъ продать владельце билеты скопинскаго банка на 40,000 р. Одинъ мѣстный купецъ, говорятъ, предложилъ имъ на «рискъ» 500 руб., но потомъ одумался, и аферисты уѣхали во svoйси ни съ чѣмъ.

Подобные разѣзды скопинскихъ хищниковъ начались еще за долго до краха. Такъ еще въ апрѣлѣ въ Витебскѣ явился скопинскій купеческій сынъ С. Г. Оводовъ съ предложеніемъ одному изъ мѣстныхъ обществъ взаимнаго кредита купить у него безыменныхъ билетовъ скопинскаго банка на сумму 40,000 руб.; правленіе общества билеты эти купило, снеспись предварительно посредствомъ телеграммы съ скопинскимъ банкомъ, отъ котораго полученъ былъ отвѣтъ, что билеты будутъ приняты изъ 8-ми годовыхъ процентовъ; но когда явился въ скопинскій банкъ одинъ изъ членовъ правленія общества съ цѣлью учесть билеты скопинскаго банка, то правленіемъ послѣдняго ему было отказано въ этомъ.

Даже въ то время, когда несостоятельность банка обнаружилась

исполнивъ и судебныя власти, по настоянію обманутихъ владчиковъ, приступили уже къ описи банковскаго имущества, одинъ изъ главныхъ воротилъ этого банка едва было не успѣлъ продать свое имѣніе за 50,000 р. Всѣ предварительныя необходимыя формальности были уже соблюдены и покупательъ съ довѣреннымъ отъ продавца явился къ старшему нотаріусу для окончательной сдѣлки, готовившемуся уже скрѣпить актъ своей подписью, какъ въ этотъ самый моментъ нотаріусомъ была получена бумага изъ окружнаго суда о немедленномъ наложеніи запрещенія на все имущество продавца. Приди бумага нѣсколькими минутами позже, купчая крѣпость была бы совершена и имѣніе перешло бы въ руки другаго владѣльца.

Началось слѣдствіе. Въ Скопинѣ пріѣхалъ прокуроръ рязанскаго окружнаго суда съ однимъ изъ своихъ товарищей и двумя судебными слѣдователями. Но на первыхъ же порахъ оказалось невозможнымъ ограничиться такимъ составомъ слѣдственной комиссіи. Всѣ банковыя книги оказались настолько запутанными и вообще слѣдствіе оказалось такъ затруднительнымъ, что на подмогу рѣзкимъ членамъ комиссіи изъ Рязани были отправлены трое кандидатовъ на судебныя должности.

Слѣдственной комиссіей было обнаружено, что Рыковъ состоитъ должнымъ скопинскому банку по 136-ти векселямъ, писаннымъ преимущественно въ декабрѣ мѣсяцѣ, суммою каждый ровно по 50,000 р.—6.800,000 р. На удовлетвореніе этого долга комиссіей описано наличныхъ денегъ, оказавшихся при обыскѣ въ карманахъ этого знаменитаго финансиста, 29 р. 86 к. и нѣсколько книгъ акцій и облигацій, блаженной памяти навелецкой компаніи каменноугольной промышленности московскаго бассейна, биржевая стоимость которыхъ равняется нулю, и кромѣ пока рѣшительно ничего, такъ какъ Рыковъ никакой коммерціи не велъ и вся его недвижимая собственность заключается въ домѣ и 3-хъ или 4-хъ имѣніяхъ, давнымъ-давно заложенныхъ. А потому, принимая во вниманіе срокъ его службы въ должности директора скопинскаго банка, съ 3-го апрѣля 1863 г., за каковое время онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялъ во всевозможныхъ общественныхъ должностяхъ, а также и почетнымъ попечителемъ всѣхъ благотворительныхъ учреждений города Скопина, оказывается, что каждый день его попеченія о благѣ скопинскаго общества и ввѣренныхъ его распоряженію

сбереженій злополучныхъ вкладчиковъ скопискаго банка—оплачиваясь по 1,000 р. Могущая быть по приведенному исчисленію недостача восполняется нижеслѣдующимъ: отчисляемыя ежегодно по отчетамъ банка солидныя суммы на погашеніе неблагонадежныхъ долговъ банка всѣ, за небольшимъ исключеніемъ, оставались въ широкихъ директорскихъ карманахъ; кромѣ того, по кассѣ тоже оказались громадныя растраты. Отдѣляя себѣ львинныя доли, Рыковъ оказался сравнительно скупъ къ своимъ сослуживцамъ; такъ, напримѣръ, товарищъ директора, Рудневъ, въ продолженіе 8-ми лѣтъ принимавшій къ учету векселя г. Рыкова, оказался долженъ только 230,000 р., а кандидатъ директора, завѣдующій кассой, Иконниковъ—75,000 р.

По заявленію кассира Иконникова, изъ кассы банка неизвѣстно куда дѣвались векселя зята директора, Ивана Никифорова Афанасьева, на сумму болѣе 400,000 р., по которымъ денегъ въ кассу не поступало, и, по мнѣнію кассира, векселя эти возвращены предърымъ директоромъ должнику-зятю. 3-го октября, часть этихъ векселей, на сумму 206,000 руб., возвращена въ руки слѣдственной комиссіи однимъ изъ агентовъ банка, Иваномъ, по заявленію котораго векселя взяты, будто бы, имъ были для предъявленія ихъ въ окружной судъ ко взысканію, и такъ какъ, по болѣзни, взысканію по нимъ онъ еще не успѣлъ произвести, то и возвращаетъ ихъ обратно.

Подлоговъ и злоупотребленій во всевозможныхъ видахъ при веденіи операций скопискаго банка обнаружено такъ много, что слѣдственной комиссіи, при самой энергичной дѣятельности, работы хватить на весьма долгое время.

Директоръ арестованъ, но сначала не былъ отправленъ въ тюрьму, потому что, по заключенію докторовъ, находится въ положеніи, близкомъ къ умопомѣшательству, вслѣдствіе чего и допросъ ему долго не былъ дѣланъ.

Затѣмъ, 5-го октября, было экстренное засѣданіе думы для выбора членовъ правленія банка. Выборъ не состоялся, такъ какъ изъ гласныхъ ни одинъ не изъявилъ желанія баллотироваться ни на должность директора, ни въ товарищи его, а потому засѣданіе отложено до слѣдующаго дня.

6-го октября состоялось второе засѣданіе думы для выбора новыхъ членовъ правленія банка «на время окончанія слѣдствія надъ»

старыми членами», какъ сказано въ повѣсткахъ гласныхъ. Такимъ образомъ оказалось, что скопинскіе городскіе и банковые управители и тогда еще питали надежду, что и при расхищеніи 13.000,000 руб. чужихъ сбереженій, она могутъ выдти изъ воды сухими.

Въ это засѣданіе приглашены были люди, не состоящіе въ должности гласныхъ, а такъ какъ приглашеніе таковыхъ послѣдовало по распоряженію городского головы, просто чрезъ управскаго сторожа Якова, что показалось обиднымъ для всякаго, то въ собраніе ни одинъ изъ приглашенныхъ гражданъ и не явился. И гласнымъ пришлось по необходимости прибѣгнуть къ двумъ крайностямъ: или баллотировать въ члены банка заочно, или вторично упрашивать изъ среды своей желающихъ. Послѣ двухъ-часоваго спора и пререканій, главнымъ образомъ о томъ, кто больше забралъ денегъ въ банкѣ, наконецъ, порѣшили баллотировать въ должность директора одного изъ гражданъ не гласныхъ, купца Василія Ивановича Попова, но онъ былъ забаллотированъ большинствомъ 22-хъ голосовъ противъ 16-ти. Затѣмъ нѣкоторыми гласными предложено было баллотировать въ должность директора нѣкоторыхъ изъ выдающихся по способностямъ мѣщанъ, но это предложеніе было совсѣмъ отвергнуто, и, въ концѣ концовъ, въ директоры банка избранъ былъ, большинствомъ 28-ми голосовъ противъ 10-ти, не гласный, купецъ Ф. Ф. Кичкинъ. Въ товарищи директора избранъ гласный мѣщанинъ Е. Е. Лавгеевъ, а въ кассиры банка—купецъ В. Я. Рудневъ, знакомый уже съ этой должностію, такъ какъ прослужилъ на ней 6 лѣтъ и числится въ ней до настоящаго времени, хотя въ послѣднее время по болѣзни не исправляетъ свою обязанность.

Новоизбранный персоналъ членовъ банкаго правленія оказался, въ интересахъ крупныхъ должниковъ банка, какъ нельзя болѣе подходящимъ. Всѣ избранные—должники банка, а Рудневъ, кромѣ того, какъ членъ стараго правленія банка, подлежалъ привлеченію къ слѣдствію.

Вся эта исторія отразилась самымъ печальнымъ образомъ на скопинскихъ мѣщанахъ, которые никогда не желали открытія банка и не принимали никакаго участія въ банковыхъ операціяхъ и которыми, тѣмъ не менѣе, придется отдуваться за кражу Рыкова и К^о собственнымъ достояніемъ, такъ какъ, по закону, за операціи банка отвѣчаетъ «городъ», т. е. его жители. Не удивительно по этому,

что население Скопина послѣ краха находилось въ самомъ тревожномъ состояніи. Вотъ что, напр., писали изъ Скопина отъ 9-го октября:

«Мѣщане на сходкахъ въ харчевняхъ и гостинницахъ только и толкуютъ объ имѣющемъ быть завтра собраніи мѣщанъ въ зданіи городской думы. Дѣло въ томъ, что всѣ гласные-приверженцы бывшаго директора скопинскаго банка, г. Рыкова, желаютъ ходатайствовать предъ правительствомъ о субсидіи въ размѣрѣ 3-хъ миліоновъ руб., для удовлетворенія вкладчиковъ. Противная же сторона гласныхъ и почти всѣ мѣщане не желаютъ этого и хотятъ хлопотать о скорѣйшемъ назначеніи конкурса изъ вкладчиковъ и непременно съ участіемъ лицъ отъ правительства, такъ какъ почти всѣ гласные городской думы должны скопинскому банку довольно крупныя суммы, далеко превышающія ихъ личное состояніе, слѣдовательно, не обезпечивающія взятой ссуды, которая разными путями переходитъ уже въ другія, третьи руки и въ другіе даже уѣзды. Мѣщане недолжники, зная это и предвидя въ будущемъ, что эмиграція капиталовъ въ другіе уѣзды можетъ принять большіе размѣры, желаютъ скорѣйшаго назначенія конкурса и немедленнаго опечатыванія всего имущества должниковъ банка. Хотя опечатываніе имущества и началось, но довольно тихо; такъ, опечатано, въ настоящее время, только у двухъ лицъ бывшаго кассира банка Руднева—домъ и складъ вина, за долгъ 220,000 руб. и Иконникова купца—домъ, за долгъ около 70,000 руб. Остальные же заемщики почему то освобождены отъ опечатанія ихъ имущества и, пользуясь этимъ временемъ, дѣлаютъ себѣ переводы на другихъ лицъ».

16 Октября состоялось собраніе скопинскаго мѣщанскаго общества, въ которомъ обсуждалось критическое положеніе всего скопинскаго городского общества вообще, и въ частности—общества мѣщанскаго, вызванное постановленіемъ рязанскаго окружнаго суда, признавшимъ скопинскій городской общественный банкъ несостоятельнымъ. По выслушаніи этого заявленія, безпощадно рисуящаго мрачными красками безотрадное положеніе въ настоящій моментъ гор. Скопина и его безпомощное состояніе, вслѣдствіе бездѣтельности мѣстнаго городского самоуправления, собраніе мѣщанскаго общества признало необходимымъ, не выходя за предѣлы предоставленнаго ему закономъ права, принять на себя иочинъ въ

принятіи какихъ-либо мѣръ къ приведенію въ ясность настоящаго грустнаго положенія и къ устраненію таковаго на будущее время и сдѣлало слѣдующаго содержанія постановленіе: 1) ходатайствовать предъ г. начальникомъ губерніи о скорѣйшемъ назначеніи выборовъ поваго состава гласныхъ скопинской думы и другихъ должностныхъ лицъ городского самоуправления взаменъ настоящихъ, не соответствующихъ своему назначенію, какъ продуктъ выборовъ, состоявшихся подъ деспотическимъ режимомъ виновника всѣхъ скопинскихъ несчастій—г. Рыкова, державшаго почти четверть вѣка въ абсолютномъ крѣпостничествѣ все населеніе города. Это подтверждается тѣмъ, что скопинская дума, въ своихъ засѣданіяхъ прежнихъ годовъ, дирижируемая все тѣмъ же г. Рыковымъ, скрывавшимся, какъ за ширмой, за спиной предсѣдателя, городского головы—въ теченіе нѣсколькихъ минутъ рѣшала многіе и весьма сложные вопросы, дающіе въ настоящій моментъ такіе горькіе плоды, какъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ, бывшихъ въ текущемъ мѣсяцѣ по поводу банковской несостоятельности, дума, потерявши своего руководителя и не имѣя твердой почвы подъ собой, не дала никакихъ добрыхъ результатовъ и не проявила ни одной полезной инициативы. Притомъ и четырехлѣтнее полномочіе настоящаго состава гласныхъ кончилось, согласно город. полож. 2) Просить скопинскую думу произвести немедленную ревизію, чрезъ особо уполномоченныхъ лицъ, всѣхъ дѣлъ и городскихъ капиталовъ, находящихся въ вѣдѣніи скопинской городской управы. Таковая ревизительная мѣра, по мнѣнію мѣщанскаго общества, необходима въ виду того, что городской голова и члены управы, обязанные 19-й ст. полож. о гор. бц. банкахъ ежемѣсячно ревизовать въ банкѣ «всю наличность въ кладовой по книгамъ и документамъ и каждый разъ доводить томъ до свѣдѣнія думы», допустили, подъ своимъ прикрытіемъ, г. Рыкова и К^о до ужасающихъ злоупотребленій въ скопинскомъ банкѣ, разоблачаемыхъ, въ настоящее время, слѣдственной комиссіей, а городской голова даже публично утѣрялъ, въ засѣданіи думы 13-го августа, что дѣла банка находятся въ хорошемъ состояніи, и что распространяемые въ газетахъ слухи есть «ложь и левета». Кромѣ того, въ частныхъ бесѣдахъ съ нѣкоторыми гражданами, городской голова сознается, что всѣ имѣющіяся въ городѣ заготовительныя заведенія лишены средствъ содержанія, такъ какъ сумма, на этотъ предметъ ассигнованная думой, выдана г. Ры-

кову, какъ попечителю всѣхъ таковыхъ заведеній. 3) Имѣя въ виду 25-ю ст. норм. полож. о город. общ. банкахъ, возлагающую отвѣтственность за несостоятельность банка на все городское общество, ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о снисхожденіи въ скопинскому мѣщанскому обществу. въ большинствѣ бѣдному и трудомъ добывающему себѣ насущное пропитаніе и почти никогда не кредитовавшемуся въ скопинскомъ банкѣ, а потому и не пользовавшемуся его минимымъ благотворнымъ вліяніемъ на благосостояніе жителей, па каковой предметъ избрать депутацію изъ нѣсколькихъ лицъ, снабдивъ ихъ должнымъ уполномочіемъ отъ общества.

Между тѣмъ слѣдствіе шло. О веденіи дѣлъ въ банкѣ слѣдственною комиссіею было обнаружено слѣдующее. Составъ служащихъ въ банкѣ доходилъ до 25-ти человѣкъ и стоилъ 7,000 руб. въ мѣсяцъ, а иногда и болѣе. Многіе изъ служащихъ, хотя и знали о паткомъ состояніи банка, но высказать этого нигдѣ не могли, ибо были куплены г. директоромъ, такъ что они, вполнѣ зная неправильное веденіе книгъ, составленіе ложныхъ балансовъ и ихъ опубликованіе въ газетахъ, скрѣпляли своимъ подписомъ отчеты и балансы и получали за это въ мѣсяцъ отъ 100 до 300 руб. и иногда не являлись въ банкъ по недѣлѣ и болѣе. Балансы и отчеты, которые должны бы провѣряться городской думой и избранной для этой цѣли изъ среды гласныхъ ревизионной комиссіею, никогда не провѣрялись, а если провѣрялись, то однѣ голыя цифры; генеральной же ревизіи не было ни одной за все 19-ти лѣтнее существованіе банка.

Самъ Рыковъ на предварительномъ дознаніи сознался въ растратѣ 7-ми милліоновъ, объясняя свое преступленіе тѣмъ, «что ему большихъ денегъ стоило пріобрѣтеніе орденовъ», которыхъ у него не мало. Какъ на соучастника въ грабежѣ, директоръ указалъ на бухгалтера и многихъ другихъ лицъ.

Къ этому молва добавляла кое что о разныхъ «особахъ», занимавшихъ въ Рязани въ разное время и въ разныхъ вѣдомствахъ выдающіяся должности. Ясновѣроятныя «особы» эти, какъ во всеуслышаніе рассказывали на всѣхъ перекресткахъ Рязани, не упустили удобнаго случая попользоваться отъ щедротъ г. Рыкова соотвѣтственно своему положенію, для очистки совѣсти обезпечивъ свои «пользованія» ничѣмъ не гарантированными векселями, общая сумма которыхъ очень недалека отъ полмилліона. Одинъ изъ сихъ

безупречныхъ рыцарей скопинскаго краха, мѣсяцевъ 8 тому назадъ. уже успѣлъ отправиться ad patres, оставивъ въ наследство своему довѣрчивому патрону испорченное охотничье ружье съ необходимыми доспѣхами. пачку неоплаченныхъ векселей, писанныхъ на болѣе мелкія суммы. Какъ и изъ какихъ средствъ здравствующіе герои будутъ расплачиваться съ скопинскимъ банкомъ — единому Богу извѣстно, такъ какъ у всѣхъ у нихъ и десятой доли того нѣтъ, сколько они должны.

Вообще послѣ краха были обнаружены удивительныя вещи. Оказывается, что банкъ подкупилъ всѣхъ и вся. Вотъ какой интересный списокъ приводитъ «Новое Время»: «Неправникъ получалъ квартирныхъ изъ доходовъ банка около 1,000 руб. Судебный приставъ сѣзда мировыхъ судей 25 руб. въ мѣсяць съ дохода отъ процентныхъ бумагъ. Мировой судья 1-го участка получалъ жалованье на письмоводителя. Секретарь думы получалъ до 80 руб. въ мѣсяць жалованья, которое записывалось на писцовъ. Почтмейстеръ 50 руб. въ мѣсяць. Даже сторожа сѣзда мировыхъ судей пользовались жалованіемъ отъ банка... Независимо отъ этого, болѣе именитыя лица, которыхъ прямымъ жалованьемъ кунить неудобно и неприлично, получаютъ кредитъ въ банкѣ. Прежде всего — начнемъ съ маленькихъ именитыхъ людей — всѣ чиновники банка должны банку, и нѣкоторымъ изъ нихъ долгъ этотъ просто списывался; нѣкоторые изъ нихъ пользовались кредитомъ до 10,000 руб. Бывшій городской голова Овчинниковъ долженъ до 300,000 руб., бывшій же городской голова Аоанасовъ до полумилліона. Весь наличный сѣздъ мировыхъ судей долженъ. Членъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія долженъ. Бывшій губернаторъ г. Болдыревъ долженъ 60.000 руб. Даже діакону Никольской церкви платилось опредѣленнаго жалованія изъ средствъ банка по 25 руб. въ мѣсяць».

Вслѣдъ за Рыковымъ, къ слѣдствію стали привлекаться и его соподвижники. Такъ въ началѣ ноября въ скопинскую думу была прислана бумага изъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія о преданіи суду бывшаго городского головы, г. Овчинникова, и вышшняго — г. Иконникова. На другой день, по полученіи бумаги, состоялось собраніе гласныхъ, которые порѣшили: г. Иконникова отстранить отъ занимаемой имъ должности, предать суду какъ его самого, такъ и его предшественника, и выбрать новаго городского голову до 1-го марта 1883 г. Выбрали въ головы одного изъ

членовъ городской управы П. В. Овчинникова. Не прошло и двухъ дней, какъ снова назначено было собраніе, Гласныхъ явилось болѣе половины. Каково-же было удивленіе ихъ, когда секретарь собранія прочиталъ имъ бумагу о преданіи суду только-что избраннаго городского головы и 11-ти гласныхъ, состоявшихъ членами ревизионной комиссіи по общественному банку ¹⁾.

Не правда-ли, умилительная картина?!

Мы остановились такъ долго на крахѣ скопинскаго банка потому, что положеніе большинства, если не всѣхъ городскихъ банковъ, почти ничѣмъ не отличается отъ положенія скопинскаго банка передъ крахомъ: всѣ они имѣютъ пустыя кассы и кучи ничего нестоящихъ векселей; всѣ висятъ на волоскѣ,—и каждую минуту можно ожидать краха воронежскаго, орловскаго, ставропольскаго и т. п. Положеніе населенія большинства нашихъ городовъ ничѣмъ не отличается отъ положенія скопинскихъ мѣщанъ, какъ куръ во щи попавшихъ въ банковыя передраги и съ головою опутанныхъ банковыми дѣльцами.

Вотъ, напр., предъ нами жиздринскій городской банкъ: «онъ весь разобранъ, и весьма значительными суммами, лицами, близко стоящими у кормила правленія банка и думы. Такъ, напримѣръ, два родныхъ брата директора, не имѣющіе у себя никакого имущества, вмѣстѣ съ зятемъ и сестрою, должны подъ векселя 25,000 руб.; товарищъ директора банка, мѣщанинъ М., съ своимъ зятемъ, Б. должны банку подъ учетъ фиктивныхъ векселей кругленькую сумму 30,000 руб. Купившій буреломный лѣсъ купеческій сынъ Селезневъ долженъ банку за купленный лѣсъ 23,000 руб., между тѣмъ, какъ у него только и есть 3—4 пары платья и дюжина бѣлья, да болѣзнь, добытая имъ при сплавлѣ злополучнаго лѣса ²⁾.

Изъ Одоева также пишутъ: «главнымъ вопросомъ, поглощающимъ все вниманіе гласныхъ во всѣ почти послѣднія засѣданія мѣстной городской думы, является жгучій вопросъ о городскомъ одоевскомъ банкѣ, дѣла котораго пришли не только въ плачевное, но положительно отчаянное положеніе. Кризисъ неминуемъ, вопросъ только во времени. Страдая обычною хроническою болѣзью почти

¹⁾ «Русскій Бурьеръ», №№ 247, 268, 282, 277, 280, 282, 295, 317, и др.

²⁾ Id. № 218.

всѣхъ нашихъ городскихъ банковъ, которые, вмѣсто служенія прямымъ цѣлямъ своего возникновенія, стали добычей одного или двухъ-трехъ ловкихъ аферистовъ, одоевскій городской банкъ также, какъ и другіе, вмѣщаетъ въ своемъ сундукѣ вмѣсто презрѣннаго металла или государственныхъ билетовъ, почти исключительно груды безнадежныхъ векселей. Какъ водится, всѣ лица, которыя сѣумѣли переманить въ свой карманъ деньги изъ банка, оказались несостоятельными или-же имущества ихъ переведены на женъ, дѣтей и матерей, которыя, по своей законной невмѣняемости и неответственности за должника мужа, отца или сына, остаются въ сторонѣ отъ всѣхъ суевъ и тревоженій банковскаго торжища. Безпорядки въ банкѣ, впрочемъ, обнаружены уже два года тому назадъ, но тогда какъ-то сѣумѣли ихъ замазать. Въ прошломъ году прибѣгнули было къ увеличенію процентовъ, но и эта паллиативная мѣра не «вывезла» растронныя дѣла банка. Наконецъ, учиненъ былъ незаконный подвохъ, допущено частному александринскому банку сдѣлать учетъ обязательствамъ одоевскаго банка. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій думы разематривался этотъ вопросъ, причемъ виновники этого подвоха настаивали на «честной расплатѣ» съ александринскимъ банкомъ, что крайне возмутило остальныхъ неповинныхъ гласныхъ, потому что эти «честные плательщики» извѣстны за несостоятельныхъ или за такихъ, съ которыхъ взять невозможно. Черезъ два года наступить срокъ платежу, александринскій банкъ подастъ ко взысканію и тогда-то на судѣ раскроется въ полномъ расцвѣтѣ пышный розанъ хищеній, злоупотребленій, обмановъ и прочей прелести, характерной черты нашего времени и нашего общества. Послужить ли это урокомъ другимъ?»¹⁾

Къ сожалѣнію, всѣ наши городскіе банки могутъ, въ нѣкоторомъ родѣ, «служить примѣромъ»; такъ что остается совершенно неизвѣстно, для кого этотъ примѣръ можетъ предназначаться. Вотъ, напр., въ Бузулукѣ, «ревизіонная коммиссія, избранная думою для провѣрки дѣлъ банка, нашла ихъ несовсѣмъ въ удовлетворительномъ видѣ. Она обнаружила промажу векселей, переучетъ векселей лицъ несостоятельныхъ, а равно и громадный кредитъ такимъ лицамъ и т. д. Обо всемъ томъ коммиссія представила въ городскую

¹⁾ Id., № 26.

управу, еще въ маѣ мѣсяцѣ, замѣчанія свои, но, однако, управою ничего объ этомъ не сообщено думѣ и, будто-бы, на томъ основаніи, какъ говоритъ управа, что правленіе банка не даетъ еще до сихъ поръ объясненій по существу замѣчаній комиссіи. Не такъ давно одинъ изъ членовъ ревизіонной комиссіи П. Б., человекъ энергичный, не захотѣлъ было мириться на такомъ исходѣ дѣла ревизіи и отправился по домамъ гласныхъ просить ихъ подписаться подъ заявленіемъ, въ которомъ предлагалось собрать экстренное засѣданіе думы для прочтенія и обсужденія доклада ревизіонной комиссіи, но ни одинъ купецъ не рѣшился подписаться. Б. всюду получалъ отвѣтъ: «я-бы готовъ подписать, но, вѣдь, вы знаете, что я въ банкѣ кредитуюсь, вѣдь, послѣ этого миѣ прямо откажутъ въ кредитѣ по банку». Потеривъ въ этомъ неудачу, г. Б., на-дняхъ, подалъ заявленіе въ городскую управу, въ которомъ онъ отказывается отъ званія гласнаго города Бузулука, въ виду того, что носить это званіе онъ считаетъ неудобнымъ, такъ-какъ вся дѣятельность гласнаго тормозится нѣкоторыми лицами, заинтересованными болѣе всего своими личными интересами въ городскихъ дѣлахъ, чѣмъ общественными»¹⁾.

Таже исторія въ Орлѣ. Здѣсь еще въ концѣ 80-го года 11 гласныхъ думы напечатали письмо къ своимъ избирателямъ о ненадежномъ состояніи банка. Послѣдствіемъ письма было то, что вкладчики одинъ передъ другимъ начали брать свои деньги изъ банка. При этомъ обнаружались кой-какія темныя дѣлишки банковскихъ воротилъ, о чемъ была послана корреспонденція въ «Русскій Курьеръ». Эта корреспонденція, совершенно правдивая сама по себѣ, вызвала со стороны членовъ правленія банка, директора Авилова и его товарищей — Бахтина и Кубышкина, жалобу г. прокурору московской судебной палаты на редактора-издателя «Русскаго Курьера», котораго правленіе банка обвиняло въ преступленіи, предусмотренномъ 1039-й ст. улож. о наказ. Дѣло объ этомъ разсматривалось въ публичномъ засѣданіи московской судебной палаты 2 ноября 1881 года, во время котораго Н. П. Ланинымъ были суду представлены, на основаніи закона, письменныя доказательства, свидѣтельствовавшія о ненормальномъ

¹⁾ Id., № 319.

состояніи дѣлъ банка. Вслѣдствіе этого, прокуроръ отказался отъ обвиненія Н. П. Ланина, и палата, приговоряюмъ своимъ отъ 2 ноября 1881 года, постановила: «въ виду приведенныхъ данныхъ, при отсутствіи основаній къ обвиненію, редактора-издателя газеты «Русскій Курьеръ» Ланина въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож. о наказ. и на основаніи 1 пун. 771 ст. уст. угол. судопр., признать оправданнымъ по суду». А годъ спустя, Орель представляетъ слѣдующее зрѣлище ¹⁾: «вкладчики ломятся въ банкъ и осждають пустую кассу, проклиная день, въ который положили въ нее деньги; должники, оставшись безъ кредита и терзаемые требованіями правленія банка объ уплатѣ по векселямъ, ходять, повѣся голову, и съ недоумѣніемъ ждутъ, чѣмъ все это кончится; домовладѣльцы въ страшной тревогѣ, что имъ придется платить гарантію за банкъ вкладчикамъ и хотъ бросать свои дома.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ правленіе банка, безъ вѣдома и разрѣшенія думы, обратилось къ управляющему государственнымъ банкомъ съ просьбою объ открытіи въ мѣстномъ отдѣленіи того-же банка переучета векселей. Переучетъ разрѣшенъ въ суммѣ 700,000 руб., изъ которыхъ 500,000 руб. уже взяты и розданы вкладчикамъ. Но что же составляютъ эти 700,000 руб., когда однихъ безрочныхъ вкладныхъ билетовъ выдано на сумму болѣе 3.000,000 руб.?

Нѣкоторые изъ гласныхъ думы и домовладѣльцевъ, не состоящихъ должниками банка, обратились къ г. министру финансовъ съ телеграммой слѣдующаго содержанія: «Орловскій общественный банкъ находится въ критическомъ положеніи. Вкладчики выбрали всю кассу. Торговый и промышленный людъ безъ кредита. Въ торговлѣ застой. Дума, состоящая почти изъ однихъ должниковъ банка, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ уясненію дѣлъ банка и успокоенію его вкладчиковъ. Городъ, вслѣдствіе внимательства правленія банка въ дѣла городского управленія, состоитъ въ неоплатныхъ долгахъ, по которымъ не платитъ даже процентовъ. Посредствомъ кредита, правленіе банка имѣетъ огромное давленіе какъ на гласныхъ думы, такъ даже и на большинство избирателей, вслѣдствіе чего является небезосновательное предположеніе о сомнитель-

¹⁾ Id. № 316.

«устоп», № 11, отд. II.

номъ состояніи вексельнаго портфеля. Истощивъ кассу на удовлетвореніе требованій вкладчиковъ, правленіе банка прибѣгло, въ настоящее время, къ переучету векселей въ отдѣленіи государственнаго банка безъ разрѣшенія и даже вѣдома о томъ думы. Какъ единственное средство для уясненія дѣлъ банка и успокоенія какъ вкладчиковъ, такъ и жителей города, мы просимъ ваше высокопревосходительство назначить гласную ревизію отъ министерства. при участіи лицъ, не состоящихъ должниками банка. Обращаясь къ вамъ съ этой просьбой, мы руководствуемся желаніемъ снять съ себя, какъ нравственную, такъ и имущественную отвѣтственность за дальнѣйшія послѣдствія дѣйствій банка, могущія губительно отразиться на всемъ городскомъ обществѣ. Домовладѣльцы города Орла». Слѣдуютъ подписи ихъ.

Послѣ отсылки телеграммы, для бѣдныхъ обывателей Орла настали по-истинѣ скорбные дни: по цѣлымъ днямъ городовые излавливали ни въ чемъ неповинныхъ жителей и таскали ихъ въ какому то пачальству. Изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, что отъ этой участи не избавлялись ни женщины, ни даже гласные думы. Впрочемъ, все кончилось только приличнымъ вразумленіемъ, приличною дозою застрапчиванья и наставленіемъ не говорить ничего, что могло бы дискредитировать банкъ и, въ особенности, директора его И. А. Авилова.

Дума, хранившая до сихъ поръ упорное молчаніе, какъ будто дѣло до нея вовсе не касается, была, наконецъ, созвана на 9 ноября, для разъясненія, какъ было сказано въ повѣсткахъ, слуховъ о городскомъ банкѣ. По истинѣ, небывалое собраніе! Прибыло 50 гласныхъ и до 500 человекъ публики, такъ или иначе заинтересованной въ дѣлахъ банка. Въ робкой, неувѣренной рѣчи директоръ банка указалъ на нѣкоторыя цифры, на усиленное требованіе вкладовъ, на тугое поступленіе платежей по случаю всеобщаго застоя въ дѣлахъ и т. д.; въ результатъ же его рѣчи выходило, что все обстоитъ благополучно. То же самое, только безъ указанія на цифры, повторилъ и городской голова. Затѣмъ, попросилъ слова гласный С. А. Брянцевъ. Публика ожила; всѣ надѣялись, что, наконецъ, она услышитъ слово правды, и завѣса съ темныхъ дѣяній банка будетъ сорвана. Но, увы!.. темныя дѣла не терпятъ свѣта. Городской голова зазвонилъ въ колокольчикъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ, не давъ г. Брянцеву высказать ни одного слова, не-

смотря на единодушный протестъ всѣхъ гласныхъ противъ такого насилія.

Обращаясь къ цифрамъ, мы, по послѣднему отчету банка, имѣемъ слѣдующія данныя. Долгъ банка: основной и запасный капиталы 597,048 руб. 89 к., вклады и текущіе счета—5.859,606 р. 77 к., невыданные вкладчикамъ проценты—360,516 руб. 94 коп. и статьи разнаго именованія—26,992 р. 14 к., а всего 6.844,164 р. 74 к. На покрытіе этого долга имѣется: касса въ деньгахъ и процентныхъ бумагахъ—496,681 руб. 14 коп., учтенные и просроченные векселя — 3.936,169 руб., ссуды подъ залоги—2.062,778 руб. и, затѣмъ, 348,526 руб. 60 коп., смыслъ которыхъ намъ рѣшительно не далось уразумѣть.

Если дать вѣру заявленію директора банка, сдѣланному имъ въ засѣданіи думы 9 ноября, что, въ теченіи послѣдняго мѣсяца, банкомъ выдано по вкладнымъ билетамъ 1.380,000 руб., на что израсходованы всѣ наличныя средства кассы, а также 300,000 р., полученныя по переучету векселей изъ отдѣленія государственнаго банка, то оказывается, что на покрытіе остальнаго долга, въ суммѣ 5.464,164 р. 74 к., причитаются ссуды подъ залоги 2.062,778 р. и вексельный портфель 3.636,169 руб. Но, по заключенію людей, хорошо знакомыхъ съ характеромъ выдачи ссудъ и съ солидностью вексельнаго портфеля, при реализаціи ссудъ и векселей необходимо сбросить, по меньшей мѣрѣ, по ссудамъ 20% и по векселямъ—50%. Слѣдовательно, на покрытіе 5.464,164 руб. 74 коп., банкъ имѣеть 3.468,306 руб. 90 коп., т. е. имѣеть дефицитъ около 2.000,000 рублей.

Переходя, затѣмъ, къ отвѣтственности города за операціи банка, мы сталкиваемся съ лежащимъ на городѣ миллионнымъ долгомъ, который, по причинѣ ежегодныхъ дефицитовъ и платежа процентовъ, растетъ въ быстрой прогрессіи».

Въ такомъ же положеніи дѣла Воронежскаго городского банка. Здѣсь, послѣ скопинскаго краха, рѣшили «протерѣть глаза и осмотрѣться» и съ этою цѣлью назначено было особое собраніе гласныхъ думы на 13 октября. На собраніи прочитанъ былъ отчетъ комисіи, назначенной ревизовать банкъ. «Изъ доклада комисіи явствуетъ, что годовой оборотъ банка достигъ почтенной цифры въ 29.000,000 руб.; вклады простираются до 6.000,000 руб., вексельный портфель—до 4.000,000 р., ссуды подъ залоги—1.700,000 р.,

протестованные векселя—330,000 р. и периодическая, издавая в день, наличность кассы—отъ 27 до 30,000 руб.

Размѣры суммъ вѣчныхъ вкладовъ не были приведены ревизионной комиссией, и, вообще, вывести изъ доклада ея что либо точное и определенное настолько показалось затруднительнымъ, наприимѣръ, гласному г. Безрукову, что онъ, въ своей рѣчи, высказалъ мнѣніе, что комиссія, оставшаяся все въ одномъ и томъ же составѣ лицъ въ продолженіе 6 лѣтъ, начиная съ 1876 года, «водила какъ бы въ обманъ» тѣхъ, кто избиралъ ея членовъ. Это мнѣніе, «какъ оскорбительное въ высшей степени», по требованію председателя комиссіи, г. Лабзина, и гласнаго, г. Федяевского, было занесено въ журналъ.

Г. Тихомировъ напомнилъ собранію о томъ, что, еще въ 1876 году порѣшено было сократить нѣкоторые кредиты, размѣромъ не ниже 180,000 руб., до суммъ максимумъ 100,000 руб., а теперь оказывается, что эти кредиты не только не сократились, но даже одному лицу кредитъ увеличенъ до 202,000 руб. Послѣ долгихъ и нелицеприятныхъ комизма пререканій о существѣ обязанностей комиссіи, гласный Исаевъ потребовалъ, наконецъ, баллотировать вопросъ о томъ, должно ли огласить имя кредитующагося на эту сумму, и, согласно утвердительной баллотировкѣ большинства гласныхъ, открыта была и фамилія лица, пользующагося, вопреки всѣмъ выработаннымъ прежде постановленіямъ, такимъ несообразнымъ кредитомъ. Лицо это оказалось — В. Т. Петровъ, что произвело большую сенсацію, такъ какъ, вслѣдъ же за этимъ, гласный Исаевъ напомнилъ присутствующимъ, что г. Петровъ былъ избранъ въ товарищи директора городского банка, а нѣкоторое время, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, исполнялъ по кандидатурѣ, за болѣзнію другаго лица, и обязанности директора городского банка.

Затѣмъ, приступлено было къ самому существенному, именно—къ разрѣшенію вопроса, «что со всѣмъ этимъ дѣлать нужно» и какія надо принять мѣры. Дума постановила: 1) вексельный портфель сократить на 1.000,000 руб. въ продолженіе пятилѣтняго срока, т. е. полагая сокращеніе по 200,000 руб. въ годъ, причемъ, однако, размѣры сокращенія погодно предоставить на усмотрѣніе дирекціи; 2) предложить дирекціи сокращеніе кредитовъ начать съ крупныхъ, а не съ мелкихъ должниковъ банка; 3) отказать въ кредитѣ совершенно иногороднымъ и, вообще, не туземнымъ обывате-

лямъ, въ томъ, впрочемъ, только случаѣ, если и векселедатель, и бланконадписатель—оба не здѣшніе, и 4) ходатайствовать предъ г. министромъ финансовъ о кредитѣ для банка на переучету векселей въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка, а такъ какъ еще ранѣе такое ходатайство уже уважено въ суммѣ 250,000 руб., то постановлено, въ виду общаго тревожнаго положенія вещей, ходатайствовать только о томъ, чтобы этотъ кредитъ былъ увеличенъ до 500,000 руб., причемъ, какъ и прежняя половина, былъ бы онъ еще и условнымъ, т. е. могъ бы быть истребованъ лишь въ такомъ случаѣ, если-бы послѣдовало усиленное требованіе вкладовъ.

Несмотря на всѣ эти неурядицы, огромное большинство гласныхъ, въ томъ числѣ даже и самые ярые антагонисты банка, по видимому, твердо увѣрены, что дѣла банка, несмотря на огромную сумму кредита и протестовъ, все-таки, находятся въ хорошемъ и совершенно прочномъ положеніи.

Увѣренность этихъ оптимистовъ, однако, скоро потерпѣла полное фіаско, такъ какъ масса вкладчиковъ предъявляетъ банку требованія о возвратѣ вкладовъ, и банкъ оказался не въ состояніи удовлетворить эти требованія.

Вообще, по словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, въ настоящее время „требованіе возврата вкладовъ сдѣлалось чуть-ли не поголовнымъ и гордскіе банки, въ большинствѣ случаевъ, не въ состояніи удовлетворить законныя требованія публики, не прибѣгая къ экстремному кредиту изъ средствъ государственнаго банка. Въ данный моментъ въ С.-Петербургѣ дѣламъ масса разныхъ депутацій отъ городскихъ управъ, которыя всѣ безъ исключенія преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: выхлопотать у министерства финансовъ болѣе или менѣе значительный кредитъ подъ переучетъ векселей для спасенія банка отъ гибели. Въ большинствѣ случаевъ представляемые къ переучету векселя, какъ напримѣръ, въ владикавказскомъ городскомъ банкѣ, настолько сомнительнаго свойства, что управляющіе мѣстными отдѣленіями государственныхъ банковъ отказываютъ въ переучетѣ векселей, какимъ ихъ дѣйствіямъ, однакожъ, прибывшими сюда депутаціями придается характеръ темной интриги, направленной противъ существованія банка. Такъ намъ положительно извѣстно, что депутація отъ владикавказской городской управы жаловалась на дняхъ г. министру финансовъ, что управля-

ющій мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка не принимаетъ новыхъ векселей къ переучету, не смотря на то, что открытый банку въ С.-Петербургѣ кредитъ на сумму 150,000 р. еще не исчерпанъ и что изъ этого кредита остаются еще свободными 63,000 р. поступокъ управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка объясняетъ депутация его желаніемъ погубить банкъ въ пользу ново учреждаемаго общества взаимнаго кредита въ Владикавказѣ. Мы остановились нарочно на данномъ примѣрѣ, чтобы выяснитъ къ какимъ приемамъ прибѣгаютъ эти депутации, чтобы затемнить истинную причину отказовъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ, а именно отсутствіе благонадежныхъ векселей въ большинствѣ городскихъ банковъ*.

Какъ бы ни было, а депутации имѣютъ успѣхъ: „государственнымъ бакномъ отправлено въ теченіе послѣднихъ 14-ти дней въ провинцію свыше 7 милліоновъ рублей для переучета вексельнаго портфеля городскихъ банковъ. Частнаго кредита, какъ въ акціонерныхъ банкахъ, городскія учрежденія теперь не находятъ никакого и, напротивъ того, акціонерные банки стараются всѣми силами порвать свои прежнія сношенія, дабы не поплатиться потерей въ общемъ омутѣ, охватившемъ нынѣ всѣ городскіе банки“.

И едва ли спасетъ отъ этого омута городскіе банки помощь государственнаго банка. Полная гибель большинства городскихъ банковъ въ самомъ недалекомъ будущемъ, гибель, которую только на время могутъ отстрочить казенныя деньги, явствуетъ изъ самыхъ отчетовъ банковъ. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ самыхъ маленькихъ и самыхъ скромныхъ городскихъ банковъ — банкъ въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Вотъ что говоритъ о немъ, основываясь на отчетѣ банка за 1881 г., г. Черкасовъ: „Собственный капиталъ показанъ въ 163,280 р.; запаснаго... не было... Вкладовъ вѣчныхъ 59,978 р., безсрочныхъ 1.007,334 р. и срочныхъ 350,822 р., а всего 1.418,136 р. Къ 1 января 1882 года осталось въ портфелѣ банка учтенныхъ векселей на 759,693 р. Ссудъ подъ залогъ: процентныхъ бумагъ — 123,768 р., вещей — 5,992 р., строеній — 146,805 р., земель — 290,530 р. и сверхъ всего поручительство ставропольскаго городского общества — 132,684 р.; итого въ ссудахъ — 699,779 р., а съ векселями — 1.457,472 р. Если банкъ располагаетъ вкладами полностью, включая безсрочные, которые могутъ быть истребованы обратно во всякое время, — чѣмъ тогда онъ удовлетво-

рять вкладчиковъ, да и удовлетворяются ли они въ виду подобнаго произвола?

Далѣе въ отчетѣ показана покупка и продажа за собственный счетъ банка: къ 1-му января 1881 года оставалось процентныхъ бумагъ на 700 р. и недвижимой собственности 115,468 р.; въ теченіе 1881 г. приобретено процентныхъ бумагъ на 12,858 р. и недвижимости 44,803 р.; за то же время недвижимости продано 55,451 р., затѣмъ на рукахъ банка имѣется принадлежащаго имущества на 118,379 р., включая процентныя бумаги на 13,558 р., которыя остаются безъ движенія.

Протесты и просрочки: къ 1-му января 1881 года оставалось просроченныхъ векселей и поручительствъ на 93,145 р., въ теченіе года просрочено векселей 3,260 р., уплачено 6,684 р. и списано по безнадёжности изъ прибылей 19,434 р. Къ 1-му января 1882 года осталось векселей и поручительствъ 73,886 р., строений 4,595 р. и земель 226,820 р., всего 305,301 р., да зачислено въ собственность банка на 41,844 р. Отчетъ не разъясняетъ, что такое значить поручительство городского общества. Но чѣмъ руководствовалось правленіе банка, производя торговлю недвижимостью? Въ „Нормальномъ Положеніи“ ничего подобнаго не допускается. Наконецъ, при собственномъ капиталѣ 162,280 р. оказывается въ протестахъ и просрочкахъ болѣе 300,000 р.—значить, затронуты капиталы вкладчиковъ. Между тѣмъ банкъ существуетъ, находится подъ контролемъ сообщественниковъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока вкладчики не потянутъ въ судъ правленіе банка.

Широкая и вредная по послѣдствіямъ дѣятельность Скопинскаго банка повела къ подражанію многіе другіе городскіе банки, и вотъ спекулятивный духъ проникнулъ даже къ южнымъ окраинамъ Россіи—въ Ставрополь Кавказскій. По всей вѣроятности, въ этомъ банкѣ, несмотря на высокіе проценты по вкладамъ, не было возможности привлечь многомилліонныя, долгосрочныя вклады, но и показанные выше дали возможность дѣлать беззаконія и разныя нарушенія устава“. ¹⁾

Къ такимъ же выводамъ приводитъ почтеннаго автора разсмотрѣніе отчетовъ нѣсколькихъ другихъ городскихъ банковъ.

¹⁾ «Русская Мысль», 1882 г., № 10. стр. 187—188.

А если къ этому присоединить полное неумѣніе вести дѣло, какимъ отличаются обыкновенно наши банковые дѣятели, все больше самородки, ни сколько не подготовленные къ банковому дѣлу, и постоянныя растраты и хищенія, имѣющія мѣсто въ банкахъ, то будетъ вполне очевидно, что наши банки, какъ городскіе, такъ и всякіе другіе, держатся только стороннею помощію: отнимите эту помощь и банки разлетятся какъ мыльные пузыри. Развѣ не характерна хоть слѣдующая исторія, передаваемая таганрогскимъ корреспондентомъ «Русскаго Курьера»: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, обнаружено было хищеніе въ азовскомъ донскомъ банкѣ. 8-го августа продано съ аукціона движимое имущество бывшаго контролера Фейгуша, за которое выручено 9,000 руб. Такимъ образомъ, послѣдняя сумма, вмѣстѣ съ 13,000 руб., присланными Ф. изъ своего бѣгства, предполагая замять дѣло, составитъ около 2% погашенія. Правленіе банка почему-то старалось скрыть, да и теперь скрываетъ, дѣйствительное положеніе дѣлъ. Въ началѣ обнаруженія хищенія, оно подало судебному слѣдователю искъ всего только на 39,000 руб. Ревизовавшая комиссія докопалась, что, кромѣ нѣкоего Григори, хищенію былъ также причастенъ Віокави, имѣвшій въ Таганрогѣ контору и ведшій дѣла съ заграницей. У послѣдняго считалась громадная сумма на текущемъ счету, хотя взносы не соответствовали. Віокави былъ приглашенъ въ засѣданіе комиссіи, гдѣ ему заявили, что участіе его въ хищеніи обнаружено, и дабы не прибѣгать къ прокурорской власти, не согласенъ ли онъ немедленно уплатить считающіеся за нимъ, по соображенію комиссіи, 40,000 руб. Тотъ заявилъ, что, въ настоящее время, онъ не располагаетъ свободными деньгами, а готовъ выдать векселя на извѣстный срокъ. Банкъ ему разсрочилъ платежъ на 4 года. Въ 10-хъ числахъ августа В. является въ банкъ съ просьбой выдать ему 80,000 рублей, которые крайне нужны, и что завтра онъ вручитъ банку конесаментъ на судно съ хлѣбомъ, отправляемое имъ за границу. Члены правленія, посовѣтовавшись между собою, порѣшили выдать ему такую сумму. На слѣдующій день В. въ банкъ не явился, а счелъ, вѣроятно, болѣе удобнымъ уѣхать за границу. Итакъ банкъ снова порядкомъ поплатился за свою непредусмотрительность».

Еще лучшая исторія разыгралась въ Кіевѣ. Здѣсь былъ нѣкто Свиридовъ, человекъ пабожный и благотворитель большой руки.

Онъ былъ старостой въ институтской церкви и какииъ-то «благотворителямъ» при братскомъ монастырѣ и духовной академіи, чуть ли не въ качествѣ попечителя; кромѣ того, «благотворитель» ремесленному училищу — и все это, какъ оказалось, изъ ворованныхъ денегъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ Кіевѣ существуетъ общество взаимнаго кредита, имѣющее болѣе 12.000.000 рублей вкладовъ и до 30.000.000 годоваго оборота. «Свиридовъ состоялъ кассиромъ со дня основанія этого банка до настоящаго года. Въ февралѣ сего года, онъ, вслѣдствіе агитаціи банковыхъ воротилъ, избранъ въ товарищи управляющаго, и въ его же завѣдыванія оставлена была касса. Контроль надъ нимъ, надо думать, былъ невеликъ; да и, вообще, контроль членовъ общества надъ операціями и счетами, можно сказать, отсутствовалъ. Ежегодныя общія собранія членовъ давно превратились въ одну формальность, необходимую для санкціонирования тѣхъ выборовъ, которые заранѣе подготавливались банковыми дѣльцами. Вся администрація банка сложилась такъ, что въ городѣ этотъ банкъ извѣстенъ подъ именемъ «семейно-профессорскаго», и, въ самомъ дѣлѣ, въ пей преобладало родство и профессура. Городской голова Эйманъ, отказавшись отъ должности управляющаго банкомъ въ 1879 году, остался членомъ совѣта, въ которомъ засѣдаетъ его зять, профессоръ Субботинъ и племянникъ — Свиридовъ; сюда же, по пріятельству, принимаютъ профессора Сидоренко и Гарницкій».

«Честность, набожность и благотворительность Свиридова — давно возбуждали сомнѣніе, но говорить объ этомъ никто не смѣлъ, потому что Свиридовъ вездѣ себя такъ обставилъ, что зайкнуться противъ него — значило навлечь на себя подозрѣніе и немилость и въ думѣ, и въ банкѣ, и въ университетѣ, и вездѣ, вездѣ»...

И въ результатѣ: Свиридовъ укралъ 553,000 р.

«Похищеніе начато еще въ 1875 г., и мѣсяца два назадъ передъ тѣмъ, служащіе въ канцеляріи банка указывали на необходимость внезапной ревизіи всей наличности кассы; но управляющій г. Сидоренко откладывалъ до генеральной ревизіи, а въ это-то время Свиридовъ тащилъ и тащилъ и изъ наличнаго портфеля, и изъ капитала обезпеченія. Способъ похищенія — чисто юханценскій: перекладываніе однѣхъ и тѣхъ же бумагъ въ разные портфели, такъ что, наприимѣръ, бумага въ тысячу рублей числилась одно-

временно въ 20-ти портфеляхъ, т. е. фигурировала, какъ цѣнность, въ 20,000 р.»¹⁾).

Вообще ницѣ на благочестивыхъ людей мало надежды: воруютъ они не хуже самихъ отчаянныхъ безбожниковъ. Да и кто нынче не воруетъ? Раскроешь газету — такъ ужъ и знаешь, что натолкнешься на воровство; воруютъ и большіе люди и маленькіе, и штатскіе и военные, и официальные и частныя. Вотъ для примѣра нѣсколько фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ настоящей «воровской сезонъ».

Изъ Архангельска пишутъ: «Купецъ 1-й гильдіи Кондаковъ поставилъ по подряду въ мѣстный дирекціонный магазинъ значительную партію муки, оказавшейся, однако, такого невозможнаго качества, что дирекція забрала большую часть ея. Спустя нѣкоторое время, по городу разнеслись слухи, что забракованная партія принята, какъ вполне годная, интендантомъ Мордвиновымъ для мѣстныхъ войскъ... А мука эта—надо сказать—по вѣшнему виду напоминала все, что угодно, только не муку. Когда эти слухи дошли до ген. Баранова, онъ, пригласивъ вице-губернатора, полиціймейстера, батальоннаго командира и лучшаго мѣстнаго медика, попросилъ ихъ поѣхать и посмотреть—нельзя ли какъ нибудь избавить несчастныхъ солдатъ отъ интендантскаго злоумышленія. Комиссія эта, явившись въ складъ, взяла съ собою образцы муки (нѣрибе сказать—кирпича) для химическаго анализа, а кули опечатала. На другой день доносятъ губернатору, что крысы съѣли печати на куляхъ... надо полагать, съ цѣлью дать возможность заинтересованнымъ лицамъ подмѣнить муку. Опять поѣхала комиссія, снова опечатала кули и догадалась, притомъ, запечатать и самый складъ. Это помогло, и крысы оставили кули въ покоѣ. Въ самый разгаръ этой исторіи, къ медику, производившему изслѣдованіе муки, является «лицо» и вручаетъ пакетъ; опустивъ въ него то, что именуется «благодарностью», медикъ, догадываясь въ чемъ дѣло, вернулъ пакетъ подателю, не вскрывъ его. Составили, конечно, актъ и т. д., и т. д.»²⁾).

Гжатскій корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника» сообщаетъ

¹⁾ «Русскій Курьеръ», № 249.

²⁾ Id., № 246.

объ удивительномъ «червьѣ», съѣвшемъ городской лѣсъ. «Оказавшійся у насъ «червякъ», говоритъ корреспондентъ, до того обладаетъ вредоносными качествами, что, не явись во время помощь въ лицѣ гласнаго городской думы П. М. Кузнецова (онъ же и испр. долж. члена город. управы), городъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, лишился бы единственнаго своего достоянія—городскаго лѣса, хранившагося еще до сей поры «про черный день». Дѣлю вотъ въ чемъ. Новый городской голова Д. П. Пастуховъ командировалъ какъ-то г. Кузнецова осмотрѣть нѣкоторые участки городского лѣса. Съ какою цѣлью былъ командированъ г. К. и какія ему были даны на этотъ предметъ инструкціи—пока оставалось тайной. Только, 20-го августа, на собраніи, К. заявляетъ, что осматривая городской лѣсъ, онъ замѣтилъ необычайное и вмѣстѣ печальное явленіе: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ деревья сплошь изъѣдены какимъ-то «червякомъ», такъ что не годятся даже на топливо, и что бѣдствіе это настолько ужасно и съ такою быстротою распространяется, что можетъ грозить погибелью цѣлому лѣсу». Всѣ присутствующіе были засмѣялись такому заявленію, но председательствующій на собраніи голова началъ увѣрять гласныхъ, что если заявленіе г. Кузнецова нѣсколько и преувеличено, то, все-таки, содержитъ въ себѣ много правды и что не мѣшало бы продать хотя половину всего лѣса и тѣмъ поправить фонды банка, еле-существующаго. Это заявленіе сначала вызвало цѣлую бурю со стороны присутствующихъ, но г. голова съумѣлъ такъ урезонить ихъ, что на этомъ же собраніи и постановили продать участокъ лѣса, называемый «Овсянниковской рощей».

«Новости» сообщаютъ много любопытныхъ фактовъ изъ дѣятельности «Главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ». Возьмемъ одинъ изъ этихъ фактовъ:

«Въ отчетѣ за 1880 годъ расходъ на него выведенъ въ 5.400,000 р. Между тѣмъ, при представленіи въ министерство путей сообщенія предварительнаго разчета въ 1875 году, расходъ былъ опредѣленъ какъ директоромъ Николаевской дороги, такъ и совѣтомъ общества въ 2.690,000 руб., причемъ выражена была надежда уменьшить его въ томъ случаѣ, если вмѣсто Веревбинскаго моста будетъ сдѣлана каменная труба. Труба, дѣйствительно, и была сдѣлана, но въ результатѣ оказалось, что расходъ не только не уменьшился, но почти удвоился».

Что же это значить? спрашивает газета.

«А то, что дѣльцы главнаго общества, въ интересахъ послѣдняго, попробовали совѣтъ избавиться отъ такого крупнаго расхода и покрыть его казенными деньгами. Они, конечно, питали увѣренность, что правительство утвердитъ расходъ 5.500,000 и разрѣшитъ даже отнести его на полуторапроцентное отчисленіе изъ валоваго дохода дороги и тогда половина этой суммы падаетъ на счетъ казны, т. е. говоря проще, правительство заплатитъ за верьбинскій обходъ безъ всякаго участія со стороны главнаго общества, такъ какъ трудно допустить, чтобы сооруженіе это стоило болѣе половины показанной суммы или суммы предварительнаго исчисленія. Для облегченія себѣ возможности относить всѣ подобныя работы на полуторапроцентное отчисленіе, совѣтъ главнаго общества относить на эксплуатационные расходы тѣ работы, для которыхъ, по Высочайше утвержденнымъ условіямъ передачи дороги, дозволено производить полуторапроцентное отчисленіе. Не далѣе, какъ 5-го марта настоящаго года, по докладу техническо-инспекторскаго комитета за № 223, министромъ путей сообщенія утверждено отнесеніе на эксплуатационные сборы 158,250 руб. на замѣну 57 деревянныхъ мостовъ желѣзными, не смотря на то, что эти именно работы должны быть произведены въ счетъ полуторапроцентнаго отчисленія».

Въ Твери товарищъ городского головы, А—й, имѣлъ большой домъ около набережной Волги, въ которомъ помѣщалась прежде гостинница. Когда оставилъ держать аренду лучшей въ городѣ гостинницы г. Миллеръ, то г. А—ій, ужъ давно занимавшійся содержаніемъ гостинницы, снялъ арендуемую Миллеромъ гостинницу, а свою гостинницу задумалъ отдать подъ постой солдатъ. Будучи гласнымъ, да къ тому же и товарищемъ головы, ему удалось легко это устроить и, какъ слышно, взять хорошую сумму за постой солдатъ. Въ контрактѣ, заключенномъ съ думою, онъ выговорилъ то число солдатъ, которое должно помѣщаться въ домѣ, именно одинъ батальонъ. Дума, съ своей стороны, предложила въ контрактѣ такія условія: если же не помѣстится батальонъ солдатъ въ домѣ г. А—аго, то сей послѣдній обязанъ или на свой счетъ сдѣлать пристройки, или же нанимать на свой счетъ помѣщеніе для непомянутыхъ въ его домѣ солдатъ изъ этого батальона. Случилось такъ, что солдаты названнаго батальона не могли всѣ помѣститься

въ этомъ домѣ. Тогда Г. А—й нанялъ домъ и помѣстилъ тамъ солдатъ, но забылъ одно: расходъ производить изъ своего кармана, а производилъ расходъ изъ городскихъ суммъ. Долго сходило это съ рукъ ему, но, наконецъ, все всплыло наружу, и теперь Г. А—й преданъ суду. Любопытно было присутствовать на засѣданіи думы, когда рѣшался вопросъ о томъ, предавать ли суду или не предавать Г. А—аго за такую ничтожную вещь, какъ трата какихъ нибудь небольшихъ тысячъ рублей изъ городскихъ денегъ, когда въ другихъ городахъ растрачиваются такимъ образомъ сотни тысячъ? Особенно не хотѣлось предать суду тѣмъ изъ гласныхъ, которые завѣдываютъ тоже какою нибудь частью и имѣютъ, подобно А—ому, выгоду. Какъ ни защищали Г. А—аго его доброжелатели, но оказалось, что при баллотировкѣ, двѣ трети голосовъ за преданіе суду Г. А—аго и исключеніе изъ гласныхъ думы, а треть за непреданіе суду. («Совр. Изв.»).

Вообще провинція не любитъ строго относиться къ расхищенію общественнаго достоянія. Вотъ, на примѣръ, въ Острогжскѣ, по словамъ «Недѣли» судился иѣкій Л—въ, типъ педриискаго Дерунова. Жѣну онъ тиранилъ, сына сперва билъ съ помощью своихъ наложницъ, а потомъ донесъ на него, какъ на «соціалиста» и добился его ссылки въ Сибирь административнымъ порядкомъ... Въ то же время, онъ обкрадывалъ крестьянъ и казну, и наконецъ, попался подъ судъ... Онъ и сынъ одновременно очутились въ острогѣ; причемъ произошла слѣдующая сцена:

«Сынъ, въ числѣ другихъ арестантовъ, стоитъ на дворѣ; отецъ смотритъ на него изъ окна камеры и, въ видѣ родительскаго «на вѣки перушимаго» благословенія, грозитъ ему кулакомъ. Сынъ въ отвѣтъ показываетъ отцу языкъ. Обмѣнявшись такими прощальными привѣтствіями, они расстаются...» Но всего любопытнѣе былъ судъ надъ Л—вымъ. Адвокатъ его доказывалъ, что на Руси вовсе не считается преступленіемъ обкрадывать казну, и что если иначе разсуждать, такъ самый «безукоризненный человѣкъ попадетъ на скамью подсудимыхъ. Острогжцамъ это очень понравилось, и одинъ изъ нихъ заоралъ тутъ же, на судѣ, обращаясь къ адвокату:

— Вотъ — молодець, такъ молодець! Что за грѣхъ казну воровать!

И, вообще, «привилегированные» острогжцы относились къ Л—ву съ сочувствіемъ...

Однако, довольно. И такъ кажется, вышла «мрачная картина». Въ заключеніе только одна выдѣрка изъ «Современныхъ Извѣстій». Газета эта задалась неблагодарною задачею подвести итогъ «воровскаго прихода» Россіи за послѣднее время; при этомъ, «мелочи» меньше десяти тысячъ рублей, газетою въ расчетъ не принимались. Вышла слѣдующая поучительная табличка:

338,643	р. г.	Мельницкаго.
553,000	»	г. Свиридова.
400,000	»	г. Сафьяно.
12.077,287	»	г. Рыкова.
2.064,000	»	херсонскаго банка.
1.710,000	»	владикавказскаго банка.
1.500,000	»	кронштадтскаго банка.
45,000	»	петербургскаго банка.
18,500	»	г. Бабушкина.
44,000	»	г. Бромирскаго.
6.000,000	»	интендантскихъ подводъ.
225,000	»	хинина.
60,000	»	двинскаго маяка.
25,000	»	г. Айгустова.
42,000	»	г. Яковенко-Яковлева.
47,000	»	г. Уптилова.
40,000	»	симферопольскаго казначейства.
500,000	»	г. Солодовникова.
25,000	»	г. Немировскаго.
30,000	»	бриллиантовъ.
1.000,000	»	г. Матковскаго.
53,000	»	въ Царицынѣ.
150,000	»	г. Новицкаго.

Итого—двадцать семь милліоновъ въ самое короткое время,— «не считая мелочей»...

Да здравствуетъ русскій прогрессъ!..

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ была напечатана приведенная таблица, та же газета рѣшилась свести вмѣстѣ всѣ тѣ случаи воровства, какъ легальнаго, такъ и нелегальнаго, о которыхъ упоминалось въ газетахъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней. Вотъ что получилось у нея:

По счету главнаго казначейства, лишнія приплаты казны прав-

ленію Николаевской желѣзной дороги равняются 23.626,000 р. Затѣмъ, «Рязско-вяземская дорога не только не приноситъ чистаго дохода, но не покрываетъ издержекъ эксплуатаціи, а казна давала ей ссуды на покрытіе дефицитовъ. Акціи этой дороги равняются макулатурѣ; между тѣмъ, покрывая дефициты одною рукою, казна другою—выдаетъ г. Варшавскому подъ залогъ акцій Рязско-вяземской желѣзной дороги 2.000.000 руб. Подъ залогъ такихъ же акцій Ростово-владикавказской желѣзной дороги, дефициты которой также пополняются изъ казенныхъ ссудъ, выдано барону Штейнгейлу 4.792,000 р. «Всѣхъ ссудъ окладныхъ и неокладныхъ за счетъ желѣзнодорожнаго фонда выдано къ 1881 году 156.000,000 р., да по заготовленію желѣзнодорожныхъ принадлежностей и т. п. около 104.000,000 р.». Теперь, какъ удостовѣряютъ «Русскія Вѣдомости», предполагается выдать ссуды Донецкой и Лозово-севастопольской желѣзнымъ дорогамъ, хотя еще прежде обѣимъ дорогамъ давались уже ссуды на тотъ же предметъ: Донецкой 680,000 р., Лозово-севастопольской, на покрытіе же дефицита, 1.372,000 р., на силошную замѣну рельсовъ—100,000 р., на покрытіе срочныхъ платежей—500,000 р., на образованіе оборотнаго капитала 291,000 р., на усиленіе перевозныхъ средствъ 3.517,000 р., а всего 5.680,000 р. Но мы не станемъ теряться во всѣхъ этихъ мелкихъ суммахъ и прямо сложимъ 156.000,000 руб. + 104.000,000 рублей = 260.000,000 р. Что же предъ этими легальными 260.000,000 р. наши прежніе несчастные нелегальные 26.842,420 р., покража конхъ такъ удивила газеты? Вѣдь это только 1/10 желѣзнодорожныхъ субсидій.

«Но не будемъ очень брезгать и мелочами. 22 ноября въ петербургскомъ окружномъ судѣ назначено дѣло о растратѣ въ петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита. Здѣсь, между прочимъ, указывается сокрытіе цѣнностей на сумму 230,000 р., переводъ съ одного счета въ другой 275,000 р., сокрытіе неправильной выдачи 50,000 р., увеличеніе кредита на 19,000 р. безъ предоставленія обезпечивающихъ залоговъ, полученіе бумагъ на 120,000 р. безъ уплаты ссуды, выданой подъ этотъ залогъ, переборъ сверхъ кредита 100,000 р., еще переборъ 17,111 р., пропускъ чеконъ и полученіе въ свою пользу 22,400 р. и т. д. 230,000 + 275,000 + 50,000 + 19,000 + 120,000 + 100,000 + 17,111 + 22,400 руб. = 833,511 руб.

«Затѣмъ напомнимъ тоже мелочь 125,000 р. «казеннаго ущерба», которые на дняхъ постановлено военнымъ судомъ взыскать съ осуж-

денныхъ иптендантскихъ чиновниковъ Ставраки, Григоренко, Сахара и Варшавскаго.

«Мы не знаемъ, сколько похищено въ московскомъ торговомъ банкѣ, въ чемъ обвиняются бухгалтеръ, его помощникъ и кассиръ. Пишутъ, что похищено «на сумму болѣе 300 руб.». Но вѣдь и Рыковъ похитилъ «на сумму болѣе 300 р.». Не положить ли ужъ 301 р.? А то и совсѣмъ не лучше ли опустить? Не знаемъ также, сколько растрчено батарейнымъ командиромъ полковникомъ барономъ де-Ридель; сказано только, что «нѣсколько тысячъ». 8,000 казенныхъ денегъ похищено гвардейскимъ поручикомъ Оранскимъ. Вотъ еще казначеемъ одесской полиціи растрчено около 5,000 р. Но это чистые пустяки въ сравненіи съ подвигами даже простыхъ воровъ. Такъ у кушца Абелевскаго уворовано въ Кіевѣ 12,000 р., у графини Кочубей украдено брилліантовъ на 18,000 р., а у саратовскаго кушца Шахова въ вагонѣ Нижегородской желѣзной дороги стащили 162,000 р. Все это на дняхъ.

«Теперь подведемъ итоги.

26.842,420	р. переносъ прежняго воровства.
260.000,000	» субсидій желѣзн. дор.
833,511	» петерб. взаимн. кред.
125,000	» Ставраки и К ^о .
8,000	» г. Оранскаго.
5,000	» казначея одесской полиціи.
12,000	» у г. Абелевскаго.
18,000	» брилліанты Кочубей.
162,000	» кража у г. Шахова.

Итого: 288.005,931 р.

«А теперь безъ всякихъ поясненій приведемъ таблицу недоимокъ, числящихся, въ настоящее время, на сельскихъ сословіяхъ каждой губерніи ¹⁾).

«Въ московской—444,612 р.; Петербургской—48,186 р.; Новгородской—304,435 р.; Нижегородской—58,495 р.; Оренбургской—410,454 р.; Орловской—340,450 р.; Воронежской—174,965 р.; Волынской—31,235 р.; Кіевской—51,335 р.; Бессарабской—33,047 р.; Могилевской—84,342 р.; Казанской—399,722 р.; Самарской—

¹⁾ Цифры взяты изъ «Русск. Вѣд.».

1.880,574 р.; Саратовской—1.186,284 р.; Смоленской—626,696 р.; Тамбовской—115,725 руб.; Уфимской—327,084 руб.; Рязанской—458,171 р.; Харьковской—276,785 р.; Херсонской—93,394 р.; Черниговской—70,449 руб.; Курляндской—79,492 р.; Лифляндской—111,754 р.; Виленской—118,998 р.; Витебской—176,897 р.; Вятской—393,700 р.; Донской обл.—236,378 руб.; Тобольской губ.—428,365 руб.; Томской—81,607 р.; Калужской—925,917 р.

«Это самая значительная недоимка. По всемъ остальнымъ губерниямъ недоимки числятся отъ 9,000 р. до 20,000 руб. Общая сумма недоимокъ съ сельскихъ сословій по одной только подушной подати составила за одинъ истекшій годъ 10.673,394 р.

«Такимъ образомъ, напр., г. Мельницкй съ своими 338,643 р. «потерялъ» почти все недоимки цѣлой Орловской губ.; г. Сафиано съ своими 400,000 р. «увезъ» все недоимки Казанской губернии; интендантскія подводы, стоившя 6.000,000 р., прокатили три пятыхъ недоимокъ всей Россіи и т. д.

«А общій выводъ? Выводовъ не дѣлаемъ...».

Не будемъ дѣлать выводовъ и мы...

Химикъ въ области соціологіи.

(Объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи. Д. Менделѣва).

Бывшіе во время выставки два промышленныхъ съѣзда, какъ извѣстно, закончили свои занятія требованіемъ покровительства и покровительства нашей крупной промышленности; тотъ-же крикъ раздается и изъ вышепозванной брошюры г. Менделѣва, составляющей его докладъ обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Нѣкоторыя особенности личнаго и общественнаго положенія автора брошюры дѣлаютъ изъ послѣдней довольно характеристическое явленіе въ смыслѣ оцѣнки общихъ условій развитія нашей промышленности. Дѣло въ томъ, что просвѣщенный фабрикантъ и политико-экономъ, обыкновенные члены съѣздовъ, склонны относиться къ положенію русской промышленности съ точки зрѣнія образованнаго ихъ міросозерцаніе западно-европейскаго капитализма; это мѣшаетъ имъ правильно оцѣнить обстановку крупнаго производства въ нашей странѣ, почему въ ихъ представленіяхъ о его будущей судьбѣ не существуетъ гармонической пропорціональности между желательнымъ покровительствомъ промышленности и его возможной свободой: требованіе перваго перѣдко достигаетъ въ ихъ устахъ такихъ размѣровъ, что они совершенно подрываютъ нашу вѣру въ способность промышленности двигаться по пути послѣдней; но въ тоже время и принципъ соперничества—основа свободнаго капиталистическаго производства всецѣло сохраняется ими какъ надежнѣйшій руководитель нашего промышленнаго развитія. Г. Менделѣвъ находится въ иномъ поло-

женіи: онъ химикъ, усердно занимающійся своею наукою, не пѣлющей, какъ извѣстно, ничего общаго съ политической экономіей, и потому хотя, безъ сомнѣнія, онъ знакомъ съ ея законами и теоріями, но не пропитанъ, не ослѣпленъ ими. Это дѣлаетъ его способнымъ отвѣстись къ дѣйствительному состоянію нашей промышленности безъ доктринерскаго пристрастія, такъ сказать, съ точки зрѣнія здраваго смысла. Кромѣ своей спеціальности—абстрактной науки г. Менделѣевъ интересуется еще и повидимому хорошо изучилъ положение нѣкоторыхъ отраслей нашего заводскаго дѣла; а положеніе это таково, что оно никомъ образомъ не можетъ въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя поднять кредитъ капитала, какъ руководителя производства. Заводское дѣло у насъ новое и находящееся на примитивной ступени развитія, и это не только потому, какъ думаетъ г. Менделѣевъ, что будучи основано на химическомъ превращеніи вещества, оно, въ противоположность фабричнымъ (по преимуществу физико-механическимъ) отраслямъ производства требуетъ для своего процвѣтанія извѣстнаго развитія науки, но еще больше потому, что знаніе, лежащее въ основѣ фабричнаго дѣла (физическое и въ частности механическое) организовалось раньше и уже давно придало научный характеръ фабричному производству, тогда какъ химія, наука измѣющая дѣло съ болѣе сложными явленіями, въ своемъ развитіи далеко отстаетъ отъ физики. Какъ бы то ни было, но наблюденія показали г. Менделѣеву, что въ разсматриваемой отрасли промышленности капиталъ дѣйствуетъ ощупью, шатаясь со стороны въ сторону, и что если въ дѣлѣ отысканія истиннаго пути предоставить его самому себѣ, развитіе нашихъ заводскихъ производствъ нужно отложить въ долгій и долгій ящикъ. Причины этого явленія кроются по мнѣнію автора въ томъ, что наше образованіе совершенно не приспособлено къ промышленнымъ дѣламъ, что въ обществѣ отсутствуетъ духъ инициативы, соединенной съ знаніемъ дѣла, что капиталисты наши не имѣютъ капиталовъ, нужныхъ для организаціи производства. Въ виду этого, дабы заводское дѣло подвинулось у насъ впередъ—его должно взять подъ свое покровительство и руководство государство. Роль послѣдняго, по проекту автора, будетъ состоять не только въ томъ, что оно изучитъ естественныя богатства Россіи, станетъ постоянно слѣдить за направлепіемъ нашей промышленности, принимаемому ею подъ руководствомъ капитала и различ-

ными положительными и отрицательными мѣрами будетъ способствовать дальнѣйшему росту явленій, уже зачавшихся по инициативѣ послѣдняго. Итъ, само правительство должно быть инициаторомъ дѣла; его сознательной дѣятельности, а не свободной конкуренціи капиталистовъ предстоитъ задача рѣшить какія производства всего намъ нужнѣе, гдѣ должны быть расположены заводы, какими техническими приемами слѣдуетъ вести то или другое производство, (для чего оно издастъ практическую технологию); наконецъ оно же дастъ и деньги на предпріятія. Какъ видитъ читатель, развитіе заводскаго дѣла въ Россіи, въ противоположность тому, что было на Западѣ, должно идти по плану, заранѣе составленному и опредѣленному во всѣхъ подробностяхъ, руководствуемое не естественной игрой личныхъ интересовъ, общественнымъ выраженіемъ которой является конкуренція—основной принципъ и живая вода капиталистическаго метода роста промышленности,—а совершенно искусственнымъ направлениемъ его къ цѣлямъ, поставленнымъ властью. „Крещенная по призыву своихъ князей, сложившаяся волею и смысломъ своихъ царей, получившая образованіе и административное устройство и сильное войско велѣніемъ императоровъ, освобожденная и направленная къ земской дѣятельности незабвеннымъ мученикомъ, Александромъ II Россія“ и въ промышленномъ своемъ развитіи должна стать подъ тоже знамя. „Воздвигнуть это знамя, сказать нужное слово, можетъ только Царь“. „Посѣвъ научный да взойдетъ въ благоустроенномъ заводскомъ дѣлѣ на пользу народную отъ желаннаго дожда мѣропріятій Александра Александровича!“ такъ закончилъ свою брошюру авторъ.

Если отсутствіе доктрины и отношеніе къ предмету съ точки зрѣнія здраваго смысла помогли автору болѣе или менѣе вѣрно оцѣнить общія условія развитія нашей промышленности, то ихъ оказалось, однако, недостаточно для того, чтобы избѣгнуть многихъ предразсудковъ буржуазной теоріи промышленнаго прогресса отъ сопоставленія которыхъ съ положеніями, вѣрно рисуемыми дѣйствительными отношеніями, существующими въ Россіи, выходитъ какая-то довольно несообразная мѣшанина. Такъ, отводя правительственному вмѣшательству въ экономическую жизнь столь видную роль, г. Менделѣевъ вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что развитіе нашей промышленности въ рамкахъ, опредѣленныхъ государствомъ, будетъ совершаться подъ руководствомъ капитала съ его принципомъ кон-

куррепциі. Правда онъ упоминаетъ и о томъ, что съ распространениемъ въ народъ „хотя нѣкоторой образованности, чисто заводская дѣятельность можетъ войти въ согласованіе съ сельско-хозяйственной дѣятельностью, сосредоточиться въ одномъ и томъ же селѣ и даже подчиниться артельному или общинному порядку, которыми заправляется сельско-хозяйственная и многія другія практическіе роды крестьянской дѣятельности;“ хотя затѣмъ авторъ указываетъ и на довольно вѣское основаніе для такой формы организаціи заводскаго дѣла въ Россіи, именно на существованіе у насъ достаточнаго количества свободныхъ рукъ только зимой, такъ какъ лѣтомъ онѣ обращаются на полевое хозяйство, „такъ что одніи и тѣже силы будутъ лѣтомъ въ дѣлѣ полевомъ готовить хлѣбъ, а зимою могутъ становиться заводчиками“, каковое условіе, прибавимъ отъ себя, не представляетъ выгоднаго обстоятельства для организаціи производства капиталомъ, стремящимся, напротивъ того, къ непрерывности работы фабрикъ и заводовъ, тѣмъ не менѣе авторъ „не будучи утопистомъ“, а „какъ реалистъ“ кончаетъ тѣмъ, что вручаетъ бразды промышленнаго правленія тому же капиталу и его хозяину буржуазіи „тѣмъ болѣе, что только съ развитіемъ производствъ фабричныхъ и заводскихъ создается тотъ прочный средній производительный классъ, безъ развитія котораго невозможно сильное, образованное государство“. Придя въ концѣ концовъ къ тому же идеалу, которымъ руководствовалась и Европа въ своемъ промышленномъ развитіи, авторъ однако не хочетъ мириться съ естественными послѣдствіями проектируемыхъ имъ порядковъ—пролетаріатомъ, и выражаетъ надежду, что правительство извѣстными мѣропріятіями можетъ направить промышленное дѣло „въ общемъ интересѣ государства, капиталистовъ, рабочихъ и потребителей,“ чѣмъ предупредится „язва вражды между интересами знанія, капитала и работы“.

Наставляя на капиталистическомъ производствѣ, движущимся помощью конкуренціи, нельзя обойти вопроса о сбытѣ продуктовъ, ибо для того, чтобы конкуренція проявила свои благотворительныя свойства и привела къ желательнымъ результатамъ улучшенія и удешевленія доставляемаго продукта, рынокъ долженъ быть такихъ размѣровъ, чтобы дать работу десяткамъ и сотнямъ заводовъ одного рода. Можемъ-ли мы разсчитывать на такой сбытъ продуктовъ нашей фабрикаціи? Г. Менделѣевымъ этотъ вопросъ разрѣ-

шается очень ужъ просто: «находясь между настоящимъ западомъ и настоящимъ востокомъ, Россія въ томъ и другомъ найдетъ большіе рынки покупателей своимъ заводскимъ продуктамъ, и вся политика Россіи рано или поздно неизбежно придетъ къ тому направлению, которое опредѣляется этимъ обстоятельствомъ». На западномъ рынкѣ мы можемъ соперничать, потому, что имѣемъ богатныя залежи сырья и дешеваго руда; «на востокъ, который превосходитъ насъ еще и дешевизною труда, и массою земли, поставленной въ условія отличной плодородности, мы можемъ конкурировать въ заводской и фабричной дѣятельности приложениемъ къ нимъ тѣхъ знаній, которыя еще не распространены на востокъ». «Мы можемъ и должны занять по отношенію къ востоку ту самую роль, которую столь долго западная Европа играла по отношенію къ намъ самимъ, вези отъ насъ сырье и возвращая намъ передѣланный товаръ». Пусть будетъ такъ! Но что дѣлать, когда на роль поставщиковъ фабричныхъ продуктовъ для востока претендуемъ не мы одни, а и Европа, и если, наконецъ, самъ востокъ образумится и пожелаетъ избавиться отъ навязанной ему промышленной системы тѣми-же приемами, къ какимъ въ аналогичномъ случаѣ прибѣгаемъ и мы, а именно: оградится отъ нашихъ эксплуататорскихъ поползновеній таможенными тарифами, станетъ изучать науку и технику, приметъ и другія мѣры для развитія собственной фабрично-заводской промышленности? Или, предположите, что европейскіе (въ томъ числѣ можетъ быть и русскіе) капиталисты, вмѣсто того, чтобы везти сырье изъ Азіи и за тѣмъ обращать его назадъ, по уже въ видѣ фабрикатовъ, перенесутъ свою дѣятельность прямо на востокъ, и такимъ образомъ станутъ пользоваться выгодами тамошней богатой природы и дешевизны труда (вѣдь поступали-же они эдакъ съ Россіей). Не придется-ли въ этомъ случаѣ нашей промышленности, построенной на виѣшнемъ сбытѣ, сложить оружіе, а производительнымъ силамъ русской земли до перемены системы пропадать втунѣ? Въ виду подобной, вовсе не невозможной перспективы, намъ кажется болѣе основательнымъ возложить главную надежду на другой рынокъ, открываемый продуктамъ нашей заводской дѣятельности авторомъ. «Надо не забывать, говоритъ онъ, что Россія сама по себѣ, со своими ста милліонами жителей, составляетъ обширѣйшій рынокъ для самостоятельнаго внутренняго потребленія. Дайте крестьянину

заработокъ не только лѣтомъ, дайте ему возможность зарабатывать втеченіи цѣлаго года, и его потребности возрастуть по мѣрѣ его доходовъ, онъ самъ составитъ рынокъ громадной обширности». Сказано не дурно, но сомнѣваюсь, чтобы достигнуть этого было столь же легко, какъ и высказать. Ибо, чтобы дать народу заработокъ (оставаясь на почвѣ капиталистическаго производства) нужно уже имѣть рынокъ для продуктовъ, которые онъ произведетъ, т. е. нужно имѣть или богатое населеніе или большой внѣшній сбытъ. Пока же и то, и другое еще впереди, а потому и заработка народу не получить. Въ виду сказаннаго, намъ кажется, что чуть-ли не легкомыслію автора обязанъ своимъ существованіемъ слѣдующій его выводъ: «вообще намъ кажется, что вопросъ, кому сбывать фабрикатъ, есть вопросъ, такъ сказать, діалектически-праздный, черезчуръ умственичный, а вовсе не реальный, о которомъ я говорю лишь потому, что намъ не разъ приходилось его слышать. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, чтобы то ни было фабриковать хорошо и дешево, да изучите при томъ условія сбыта этихъ товаровъ, постарайтесь обойтись безъ ипострашныхъ комисіонеровъ, привыкшихъ вывозить изъ Россіи одно сырье, во всему этому найдете непосредственный рынокъ, потому что въ томъ и состоятъ условія цивилизаціи, что продукты, въ данной странѣ производимыя, становятся достояніемъ цѣлаго міра». И какъ бы для того, чтобы показать всю тщету высказанной надежды, авторъ приводитъ примѣръ химическаго завода на Камѣ Ушакова, выдѣлывающаго, между прочимъ, хромникъ. Заводъ этотъ «начавшись съ малыхъ размѣровъ, доросъ въ настоящее время до производства десятковъ тысячъ пудовъ въ годъ этой дорогой красильной соли и не только уничтожилъ ввозъ къ намъ хромпика, но и послужилъ къ вывозу этого матеріала за границу». Вотъ намъ и внутренний сбытъ при бѣдномъ населеніи: одинъ заводъ—и рынокъ переполненъ. Вотъ тутъ и орудуи конкуренція.

Упомянувъ еще объ одной интересной особенності проекта г. Менделѣева—о предложеніи его покровительствовать не крупнымъ, а малымъ заводамъ, которые, по его словамъ, сильно распространяются въ послѣднее время и на западѣ, мы въ заключеніе воспользуемся разбираемой брошюрой, дабы спячь съ естествознанія упрекъ въ распространеніи безбожія и т. п. Кажется, что предметъ, трактуемый г. Менделѣевымъ, далекъ отъ богословскихъ спо-

ровъ, и самъ авторъ, будучи естествоиспытателемъ, не расположенъ къ теологическому окрашиванію занимающихъ его вопросовъ реальной будничной жизни; и однако, широко развитый его умъ и всеобъединяющее міросозерцаніе дали ему силу и рѣшимость пре- небречь предрасудками, связанными съ ученой профессіей; и вотъ здѣсь, въ узкой матеріалистической области заводскаго дѣла, ученый профессоръ химіи открываетъ такія начала, которыя для обыкновеннаго ума покажутся не имѣющими ничего общаго съ трактуемыми вопросами. Говоря о характерѣ нашего просвѣщенія, приспособленнаго къ потребностямъ чиновно-административнымъ, авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ произноситъ надъ нимъ приговоръ: «Такой родъ образованности, возбуждая часто лишь тѣ добрыя желанія, которыми усланъ адъ, не позволяетъ развиваться въ насъ искусству, соединяющему въ себѣ покорность всеобщимъ, неизблемымъ божественнымъ законамъ съ полнотою дѣйствительнаго и возможнаго обладанія внѣшними условіями и обстоятельствами, тому искусству, которое, гранича съ вѣрою, двигающею горы, составляетъ истинный плодъ христіанской образованности и единственное условіе самобытности, естественно развитой въ народѣ и проявляющейся въ лучшихъ его представителяхъ. Отъ несоотвѣтствія господствующей формы образованія съ народными потребностями, склонностями и даже историческими преданіями, такъ развита въ нашихъ образованныхъ классахъ подражательность, мало самостоятельности, нѣтъ ни способности охватить тѣ природныя, историческія и вообще внѣ воли находящіяся божественныя условія и законы, которымъ неповиновеніе карается естественными послѣдствіями неразумности».

Прибавимъ еще разъ: въ нашъ вѣкъ господства лжи и продажности отрадно встрѣтить человѣка, искренняго, непобояшагося открыто выступить противъ общераспространеннаго и весьма естественнаго убѣжденія, человѣка правдиваго — ибо г. Менделѣевъ могъ и не оповѣщать читателей о совершившейся въ его міросозерцаніи метаморфозѣ. Стапемъ же надѣяться, что за такой подвигъ онъ получитъ должное не только въ будущей жизни, но и въ настоящей.

— ОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Что такое поземельная община? Выводы изъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины». С. Капустина. Спб. 1882 г.

Было время,—и еще не такъ давно оно было,—когда на Руси были серьезные и умные люди, глубоко вѣровавшіе въ то, что община, артель и тому подобныя институты являются специфически присущими одному только славянскому племени, и что ни у какого другаго племени подобныхъ учрежденій нѣтъ и никогда не было. Сравнительное изученіе быта разныхъ народовъ показало, однако, что не только большая часть народовъ, если не все—обладали въ прошломъ институтами, аналогичными нашимъ общиннымъ учрежденіямъ, но у многихъ народовъ такія учрежденія существуютъ и теперь. Такъ во Франціи, въ Оверни, оказались сельскія поземельныя общины даже съ общиннымъ веденіемъ хозяйства; въ Бретани, по сообщенію одного агронома, сдѣланномъ имъ въ прошломъ году Парижскому сельско-хозяйственному обществу, деревенскія общины удивительно похожи на наши; въ Пиринеяхъ нынѣшнимъ лѣтомъ профессоромъ Лучицкимъ открыта сельская поземельная община съ передѣлами; и т. д. Что касается артелей, то онѣ очень часто встрѣчаются, даже въ своей высшей формѣ—въ формѣ артельнаго земледѣльческаго труда: у негровъ, напр. берега Конго, у папуасовъ и т. п. Мало того, община и артель—и при-

томъ въ очень развитыхъ формахъ—оказались даже въ зоологическомъ мѣрѣ. Въ книгѣ Эспинаса «Соціальная жизнь животныхъ» собрано безчисленное множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о сильномъ развитіи стремленія къ общности среди животныхъ. Факты эти болѣе или менѣе общезвѣстны, но на нихъ какъ-то доселѣ обращалось очень мало вниманія. Кому неизвѣстно, напр., что волки охотятся преимущественно артелями и, что при этомъ ими практикуется даже раздѣленіе труда? Кто не знаетъ также «городковъ» бобровыхъ, такъ напоминающихъ наши деревни? У бобровъ избы принадлежатъ отдѣльнымъ семьямъ, а плотина общая: какъ постройка ея, такъ и ремонтъ производится общимъ трудомъ, и т. д.

Многимъ этотъ сравнительный методъ, подрывающій въ корень теорію о специфической принадлежности славянскому племени общинныхъ учреждений, очень не нравится. Имъ кажется, почему-то, что достоинство нашихъ общинныхъ учреждений умалится, разъ будетъ доказано, что славянская община не есть какое-либо исключительное явленіе, а имѣетъ себѣ сестеръ по всему земному шару. Удивительное заблужденіе. Какъ будто сравнительная анатомія, доказавшая, что устройство человѣческаго тѣла мало чѣмъ отличается отъ устройства тѣлъ животныхъ, умалила достоинство организма челоѣка! какъ будто мы, послѣ открытій сравнительной анатоміи, меньше дорожимъ нашимъ тѣломъ, меньше заботимся о немъ! Знаніе другихъ общинныхъ формъ только уясняетъ намъ русскую общину, открываетъ новыя стороны ея, доселѣ намъ неизвѣстныя, и, такимъ образомъ, заставляетъ еще болѣе дорожить этимъ институтомъ. Цѣнность нашей общины опредѣляется не тѣмъ, что она—явленіе исключительное, не бывавшее,—а ея собственными, внутренними; это—цѣнность безотносительная. Если у меня есть какой-нибудь аппаратъ, пригодный для извѣстныхъ манипуляцій, цѣнность его для меня не уменьшится, если я узнаю, что подобный же аппаратъ есть и у моего сосѣда или былъ еще во времена Цезаря. Мало того, знакомство съ аппаратами, подобными тому, которымъ владѣю я, можетъ привести меня на мысли объ улучшеніи тѣхъ или другихъ сторонъ моего аппарата. Также точно, цѣнность нашей общины нисколько не уменьшается отъ того, что нѣчто подобное существовало въ средневѣковой Англій, или существуетъ въ настоящее время въ Бретани. Разъ наша община намъ не полезна, ея достоинство опредѣлится именно приносящую ей пользу, и

польза эта не будет меньше отъ того, что такую же пользу приносила очень давно англійская община. Мало того, изученіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ погибло большинство древнихъ общинъ, и погибають сохранившееся доселѣ, можетъ только указать намъ на тѣ мѣры, которыя нужно принять для сохраненія нашей общины, если только она того заслуживаетъ.

А наша сельская община заслуживаетъ того, чтобы для сохраненія ея были употреблены всѣ усилія государства и всей мыслящей интеллигенціи. Въ маленькой брошюркѣ (всего въ 20 стр.), г. Капустинъ, заявившій себя нѣсколько прекрасными работами о многихъ сторонахъ народнаго быта, преимущественно объ общинѣ, основываясь на данныхъ изданнаго въ прошломъ году «Сборника матеріаловъ объ общинѣ», рисуетъ намъ картину состоянія чистой, не затронутой городскими вѣяніями и кулацкимъ элементомъ, сельской земельной общины. Само собою разумѣется, что картина эта набросана только въ самомъ общемъ видѣ и за подробностями г. Капустинъ отсылаетъ читателя къ другимъ своимъ работамъ. Тѣмъ не менѣе, читатель выноситъ довольно полное представленіе объ основахъ господствующаго въ нашихъ деревняхъ строя.

Г. Капустинъ прежде всего вооружается противъ представленія объ нашей общинѣ, какъ объ союзѣ крестьянъ, соединенныхъ исключительно земельными интересами. Эпитетъ «поземельная» совершенно неосновательно приложенъ къ нашей общинѣ, такъ какъ «общинные порядки касаются не однихъ только земельныхъ отношеній», но «всего, что есть въ мысляхъ и дѣйствіяхъ сельскаго люда». Община охватываетъ рѣшительно всѣ явленія деревенской жизни, — личныя, семейныя, общественныя, матеріальныя, умственныя, нравственныя и т. д. И притомъ главнымъ, основнымъ началомъ, регулирующимъ общинные порядки, охватывающіе всю деревенскую жизнь, является трудовое начало, начало личнаго труда. «Нѣтъ такого дѣйствія въ крестьянской жизни, въ ея самоуправленіи, въ бытѣ каждой семьи, наконецъ, въ жизни каждой отдѣльной личности, въ ея притязаніи на какое либо право, — гдѣ бы это начало не явилось въ смыслѣ управляющаго начала». Но это представленіе на первый планъ трудового начала не ведетъ къ развитію индивидуализма и эгонизма, такъ какъ «посредствомъ труда осуществляется присущая народу идея не личнаго, а общаго блага, идея связующая общину».

Эти положенія очень обстоятельно развиты въ брошюрѣ г. Капустина, не смотря на ея краткость.

А. Титовъ. Воржская волость. Историческій и статистическій очеркъ. Ярославль 1881.

Исторія и статистика деревни представляетъ совершенно еще не початую область знанія. Все что извѣстно по этой части можно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ земскихъ работъ по статистикѣ, смѣло отнести къ числу продуктовъ фантазій. Огульныя цифры по цѣлымъ губерніямъ, выведенныя на основаніи трехъ наблюденій, какъ-бы ни были опѣ остроумно скомпанованы, очевидно, не имѣютъ ничего общаго съ достовѣрнымъ статистическимъ матеріаломъ. Статистика болѣе чѣмъ какая другая либо наука принуждена слѣдовать строго индуктивному методу. Дворъ, деревня, волость и затѣмъ болѣе крупныя единицы — вотъ порядокъ, въ какомъ необходимо вести изслѣдованія, чтобы добиться сколько нибудь цѣнныхъ результатовъ. Но кромѣ правильнаго метода необходима еще программа, необходимо ясное пониманіе задачъ изслѣдованій. Брошюра г. Титова представляетъ печальный примѣръ безплодной потери труда именно вслѣдствіе отсутствія у ея составителя элементарныхъ понятій о требовавіяхъ исторіи и статистики. Историческая часть сводится къ повѣствованію о времени постройки церкви, учрежденія крестныхъ ходовъ и совершенно неинтереснымъ археологическимъ замѣткамъ о церковной утвари, названіяхъ урочищъ и т. п. Вотъ исторія села Воржи: «это довольно значительное село принадлежало графу Панину. Церковь Покрова пресв. Богородицы выстроена въ 1789 г. тѣченіемъ прихожанъ; она пятиглавая. Ранѣе этого церковь была деревянная, построенная, какъ говорятъ преданіе, митрополитомъ ростовскимъ Филаретомъ въ память избавленія села отъ нашествія поляковъ въ 1609 году; когда она разрушена, свѣдѣній нѣтъ. Между храмовыми иконами заслуживаетъ вниманія мѣстно-чтимая икона испанской Божіей Матери. Письмо и размѣръ ея свидѣлствуютъ о ея древности — но къ какому именно времени относится ея появленіе — неизвѣстно. Есть, однако, преданіе, что эта икона, вмѣстѣ съ четырьмя другими перенесена въ Воржу изъ церкви села Семеновскаго», но есть и другое преданіе, что ее перенесли изъ бывшей воржской деревянной церкви.

И въ этомъ родѣ повѣствуется исторія каждой деревни. Ни о колонизаціи мѣстности, ни объ участіи населенія въ исторіи края, хотя бы по лѣтописямъ, ни объ экономическихъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, ни о переѣздахъ въ общественномъ быту крестьянъ, мы не узнаемъ изъ брошюры ничего. Не лучше и статистика «Александрино, деревня при колодцахъ, въ 10 верстахъ отъ Ростова; 33 двора; 101 ревизская душа; 100 надѣловъ», даже не сказано какъ велики и каковы по качеству эти надѣлы. «Климатино, село, расположенное на возвышенности, въ 18 верстахъ отъ Ростова; 41 дворъ; 145 ревизскихъ душъ; 144 надѣла; бывшее помѣщичье.—Крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, нѣкоторые же имѣютъ пачочиня и картофельныя заведенія». Для какой цѣли могутъ быть пригодны подобныя описанія? Изслѣдованіе одной деревни, если бы авторъ, напримѣръ, собралъ свѣдѣнія о рабочемъ составѣ дворовъ и о ихъ зажиточности, о количествѣ и качествѣ надѣловъ и лежащихъ на нихъ повинностяхъ, о формѣ землевладенія, объ отхожихъ и мѣстныхъ заработкахъ, о количествѣ скота и т. подобныхъ сторонахъ крестьянскаго быта, такое изслѣдованіе одной только деревни было бы полезнѣе для земской практики и науки, чѣмъ эта, выразившаяся рѣзко, болтовня, записанная при томъ же безъ провѣрки изъ «сообщеній мѣстныхъ священниковъ, полицейскихъ чиновниковъ, сельскихъ учителей и частныхъ лицъ». Авторъ обѣщаетъ, въ этомъ же родѣ описать весь ростовскій уѣздъ и самый городъ Ростовъ. Лучше, если бы онъ не описывалъ. По крайней мѣрѣ, земство сберегло бы нѣсколько десятковъ рублей, которые пойдутъ на напечатаніе трудовъ г. Титова.

Люди труда и сильной воли. (Изданіе редакціи журнала «Родникъ».)—Вып. I: «И. П. Кулибинъ — русскій механикъ-самоучка», Е. Н. Александровой. 1882 г. С.-Петербургъ. Ц. 15 коп.—Вып. II: «Жизнь Джемса Гарфильда», Е. А. Сисоевой. С.-Петербургъ 1883 г. Ц. 1 р. 30 к.

Московское общество распространенія полезныхъ книгъ съ похвальнымъ стараніемъ издаетъ житія святыхъ. Редакція петербургскаго дѣтскаго журнала «Родникъ» съ тѣмъ-же похвальнымъ стараніемъ предприняло изданіе біографическихъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Люди труда и сильной воли». Какъ у перваго,

такъ и у второй цѣль, конечно, одна и таже—давать юнымъ читателямъ примѣры высокой нравственности и идеальнаго образа жизни на земномъ шарѣ. Разница только въ выборѣ тѣхъ личностей, жизнеописанія которыхъ даются для чтенія дѣтямъ и въ способѣ ихъ передачи читателямъ. Житіе святого немислимо безъ мистическаго характера, вреднаго для юнаго воображенія; напротивъ, такія жизнеописанія, какъ біографіи Кулибина, Гарфильда, Колумба и т. п. историческихъ личностей, помимо заключающагося въ нихъ назидательнаго примѣра, полезны юному читателю уже тѣмъ, что они, взятая изъ области исторіи, реальны и доступны воображенію и пониманію ребенка. Кроме этой, главной, причины, насъ заставляютъ обратить вниманіе на изданіе редакціи журнала «Родникъ» и его собственныя качества: это—литературное изложеніе, такъ рѣдко встрѣчающееся въ дѣтскихъ книгахъ.

Вѣлинскій въ наше время.

(Замѣтка о Вѣлинскомъ).

По поводу одной брошюрки о немъ.

(«Просвѣдительныя идеи Вѣлинскаго», Туркина. Москва. 1862 г.).

Напоминаніе о Вѣлинскомъ никогда не можетъ быть лишнимъ. Всякая новая книга или брошюра, разумно знакомящая общество съ его благороднѣйшимъ дѣятелемъ, всегда доставитъ полезный вкладъ въ литературу. Гдѣ нибудь въ Германіи твореніями Лессинга, Гёте, Шиллера, ихъ портретами и бюстами украшаютъ всѣ общественныя учрежденія, школы и университеты, устраиваютъ литературныя общества для изученія ихъ. У насъ же Вѣлинскій, эта великая гордость Россіи—почти не признанный дѣятель. Даже въ наши дни не хотятъ признать за нимъ такъ честно заслуженныхъ имъ правъ гражданства, а его творенія старательно скрываютъ отъ глазъ учащагося юношества. А право, этотъ величавый образъ честнѣйшаго русскаго человѣка помялъ бы на воспитаніе юношей благодѣяніемъ всякихъ «системъ».

Но еще хуже такого забвенія Вѣлинскаго напоминаніе о немъ людей, чуждыхъ его ученію и идеаламъ. Возмутительно нечестное отношеніе къ оставленному имъ великому наслѣдству. Недавно нѣкто г. Туркинъ выпустилъ въ Москвѣ брошюрку, представляющую огромное литературно-общественное дѣло Вѣлинскаго въ крайне скудной и жалкой компиляціи. Г. Туркинъ съ настоющею

московскою безцеремонностью спекулируетъ достояніемъ Бѣлинскаго. Безъ всякой системы и разработки, смѣшавъ въ одно различные періоды дѣятельности Бѣлинскаго, вырвавъ на угадъ клочки изъ его книгъ, г. Туркинъ всю эту недобросовѣстную страпню выпускаетъ въ свѣтъ подъ громкимъ заглавіемъ «Просвѣтительныя идеи Бѣлинскаго». Что г. Туркинъ не имѣлъ нравственнаго права такъ уродовать Бѣлинскаго, объ этомъ и говорить нечего. Но имѣлъ ли онъ даже литературное право на подобную спекуляцію?

Въ наше время, впрочемъ, когда процвѣтаютъ всякія «Помои», торжествуютъ разныя Катковы и Суворины,—не диво профанация печатнаго слова, которое на такую высоту и съ такими страшными усиліями поднялъ Бѣлинскій. Брошюра г. Туркина столь обычное явленіе въ современной литературѣ и такъ ничтожна и незначительна сама по себѣ, что на нее, въ справедливости, не слѣдовало бы обращать вниманія. Но однако эта жалкая компиляция можетъ ввести въ ошибку много читателя относительно настоящаго значенія Бѣлинскаго, представляя его великое дѣло въ самомъ микроскопическомъ и извращенномъ видѣ. Съ другой стороны въ наше время, когда вырабатываются строй, духъ и основа демократическаго міровоззрѣнія, когда мы старательно и заботливо отыскиваемъ годный матеріалъ для этой постройки — и въ настоящемъ и прошедшемъ, — именно это наше время требуетъ самаго серьезнаго отношенія къ Бѣлинскому. Онъ, можетъ быть, и есть самый лучшій и цѣнный матеріалъ, изъ нашего скуднаго историческаго наслѣдства. Въ немъ мы видимъ не только главный центръ освободительнаго соціального движенія, начавшагося въ 40-хъ годахъ, но и безсмертное наслѣдство, въ которомъ много скрывается и для насъ не тронутаго богатства. Вотъ на это именно, столь важное для нашего поколѣнія, мы и думаемъ обратить здѣсь вниманіе.

Бѣлинскому наше общество и литература обязаны лучшимъ своимъ развитіемъ и воспитаніемъ. Жаждающая правды, страстная и энергическая — его литературная дѣятельность была настоящимъ свѣточемъ и разсадникомъ идей среди нашего общества. Высокогуманная воззрѣнія Бѣлинскаго па человеческое достоинство, фанатическое обоготвореніе имъ истины, преклоненіе передъ разумомъ и свободою, подвигъ самоотверженія, вѣра въ будущее русскаго народа и идеалы всего человѣчества — вотъ безсмертное богатство, оставленное Бѣлинскимъ и еще мало початое и разрабо-

тавное наследниками его. Огромны и литературныя заслуги Бѣлинскаго. Художественная критика, по справедливости, считаетъ его своимъ творцемъ. На этомъ полѣ не было ему равнаго и вѣроятно долго еще придется поджидать. Развивающійся въ наше трудное время демократическій духъ не могъ еще развернуться въ своей силѣ и полнотѣ и не наступила пора его творчества. А вѣтъ великихъ художественныхъ произведеній, вѣтъ и великаго критика. Другими словами — вѣтъ еще, не накопилось и не назрѣло тѣхъ элементовъ въ общественной средѣ, которые создаютъ и великаго художника и великаго критика. Вѣтъ, не сказалось ясно того живаго идеала, который охватилъ бы собою смутныя соціально-нравственныя и народническія движенія нашего времени, выразилъ бы высшій смыслъ современной жизни. Намъ хорошо вѣдомы только отрицательныя движенія и задачи, предъ нашимъ взоромъ рельефно выступаютъ только печальныя виды заустѣнія и развалинъ разлагающагося культурнаго міра...

Сорокъ лѣтъ назадъ, когда раздавался могучій голосъ Бѣлинскаго, эти печальныя виды были еще печальнѣе. Но тогда было иное время, другіе люди, другими глазами смотрѣвшіе на окружающее. Въ ту пору рабство было въ полномъ разцвѣтѣ. Образованные классы русскаго общества возвысились только до эстетическаго идеала. Міровоззрѣніе лучшаго интеллигентнаго барина наполнено было всякими предрасудками и неправдами. Роскошная колыбель рабства вскормила въ немъ необыкновенно чуткій эгоизмъ и широкія потребности праздной и досужей жизни. Это рабство вѣжило и холило своими ласками «баловня судьбы». Оно напѣвало ему цѣлыя столѣтія разныя убаюкивающія пѣсенки, содержаніемъ которыхъ были разныя доблести дворянскаго рода, дворянской крови и т. п. Оно наградило этого «баловня судьбы» обширными землями, лѣсами и всѣми обитающими ихъ тварями земными, не исключая и человѣка, пасынка этой слѣпой и глухой судьбы, мужика. Изъ всего этого воспитался и выросъ русскій крѣпостникъ, высокоумный, съ сильно развитымъ сознаніемъ своего благороднаго, чуть не божественнаго, происхожденія, съ головою, полною всякихъ сословныхъ бредней. Но сердце этого крѣпостника было еще забавнѣе. Рабство, освободивъ его отъ всякаго труда и тяжелыхъ житейскихъ заботъ, оставило ему на долю безграничное, ничѣмъ не сдерживаемое наслажденіе. Оно пронесло его по всѣмъ мытарствамъ эпикуреизма, начиная со всякихъ потѣхъ съ своими безотвѣтными холопами, закру-

тило дальше въ вихрѣ упоеній славой, честолюбіемъ, разными рыцарскими подвигами и въ концѣ концовъ подняло на высоту идеальнаго эстетико-романтическаго наслажденія. Впрочемъ, и въ этой послѣдней стадіи эстетическаго развитія, широкое барское сердце свободно вмѣщало въ себѣ всѣ роды наслажденія,—надоѣдало одно, оно бросалось на другое до пресыщенія и разочарованія. Но возвышенныя эстетическія наслажденія, съ легкой руки талантливыхъ художниковъ поэтовъ, нашли себѣ широкій пріютъ въ этомъ сердцѣ. возвысили и облагородили его, очистили и возвысили даже эгоизмъ. Жизнь пошла разнообразнѣе, полнѣе и человѣчнѣе. Въ ней сказались лучшія вліянія европейской цивилизаціи, разнообразныя элементы классическаго и неклассическаго міра, поэзія греческая и римская, Шиллеры и Гёте, даже философія нѣмцевъ и отчасти французовъ. Извѣстно, что папъ просвѣщенный баринъ, въ ногнѣ за наслажденіями, бросался во всѣ четыре стороны. Не находя ихъ въ варварской мужицкой землѣ, онъ отиралялся на поиски въ разныя заморскія страны. Оттуда вмѣстѣ со всякими диковинками, модою и роскошью, онъ привезъ и то «молодое чадо европейской цивилизаціи», которое ему показалось очень забавнымъ и интереснымъ, доставило ему не мало всякихъ развлеченій, но потомъ не мало и разогорчило его...

Самымъ блестящимъ періодомъ жизни этого «чада европейской цивилизаціи» у насъ, въ эпоху крѣпостнаго строя, былъ періодъ художественнаго культа чистому искусству. Въ эстетическомъ храмѣ красоты поклонялись сначала языческимъ богамъ, разнымъ Юпитерамъ, Аполлонамъ и Амурамъ. Но является Пушкинъ и опрокидываетъ классическую рутину, изгоняетъ старыхъ боговъ изъ эстетическаго храма. Геніальный чародѣй-поэтъ создаетъ новый волшебный міръ, сотканный изъ русской фантазіи, изъ барскихъ первовъ и крови. Въ этомъ мірѣ, въ возвышенно-эстетическомъ и облагороженномъ чувствѣ, отражается въ первый разъ живая русская жизнь и природа, отражается нѣжно, въ лучезарномъ свѣтѣ въ гармоническихкихъ звукахъ и краскахъ. Художникъ-поэтъ, по мѣткому замѣчанію Гоголя, «окурилъ упонительнымъ куревомъ людскія очи; чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ «прекраснаго человѣка». Въ его поэзіи дѣйствительно сказались этотъ «прекрасный человѣкъ», воплотились тѣ элементы «высокаго и прекраснаго», которые накопились въ продолжительной досуговой жизни барства. Въ ней отразилась высота міровоззрѣнія

этого барства, его понятія на жизнь, на общество, на человѣческое достоинство и женщину. Она выразила собою высшій, хотя и не высокій, смыслъ жизни того времени. сказало то знаменитое «последнее слово», отысканіе котораго составляетъ проклятый вопросъ нашего времени. Но, какъ видно, это последнее слово складывается долго и съ великимъ трудомъ. Потребовалось работы не одного поколѣнія, чтобы явился Пушкинъ сказать это слово и воплотить въ художественныхъ живыхъ образахъ то эстетико-романтическое настроеніе, въ которомъ трепетала привелигированная душа...

Бѣлинскій, плебей, ослѣпленъ былъ этимъ эстетическимъ богатствомъ. Да и кто въ немъ тогда могъ сомнѣваться. Лучшія силы на созданіе его положили все свое творчество. Дѣйствительность того времени выше и роскошнѣе ничего еще не давала. Съ своей поражающей воспримчивостью и глубокимъ стремленіемъ ко всему прекрасному и высокому, Бѣлинскій всѣмъ своимъ существомъ проникается эстетическимъ идеаломъ. Почитаніе художественной красоты доходить въ немъ до религіознаго чувства, возводится въ культъ. Но кромѣ необыкновенной способности чувствовать и наслаждаться красотой, въ Бѣлинскомъ жило болѣе глубокое и возвышенное соціально-правственное чувство, его жгучая любовь къ темной толпѣ. Это дѣлаетъ его живымъ посредникомъ между жрецами чистаго искусства и толпою, онъ, какъ истинный народный трибунъ, передаетъ своей любимицѣ толпѣ все лучшее, что тайлось въ этомъ, до него недоступномъ, храмѣ искусства и что было достояніемъ только немногихъ избранныхъ. «Наука и искусство, провозглашаетъ онъ, должны быть сведены съ ихъ высокаго, недоступнаго для толпы пьедестала, и, черезъ это, приближены къ понятію массъ».

Прововѣдникъ и популяризаторъ искусства по своему художественному таланту стоитъ почти на уровнѣ съ самими оригиналами и положительно возвышается надъ ними, когда говоритъ въ немъ разумъ и правственное чувство. Этою стороною своей личности Бѣлинскій былъ настоящій русскій Прометей. Онъ любилъ толпу страстно, потому что былъ плотъ отъ плоти ея. Она, эта толпа, наградила его полнотою, жизненностью и энергіею силъ, она дала ему тѣ беспокойные инстинкты правды, которые жгли его до послѣдняго дыханія. Духъ его поднялся изъ этой толпы, изъ тѣхъ темныхъ и глубокихъ нѣдръ, гдѣ незримо работаютъ могучія народныя силы, выбрасывая на свѣтъ Божій «сильныхъ и любящихъ

душой». Къ сожалѣнію, мало избранныхъ этой толпы, при гнетущихъ условіяхъ ея темной жизни, поднималось до высшихъ словъ культурнаго общества, какъ Бѣлинскій, или Ломоносовъ или Добролюбовъ. Но и у этихъ немногихъ такъ громокъ былъ голосъ правды, такъ силенъ «говоръ народной души», что всѣ невольно прислушивались и охватывались ихъ вліяніемъ...

Съ тѣмъ же талантливимъ увлеченіемъ, съ какимъ Бѣлинскій раскрывалъ толпѣ истину искусства, онъ старался внушить ей и философское міросозерцаніе. Онъ взялъ послѣднее слово Германской философіи-метафизическую философію Гегеля и Шеллинга. Французская философія не могла тогда приняться на русской почвѣ, слишкомъ она противорѣчила укоренившемуся у насъ міровоззрѣнію, всему строю русской жизни и даже тѣмъ же художественно-эстетическимъ идеаламъ. Напротивъ, философія Гегеля и Шеллинга еще выше возносила храмъ искусства, въ которомъ священнодѣйствовала Бѣлинскій. Она помогаетъ нашему критику окружить еще большимъ блескомъ идеалы чистаго искусства, она проникаетъ всю его эстетическую критику и многое освѣщаетъ въ ней. Но за то во многомъ другомъ эта философія затемнила ясный умъ Бѣлинскаго и завела его въ настоящія болота и дебри метафизики. Онъ признаетъ воиющее ложью апіористическое положеніе философіи Гегеля, построенное имъ по всѣмъ правиламъ логики: «все то разумно, что существуетъ». Это была гениальная ошибка нашего честнаго и страстнаго мыслителя, который ставилъ истину выше всего, но запутался и заблудился въ метафизическихъ туманахъ и призракъ принялъ за истину.

Въ это время другой великій другъ его Герценъ, который стоялъ одиноко и неизмѣримо выше своего времени по теоретическому міровоззрѣнію, который взялъ и широко развилъ послѣднее слово европейской цивилизаціи, напрасно этотъ другъ старался спасти Бѣлинскаго отъ заблужденія. Но то, чего не могли сдѣлать успія талантливаго друга, то сдѣлала сама жизнь.

Пушкинъ не всегда «окуривалъ упоительнымъ куревомъ людскія очи», не всегда его муза была игрива и весела, и въ одну изъ тяжелыхъ минутъ сдѣлала признаніе, что «всей семьей, отъ ямщика до перваго поэта, мы всѣ поемъ уныло»... Муза же Лермонтова зачастую капризничала и злилась. Въ гармоническомъ храмѣ красоты слышались порою рѣзкіе диссонансы, но тутъ же за какой нибудь гениальной «думой» о поколѣніи сдѣлала

опять романтическія грезы. Общее эстетическое настроеніе омрачалось маленькою тучкой, а тамъ и оныть ничего, все позабыто. Жизнь летитъ проторенною колесою въ храмъ искусства; всѣ спѣшатъ воспользоваться цвѣтами жизни, восторгаются сладкими звуками, утомляются отъ излишества наслажденія, грустятъ, какъ дѣти, порою предаваясь даже острому разочарованію. Даже молодныя силы въ этой жизни быстро старали и увядали, становились Овѣгинными или Печоринными, бауризиными, издорными, впечатлительными, съ болѣзненными потребностями аффекта, съ тучною апатіей, съ дворянскою хандрой. Подъ старость же нашъ баринъ обыкновенно удалялся съ «многошумнаго свѣта» въ свое «дворянское гнѣздо», раскаявался тамъ въ своихъ молодыхъ грѣхахъ, въ поклоненіи разнымъ языческимъ и современнымъ кумирамъ красоты, обращался снова къ строгому христіанскому Богу, строилъ съ своими холопами грандіозные храмы, нѣлъ на крылосѣ обѣдни и утрени и умиралъ великимъ ханжей. На что ужъ Гоголь, и тотъ окончилъ ханжествомъ. Но нерѣдко также этотъ баринъ, распаленный эстетическими вождѣльнїями и порывами, въ томъ-же «дворянскомъ гнѣздѣ» погружался въ безумныя оргїи и стономъ стонали тогда мужики. Въ общемъ барское равновѣсіе находило себя подъ дуломъ револьвера въ рыцарской дуэли, или осаживался въ тины всевозможныхъ Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Ноздревыхъ и т. п. Вотъ эту горькую правду дѣйствительности выпало на долю сказать другому даровитому художнику того времени, Гоголю, который послѣ самъ испугался своей безотчетливой откровенности развѣщавшей высокоомѣрнаго урода крѣпостника...

Въ эстетическомъ храмѣ въ первый разъ раздается ужасный «невидимый міру смѣхъ сквозь слезы», который скоро же у другихъ художниковъ перешелъ въ отчаяніе, вызвалъ стоны, вопли и проклятїя. Реальная истина заговорила совсѣмъ не тѣмъ языкомъ, какимъ лепетала эстетическая. Это было первое суровое дыханіе дѣйствительности, отъ котораго неминуемо должно было произойти пробужденіе отъ романтическаго сна, и свѣтлыя видѣнія и призраки чистаго искусства исчезнуть, подобно сновидѣніямъ. Силою своей могучей реальной мысли художникъ—юмористъ разбиваетъ золотыя цѣпи «вѣчныхъ законовъ» искусства, выбиваетъ мысль изъ его круга и метафизики, вводя ее въ новый реальный міръ, открывая ей взору широкое и невеселое поле дѣйствительности. Происходитъ настоящая революція въ области искусства. На Гоголя ожесточенно

набрасываются разныя Маниловы печати, представлявшіе собою общественное мяѣіе безчисленныхъ Маниловыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, какъ саранча покрывавшихъ тогда всю русскую землю. Но самый могущественный защитникъ и проповѣдникъ чистаго искусства, Бѣлинскій, быстро воспринимаетъ новую истину, горячо становится на сторону новаго направленія, и даетъ ему окончательное торжество и побѣду, какъ это онъ раньше далъ художественной поэзіи Пушкина въ борьбѣ ея съ рутинной классическаго искусства. Съ тѣмъ же восторгомъ онъ встрѣчаетъ произведенія натуральной школы, съ какимъ онъ раньше встрѣчалъ каждый звукъ Пушкинской музы. Съ тѣмъ же талантомъ онъ объясняетъ толпѣ новое «реальное слово». Всѣ даровитые художники новаго направленія подвинуты имъ и объяснены той же толпѣ съ тѣмъ же пыломъ и увлеченіемъ, съ какимъ онъ повѣдывалъ ей раньше идеалы чистаго искусства и поднебесную философію Гегеля.

Въ это время метафизическая завѣса упала съ глазъ нашего критика и раньше признанное имъ положеніе, что «все то разумно, что существуетъ» казалось ему уже горькой, возмутительной насмѣлкой надъ человѣкомъ. Извѣстно, что съ этого момента до основанія измѣняется все міровоззрѣніе Бѣлинскаго.

Натуральная школа, нанеся роковой ударъ эстетической иллюзіи, зараждаетъ новыя гуманитарныя движенія,—до боли щемящее чувство любви къ униженнымъ и обиженнымъ, ненависть къ произволу, насилію и господству темныхъ силъ, стремленіе измѣнить возмутительную крѣпостническую дѣйствительность. До эстетическихъ ли тутъ тонкихъ и высокихъ наслажденій. Гражданскій элементъ становится преобладающимъ въ сознаніи лучшихъ людей и даетъ основаніе новому строю гражданина, полагаетъ въ общественномъ идеалѣ главный смыслъ личной жизни и дѣятельности. Этому идеалу Бѣлинскій отдается всецѣло, съ тою же полнотою и пламенною любовью, съ какою онъ раньше поклонялся старымъ своимъ богамъ. Его мысль стоитъ уже на стражѣ этого новаго идеала. Съ какимъ глубокимъ протестомъ онъ обрушивается на того же Гоголя, въ письмѣ къ нему за его отступничество на сторону темныхъ началъ русской жизни отъ социальнаго идеала, за рожденію котораго этотъ художникъ оказалъ таковую великую, хотя и невольную услугу. Но этотъ новый свободный духъ въ Бѣлинскомъ заговорилъ въ концѣ его жизни и для него стали уже тѣсны

предѣлы печати, ограниченное поле которой и прежде едва вмѣщало въ себя его смѣлую, энергическую критику.

При бѣгломъ взглядѣ на эпоху Бѣлинскаго, поражаешься глубокимъ и обширнымъ интеллектуальнымъ движеніемъ, которое охватываетъ лучшую часть образованнаго общества и тѣми могучими импульсами, какіе дастъ Бѣлинскій этому движенію, возбуждая и направляя его. Это великая эпоха въ русской исторіи. Съ ней начинается новый періодъ соціальной жизни русскаго общества. Оттуда идетъ отрицательное отношеніе къ тому наслѣдству, надъ которымъ раздался злобный, полный горечи и ироніи, смѣхъ Лермонтова и особенно Гоголя. Тамъ начало возрожденія общества и возникновенія новаго общественнаго идеала. Оттуда же идетъ движеніе къ народу, которое и теперь еще не окончено. Длинный и тяжелый путь, полный ошибокъ и мучительныхъ разочарованій, борьбы со всякими преградами, со старыми и вновь народившимися предразсудками. Сколько поколѣній сложило голову въ переживаніи стараго хлама и въ погонѣ за новымъ идеаломъ, который лучше люди чаяли найти въ народѣ. Но если все время честно работавшая мысль интеллигенціи и не пришла еще къ послѣднему слову, которое выразило бы главный смыслъ этого историческаго движенія, то, можно сказать, что она близка къ нему, что скоро скажется истина нашего времени... Тотъ непроглядный густой туманъ, который скрывалъ отъ глазъ «родную землю» уже разсѣялся. Раньше, интеллигентный баринъ жилъ подъ бокомъ у мужика и не видѣлъ его. Между ними была цѣлая бездна. Въ мужицкой жизни барина интересовало только то, что затрагивало его изнѣженное воображеніе и чувство. Его занимали пѣсни, сказки и всякія забавы съ холопами, особенно съ холопками. Вся эта вопіющая мерзость, такъ долго позорившая и угнетавшая народъ, оставляетъ уже у насъ только тяжелое воспоминаніе. Лучшіе сыны «народнаго бича» давно уже искупили свой «дворянскій грѣхъ» и не однимъ только признаніемъ его, но искреннимъ и глубокимъ страданіемъ, сказавшимся въ поэзіи Некрасова...

Здоровые элементы народности слышались еще въ художественной поэзіи Пушкина, которая имъ обязана больше всего своею необыкновенною свѣжестью и силою. Воспримчивая, всеобъемлющая душа Пушкина не могла не воспринять національныхъ вѣяній народнаго духа; хотя бы таже добрая няня во многомъ научила его мыслить и чувствовать по-русски. Но у поэта слишкомъ

глубоки были предрасудки рабства и его непосредственныя смутныя народническія настроенія не могли у него возвыситься до сознанія и убѣжденія. Даже у Лермонтова, при его сильномъ отрицательномъ отношеніи къ своему времени, не могло сложиться народническаго убѣжденія и строя. Его замѣчательное настроеніе, гдѣ онъ сливается съ народомъ, закипаетъ къ нему какою-то особенною любовью, къ его деревушкамъ, лачугамъ, пѣснямъ и пляскамъ,—было только минутною вспышкой непосредственнаго чувства и дальше не пошло. Лермонтовъ, какъ и Пушкинъ тонулъ въ томъ же грязномъ омутѣ свѣтскихъ предрасудковъ, интересовъ и привычекъ. Когда уже накопилось достаточно отвращенія (которое раньше было только у пемногихъ) къ этому омуту, со всею его мишурною жизнію, являются славянофилы, эти рыцари печальнаго народническаго образа. Въ первомъ сознаніи своего собственнаго невѣжества и, въ порывѣ раскаянія за свой «дворянскій грѣхъ», они повергаются во прахъ предъ «непонятной святыней народа», который глядѣлъ такимъ добрымъ, чистымъ и любящимъ, не смотря на ту вѣбовую грязь, какимъ обливало его барство. «Да, тамъ въ народѣ, восклицаютъ они, великій духъ, таинственная сила, высшая правда и т. п.», и съ слѣплымъ фанатизмомъ набрасываются на все европейское, которое, конечно, не виновато-жъ въ томъ, что его исказило и изуродовало по своему наше барство. Въ народовозрѣніи славянофиловъ больше было сантиментальнаго чувства, романтическаго настроенія, чѣмъ правды и знанія народа, который, къ слову сказать и теперь еще для насъ темный лѣсъ. Славянофилы же были дѣти своего времени, съ тѣми же потребностями мечтательной идеализаціи. Имъ требовалась таже эстетическая иллюзія, нѣчто грандіозное, привлекательное и захватывающее духъ. А представленія и идеи о «великомъ духѣ», «таинственной силѣ» и т. п. волновали ихъ душу до поэтическаго восторга, наполняли ее вдохновеніемъ до экстаза. Это была поэзія первой любви къ народу, эпоха романтизма въ народовозрѣніи...

Кольцовъ и потомъ Тургеневъ, Некрасовъ и Григорьевъ были ближе душой и пониманіемъ къ народу. Но самое трезвое, правдивое и глубокое пониманіе народа тогда выразилось у того же Бѣлинскаго, въ силу его живой солидарности и родственной связи съ этимъ народомъ. Прежде всего, вотъ что говоритъ онъ о тѣхъ высокоумныхъ людяхъ, которые съ пренебреженіемъ смотрятъ на народъ. «Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только

невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ работѣ и голодѣ, такіе люди не стоятъ теперь возраженій: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ».

Эту истину не жѣлало бы и теперь многимъ зарубить себѣ на память, особенно тѣмъ господамъ, которые еще недавно высказывали свои глуповскія опасенія на счетъ «разнузданія звѣря».

Но вотъ что говоритъ Бѣлинскій о природѣ русскаго народа. Онъ находитъ русскій народъ «способнѣйшимъ и даровитѣйшимъ народомъ въ мірѣ», видитъ въ немъ «трезвую мысль и реальный умъ», «непогрѣпительно истинные инстинкты» и даже «богатые элементы эстетическаго чувства», которые сказались въ непосредственной поэзіи народа. Но особенно замѣчательна характеристика, которую даетъ Бѣлинскій народу въ великіе моменты его исторической жизни.

«Нибакая личность, говоритъ Бѣлинскій, не сравнится съ нимъ (съ народомъ) въ эти минуты ни въ способности ясно видѣть истину, ни въ способности грубо заблуждаться, ни въ добрѣ, ни въ злѣ, ни въ геніальности, ни въ ограниченности. Это сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слѣпая въ ея торжественныхъ проявленіяхъ»...

Только спустя 40 лѣтъ мы могли выслушать такое откровеніе о народѣ въ чудной пѣснѣ поэта народнаго горя:

Ты и убогая!
Ты—и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка Русь!..

Бѣлинскій не прошелъ мимо вопроса, еще и теперь нерѣшеннаго,—объ отношеніи интеллигенціи къ народу.

«Человѣкъ, отдѣлившійся отъ народа образованіемъ—говоритъ онъ—наблюдая и изучая народный бытъ, можетъ научить простаго человѣка лучше пользоваться тѣмъ, съ чѣмъ тотъ обращался всю жизнь свою»...

«Узнавши что нибудь полезное отъ народа, образованный человѣкъ можетъ возратить народу это же самое, у него взятое приобрѣтеніе въ улучшенномъ видѣ»...

И здѣсь Бѣлинскій близокъ намъ и является однимъ изъ первыхъ вѣстниковъ того интеллигентно-народнаго идеала, представи-

телями котораго у насъ служатъ люди, какъ графъ .І. Н. Толстой, полагающіе народъ въ сердце всего нашего нравственнаго міра, сливающіе во-едино интересы народа и интеллигенціи...

Въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ нѣсколько словъ о той настоящей сизифовой внутренней работѣ, съ какою Бѣлинскій безстрашно подвигался впередъ, отыскивая истину. Не сразу онъ пришелъ къ признанію «выше всего» социальнаго и народнаго идеаловъ. Къ нимъ привели его философское образованіе, вліяніе натуралистической школы Гоголя и, можетъ быть, больше всего унаслѣдованныя демократическія влеченія. А сколько пережито имъ тяжкихъ противорѣчій, душевнаго разлада и нравственной муки. Переходъ отъ одного рода воззрѣній и убѣжденій къ другимъ для Бѣлинскаго былъ настоящимъ подвигомъ, какъ для чловѣка въ высшей степени искренняго, который рѣшительно отрекался отъ самыхъ дорогихъ вѣрованій и привычекъ, если того требовалъ разумъ, обрѣтающій новую истину, иногда совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее раньше видѣлъ Бѣлинскій. Двухъ боговъ онъ не могъ чествовать и могъ поклоняться только тому богу, на сторонѣ котораго стоялъ разумъ, тотъ «смѣлый свободный разумъ, который, по словамъ Бѣлинскаго, не боится мукъ сомнѣнія и, многимъ рискуя, многое завоевываетъ для счастья»... Такъ онъ пожертвовалъ эстетическимъ идеаломъ и призрачными истинами метафизическаго общественнаго идеалу. Таковъ онъ былъ и во всей своей жизни. Онъ не признавалъ того возмутительнаго мнимаго разлада между разумомъ и чувствомъ, который разные мудрецы нашего времени признаютъ чуть не фатальнымъ свойствомъ чловѣческой природы. Были даже въ извѣстномъ призрачномъ журналѣ г. Вагнера «Свѣтъ» курьезныя статьи о томъ, что одолѣеть: «безконечный разумъ или безкопечное чувство?» Почтенные профессора въ своемъ «Свѣтѣ», ни мало не свѣтившемъ въ русской ночи, долго ломали свои головы надъ этимъ вопросомъ. Но сколько во всемъ этомъ скрывается лжи! Будто бы разумъ когда былъ врагомъ чловѣческой природы, или истинное чувство было когда врагомъ разума? Что если-бы подобныя разсужденія нашихъ мудрецовъ попались Бѣлинскому? Сколько негодованія и гнѣва вызвали-бы онѣ у него. «Смѣлый свободный разумъ—и нынѣ предостерегаетъ насъ Бѣлинскій—не боится мукъ сомнѣнія»... Онъ освѣщаетъ только высшія ступени счастья и никогда не дѣлалъ чловѣку зла. Когда говорятъ глубокомысленные мудрецы о фатальномъ разладѣ разума съ чувствомъ, они не

хотять сознаться въ томъ, что эти чувства ниже требованій разума, не могутъ подняться на высоту, освѣщаемую имъ, или не хотять сознаться въ мерзости окружающей дѣйствительности и собственной дряблости, мѣшающихъ человеку жить въ дружбѣ съ разумомъ. А Бѣлинскій поднимался, онъ вырывалъ съ корнемъ привычныя влеченія и чувства (и какія даже—не похожія на наши мелкія эгоистическія привязанности!), онъ не вступалъ ни въ какіе компромиссы и сдѣлки съ окружающей дѣйствительностію: какъ онъ мыслилъ, такъ жилъ и дѣйствовалъ...

Такова была свѣтлая, мужественная, живая и дѣятельная сила Бѣлинскаго. Демократическій гений его, случайно выброшенный волнами массовой жизни, высоко поднялся на темномъ фонѣ русской культурной жизни, засіялъ одинокою, но яркою звѣздою, которая еще на долго будетъ свѣтить и озарять намъ путь. Въ современной удушливой и сырной атмосферѣ грубаго эгонизма, вскормленнаго рабствомъ и еще больше огрубѣвшаго и ополѣвшаго, когда стала читать его новоявленная наша буржуазія,—высоко-гуманная личность Бѣлинскаго еще на долго останется во главѣ начатаго имъ великаго общественнаго движенія, которому принадлежитъ будущее... И тогда то—изъ сердца самаго народа, «въ степяхъ мірскихъ, широкихъ и безбрежныхъ»,—можетъ и должно явиться такое творчество, подобнаго которому не могъ, конечно, создать ветхій барскій духъ. Въ литературной области Пушкинъ и другіе художники, творили свои идеалы изъ слишкомъ скуднаго и призрачнаго матеріала соціальной, нравственной и эстетической жизни общества; они только слабыя намеки того великаго творчества, во власти котораго будетъ цѣлый міръ, освѣщенный наукой, разумомъ и свободнымъ гуманизированнымъ духомъ народа,

С—овъ.

Журналъ «УСТОП» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Федостевецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минскій, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій. Редакторъ-издатель С. Венгеровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ ЖУРНАЛА

ДѢЛО

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1883 году, какъ и въ прошедшія шестнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) статьи социальна-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Внутреннее обозрѣніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Жанрники общественной жизни).

Въ 1882 году, въ журналѣ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Мирыя Времена», романъ въ 3-хъ частяхъ А. И. Пальма; «Кручина», драма въ 5-ти д. И. В. Шпажинскаго; «Конецъ Невѣдомой улицы», большой очеркъ изъ петербургской жизни М. Н. Альбова; «Послѣднія времена», «Иностранецъ Липатка и помѣщикъ Гудѣкинъ», рассказы А. И. Эртеля; «Въ Камняхъ», «Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ», очерки изъ сибирской жизни Д. И. Сибиряка, (псевдонимъ); «Иванъ Босый» очеркъ Я. В. Абрамова (Федосѣвца); «На всемірномъ поприщѣ», очеркъ Л. И. Мечникова; «Курсовые», набросокъ И. Л. Щеглова; «Деревенскіе выборы», очеркъ И. Н. Потапенко; «Степанъ Огоньковъ», повѣсть П. В. Засодимскаго; «Съ низовьевъ Дона», путевыя замѣтки И. Г. Кольцова; «Очерки Сѣвера» И. Рева; стихотворенія: А. П. Варыковой, Мартова, Д. Минаева, Н. Минскаго, Д. Михаловскаго, С. Надсона, А. Н. Плещеева, П. Я. Якубовича и др.; «Торквемада» драма въ 4-хъ д. съ прол. В. Гюго, въ переводѣ Д. Д. Минаева; «Антоніо Фоскарини», трагедія въ 5-ти д. Д. В. Николаики, въ переводѣ В. Крестовскаго (псевдонимъ); «Богъ сна», новелла въ стихахъ П. Гейзе, въ переводѣ А. Н. Плещеева; «За Правду», романъ К. Францова; «Депутатъ Либеральной партіи», романъ Роберта Вира; «Золотой Фонтанъ», романъ Велито Переса Гальдоса; «Послѣдніе Гумансты», романъ А. Штерна; «Опасные Люди», романъ Х. Эльстера, съ предисловіемъ Г. Брандеса; рассказы Вретъ-Гарта, Селькевича, Ожоньскаго, Саккетти, Серасо, Габбертона и др.; «Джонъ Стюартъ Милль въ Эрнестъ Репашъ», характеристики Георга Брандеса; «Чарльзъ-Робертъ Дарвинъ», биогр. очеркъ А. Л. Мессинга; «Джузеппо Гарibaldi», биограф. очеркъ Сергія Горскаго; «Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ», рядъ статей Н. Ф. Анненскаго; «Замѣтки объ аграрномъ бытѣ Франціи» Л. И. Мечникова; «Историческій компромиссъ» Н. Русакова; «Борьба съ нуждой» В. Ф.—овскаго; «Фабрики и школы», «Реформа крестьянскихъ учрежденій» В. П.

Декскаго; «Сибирь на юбилей», Австрія послѣ Вѣнскаго конгресса. С. С. Шашкова; «Самоубійство и Цивилизація» К. Десина; «Въ защиту интеллигенціи», «Общественность въ природѣ» И. Г. Кольцова; «Кладбищенская философія», «Хозяйственная дѣловитость», «Скобелевъ» М. А. Протопопова, «Народъ въ литературныхъ «эскизахъ» М. Е. Цебриковой; «Взглядъ Руссо и энциклопедистовъ на воспитаніе» проф. В. Гольцева. Кроме того, въ теченіи года были слѣдующіе постоянные отдѣлы: Новая книга, Внутреннее обозрѣніе Н. В. Шелгунова, Политическая хроника Жива; Научная хроника А. М. и Картички общественной жизни Откровеннаго писателя.

Въ первыхъ книжкахъ 1883 года, въ «Дѣлѣ» будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи «Приваловскіе миліоны», большой романъ изъ быта золотопромышленниковъ, Д. И. Сибиряка; новый романъ Альфонса Додэ; «Потеря идеала», романъ Маркизы Коломби (автора «Рисовыхъ Полей»); рассказы: К. Барянцевича, М. Н. Альбова, Н. И. Наумова, К. М. Станюковича, А. И. Эртеля; «Прошлое и настоящее штунды», ст. Я. В. Абрамова (Одоевца); «Прозрѣты аграрныхъ преобразованій въ Англіи», ст. Д. И. Мечникова; «Парижъ въ 1871 году», воспоминанія Ж. Гальфранка; «Характеристики русскихъ современныхъ дѣятелей», М. А. Протопопова, «Очерки рабочей жизни въ Россіи», ст. С. А. Приклонскаго; статьи Н. Ф. Анненскаго, В. В. Лесевича, В. П. Ленскаго, И. Г. Кольцова, Н. В. Шелгунова и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, К. М. Станюковичъ (Откровенный Писатель) и Н. В. Шелгуновъ.

Годовое изданіе журнала «Дѣло» состоитъ изъ 12-ти книгъ, каждая отъ 27—30 листовъ большого формата. Срокъ выхода перваго числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна годовому изданію:

Безъ пересылки и доставки . . .	15 р.	50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	16 »	— »
» пересылкою иногороднымъ . . .	17 »	— »
» » за границу . . .	19 »	— »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала «Дѣло», Надеждинская, д. 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха.

Иногородныя благоволятъ адресоваться со своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Сиб. Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
 на большую политическую, литературную и коммерческую
ГАЗЕТУ
ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

Успѣхъ нашей газеты дастъ намъ возможность, не увеличивая подписной платы, улучшить и расширить изданіе. Сохраняя тотъ же характеръ и форматъ, газета съ будущаго года будетъ печататься на бумагѣ лучшаго качества и новымъ, четкимъ и убраннымъ шрифтомъ, который дастъ намъ возможность обогатить содержаніе газеты, дополнивъ ее во всѣхъ отдѣлахъ.

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по нижеслѣдующей программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экономической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и рассказы, оригинальныя и переводныя. Очерки провинціальной жизни. Художественная летопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству; узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мирѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦИОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальныя рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редація будетъ выпускать время отъ времени полоторные номера въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, рассказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Для городскихъ подписчиковъ
съ доставкой:

На годъ 9 р., полгода 5 р.,
три мѣсяца 3 р., одинъ мѣ-
сяцъ 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ
съ пересылкою по почтѣ:

На годъ 10 р., полгода 6 р.,
три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ
мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежныя пакеты адресовать непосредственно въ контору Одесскаго Листка, въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре № 10.

Редакторъ-издатель В. В. Назвоцкій.

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ

СЪВЕРНОЕ КНИЖНОЕ АГЕНСТВО

(С.-Петербургъ. Пушкинская ул., № 10).

КНИЖНОЕ АГЕНСТВО поставило своею цѣлью имѣть сношеніи исключительно съ г. иногородными закащиками. Принимаетъ заказы: на книги, русскія и иностранныя, кѣмъ-либо опубликованныя, учебныя пособія, карты, атласы, музыкальныя инструменты, ноты, канцелярскія принадлежности и подинску на журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ.

Казенныя учебныя заведенія, земскія и городскія управы, а также общественныя библіотеки пользуются уступкою отъ 5 до 15% на книги, на учебныя пособія и канцелярскія принадлежности отъ 10 до 15%.

Вышеозначенныя учрежденія при заказѣ благоволятъ высылать половину денегъ впередъ, отъ частныхъ же лицъ принимаютъ заказы только вполне оплаченные. Упаковка и пересылка по распоряженію на счетъ закащиковъ. Принимаются заказы на всевозможныя переплеты и рамы. Для полученія справокъ, на отвѣты прилагаются 7 копѣчныя марки. Заказы исполняются безотлагательно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

НА 1883 ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

КУБАНЬ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ Екатеринодарѣ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

Цѣна съ пересылкою 7 р. за годъ и 4 р. за полгода.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

на сатирическій журналъ съ рисунками и карриатурами

XIX

БУДИЛЬНИКЪ

ГОДЪ.

Пятьдесятъ номеровъ въ годъ.

«Будильникъ» выходитъ ежедѣльно тетрадами не менѣе двухъ листовъ большаго формата. Число рисунковъ увеличено вдвое и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ 8 страницъ рисунковъ и 8 страницъ текста. Половина рисунковъ исполняется хромолитографіей. Годъ «Будильника» составитъ два громадныхъ тома. Не смотря на увеличеніе объема журнала, подписная цѣна остается прежняя.

ПРЕМІИ «БУДИЛЬНИКА»:

I. Сцена изъ «Ревизора» Гоголя.

Эта литературная драгоценность, не вошедшая ни въ одно изъ изданій соч. Гоголя, любезно обшана Редакціи извѣстнымъ знатокомъ русскаго театра, В. И. Родиславскимъ, который вмѣстѣ съ этимъ общаетъ намъ сообщить интересныя свѣдѣнія относительно судьбы «Ревизора» на сценѣ. Сцена эта и сообщенія В. И. Родиславскаго наши подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльной книжки.

II. Новый романъ Эмиля Золя.

Редакція «Будильника» вошла въ сношенія съ Эмилемъ Золя и приобрѣла отъ него исключительное право перевода на русскій языкъ его новаго романа «Au bonheur des dames», который начнетъ печататься въ Парижѣ съ декабря мѣсяца настоящаго года. Пользуясь рукописью Золя, «Будильникъ» тѣмъ самымъ получаетъ возможность дать своимъ подписчикамъ всю новую книгу знаменитаго романиста не только ранѣ всѣхъ нашихъ журналовъ и газетъ, но и ранѣ, нежели печатаніе романа обочнется въ подлинникѣ.

Къ нашему переводу будутъ приложены: біографія Золя, его портретъ и факсимиле.

Въ отдѣльной продажѣ книга будетъ стоить болѣе двухъ рублей.

III. Альманахъ «Будильника».

«Альманахъ» въ 1883 году будетъ издаваться по новой программѣ. Это будетъ сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, новѣстей и рассказовъ для легкаго чтенія, размѣромъ къ пятьдесятъ печатныхъ листовъ большаго формата или въ сто листовъ обыкновеннаго книжнаго размѣра. Годовые подписчики, желающіе получить «Альманахъ», приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Будильника», за пересылку и упаковку «Альманаха», три рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «БУДИЛЬНИКЪ».

Въ Москвѣ, безъ доставки платять	7 р. полгода	4 р.
» » съ доставкой	8 »	4 » 50 к.
Съ пересылкой въ Петербургъ и провинцію	9 »	5 » — »
Годовые подписчики за «Будильникъ» и за упаковку и пересылку «Альманаха» платять:		
Въ Москвѣ безъ доставки	10 »	
» » съ доставкой		11 »
Иногородные	12 »	

Денежные пакеты адресуются: въ Редакцію журнала «Будильникъ» Москва, Леонтьевскій пер. д. Мичиера.

Кромѣ того подписка принимается: 1) въ центральной конторѣ объявленій (Л. Метца: Петровка, домъ Солодовникова; 2) въ московскихъ и петербургскихъ книжныхъ магазинахъ гг. Суворина, Мамонтова и Вольфа; 3) въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Мелье (у Полицейскаго моста), Псакова (Гостинный дворъ) и Гетца (бывш. Малышева: Офицерская, 5); 4) въ провинціи у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ газетныхъ кіоскахъ и 5) въ Парижѣ—у гг. Navas & Comp., place de la Bourse, 8.

Открыта подписка на 1883 годъ на иллюстрированный
дѣтскій журналъ

(2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РОДНИКЪ.

Журналъ «РОДНИКЪ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ «РОДНИКЪ», между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: В. П. Аверариусъ, Н. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Бемъ, П. В. Быковъ, Н. П. Вагнеръ (профессоръ), Е. Н. Водовозова, В. И. Водовозовъ, Д. Майгородовъ (профессоръ), Н. В. Ельницкій, Н. Н. Карзинъ, А. В. Кругловъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. П. Мунтъ, С. Я. Насонъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшниковъ, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. И. Соверинъ, М. Б. Чистяковъ, М. Н. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) В. В. Якубовичъ и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія поэмки и рассказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарady, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 или болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библиографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ приложеніемъ съ до- ставкою и пересылкою. 6 р.	} На полгода безъ приложенія . 3 р. За границу на годъ съ прило- женіемъ 8 "
На годъ безъ приложенія съ до- ставкою и пересылкою. 5 "	

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1.

Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Тихомировой, «Новое Время» и Мамонтова.

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ „РОДНИКА“.

- 1) Е. А. Сысоева. Исторія маленькой дѣвочки. 2 т. въ колескор переплетѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- 2) Е. А. Сысоева. Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- 3) Е. Н. Александрова. П. Кузибинъ, съ портретомъ. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- 4) А. В. Кругловъ. Ивапъ Иваповичъ и К°. Повѣсть для дѣтей, съ картип. Пашова и Каразина. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 10 коп.
- 5) А. В. Кругловъ. Армія и Казаки, съ многими силуэтами. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.
- 6) «Воспитаніе и Обученіе», журналъ для дѣтей за 1880 г., 3 тома, съ многими картинками. Ц. 4 р. 50 к., въ пакѣ 5 р. 25 к. Пересылка за 12 фунт. по разстоянію.
- 7) Г. Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Переводъ Е. Сысоевой Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 10 к.
- 8) Бриггэмъ. О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
- 9) Брунсъ. Астрономическій атласъ. (Печатаецъ въ Лейпцигѣ). Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- 10) Эрнстъ Махъ. О звуковыхъ ощущеніяхъ. Съ таблицей чертежей. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Подписчики на журналъ «Родникъ», выписывающіе означенныя книги черезъ контору редакціи, пользуются уступкою 20%.

Открыта подписка на новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО“

Ежедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи и исторіи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петербургскихъ и московскихъ театровъ, концертовъ и выставокъ. 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ-заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана и Мадрида. 7) Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетоны. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кроме того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяць (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый номеръ журнала отъ 1¹/₂ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. «Вс. Иллюст.».

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв. № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Для иногород.	За границу.
Годъ . . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода . .	5 „	5 „ 75 „	6 „	8 „
3 мѣсяца . .	3 „	3 „ 50 „	4 „	5 „ 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Иногородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ «Искусство» предполагаетъ дать слѣдующую галерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по новому цинкографическому способу.

Шекспиръ (снимокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Тенисонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рагнелъ, Гарригъ, Маллибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щепкинъ, Шумскій, Берлиозъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Маккартъ, Брюловъ, Ивановъ, Антокольскій.

Редакторы-издатели **Ө. Гріднинъ** и **В. Чуйко**.

При главной конторѣ журнала «Искусство» принимается подписка на «Библиотеку европейскихъ писателей» (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 р. съ перес.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ВЪ 1883 ГОДУ.

Годовой опытъ показалъ, насколько удовлетворяетъ публику наше изданіе, что можетъ быть оставлено въ немъ безъ измѣненія и что требуетъ перемѣны. Сохраняя свою прежнюю программу, «Заграничный Вѣстникъ» съ будущаго года существенно измѣнитъ распредѣленіе того литературнаго матеріала, которымъ располагаетъ редакція. Первый отдѣлъ журнала, въ объемѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ, будетъ исключительно посвященъ литературному чтенію. Въ составъ его войдутъ: беллетристика, историческіе и литературные характеристики и очерки, біографіи и путешествія. Иностранныя беллетристическія произведенія въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы не въ извлеченіяхъ, а въ полныхъ переводахъ, по возможности безъ дробленія ихъ на слишкомъ мелкія части. Статьи учено-литературнаго содержанія составляютъ второй отдѣлъ журнала, въ объемѣ, приблизительно, пяти листовъ. Редакція надѣется, что литературные и ученые интересы современности будутъ, такимъ образомъ, лучше представлены въ ея изданіи.

«Заграничный Вѣстникъ» выходитъ во второй половинѣ каждаго мѣсяца, книгами въ объемѣ свыше 15 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на 1883 годъ: на годъ, безъ пересылки и доставки 10 р., съ доставкой въ Петербургъ—10 р. 50 к., съ пересылкой—11 р.; на полгода, безъ пересылки и доставки—5 р., съ доставкой въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкой—6 р.; съ пересылкой за границу: на годъ—13 р., на полгода—8 р.

Подписка принимается *въ Петербургъ*: въ редакціи «Заграничнаго Вѣстника» (Николаевская улица, д. 4, кв. 6) и въ книжныхъ магазинахъ М. М. Стасюлевича (Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 7), К. Л. Риккера (Невскій пр., д. 14) и Э. Мелье (Невскій пр., д. Голландской церкви). *Въ Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Моховая ул., противъ Университета).

Гг. иногородные обращаются съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Заграничнаго Вѣстника».

Редакторъ В. Коршъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

ЭХО

ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ будущемъ году газета «Эхо» будетъ издаваться въ томъ же (большемъ) форматѣ, по той же программѣ и подъ тою же редакціею.

Съ 1-го января 1883 г., газета «Эхо» получитъ указанное опытомъ преобразование. Въ нее вступаетъ рядъ новыхъ сотрудниковъ, лицъ извѣстныхъ и участвовавшихъ своею публицистическою и литературною дѣятельностью въ наиболѣе выдающихся нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Постоянное участіе въ газетѣ будетъ принимать также и даровитый нашъ публицистъ, Г. К. Градовскій (Гамма), статьи котораго уже печатаются въ «Эхо» съ начала ноября этого года.

Съ будущаго же года въ фельетонахъ «Эхо» будетъ печататься новый историческій романъ, „Мученики иудей“, времени Петра Великаго А. Шардина, автора романовъ: „Родъ князей Зацѣпныхъ“ и „Княжна Владимірская“.

Газета «Эхо» тѣмъ отличается отъ другихъ изданій, что и кромѣ своихъ передовыхъ статей представляетъ взгляды и мнѣнія другихъ, замѣчательныхъ органовъ печати, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ; лицу же, получающему, кромѣ «Эхо», другое изданіе, газета наша даетъ возможность узнать, какъ отнеслись другіе органы печати къ статьямъ и мнѣніямъ той газеты, которую оно получаетъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи; 2) Телеграммы; 3) Новѣйшія политическія извѣстія; 4) Русская печать; 5) Иностранная печать; 6) Корреспонденціи изъ-за границы политическаго содержанія; 7) Внутреннія корреспонденціи; 8) Хроника; 9) Эхо (толки и слухи); 10) Очерки петербургской жизни; 11) Очерки русской жизни; 12) Судебная хроника; 13) Театральная и музыкальная хроника; 14) Телефонъ (разныя мелкія извѣстія); 15) Раешникъ «Эхо»; 16) «Эхо» развлеченія; 17) Фельетонъ: 1) Обзоръ русской журналистики; а) Обзоръ спеціальныхъ журналовъ; б) обзоръ промышленности; в) изобрѣтеній и открытій; 2) Воскресные фельетоны; 3) Иностранная хроника и 4) Романы, повѣсти и рассказы, русскіе и переводные съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго; 18) Биржевыя извѣстія и курсы; 19) Пріѣхавшіе и выѣхавшіе; 20) Железныя дороги; 21) Театры; 22) Скорбный листокъ; 23) Объявленія.

Контора редакціи отвѣчаетъ за исправную доставку въ томъ только случаѣ, когда подписчикъ выписалъ газету прямо изъ конторы редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ по Падесквинской улицѣ, домъ № 9-й, кв. № 21-й.

Годовая цѣна за газету (съ 1-го января 1883 по 1-е января 1884 г.) 10 руб. сер., за полгода—6 руб. сер., за три мѣсяца—3 руб. сер., за 1 мѣсяць—1 руб. сер.

Редакторъ А. В. Старчевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ПЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библиотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и ученыхъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ спархіальныхъ училищъ.

Въ 1883 году, журналъ «Игрушечка» будетъ издаваться по прежней программѣ: стихотворенія, повѣсти, рассказы, біографіи знаменитыхъ людей, статьи по исторіи, естественнымъ наукамъ и технологіи. Статьи каждаго № будутъ, по возможности, пополнять и пояснять другъ друга. Нумера будутъ выходить по воскресеньямъ отъ 1½ до 2½, печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома по 25 номеровъ въ каждомъ, что въ общемъ составитъ болѣе 100 печатныхъ листовъ съ 150 рисунками. Въ журналѣ примутъ участіе: С. Н. Атава, М. П. Богдановъ (проф.), Е. И. Бороздина, Е. М. Бемъ, Воскресенская, Н. О. Горбуновъ, Григорова, Е. Н. Геслингъ, С. Д. Дрожжинъ, Е. Ф. Добрынина, гр. П. Капнисть, гр. Ипа Капнисть, Н. Н. Карзининъ, Н. Н. Кувшинниковъ, П. Капустина, Н. С. Лѣсковъ, С. И. Лаврентьева, П. Е. Львова, В. Л. Львовъ, С. И. Миропольскій, В. И. Немпровичъ-Данченко, А. Н. Плещевъ, Н. Попова, Н. Северинъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. Н. Садовниковъ, А. Г. Сахарова, гр. Е. Сальясъ, И. В. Сорокинъ, проф., гр. Толстая, А. Н. Толнѣрова, Е. Ф. Юнге и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1883 ГОДЪ:

На годъ съ доставкою и пересыл. . . 6 р.	} На полгода съ дост. и пер. . . 3 р. 50 к.
» » безъ доставки и перес. . . 5 р.	

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи журнала «Игрушечка», Малая Подъяческая, д. № 4, кв. № 16, а для городскихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Боршнева. Уголь Троицкаго и Графскаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост. и пер.—За 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ Т. П. Пассенъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ДОНЪ“

НА 1883 ГОДЪ.

Пятнадцатый годъ изданія.

Выходитъ три раза въ недѣлю: вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ,—за исключеніемъ большихъ праздничныхъ дней.

ВЪ СОСТАВЪ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ РУБРИКИ:

I. Воронежъ:—руководящія статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ.

II. Мѣстная хроника, слухи и замѣтки:—сюда входятъ мѣстные административныя распоряженія, переимѣны по службѣ, пропущенія, корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ Воронежской губерніи и проч.

III. Изъ текущей жизни:—извлеченія изъ разныхъ газетъ выдающихся явленій общественной жизни, мнѣнія и отзывы столѣтнихъ и провинціальныхъ органовъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ.

IV. Политическія извѣстія.

V. Фельетонъ:—литературная хроника, театральная хроника, стихотворенія, рассказы, очерки и т. п.

VI. Слѣсь:—факты изъ сферы изслѣдованія наукъ, открытій, изобрѣтеній и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полг.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ Воронежъ.	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — »	— 75 к.
Съ пересылкою въ другіе города.	7 р.	4 р. — »	2 р. 50 к.	1 р. — к.

Открыта подписка на 1883 годъ на газету

РУССКІЙ ЕВРЕЙ.

(5й годъ изданія).

Вступленіе «Русскаго Еврея» въ пятый годъ своего существованія избавляетъ насъ отъ необходимости распространяться о характерѣ и направленіи нашего органа. Какъ до сихъ поръ, наше изданіе будетъ всецѣло посвящено служенію интересамъ нашего народа, въ реальномъ и широкомъ ихъ смыслѣ. Какъ и до сихъ поръ, нашимъ девизомъ, нашей основной задачей неизмѣнно будетъ: поднятіе нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго уровня нашей массы. Печальныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ съ достаточной ясностью указали намъ, что заслуживаетъ болѣе заботливаго вниманія съ нашей стороны, на чемъ должны быть сосредоточены всѣ наши силы, вся наша энергія. Главнымъ образомъ, наша дѣятельность будетъ посвящена тремъ кардинальнымъ задачамъ: распространенію въ средѣ нашей массы общаго просвѣщенія, производительнаго труда и знанія іуданзма и его литературы.

Въ 1883 году «Русскій Еврей» будетъ издаваться по той же программѣ, при участіи тѣхъ же сотрудниковъ. Кроме того, намъ общано участіе нѣкоторыхъ новыхъ лицъ, пользующихся почетной извѣстностью въ области нашей публицистики. Въ виду же большого значенія, которое имѣетъ для насъ знаніе іуданзма и его исторіи, мы особенное вниманіе посвятимъ учено-литературному отдѣлу. Въ отдѣлѣ беллетристики въ 1883 году будетъ печататься одно крупное и весьма талантливое произведеніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ достав. въ Петерб.:	Съ пер. во всѣ гор. Импер.:	За границею:
На 12 м. 6 р. — к.	На 12 м. 7 р. — к.	На 12 м. 12 р.
» 9 » 4 » 50 »	» 9 » 5 » 50 »	» 9 » 10 »
» 6 » 3 » 50 »	» 6 » 4 » — »	» 6 » 7 »
» 3 » 2 » — »	» 3 » 2 » 25 »	» 3 » 4 »

Допускается разсрочка подписки денегъ: при подпискѣ 3 руб., черезъ 3 мѣсяца послѣ подписки 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки остальные 2 р.

Духовныя лица и студенты высшихъ учебныхъ заведеній, выходящіе газету непосредственно черезъ главную контору, пользуются уступкою въ 20^о/. Отдѣльные номера по 20 к. За объявленія по 8 коп. за строку пегита.

Редакція и главная контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Измайловскій проспектъ, д. № 7.

Редакторъ-издатель Л. Берманъ.

Издатель Г. Рабиновичъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГАЗЕТУ

СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1883 годъ.

На годъ безъ дост.		Съ дост. въ Смол.	Съ перес. ии
На годъ	4 р. 50 к.	5 р. 50 к.	6 р. — к.
» 11 м.	4 » 20 »	5 » 20 »	5 » 60 »
» 10 »	3 » 90 »	4 » 80 »	5 » 30 »
» 9 »	3 » 60 »	4 » 40 »	5 » — »
» 8 »	3 » 30 »	4 » — »	4 » 50 »
» 7 »	2 » 90 »	3 » 50 »	4 » — »
» 6 »	2 » 50 »	3 » — »	3 » 50 »
» 3 »	1 » 40 »	1 » 80 »	2 » — »
» 2 »	1 » — »	1 » 30 »	1 » 50 »
» 1 »	— » 50 »	— » 65 »	— » 75 »

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

ГАЗЕТА КАСПІЙ.

Въ 1883 году (третій годъ изд.) будетъ по прежнему выходить три раза въ недѣлю—по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ.

Лица, интересующіяся нефтянымъ дѣломъ, найдутъ, между прочимъ, въ газетѣ точныя цифры вывоза нефти и ея продуктовъ.

моремъ и по желѣзной дорогѣ, а также свѣдѣнія о цѣнахъ на бакинскомъ нефтяномъ рынкѣ.

Подписная цѣна для иногородныхъ: На годъ—7 руб., на полгода—4 руб., на три мѣс.—2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ—1 руб. 50 коп.

Требованія адресуются въ г. Бану, въ редакцію газеты «Наспій».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УЧЕНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

ВЪЪЖЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1883 г. по программѣ прошедшаго года, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, 12 книгами въ годъ, большого формата, съ историческимъ и славянскимъ отдѣлами.

Для 1883 года въ редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: романы: «Судъ царевича Алексѣя»—И. Полежаева; «Каждому свое»—К. Градовскаго; «Искалѣченный»—В. Никитина; «Незаконный»—Н. Шарченко (автора Станислава Пшесбицкаго); «На рубежѣ двухъ столѣтій»—Шардина (автора впажна Владимирская); «Дворянинъ Старовѣръ»—М. Филиппова; «Печальное кумовство»—П. Салманова и много повѣстей, рассказовъ и статей. Кромѣ того, общали помѣстить свои произведенія въ «Вѣкъ»: Г. Дапплевскій (авторъ Миронича), Д. Мотдонецъ, академикъ Дубровскій профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, историографъ А. Петровъ и многіе другіе ученые и беллетристы.

Подписная цѣна на 1883 годъ: годовая—съ доставкой въ Петербургъ—15 руб. безъ доставки—14 руб., съ пересылкой въ другіе города—16 руб. Полугодовая—безъ доставки—7 руб., съ доставкой—7 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—8 руб.

Служащіе въ управленіяхъ — (духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ) казенныхъ, земскихъ, городскихъ, банковыхъ и желѣзнодорожныхъ, и выписывающіе журналъ чрезъ сво-

ихъ казначесвъ,—могутъ вносить по 2 р. сер. въ мѣсяцъ—впредь до погашенія подписной суммы, приче́мъ каждый седьмой экземпляръ высылается бесплатно:

Редакція и главная контора журнала въ С.-Петербургѣ, у Обуховскаго моста, д. № 93, кв. № 16.

Въ журналѣ участвовали 70 сотрудниковъ, которые будутъ участвовать въ немъ и въ будущемъ году, и помѣщены въ 1882 году: 10 романовъ, 4 повѣсти, 4 драматическихъ произведенія, 16 ученыхъ изслѣдованій, множество мелкихъ статей (стиховъ, поэмъ, думъ и сатиръ).

При журналѣ были приложены 1882 г. портреты: митрополитовъ—Михаила Сербскаго и Макарія Московскаго, Великой княгини Наталіи Алексѣевны, Герцегованскаго героя Стояна Ковачевича, профессора Н. Я. Аристова и хромолитографированная карта южныхъ славянъ.

Издатель-редакторъ М. Филипповъ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1883 Г. НА ЖУРНАЛЪ

Ш годъ

ОСКОЛКИ

годъ Ш

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ третій годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1883 г. по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1882 г.

Журналъ издается въ форматъ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста удобной печати. Кроме того, журналъ, время отъ времени, помѣщаетъ у себя ноты музыкальныхъ пѣсень какъ для пѣнія, такъ и для игры на фортепiano, а также загадки, шарады, задачи и ребусы.

Литературный отдѣлъ состоитъ изъ юмористическихъ обзорѣвъ петербургской, московской и провинціальной жизни, мелкихъ юмористическихъ рассказовъ, сценокъ, стихотвореній, анекдотовъ и пр.

Годовое изданіе журнала составитъ 52 номера.

Цѣна за журналъ въ 1883 году.

На годъ безъ пересылки и доставки . . .	6 руб.
» » съ пересылкой и доставкой . . .	7 »
» 6 мѣсяцъ съ пересылкой и доставкой . . .	4 »

Отдѣльный номеръ 20 коп.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка по третямъ за поручительствомъ гг. казначесвъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Осколки», въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, домъ № 122.

Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голыше.

XXII годъ. Открыта подписка на 1883 годъ. XXII годъ.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Съ роскошными преміями, приложеніями и раскрашенными картинами.

Выходитъ въ 1883 г. ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНИЯХЪ, всего въ годъ:

- 24 нумера модныхъ, выходящихъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и заключающихъ рисунки самыхъ новыхъ парижскихъ модъ дамскихъ и дѣтскихъ, рукодѣлій, работъ и проч., съ описаніями.
- 24 нумера литературныхъ, выходящихъ 8 и 22 числа каждаго мѣсяца и составляющихъ отдѣльный литературно-художественный журналъ съ прекрасными гравюрами для семейнаго чтенія.
- 24 нумера отдѣльныхъ приложеній, выходящихъ при литературныхъ нумерахъ и заключающихъ роскошнѣйшіе рисунки послѣднихъ парижскихъ модъ.

Кромѣ разсылаемыхъ въ теченіи года бесплатныхъ приложеній, какъ-то: раскрашенныхъ рисунковъ канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ работъ, рисунковъ въ русскомъ стилѣ, патроновъ, выкроекъ, жюль и пр., годовые подписчики всѣхъ трехъ изданій получаютъ тотчасъ при подпискѣ прекрасную ПРЕМІЮ, роскошную олеографическую картину: «ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ НОВОБРАЧНЫХЪ». (Улучшенное изданіе известной картины «Назвонецъ один!»)

Гг. иногороднымъ подписчикамъ эта премія высылается съ № 1 «Моднаго Магазина».

Цѣна годовому изданію «Моднаго Магазина» на 1883 годъ:

- I изданію съ 12-ю раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложеніями и преміями: безъ доставки въ Спб. 5 р. съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 7 р.
- II изданію съ 24-мя раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложеніями: безъ доставки въ Спб. 6 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 8 р.
- III изданію съ 36-ю раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложеніями и преміями: безъ доставки въ Спб. 8 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка съ ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ.

Пробные нумера: № 1 (модный), № 2 (литературный) выйдутъ въ декабрь 1882 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ редакціи «Моднаго Магазина», по Николаевской ул., д. № 48.

Выходитъ въ 1883 году подъ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ: Модный и литературно-художественный журналъ для чтенія. Роскошные преміи, приложенія, раскрашенные картины и проч. Богатый выборъ рукодѣлій и работъ.

Издатель «Моднаго Магазина» и «Иллюстрированнаго Мира» В. П. Турба-

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1883 году.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Ежемесячный журналъ «ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ журналѣ помѣщаются статьи по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву и по земскимъ вопросамъ, также библиографія и разныя замѣтки.

Журналъ издается подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго.

Цѣна ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою и доставкою, безъ доставки СЕМЬ рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ редакціи «Юридическаго Вѣстника» въ Скатертномъ пер. домъ Муромцовой; въ книжныхъ магазинахъ: П. Н. Анисимова, на Никольской улицѣ и Лапга, на Кузнецкомъ мосту.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ П. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библиотекою.

Экземпляры журнала за 1880, 1881 и 1882 года высылаются по 8 руб.; отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за три года: 1880, 1881 и 1882 благоволятъ присылать только 18 рублей.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб., за 1878 годъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1879 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

«Московский Телеграфъ» — первая газета въ Россіи, редакция которой имѣетъ собственный телеграфный проводъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ РОССІИ.

СН годъ	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
11 мѣсяцевъ	16 р. — к.	17 р. — к.
10 „	15 „ — „	16 „ 50 „
9 „	14 „ 50 „	16 „ — „
8 „	13 „ 50 „	15 „ — „
7 „	12 „ 50 „	14 „ — „
6 „	11 „ — „	13 „ — „
5 „	9 „ 50 „	11 „ — „
4 „	8 „ 50 „	10 „ — „
3 „	7 „ 25 „	8 „ — „
2 „	5 „ 50 „	7 „ — „
1 „	4 „ — „	5 „ — „
	2 „ — „	2 „ 50 „

ЗА ГРАНИЦУ, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

На годъ	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ.	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ.
6 мѣсяцевъ	26 р. 20 к.	47 р.
3 „	14 „ — „	28 „
1 „	8 „ — „	15 „
	3 „ 50 „	6 „

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ: для служащихъ — на всѣ сроки чрезъ казначесвъ; для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ:

НА ГОДЪ:	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
При подпискѣ	5 р.	6 р.
1 марта	3 „	5 „
1 мая	3 „	4 „
1 июля	5 „	4 „

Подписка съ разсрочкой принимается исключительно въ конторѣ редакціи.

Иногородные обращаются съ своими требованіями: въ Москву, въ контору редакціи „Московского Телеграфа“. Въ Петербургѣ подписка и объявленія принимаются въ отдѣленіи редакціи — Пушкинская, № 10.

Годъ

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883-мъ ГОДУ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

XX.

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія — для гимназій, уездныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоитъ при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярїи Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ. Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи; 4) Путешествія; 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей; 6) Статьи по естественнымъ наукамъ; 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій; 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, раздавался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ, а вторая — для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочли бы съ одинаковымъ интересомъ и пользою.

Къ отдѣлу для Семейнаго чтенія, какъ и въ 1882 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ новѣйшихъ руководій, а къ отдѣлу для дѣтей — рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія, а также награды подписчикамъ, приславшимъ определенное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ разослана, въ видѣ преміи, олеографія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. — к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 »	5 » 50 >
» семейнаго чтенія и юности (12 кн.)	5 »	5 » 50 >

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала «Семейные Вечера», С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кв. № 9.

Редакторъ-Издательница С. КАШПИРЕВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ

изданіе Е. ЛЕВЕДЕВОЙ (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ, произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже

«устомъ», № 11, отд. II.

популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцова, Хмѣлевой и другихъ.

Усиѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ („Императрица Елисавета“ и „Великая Княгиня“) приводятъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ въ премію талантливое произведеніе извѣстнаго Эмілія Габоріо „Знаменитыя Женщины“, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А :

	Безъ доставки.	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
„ 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 р.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору „Переводы Отдѣльныхъ Романовъ“, Спб. Ба-сейная, № 38, и въ Москвѣ книжная торговля Н. Карбасникова, Моховая, противъ университета, д. Кохъ.

Для гг. казначеевъ и книгопродавцевъ уступка на 50 коп. съ каждаго экземпляра.

Одиннадцатый 1883 годъ.

Открыта подписка на газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1883 году.

Выходитъ ежедневно подъ тою же редакціей и по прежней программѣ, въ составъ которой входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой въ Орелъ или пересылкой въ другіе города 7 руб.
 » полгода 4 руб.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, въ редакціи газеты «Орловскій Вѣстникъ», Зяновьевская, собствен. домъ.

Редакторъ-издатель А. Чудиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОВОКЪ

на 1883 годъ.

(21-й годъ).

(Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣвпраздничныхъ дней).

Съ доставкою въ Саратовъ:

На годъ 7 р. — к.
 » полгода 4 » — »
 » три мѣсяца 2 » 50 »
 » мѣсяць 1 » — »

Съ пересылкой по почтѣ:

На годъ 8 р. — к.
 » полгода 4 » 50 »
 » три мѣсяца 3 » — »
 » мѣсяць 1 » 20 »

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Саратовѣ, Нѣмецкая ул., д. Раутенфельда; въ Москвѣ, на Маросейкѣ, д. Леонова, у П. А. Мейера.

съ 1883 года

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РАДУГА

будеть выходить въ Москвѣ еженедѣльно, тетрадями въ 20—30 страницъ.

Содержаніе „Радуги“ обнимается слѣдующее, разрѣшенною для нея программю.

I. Часть литературная: а) Обзорѣніе политической и общественной жизни въ Россіи и за границей; б) Изящная словесность. Романы, повѣсти, драматическія піесы, стихотворенія; в) Научный отдѣлъ. Разказы и описанія; въ общедоступномъ изложеніи теоретическія статьи по разнымъ отраслямъ вѣдѣнія; практическія наставленія въ хозяйствѣ, гигиенѣ, техникѣ; г) Указатель новостей, ученыхъ, библіографическихъ, художественныхъ, театральныхъ, биржевыхъ, сельскохозяйственныхъ, промышленныхъ. Метеорологическія наблюденія. Моды. д) Альбомъ: анекдоты, шутки, шарады, загадки, задачи.

II. Часть художественная, внутри текста въ видѣ иллюстрацій, и внѣ его, въ видѣ приложений: а) Рисунки: портреты, виды, бытовья сцены, сцены изъ романовъ и повѣстей, иллюстрація къ разказамъ и описаніямъ, снимки съ произведеній живописи, рисунки произведеній ваянія; чертежи архитектурныя и техническія, рисунки домашнихъ рукодѣлій, картины модъ, шахматныя задачи, ребусы; б) Музыка, съ словами и безъ словъ, для инструментальнаго и вокальнаго исполненія.

III. Частныя объявленія и рекламы.

Рисунки (до 500 въ годъ) и поэты будутъ въ каждомъ №; драматическихъ піесъ не менѣе 20 въ теченіе года; картины модъ, съ описаніями (то и другое изъ Парижа) ежемѣсячно. Драматическія и музыкальныя піесы предполагаются преимущественно удобныя для домашняго исполненія. Въ числѣ практическихъ наставленій не послѣднее мѣсто займутъ указанія по постановкѣ піесъ на сцену.

II литературная и художественная части будутъ посвящены главнымъ образомъ русскому міру: русская природа, русская исторія, русскій бытъ будутъ главными предметами описаній, разсужденій, изображеній, исполненныхъ русскими силами. Событія отъ русскихъ художниковъ и техниковъ и вообще родныхъ умственныхъ силъ ожидаемъ и просимъ.

Пятнадцатилѣтняя публицистическая дѣятельность издателя увольняетъ его отъ обязанности подробно пояснять, въ какомъ духѣ поведется „Радуга“ Мы не будемъ тѣшить грязнаго воображенія, давать пищу озлобленному глумленію, или поощрять умничанье, самодовольное и ограниченное. Хотимъ служить чистымъ вкусамъ, невиннымъ удовольствіямъ, тихимъ развлеченіямъ, вдумчивой любознательности. Назвали бы свой журналъ „Семейнымъ Отдыхомъ“, если бы уже не было взято другими это названіе.

Подписная цѣна „Радуги“ съ доставкою и пересылкою:

За годъ пять рублей.

За полгода три рубля.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ „Радуги“, при редакціи „Современныхъ Свѣстей“ (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій переулокъ, домъ Александровскаго подворья).

Издатель-редакторъ Н. Гилляровъ-Платоновъ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ

Выходитъ въ 1883 году. безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями.—Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по Русской исторіи, изъ которыхъ составитъ особый альбомъ.

Въ „Газетѣ“ будетъ печататься новая повѣсть *Н. С. Лыскова*: „Соколий Перелетъ“.

ПРЕМИИ: „Крестный календарь“ 1884 года на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки 4 р., съ пересылкой 5 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 3 р.; на 1 мѣсяць 75 к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

**О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.**

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціаль-ныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дѣя и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ. «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дѣя какъ въ Имперіи, такъ и за границею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспонденцію въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

<p>Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,</p>	}	<p>Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,</p>
<p>На годъ 8 р. — полгода 4 » 50 к. — 3 мѣсяца 2 » 40 » За 1 мѣсяць — » 80 »</p>	}	<p>На годъ 10 руб. — полгода 5 » — 3 мѣсяца 3 » За 1 мѣсяць 1 »</p>

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» (Виленская улица, домъ г. Ленскаго), въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (Вольшяя улица, собственный домъ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для напечатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика (уголъ Невского и Малой Морской, д № 11); въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцли (Петровка, домъ Солодовникова); въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера (Сенаторская, домъ № 22); въ Парижѣ; у Гаваса (Agence Havas et Cie, Paris, place de la Bourse, 8); въ Лондонѣ, у Даубе (London 130, Fleet street F. C.); въ Гамбургѣ, у Адольфа Срейнера (Ganzenmarkt. 58).

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

подъ редакціею Леонида Полонскаго.

Открыта подписка на 1883 годъ. Изгородные присылають деньги въ редакцію «СТРАНЫ»: Петербургъ, Цески, 1 ул. № 8. Городская подписка принимается въ конторахъ: при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова, Невскій 46, а въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Моховая. д. Коха. Книгопродавцы получаютъ обычную уступку.

ПОДПИСКА: на годъ съ пересылкой и доставкой, 8 р.; на полгода—5 р.; на три мѣсяца—2 р. 50 к.; на два—1 р. 75 к.; на одинъ 1 р.

«СТРАНА» будетъ издаваться по прежней программѣ, включая политическія статьи по внутреннимъ и вѣшнимъ дѣламъ, статьи экономическія, литературныя, юридическія, по части искусствъ, извѣстія, постоянныя корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и изъ Парижа, и фельетонъ общественной жизни съ театральнымъ обзорѣнемъ.

Въ каждомъ номерѣ, по возможности, будетъ помѣщаться фельетонъ или другая статья для легкаго чтенія.

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
 ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
НЕДѢЛЯ

16-й годъ изданія.

16-й годъ изданія.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО
ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

Газета «НЕДѢЛЯ» выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ, нумерами въ два большихъ листа убористой печати, всего въ количествѣ 52 нумеровъ въ годъ.

Газета «НЕДѢЛЯ» слѣдуетъ народно-прогрессивному направленію. Сочувствуя принципамъ самоуправленія, свободы печати, совѣсти и личности вообще, какъ цѣли человѣческаго общежитія, она признаетъ въ то же время необходимымъ сообразовать эти принципы съ національными особенностями Россіи. По убѣжденію редакціи «НЕДѢЛЯ», только при этомъ условіи возможно полное осуществленіе и утвержденіе въ Россіи истинной, а не мнимой свободы.

Какъ еженедѣльная газета, «НЕДѢЛЯ» имѣетъ цѣлью знакомить читателей со всѣмъ, что творится замѣчательнаго на свѣтѣ вообще и въ Россіи въ частности. Такимъ образомъ лица, не имѣющія возможности аккуратно слѣдить за ежедневными газетами, найдутъ въ каждомъ номерѣ «НЕДѢЛЯ» цѣлый рядъ хроникъ, отчетовъ и статей, посвященныхъ общественной и политической жизни за истекшую недѣлю. А такъ какъ всѣ эти хроники и отчеты представляютъ собою не перепечатку извѣстій изъ другихъ газетъ (въ «НЕДѢЛЯ» вообще никакихъ перепечатокъ не допускается), но связныя, литературно-обработанныя статьи, то они представляютъ интересъ и для читателей ежедневныхъ газетъ.

Относительно выбора статей для «НЕДѢЛЯ» и вообще матеріала для чтенія, редакція всегда имѣетъ въ виду провинціальную публику и ея потребности. Для нея провинція стоитъ на первомъ планѣ, а Петербургъ—на второмъ,

Читатели «НЕДѢЛЯ» получаютъ: 1) въ сжатомъ, систематическомъ видѣ сводъ текущихъ извѣстій изъ русской и иностранной

жизни; 2) руководящія статьи по поводу какъ этихъ извѣстій, такъ и вообще современныхъ вопросовъ; 3) корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы; 4) критическія статьи и извѣстія о новыхъ книгахъ; 5) статьи обще-интереснаго содержанія по общественно научнымъ вопросамъ; 6) статьи, посвященныя отдѣльнымъ явленіямъ жизни, преимущественно провинціальной; 7) беллетристику в поэзію; 8) фельетонъ; и 9) разнаго рода интересныя мелкія извѣстія изъ дѣятельности правительства и общества, выдающіеся случаи изъ жизни и т. д.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» составляетъ приложение къ газетѣ «НЕДѢЛЯ» и выходитъ ежемѣсячными книжками, въ первое воскресенье послѣ каждаго перваго числа.

Въ «ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» помѣщаются какъ иностранныя, такъ русскіе романы и повѣсти, въ чемъ заключается одно изъ существенныхъ его отличій отъ разныхъ сборниковъ и журналовъ романовъ, печатающихъ одни только переводы.

Въ 1882 году въ «ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» были напечатаны слѣдующія произведенія: I. РУССКІЯ: Сагайдачный; Историческая повѣсть *Д. Л. Мордовцева*; Сенаторская ревизія. Изъ провинціальной губернской жизни. II. *Кармасинова* (псевдонимъ): Исторія моего оскопленія. Изъ записокъ сконца; Счастливые всѣхъ. Романъ *П. А. Крушова*; За себя и другихъ. Романъ *Вури Родендорфъ*; Свѣтопреставленіе. Разсказъ *Н. Л.*; Раззоренное гнѣздо. Повѣсть *Н. Данской*. II. ИНОСТРАННЫЯ: Вертепъ. Романъ *Эмил Золя*; Царскія кудри. Романъ *Мистриссъ Бреддонъ*; Борьба. Повѣсть *Поля Моріана*; Серебряная свадьба. Разсказъ *Д. К. Муррея*; Нэпсн. Романъ *миссъ Брютонъ*; Сердце и наука. Романъ *Уильки Коллинза*; Жиды. Романъ *Франци Маутнера*.

Въ книжкахъ за предыдущіе годы помѣщены романы и повѣсти Я. П. Полонскаго, Д. Л. Мордовцева, Ольги Шапиръ, К. К. Случевского, Л. Рускина (псевдонимъ), Альфонса Доде, Е. Марлита, Георга Эберса, Уиды и мн. др.

ПОДПИСКА на полученіе въ 1883 году газеты «НЕДѢЛЯ» съ приложеніемъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» открыта.

Цѣна обонхъ изданій вѣсть — 8 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12.

Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1883 г.
(СУЩЕСТВУЕТЪ 52 ГОДА).

ВАЗА

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ
С.-Петербургъ,
Ивиновская, № 14.

ДАМСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-МОДНЫЙ И РУКОДѢЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами и
дастъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала т. е. 24 номера литературныхъ (оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, путешествія, разные извѣстія, новости и т. п.) и 24 номера рукодѣльно-модныхъ (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ, рисунки парижскихъ модъ в рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство). Новопозобрѣтенія по части модъ, медецины, косметиковъ и т. п.

1000 политипажей въ текстѣ.

24 модныя раскрашенныя гравюры.

12 вырѣзанныхъ выроекъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выроекъ (до 1000 еоризъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1883 годъ заключающій: святцы, и необходимыя свидѣнія).

Каждый подписчикъ
1883 года получить

6 ПРЕМІЙ А ИМЕННО:

- I. Туфли съ окончательнo вышитымъ узоромъ. Вышивка передовъ исполнена выпуклымъ бархатнымъ швомъ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 р.).
 - II. Олеографичеткая картина. (Ландшафтъ) громаднхъ размѣровъ 1¹/₂ аршина длинн и 14¹/₄ верш. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ Королевскомъ Олеографическ. Институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).
 - III. Шарфъ à l'avaligé изъ тмля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.
 - IV. Салфетка для сухарницы, узорчатого тканья съ длинной бахромой.
 - V. Корзинка рабочая
 - VI. Вашмачекъ для часовъ
- Объ вещь изъ тисненнаго papier-mâché со вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступления подписныхъ денегъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	съ пересылкой.	езъ пересылки.	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	} На укупорку премій слѣдуетъ добавить 50 коп.
„ „ безъ премій	7 „	6 „ — „	
На ¹ / ₂ года съ преміями	9 „	8 „ — „	
„ „ безъ премій	4 „	3 „ 40 „	

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ,

выходящую въ количествѣ 360 №№ въ годъ.

Программа газеты слѣдующая:

1) Мѣсяцесловъ. 2) Телеграммы. 3) Придворныя новости. 4) Дѣйствія правительства. 5) Назначенія и награды. 6) Обзоръ дня. 7) Дневникъ происшествій. Новости, слухи, отчеты о засѣданіяхъ думскихъ и различныхъ ученыхъ обществъ: сообщенія въ предѣлахъ первопрестольной столицы и городскія телеграммы. 8) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обзрѣвнй. 9) Самостоятельныя сообщенія изъ другихъ городовъ имперіи, избоки изъ другихъ газетъ. 10) Иностранный отдѣлъ. 11) Корреспонденціи. 12) Курьезы, анекдоты, афоризмы, промахи нашей прессы, острооты, шутки загадки и шарады. 13) Биржевой отдѣлъ, на который редакціей будетъ обращено усиленное вниманіе относительно цѣнъ на всѣ товары и кромѣ того на цѣны серебра и золота въ слиткахъ и издѣліяхъ. 14) Справочный отдѣлъ: адреса, время отхода поѣздовъ, назначеніе театральныя и другіе спектакли и время засѣданій ученыхъ обществъ. 15) Фельетоны: общественный, литературный, музыкальный и театальный. 16) Литературный отдѣлъ: стихи, очерки, сцены, разсказы, повѣсти и романы, оригинальные и переводные. 17) Спортъ: скачки, бѣга, охота и т. п. 18) Рекламы и объявленія.

Въ нашемъ изданіи заявили желаніе принять участіе слѣдующіе сотрудники: П. П. Богатыревъ, П. А. Ванковъ, Е. А. Вернеръ, А. М. Герсонъ, Л. Г. Граве, Ф. С. Гуринъ, Л. П. Гуляевъ, В. А. Гуляровский, А. М. Дмитріевъ, П. В. Захарыинъ, А. О. Ивановъ-Классикъ, Ф. К. Ивановъ, П. Н. Измайловъ, А. В. Кругловъ, М. А. Козыревъ, Н. А. Лейклякъ, П. П. Мясницкій, А. М. Назухинъ, Л. П. Пальшинъ, А. А. Плещеевъ (Сказозубъ), Ф. Ф. Полудогло, М. П. Рудниковскій (псевдонимъ), Н. С. Стружковъ, «Старый знакомый» (псевдонимъ), Д. Тогольскій, А. Т. Трофимовъ, П. П. Тимощевъ, Н. Успенскій, Н. А. Чмыревъ, А. Е. Шитовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

Съ доставкою въ Москвѣ:

На 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
1 —	1 90	2 80	3 70	4 60	5 40	6 —	6 60	7 20	7 80	8 40	9 —

Съ пересылкою въ города.

1 —	2 —	3 —	3 90	4 80	5 70	6 —	7 30	8 —	8 70	9 40	10 —
-----	-----	-----	------	------	------	-----	------	-----	------	------	------

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи, Воздвиженка, Ваганьковскій переулокъ, д. Алексѣева; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева, на Страстномъ бульварѣ, Д. П. Прѣсова, на Никольской улицѣ; «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ; въ магазинѣ Ф. Ф. Андреева, у Большаго театра, домъ Хомякова; въ гастрономическомъ магазинѣ г. Генералова, на Лубянкѣ; въ конторахъ объявленій Печковской, Петровскія ливн; у Мейера, Моросейка, домъ Леонова; въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Исаксона и «Новаго Времени». Контора редакціи отвѣтствуетъ только въ принятіи подписки въ упомянутыхъ мѣстахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

СИБИРСКУЮ ГАЗЕТУ

на 1883 годъ

въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Иркутскѣ—въ типографіи Сяпцына и въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи «Восточнаго Обзорія». Иногородные адресуются прямо: въ Томскѣ, въ редакцію «Сибирской Газеты».

Газета будетъ выходить въ 1883 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ 1½—2 листовъ. Подписная цѣна таже: для иногородныхъ за годъ 7 р., полгода—4 р., для городскихъ за годъ—6 р. и за полгода—3 р. 50 к. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій: цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они не исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ какія выдвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обзоріяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обзоріевъ, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Справочный отдѣлъ будетъ значительно расширенъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, рассказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами, для всѣхъ такихъ лицъ страницы «Сибирской Газеты» широко открыты; отъ сочувствія общества будетъ зависѣть нашъ успѣхъ.

Корреспонденціи адресовать: въ Томскѣ, въ редакцію «Сибир. Газ.».

ходь, если эту статью обложить налогомъ. Вы знаете, что онъ сдѣлалъ въ прошломъ году съ охотой? Прежде это была привиллегія немногихъ. «Времена привиллегій, говоритъ онъ, миновали; всѣ люди равны»; стало быть, всѣ должны охотиться, а потому не угодно ли платить? Такъ и разводъ вступитъ въ итальянское королевство подь ручку съ министромъ финансовъ, и седьмая заповѣдь потерпитъ поражение отъ казны. И почему знать, можетъ быть, вице-король первый послѣдуетъ примѣру императора.

— Вѣроятно, онъ такъ горячо припалъ принципъ развода, что забылъ сыновій долгъ въ матерн. Если кромѣ того вспомнить, что его угодливость награждена прибавкой милліона въ годъ къ содержанию, то понятно будетъ, почему онъ сегодня такъ сияеть.

— Нѣтъ, дорогой профессоръ, я подозреваю инос. Не знаю, могу ли посвящать я въ эти дѣла капоника, но вотъ что:—взгляните на вице-короля и на графиню Аквилу, которая сегодня назначена штатсъ-дамой; вотъ они собираются танцовать. Какъ вамъ покажется? Не видите ли вы причины его радости?

— Фавны, Сатиры, Сильваны, рогатя божества! Что скажетъ графъ Аквила?

— Да, это переварить трудно будетъ. Но гордость не допустить его до подозрѣній.

— А если?

— Я и то удивляюсь, какъ онъ позволилъ женѣ припять назначеніе.

— А вотъ то то и есть. Вице король имѣетъ такую репутацію пѣтуха, что графъ побоялся позора прослыть ревнивымъ и трусливымъ мужемъ. Все гордость. Самъ отказался отъ камергерства, держится въ сторонѣ, ждетъ, чтобы ему предложили вакантный престолъ. О, я его знаю.

— И я его знаю, и будь графиня мнѣ сестра или дочь, я минуты не зналъ бы покоя.

— Не только женой, но и сыномъ его быть не безопасно. Вы слышали исторію съ ребенкомъ?

— Можетъ быть, враки.

— Спросите доктора Монтеджію. Онъ здѣсь. Дѣло замали, но что случилось, того нельзя отрицать. Графъ кажется хотѣлъ подражать Джованни Медичи, который, чтобы узнать будущность сына, велѣлъ женѣ выбросить его изъ окна ему на руки. Корино цѣль и

невредимъ попалъ на руки отцу, потому что ему на роду было написано сдѣлаться Тосканскимъ Гибериємъ; ну, а графскому сыну не было такой удачи.

— Да не выкинулъ же онъ сына изъ окна?

— Не изъ окна, а убилъ по неосторожности.

Между тѣмъ устраивались танцы. Вице-король пригласилъ графиню Аввила.

Хотя ему было только двадцать девять лѣтъ, но онъ былъ дурень, плѣшивъ и жегрень; зато манеры его были пріятны и обольстительны, особенно съ женщинами, которыя за это прощали ему выдавшіеся скулы и вздернутый носъ.

— Эти залы, графиня, открыты спеціально для васъ, сказалъ онъ ей. На дняхъ я ждалъ васъ всю ночь на балу, который давалъ мнѣ сепать, и хотя я не имѣлъ намѣренія давать больше баловъ въ эту зиму, потому что долженъ скоро ѣхать на бракосочетаніе Его Величества, но передумалъ, разсчитывая что ваша новая должность заставитъ васъ принять участіе въ придворномъ праздникѣ.

— Я здѣсь по желанію мужа, отвѣчала графиня.

— Если вашъ мужъ не воспротивился этому, значитъ, не могъ воспротивиться.

— Онъ могъ запретить мнѣ принять должность.

— Слѣдовательно, я буду благодарить графа.

— О, не дѣлайте этого, Ваше Величество, чтобы мнѣ не пришлось жаловаться на вашу внимательность.

Вице-король просіялъ отъ этихъ словъ, придавая имъ очень большое значеніе. Онъ обратился съ любезными словами къ живымъ каріатидамъ, наполнявшимъ залу.

— Господинъ герцогъ, сказалъ онъ оберъ-каммергеру Литтѣ, проходя мимо него, я уже не называю васъ маркизомъ. Правительство его величества признаю герцогскій майоратъ, который вы учредили въ прошломъ октябрѣ. Дорогой мой маркизъ Тривульціо, готовьте ключи; вы назначены въ каммергеры. Графъ Антони, позвольте мнѣ поздравить васъ командоромъ. И такъ далѣе.

Адвокатша Фальби, давно слѣдившая за вице-королемъ и графиней, подошла къ живописцу Босси и предложила ему пройти по заламъ. Но прежде чѣмъ слѣдовать за ними, намъ необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

II.

Графиня Аквила родилась въ знатномъ, но небогатомъ семействѣ. Родители ея были людьми очень добрыми и до того нравственными, что составляли своего рода фемонъ въ обществѣ своей эпохи. Пятнадцати лѣтъ она вышла изъ монастыря и сразу была признана по красотѣ, чистотѣ и миловидности первой аристократической невестой въ городѣ. Женихъ не замедлилъ представиться. Графъ Аквила былъ по богатству, уму, образованности и по энергій характера первымъ между знатной миланской молодежью. Предложеніе его было конечно принято, и свадьба была отпразднована. Но графъ былъ одержимъ непоправимымъ честолюбіемъ, самолюбіемъ и эгоизмомъ. Всякая роль, на которую онъ могъ претендовать въ современномъ ему обществѣ, казалась ему недостойной его. Онъ ядовито отзывался о сатранахъ, прихвостникахъ и подлупалахъ, какъ называлъ всѣхъ людей, занимающихъ какія нибудь мѣста въ Наполеоновской системѣ и казался человѣкомъ, преданнымъ гордой независимости. Но въ душѣ онъ сгоралъ завистью и честолюбіемъ и предавался самымъ фантастическимъ мечтамъ о своемъ будущемъ возвышеніи. На какія обстоятельства онъ рассчитывалъ, чего ждалъ, сказать трудно, потому что политическій порядокъ казался непоколебимымъ, и барометръ показывалъ beau fixe. Но это не мѣшало ему мечтать и ждать, а только дѣлало его характеръ мрачнымъ, желчнымъ и раздражительнымъ.

Надменный своею знатностью, онъ женился не по любви, на которую былъ неспособенъ, а разсудивъ, что жениться ему пора для продолженія рода. Графиню Амалію онъ выбралъ изъ тщеславія, потому что она была въ дѣвушкахъ первой красавицей и была достаточно знатна. Первенство всякаго рода принадлежало ему, и хозяйка его дома должна была непременно быть красавицей. По взгляду своему на женщину, онъ былъ настоящій средневѣковой феодалъ. Нѣкоторые поэты и историки утверждаютъ, что женщина никогда не была такъ идеализирована, уважаема, поставлена такъ высоко, какъ въ рыцарскую эпоху, въ эпоху царицъ турнировъ и сердецъ. Но они забываютъ, что къ той же эпохѣ принадлежатъ пояса вѣрности, посредствомъ которыхъ добродѣтель женщины оберегалась, какъ сундукъ съ деньгами. Живи графъ тогда, и случись

ему ѣхать въ Палестину, онъ непременно прибѣгнулъ бы къ этому средству. Но въ началѣ XIX вѣка онъ довольствовался тѣмъ, что держалъ жену въ заперти, въ обществѣ, ямъ самимъ избранномъ, никуда почти не отпуская ее безъ себя, пуская только прогуляться не иначе, какъ въ каретѣ, и ставя ей въ главную обязанность родить ему здороваго ребенка, непременно мужскаго пола. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на вещь, очень цѣнную, и потому требующую попеченія о ея сохранности, но совершенно лишенную воли, ума и чувствъ. Свою обязанность она исполнила, родивъ въ теченіе перваго же года мальчика. Но къ ужасу графа ребенокъ, подрастая, оказался хилымъ, болѣзненнымъ и сбѣжалъ даже сдѣлаться горбатымъ. Тогда отецъ принялся такъ усердно развивать его тѣло гимнастикой, что во время одного изъ такихъ упражненій уронилъ двухлѣтняго ребенка съ высоты и убилъ на мѣстѣ. Хотя онъ сдѣлалъ это конечно неумышленно, но графиня, всегда замиравшая при подобныхъ упражненіяхъ, почувствовала кромѣ горя глубокое отвращеніе къ мужу. До тѣхъ поръ она безотчетно скучала, по молодости не понимая своего положенія. Но теперь она почувствовала себя плѣнницей человѣка, котораго ненавидѣла и боялась.

Однако въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ брака онъ успѣлъ такъ выдрессировать ее, что она продолжала жить по прежнему. Всѣ, видя мужа и жену всегда вмѣстѣ, ее всегда чрезвычайно нарядной, считали ихъ счастливѣйшими супругами, и притомъ графъ внушалъ къ себѣ такое уваженіе, что самые записные Ловеласы не смѣли подумать объ ухаживаніи за его женой. Такимъ образомъ она приобрѣла репутацію недоступной добродѣтели.

Въ концѣ 1809 года въ Миланъ вернулся вице-король Богарне послѣ своей славной кампаніи, съ ореоломъ героя, прикрывшимъ его плѣшъ. Начались праздники и балы. Изъ нихъ самые блестящіе давались оберъ-каммергеромъ маркизомъ Литтой, обладателемъ состоянія въ 30 милліоновъ. У него былъ самый вышній швейцаръ, лучшій поваръ, и самая роскошная посуда во всемъ королевствѣ. Вице-король, любившій роскошь и блескъ и имѣвшій отъ императора наказъ поощрять къ ней знать, оказывалъ маркизу большое расположеніе и любилъ бывать на его обѣдахъ и балахъ. Графъ Аквила, всегда блиставшій отсутствіемъ на придворныхъ празднествахъ, съ наслажденіемъ фигурировалъ у Литты въ качествѣ бли-

жайшаго его друга и привозилъ жену, залитую бриллиантами. Встрѣтивъ графиню, вице-король съ перваго раза плѣнился ею и, улучивъ минуту, когда графа не было подлѣ жены, заговорилъ съ ней тѣмъ очаровательнымъ и граціознымъ французскимъ акцентомъ, который наследовалъ отъ своей матери Жозефины. Онъ безъ обиняковъ объяснился ей въ любви въ короткихъ, но пламенныхъ словахъ: со стороны всякаго другаго это было бы принято какъ дерзость; но онъ сумѣлъ сдѣлать это такъ, что когда онъ вслѣдъ затѣмъ отошелъ и уѣхалъ, графиня осталась подъ впечатлѣніемъ очарованія. Точно ясное небо промелькнуло ей среди сѣраго дня. Это было какое то открытіе, родъ откровенія, и невѣдомыя чувства наполнили ея грудь.

Нѣсколько дней пробыла она подъ этимъ впечатлѣніемъ, а между тѣмъ вице-король, чтобы устроить себѣ удобное свиданіе, выразилъ Литтѣ желаніе поохотиться у него въ Лайнате. Маркизь, считая за счастье угодить ему, тотчасъ распорядился и разослалъ приглашенія. Графъ Аквила принялъ приглашеніе очень охотно; ему хотѣлось посѣщеніемъ всѣхъ увеселительныхъ собраній, такъ сказать, подчеркнуть свое отсутствіе на придворныхъ празднествахъ.

Умышленно или неумышленно Литта забылъ пригласить на свою охоту адвоката Фальки съ женой, хотя былъ знакомъ съ ними. Приглашенія были разосланы за нѣсколько дней, и, увидѣвъ ихъ нѣсколько, адвокатша пришла въ бѣшенство. Это была женщина честолюбивая и властолюбивая. Адвокатъ, по природѣ волкъ и лиса, передъ ней часто прикидывался осломъ, видя въ этомъ единственное средство укротить ее, когда она расходится, хотя вообще эта пара дѣйствовала очень дружно. Въ этихъ случаяхъ приходилось плохо не только ему, но и всѣмъ друзьямъ дома, изъ которыхъ первымъ былъ министръ Прина, родомъ изъ Навары, какъ и Фальки; онъ ежедневно бывалъ у Фальки и имѣлъ съ нимъ большія дѣла. И ему случалось подвергаться бурнымъ вспышкамъ адвокатши, которыя онъ переносилъ полупокорно, полупшута, и иногда даже ему удавалось шутками утишить бурю.

Адвокатша, прозванная такъ не по званію мужа, а по страсти во все вмѣшиваться и по своимъ дѣловымъ способностямъ, была вторая жена Фальки. Первая жена его принесла ему въ приданое 300 т. лиръ, кривую спину и тупую доброту, подкрѣпленную

массивной набожностью, но не замедлила отправиться на тотъ свѣтъ, унеся горбъ и оставивъ деньги. Тогда онъ жепился на красавицъ съ береговъ Лаго-Маджіоре и вскорѣ открылъ въ ней достойнаго товарища и единомышленника. Съ тѣхъ поръ они составили дѣятельную ассоціацію, въ родѣ лорда и леди Макбетовъ, но если послѣдней помогли три вѣдьмы, то адвокатша сама взяла на себя и ихъ роли. Миръ нарушали только любовныя похождения супруги. Адвокатъ въ началѣ былъ ревнивъ, потому что похождения эти не общали никакихъ выгодъ для ассоціаціи. Но когда въ Миланѣ прибылъ вице-король и обратилъ благосклонное вниманіе на пышныя прелести синьоры Фальки, онъ закрылъ оба глаза. Нѣкоторое время она торжествовала, воображая себя вице-королевой, и такъ какъ была женщина необразованная и грубая, то триумфъ этотъ обнаруживался весьма наглымъ образомъ. Однако вице-королю скоро пріѣлись эти массивныя мяса; онъ уѣхалъ въ походъ и, вернувшись, пересталъ обращать вниманіе на адвокатшу, которой пришлось, къ своему неопisanному бѣшенству, проститься съ ролью вице-королевы. Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ она была оскорблена забывчивостью маркиза Литты.

Министръ Прина игралъ въ карты съ адвокатомъ, когда возвратившаяся домой адвокатша разразилась бурей. Онъ долго слушалъ и наконецъ сказалъ:

— Успокойтесь, синьора Тереза, маркизь пригласитъ васъ. Охота еще только послѣ завтра; еще не всѣ приглашенія разосланы. Вы знаете, ихъ разсылаетъ майордомъ, а онъ человѣкъ старый и глупый; въ 65 лѣтъ гдѣ ему помнить всѣхъ городскихъ красавицъ (это было сказано специально для успокоенія)? Во всякомъ случаѣ будьте покойны на счетъ приглашенія. Я сегодня вечеромъ заѣду къ маркизу и все улажу.

— Вотъ еще, онъ подумаетъ, что я напрашиваюсь!

— Ничего не подумаетъ, положитесь на меня и успокойтесь.

— Я не хочу, чтобы эти мерзавки узнали...

— Никто ничего не узнаетъ, да и нечего узнавать. Право, синьора, я вижу, что вашъ слуга Андрей правъ, говоря, что у барыни голова не того...

— Какъ, онъ смѣетъ? Я его сейчасъ въ шею.

— Вы не захотите оправдать мнѣніе этого бѣдняги, который

говорить, что всѣ красавицы нѣсколько помѣшаны и что это происходитъ отъ фиміама, расточаемаго имъ чичисбеями.

Эти слова успокоили адвокатшу. Прина поѣхалъ къ маркизу, который успѣшилъ исполнить его просьбу, пославъ приглашеніе Фальки.

III.

Насталъ день охоты. Отовсюду тронулись экипажи и всадники по дорогѣ въ Лейснатъ. Уго Фосколо въ зеленоматомъ суконномъ фракѣ, въ сѣрыхъ штанахъ и ботфортахъ скакалъ подлѣ кареты графини А***, очаровательной красавицы, умной, образованной, остроумной, привѣтливой, но посвятившей себя специально на служеніе любви, совершая его шумно, страстно, скандально. Мѣсяцъ тому назадъ онъ получилъ отъ нея такую записку: «Я слышала, что вы называете меня Аспазіей; я принимаю похвалу, а вмѣстѣ и порицаніе; но вы, будучи грекомъ, должны хорошо играть роль Перикла; если вы не прочь, то возобновимъ прекрасныя времена Аоннъ; среди столькихъ ословъ, окружающихъ Аспазію, нельзя осуждать ее за вѣтренность; дѣло Перикла произвести чудо обращенія».

Можетъ быть, на другого такое прямое объясненіе произвело бы непріятное впечатлѣніе; но Фосколо съ своей пылкой душой, съ своимъ экзальтированнымъ темпераментомъ, культомъ красоты, гордостью, нашедшей совершенно естественнымъ отличіе, которое дѣлалось ему, воспыла въ сразу страстной любовью, и вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ онъ наслаждался ею, и до сихъ поръ ни одно облачко не омрачило его неба. Чудо, повидимому, совершилось, хотя, какъ извѣстно, Фосколо былъ очень дуракъ собой; но онъ былъ молодъ, ловокъ, его рыжая грива придавала оригинальность его безобразію,—и графиня до сихъ поръ была подъ обаяніемъ поэта. Впрочемъ она была всегда искренна въ своихъ привязанностяхъ, и если онѣ были такъ кратковременны, то это была, можетъ быть, вина ихъ предметовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Фосколо занялъ свое положеніе при ней, всѣ прочіе поклонники ея дер-

жались въ сторонѣ, зная бѣшеный характеръ поэта и его славу непобѣдимаго дуэлиста.

Мимо экипажа графини проѣхала карета графини Аквила. Графъ ѣхалъ подлѣ верхомъ. Онѣ раскланялись, и затѣмъ синьора А*** спросила Фосколо:

— Вы знаете графиню?

— Видалъ нѣсколько разъ; она имѣетъ видъ святой.

— А вы усердны къ святымъ?

— Нѣтъ, я никогда не влюбился бы въ подобную женщину, но право, она возбуждаетъ во мнѣ состраданіе; мнѣ кажется, что мужъ ея долженъ быть деспотомъ.

Приѣхали на мѣсто охоты. Записные Исавы забрались сюда еще на зарѣ. Но большинство съѣхалось вовсе не для охоты, или, какъ вице-король, для охоты за другой дичью. Съѣли на лошадей и мало по малу начали раздѣляться на группы въ нѣсколько человѣкъ. Вице-король долго ѣхалъ, разговаривая съ маркизомъ Паллавичино, потомъ вдругъ очутился подлѣ графа Авилы въ ту минуту, какъ братъ графини остановилъ ее, чтобы поправить у нея сѣдло. Вице-король заговорилъ съ графомъ и въ то же время шибко поѣхалъ впередъ, оборачиваясь къ графу, какъ будто приглашая его слѣдовать за собой. Графъ, хотя неохотно, долженъ былъ послѣдовать, и такимъ образомъ они отдѣлились отъ кавалькады. Вице-король еще нѣсколько времени ѣхалъ крупной рысью, и только когда они отъѣхали на большое разстояніе, обратился къ графу:

— Извините, что я завлекъ васъ такъ далеко.

Графъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ надменно, какъ будто вице-королемъ былъ онъ.

— Знаете, почему маркизь Литта устроилъ эту охоту? продолжалъ Евгений.

— Нѣтъ, уклончиво отвѣчалъ графъ.

— По моей просьбѣ.

Графъ чуть замѣтно пожалъ плечами, какъ бы говоря: а мнѣ что за дѣло?

— А знаете, почему и съ какимъ условіемъ я его просилъ объ этомъ?

Графъ молчалъ.

— Чтобы повидаться съ вами; условіе было, чтобы вы непре-

мѣнно были. Сожалѣю, что графинѣ пришлось выѣхать на свѣжій утренній воздухъ; но я рассчитывалъ, что вы будете одни.

Графъ не понималъ. Онъ пристально взглянулъ на вице-короля и машинальнымъ движеніемъ остановилъ лошадь. Богарне сдѣлалъ тоже, продолжая говорить:

— Вотъ какъ, графъ. Я давно собираюсь поговорить съ вами. Мѣсяць тому назадъ вы были предметомъ интереснаго разговора между мной и императоромъ, и разговоръ этотъ продолжался больше двухъ часовъ.

Графъ, хотя не любилъ Наполеона и презиралъ вице-короля, почувствовалъ такое удовольствіе при этихъ словахъ, какого не испытывалъ всю жизнь. Кровь прилила ему въ лицо.

— Изъ за васъ мнѣ пришлось услышать упрёки отъ Его Величества.

— Какъ изъ за меня?

— Я повторю вамъ его подлинныя слова: «Мнѣ извѣстно, что среди Миланской знати есть одинъ молодой человекъ необыкновенныхъ способностей и античнаго характера. Почему вы мнѣ никогда не говорили о немъ?» Такъ именно выразился императоръ. Я отвѣчалъ, что не говорилъ, потому что это было бы бесполезно, и тутъ сообщилъ ему, что вы рѣшительно желаете держаться въ сторонѣ отъ всякихъ официальныхъ обязанностей.—Я это знаю, сказалъ императоръ, и знаю почему. Скажите же ему, пусть онъ обведетъ взоромъ всю имперію и все королевство, разсмотритъ самыя трудныя мѣста и выберетъ. Вотъ это то я и долженъ вамъ передать.

Никогда еще самолюбіе графа не было такъ польщено, какъ этими словами. Подъ ихъ впечатлѣніемъ онъ таялъ, и они производили на его убѣжденія и намѣренія дѣйствіе сильнѣйшей разлагающей кислоты. Но онъ такъ владѣлъ собой, что по наружности его никто не догадался бы, что происходитъ въ немъ.

— Мнѣ удивительно, ваше высочество, что императоръ имѣетъ время думать обо мнѣ; какъ нашлись люди, осмѣлившіеся занять его такимъ недостойнымъ его вниманія предметомъ? И мнѣ жаль, что его величество составилъ обо мнѣ мнѣніе настолько преувеличенное. Моя твердая рѣшимость оставаться въ сторонѣ можетъ показаться при этомъ упрямствомъ или еще чѣмъ нибудь хуже, между тѣмъ какъ для меня это потребность, необходимость моей физической, нравственной и умственной природы. Я люблю мракъ.

— Извините, графъ, но я скажу, что это гордость.

— О, вы опиааетесь, ваше высочество! Скажите—отчаяніе.

— Какое отчаяніе? Въ чемъ?

— Въ людяхъ и въ дѣлахъ. Моему характеру не соотвѣтствуютъ обстоятельства, которымъ судьба подвергла міръ, а удерживать своими руками колесо судьбы я не чувствую въ себѣ достаточно силъ. И его величество долженъ благодарить меня за то, что я живу въ бездѣйствіи и мракѣ.

— Почему?

— Потому что я былъ бы опасенъ и для него, и для отечества, еслибы дѣйствовалъ.

— Не понимаю васъ.

— Я объяснюсь откровенно. Я сомнѣваюсь еще... Но еслибы я пересталъ сомнѣваться, я былъ бы мятежникъ. Находясь въ нерѣшительности, въ тревожномъ недоумѣніи человѣка, который ищетъ и не находитъ, я поступаю благоразумно, держась въ сторонѣ въ ожиданіи рѣшительнаго слова, которое объяснило бы мнѣ все прошлое, въ ожиданіи послѣдней страницы, гдѣ выскажется главная мысль всей книги. Еслибы завтра я убѣдился въ совершенствѣ Наполеоновскаго зданія, я сдѣлался бы усерднѣйшимъ рабочимъ великаго зодчаго. Надѣюсь, ваше высочество, что вы благосклонно примете мою откровенность. Я не могу быть орудіемъ въ рукѣ, цѣль работы которой не понимаю.

Онъ говорилъ съ благородною независимостью, но вся эта рѣчь была приготовленіемъ себѣ отступленія изъ своего оппозиціоннаго положенія.

— Благодарю, васъ, графъ, отвѣчалъ Евгений, но позвольте узнать, выражали ли вы кому нибудь прежде эти мысли?

— Это было бы бесполезно, а вамъ, ваше высочество, я счелъ долгомъ выразить ихъ.

— Еще разъ благодарю и еще больше буду благодарить въ тотъ день, когда вамъ угодно будетъ выйти изъ этого вреднаго бездѣйствія. Все, что вы мнѣ сказали сегодня, я передамъ императору, и надѣюсь, мы скоро увидимся. Но однако пора намъ на поле сраженія. Я слышу выстрѣлы. Вотъ Алексъ охотниковъ, маркизъ Санназаро. Разѣдемся, графъ, это долженъ быть правый флангъ охоты; ѣду командовать лѣвымъ; до свиданія у Литты.

Маркизъ Санназаро, высокій, дюжій молодой человѣкъ, черный

и волосатый, какъ Исавъ, былъ близокъ къ вице-королю и служилъ его адъютантомъ на войнѣ. Не объясняя ему, зачѣмъ, Богарне велѣлъ ему завладѣть графомъ и не отпускать отъ себя. Они часто бывали на охотѣ въ окрестностяхъ Лайпште, знали мѣстность и назначили съѣхаться въ этомъ мѣстѣ. Графъ Аквила былъ друженъ съ Санназаро и остался съ нимъ.

— Здѣсь удобное мѣсто, сказалъ ему адъютантъ:— Собаки спущены. Сойдемъ съ лошадей и станемъ здѣсь.

Между тѣмъ, вице-король, припустивъ лошадь, присоединился къ обществу. Его главному адъютанту, генералу Сентъ-Илеру, было раньше поручено подъ какимъ нибудь предлогомъ отвлечь графиню Аквила въ сторону. Не найдя ихъ, вице-король осмѣлился о своемъ адъютантѣ.

— Онъ поѣхалъ туда съ графиней Аквила и съ Уго Фосколо, отвѣчала ему синьора А***, горячо разговаривавшая о чемъ-то съ драгунскимъ полковникомъ.

Дѣйствительно, Уго Фосколо подмѣтилъ подозрительные маневры вокругъ графини, и отчасти изъ любопытства, отчасти изъ участія хотѣлъ провѣрить свои подозрѣнія. Когда графиня Амалія обратилась къ нему съ вопросомъ, какое лучшее изданіе Ортиса, онъ воспользовался этимъ, чтобы заговорить съ ней и послѣдовать за ней; онъ зналъ, между прочимъ, что ея спутникъ, Сентъ-Илеръ, служить вице-королю не только на полѣ сраженія, но и въ будuarныхъ интригахъ.

Богарне, догнавъ ихъ и увидя Уго Фосколо, гнѣвно взглянулъ на Сентъ-Илера и сказалъ графинѣ:

— Васъ ищетъ вашъ мужъ.

Сентъ-Илеръ остановилъ лошадь и заговорилъ съ Фосколо, который также остановился. Вице-король продолжалъ ѣхать подлѣ графини, которая смутилась при его появленіи, и они исчезли.

Фосколо вернулся къ своей пріятельницѣ и сказалъ ей:

— Послушайте, сегодня вамъ представляется случай искупить однимъ добрымъ дѣломъ много прегрѣшеній.

— Что такое?

— Дѣло въ томъ, чтобы предупредить, быть можетъ, цѣлую катастрофу. Вы дружны съ графиней Аквила; скажите же ей, чтобы она остерегалась. Этотъ блудливый Богарне хочетъ скомпро-

метировать ее; пусть же она остережется. Я терпѣть не могу ея мужа, но еще больше ненавижу вице-короля.

— Откуда вы все это узнали?

— У меня медицинскій взглядъ, синьора, я вижу челоуѣка насквозь. Предупредите же графиню. Но, пожалуйста, чтобы это оставалось между нами. Будто вы сами все замѣтили и даете со-вѣтъ отъ себя. Меня не надо путать. До свиданія на виллѣ.

Синьора А***, нелюбившая вице-короля (вѣроятно, не безъ при-чины), подозвала драгунскаго полковника и сказала ему:

— Соберите побольше народу и поѣдемъ за вице-королемъ.

Она только что почувствовала къ этому офицеру, котораго знала прежде, одинъ изъ своихъ внезапныхъ капризовъ и, по своему обычаю, уже успѣла заявить ему это.

Они догнали вице-короля многочисленнымъ обществомъ; ему пришлось разстаться съ графиней Амаліей. Графиня А*** была такъ увлечена полковникомъ, что забыла исполнить порученіе Фосколо. Стало поздно, и всѣ направились къ виллѣ Литты въ Лайнате. Синьора А*** умудрилась очутиться въ сѣняхъ наединѣ съ полковникомъ; въ полутьмѣ послышались поцѣлуи, но въ ту же минуту раздался ударъ хлыста по рѣскошнымъ плечамъ графини. Это былъ Уго Фосколо, сопровождавшій свой ударъ градомъ ужасной брани.

Полковникъ и поэтъ обмѣнялись яростнымъ взглядомъ.

— Я—полковникъ Бароджи.

— А я—Уго Фосколо.

— Такъ до завтра.

— До завтра.

Графиня прошла въ залу, задыхаясь отъ ярости, стыда и страстнаго волненія. Никто, впрочемъ, не замѣтилъ этой сцены.

Единственнымъ результатомъ выходки Фосколо было то, что тайна, вѣрнная имъ графинѣ, перестала быть тайной, будучи тутъ же сообщена разнымъ ея знакомымъ и въ томъ числѣ Фальки.

За великолѣпнымъ ужномъ всѣ лица сіяли веселіемъ за исклю-ченіемъ фізіономій вице-короля, графини Аввилы, синьоры А***, Уго Фосколо и адвокатши. Последняя имѣла на это особенную при-чину. Ей вздумалось напоминать вице-королю о прежнихъ отно-шеніяхъ, а онъ отвѣчалъ на это словами, которыхъ нельзя было

не принять за оскорбленіе. Адвокатъ слышалъ ихъ, но сдѣлалъ видъ, что не слышитъ; министръ Принна покачалъ головой; гости переглянулись съ усмѣшкой. Послѣ ужина адвокатша, притворяясь равнодушной и развязной, подошла къ графинѣ А*** и сказала:

— Что съ вами сегодня? Что вы нахохлились и мечете молніи изъ глазъ? П-кой чортъ разобралъ вашего Фосколо; во весь ужинъ рта не открылъ. Вѣрно что нибудь не ладно. Вѣдь я говорила вамъ, что съ этимъ сорванцомъ ладу не будетъ.

Графиня была изъ тѣхъ натуръ, которыя ничего не могутъ скрывать. Въ отвѣтъ, она сняла съ плечъ шаль и сказала:

— Посмотрите.

— Что это такое? У васъ вся кожа содрана, точно отъ мушки. Какъ это сдѣлалось?

— Спросите лучше, кто это сдѣлалъ?

— Кто?

— Фосколо.

— За что?

— Ни за что.

— О!

— Какъ вамъ это понравится? Точно я съ нимъ контрактъ подписала. Какъ будто я не вольна. Вчера мнѣ понравился рыжій поэтъ; я и теперь скажу, что въ немъ много хорошаго; но вѣдь не на всю же жизнь? А сегодня понравился другой. Чѣмъ же я виновата; я не могу себя передѣлать.

— Да что же случилось?

— Очень простая вещь. Мнѣ очень нравится полковникъ Бароджи. Такой красавецъ! Ну, я осталась съ нимъ одна—я его поцѣловала. Вотъ и все. Вы знаете, что поцѣлуй—моя смерть.

— Ну, и что же?

— А Фосколо увидѣлъ. Будь у него сабля, я думаю, перерубилъ бы меня пополамъ. Нѣтъ, нѣтъ, я съ нимъ ни за что не помирюсь. Съ другимъ помирилась бы, а тутъ жизнь въ опасности. Какъ я была глупа, заведя любовь съ какимъ-то звѣремъ во фракѣ. Но посмотрите на полковника. Какая прелесть! Право, какъ посмотрю на него, такъ даже боли не чувствую.

Фальки оглянулась и замѣтила, что вице-король все разговариваетъ съ графомъ Аквила.

— Тутъ какая-то непостижимая тайна, сказала она. — Графъ всегда терпѣть не могъ вице-короля, а сегодня они друзья-друзьями. Утромъ долго вмѣстѣ разъѣзжали. Что бы это значило?

— Вамъ хочется знать? Видите ли, графъ-то, при всемъ своемъ умѣ, попался въ сѣти, какъ дурачекъ, а графиня, при всей своей непорочности, хочетъ пережѣнить вѣру. Мнѣ самой Фосколо поручалъ—да, я и забыла! Онъ хочетъ быть ангеломъ-хранителемъ этой невинности, на которую дьяволъ посягаетъ.

— Въ чемъ же дѣло наконецъ?

— Конецъ, котораго желаетъ вице-король, понятенъ. Но я не подумая передавать графинѣ предостереженія Фосколо. Эти литераторы, при всѣхъ своихъ претензіяхъ, понятія не имѣютъ о свѣтѣ. Имъ бы молиться на женщинъ, но съ условіемъ, чтобы онѣ были рабыни. Плохое вознагражденіе! Свобода должна быть для всѣхъ, стало быть и для женщинъ. Если, напримѣръ, графинѣ надоѣлъ ся чудакъ-мужъ, что же за бѣда, что она вздумаетъ обратиться въ другую сторону? Почему ей нельзя сдѣлать этого? Конечно, я не выбрала бы на ея мѣстѣ вице-короля, но если онъ ей нравится? Мое ли дѣло говорить ей: «не дѣлайте этого»? Терпѣть не могу чопорныхъ барынь, воображающихъ себя святыми, тогда какъ у нихъ просто рыба кровь. Я скорѣе поздравлю графиню, пожалуйю, что она раньше не вздумала и предложу ей содѣйствіе, если оно нужно, ободрю, если она труситъ.

Фальки глубокомысленно молчала и наконецъ рѣшила:

— Я ничему этому не вѣрю. Графъ Аквила не то, что другіе. Притомъ вице-король не любитъ такихъ женщинъ, что ему дѣлать съ такой хилой Цециліей, все возводящей глаза къ небу? Пока водятся женщины такой комплекціи, какъ мы съ вами, подобныя неземныя существа могутъ кружить головы только школьникамъ.

Говоря это, Фальки была въ душѣ убѣждена въ противномъ и чувствовала дабую злобу, что вся искусная страпня повара Литты свернулась кожомъ въ ея желудкѣ.

IV.

Со времени этой охоты до придворнаго бала, съ котораго ми начали эту главу, прошло нѣсколько недѣль. Графиня Амаля была пожалована въ штатсъ-дамы: мужъ ея объявилъ, что для себя ничего не желаетъ, но не хочетъ противиться сближенію жени съ принцессой, которая сама просила его согласиться на это. Ея подговорилъ конечно вице-король, но сдѣлалъ это такъ некусно, что ей казалось, что она дѣйствуетъ по собственному побужденію, изъ симпатіи къ хорошенькой и миловидной графинѣ. На балу графиня въ первый разъ имѣла случай вступить въ свое званіе и свободно поговорить среди танцевъ съ вице-королемъ. Поддаваясь увлеченію, она вся сіяла счастіемъ этого свиданія, такъ что опытный глазъ адвокатши не могъ не замѣтить этого. Когда, по окончаніи танцевъ, вице-король, не покидая руки графини вышелъ съ нею изъ залы Каріатидъ въ другія, Фальби, какъ мы видѣли, подошла къ живописцу Босси, приглашая его пройти съ нею.

— Куда же? Въ буфетъ? сказалъ онъ.

— Въ буфетъ послѣ пойдемъ, а теперь я васъ проведу, куда нужно.

— Я къ вашимъ услугамъ, но въ чемъ дѣло?

— Ни въ чемъ или въ очень многомъ. Я не желала бы, чтобы здѣсь разыгралась трагедія.

— Трагедія?

— Графъ Аквила здѣсь и не слѣлъ; графиня потеряла голову, а это чучело, вице-король, хочетъ се скомпрометировать.

— Ахъ, синьора, оставьте людей въ покоѣ! Что вы хотите дѣлать? Графъ преспокойно бесѣдуетъ цѣлый часъ съ Мармонемъ. Вы знаете, что когда онъ заспоритъ, то ужъ ни на что не обращаетъ вниманія. Не мѣшайте въ чужія дѣла.

Живописецъ очень хорошо зналъ адвокатшу и понималъ, что она хлопочетъ не съ добрыми намѣреніями.

— Знаете, что намъ слѣдуетъ сдѣлать? сказалъ онъ.

— Что?

— Пойти къ графу, и когда Мармонъ отойдетъ отъ него, занять его, заговорить, до тѣхъ поръ, пока можно будетъ отпустить безопасно на свободу.

— Я удивляюсь вамъ! За кого вы меня принимаете?

— Ну, хорошо, я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь. Какъ хотите.

Она отвернулась отъ него съ негодованіемъ и подхватила подъ руку молодаго человѣка лѣтъ двадцати пяти, прозваннаго милордчикомъ, потому что онъ сѣздилъ раза два въ Лондонъ и вывезъ, вмѣстѣ съ карриатурами на Наполеона, карриатурную англomanію, ѣлъ кровавые бифтексы и послѣлъ въ жилетномъ карманѣ громадныя часы луковницей, купленныя у адъютанта Нельсона. Правительство посмотрѣло было на него подозрительно, но убѣдившись, что онъ занятъ только лошадьми, женщинами и игрой, оставило въ покоѣ. Онъ ненавидѣлъ вице-короля въ качествѣ англomана, а еще болѣе за то, что одна красавица, за которой онъ ухаживалъ, была перехвачена у него подъ носомъ этимъ побѣдителемъ австрійскихъ генераловъ и женскихъ сердець.

Подхвативъ его подъ руку, Фальки вошла съ нимъ въ сосѣднюю залу, и въ ту-же минуту Милордчикъ зашепталъ съ волненіемъ:

— Видѣли? Каково! Вотъ бы графа привести полюбоваться.

— Да, можетъ быть, намъ показалось. Надо удостовѣриться.

— Какъ еще удостовѣриться? Развѣ вы не видѣли?

— Видѣть то видѣла. Какая наглость или наивность!

Весь этотъ разговоръ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ту самую минуту, какъ они входили въ эту залу, вице-король, бывшій тутъ съ графиней Амаліей, наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ открытую грудь. Она отскочила какъ ужаленная, и почти выскочила въ другую дверь; вице-король послѣшнo послѣдовалъ за ней, по въ сосѣдней залѣ стояла цѣлая толпа придворныхъ, съ удивленіемъ переглянувшихся при ихъ появленіи.

Черезъ четверть часа графиня Аввила, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла подлѣ вице-королевы, а синьора Фальки кончила рассказъ о происшествіи своему собесѣднику, министру Принцѣ.

— Только, ради Бога, не разглашайте этого, сказалъ онъ, выслушавши ее:—ужь довольно бѣды, что тутъ былъ еще свѣдѣтель, и притомъ такой! Скажите этому Милордчику, чтобы онъ не болталъ, хотя на это разсчитывать трудно. Это первѣйшій сплетникъ. Но красавицамъ все возможно, и если вы захотите, онъ будетъ молчать. Вѣдь подумайте, на кого все обрушится, если графъ узнастъ? Вице-король ничѣмъ не рискуетъ; если-бы даже графъ по своему характеру и рѣшился послать ему вызовъ, онъ

но всему положенію можетъ не принять его и конечно не приметъ. Выйдетъ только ужасный скандалъ, который еще хуже взбѣситъ графа, и вся его ярость обратится на ни въ чемъ неповинную, можетъ быть, жену. Ей одной придется за всѣхъ и за все расплачиваться. Пожалуйте же ее. Скажите Милордчику, что съ его стороны будетъ неслыханной подлостью подводить несчастную женщину подъ такую бѣду. Польстите ему; если людей увѣрить, что мы признаемъ за ними качества, которыхъ у нихъ никогда не бывало, они иногда способны изъ тщеславія вдругъ обнаружить ихъ, измѣнивъ своей природѣ. Увѣрьте его, что вы считаете его великодушнымъ и благороднымъ рыцаремъ, неспособнымъ на пакость беззащитной женщины. А если онъ хочетъ насолить вице-королю, то можетъ отбить у него одну изъ его любовницъ, вотъ и будетъ достойное удовлетвореніе. Вотъ онъ здѣсь. Не теряйте времени. Поговорите съ нимъ по своему, рѣшительно. Я его позову. Прощайте. Сивборѣ нужно поговорить съ вами, я оставляю васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ подошедшему Милордчику.

Фальки въ это время успѣла разсудить, что ей дѣйствительно нѣтъ никакого расчета поднимать скандалъ, который можетъ обрушиться и на нее. Довольная, что имѣетъ камень за пазухой, она рѣшилась оставить его тамъ до поры до времени и въ этомъ смыслѣ дала наставленія Милордчику. Онъ, правда, кое что уже успѣлъ разболтать, но далеко слетя не пошла, и всѣ слышавшіе ее приняли мѣры, чтобы она не дошла до графа. Все, повидимому, успокоилось и кончилось, и должны были пройти три года, прежде чѣмъ обнаружались первые зловѣщіе признаки послѣдствій этого рокового поцѣлуя, подобно тому какъ проходитъ иногда много времени, прежде чѣмъ окажутся симптомы послѣдствій укушенія бѣшеной собаки. Министръ Прина, хлопоча замаять эту исторію, не подозрѣвалъ, что хлопочетъ о себѣ и что въ тотъ день, когда графъ Аввила узнаетъ о поцѣлѣ, судьба подпишетъ ему смертный приговоръ.

V.

Въ концѣ 1812 года вся Европа была поражена слухомъ о гибели наполеоновской арміи. Семсотъ тысячъ семействъ были въ траурѣ или въ трепетѣ, ожидая дальнѣйшихъ извѣстій. Въ Миланѣ господствовали тѣ-же чувства. Поклонники Наполеона молчали; всѣ ждали извѣстій, писемъ или уцѣлѣвшихъ свидѣтелей великой драмы. Перваго января 1813 вечеромъ распространился слухъ о пріѣздѣ изъ арміи всѣмъ извѣстнаго курьера Барбизино. Всю ночь цѣлая толпа тѣснилась на дворѣ гостинницы Трехъ Королей, гдѣ онъ остановился. Ему пришлось за ужиномъ рассказывать, описывать и отвѣчать на сотни распросовъ. Окончивъ ужинъ, онъ обратился къ содержателю гостинницы.

— Послушайте, хозяинъ, время позднее, закройте гостинницу и отошлите съ богомъ всю эту толпу. Вѣдь не могъ-же я видѣть всѣхъ ихъ родныхъ, воевавшихъ въ Россіи. Имъ надо приготовиться къ тому, что никто не вернется. Изъ семисотъ тысячъ можетъ быть придетъ тысячъ десять или двѣнадцать. На двухстахъ миляхъ пути я только и видѣлъ, что трупы. Обманывать тутъ печего, надежды нѣтъ никакой. Кто умеръ, тотъ ужъ не встанетъ. А я думаю, съ самага потопа столько не умирало разомъ. Мой товарищъ Брюски замерзъ неподалеку отъ Вильно, и ѣхавшій съ нимъ курьеръ Рампини долженъ былъ собственными руками закопать его. Вы представить себѣ не можете этихъ безконечныхъ ледяныхъ равнинъ. Въ этихъ неизмѣримыхъ пустыняхъ, среди глубокаго и таинственнаго молчанія, кажется, ужъ не живешь въ мірѣ. Вѣрите ли, даже трупы пріятно было встрѣчать; все-таки человѣка видишь; видишь слѣды здѣшняго міра.

— А Наполеонъ что? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Что Наполеонъ? Сидитъ у каминна теперъ. Въ Парижѣ его ругаютъ за то, что бросилъ армію на руки Мюрату, а тотъ тоже удралъ, сваливъ все на вице-короля. Парижане, особенно тѣ, которые потеряли родственниковъ, сердиты на Наполеона за его слова.

— Какія слова?

— Онъ сказалъ, что въ Парижѣ у каминна лучше, чѣмъ въ свѣту, въ Россіи.

— Такъ еще бы! Развѣ это не правда?

— Правда-то, правда, да не всякую правду говори. Солдатамъ бы онъ этого не посмѣлъ сказать. Они такъ были злы на него, что когда онъ проѣзжалъ мимо ихъ въ каретѣ, они стали кричать: «вонъ изъ кареты!» Это его такъ напугало, хуже чѣмъ Платовъ — это такой казацкій генералъ есть, весь во вшахъ, такъ что какъ придетъ на ночлегъ, такъ и давай охотиться въ своей головѣ-то, — вотъ перетрусилъ онъ такъ, что вылѣзъ изъ кареты и пошелъ мѣсить снѣгъ. А тутъ солдаты стали кричать: «шубу долой!» И что-же вы думаете: снялъ шубу.

— А что же парижане?

— Что парижане? Тамъ точно Лондонъ.

— Какъ такъ?

— Да вы знаете, какъ англичане ненавидятъ Наполеона. Ну, а парижане теперь пожалуй еще больше его ненавидятъ. Въ двое сутокъ, что я пробылъ въ Парижѣ, только брань и слышалъ. Тамъ при мнѣ исторія была: нашъ графъ Аквила, — вы знаете, какой онъ дерзкій, — онъ теперь въ Парижѣ и заспорилъ въ кафе съ однимъ французомъ, который бранилъ Наполеона; вы, говорить, оскорбляете несчастіе, сказалъ онъ; такъ его публика чуть не побила. А здѣшняя синьора Фальки поѣхала въ Парижъ сбивать облигаціи и трубила вездѣ о побѣдахъ, такъ ей вездѣ отъ дому отказали. Мнѣ это говорилъ одинъ прикащикъ, служащій у банкира.

По этому разговору, происходившему въ трактирѣ, можно судить, какъ пало обаяніе Наполеона и какъ развязался у всѣхъ языкъ. Правда, во всей имперіи собирались пожертвованія, и въ этомъ отношеніи Миланъ не отставалъ отъ другихъ. Судьи, чиновники, всѣ классы, сословія и корпораціи гражданъ, банкиры, купцы, адвокаты, нотариусы, доктора дѣлали подписки, будто бы добровольныя. Даже въ госпиталяхъ собирали пожертвованія, даже попы собрали подписку по 15 сольди съ человѣка. Въ Скалѣ давали представленіе въ бенефисъ императорской казны. Но за всѣ эти добровольныя пожертвованія миланцы вознаграждали себя сатирами. Однажды въ январѣ на соборѣ явилась огромными буквами, слѣдующая народная эпиграмма.

Milan l'é de vend:
In quaresma l'istrument.

General e uffizial
Pin tnce all' ospedal:
De soldaa ghe n' e piu;
Bonapart el cerca su.

(Миланъ продается, продажа будетъ постомъ. Генералы и офицеры всѣ въ больницѣ, а солдатъ нѣтъ; Бонапартъ ихъ ищетъ).

Остроуміе высшихъ классовъ также создавало сатиры. Когда въ началѣ 1813 г. изъ Парижа отданъ былъ италіанскому министерству приказъ присылать отовсюду вѣрноподданническіе адреса, по Милану стала ходить латинская эпиграмма, присланная, какъ говорили изъ Рима Александромъ Верри брату его, Карлу.

Napoleon Regum dedecus, furumque magister
Quem tota abhorret progenies hominum.
Attámen a cunctis laudari mandat et ambit,
Nec pudet heroem se celebrare virum.

(Наполеонъ, позорище царей, наставникъ мошенниковъ, котораго не навидитъ все человѣчество, тѣмъ не менѣе требуетъ и добивается общихъ похвалъ и не стыдится прославлять себя героемъ).

Однако мало по малу сатиры начали умолкать. Узнали, что Наполеонъ, чудеснымъ образомъ создавъ новую армию, готовится возстановить свою пошанувшуюся имперію. Поклонники его снова стали громко выражать свои восторги; охладѣвшее чувство подогрѣлось. Ежедневно возвращались италіанскія войска; народъ выходилъ имъ на встрѣчу; задавались приемы, оваціи. Недавно еще всѣ проклипали Наполеона и возвеличивали мужество Богарне, на котораго пала тяжелая обязанность охранять отступление остатковъ великой арміи. Теперь возвращавшіеся солдаты рассказывали, какъ несправедливъ былъ къ нимъ вице-король, какъ жертвовалъ онъ ими, какъ не хотѣлъ признавать ихъ заслугъ, какъ возмутительно оскорбилъ онъ ихъ генерала Пино. Мнѣніе перевернулось, Наполеонъ былъ возстановленъ на пьедесталѣ, вся злоба обратилась противъ вице-короля.

VI.

Мы уже слышали отъ курьера Барбизино, что въ началѣ 1813 г. графъ Аквила и адвокатша Фальки находились въ Парижѣ. Графъ отправился туда при первой вѣсти о русской катастрофѣ, чтобы поближе посмотрѣть положеніе дѣлъ и снюхаться съ людьми, посвященными въ тайны будущаго. Адвокатша поѣхала по денежнымъ дѣламъ. Спекулируя на дурной ходъ дѣлъ въ Испаніи, она накупила государственныхъ бумагъ по низкому курсу, рассчитывая, по совѣту министра Прини, съ выгодною продать ихъ цѣнность; спекуляція эта по ея расчету должна была принести ей въ случаѣ удачи пару милліоновъ. Когда же пришло извѣстіе о гибели арміи, она испугалась, что ея акціи превратятся въ простую бумагу и помчалась въ Парижъ сбывать ихъ.

Въ Миланѣ графъ Аквила былъ мало знакомъ съ Фальки и смотрѣлъ на нихъ съ высоты своего аристократическаго величія. Но встрѣтись съ ней въ Парижѣ, онъ очень обрадовался и сталъ усердно посѣщать ее, во первыхъ потому, что ему было пріятно общество соотечественницы среди чужого города, а во вторыхъ потому, что адвокатша при своей пронырливости и связяхъ знала очень многое, что было для большинства тайной и могла доставить ему драгоцѣнныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ. Надо впрочемъ замѣтить, что взгляды ихъ на политику совершенно расходились. Графъ желалъ паденія Наполеона, а синьора Фальки, еще не сбывшая своихъ бумагъ, желала, чтобы дѣла его шли какъ можно лучше, съ другой стороны, онъ надѣялся, что при разгромѣ имперіи итальянскаго королевство, гдѣ онъ рассчитывалъ играть роль, уцѣлѣетъ; она же изъ ненависти къ вице-королю желала бы, чтобы вся бѣда обрушилась исключительно на него.

Вскорѣ они сблизились еще больше, когда отель Монморанси, гдѣ жила Фальки, былъ закрытъ по приказанію министра полиціи, потому что содержатель его былъ заподозренъ въ участіи въ заговорѣ Малле. Она переѣхала въ отель Маренго, гдѣ жилъ графъ, и они стали встрѣчаться ежедневно. Однажды вечеромъ они вѣстѣ поужинали, причемъ адвокатша усердно прикладывалась къ превосходному старому шанбертену, прозванному Наполеоновскимъ виномъ, потому что императоръ бралъ его съ собой въ походы.

Она съ большимъ одушевленіемъ болтала о политическихъ стяхъ, и графъ слушалъ ее терпѣливо, потому что между р вздоромъ она часто сообщала любопытныя вещи.

— Я не понимаю, говорила она,—какъ можно сомнѣвать императоръ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой войны. Но ес сомнѣваться, если думать, что все рухнетъ, то какъ же не : чтобы и этому нахальному пѣтуху Богарне свернули шею? янцамъ въ этомъ случаѣ необходимо подумать о себѣ, о томъ основать итальянское королевство на болѣ прочномъ фунда

Графъ былъ обыкновенно очень сдержанъ съ нею, но вт вечеръ она заставила его нѣсколько разъ чокаться съ ней, бертень ударилъ ему въ голову такъ, что онъ сдѣлался откоро

— Я знаю, сказалъ онъ, улыбаясь,—почему вы такъ маете близко къ сердцу интересы императора.

— Почему?

— Когда я скажу, вы сознаетесь, что я угадалъ. Тол сердитесь. Вѣдь не будь у васъ столько государственныхъ вы не были бы такой усердной поклонницей Наполеона. трѣлъ бы я, дорогая моя бонапартистка, чтобы вы говорил бы вмѣсто этихъ бумагъ синьоръ Фальки внесъ бы значит капиталъ въ какой нибудь англійскій банкъ. Извѣстное дѣлс руководствуются капиталисты въ своихъ политическихъ симп

— Ну, положимъ, пусть такъ, что же изъ этого?

— Позвольте, если вы хотите выгодно продавать буш потъ вамъ мой совѣтъ. Я убѣжденъ, что паденіе Наполео избѣжно, но очень вѣроятно, что онъ еще одержитъ какую блестящую побѣду. Тогда и продавайте тотчасъ; всѣ будутъ дены, что за первой побѣдой послѣдуютъ другія, но повѣрьте что ихъ не будетъ много. Я говорилъ съ нѣсколькими вы ставленными генералами, всѣ покачиваютъ головой, крити своего господина; надоѣлъ онъ имъ. Нѣтъ больше ни энту ни довѣрія, даже надежды нѣтъ, а безъ надежды ничего и ласшь. Человѣкъ рискуетъ жизнью, если не дорожитъ ей и надѣется много выиграть. Но когда все приобрѣтено, съ стати идти на убой за человѣка, который убѣжденъ, что же обязаны родить дѣтей единственно для того, чтобы доставля солдатъ для вѣчной рѣзни? Увидите: продержится еще п годъ, а тамъ и поминай, какъ звали, и всему конецъ.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды. Я тоже не ручаюсь за долговѣчность имперіи, а только говорю, что Наполеонъ еще поугааетъ Европу.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы согласны. Вы довольствуетесь только такимъ срокомъ, чтобы отдѣлаться отъ бумагъ. Вѣдь такъ? Будьте откровенны; я вѣдь не передамъ этого ни императору, ни даже Принцѣ.

Фальки была до того подъ вліяніемъ шанбертена, что у нея вырвались слова:

— Ну, Принцъ то можно сказать; половина этихъ бумагъ его собственность.

— Больше милліона.

— Больше двухъ.

— Славно!

— Онъ былъ адвокатъ; ему поручили охранять общественное имущество; ну, конечно, себя не забылъ.

— Понятно; а знаете, вѣдь онъ человѣкъ очень способный и могъ бы быть очень полезенъ, когда послѣ паденія Наполеона намъ придется устраиваться дома. Но ему необходимо порвать съ императорскимъ правительствомъ и тѣснѣе сойтись съ вице-королемъ.

— Вы все съ своимъ вице-королемъ. Я скажу ужъ безъ всякаго личнаго расчета, что лучше пусть все сгибнетъ и у насъ, чѣмъ допустить, чтобы этотъ человѣкъ сталъ нашимъ властелиномъ.

— Властелиномъ онъ не будетъ.

— Вы его не знаете.

— Отлично знаю.

— Извините меня, но есть вещи, которыя мы, женщины, знаемъ лучше мужчинъ. Еслибы я сказала, что знаю, вы въ ту же минуту измѣнили бы мнѣніе.

— Что же вы такое знаете? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Если ужъ я говорю вамъ, что избави насъ Богъ отъ такого короля какъ Евгенийъ, то значитъ это чистѣйшая правда; ясная, какъ солнце; иное дѣло, еслибы говорилъ мой мужъ; но я, вѣдь вы знаете, что я была съ нимъ близка... сказала адвокатша съ пьянымъ смѣхомъ. Вы смѣетесь, но вы вѣрно не захотѣли бы, что бы наглый солдатъ, французъ, презирающій насъ, италянцевъ, нами созданный король, имѣлъ право забираться въ наши семьи, нарушать ихъ спокойствіе, смѣяться надъ мужьями, насаживать

имъ украшенія. Поймите, я не о себѣ забочусь, мнѣ что? Мой адвокат самый смиренный и покладистый мужъ, если надоѣтъ, то его можно сдать кухаркѣ, чтобы отнесла на кухню.

Графъ расхохотался.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, продолжала адвокатша, а я по этой части знаю объ Евгени столько исторій, что не могу допустить и мысли сдѣлать его у насъ королемъ. Въ послѣднее время онъ сталъ явнымъ врагомъ итальянцевъ. Вы знаете его исторію съ генераломъ Пино, знаете его обращеніе съ итальянскими войсками. Въ довершеніе, съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ еще скупъ до скарденности. Слышали вы, какъ отмстилъ ему за скупость граверъ Розаспина?

— Не помню.

— Славная штука. Два года тому назадъ онъ поднесъ ему гравюру, а тотъ даже отвѣтомъ не удостоилъ, хотя извѣстно, для чего подносятъ свои произведенія художники. Вотъ теперь Розаспина издалъ недавно новую гравюру и кому бы вы думали посвятилъ?

— Кому?

— Его высочеству, каменному человѣку.

— Не дурно. Но возвращаясь къ нашему разговору, я нахожу, что его несправедливость къ нашимъ войскамъ, презрѣніе, которое онъ къ намъ показываетъ, и скупость, о которой я, впрочемъ, въ первый разъ слышу, все это серьезныя вещи въ человѣкѣ, котораго мы хотимъ возвести на престолъ Италіи. Ну а прочее не важно. Вы сами сказали, что на это скорѣе слѣдовало бы жаловаться вашему мужу, и я удивляюсь, какъ женщина, какъ вы, не претендующая на святость, можетъ упрекать вице-короля за пристрастіе къ дамамъ. Боже мой, кому же не нравятся женщины? И при томъ въ его положеніи, среди такихъ соблазновъ? Да если бы св. Лунджи Гонзага или св. Францискъ д'Ассизъ попали въ вице-короли, то черезъ мѣсяцъ очутились бы замѣшанными въ какую нибудь любовную интригу. Объ этомъ и говорить не стоитъ. Онъ пріѣхалъ въ Миланъ такимъ молодымъ. Притомъ это надо предоставить отцамъ и мужьямъ; ихъ дѣло оградить себя. Повѣрьте, кто умѣетъ быть отцемъ и мужемъ, тому и вице-короли не страшны.

— Повѣрьте, милый графъ, что въ этихъ вещахъ я знаю гораздо больше вашего. Я давно слышала правило, что при хорошемъ мужѣ жена хороша, и что если хорошо стеречь домъ, то воры не заберутся. Но вотъ бѣда, эти правила выдумали мужчины,

а мнѣнія женщинъ то не спросили. Ну, а онѣ сказали бы другое: чѣмъ больше мужъ караулитъ жену, тѣмъ больше у нея желанія къ переменѣ, а записнымъ охотникамъ тѣмъ больше хочется попробовать запрещенной охоты. Я помню, въ первый годъ моего замужества, когда мой мужъ вздумалъ представлять изъ себя дворянку и рычать на посѣтителей, а не понимаю, какъ я вытерпѣла медовой мѣсяцъ, и едва прошелъ этотъ срокъ насадила ему первый рогъ какъ разъ послѣ одной бурной сцены ревности; славный былъ рогъ, чудесный, меня до сихъ поръ смѣхъ разбираетъ, какъ вспомню. Ха-ха-ха!

Графъ съ удивленіемъ и смѣхомъ слушалъ это пьяное безстыдство:

— Прекрасно, сказалъ онъ, — только вы сами противъ себя говорите.

— Какъ такъ?

— Такъ. Вы вѣдь находите справедливымъ, чтобы жены поступали по своей фантазіи.

— Нѣтъ, я не говорила...

— Какъ не говорили? Даже съ восторгомъ.

— Я говорила о себѣ... Ну, да... Впрочемъ, пусть такъ; женщины имѣютъ право веселиться; имъ не нужно для этого разрѣшенія министра юстиціи и архіепископа, и къ вамъ онѣ не пойдутъ спрашивать позволенія.

— Ну, видите, за что же вы обвиняете принца?

— Нѣтъ, позвольте, вы думаете, что отъ этихъ трехъ бутлокъ я перезабыла всѣ аргументы? Напротивъ, я чувствую, что этотъ шанбертенъ необыкновенно просвѣтилъ всѣ мои мысли. И такъ, при всей свободѣ, которую я требую для женщинъ, я все-таки скажу, что вице-короля надо послать къ чорту.

— За что же?

— Что другіе этого не понимаютъ, а не удивляюсь; но съ вашей стороны это меня удивляетъ.

— Не понимаю васъ, сказалъ графъ съ улыбкой презрѣнія и снисхожденія, какъ говорятъ съ пьяными.

— Ну, послушайте же, я вамъ изложу краснорѣчиво; чувствую себя въ ударѣ говорить. Я вамъ повторю, что слышала разъ отъ Уго Фосколо. Кстати, есть ослы, которые говорятъ, что его лишили кафедръ за неспособность. Какая тутъ неспособность! Я ви-

чему не училась и ничего не читала, но узнала множество вещей въ тотъ единственный разъ, когда случилось прослушать его цѣлый вечеръ. Онъ говорилъ между прочимъ, что государь, злоупотребляющій своею властью противъ женщинъ, есть гнуснѣйшій тиранъ, и поминалъ какого то римскаго царя, котораго выгнали въ шею за продѣлку его сына, въ родѣ вице-короля. Ну, вотъ теперь я вамъ и скажу: если бы мой мужъ въ то время, какъ вице-король волочился за мной, притворившись, что не узналъ его, задавъ бы ему хорошую встряску, я въ первый и единственный разъ въ жизни нашла бы эту ровнивую выходку не смѣлной, а милой. Мужъ долженъ по моему смотрѣть сквозъ пальцы на всѣхъ поклонниковъ жены, но если между ними есть вице-король и если мужъ зажмуриваетъ глаза на него, то этотъ мужъ—дуракъ или еще хуже.

— Да, въ этомъ вы правы. Но при такой похвальной теоріи почему же вы сами не выпроводили вице-короля?

— Вотъ еще! Впервыхъ, что съ возу пало, то пропало, а вторыхъ, женщины обязаны быть слабыми. Вы насъ называете слабымъ поломъ, а потомъ требуете, чтобы мы были сильны, когда вамъ нужно. Забавные вы, господа мужчины! Слабы, такъ слабы! Но, стало быть, я правду говорю, что такого человѣка надо послать къ чорту, а не королемъ дѣлать.

— Хорошо, но позвольте мнѣ сказать вамъ дерзость?

— Сегодня все позволяю.

— Только не сердитесь.

— Будьте покойны.

— Есть много женщинъ, которыя, не имѣя вашихъ теорій, слѣдуютъ вашей практикѣ; но есть и другія, имѣющія настолько воли и достоинства, чтобы пристыдить и короля, посягающаго на нихъ честь.

— Не думаю, не вѣрю. Женщины всѣ одинаковы; сегодняшняя добродѣтель завтра падаетъ, и это обыкновенное дѣло. Всѣ женщины, какихъ я только знала, всѣ безъ исключенія, даже такія, которыя какъ будто родились на должность игумень, на роль св. Цецилій, всѣ уступали въ свой часъ искушенію, когда дьяволъ являлся въ привлекательномъ видѣ.

— Ну, ужъ это не такъ!

— Такъ.

— Повторяю, что все зависитъ отъ самого мужа.

— Будто?

— Да.

— Ну, хорошо, я соглашусь съ вами, если вы мнѣ укажете хоть единственное исключеніе, хоть одну женщину, сохраняющую добродѣтель, благодаря мужу.

Графу показалось крайне дерзкимъ это упорство, съ которымъ Фальки не допускала ни одного исключенія. Онъ настолько былъ разгоряченъ вѣпомъ и досадой, что не удержался, чтобы не сказать:

— Вы допустите по крайней мѣрѣ исключеніе для моей жены.

Въ отвѣтъ на это Фальки разразилась самымъ пахальнымъ хохотомъ и залпомъ вышила еще стаканъ. Графъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, однако совладалъ съ собой и съ совершеннымъ спокойствіемъ сказалъ, вставая:

— Однако поздно, пора спать.

— А я точно сейчасъ выспалась и въ такомъ расположеніи..

— Ну, какъ хотите, а мнѣ время спать. И онъ яростно дернулъ колокольчикъ.

Вошелъ слуга.

— Дайте свѣчу и проводите меня. Покойной ночи, снѣбора, сказалъ онъ и вышелъ, повидимому, совершенно спокойный.

— Вотъ чудакъ! подумала Фальки:— другой присталъ бы ко мнѣ съ распросами, а этотъ преспокойно идетъ спать. Кто бы подумалъ, что такой гордый и жесткій человекъ такой колпакъ—мужъ. Затѣмъ она не замедлила задремать, такъ что горничная должна была растолкать ее и уложить въ постель.

А графъ не спалъ. Гордость его была глубоко уязвлена. Ему хотѣлось распросить Фальки, и онъ не разъ порывался вернуться къ ней и продолжать разговоръ, потребовать у нея отчета въ ея дерзкомъ смѣхѣ. Но другія мысли удерживали его. «Она пьяна», думалъ онъ и при этой мысли чувствовалъ успокоеніе. «Но что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», вспоминалъ онъ и опять волновался. Онъ перебиралъ въ памяти всю жизнь своей жены, день за день, часъ за часомъ, и не находилъ ни одной минуты, когда она могла бы чѣмъ нибудь безъ его вѣдома подать поводъ къ злословію. Но червь ревности все-таки грызъ его; хотя онъ не любилъ жену, онъ гордился ею, какъ какой нибудь рѣдкой диковиной, и тѣмъ нестерпимѣе было страданіе уязвленнаго тщеславія. Наконецъ онъ порѣшилъ уѣхать на другое утро въ Миланъ,

такъ какъ дѣла его въ Парижѣ были кончены, не выдавшись съ Фальки.

Но на другое утро эта рѣшимость переѣвилась. Сомнѣніе еще съ большей силой пробудилось вмѣстѣ съ нимъ, и онъ почувствовалъ необходимость объясниться съ Фальки. Съ этой рѣшимостью онъ вышелъ въ общую залу завтракать и съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода адвокатши. Когда она явилась, онъ принялъ оживленный и беззаботный видъ и заговорилъ въ шутовскомъ тонѣ:

— Я очень радъ, синьора, видѣть, что вы свѣжи какъ всегда, и кушаете свѣжую воду. А вчера, сознайтесь, шанбертенъ нѣсколько подѣйствовалъ на васъ, такъ что я счелъ за лучшее прекратить тотъ разговоръ. Помните? Я боялся услышать вещи превратно; я желалъ бы знать только полную и чистую правду. Вы женщина опытная, а я человѣкъ свѣтскій и философъ, умѣю сочувствовать женщинамъ и быть снисходительнымъ. Терпѣть не могу мужей, которые приходятъ въ бѣшенство и доходятъ до безобразій изъ за того, что жена взглянетъ не направо, а налево. Римлянинъ Катонъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ суровый и непреклонный, образецъ римской добродѣтели даже среди римлянъ, былъ полонъ снисхожденія къ женѣ, онъ любилъ все знать, но только для того, чтобы прощать и умѣть ладить. Вотъ это истинный философъ. Такъ объясните же мнѣ, синьора, чему вы такъ смѣялись вчера?

Фальки, подумавъ, отвѣчала:

— Очень жалю, что такъ увлеклась вчера. Но вы сказали правду, я вышла лишнее. Не знаю, что я наболтала, но на это не слѣдуетъ обращать вниманія; мало ли что языкъ сболтнетъ, когда дашь себѣ волю? Я говорила о женщинахъ вообще, начиная съ самой себя, и какъ то приплела къ нимъ вашу жену. Но я болтала зря, и пожалуйте, забудьте эти слова. Поговоримъ о другомъ.

Графъ промолчалъ въ задумчивости.

— Вчера, сказалъ онъ наконецъ, вы не хорошо сдѣлали, что такъ смѣялись, но теперь дѣлаете еще хуже, отказываясь говорить. Вѣдь я могу подумать Богъ вѣсть что, и это можетъ имѣть дурныя послѣдствія.

— Какъ же вы сейчасъ называли себя философомъ, если такъ, то вы далеко не философъ.

— Философъ не любитъ оставаться въ невѣдѣніи; видя, что отъ

него что-то скрываютъ, онъ хочетъ узнать тайну, чтобы руководствоваться ею спокойно и мудро. Говорите же и скажите все, что знаете.

Фальки собиралась отвѣчать, но въ это время въ залу вошли другіе жители отеля, съ которыми она и графъ завели знакомство. Разговоръ былъ прерванъ, и графу больше часа пришлось слушать скучные толки. Между иностранцами, жившими въ гостинницѣ, былъ Миланскій адвокатъ Гамбарона, выписанный въ Парижъ проживавшимъ здѣсь маркизомъ Ф***.

— Ну, спросила его Фальки, какъ принялъ маркизъ извѣстіе о томъ, что завѣщаніе отыскалось?

— Какъ прикажете принять извѣстіе, угрожающее потерей половины состоянія?

— Неужели вы думаете?

— Я ничего не могу сказать, особенно вамъ, такъ какъ вамъ вѣроятно извѣстно, что полковникъ Бароджи избралъ своимъ адвокатомъ вашего мужа.

— Ну, ну, я не спрашиваю.

— Откуда же явилось это завѣщаніе? спросилъ графъ Аквила?

— Въ томъ-то и штука, что неизвѣстно откуда. Прошлаго 14 января председатель Миланскаго гражданскаго суда получаетъ большой пакетъ, вскрываетъ и находитъ бумагу, озаглавленную: «Собственноручное завѣщаніе маркиза Ф***, скончавшагося 21 февраля 1750 года». Шутка сказать! Шестидесятилѣтняя древность! Оказывается, что наслѣдникомъ всего имущества маркиза долженъ быть пѣкто Бароджи, умершій въ 92 году начальникомъ таможенной стражи, отецъ полковника, котораго мы всѣ знаемъ.

За столомъ сидѣлъ также миланскій ювелиръ Джованни Манини, пріѣхавшій въ Парижъ къ вице-королю, который недавно прибылъ сюда изъ Германіи, сводить съ нимъ счеты. Онъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ съ достоинствомъ человѣка, посвященнаго въ довѣріе великихъ людей.

— Мнѣ вчера вице-король самъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ. Я придворный ювелиръ.

— Ахъ, да, сказалъ графъ Аквила.

— Я имѣлъ честь продавать брилліанты супругѣ вашего сіятельства.

— Какъ же вице-король узналъ объ этой исторіи?

— Вѣроятно, отъ самого полковника Бароджи, который тоже

недавно вернулся изъ Россіи. Вице-король очень любитъ его; злые языки говорятъ, что еще больше любитъ его жену, которая очень хороша собой. Вчера вице-король сказалъ мнѣ: «Вы уже немолоды и вѣрно слышали что нибудь о кражѣ, произведенной много лѣтъ тому назадъ изъ бюро маркиза Ф*** въ Миланѣ въ самую ночь его смерти». Это были его подлинныя слова. Я отвѣчалъ, что это случилось въ 1750 году, когда я еще не родился, но слышалъ объ этомъ много разъ отъ отца, который даже называлъ мнѣ, кого подозрѣвали въ этой кражѣ.—Кого? спросилъ меня вице-король.—О. отвѣчалъ я, это вещь щекотливая, ваше высочество. Честнаго человека оклеветать недолго, и я не желалъ бы, чтобы по моей милости старикъ, которому теперь должно быть за восемьдесятъ лѣтъ, подвергся какимъ нибудь неприятностямъ на краю могилы.

Когда посѣтители собрались уходить, графъ сказалъ адвокату Гамбаронѣ, что очень заинтересованъ этимъ дѣломъ и зайдетъ къ маркизу Ф*** узнать подробности. Когда всѣ вышли, Фальки также встала и направилась въ свою комнату.

— Позвольте мнѣ, синьора, послѣдовать за вами. Нашъ разговоръ не конченъ, сказалъ графъ.

— Извольте.

Они молча прошли по лѣстницѣ въ комнату Фальки. Когда она усѣлась, графъ началъ:

— Повторяю, синьора, что вы женщина очень опытная и умѣете оцѣнивать значеніе вещей...

— Благодарю васъ.

— Заставьте же и меня благодарить васъ. Вы понимаете, что я имѣю причину желать продолженія разговора на тему, которую вы вчера, можетъ быть, невольно затронули.

— Да, вы имѣете причину; но я должна сказать вамъ, что вы придали преувеличенное значеніе моимъ словамъ, и я увѣрена, что дальнѣйшее объясненіе совершенно успокоитъ васъ.

— Итакъ?

— Итакъ, начну съ того, что мой хохоть былъ совершенно безпричинный; я ровно ничего не знаю, что могло бы дать хоть малѣйшій поводъ къ нему.

При этихъ словахъ графъ вмѣсто того, чтобы успокоиться, оберъ; скрытность Фальки внушила ему тяжкія подозрѣнія. Онъ вскопчилъ въ волненіи:

— Ради Бога, синьора, говорите. Знаете вы, до чего вы меня доведете молчаніемъ? Вы принудите меня тотчасъ скакать въ Миланъ... и тамъ... Я не думаю, чтобы вы желали несчастія моей женѣ.

Эта угроза испугала Фальки.

— Да я не думаю молчать! вскричала она, я только говорю вамъ, что дѣло пустяшное и что го всемъ виноватъ одинъ вице-король:

— Вице-король? Причемъ тутъ вице-король?

— Дайте же мнѣ сказать. Повторяю вамъ, что если вышла сплетня, то это вовсе не вина вашей бѣдной жены, а этого наглаго животнаго.

— Какая сплетня? Что случилось? Когда? Я не могу придумать.

— Помните, придворный балъ послѣ назначенія графини въ статсъ-дамы?

— Три года тому назадъ?

— Да.

— Ну!

— Въ эту ночь вице-король поцѣловалъ графиню—вотъ и все.

— Поцѣловалъ мою жену?

— Это видѣла только я, да одинъ вашъ знакомый, графъ Х***, тотъ, что прозванъ Милордчикомъ.

— Стало быть, публично!

— Нѣтъ, говорю вамъ, это было въ проходной комнатѣ, мы только двое видѣли, и я тотчасъ же хотѣла сказать вамъ, потому что очевидно было, что графиня невинна, и можетъ быть, лучше было бы, чтобы вы узнали..

— Отчего же вы не сказали?

— Раздумала... Никому не сказала; и графъ никому; никто рѣшительно не узналъ.

Графъ нѣсколько времени прохаживался въ молчаніи и наконецъ воскликнулъ:

— Ахъ, лучше бы мнѣ провалиться на Монъ-Сени, чѣмъ узнать здѣсь такіа вещи!

Походивъ еще, онъ вдругъ остановился и спросилъ:

— Что же теперь дѣлать?

— Отмстить этому негодню, пославъ его въ чорту вверхъ тормашками, сказала Фальки.

— Мстить человѣку за то, что поцѣловалъ женщину! Развѣ онъ поцѣловалъ бы ее, еслибы она...

Онъ сѣлъ къ столу, опершись лицомъ о сжатые кулаки и устремивъ безсмысленный взоръ на противоположную стѣну.

— Я вѣдь вамъ говорю, сказала Фальки, что послѣ этого поцѣлуя она вырвалась отъ него и выбѣжала въ негодованіи. Говорю вамъ правду.

— Да? сказалъ онъ, машинально смотря на Фальки и думая очевидно о другомъ.

— Я никакъ не воображала, продолжала она, что это васъ такъ взволнуетъ. Когда наглецу вздумается поцѣловать женщину, онъ не спрашиваетъ ея согласія. Это все равно, какъ еслибы жуликъ стаянулъ у васъ часы. Странно было бы подозрѣвать обворованнаго въ сообщничествѣ съ воромъ.

Мало по малу графъ овладѣлъ собой и принялъ достойный, почти торжественный видъ.

— Вы правы, сказалъ онъ. Я жену знаю и не думаю подозрѣвать ее. Только желалъ бы я, чтобы вице-король былъ такой человѣкъ, который, получивъ оплеуху, прислалъ бы секундантовъ.

— Напрасная оплеуха. Онъ вице-король, а вы частный человѣкъ, и, извините меня, съ вами поступили бы просто, какъ съ сумасшедшимъ. Вамъ не было бы даже утѣшенія отправиться въ тюрьму, а пришлось бы познакомиться съ обществомъ желтаго дома. Вы слышали о бѣднягѣ Челестино Морелли, купецъ, который прибилъ вице-короля палкой, притворившись, что принялъ его за другого, когда встрѣтилъ его выходящимъ изъ комнаты жены; шесть мѣсяцевъ отсидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ. Конечно, вы человѣкъ знатный, уважаемый за умъ и благородный характеръ, но передъ государемъ, у котораго въ рукахъ все государство, вся сила, всѣ равны, и знатные, и простые, и никто не можетъ съ нимъ тягаться.

— Какой онъ государь? Чего? желалъ бы я знать. Мы сами у себя господа, и его однимъ пинкомъ можно спровадить за тридцать земель.

— Ну, вотъ теперь вы дѣло говорите.

— Черезъ годъ Наполеонъ будетъ въ преисподней, а вице-король не будетъ ни господиномъ, ни рабомъ.

— Объ этомъ и надо хлопотать.

— Но и слуги его должны идти къ чорту съ нимъ за одно.

— Конечно.

— Начиная съ вашего друга и пріятеля.

— Какого? у меня нѣтъ друзей.

— Ну, если не вашего — вы старыхъ не любите — то вашего мужа, которій сжедневно курить фиміамъ Принѣ.

— Повѣрьте, что курить не изъ усердной преданности. И притомъ на этотъ счетъ я могу сообщить вамъ новости. Вотъ что писать мнѣ мужъ, посмотрите, прочтите, вотъ тутъ.

Графъ пробѣжалъ указанное мѣсто въ письмѣ и сказалъ:

— Этого слѣдовало ожидать. Но я знаю миланцевъ; ихъ гнѣвъ — соломенный огонь.

— Переверните страницу и читайте дальше.

— Да, вижу, это о надписяхъ, которыя два раза дѣлали на дверяхъ его дома?

— Да, видѣли, надпись: «Прина, Прина, день наступаетъ!» (Prina, Prina, il giorno si avvicina).

— Э, пустяки! Обыкновенныя шалости; на это миланцы молодцы; но лающая собака не кусаетъ.

— Можетъ быть. Но я написала мужу, чтобы онъ попросилъ Прину держаться подалеже отъ насъ.

Пока она говорила это, глаза графа печально упали на продолженіе письма, и его поразила фраза:—«О, если бы онъ отправился къ чорту прежде подпиши». Въ ту же минуту Фальки довольно поспѣшно выхватила у него письмо, что еще болѣе озадачило его; хотя онъ успѣлъ прочесть только эту фразу, и она могла относиться къ кому нибудь другому, а не къ Принѣ, однако странное подозрѣніе промелькнуло у него въ умѣ.

— Завтра ѣду въ Миланъ, сказалъ онъ;—хочется самому посмотрѣть общественное настроеніе. Все зависитъ отъ исхода готовящихся сраженій, но конечно только на время, а финалъ я считаю несомнѣннымъ.

— Пріѣхавши въ Миланъ, поговорите съ Милордчикомъ. Увидите, распросивъ его, что я ни на йоту не отступала отъ истины. И попрошу васъ объ одномъ.

— О чемъ?

— Чтобы на милой графинѣ не отзывалась моя болтовня.

— Будьте покойны; я убѣжденъ въ ея невинности. Я ей ни

словомъ не зайкнусь объ этомъ. И вы общайте мнѣ никому не говорить. Ваше молчаніе будетъ вознаграждено сторицею, когда придется заняться гораздо болѣе важными вещами.

— Я три года молчала, могу промолчать и всю жизнь.

— Однако досадно, что Милордчикъ былъ тутъ.

— Онъ вашъ другъ и врагъ вице-короля. Когда я просила его молчать, онъ отвѣчалъ, что рѣшился бы сказать только одному человѣку—вамъ.

Выйдя отъ Фальки, онъ пошелъ гулять по набережнымъ и тутъ далъ полную волю своей злобѣ и своимъ догадкамъ. Передъ Фальки онъ не хотѣлъ выказаться ревнивымъ мужемъ и съ гордостью выражалъ полную увѣренность въ невинности жены. Но про себя считалъ ее преступницей за то, что она скрыла отъ него это происшествіе, видѣлъ въ этомъ доказательство ея виновности. Кромѣ того онъ припомнилъ ухаживанія за нимъ вице-короля, такъ льстившія его самолюбію. Теперь онъ понималъ, что всѣ эти разговоры о немъ Наполеона, были выдумкой его, что онъ дурачилъ его, какъ простофілю, что онъ презиралъ его, обманывая его самымъ грубымъ образомъ, задѣвая его чувствительную струну, зная, что его можно поймать на удочку самолюбія. Страшная злоба накипала въ немъ и на вице-короля, и на жену, виновницу и причину его униженія.

На другой день онъ отправился къ маркизу Ф***, у котораго засталъ и адвоката Гамбарану.

— Пришелъ повидаться съ вами передъ отъѣздомъ въ Миланъ.

— Благодарю васъ и имѣю къ вамъ просьбу. Адвокатъ уже говорилъ вамъ о тяжбѣ, которую затѣваетъ противъ меня Бароджи. Я попрошу васъ поговорить съ министромъ юстиціи и съ предсѣдателями судовъ. Адвокату нишуть, что вице-король уже писалъ этимъ господамъ въ угрожающемъ тонѣ, что онъ хочетъ знать весь ходъ этого дѣла, дабы наблюдать за строжайшимъ соблюденіемъ правосудія. Я тоже хочу правосудія, но какое же правосудіе, когда онъ начинаетъ съ того, что, пользуясь своей властью, навязываетъ судьямъ свое мнѣніе?

— Министръ передъ нимъ трепещетъ, а судья передъ министромъ. Стало быть, этимъ путемъ ничего не подѣлаете; но я займусь этимъ дѣломъ. Пора кончить съ этимъ скотомъ вице-коро-

земь. Тяжебныя дѣла не скоро дѣлаются, а кто знаетъ, гдѣ будетъ Богарне къ тому времени, когда состоится приговоръ?

— Да, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы въ ожиданіи этого было наложено запрещеніе на мое ижънне.

На эту тему они толковали еще долго, почти до самаго отъѣзда графа изъ Парижа въ Миланъ.

VII.

Вечеромъ 12 апрѣля, графъ Аквила пріѣхалъ въ Миланъ. Онъ увѣдомилъ своего майордома о днѣ своего пріѣзда; женѣ онъ не писалъ послѣ разговора съ Фальки, но въ письмахъ къ майордому приказывалъ ему передать поклонъ графинѣ. Онъ, какъ испанскій король, неотступно держался правилъ этикета. Карета была послана за нимъ въ контору дилижансовъ. Поздно ночью подѣхалъ онъ къ крыльцу своего палаццо.

Семейныя и домашнія отношенія у насъ такъ странно, что пріѣздъ хозяина дома всегда поражаетъ болѣе или менѣе неприятно. Сколько намъ ни случалось присутствовать при такихъ пріѣздахъ, жданныхъ и нежданныхъ, намъ всегда казалось, что домашніе предпочли бы подождать еще. Замѣйте, что мы говоримъ о добрыхъ супружествахъ, о женахъ добродѣтельныхъ и о мужьяхъ вовсе не тиранахъ. И тѣмъ не менѣе, когда въ отсутствіи мужа въ домѣ соберется веселое общество близкихъ родныхъ и друзей, общее веселіе вдругъ исчезаетъ и смѣняется какимъ то замѣшательствомъ при входѣ слуги съ извѣстіемъ:—Хозяинъ пріѣхалъ. Разумѣется, всѣ устремляются ему на встрѣчу съ привѣтствіями, но стоитъ взглянуть внимательнѣе, чтобы убѣдиться, что всѣ лица невольно вытянулись и веселое настроеніе улетѣло.

Тоже почувствовала и графиня, тѣмъ болѣе, что со времени выхода замужъ, ей въ первый разъ въ жизни удалось попользоваться нѣсколько свободой, подышать вольно, не чувствуя ежеминутно присутствія стѣснительной личности мужа. Однако она пошла ему на встрѣчу съ своей матерью, которая была у нея. Онъ привѣтствовалъ ее строго, сухо поздоровался съ тещей и тот-

часъ пошелъ въ свою комнату. Черезъ нѣсколько времени оттуда раздался его гнѣвный голосъ, и майордомъ, выходя отъ него, про-
бормоталъ:—«Житья нѣтъ въ этомъ домѣ».

— Что онъ вамъ сказалъ? спросила графиня.

— Право, не знаю что дѣлать, ваше сіятельство. Никакой ан-
гель тутъ не угодить. Разсердились, что я отдалъ внаймы второй
этажъ полковнику Бароджи. А передъ отъѣздомъ сами приказы-
вали сдать. Говорятъ, будетъ безпокойство отъ солдатъ и лошадей.

— Потерпите, завтра познакомится съ полковникомъ и его
женой, увидитъ, какіе милые люди и перестанетъ сердиться. Впро-
чемъ, я пойду теперь, поговорю.

— Ваше сіятельство, не ходите. Сказали, что устали, спать
хотятъ и не велѣли никого впускать.

— Да вѣдь я не гостя.

— Конечно... Только что они очень сердиты.

Графиня не имѣла желанія идти, но боялась, что неприходъ ея
будетъ принятъ за знакъ пренебреженія, и потому рѣшилась посту-
чаться и спросить:

— Можно войти?

— До завтра, графиня, рѣзко отвѣчалъ супругъ, — я уже въ
постели и хочу спать.

— Такъ покойной ночи; отвѣчала она уходя, отчасти съ ра-
достью, отчасти съ безпокойствомъ.

На другой день графъ, очень веселый и любезный, принималъ
знакомыхъ и друзей. Въ числѣ прочихъ явился Милордчикъ.

— Меня извѣстила о твоёмъ пріѣздѣ синьора Фальки письмомъ
изъ Парижа, сказалъ онъ, — и просила тотчасъ побывать у тебя.

— Она ничего больше тебѣ не пишетъ?

— Нѣтъ. А что?

— Такъ, пустяки. Садись. Въ Парижѣ она рассказала мнѣ
объ одномъ комическомъ происшествіи на придворномъ балу здѣсь.

— Какое комическое происшествіе?

— Ну, пожалуй — трагическое. Все зависитъ отъ взгляда на
дѣло.

— Что же это такое?

— Кой чортъ! Ты самъ видѣлъ, какъ вице-король ухаживалъ
за одной дамой и поцѣловалъ ее.

— А! Да! Но это было такъ давно, что я уже забылъ.

— Такъ это правда?

— Правда то, правда, но напрасно адвокатша рассказала тебѣ.

— Отлично сдѣлала. А тебѣ, какъ другу, слѣдовало бы первому сообщить мнѣ. Ты знаешь, что моя жена тутъ ни въ чемъ неповинна, стало быть, я не могъ быть на нее въ претензіи, а было бы лучше, чтобы я тотчасъ все узналъ.

— Все-таки неприятно... А жена развѣ тебѣ не рассказала?

— Нѣтъ... то есть, она было кое что намекала... и не разъ выражала отвращеніе къ вице-королю, даже отказывалась выѣзжать туда, гдѣ думала его встрѣтить... но я не обращалъ вниманія, не расширявалъ, и безъ Фальки до сихъ поръ ничего не зналъ бы. Только смотри, ничего не говори моей женѣ. Теперь наступаетъ время горячее; вице-короля пошлемъ къ чорту; но я не хочу, чтобы моя жена, ее родные и друзья думали, что я сталъ врагомъ вице-короля изъ-за этихъ пустяковъ. Стало быть, объ этомъ будемъ молчать и подумаемъ о серьезныхъ дѣлахъ. Надѣли черезъ двѣ или три императоръ открываетъ кампанію. Надѣласть еще чудесь, въ этомъ я увѣренъ, но не на долго. Время его прошло, должно начаться наше. Надо заручиться новыми элементами. Никто изъ споспѣшниковъ императорскаго правительства не долженъ имѣть власти въ новомъ порядкѣ.

Въ это время вошелъ слуга и доложилъ:

— Полковникъ Бароджи.

— Скажи, что я занятъ... А впрочемъ нѣтъ, лучше принять его сейчасъ.

— Конечно, сказалъ Милордчикъ.—Вѣдь это тотъ, у котораго гажба?

— Тотъ самый.

— У насъ въ Миланѣ только и толковъ, что объ этомъ.

— Понятно; но это пустяки. Дѣлу шестьдесятъ лѣтъ слишкомъ, и какъ доказать, что документъ, присланный въ судъ, не подлогъ, не мистификація?

— А любопытно посмотрѣть на него.

— Оставайся, посмотришь.

— Вѣдь онъ жепать на дочери графа С****?

— Да.

— Что эта съумасшедшая, достойная дочь своего сорви-головы отца, все еще носитъ штаны и мундиръ?

— Они живут у меня во второмъ этажѣ. Ты можешь увидѣть и ее.

Дверь отворилась и полковникъ Бароджи вошелъ, держа каску въ лѣвой рукѣ, потому что правая висѣла у него на кожанной перевязи.

Мы уже нѣсколько разъ встрѣчали его послѣ происшествія съ графомъ С*** въ Римѣ, воспоминаніемъ котораго осталась эта рука на перевязи. Онъ проболѣлъ два мѣсяца и выдержалъ операцію, причемъ жизнь его была въ крайней опасности. Тогда графъ С***, посѣщавшій его ежедневно, самъ пожелалъ, чтобы онъ обвѣнчался въ постели съ донной Паолиной. Бракъ состоялся среди общаго плача, потому что женихъ былъ при смерти. Но затѣмъ настало общее ликованіе, когда началось выздоровленіе. Графъ, казалось, совсѣмъ переродился и былъ необыкновенно нѣженъ къ дочери. Но тутъ начались военныя дѣйствія. Донна Паолина осталась одна въ Римѣ, гдѣ родила сына; ее мужъ воевалъ въ Италіи, а отецъ въ Германіи. Они встрѣтились за нѣсколько дней до Аустерлица, когда графъ былъ уже бригаднымъ генераломъ; но въ этомъ сраженіи непріятельское ядро сразило его. Бароджи вернулся въ Миланъ, гдѣ былъ зачисленъ въ штабъ вице-короля и гдѣ жила его жена съ сыномъ у своей матери, донны Ады; ее старая бабушка умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1801 году. Съ тѣхъ поръ Бароджи совершилъ съ вице-королемъ всѣ походы и дослужился до полковничьяго чина.

Графъ Аквила принялъ его сухо и надменно. Онъ заговорилъ о войнѣ, о непріятностяхъ вице-короля съ генераломъ Пино, перешелъ къ завѣщанію и замѣтилъ, что покровительство вице-короля можетъ скорѣе повредить ему, чѣмъ послужить въ пользу. Полковникъ отвѣчалъ въ свою очередь сухо и общими выраженіями и вскорѣ всталъ, говоря, что идетъ къ графинѣ за женой. Подстрекнутый любопытствомъ, графъ пошелъ съ нимъ, говоря, что ему очень пріятно познакомиться съ женщиной, имѣвшей геройство сопровождать мужа въ походахъ. Въ душѣ онъ заранѣе чувствовалъ къ ней антипатію и представлялъ ее себѣ бобелиной. Но увидавъ ее подлѣ жены, въ полномъ блескѣ красоты и граціи, изумился, однако подъ вліяніемъ разочарованія почувствовалъ еще сильнѣйшую антипатію къ полковнику; онъ съ презрѣніемъ припомнилъ его происхожденіе и съ него-

дованіемъ подумаль, что эти люди посягаютъ на богатства одного изъ самыхъ блестящихъ представителей его касты.

Поэтому онъ очень усердно принялся хлопотать по дѣлу маркиза Ф*** и получилъ извѣстія утѣшительныя. Адвокатъ Фальки обѣщаль, правда, полный успѣхъ Бароджи, но тотчасъ по прїѣздѣ адвоката Гамбароны пригласилъ его къ себѣ обѣдать, такъ какъ нѣтъ закона, запрещающаго двумъ адвокатамъ покушать за однимъ столомъ. Далѣе, онъ узналь, что дѣло находится пока у судьи, кавалера Ф***, великаго дѣльца, но крайне запутаннаго въ собственныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, что показалось графу весьма хорошей новостью. Когда онъ отправился къ нему, судья замѣтилъ, что дѣломъ специально интересуется министръ Луази, и тутъ же небрежно ввернулъ, что, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, министръ очень озабоченъ своими личными обстоятельствами. Приятно было также графу узнать, что дѣла въ итальянскомъ королевствѣ далеко не процвѣтають, что въ послѣднее время было нѣсколько крушыхъ банкротствъ, что банкиръ Биньями сбѣжалъ, а братъ его зарѣзался, потому что правительство оказалось въ отношеніи ихъ несостоятельнымъ должникомъ, что недавно былъ бунтъ противъ министра Прины и его новыхъ налоговъ и что въ деревняхъ мужики берутся за вилы и дреколье противъ сборщиковъ податей.

Но вскорѣ все это переменялось, когда 5 мая сто пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили миланцамъ побѣду, одержанную Наполеономъ при Люценѣ. Вслѣдъ за тѣмъ прибыль въ Миланъ вице-король и былъ принятъ народомъ съ восторгомъ. Съ нимъ прїѣхаль и сбѣжавшій Биньями, котораго онъ уговорилъ вернуться, обѣщавъ помочь ему и другимъ фирмамъ, пострадавшимъ отъ несправности правительства. Общественное мнѣніе быстро переменялось. Старички, вздыхавшіе по австрійскому владычеству и носившіе въ память его косички, такъ что данное имъ тогда прозвище кодиновъ (хвостиковъ) было не фигуральнымъ выраженіемъ, присмирѣли, тогда какъ передъ тѣмъ уже было перестали скрывать свое французоѣдство. Галломаны опять торжествовали. Все, повидимому, пошло по-прежнему. Вице-король дѣлаль смотрн и ухаживаль за дамами, въ томъ числѣ за сньюрой Бароджи. Въ своей походной жизни она привыкла къ этому. Еще въ Римѣ одинъ офицеръ, безнадежно влюбленный въ нее, застрѣлился. Въ Дрезденѣ она попод-

чивала ударомъ сабли, плашмя, по физиономіи одного генерала, вздумавшаго очень рѣшительно объясниться съ ней въ любви. Вице-король зналъ все это и ухаживалъ за ней почтительно, что, впрочемъ, не мѣшало личностямъ, въ родѣ Фальки, плести слетни. Донна Паолина не переставала любить мужа; это чувство поддерживалось въ войнахъ и походахъ. Такъ дожила она до 30 лѣтъ, и онъ былъ совершенно увѣренъ въ ней. Съ своей стороны совѣсть его была совершенно покойна въ отношеніи ея, не смотря на поцѣлуй, которымъ неожиданно наградила его графиня А*** у Литты. Онъ не только любилъ жену, но она была для него лучшимъ другомъ и товарищемъ, и онъ не промѣнялъ бы ея ни на кого на свѣтѣ.

VIII.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Начинался карнавальнй сезонъ. 27 декабря, въ театрѣ Скала шла опера «Аврелианъ въ Пальмирѣ» юнаго маэстро Россини. Не смотря на снѣгъ, валившій густыми хлопьями, публики было много. Послѣ перваго акта много народа собралось въ фойе. Въ группѣ, сидѣвшей у камина, общее вниманіе привлекалъ 127-лѣтній старикъ, маэстро Гальмини, самый замѣчательный феноменъ долголѣтія въ новой исторіи, сохранившій память и всѣ способности. Онъ, начавъ говорить о новомъ талантѣ Россини, перешелъ къ политикѣ, которая тогда занимала всѣхъ, и, говоря о предстоящемъ паденіи Наполеона, выражалъ тяжелыя опасенія за будущее.

— Но что можетъ быть хуже этого порядка? виѣшался графъ Аквила.

— Позвольте узнать, который вамъ годъ? спросилъ старикъ.

— Тридцать седьмой, маэстро.

— Ну, такъ для меня вы слишкомъ стары, мы съ вами не стоворимся. Я въ третій разъ начинаю юность; въ первый разъ это было лѣтъ сто слишкомъ тому назадъ; во второй—лѣтъ 50, когда вышли сочиненія Руссо и Вольтера; потомъ, опять состарѣвшись, я осуждалъ кровопролитіе 90-хъ годовъ, а теперь вотъ въ третій

разъ молодѣю. Впрочемъ, пора идти, второй актъ скоро начнется, музыка безопаснѣе политики.

Съ этими словами патриархъ пошелъ изъ фойе. Всѣ поднялись за нимъ. Осталось человекъ шесть и между ними графъ Аквила и нашъ старинный знакомый, Джокондо Бруни, только что вернувшійся изъ Парижа.

— Ну, сказать графъ, что вы привезли намъ хорошенькаго изъ Парижа?

— Привезъ, если угодно, Nihil.

— Что это Nihil?

— Это истинное положеніе Европы въ данный моментъ.

— Объясните.

— Слово Nihil состоитъ изъ пяти буквъ, и каждая представляетъ царственную особу, готовящуюся къ сдачѣ въ архивъ исторіи. Десять дней тому назадъ, всѣ кафе Парижа были заняты объясненіемъ этой загадки. Вы конечно догадываетесь, что значить первая буква?

— N. Конечно, Наполеонъ.

— Прекрасно; легко угадать и остальные. Стало быть, I будетъ?..

— Иосифъ?

— Такъ, Иосифъ, король испанскій. Теперь H?

— Кто же H?

— Переведите имя по-латинѣ: Hieronymus.

— Король вестфальскій?

— Да; теперь другое I.

— Иоакимъ Мюрать, и L—Лудовикъ голландскій.

— Ну, да, вотъ вамъ и Nihil. Вотъ чѣмъ забавляется Парижъ.

А то вотъ портретъ императора: посмотрите.

— Какъ? Съ четырьмя зубами?

— А что на нихъ написано?

— Sire.

— Да, вмѣстѣ выходитъ Sire, но порознь значить Spagnia, Inghilterra, Russia и Egitto—все страны, которыя онъ собирался проглотить и которыя, застрявъ у него въ горлѣ, образовали эти кадыки. Это ужъ плодъ итальянскаго остроумія, разцвѣтшаго въ Парижѣ.

— Ну, и здѣсь не отстаютъ; на домъ министра финансовъ

сдѣлалъ надпись: «Домъ отдается въ наймы; обратиться къ доктору Скаппи¹⁾»).

— Да, дѣла плохи; не смотря на все официальное вранье, никто не повѣритъ побѣдамъ вице-короля, которыя заставили его отдать австрійцамъ Тироль, Минчио и Венеціанскую область. Вице-королева уѣхала второпяхъ, не смотря на свою болѣзнь. Министръ Венери сказывается больнымъ, а Луози сдѣлался чрезвычайно любезенъ къ своимъ подчиненнымъ. Одинъ Прина непоколебимъ и смѣется надъ страхами своихъ товарищей; сегодня храбро явился въ свою ложу.

— Онъ любитъ выказывать презрѣніе къ общественному мнѣнію. За всякую насмѣшку онъ отплачиваетъ новой пошплиной.

— Однако умная голова, надо сознаться!

— О, тутъ дѣло не въ умѣ, а въ полной безсовѣстности. Ему только бы грабить народъ въ угоду императорскимъ капризамъ, не думая о послѣдствіяхъ. Это, какъ управляющій кутящаго барина, чтобы угодить хозяину, достаетъ деньги подъ залогъ и подъ какіе угодно проценты, пока состояніе не лопнетъ.

— Во всякомъ случаѣ мы должны быть благодарны ему.

— За что?

— Своими финансовыми мѣрами онъ больше всѣхъ сдѣлалъ невозможнымъ продолженіе нынѣшняго порядка, возстановивъ противъ него всѣхъ.

— Да, за это онъ заслуживаетъ монумента.

— Такъ-то, такъ, по, присутствуя при наденіи правительства, я спрашиваю себя: каково-то будетъ новое? Я только что изъ Парижа; тамъ толкуютъ о бурбопахъ, да и насъ не оставляютъ безъ попеченія и говорятъ, что намъ необходимы австрійцы. Тамъ много австрійскихъ агентовъ. Я знавалъ одного, и, мнѣ кажется, онъ теперь тутъ въ игорной комнатѣ. Вѣрно вербуетъ рекрутовъ.

— Познакомьте меня съ нимъ, я его пощупаю.

— Погодите, я схожу удостовѣриться, что это точно онъ.

Въ то время какъ они отходили отъ каминна, туда подошелъ министръ Луози съ судьей кавалеромъ Ф***.

— Сегодня пріѣхалъ и сегодня же въ театрѣ, говорилъ судья.

¹⁾ Прозвище папача.

— Это хорошо; прекрасно надумилъ адвокатъ Стриджелли.

— Онъ хорошо знаетъ Суарди и уже не въ первый разъ ставитъ ему ловушку, но птица-то хитрая, выпутывается.

— По словамъ Стриджелли, онъ долженъ быть очень старъ.

— Восемьдесятъ три или четыре года.

— Въ эти лѣта голова ужъ не та; и если это его дѣло, онъ скажетъ, увидите.

— Но непонятно, почему онъ столько лѣтъ хранилъ это завѣщаніе.

— Вѣрно зналъ, зачѣмъ.

— А зачѣмъ же теперь послалъ въ судъ?

— Стриджелли догадывается о причинѣ.

— Что же?

— Мечь.

— Мнѣ надо поговорить съ Стриджелли.

— Я вамъ все скажу. У маркиза Ф... есть имѣніе въ Пьяченцкой области, смежное съ его имѣніемъ. У нихъ вышла тяжба за воду на сумму полмилліона. Маркизь съ помощью Стриджелли выигралъ дѣло, и это взбѣсило Суарди, который всегда старался всячески допечь маркиза. Тогда онъ и извлекъ завѣщаніе. Но крайней мѣрѣ такъ предполагаетъ Стриджелли.

— Однако трудно представить себѣ, чтобы такой богатъ въ 80 лѣтъ рѣшился изъ за проигранной тяжбы рисковать каторгой, отъ которой съ трудомъ прежде отвергълся.

— Знаете, что вамъ нужно сдѣлать?

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Поговорите съ Суарди тотчасъ; теперь поздно, старикъ усталъ, не приготовленъ; можетъ быть, проговорится.

— Я ужъ думалъ объ этомъ.

— Если вамъ удастся, вы удивите весь городъ и можете ждать всякой награды отъ вице-короля.

— Мой актуаріусъ въ театрѣ, я пошлю его попросить Суарди поговорить со мной.

— Хорошо; а я вернусь въ ложу.

Они вышли, и вскорѣ ихъ смѣнили у камина Прина и адвокатъ Фальки.

— Повѣрьте мнѣ, говорилъ министръ, продолжая разговоръ, что въ этомъ процессѣ адвокатъ можетъ обезсмертить себя. Весь Миланъ

только объ этомъ и говорить. Не говоря уже о громадності спорнаго наслѣдства, всѣхъ интересуютъ самия личности тяжущихся. Маркизь Ф*** со своимъ ханжествомъ всѣмъ антипатиченъ, тогда какъ полковникъ Бароджи и его жена возбуждаютъ общее сочувствіе. Истинное для васъ счастье, что вамъ пришлось быть ихъ адвокатомъ. Къ тому же всѣ эти давно забытыя старыя исторіи объ этомъ завѣщаніи, появленіе этого старика Суарди, который 60 лѣтъ тому назадъ былъ лаксемъ у маркиза Ф*** и сидѣлъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ кражѣ завѣщанія—все это придаетъ необыкновенный интересъ дѣлу.

— Дѣйствительно, мнѣ не встрѣчалось еще такого любопытнаго дѣла, отвѣтилъ адвокатъ, слушавшій министра съ лукавымъ выраженіемъ лица:—по рѣшеніе его зависитъ единственно отъ калиграфической экспертизы. Адвокату тутъ почти нечего дѣлать. Да и экспертизѣ трудно, потому что ей понадобятся другіе документы для сличенія, а отъ маркиза Ф*** врядъ ли остались какія нибудь рукописи. Это былъ безграмотнѣйшій шалопай, не бравшій въ руки ни пера, ни карандаша.

— Вотъ тутъ вамъ и надо показать адвокатскую ловкость.

— Какъ?

— Отыщите какую нибудь его рукопись. Судья уже возымѣлъ очень удачную мысль...

— Пригласить Суарди? Извините меня, по моему это глупость. Я знаю старика; это такой хитрецъ, что всѣхъ насъ проведетъ.

— Адвокатъ Стриджелли не раздѣляетъ нашего мнѣнія.

— Однако чего же онъ добился, когда имѣлъ дѣло съ Суарди? Помѣшалъ ли онъ ему остаться миллионеромъ, благополучно благодеиствующимъ до глубокой старости и терпящимъ только ея недуги; ну а старости то онъ подвергся не по приговору суда и не по адвокатской ловкости Стриджелли.

— Ну, хорошо... Я только хотѣлъ вамъ сказать, что этииъ дѣломъ живо интересуется его высочество. Онъ узналъ отъ меня, что его ведете вы, и сказалъ: посмотримъ, такъ ли онъ дѣйствительно искусенъ, какъ говорятъ.

— Конечно, вы не сомнѣваетесь въ моемъ искреннѣйшемъ желаніи...

— Ну, въ такомъ случаѣ я увѣренъ и въ исходѣ дѣла. А теперь

обратимся къ нашимъ дѣламъ. Я зайду къ вамъ послѣ театра. Намъ надо покончить наши счеты по бумагамъ, которыя люденское сраженіе помогло намъ продать такъ выгодно. При томъ есть еще капиталъ... немаловажный... знаете, отъ конфискаціи монастырскихъ имуществъ.

IX.

Въ одиннадцать часовъ того же вечера министръ явился къ адвокату, который раньше окончанія представленія отправился домой, оставивъ жену въ театрѣ. Ему открылъ двери клеркъ адвоката, Гверини, человекъ вѣчно заспанный, безотвѣтный и съ виду глупый, но въ сущности хитрый и проникливый.

— Я пришелъ пѣшкомъ и одинъ, сказалъ Прина адвокату, входя въ его контору, нарочно пораньше, пока жена ваша въ театрѣ. Намъ надо поговорить наединѣ.

— Здѣсь никого нѣтъ.

— Кромѣ того общайте мнѣ ни слова не говорить о нашихъ дѣлахъ женѣ.

— Извольте, но вѣдь она уже отчасти знаетъ. Вѣдь она сама же ѣздила по этому дѣлу въ Парижъ.

— Да; но вѣдь у насъ было условлено, что она не будетъ знать, что эти деньги мои.

— Я ей такъ и сказалъ, что это деньги одного моего кліента; но вы ее знаете; я не увѣренъ, что онъ не подозрѣваетъ, что онъ ваши.

— Ну, это еще не бѣда. Главное, чтобы не знала дальѣйшаго. И такъ, капиталъ то почти удвоился?

— Да, теперь, какъ я уже вамъ говорилъ, у меня вашихъ денегъ два съ половиной милліона въ чекахъ на генуэзскій банкъ. Вотъ и росписка, и всѣ бумаги, которыя позволите передать вамъ.

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что я не хочу теперь держать все это при себѣ. Я васъ, слава Богу, давно знаю и полагаюсь на васъ больше, чѣмъ на самого себя.

— Благодарю васъ, мнѣ это очень пріятно, но знаете, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, въ смертномъ часѣ никто не увѣренъ...

— Это не страшно; ваши дѣла всегда въ порядкѣ; въ случаѣ чего мои деньги будутъ мнѣ выданы.

— Оно такъ-то такъ, но, право, это такая обуза! И Богъ знаетъ, что можетъ случиться; признаюсь, я желалъ бы избавиться, отъ этой сумми; но какъ угодно.

— Богъ еще росписки.

— Что это такое?

— Росписки банкира Биньями на 460 т. франковъ.

— Мѣсяць тому назадъ онѣгодились только на ростокъ.

— Да, но теперь не то, потому что по нимъ хоть завтра получай сполна. Домъ Биньями обязанъ своимъ спасеніемъ исключительно мнѣ. Я писалъ вице-королю, чтобы онъ помогъ имъ. Если бы братъ Биньями поговорилъ со мной прежде чѣмъ рѣзаться, то не сдѣлалъ бы этой глупости. И такъ, завтра вы получите деньги, я уже предувѣдомилъ Биньями.

— Какъ прикажете.

— Теперь вотъ что. Я могъ спасти Биньями и нѣкоторые другіе банки, потому что вице-король послушался меня. Но всѣхъ я не могъ спасти. Домъ Бонетъ обанкрутился. Горіо попалъ подъ конкурсъ благодаря своему мотовству. Раски ликвидируетъ. Гуліанетти продаетъ свою виллу и земли на Лаго Маджіоре. Денегъ, пмѣющихся у васъ съ тѣми, что завтра получите, хватить, чтобы скупить всю недвижимость этихъ господъ, прежде чѣмъ она пойдетъ на аукціонъ. Теперь конкурсная управленія съ жадностью схватятся за наличныя деньги, и намъ можно устроить отличную аферу. Скупите же ихъ на свое имя или на какое нибудь подставное лицо; только чтобы моего имени не поминать. Не такое время.

— Что вы? Точно завѣщаніе диктуете? Слушать непріятно. Неужели вы придаете такое значеніе всей этой политической грозѣ?

— Нѣтъ. Послѣ грозы воздухъ всегда очищается и солнце сіяетъ еще ярче.

— Гмъ! Дай Богъ! Но зачѣмъ тогда эти распоряженія?

— А вотъ именно, чтобы спокойно пожить, когда погода прояснится. Я вѣдь знаю, что здѣсь меня ненавидятъ. Это конечно не страшно, какъ не страшна и ненависть миланцевъ къ императору и королю. Однако все же вѣрнѣе по нынѣшнимъ временамъ припрятать деньги, безъ которыхъ человѣкъ, будь хоть министръ, ничто.

— Но какъ вы думаете, чѣмъ это кончится?

— Въ худшемъ случаѣ?

— Да.

— Императоръ будетъ разбитъ и принужденъ отступить во Францію.

— А потомъ?

— Чего же вамъ еще? Неужели вы думаете, что австрійскій императоръ допуститъ низложеніе своего зятя? Стало бытъ, въ худшемъ случаѣ, Наполеону придется ограничиться Франціей. А это и къ лучшему. Тогда пораженія доставятъ ему и его подданнымъ больше выгоды, чѣмъ всѣ побѣды. Побѣды—дѣло непрочное, вѣчный рискъ.

— Для Франціи пожалуй такъ. А для Италіи? Вѣдь ее придется отдать? Она чужое добро?

— Чужое? Чье?

— Австрійское. Австрія имѣетъ на нее права.

— Такія же, какъ и Франція. Но не въ правахъ дѣло. Какія тутъ права! Это въ университетахъ и сводахъ толкуютъ о правахъ, да и то выходитъ, что права суть результаты фактовъ, созданныхъ производствомъ и силой. Но какъ Французъ не допуститъ зятя остаться безъ вѣнца, такъ и намъ вице-королева Амалія служить гарантіей за сохраненіе у насъ ся мужа. Только надо, чтобы миланцы не наглумили, а то на вѣки погубятъ себя. Но надѣюсь, что этого не случится, и они будутъ счастливы вопреки ихъ волѣ. Наполеонъ останется императоромъ французовъ, а Богарне будетъ италіанскимъ королемъ. Тогда у насъ будетъ прочный миръ. Тогда миланцы увидятъ, что я для ихъ же пользы бралъ у нихъ деньги. Теперь надо поддерживать Наполеона. На это нужны деньги. А когда императоръ останется при своей Франціи, а Богарне сдѣлается нашимъ королемъ, всѣ подати будутъ сбавлены на половину, а то и больше. Всѣ классы очутятся въ благосостояніи, и тогда увидятъ, что я былъ правъ, будутъ благословлять меня, а въ этомъ увѣренъ. Но теперь нужны терпѣніе и осторожность; любовь то еще впереди, а пока ненависть.

Послѣ этихъ словъ министръ всталъ и простился съ адвокатомъ, который вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ кабинета и, проводивъ его, пошелъ въ свою спальню. Была половина перваго.

— Жена скоро прїдетъ, подумалъ онъ; не стоитъ ѣхать за ней; разжечь каминъ и лечь.

Черезъ полчаса вошла супруга.

— Каковъ! Дрыхнетъ! воскликнула она сердито: — Хороша была бы я, еслибы ждала его въ театрѣ!

— Я былъ увѣренъ, что при такомъ множествѣ поклонниковъ ты не рискуешь почевать въ ложѣ. Что же, хорошо пѣлъ кастратъ Велуччи?

— Божественно! Р*** влюбилась въ него.

— Вотъ какъ! Ну и чудесно, особенно для мужа, который все жалуется, что она часто родитъ. Съ такимъ любовникомъ нечего опасаться приращенія семейства.

— Что это за сальности?

— Извольте видѣть, снѣгъ обижается неприличіями.

Снѣгъ не отвѣчала, потому что была занята распутиваніемъ узла, упорство котораго заставило ее наконецъ разразиться потокомъ ругательства, и могучей рукой разорвать тесемку.

Она подошла затѣмъ къ камину, поправила дрова щипцами и усѣлась въ весьма безцеремонной позѣ.

— Тутъ былъ министръ? А?

— Кто тебѣ сказалъ?

— Былъ или нѣтъ?

— Былъ.

— Такъ что же ты спрашиваешь, кто мнѣ сказалъ? Не все ли равно кто?

— Все равно.

— Да, но будетъ не все равно, когда въ окна твоей конторы полетятъ камни.

— Вставимъ новыя стекла.

— А голову тоже наставишь новую, когда проломать?

— Не понимаю, къ чему ты это говоришь.

— Къ тому, что многіе удивляются, какъ безразсудно съ твоей стороны вести дружбу съ этимъ человѣкомъ; ты потеряешь всю практику; отъ тебя будутъ бѣгать, и когда вся эта императорская и вице-королевская сволочь отправится отсюда, тебѣ придется тоже укладывать чемоданъ, потому что миланскій воздухъ сдѣлается тебѣ вреденъ. И все это я тебѣ уже сто разъ говорила.

Хорошъ бы я былъ, еслибы слушалъ тебя.

— Что?

— Ну, ничего, я вижу, у тебя мозгъ нѣсколько разгоряченъ.

— А у тебя всегда ослѣпѣй?

— Спасибо. Но позвольте вамъ сказать, синьора, что министръ бываетъ у меня по дѣламъ, что дѣло свое я знаю и простофилей никогда не былъ.

Онъ посидѣлъ передъ каминомъ, пересмотрѣлъ послѣднія извѣстiя въ итаманскомъ журналѣ, походилъ въ глубокомъ размысленiи, раздѣлся, надѣлъ ночной колпакъ и легъ.

— Да, съ другими, но не съ нимъ. Сколько лѣтъ ведешь съ нимъ дѣла безъ всякаго для себя прока. Это самый скупой человекъ въ мiрѣ, величайшiй эгоистъ!

— Ну, толкуй!

Тутъ синьора начала бомбардировать мужа отборными ругательствами, которыя онъ долго выслушивалъ безотвѣтно и наконецъ сказалъ успокоительнымъ тономъ:

— Ложилась бы ты спать, завтра я тебѣ кое что скажу прiятное.

Она замолкла и стала раздѣваться и наконецъ улеглась. Мужъ уже спалъ. Она немного полежала и стала его расталкивать.

— Что ты хочешь сказать мнѣ завтра? Скажи теперь.

— Что? Что? забормотала она съ просонья.

— Скажи, что ты мнѣ хочешь сказать.

— Ахъ, дай мнѣ спать! что за истерики! Завтра скажу.

— Нѣтъ, говори сейчасъ, не дамъ спать.

— Боже, что за мучение!

— Говори.

Адвокатъ покорился и разсказалъ свое свиданiе съ министромъ. Окончивъ разсказъ, онъ сказалъ:

— Вотъ видишь, а ты говоришь, что мнѣ съ нимъ нѣтъ выгоды! Подумай; какiя выгодныя дѣла онъ мнѣ доставлялъ, а теперь пропускаетъ черезъ мои руки свои три миллiона. Вѣдь прилипнетъ не мало отъ этихъ миллiоновъ! Онъ, правда, скупенекъ, но за то довѣрчивъ. Даже росписки не взялъ и всѣ покупки поручилъ сдѣлать мнѣ, самъ не хочетъ и вмѣшиваться. Ну, будь я негодай, вѣдь я могъ бы надуть его безъ всякаго опасенiя, потому что онъ даже не могъ бы жаловаться. Онъ теперь больше всего боится, чтобы не узнали о его богатствѣ. Оттого вѣрно и

росписки не хотѣлъ взять, чтобы ктонибудь не увидѣлъ ее у него. Такой умный человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сущій ребенокъ.

Синьора Фальки слушала молча, и когда адвокатъ уже спалъ глубокимъ сномъ, она не спала, и зловѣщія мысли бродили въ ее головѣ.

Х.

Теперь намъ надо возвратиться въ Скалу, гдѣ въ ложѣ № 18 сидѣлъ полковникъ Бароджа съ женой и съ ними нашъ старый знакомый Галантино. Онъ былъ теперь очень старъ, но былъ такимъ же красивымъ старикомъ, какъ прежде красавцемъ юношей. Тонкія морщинки не портили правильности изящныхъ чертъ его лица, а волосы, бѣлые какъ снѣгъ, по прежнему кудрились и окружали серебристыми кольцами его лобъ и виски. Въ нарядѣ онъ и въ старости остался щеголемъ, былъ одѣтъ въ оливковый фракъ, бѣлый жилетъ и носилъ двѣ часовыя цѣпочки со множествомъ дорогихъ брелоковъ.

Велучи только что пропѣлъ свою арію, какъ вошелъ слуга и сказалъ Суарди, что какой то господинъ жезаетъ его видѣлъ и проситъ позволенія войти. Всѣдъ затѣмъ вошелъ актуариусъ судьи.

— Что вамъ угодно? спросилъ его Суарди.

— Вы получили приглашеніе гражданскаго суда явиться къ господину судѣ, кавалеру Ф***.

— Точно такъ; я именно сегодня по этому пріѣхалъ и завтра явлюсь.

— Господинъ судья здѣсь и, желая избавить васъ отъ лишняго безпокойства, послалъ меня, узнавъ о вашемъ присутствіи здѣсь, предложить вамъ переговорить съ нимъ теперь въ фойе.

— Мнѣ все равно.

— Въ такомъ случае позвольте мнѣ проводить васъ къ нему.

— Жаль только, что опера еще не кончена.

— Какъ угодно.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте.

Судья сидѣлъ въ фойе передъ каминномъ; при входѣ Суарди онъ пошелъ ему на встрѣчу и пригласилъ очень любезно сѣсть.

— Пропу извинить меня, сказалъ онъ, что я вынудилъ васъ къ побѣдкѣ въ такое время года.

— Не безпокойтесь, я очень радъ случаю поразить старня кости.

— Тѣмъ лучше. Вы вѣроятно догадываетесь, что побудило меня вызвать васъ.

— Я, какъ только узналъ о процессѣ Бароджи, сейчасъ же подумалъ, что вы пригласите меня. Впрочемъ я и самъ пріѣхалъ бы потому что, быть можетъ, могу доставить вамъ какія нибудь полезныя свѣдѣнія по этому темному дѣлу. И такъ въ какомъ оно положеніи? Полковникъ Бароджи говорилъ мнѣ, что его адвокатъ не подаетъ ему большой надежды.

— Право не знаю, какъ вамъ сказать. Главное, неизвѣстно откуда выплывуло это завѣщаніе, гдѣ-то лежавшее болѣе 60 лѣтъ.

Съ этими словами судья бросилъ на Суарди пронзительный взглядъ. Старикъ усмѣхнулся про себя этому допросу и этому взгляду.

— Да, это штука, отвѣчалъ онъ;—въ этомъ вся трудность, и мнѣ очень жаль полковника. Онъ на моихъ глазахъ родился, и я его очень люблю. А вы знаете, что ему послѣ тестя ничего не досталось; тотъ все прокутилъ. Но я понимаю, что это можетъ быть продѣлка какого нибудь шутника, которому издумалось устроить мистификацію и озадачить суды, надѣлать кутюры, избрѣвши это завѣщаніе.

— Ну, въ такомъ случаѣ надо предположить, что этотъ шутникъ устроилъ свою мистификацію 60 лѣтъ тому назадъ, сказалъ судья, опять бросивъ пронзительный взглядъ на Галаптино.

— Этого я не знаю. Надо бы видѣть завѣщаніе. Вы видѣли и можете судить по бумагѣ, черниламъ, буквамъ и прочему. У меня есть старня бумаги, ихъ сейчасъ можно отличить отъ новыхъ. Это ужъ что нибудь да значить, если завѣщаніе дѣйствительно такъ старо.

— Почему вы знаете?

— Да сами вы сейчасъ сказали, говоря о мистификаціи, устроенной 60 лѣтъ тому назадъ.

— Я сказалъ такъ...

Галадито воздалъ судья его проникательные взгляды. Роли какъ будто перемѣнились. Судья молчалъ.

— Теперь, если позволите, я спрошу, зачѣмъ именно вы меня вызвали?

— Чтобы узнать все, что вы объ этомъ знаете.

— Я собственно знаю объ этомъ столько же, сколько всѣ, кто можетъ похвалиться метрическимъ свидѣтельствомъ одной эпохи съ мной.

— Однако...

— Продолжайте и не опасайтесь сказать что нибудь неприятное мнѣ. Да, я имѣлъ большія неприятности изъ за этого несчастнаго завѣщанія, и вы можете предполагать, что я знаю больше другихъ; но я могу только сказать, что съ судьями, адвокатами и криминалистами случается тоже, что съ медиками; бываютъ случаи, передъ которыми они рѣшительно становятся въ тупикъ.

— То есть какъ?

— Да конечно, подумайте, что въ 60 лѣтъ не могли открыть ни малѣйшей нити; какимъ же образомъ ожидать, что теперь откроютъ?

— Да, трудно, но именно вы, какъ современникъ необъяснимой пропажи завѣщанія, могли бы, можетъ быть, дать эту нить...

Новый проникательный взглядъ.

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, потому что принимаю большое участіе въ Бароджи, но мнѣ пужна помощь.

— Какая?

— Я попрошу во первыхъ откровенности.

— На счетъ чего?

— Я желаю, чтобы вы мнѣ сказали, похоже ли это завѣщаніе, которое находится у васъ, на бумагу, писанную 60 лѣтъ тому назадъ? Мнѣ кажется, я уже спрашивалъ васъ объ этомъ, но вы мнѣ не отвѣчали.

— Мнѣ не слѣдовало бы говорить. Но я вамъ скажу, по виду такъ. Бумага пожелтѣла, чернила выбѣлили.

— Ну, такъ дѣло просто.

— Какъ?

— Надо найти другія рукописи завѣщанія.

— О, это средство всякому первое приходитъ въ голову. Но ихъ нѣтъ, ихъ не находится.

— Я берусь найти.

При этих словах на лицѣ судьи невольно промелькнуло выраженіе, подмѣченное старикомъ; это вовсе не было выраженіе удовольствія, которое должно было явиться у судьи при блеснувшей надеждѣ узнать истину. Галантино, знавшій маркиза Ф*** и непоколебимо убѣжденный въ продажности всѣхъ судей, возмѣтилъ подозрѣніе.

— Послушаемъ, каковъ вашъ планъ, сказалъ судья.

— Очень просто, и мнѣ странно, что онъ никому не пришелъ въ голову. Всѣмъ заинтересованнымъ извѣстно, что нотариусомъ маркиза Ф*** былъ докторъ Макки, умершій въ 1802. Адвокату Стриджелли, который теперь графъ имперіи, должно быть извѣстно, что Макки писалъ завѣщаніе, которое маркизь потомъ переписывалъ. Макки былъ человекъ аккуратнѣйшій, такъ что у него въ бумагахъ должна быть копія этого документа; кромѣ того, очень вѣроятно, что у него сохранились какія нибудь писъма маркиза.

— Да, но онъ умеръ.

— Позвольте; я знаю, что нотариусъ Агудіо, племянникъ знаменитаго въ мое время адвоката, имѣвшаго постоянныя дѣла съ Макки, приобрѣлъ всѣ его книги и бумаги. Стало быть, можно быть почти увѣреннымъ, что у Агудіо найдутся документы, могущіе устранить всякія сомнѣнія.

— Если весь вашъ планъ въ этомъ, сказалъ судья недовольнымъ тономъ, то дѣлю наше плохо. Агудіо сохранилъ бумаги, имѣющія какое нибудь значеніе, а не пустыя писъма и копіи съ старыхъ завѣщаній. Впрочемъ посмотримъ.

Судья всталъ и заключилъ официальнымъ тономъ:

— Не смотря на сегодняшній разговоръ, мнѣ придется еще побеспокоить васъ, и потому прошу васъ подождать въ Миланѣ еще нѣсколько дней.

— Да, я думаю пробыть недѣльки двѣ.

— Этого, вѣроятно, будетъ достаточно. Покойной ночи.

Судья вышелъ, а Суарди, оставшись одинъ, подумалъ: «Да, тутъ какъ въ лѣсу, надо держать палецъ на куркѣ», и пошелъ въ ложу.

Судья отправился къ министру Луози и передалъ ему свой разговоръ съ Суарди за исключеніемъ всего относящагося къ нотариусамъ Макки и Агудіо. Затѣмъ онъ отыскалъ адвоката Гамборану и сообщилъ ему именно эту часть своей бесѣды съ Галантино.

- Неприятно, сказалъ адвокатъ.
- Я не думаю, чтобы у Агудіо оставались бумаги.
- Почему знать; во всякомъ случаѣ намъ надо первымъ изслѣдовать архивъ покойнаго Макки.
- Изслѣдуйте.
- Я не могу.
- Съ помощью денегъ.
- Миѣ неудобно.
- Такъ какъ же быть?
- Это надо сдѣлать Фальки. Ему, какъ защитнику Бароджи, это совершенно законно и естественно.
- Но времени не терять.
- Завтра утромъ я поговорю съ Фальки.

На другой день, послѣ полудня, Суарди отправился къ нотариусу Агудіо; его принялъ безобразный старикъ, неопрятный и грубый.

- Я полагаю, вы меня знаете?
- Нѣтъ, не знаю.
- Ну, такъ я вамъ скажу, что я пришелъ къ вамъ по уговору съ судьей Ф***.
- Говорите же скорѣе, что вамъ нужно, миѣ нѣкогда разговаривать.
- Я знаю, что у васъ сохранились бумаги покойнаго нотариуса Макки.

— Кое что сохранилось.

— Въ томъ числѣ вѣроятно кое что изъ бумгъ маркиза Ф***, умершаго 63 года тому назадъ, котораго дѣлами завѣдывалъ докторъ Макки.

— Можетъ быть, но я не знаю, а искать миѣ некогда. При томъ, такъ какъ все оставшееся послѣ доктора Макки — моя собственность, то я не обязанъ ни хранить, ни показывать, ни выдавать этихъ документовъ.

— Да никто и не думаетъ хозяйничать въ вашемъ домѣ, господинъ нотариусъ; это дѣло совѣсти; въ числѣ вашихъ бумагъ можетъ найтись одна, которая разъяснитъ дѣло, тянувшееся 60 лѣтъ.

- Прошу васъ не заботиться о моей совѣсти, это мое дѣло.
- Я не касаюсь вашей совѣсти, любезный мой докторъ; я

знаю, что переверачивать весь этот старый хламъ и рыться въ немъ—дѣло скучное и трудное; поэтому я могу обѣщать вамъ, что трудъ этотъ будетъ щедро вознагражденъ, особенно, если-бы онъ помогъ найти документъ, который позволилъ бы суду разрѣшить дѣло, вѣроятно вамъ извѣстное.

— Я уже сказалъ вамъ, что мнѣ пѣтъ дѣла до судовъ и адвокатовъ, и то же скажу даже официальной власти, если она вздумаетъ безъ всякаго права вторгаться ко мнѣ съ такими требованіями.

Суарди былъ озадаченъ и помолчалъ, потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Хорошо, теперь я понялъ, все понялъ, милостивый государь.

— Что вы поняли?

— Что мнѣ сказали правду. Знайте же, что я пришелъ только, чтобы провѣрить это и убѣдиться. Теперь убѣдился. Эти бумаги вы уже искали, нашли и сегодня утромъ отдали лицамъ, которымъ не слѣдовало отдавать....

При этихъ словахъ потариусъ такъ смутился, что Суарди, сказавши ихъ наобумъ, самъ удивился ихъ дѣйствию; онъ вышелъ удивленный внезапнымъ открытіемъ гнусной интриги, въ которой онъ началъ теперь подозрѣвать участіе даже властей

XI.

Мы снова возвращаемся въ театръ и идемъ въ игорную комнату фойе вслѣдъ за Джокондо Бруни, графомъ Аквиллой и Милордчикомъ смотрѣть австрійскаго агента.

— Ну, онъ и есть, сказалъ Бруни, когда они приблизились къ столу.

— Этотъ крошечный человѣчекъ?

— Да.

— Какая кроличья рожица.

— Это естественная маска, очень полезная ему.

— Вы съ нимъ когда нибудь разговаривали?

— Нѣтъ, самому противно было, но слыхалъ, какъ онъ съ другими разговаривалъ, меня онъ не знаетъ.

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?

— То же, что въ Парижѣ; играетъ, постоянно проигрываетъ; вотъ видите, и теперь уже въ проигрышѣ. Послушайте.

Это приглашеніе относилось къ разговору двухъ игроковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ другому:

— Вотъ хладнокровіе! Третій разъ выкладываетъ на столъ сотню наполеоновъ; а поглядѣть на улыбочку, можно подумать, что ему везетъ.

— Видите! сказалъ Бруни:—потомъ пойдетъ ужинать со всѣми, кому проигрался, заговорить о политикѣ, а утромъ вѣроятно пошлетъ отчетъ своему Меттерниху.

— Стало быть, правительство не знаетъ?

— Слѣдовало бы предупредить его. Но я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь.

Въ это время въ залу вошелъ щеголеватый господинъ, по фамиліи графъ Домо д'Оссола.

— Вотъ, обратился къ нему графъ Аквила, ты всегда увѣрялъ, что Австрія и не помышляетъ о Ломбардіи.

— А что?

— Смотри на этого человѣка за столомъ: проигрываетъ и радуется.

— Я его знаю.

— Какъ?

— Да. Это отчаянный кутила. Недавно пріѣхалъ сюда и влюбился въ Миланъ, захотѣлъ записаться въ національную гвардію; за щедрость его хотѣли сдѣлать офицеромъ, но онъ не согласился и поступилъ сержантомъ.

Графъ Аквила съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Бруни, какъ бы говоря, кто же изъ васъ правъ?

— А какъ его зовутъ? спросилъ онъ.

— Не помню, забылъ; впрочемъ и не стоитъ помнить.

— А вы знаете? спросилъ Аквила Бруни.

— Его зовутъ графъ Гиліери, но хотя онъ и графъ, однако, говорятъ, не богатъ, и непонятно, изъ какой казни беретъ онъ деньги, которыя бросаетъ пригоршнями.

— Кажется, мой другъ, сказалъ Аквила другому графу, что этотъ снѣгоръ знаетъ больше твоего, хотя только что пріѣхалъ изъ Парижа.

— Можетъ быть, но повторяю, я не интересовался свѣдѣніями на его счетъ. Я съ нимъ говорилъ раза два, три и убѣдился, что это человѣкъ совершенно пустой.

Въ это время у стола сдѣлалось движеніе. Нѣкоторые встали и отошли. Графъ Гиліери говорилъ:—на сегодня довольно, господа. Пойдемте къ «Пѣтуху» завершить вѣчеръ.

Аквила и Бруни вышли изъ фойе. Графъ Домо д'Оссоло подошелъ къ Гиліери и шепнулъ:

— Сегодня идите, куда хотите, а завтра уѣзжайте.

— Отчего?

— За вами слѣдятъ.

— Кто?

— Все равно, но надо уѣхать, чтобы не испортить хорошаго начала.

— Хорошо, уѣду и вернусь.

— Вернетесь въ свое время, когда плоды созрѣютъ. Передъ отъѣздомъ зайдите ко мнѣ. Приѣхалъ изъ Парижа маркизь Ф***. Онъ изъ нашихъ, хотя государственный совѣтникъ. У меня еще кое кого увидите. Прощайте.

Маленькій графъ Гиліери, эмиссаръ, шпионъ перваго класса, такъ сказать, кавалеръ 1-ой степени этого рыцарскаго ордена, отправился съ игроками въ трактиръ.

Между тѣмъ графъ Аквила съ десятью или двѣнадцатью пріятелями возвратился домой, строгимъ тономъ приказалъ слугамъ развести огонь въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, ввелъ туда гостей, также строго приказалъ слугамъ идти спать и усадилъ посѣтителей передъ каминомъ. Тутъ кромѣ Бруни и Милордчика были В***, баталіонный командиръ національной гвардіи, Э. В***, молодой человѣкъ очень умный и образованный, но эксцентричный, адвокатъ Гамбарона и другіе.

— Не слышимъ ли таинственно, сказалъ Э. В***, собираться въ такой часъ.

— Раньше нельзя было, сказалъ графъ Аквила, потому что намъ надо было показаться въ театрѣ. Ну такъ чтоже, господа, вы думаете? До сихъ поръ мы думали, что, избавившись отъ Франціи, будемъ вольны распорядиться собой; а теперь приходится убѣдиться, что за Франціей грозитъ Австрія.

— Да, дѣло не такъ то просто, какъ казалось, сказалъ Э. В***.—

Будь герцогъ Лоди помоложе и не такъ удрученъ подадгрой, онъ могъ бы взять въ руки верховную власть. Человѣкъ, который былъ вице Наполеономъ въ прекрасные дни Цизальпинской республики и Консульства, могъ бы быть избранъ и въ короли Италіи.

— Герцогъ Лоди, и въ молодости, и при здоровьи, былъ всегда трипка, сказалъ графъ Аквила.

— Это не бѣда, лишь бы правился народу.

— Но такъ какъ онъ не нравится, то нечего и говорить о немъ.

— Но во всякомъ случаѣ противъ Австріи и противъ Богарне необходимо выставить итальянца, и притомъ такого итальянца, который въ гражданской или военной дѣятельности обратилъ на себя вниманіе хотя бы своихъ соотечественниковъ. Гдѣ же взять такого итальянца? Скажи ты, который по нелѣпой гордости всегда упорно держался въ сторонѣ отъ всякой дѣятельности, хотя я тысячи разъ уговаривалъ тебя выступить на нее.

— Я не думаю, чтобы ты хотѣлъ смѣяться надо мной, говоря, что если бы я согласился вступить въ гражданскую или военную дѣятельность, то обратилъ бы на себя вниманіе. Во всякомъ случаѣ это уже потому несправедливо, что мнѣ пришлось бы тогда, подобно всѣмъ, сдѣлаться жалкой креатурой Наполеона. А этого то я и не хотѣлъ. И мнѣ кажется, что не изъ подобныхъ личностей намъ надо выбирать вождя, президента или диктатора. Это долженъ быть человѣкъ совершенно новый, никому несслужившій, ни отъ кого не получавшій награды, никому ничѣмъ несобязанный. Ты скажешь, что лужно прошедшее, которое ручалось бы за будущее, но я тебѣ отвѣчу, что лучше бѣлая страница, чѣмъ страница исписанная, гдѣ на одну свѣтлую мысль приходится сотня гнусностей.

— Все это такъ, но народъ этого не понимаетъ. Теперь если бы явился новый Самуилъ помазать на царство неизвѣстнаго Саула, то и ему не повѣрили бы. Народъ не вѣритъ поамъ; ему подавай факты и факты; пожалуй, пусть они не будутъ настоящими чудесами, но лишь бы были громки.

— Ты правъ по своему. Но я тебѣ ручаюсь, что если бы на-примѣръ мнѣ удалось въ эти дни попасть въ начальники національной гвардіи, я въ этой простой должности надѣлалъ бы чудесъ.

— Бѣда только, что нынѣшній начальникъ не собирается ни умирать, ни выходить въ отставку.

— Позвольте, вмешался В***, батальонный командир национальной гвардіи, графъ будетъ назначенъ надняхъ капитаномъ въ моемъ батальонѣ.

— Да, и въ воскресенье на смотру, повое знамя, вышитое моею женой, будетъ освящено и поднесено батальону.

— Ну, и какъ только ты будешь сдѣланъ капитаномъ, я уступлю тебѣ командованіе батальономъ. Съ моей стороны тутъ нѣтъ никакой жертвы, а ты будешь гораздо полезнѣе меня въ этой должности.

— Право, проницески сказалъ Гамбарона, въ кабакахъ толкуютъ объ интересахъ страны иногда лучше, чѣмъ въ салонахъ.

— Сдѣлайте же намъ одолженіе, сказалъ Э. В***, сообщите, кагія премудрости изречаются въ кабакахъ?

— Какъ то недавно вечеромъ я зашелъ съ однимъ кліентомъ въ гостиницу Пѣтухи; разный былъ народъ, купцы, прикащики, лавочники, однимъ словомъ народъ, котораго вы имѣете неблагоуразуміе никогда не видѣть и не слышать. Всѣ говорили свободно о текущихъ дѣлахъ и вотъ, какъ теперь вы, заговорили о томъ, что дѣлать италянцамъ, если у нихъ руки развяжутся, на кого положить. Этого никто ни могъ разрѣшить, какъ вдругъ заговорилъ какой то юноша:— Долго тутъ думать нечего, сказалъ онъ:— Подумайте, какъ Мюратъ изъ трактирнаго слуги и почтара сдѣлался королемъ Неополитанскимъ. Теперь времена не тѣ, что прежде, и Наполеонъ все такъ передѣлалъ, что не надо, что бы сдѣлаться королемъ, запасаться короной въ утробѣ матери. У насъ есть такой человекъ, умный, образованный, герой безчисленныхъ сраженій, такъ что даже возбудилъ въ себѣ зависть вице-короля, генералъ, богатыримый всею италянскою арміею. Почему же ему не быть италянскимъ королемъ? «Да здравствуетъ король Пипо!» вскричалъ одинъ изъ слушателей. Этотъ крикъ подхватили всѣ, а ораторъ, не знаю, лавочникъ или мастеровой, продолжалъ: «Нашъ порокъ въ томъ, что мы презираемъ все свое и любимъ все иностранное. Во всемъ такъ. Французское вино, которое насъ отравляетъ, выписывается по позолотому за бутылку, тогда какъ у насъ по 16 солиди продается свое, отъ котораго мертвый воскреснетъ; будь оно французское, его пили бы только знатные господа. Ну, слава Богу, короля мы наконецъ напили своего природнаго, а съ нимъ все уладится». Такъ вотъ какъ разсуждаютъ въ кабакахъ.

— Я не разъ думалъ о генералѣ Пино, сказалъ графъ, но по правдѣ скажу—непавижу военщины. Когда солдатъ во главѣ государства, никому житья нѣтъ, и казарма дѣлается святая святыхъ государства. Впрочемъ теперь не время искать короля. Дѣло въ томъ, чтобы устранить австрійцевъ и не допустить, чтобы эта жалкая бездарность Богарне осталась у насъ въ то время, какъ самъ Наполеонъ падаетъ. Пусть Пино будетъ главнокомандующимъ, это дѣло; но государство должно управляться гражданской властью. Потомъ придется подумать о выборѣ короля, потому что нобѣдоспннн союзныя державы вѣроятно не допустятъ у насъ республики. Но теперь объ этомъ толковать преждевременно. Теперь надо обезпечить себя отъ покушеній бонапартистскихъ креатуръ, представляющихъ націю безъ всякаго полномочія; для этого нужно овладѣть какою нибудь матеріальной силой. У насъ есть она, только о ней никто не думаетъ, потому что до сихъ поръ она служила только для парадовъ. Но въ энергическихъ рукахъ она можетъ получить великое значеніе. Поэтому то я и говорю, что всѣмъ вамъ надо поступить въ національную гвардію; поэтому то я радуюсь назначенію своему въ капитаны и желалъ бы сдѣлаться батальоннымъ командиромъ, а еще лучше начальникомъ всей гвардіи.

Стали расходиться. Проводивъ послѣднихъ, графъ, не смотря на позднюю ночь, походилъ въ волненіи по комнатѣ, потомъ вспомнилъ о вышиваемомъ знамени, пошелъ въ кабинетъ жены и открылъ ящики; ему показалось, что работа подвигается туго и врядъ ли будетъ кончена къ сроку. Кровь бросилась ему въ голову, онъ сталъ дергать сонетку. Вбѣжалъ слуга.

— Сейчасъ пошли мнѣ Марію!

Прибѣжала полуодѣтая дѣвушка.

— Что вы дѣлали съ барыней эти дни. Вы и въ мѣсяць не кончите.

Разбуженная суматохой, вышла графиня, закутанная въ шаль. Графъ напустился на нее, она расплакалась; горничная тоже заливалась слезами. Распущивъ ихъ объихъ, онъ ушелъ спать.

XII.

Въ началѣ 1814 въ Миланѣ окончательно сформировались три политическія партіи. Первая желала независимаго Итальянскаго королевства съ Евгениемъ Богарне королемъ. Ее называли партіей шитыхъ мундировъ, потому что къ ней главнымъ образомъ принадлежали саповники королевства и всѣ, кому тепло жилось при настоящемъ порядкѣ. Къ ней же принадлежали и многіе обеспеченные и спокойные люди, нежелавшіе никакихъ переменъ, хотя принадлежали только пассивно, своими желаніями, ничѣмъ ихъ не выражая и не заявляя, какъ люди по преимуществу смирные и молчаливые. Другая партія была партія ханжей, прюньеръ и водимыхъ ими за носъ дураковъ; она чаяла спасенія отъ Австріи; къ ней принадлежали всѣ монсиньоры, каноники и капелланы и многіе изъ знати. Наконецъ третья была національная партія, несправедливая Австрію, но нежелавшая и Богарне, она была самая ничтожная по числу членовъ. Всѣ партіи, за исключеніемъ небольшого числа шитыхъ мундировъ, сходились на ненависти къ французамъ и къ ихъ креатурамъ, которыхъ называли сервилистами. Въ послѣднее время число враговъ этихъ сервилистовъ все возрастало, къ нимъ присоединялись всѣ чиновники, считавшіе себя обойденными наградою или получившіе нагоняй отъ высшаго начальства, всѣ имѣвшіе какую нибудь личность противъ какого нибудь изъ членовъ правительства. Такъ къ числу ихъ присоединился судья Ф*** съ тѣхъ поръ, какъ Луизи потребовалъ у него отчета по дѣлу Бароджи и намекнулъ ему очень ясно, что и ему, и самому вице-королю извѣстно, что онъ получилъ отъ нотаріуса Агудіо и истребилъ важные документы, которые могли доказать подлинность записанія. Министръ говорилъ съ нимъ очень строго и пригрозилъ гнѣвомъ вице-короля, который намѣренъ разобрать это дѣло. Судья перепугался, хотя видѣлъ, что министръ слишкомъ озабоченъ собственнымъ положеніемъ, чтобы горячо взяться за разборъ; и дѣйствительно онъ долго медлилъ призвать къ допросу нотаріуса Агудіо, можетъ быть, нарочно, чтобы дать время схоронить ковцы. Но всѣ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, судья Ф***, адвокаты Гамбарона и Фальки и маркизь Ф***, со страхомъ и трепетомъ помышляли о томъ, что предстоить имъ, если Богарне вернется уже не

вице королемъ, а королемъ Италиі. Но больше всѣхъ распложенію враговъ правительства способствовали финансовыя мѣры его; министр Припа ухитрялся придумывать все новыя и новыя налоги, и противъ него скоплялась ужасная ненависть.

Такъ протянулись дѣла до второй половины марта 1814, когда дѣлю, повидимому, стало приближаться къ развязкѣ. Графъ Гиліери и другіе подобныя вороны снова явились въ Миланѣ, зачуявъ падалъ. Графъ Аквила и его сдѣломилленники перенесли свои собранія въ квартиру Фальки, гдѣ завелся родъ политическаго трактира, похожаго на тѣ вертены, гдѣ хозяинъ съ хозяйкой занимаются контрабандой, а иногда и рѣзней путешественниковъ.

Однажды вечеромъ графъ Аквила былъ здѣсь наединѣ съ снѣной Фальки.

— Уже одиннадцать часовъ, а еще никого нѣтъ, говорила она.

— Сегодня никого не будетъ. Мы условились прекратить на время вечернія собранія. Въ публикѣ начали поговаривать о нихъ. Лучше отклонить подозрѣнія. Притомъ всѣми этими людьми надо руководить; всѣ они лишены инициативы.

— Да, я это тоже замѣтила. Хорошіе люди, но способные дѣйствовать въ данную минуту, а не по уговору и по плану. Ну, какъ дѣла? Вчерашній громъ пушекъ поугналъ броженіе въ населеніи.

— Не вѣрьте.

— Я и не вѣрю.

— Это послѣднія ставки проигравшагося игрока. Ему не воскреснуть. Это ложныя вѣсти, распускаемая съ цѣлью содрать еще нѣсколько милліоновъ чрезвычайнаго налога. Разсчитываютъ, что подъ шумъ выстрѣловъ мужики дадутъ забрать у себя хлѣбъ и сѣно, не посмѣвъ взяться за вилы.

— Я вчера была въ деревнѣ.

— Что же?

— Настоящій порохъ. Одна искра, и все полетитъ. Мужики, говорятъ, собираются идти на городъ.

— Да, я это слышала. Но этого мало.

— Какъ мало?

— Будь я генераломъ Цино или хотя только начальникомъ національной гвардіи, я зналъ бы, какъ повести дѣло.

— Но вы командуете батальономъ.

— Да, за отсутствіемъ Б***; но между батальоннымъ командиромъ и капитаномъ нѣтъ большой разницы: надо командовать всею гвардіей.

— А какъ вы думаете, если бы Висконти вышелъ въ отставку или захворалъ, или съ нимъ что случилось бы—я говорю въ видѣ предположенія—были бы вы назначены на его мѣсто?

— По всей вѣроятности.

— Такъ объ этомъ надо подумать.

— Что думать о такомъ несбыточномъ предположеніи?

Фальки ничего не отвѣчала, и разговоръ пошелъ о другомъ. Но во время его у нея не выходилъ изъ головы случай, бывшій съ ней дня три тому назадъ.

Ей надо было ѣхать съ визитами. Она не держала лошадей, и въ случаѣ нарядныхъ выѣздовъ брала наемную карету одного возницы, по имени Бернакки. Это былъ красивый малый, лѣтъ подъ тридцать, человѣкъ зажиточный, самъ владѣтель своего экипажа и лошадей. Она часто посылала за нимъ, и при своей безцеремонности и фамильярности не разъ принимала его въ своей спальнѣ и бесѣдовала съ нимъ о разныхъ городскихъ новостяхъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Собираясь съ визитами, она съ утра велѣла позвать Бернакки—и еще лежала въ постели, когда онъ явился; она велѣла ввести его въ спальню.

— Сегодня въ два часа пріѣзжай за мной.

— Слушаю.

— Много работы было эти дни?

— Какая работа? Ни у кого денегъ нѣтъ, всѣ пѣшкомъ ходятъ. А кто и ѣздитъ, такъ не хочетъ платить. Вчера я чуть не побилъ одного важнаго барина.

— Какъ? Расскажи.

— Удержался, потому что военный.

— Вѣрно французскій генералъ.

— Нѣтъ, нашъ миланецъ, маркизь Висконти.

— Начальникъ національной гвардіи?

— Да.

— Ну, жаль, что не попотчивалъ его.

— Какъ? Вѣдь это каторгой пахнетъ.

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Синьора безцеремонно двигалась въ постели.

— Нѣтъ, синьора, я уйду, вдругъ сказалъ извозчикъ.

— Что съ тобой?

— Въ этой комнатѣ я, какъ на горячихъ угольяхъ.

— Ахъ, дуракъ!

— Право, синьора, хотъ закройтеся получше, сдѣлайте одолженіе. Ахъ, кажется, жизнь бы отдалъ...

— Вотъ постой, я позвоню и велю вытолкать тебя въ шею, сказала синьора, протягивая къ звонку голую руку соблазнительной окружности и полноты.

Извозчикъ убѣжалъ.

Послѣ разговора съ графомъ она на другое утро снова послала за Бернакки и опять приняла его въ постели:

— Послушай, сказала она ему, если ты задашь хорошую взлупку Висконти, такъ чтобы онъ слегъ въ постель, то увѣряю тебя, останешся мной доволенъ.

Говоря это, она стала обѣими руками поправлять на головѣ косы, причемъ рукава рубашки спустились до самыхъ плечъ.

— Понимаетъ? прибавила она, дополняя объясненіе взглядомъ. Молодой извозчикъ побагровѣлъ отъ волненія.

— Ступай; пріѣзжай за мной въ два часа; завтра или послѣ завтра пошлю за тобой.

Онъ вышелъ въ такомъ волненіи, что ошибся дверью и попалъ въ кухню.

Этотъ послѣдній разговоръ происходилъ утромъ двадцать третьяго марта. Вечеромъ двадцать пятаго числа винный магазинъ Камбіази противъ Скалы былъ биткомъ набитъ любопытными, говорившими и разспрашивавшими другъ друга.

— Гдѣ же это случилось?

— На площадкѣ Бокетто.

— Кишалою.

— А маркизъ?

— Маркизъ осматривалъ караулъ.

— Однако не оробѣлъ, выхватилъ пистолетъ и ранилъ вора.

— Въ челюсть.

На другой день хирургъ Монтеджа извлекъ пулю изъ раны

Въ конторѣ «Устоевъ» продается по уменьшенной цѣнѣ небольшое число экземпляровъ изданнаго студентами С.-Петербургскаго университета, въ пользу нужд. товарищей, литературнаго сборника

„ОТКЛИКЪ“

Содержаніе: I. Отъ издателей-студентовъ. — II. Утесъ. Стихотвореніе Н. Никифорова. — III. Старая крыса. Очеркъ А. Михайлова (Шеллера). — IV. Разладъ. Стихотвореніе П. Я. — V. Прогрессъ. Стихотвореніе Н. Минскаго. — VI. Далила. Разсказъ Максима Бѣлинскаго. — VII. Колдунъ. Повѣсть Н. Никифорова. — VIII. Къ свѣту. Стихотв. П. Я. — IX. Успѣхи рационализма въ древней Греціи. Истор. очерки Ѳ. Мищенко. — X. Одни. Очеркъ К. Баранцевича. — XII. Физиологическое и общественное значеніе пищи. М. Антоновича. — XIII. Прометей. Стихотвореніе Я. Полонскаго. — XIV. Очеркъ поземельной собственности въ Англии и проектовъ ея переустройства. И. Ш. — XV. Шекспиръ и Пушкинъ. В. Чуйко. — XVI. Бруть. Драматическія сцены А. Михайлова. (Шеллера). — XVII. Старый грѣшникъ. Разсказъ Н. Златовратскаго. — XVIII. Народу. Стихотвореніе К. Барыковой. — XIX. Достоевскій и его популярность въ послѣдніе годы. С. Венгерова. — XX. Подъ снѣгомъ. Стихотвореніе. П. Я. — XXI. Объ изученіи народнаго быта. А. Григорьева. — XXII. — XXIII. Два стихотворенія А. Плещеева. — XXIV. На пути въ деревню. Разсказъ В. Метелицы. — XXV. Призывъ. Стихотвореніе П. Я.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ОСНОВЫ

НАРОДНИЧЕСТВА

И. ЮЗОВА.

Цѣна 1 р. 50 к. Обращающіеся въ контору «УСТОЕВЪ» платятъ 1 р.

ЖУРНАЛЪ „УСТОИ“

Будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки:	Съ доставкою въ Петербургъ:	Съ пересылкою:
На 1 годъ . . .	10 р.	11 р.	12 р.
» полгода . . .	5 » 50 к.	6 »	7 »

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Федосѣевецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минскій, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій.
Редакторъ-издатель С. А. Венгеровъ.

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Нефедовскій-почипокъ. (Разсказъ. Окончаніе). Н. Наумова . . .	1
II. Гамлеты—пара на грошъ. (Изъ записокъ лежебока). Я. Абра- мова	53
III. Среди рабочихъ. П. Безымяннаго	80
IV. Изъ дневника. (Стихотвореніе). П. Якубовича	99
V. Теоретичн сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. (От- рывокъ изъ «Очерка развитія науки о вѣрованіяхъ»). П. М.	100
VI. Весенняя мелодія. (Стихотвореніе). Аландрова	144
VII. Сто лѣтъ. Романъ Джузенне Ровани, переводъ съ итальян- скаго. В. Зайцева (Приложеніе)	513—578
VIII. Сибирскіе рабочіе. С — въ	1
IX. Внутреннее обозрѣніе	31
X. Новыя книги: I Съѣздъ въ г. Повгородѣ учителей и учи- тельницъ начальныхъ народныхъ школъ Новгородской гу- берніи.—II. Стихотворенія Ольги Повомаревой.	42
XI. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. (Письма къ читателямъ). Аландрова	52
XII. Объявленія	64

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, № 1.
1882.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ

Содержаніе: Отъ автора.—Типъ «средней» деревни.—Крестьянскія дѣти.—Перехожіе учителя.—Схема народно-бытовыхъ основъ.—Семейные раздѣлы.—Распределеніе общинной земли.—Сходы.—Передѣлы.—Помочь.—Товарищества.—Типъ общины «хозяйственнаго» мужика.—Атмосфера двоедушія и двуличія.—Организація «выти».—Нѣчто объ изученія деревни и проч. Стр. 254 in 8°. Цѣна 1 р. 25 к.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору, Сиб., Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, цѣна 1 р. съ пересылкою.

== Того же автора: «СРЕДИ НАРОДА» (разсказъ). Ц. 1 р. 50 к. «ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА» (повѣсть). Ц. 50 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

РАЗСКАЗЫ.

Четыре дня.—Пропшествовіе.—Трусъ.—Встрѣча.—Attalea grisea.—Художники.—Ночь.—То, чего не было.

Цѣна 1 руб.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору журнала, пересылка бесплатно.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «УСТОИ» ПРОДАЮТСЯ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

ВИКТОРА ГЮГО.

Цѣна 2 р., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

НАНА

Романъ Э. ЗОЛА.

Цѣна 1 р. 50 к., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 25 к. съ пересылкой.

РАЗСКАЗЫ МАКСИМА БЪЛЖИСКАГО.

Цѣна 1 р. 25 к. Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р.

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. Нефедовскій починокъ. (Разсказъ. Окончаніе). Н. Наумова.	1
II. Гамлеты—пара на грошъ. (Изъ записокъ лежебока) Я. Абрамова	53
III. Среди рабочихъ. П. Безмяниного	80
IV. Изъ дневника. (Стихотвореніе). П. Ягубовича	99
V. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. (Отрывокъ изъ «Очерка развитія науки о вѣрованіяхъ»). П. М.	100
VI. Весенняя мелодія. (Стихотвореніе). Александрова	144
VII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (Приложеніе)	513—514
—	
VIII. Сибирскіе рабочіе. С — в ѣ	1
IX. Внутреннее обозрѣніе	31
X. Новыя книги: I. Съѣздъ въ г. Новгородѣ учителей и учительницъ начальныхъ пародныхъ школъ Новгородской губерніи.—II. Стихотворенія Ольги Пономаревой	42
XI. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. (Шисьма къ читателямъ). Александрова	52
XII. Объявленія	64

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.
1882.

Средняя Подъячская, № 1.
8429.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ
ЖУРНАЛА

„УСТОИ“.

Литературный, научный и политический журнал «УСТОИ» удетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

- 1) **Беллетристика**, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.
- 2) **Научный отдѣлъ**: статьи по всеѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 3) **Критика**: Общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества: разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.
- 4) **Внутренній отдѣлъ**: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденція, судебные отчеты.
- 5) **Политическій отдѣлъ**: обзорѣніе жизни иностранныхъ государствъ.
- 6) **Фельетонъ**: очерки современной русской и западной жизни.
- 7) **Театръ и музыка**.
- 8) **Смѣсь**: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.
- 9) **Объявленія**.

Въ журналѣ будутъ участвовать: **И. В. Абрамовъ** (Одессевецъ), **М. Н. Альбовъ**, **Александровъ**, **К. Баранцевичъ**, **Мак-**

сымъ Бѣлинскій, А. Л. Боровиковскій, С. А. Венгеровъ, О. О. Вороновъ, В. В., проф. Алексѣи Шк. Веселовскій, А. Ефименко, Н. Н. Златовратскій, проф. П. П. Иванюковъ, проф. Ив. Лучицкій, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, П. Лафаргъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. Карѣевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Мпвскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ, Н. П. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. П. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. П. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ, проф. П. П. Явжужъ, Я. В. Федосъевецъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. *Цинзерлинн*, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р.; съ пересылкою въ другіе города 12 р.; *на полгода*: безъ доставки 5 р. 50 к.; съ доставкою въ Петербургъ 6 р., съ пересылкою въ другіе города 7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже* выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ въдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору «УСТОЕВЪ».

Лица, желающія получить отъ редакціи какія-либо письменныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ почтовый марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журнала «УСТОИ» по личному ихъ востребованію; пересылаются же въ другіе города лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ расходовъ; рукописи же, не востребованныя въ теченіи годоваго срока съ ихъ присылки, уничтожаются. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за ихъ сохраненіе.

Нефедовскій починокъ.

(Окончаніе).

Спустя два года послѣ прибытія Описки, ранней весной, едва только спала вода, затопявшая единственный тележный путь, которымъ хотя съ трудомъ, но все таки можно было добраться до гривки, въ Починокъ прибылъ новый житель. Старикъ Нефедъ и Марковна, завидя еще издали телѣгу, покрытую кожанымъ кузовомъ, которую съ трудомъ везла пара сильныхъ, рослыхъ лошадей, съ любопытствомъ поджидали необычныхъ въ это время года путниковъ, такъ какъ крестьяне окрестныхъ деревень, если имъ предстояла надобность побывать въ Починкѣ приплывали въ лодкахъ по Суклемѣ или пробирались въ него пѣшкомъ, тропинками, проложенными среди болотъ. Въѣхавъ на гривку, телѣга остановилась, и къ старику Нефеду и Марковнѣ подошелъ человекъ среднихъ лѣтъ въ теплое суконномъ пальто, ошоясанномъ кушакомъ, въ суконномъ картузѣ и высокихъ сапогахъ, облѣпленныхъ грязью до самыхъ колѣнъ. «Здорово живете?» привѣтствовалъ онъ старика и Марковну, слегка приподнявъ картузъ на головѣ.

— Здравствуй! отвѣтилъ ему старикъ, пристально всматриваясь въ смуглое лицо прибывшаго, опухшее черною борокою, и въ быстрые, пронизательные глаза его, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ нихъ безпокойства.

— Это и есть Нефедовскій-то Починовъ?.. спросилъ прибывшій, скользнувъ глазами по избѣ Мирона, Нефеда и окрестностямъ.

— Это!..

— Фю-фю-ю-ю... свиснулъ онъ. «Угада-а-аль!»! протянулъ онъ снова, окинувъ избы своимъ безпокойнымъ взглядомъ и, приподнявъ рукою кортузу, почесалъ въ затылкѣ. «Ну, какъ ни какъ, а приходится видно сказать: просимъ любить да жавовать!»! произнесъ онъ, насмѣшливо поклонившись старику и Марковнѣ.

— Милости просимъ!.. отвѣтила ему Марковна. «Вы кто же поселщики будете?» спросила она.

— Заблудшіе, есть тотъ грѣхъ голубка!.. отвѣтилъ прибывшій, не глядя на нее...

— Изъ конхъ мѣсть-то?

— Изъ заповѣдныхъ, сиротка, изъ самыхъ теплыхъ, поостыть сюда присланы, отвѣтилъ онъ и улыбнулся, раскрывъ два ряда бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, придававшихъ его физиономіи какой-то плотоядный видъ.

Старикъ Нефедъ, не проронившій болѣе ни слова, все время пристально изъ подълобья наблюдалъ за новоприбывшимъ жителемъ, и когда тотъ отвернулся и пошелъ къ телѣгѣ, онъ угрюмо почесалъ въ затылкѣ и молча отошелъ къ своей избѣ. Подведя телѣгу нѣсколько къ сторонѣ отъ избы Мирона, прибывшій крикнулъ сидѣвшей подъ кузовомъ ея женщиной. «Выходи, Лукерья Ивановна, огляди новоселье-то!»! и выпрягнувши лошадей, привязалъ ихъ къ телѣгѣ. Изъ телѣги въ это время, съ трудомъ освободившись отъ мѣшковъ, кульевъ и узелковъ, какими была наполнена телѣга, выѣзла молодая весьма красивая женщина, одѣтая въ драповый еще свѣжій бурнусъ, и окутанная черною шерстяною шалью. Молча осматрѣвшись кругомъ, она поклонилась Марковнѣ, которая стоя у дверей своей избы, съ любознательствомъ смотрѣла на прибывшихъ.

— А что, сиротка, насчетъ самоварчика у васъ можно

похадатайствовать?.. снова обратился къ Марковнѣ прибывшій.

— Нѣту, кормилецъ, заводу-то этаго нѣту...

— И чайничка этакъ не полагается развѣ въ хозяйствѣ-то имѣть, а?

— Не пьемъ мы этаго чаю-то, такъ оно и не къ чему будто, отвѣтила Марковна.

— Тэ-экъ!.. по простотѣ стало быть живете?.. насмѣшливо спросилъ прибывшій.

— По простотѣ!..

— И у старичка-то тоже этой посуды не спрашивать, а

— Не спрашивай!..

— Вотъ-тѣ дѣлю-то какое Лукерья Ивановна подошло! съ провией обратился прибывшій къ своей спутницѣ. «Здѣсь и чайкомъ-то горя, кручины не разбавишь! А вы какъ-же, милая, хлѣбъ-то ѣдите?.. насмѣшливо обратился онъ къ Марковнѣ».

— Неужь безъ хлѣба жить?.. съ удивленіемъ отозвалась она.

— Жуете-же! А ужь я полагалъ, што вы и этой забавой по простотѣ-то брезгуете. А сварить покелева што пехлебать если дозволите, а? да вы разговоритесь, сизая, ободритесь; какъ ни какъ, а даводится вѣрно вѣкъ-то бокъ о бокъ коротать!.. съ бойкимъ мѣщанскимъ юморомъ и подборомъ словъ говорилъ прибывшій. Ну какъ таперича къ примѣру звать-бы васъ, штобъ не обмолвится?

— Ориной...

— Тэ-экъ! Супруга имѣете, аль сиротка?

— Мужная буду.

— А пужливый-то старичекъ этотъ, какъ вамъ доводится, причемъ? свекоръ будетъ штоль?

— Это ты про Нефедя-то Максимыча, штоль спрашивать? прервала его Марковна.

— А-а... Онъ Нефедомъ Максимычемъ зовется, вишь какъ! Ну что-жъ, старичекъ видать почтенный, можно и Максимычемъ взвеличать. Обознакомимся ужо, я старичковъ-то люблю, сударка, старички-то энти въ ино время шустрѣй годо-

валаго бѣгунца бывають; право! А ты, Луша, того, разомнись-ко, обратился онъ къ своей спутницѣ. «Чего стоять-то, разговоромъ-то сыта не будешь. Свари хоть рыбки пока.

— Гдѣ варить-то? какъ-то не хотя спросила та.

— Бѣлоперая-то чать пропустить къ печкѣ-то. Ужъ вы, сизая, того, до поры до время тепломъ-то насъ не обойдите; вѣкъ то можетъ дологъ, сочтемся, ужъ благодарность-то въ одну пригоршню копить станемъ. Рыбки вотъ мы захватили съ собой, сварить-бы.

— Што-жъ, варите, милости просимъ; заходите ужо въ избу-то, съ дороги-то чать притомилсь!» пригласила ихъ Марковна и, захвативъ въ беремя дровъ изъ небольшой полѣнницы, сложенной позади избы, вошла въ избу.

Позамялись, сердешная, позамялись, чего тантъ!» отозвался въ слѣдъ ей прибывшій. «Ты, Луша, захвати-ко ужо котелокъ-то» произнесъ онъ, подходя вмѣстѣ съ своей спутницей къ телѣгѣ и выпимая изъ нея новый чугунный котель, большой мѣшокъ съ кренделями, калачами и хлѣбомъ и кулекъ, до верху наполненный рыбой. Луша, обдернувъ сбившуюся съ головы шаль, захватила съ собой мѣшокъ съ хлѣбомъ и котелокъ, а прибывшій—кулекъ съ рыбой и оба съ трудомъ прошли съ своей ношей въ узенькую дверь избы Мпрона. Войдя въ избу, гдѣ Марковна разводила уже въ печкѣ огонь, новый жидецъ починка и Лукерья Ивановна сложили принесенные ими мѣшки на лавку и молча оглядѣли убогое жилье, въ которое едва проникалъ свѣтъ черезъ маленькое оконце, затянутое бычачьимъ пузыремъ.

— О... о!.. Изба-то не очень чтобы просторна!.. замѣтилъ прибывшій, снимая картузь и крестясь на висѣвшій въ переднемъ углу мѣдный образокъ.

— Тѣснимся!.. отвѣтила ему Марковна, съ любопытствомъ оглядывая принесенные ими мѣшки, а также бурнусъ и шаль на головѣ Лукерьи Ивановны. Въ умѣ Марковны съ разу составилось понятіе о громадномъ богатствѣ пріѣзжихъ, и она вдругъ, сама не зная съ чего, оробѣла передъ ними и засты-

дилась своего жалкаго убожества, «Вы уже не утруждайтесь, голубушка. И коли што надоть, справлю вамъ!» произнесла она, когда Лукерья Ивановна какъ-то нехотя спустила съ головы шаль и, снявъ бурнусъ, выглядывала мѣсто почивше, куда-бы положить его, чтобъ не поначкать. Густыя, темныя косы ея были обмотаны на затылкѣ около черепаховой гребенки, въ ухахъ висѣли длинныя, золотыя серьги, пухлыя, бѣлыя пальцы рубѣ были украшены золотыми перстнями и кольцами, на шей было темное шерстяное платье, а ноги были обуты въ высокіе ботинки съ пуговками. Оглядѣвъ быстрымъ, свойственнымъ только женщинамъ, взглядомъ все мельчайшія подробности туалета прибывшей, Марковна, сама не зная почему, взглянула вдругъ на свою холицевую, полинявшую отъ снѣжной окраски рубаху, съ безчисленнымъ количествомъ заплатъ на шей, спускавшуюся немного только ниже колѣнъ, на свои истрескавшіяся ноги, и еще болѣе застыдилась и принизилась передъ своею щеголеватою гостью. Безъ всякой просьбы, даже намека со стороны послѣдней, она стала прислуживать ей, стараясь предупредить всякій шагъ ея. Она вымыла принесенный ею котелокъ и, наливъ его водою, поставила въ печь. Лукерья Ивановна достала изъ кулъка три стерлядки и Марковна, вычистивъ и обмывъ ихъ, разрѣзала на куски и опустила въ котель, и затѣмъ, доставъ грубую, по чистую скатерть, стала накрывать на столъ.

Между тѣмъ какъ Марковна хлопотала около стола и печки, спутникъ Лукерьи Ивановны, выйдя изъ избы, парвалъ травы въ рубу и, очистивъ ею грязь съ сапоговъ, подошелъ къ избѣ Нефёда и присѣлъ около него, молча, насмѣшливо поглядывая на его работу.

— Корзипочки плетешь? произнесъ наконецъ онъ, постегивая прутикомъ по высокому голенищу сапога.

Старикъ искоса взглянулъ на него, не отвѣтивъ ему ни слова.

— Много васъ тутъ живетъ старинишка мужскаго-то пола?.. снова спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Доживешь до вечера, такъ увидишь!.. нехотя отвѣтилъ старикъ, по прежнему не глядя на него.

— Скупенекъ-же ты погляжу... хе... хе... у тебя на каждое слово, видать, дѣна набита, а?.. насмѣшливо замѣтилъ прибывшій.

Въ это время изъ избы Мирона выглянула Лукерья Ивановна и крикнула «Антонъ Прокопычъ, иди уху-то хлѣбать, поспѣла!..»

— Пойдемъ-ко, старинушко, закусимъ!.. промолвилъ вставая прибывшій.

— Сытъ!..

— Иди-и; штожь ты отъ хлѣба соли чураться, поѣшь-то, такъ можеть и повеселѣй выглянешь.

— Нѣ-ѣтъ, уволь, спасибо...

— Ну, какъ знаешь, была-бы ласка приложена, а отъ убытка Богъ отнесъ. Да ты изъ раскольниковъ, штоли, аль мирской? снова спросилъ онъ.

Но старикъ, не отвѣтивъ, отвернулся отъ него.

— Экъ старичекъ-то у тебя, сиротка, пуганой какой!..» насмѣшливо говорилъ Антонъ Прокопычъ, садясь за столъ: «языкомъ-те словно моченымъ лыкомъ въ кадушкѣ булькаетъ право! Што-жь, голубка, бери ложку да садись за компанію а?» пригласилъ онъ, но видимо болѣе изъ приличія, такъ какъ не проронилъ болѣе ни слова, видя, что Марковна не брала ложки и не присаживалась, и даже повелительно, точно къ прислугѣ относился къ ней, говоря: «А пу-ко, плесни еще щербцы-то!.. дай-ко ужо сольцы-то, отмахни-ко еще хлѣбца-то краюшечку, да поворачивайся, вѣдь не тяжело чать ногамъ-то!.. Бссая, а словно въ стопудовыхъ отсѣтанцахъ бродишь!» презрительно замѣтилъ онъ..

Вечеромъ Марковна полоскала бѣлье на берегу озера, когда изъ лѣсу показались Миронъ, сидя верхомъ на лошади вмѣстѣ съ Марѳушкой, державшейся за гриву обѣими руками и Описка. Марковна не утерпѣла и, побѣжавъ имъ на встрѣчу объявила о прибытіи новыхъ засельщиковъ. «Богатѣ-ѣ-ѣи..»

видать, што богатѣи!» говорила она, дѣлаясь своими наблюденіями и подробно описывая костюмы прибывшихъ и обиліе багажа. Сидя въ телѣгѣ послѣ обѣденнаго отдыха, Антонъ Прокопычъ, едва завидѣвъ Мпрона и Ониску, съ любопытствомъ поджидалъ ихъ. Къ пугливому старичку онъ болѣе не обращался съ разговорами и избѣгалъ его. Подойдя къ телѣгѣ, Ониска приподнялъ шапку и надменно произнесъ: «здорово, сосѣдъ, аль па новосельѣ пріѣхалъ?..»

— Ты здѣшній штоль?.. спросилъ его въ свою очередь Антонъ Прокопычъ, не отвѣчая на его вопросъ.

— Тутешній, старожилъ ужъ теперь буду!..

— За утицами гулялъ?.. снова спросилъ онъ.

— Стрѣльцы, на губернію вотъ поставляемъ», съ достоинствомъ произнесъ Ониска, потряся птицей, навѣшенной съ обѣихъ концовъ на бичевку, перекиннутую черезъ плечо его. «А ты не стрѣлецъ-ли будешь? спросилъ онъ.

— Пострѣливаемъ, съ неуловимой пропіей отвѣтилъ ему Антонъ Прокопычъ.

— О-о-о!.. Ну вотъ и компанія!.. То-то ты и заѣхалъ къ намъ, по духу чать мѣсто-то слышалъ, мѣста братъ сдѣсь и-и-и, привольныя, ходи да папаливай, вотъ чать и часу не ходилъ, а вишь, сколь нахлопалъ съ одного выстрѣла, хвастливо потряса птицей, произнесъ Ониско. «Какъ тебя звать-то?» спросилъ онъ.

— Антонъ.

— Анто-онъ!.. Ну, я-то Онисимъ буду.

— Почему птицу-то продаешь? прервалъ его Антонъ Прокопычъ.

— Мы на губернію поставляемъ, а не то штобъ поштучно, гордо отвѣтилъ онъ. — Ужъ наша-то цѣпа тамъ извѣстна, ужъ наша птица, братъ, тамъ особливо въ цѣнѣ-то ходитъ, потому мы стрѣльцы-то будто на примѣтѣ.

— О-о!.. мѣчснй, насмѣшливо прервалъ онъ его.

— Примѣтны!.. Ужъ нашу птицу, такъ сказать, надо тебѣ обѣмя руками хватають, хотъ къ губернатору принеси, хотъ

вице-губернатору, аль къ исправнику, только бы Онисимъ Егорычъ пришелъ, меня Егорычемъ по отчеству-то величаютъ, какъ бы вскользь замѣтилъ онъ, сичасъ ослобонять отъ птицы, сколь ни прибеси ее, ужъ въ другое мѣсто не пустять идти съ ней, потому говорятъ въ твоей-то птицѣ особый вкусъ.

— Заморская вѣрно!.. съ тою же провией прервалъ его Антонъ Проконичъ.

— Не токмо братецъ штобъ заморская, а стрѣльцы то мы будто съ характеромъ, птицу то вѣдь тоже по стрѣльцу разбирають!.. замѣтилъ Ониско.

— Тэ-экъ!.. протянулъ Антонъ Проконичъ «А мнѣ парочки утиць то не уступишь а? спросилъ онъ.

— Не запретъ, кому хочю, тому и даю!.. На, вотъ, изволь для знакомства будто, это мы завсегда, произнесъ Ониска, оторвавъ пару большихъ жирныхъ утокъ и подавая ему.

— Сколь же тебѣ за нихъ по особой то цѣнѣ?

— Во-о!.. Ты такъ возьми для знакомства, намъ то што, намъ это тѣфу, и сталъ бы я теперича съ поселщика, кабы значить къ примѣру, съ земляка, со сродственника да деньги брать, ужъ это не гожо-о, не по нашему завѣту, обидчиво говорилъ Ониско.

— Ну, спасибо, коль такъ. А на много ты за лѣто птицы то наколачиваешь? полюбопытствовалъ Антонъ Проконичъ.

— Рублевъ на сто бьемъ, «горделиво отвѣтилъ Ониска, думая поразить своего слушателя такою цифрой, хотя въ сущности и сорокъ рублей показались бы для него неслыханной суммой.

— Не много же ты добываешь, а я полагаю ты рублевъ на шестьсотъ, на тыщу наколотыши ее за лѣто то, а то на сто, хе, есть чѣмъ губернію пропитать! смѣясь замѣтилъ Антонъ Проконичъ.

— На ты-ы-ыщу!.. протянулъ нѣсколько озадаченный замѣчаніемъ его Ониско, «Колн бы захотѣлъ, братъ, такъ и тыща бы не ушла отъ меня», поправился онъ «потому по на-

шей сваровкѣ мы безъ промаху бьемъ, у насъ нѣто такой есть завѣтъ, штобъ каждая тѣ, дробна. двухъ. трехъ на мѣстѣ клала. я вотъ по Расен когда нѣто жилъ. такъ съ Барономъ Евдніемъ Миколанчемъ, можетъ не знавалъ ли когда? спросилъ онъ.

— Нѣтъ...

— Чурмилемъ баронъ! Ну да гдѣ тебѣ знать его, онъ вѣдь тоже, братъ, не каждому покажется. Онъ вѣдь Царскій совѣтникъ, теперь ужъ поди первый по Царѣ епераль-то.

Въ это время Миронъ, стрепожившій лопадъ, пустилъ ее пасться на низину, подошелъ къ нимъ и снявъ шапку поклонился Антону Прокопычу произнеся: «здоровье вашей милости. здравствуйте-ка!»

— Здѣшній тоже? слегда кивнувъ головою на его поклонъ, спросилъ Антонъ Прокопычъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ тщедушную фигуру его.

— Здѣшніе, засельцы! отвѣтилъ онъ.

— Стрѣлецъ тоже будетъ? съ пропией спросилъ Антонъ Прокопычъ.

— Нѣ-ѣтъ, какіе мы стрѣльцы, мы ровпо и ружья-то пужаемся въ руки взять, не привышпы, это ужъ у насъ Онисимъ Егорычъ фальбой-то промышляетъ! А мы такъ вотъ будто деготь сидимъ, уголь жжемъ, хлѣбца-то не сѣемъ, не родъ, убивныя мѣста-то, и пробовалъ было одна посѣять да не родъ ему!» пожаловался Миронъ стоя предъ Антономъ Прокопычемъ съ непокрытою головою. Наглая наружность Антона Прокопыча, презрительно-насмѣшливый разговоръ, а особенно видъ кованой телѣги, набитой мѣшками и узлами, внутри которой теперь мирно почивала Лукерья Ивановна подъ мерлуцатой шубой, рослая, спящая лопада и крѣпкая сбруя, усыпанная мѣдными бляхами, произвели на Мирона, какъ и на Марковну, подавляющее впечатлѣніе. Онъ также, какъ и она, оробѣлъ передъ прибывшимъ засельцемъ и съ разу почувствовалъ передъ нимъ свое ничтожество.

— Идите вечерять-то! крикнула имъ Марковна, выйдя изъ избы.

— Коли не побрезгуете, ваша милость, то къ нашему бы хлѣбу соли милости просили! пригласилъ Миронъ, обратившись къ Антону Прокопычу.

— Хлѣбайте, чего васъ зорить-то, отозвался онъ. А ты, стрѣлецъ, водку-то потребляешь, охочь а? спросилъ онъ Ониску.

— Въ запасѣ, нѣшто есть у тебя?

— Губернская, отвѣдай-ко «говорилъ Антонъ Прокопычъ, доставая изъ подъ кузова телѣги плетеную фляжку съ привинченной къ ней оловянной чарочкой и, наполнивъ ее водкой, подаль Онискѣ.

— Охотничья, манерочка-то! замѣтилъ Ониска, принимая чарочку, способная, у Евденія Миколаича вотъ экая была-жъ, только вся слышь изъ золота.

— А-а, золотая? насмѣшливо преваль его Антонъ Прокопычъ.

— Кованого золота... У него никакъ четверть вина-то во флягу входила. Вотъ экъ-же бывало отвинтить стаканчикъ-то да и клякнетъ... Ну-ко Ониска ободрись, затѣйникъ былъ! замѣтилъ онъ: «Ну съ прибытіемъ, благополучно жить?» произнесъ онъ, клянясь, и выпивъ чарочку, сморщился... «И то губернская, крѣпка-я, никакъ спиртъ ровно», произнесъ онъ сплюнувъ на сторону: «ты ужъ и Мирону-то Авимычу поднеси, у насъ, штобъ все съобча, обычая не ломай.

— Запнапрасно-бы это! отозвался Миронъ, слегка отодвигая рукой поднесенную ему чарочку.

— Коли чстью подносятъ, то пей, а обносятъ не прося! промолвилъ Антонъ Прокопычъ.—А што пужливый-то старичекъ тоже горячее-то потребляеть? спросилъ онъ Ониску, увидя старика Нефеда, прошедшаго въ это время мимо ихъ въ избу Мирона.

— Кто это пужливый-то старичекъ по твоему? спросилъ Ониска.

— А вотъ этотъ, корзищикъ-то!

— Нефедь-то Максимычъ будто?

— Ну, ну.

— Хе... пужливый!.. Слышь, Миронъ, пужливый говоритъ. спросилъ Ониска и засмѣялся. — Нѣтъ милый, его у насъ не спужаешь. Онъ тѣ скорѣй пужнетъ.

— О-о!.. Меня?

— Тебя, коль дѣла коснется... Онъ у насъ старичекъ-то, братъ, праведный, строгой, замѣсть отца живеть. Такъ и знай, чтимъ мы его.

— За что-же экой-то почеть ему воздаете?

— А потому, душа—онъ. Онъ тѣ во всемъ по Божьи судитъ. Онъ тѣ вина-то этаго и духу не слышитъ. Это, братъ, старичекъ-то праведный, а ты говоришь пужливый. Нѣтъ, ты его не спужаешь! горячо говорилъ Ониска. — Ну, иди штоль съ нами вечерять-то, да и сабу-то свою буди! пригласилъ онъ.

— Ну всѣ, отвѣливайте, я уѣзъ ѣзъ! произнесъ Антонъ Прокопычъ, слезая съ телѣги и уложивъ фляжку снова подъ кузовъ, онъ посмотрѣлъ изъ-подъ руки на яркій закатъ солнца и, легонько посвистывая, спустился съ гривки въ низину и пошелъ по направленію къ лѣсу.

Было уже темно, когда Антонъ Прокопычъ вернулся на гривку и подошелъ къ избѣ Мирона, гдѣ на завалинѣ сплѣли Нефедь, Миронъ и Ониска. Нефедь едва завидѣлъ его, тотчасъ же гсталъ съ завалины и ушелъ въ свою избу. Проводивъ его насмѣшливымъ взглядомъ, Антонъ Прокопычъ присоединился къ компаніи.

— Погулялъ! спросилъ его Ониска, очищая ему около себя мѣсто на завалинѣ.

— Промаялся малость! отвѣтилъ онъ, зѣвнувъ и заворотивъ полы пальто, присѣлъ на завалину.—Удаленное же мѣсто, вы выбрали на засельѣ-то! произнесъ онъ.

— Пустынь у насъ тутъ! отвѣтилъ Ониска.

— Есть деревни-то какія по близости?

— Какъ не быть, есть!.. Вотъ Пушкина вѣдь, чай, мимо ѣхалъ. Версть пятнадцать поди не болѣ отселева Малые Брод-

цы, тоже чай версть съ пятнадцать не болѣ. Ну, Мурзипцева, Сухая Овучь, Каведяевка, да мало-ль тутъ деревень, и большія есть, бога-атныя деревни.

— Богатныя?

— И-и... Такія есть мужики, не подступись. Головъ по сту лошадей-то имѣють. Табуны, и дома у нихъ, а-ахъ ты Боже мой! Иной помѣщикъ на Расеп не вшивалъ экихъ. Шапка валится.

— А-а! удивленно произнесъ Антонъ Прокопычъ.

— Богатѣи!.. Ну, а тутъ вотъ за Урманомъ сичасъ Тарбатаевскія юрты стоятъ. Татары живутъ, и тоже бога-атные есть татары, только молва-то про нихъ будто худая идетъ, коней воруютъ.

— О-о! по здѣшнимъ мѣстамъ.

— Нѣ-ѣтъ. Здѣсь-то энтаго и слыху нѣтъ. А тамъ подь Тюменью, сказывають, шибко они крестьянъ-то зорять, а здѣся спокойно, народъ тихой все, посередь дороги деньги положи, такъ не тронуть.

— Гляди-жь, праведные какіе а?

— По правдѣ все это точно. Народъ чинный! отвѣтилъ Ониска, не замѣтивъ насмѣшливаго тона Антона Прокопыча.

— Пошто-жь это вы-то худо такъ живете а? спросилъ Антонъ Прокопычъ послѣ минутнаго молчанія и, поднявъ съ земли прутокъ, сталъ быстро перекусывать его своими крѣпкими, бѣлыми зубами. — Аль ужъ по правдѣ такъ полагается жить а? засмѣявшись произнесъ онъ. — Э-эхъ, по экимъ мѣстамъ жить да деготькомъ руви пачкать, да утпцъ бить а? Хе-хе-е! Отъ капиталу-то здѣсь отбою нѣтъ, куды не глянь.

— О-о-о! удивленно протянулъ Ониска, — это здѣсь-то буд-то на гибломъ-то мѣстѣ?

— Да здѣсь-то, на гибломъ-то мѣстѣ, во палатахъ бы камелныхъ жигъ падоть, а не въ хлѣвахъ.

— Ой, ой, шустеръ же ты, Антонъ какъ по отцу-то будешь. Ну, ну, наживи-ко вотъ палаты-то да и насъ поучи.

— Наживу и поучимъ, Богъ дастъ.

— Слышь, Миронъ, похваляется-то какъ а? спросилъ насмѣшливо Ониска, обратившись къ Мирону, удивленно слушавшему поваго засельца.—Ну, ну, наживи, да позови уже насъ тогда хопъ поглядѣть на твои то палаты.

— Самъ придешь, безъ зову! Шибко бы вамъ добры молодцы, не въ укоръ сказать, на родителей то пѣнять бы надо, насмѣшливо произнесъ онъ, вставая и отряхивая пыль съ подола своего пальто.

— За што-жь бы это? спросилъ Ониска.

— Умомъ то мало снабдили, дураками по свѣту то пустили гулять. Ну до виданья пока! произнесъ онъ, слегка махнувъ пмъ пальцами лѣвой руки, и направился къ телѣгѣ.

Удивленные Миронъ и Ониско долго спдѣли молча и слышали, какъ возился Антонъ Прокопычъ, укладываясь въ телѣгѣ на покой.

— Шусте-е-ерь, стрѣлецъ, говорить, тоже! произнесъ наконецъ Ониска и, задумчиво почесавъ въ затылкѣ, всталъ, и войдя въ избу, не разувааясь легъ на печь; но долго не могъ уснуть и грузно ворочаясь съ боку на бокъ. — Дураки, во палатахъ бы жить во каменныхъ, а не въ хлѣвахъ! звучали въ ушахъ его насмѣшливыя слова Антопа Прокопыча и не давали ему покоя.

Не спалось въ эту ночь и старику Нефеду; подложивъ руки подъ голову, онъ лежалъ навзничъ на лавкѣ, стоявшей у порога тѣсной избы его. Старика охватило тяжелое чувство тоски, онъ угадалъ, что за человекъ былъ прибывшій къ нимъ заселецъ, и въ немъ возникло то отталкивающее чувство гадливости къ нему, какое помимо воли, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, порождается въ честной, правдивой душѣ, къ наглой и порочной натурѣ. Глубоко вздыхая, онъ упорно глядѣлъ въ темный уголъ своей избы, въ которой такъ много было уже пережито имъ по приходѣ на чужбину. «Не житье мнѣ здѣсь, не житье!» бормоталъ онъ порою. Задолго еще до свѣта, старикъ слышалъ шаги на гривкѣ, и понуканье лошади. Вско-

чивъ со скамьи, онъ подошелъ къ слуховому оконцу и увидѣлъ, что Антонъ Прокопычъ осѣдлавъ свою лошадь поѣхалъ. «Раненько же ястребокъ то просыпается! пробормоталъ онъ, чать мѣсто на засельѣ поѣхалъ выискивать. Щеголять то здѣсь пегдѣ братъ, и съ Богомъ, скатертью дорога!» не безъ злорадства подумалъ онъ, снова ложась на лавку. Но предположенія старика не оправдались. Къ полудню Антонъ Прокопычъ вернулся въ починокъ и привезъ съ собою самоваръ. Ониски уже не было дома, онъ ушелъ въ лѣсъ, но Миронъ былъ дома и вскорѣ послѣ возвращенія Антона Прокопыча вошелъ въ избу старика и, заминаясь по обычаю, заговорилъ:

— Я, Нефедъ Максимычъ, того... поспрошаться пришелъ къ тебѣ. Антон-отъ Прокопычъ слышь, на житье къ намъ въ избу просится, покель домъ себѣ срубить, пять рублей слышь дастъ. А вы говорить покель, того, въ банѣ пережегуйтесь. Такъ какъ ты скажешь, пуцать ли?

— Миѣ то што, твоя изба то не моя! сурово отвѣтилъ ему старикъ.

— Все жъ я того, какъ ты, безъ спросу-то ровно...

— Миѣ хошь огнемъ ее пали. Я то причемъ? снова повторилъ старикъ, не глядя на него.

— Все-жъ говорю поспрошаться то лучше, пуцать што-ль, скажешь.

Но Миронъ сколько ни мялся, старикъ не отвѣтилъ ему богае ни слова, и почесавъ въ головѣ, въ затылкѣ и около поясицы, Миронъ вышелъ медленной, нерѣшительной походкой, и старикъ Нефедъ увидѣлъ уже въ слуховое оконце, какъ онъ, Марковна и даже Марфушка перенесли свои пожитки въ баню, а затѣмъ стали переносить въ избу имущество Антона Прокопыча, причемъ Антонъ Прокопычъ и Лукерья Ивановна только распоружались и показывали, что нести и куда ставить и даже по временамъ рѣзко покрикивали на непонятливость добровольныхъ слугъ. «Ну-у, забатрачили!» со злобой въ голосъ прошепталъ старикъ, и съ сердцемъ сплюнувъ, сѣлъ

за свою обычную работу, но съѣлъ въ пѣбѣ, не смотря на теплый весенній день.

Напившись чаю и закусивъ жареной уточкой, Антонъ Прокочычъ снова съѣлъ на лошади и уѣхалъ. Миронъ также уѣхалъ въ лѣсъ, и дома остались только Марковна, Лукерья Ивановна да Нефедь, не выходившій въ тотъ день на улицу изъ своей пѣбы. Тѣсная пѣба Мирона была теперь сплошь заставлена мѣшками, сундучками, посудой и другими пожитками, какими была загромождена объемистая телѣга новоприбывшихъ засельцевъ. Въ переднемъ углу на мѣсто мѣднаго образка стояла уже пкона Николая Чудотворца въ золотой ризѣ и крѣтѣ. Столъ былъ накрытъ чистою скатертью, и на немъ шипѣлъ самоваръ, который Марковна успѣла уже ярко вычистить. Лукерья Ивановна кушала чай, на столѣ передъ ней лежала связка кренделей и стояла банка съ вареньемъ. Стоявшая у печи Марковна, подперевъ щеки рукою, съ соболѣзнованіемъ слушала Лукерью Ивановну, передававшую ей новѣсть своей жизни въ Россіи. Марфушка, держаась сзади за подолъ рубахи матери, грызла даяный ей кренделекъ, боязливо выглядывая время отъ времени на Лукерью Ивановну, сидѣвшую въ переднемъ углу за столомъ.

— Мамынька-то хопа и мѣщанка была, а жила-то почище иной купчихи, говорила Лукерья Ивановна пѣвучимъ, лѣнивымъ голосомъ.—Сколько хозяйства то было у насъ. Сколько однихъ коровъ держали, лошадей. Въ дому то отъ добра пошевелиться негдѣ было. Сколь это бывало вареньевъ-то наварить, соленій всякихъ. Ужъ иначе ее бывало никто и не звалъ, какъ Палагея Митревна. Бывало сладкаго то куска безъ меня не съѣсть. Только день то настанетъ бывало, такъ она поминутно почестъ говорить мнѣ: «Поѣла бы ты чего ни есть Лушенька!» Бывало ужъ кусокъ-то въ ротъ не идетъ мнѣ, а все чего ни есть съѣмъ, штобъ успокоить родительницу, а ужъ Боже сохрани, штобъ до чего коснуться дала, до какой ни есть работы: твое, говоритъ, дѣло Лушенька тѣло нагуливать, а не робить!»

— Ишь вотъ жизнь-то была, Го-о-осподи! прервала Марковна.

— Теперича, какъ я въ возрастъ то вошла, продолжала Лукерья Ивановна, такъ отъ жениховъ то энтихъ отбою не было, и купцы то, и чиновники сватали.

— А-а, благородные вишь, снова воскликнула Марковна.

— Самые, што ни есть благородные. Ну такъ родительница то благословенья не давала, потому говорить, хоша мы и по мѣщанству живемъ, а пропитаніе то Лущенькѣ дворянское было, чернаго то хлѣба она у меня и не видывала, а ужъ за чиновникомъ какое, говорить, жптье, откуда капиталы то, а развѣ я, говорить, на то выпала свою дочь, вспола, вскормила ее, штобы опорками ей пустые щи хлѣбать, и не благословляла. А Антонъ-то Прокопычъ въ это время виннымъ заводомъ заправлялъ, жалованья-то три тысячи рублей ему въ годъ шло, на всемъ на готовомъ отъ хозяевъ, домъ свой имѣлъ на каменномъ фундаментѣ, хозяйство то тоже было изъ первыхъ, такъ мамынька-то, какъ посватался онъ, клятвенное увѣщанье съ него предъ иконой взяла, штобъ мнѣ это въ чаѣ, въ кофѣ, въ сладкомъ кускѣ нпкогда бы отказу не было, а сколь душа потребуеть, и штобъ, значить, нпкогого утружденья мнѣ не знать по работѣ.

— Вишь вотъ, родительское то сердце; сколь стало быть легко въ чужіе то люди дѣтище отдавать. Клятвенное увѣщанье взяла! снова прервала ее Марковна, тоскливо покачавъ головою.

— Приданого то энтаго за мной всему городу на удивленье было. Перинъ однихъ пуховыхъ три дано было, да двѣ полупуховыхъ, пяти шолковыхъ платьевъ, однихъ крепрашелевыхъ сколь платьевъ нашито было, лисій салопъ, да бѣличій. На приданое то што нсь со всего городу ходили смотрѣть.

— Смотрѣли вишь, замѣтила Марковна.

— Все-то оглядывали. Какъ есть все до ниточки. Ну отъ мамыньки то отказу не было. Пушай, говорить, глядятъ, какъ я дочку сооружаю.

— Вишь вѣдь, царица милостивая, снова тоскливо покачивавъ головою прервала Марковна, — и изъ этой то жизни да въ поселки попасть, въ Сибирь. А-хъ ты Господи, Господи, доля то, говорю.

— Ну, въ замужество-то какъ вышла я, тутъ и пошли у Антона Прокопыча непріятности все, и съ хозяевами то завода, и съ акціонерами. Акціонеры въ тѣ поры на свѣтъ народились, въ спиртахъ вишь все недостачу насчитывали на него; деньги будто какія то хозяйскія пропали, десять тысячъ денегъ то насчитывали.

— Страсти-то какія, десять тысячевъ! всплеснувъ руками извизгнула Марковна.

— И пошли суды да тяжбы. Антона то Прокопыча устранили отъ дѣловъ, въ острогъ заперли. Мамылька то почитай съ этого горя и Богу душу отдала. Причитываетъ, причитываетъ, бывало, это надо мной, какъ надъ покойницей. Такъ слезьми и истаяла! Чего и было насъ, все почестъ просутяжили домъ то продали, лошадей, экипажи какія были... То одному чиновнику дай, то другому, а все вѣдь изъ мѣста надоть взять.

— Изъ мѣста мать, изъ мѣста, согласилась Марковна. — Ужъ папшто наше дѣло бѣдность была, а и то, какъ Мпрона то Авимыча судить то стали, такъ я послѣдней коровы и лошади рѣшилась, выхаживая его; рубль-то дамъ бывало такъ и не глядятъ на него, три подай, аль пять, а гдѣ ихъ взять, коли не положено; взвоемъ только бывало, горько взвоемъ, а имъ што, чиновникамъ-то, знай себѣ грабятъ!

— Страсть обираютъ! протянула и Лукерья Ивановна. — Ну вотъ и сутяжились, снова начала она. — Когда ужъ стала будто неустойка-то выходить, на поселенье то въ Сибирь присудили его. Ну люди то и стали меня сбивать не идти за нимъ въ Сибирь-то, разрѣшисъ-де отъ вѣнца, законъ допускаетъ. Ну, а тутъ и Антонъ то Прокопычъ сталъ улащать меня. Не пужайтесь, говоритъ, Лукерья Ивановна, въ Сибири то намъ ишо вольготнѣй будетъ. Поживемъ-то ишо почище, чѣмъ въ

Расей, да и капиталу то говорить поболѣ приобрѣтемъ! Ну, человекъ то онъ умный, все за умнаго звали, проворный, да и маминька то будто благословила въ замужество съ нимъ, я и пошла.

— Извѣстно ужъ въ хорошемъ житьѣ вмѣстѣ жили, такъ ужъ при экой злочести бросить равно и грѣхъ!.. замѣтила Марковна.

— Пошла!.. Полпинисе-то все продали, ужъ взяли съ собою, чего только подороже, и поѣхали. Коня то эти изъ Расей у насъ и телѣга то. Сколько тоже денегъ дорогой то раструсили, не доведи Господи... Какъ по этапамъ то шли! Антопъ-то Прокопычъ со мною все ѣхалъ позадь партіи, такъ это, на казинномъ-то этапѣ, бывало и офицеру то дай, и унтерамъ то дай, штобъ только въ козematъ то его не запирали, а пуцали бы на ночь то на уволку на вольную фатеру со мной! Бѣда муки то этой приняли што. Ну пришли то когда, такъ Антопъ то Прокопычъ думалъ сначала въ городѣ остаться. Ну да какъ осмотрѣлся, и порѣшилъ въ деревню ѣхать жить. Мѣста то вишь у васъ шибко ужъ пондраву ему пришли.

— Это наши то будто? удивленно спросила Марковна.

— Ну, очень ужъ тутъ говорить пріятно, вольготно во всемъ.

— А-а! а мы все будто гиблыми вличемъ ихъ.

— Прикраснѣйшіе мѣста, говорить... Ни за што, говорить, не уѣду отселева, потому тутъ говорить какой хонъ заводъ заводит. Тыщи то говорить сами въ руки пойдутъ.

— Умъ-то у человека говорю, Го-осноди, Господи! а у насъ вотъ и глаза есть, да словно слѣпые ходимъ, всплеснувъ руками произнесла Марковна.

— Ума то у него и по Расей не нахваливались, не безъ гордости отвѣтила Лукерья Ивановна. Оборотистый. Это бывало ужъ какое валящее дѣло не возьми. У другихъ то изъ рукъ плыветъ, а ему все въ руки.

— Усчастливить ужъ такъ Господь человекъ.

— Счастливый! Ужъ это можетъ, думаю ино время про себя-то. и за молитвы мамывьки ему Госнодь даетъ!

— Ужъ гдѣ поди не за родительскія слезы, согласилась и Марковна.

Въ тотъ же вечеръ разговоръ этотъ со всѣми подробностями былъ переданъ Марковной обитателямъ Починка и произвелъ повидимому сильное впечатлѣніе на Мирона и Ониску. «Три тыщи одного жалованья было а? воскликнулъ Ониска, —эко участливитъ вѣдь Богъ челоуѣка! Ну да чего говорить, мужикъ бойкой, впадуть што бывалый, вишь добра то што навезъ съ собой, што истъ и манерка охотничья есть!» заключилъ онъ и въ манерѣ отношеній его къ Антону Прокопычу не стало уже проглядывать прежней фамиллярности, а какая-то сдержанная почтительность. Что же касается Мирона, то тотъ окончательно принизился и каждый разъ, какъ Антонъ Прокопычъ возвращался въ Починокъ, онъ бѣжалъ принимать отъ него лошадь, разсѣдывалъ ее, понлъ, пускалъ пастись на пизгну, и выходилъ по ночамъ наблюсти за ними, а Марковна спѣшила ставить самоваръ, если онъ требовалъ самовара или растапливала печь и готовила обѣдъ. Одинъ только старикъ по прежнему не обращалъ никакого вниманія на Антона Прокопыча, избѣгая встрѣчь съ нимъ. Впрочемъ это не составляло для него особенныхъ лишеній. Иногда Антонъ Прокопычъ уѣзжалъ изъ Починка на зарѣ и возвращался уже ночью, верѣдко отлучки его длились по два, по три дня. Куда онъ ѣздилъ, зачѣмъ, этого никто не зналъ, даже Лукерья Ивановна, все занятіе которой заключалось только въ питьѣ чая, да въ снѣ.

Но вотъ однажды въ полдень вслѣдъ за возвратившимся въ починокъ Антономъ Прокопычемъ по Суклемѣ на лодкахъ прибылъ цѣлый караванъ съ лѣсомъ, пригнанный крестьянами деревни Согры, гдѣ Антонъ Прокопычъ купилъ готовый домъ въ три комнаты на свозъ. Пригнавшіе караванъ крестьяне были подражены вмѣстѣ съ тѣмъ и поставили домъ на мѣстѣ. Ни Ониски, ни Мирона дома не было. Старикъ Нефедъ, увидя

Антонъ Прокопычъ, распорядившагося выгрузкой бревенъ и теса, вышелъ изъ избы и подошелъ къ нему.

— А ты, паренекъ, неслухай меня старика, не селись здѣсь, тебѣ здѣсь не мѣсто! угрюмо произнесъ онъ, въ упоръ глядя на него.

— Гдѣ-жъ мнѣ жить-то прикажешь? съ проніей спросилъ его Антонъ Прокопычъ.

— Ужъ мнѣ тебѣ не слѣдъ указывать, гдѣ бы тебѣ вольнѣй летать было, самъ поди давно высмотрѣлъ, а здѣсь тебѣ и крылышекъ-то негдѣ будетъ расправить, право.

— Расправимъ и здѣсь ихъ, старинушко, расправимъ! нахально усмѣхнувшись, въ самое лицо старика, отвѣтилъ Антонъ Прокопычъ.

Ой, тѣсно будетъ, мотри.

— На экомъ то привольѣ да тѣсноты пужаться, хе-хе-е. Э-эхъ старинушко, послушай-ко. лучше меня, произнесъ онъ занеживающимъ голосомъ, фамильярно хлопнувъ его по плечу. Не взяла бы лихота, такъ не возьметъ тѣспота. Живи ка ты лучше со мной полюбовнѣй. Чего намъ дѣлать то? А въ союзѣ да въ дружбѣ и тебѣ то теплѣй около меня станеть.

— Теплѣй то теплѣй, слова нѣтъ, отвѣтилъ старикъ еще болѣе нахмурившись и отводя плечо отъ руки его, только не послали бы отъ сугрѣву то твоего, поослыть, куда подальше еще, произнесъ онъ и, повернувшись петоропливо, пошелъ къ своей избѣ.

Озадаченный подобнымъ отвѣтомъ старика, Антонъ Прокопычъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ ему и не безъ проніи замѣтилъ въ тотъ же вечеръ Миру и Онискѣ: «а пужливый то старичекъ допрежь смерти отходную зачалъ читать!» Въѣстѣ съ домою, рѣзко отличавшимся своимъ объемомъ и щеголеватостью отъ окружавшихъ его лачугъ, Антонъ Прокопычъ озаботился постройкою обширныхъ амбаровъ и помѣщенія для скота. Амбары для него повидимому были пужнѣе даже дома. Антонъ Прокопычъ понемногу уже пачиналъ расправлять свои крылья. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы въ Починкѣ

не появлялись крестьяне изъ окрестныхъ деревень, привозя съ собою хлѣбъ или приводя скотину, продаваемую Антону Прокопычу за безцѣновъ. Иные появлялись «поскучать», какъ выражался они о ссудѣ ихъ деньгами въ счетъ какихъ нибудь будущихъ благъ и не встрѣчали отказа отъ добраго Антона Прокопыча. Жизнь Антонъ Прокопычъ велъ по прежнему крайне загадочную, уѣзжая изъ Починка большою частью верхомъ, иногда на зарѣ, иногда даже ночью, и не заглядывая домой по нѣскольку дней. Когда уже домъ былъ готовъ и снабженъ хотя и простенькою, но все-таки привезенною изъ города мебелью, Антонъ Прокопычъ пригласилъ въ Починокъ священника отслужить на новосельѣ молебень. Ко дню прибытія священника, въ Починокъ прибыли приглашенные въ гости волостной голова, писарь и кое кто изъ богатыхъ крестьянъ сосѣднихъ деревень. Пиршество на новосельѣ продолжалось два дня, священникъ и отецъ дьяконъ отвезены были домой въ такомъ веселомъ настроеніи, что забыли захватить съ собою крестъ, евангеліе и эпитрахиль, и объясняли это впоследствии невидимо сошедшей на домъ и хозяина благодатью Божіей. Въ телѣжку волостнаго писаря, пріѣхавшаго на одной лошади, была впряжена другая лошадь въ пристяжку, подаренная ему Антономъ Прокопычемъ. Не безъ подарка уѣхалъ и голова, долго лобызавиійся передъ отѣздомъ съ радушиемъ хозяиномъ, восклицая на весь Починокъ: «Если взядни теперича тебя, меня, да писаря, то што мы есть а? Си-и-ла! Ни сомнешь, ни-и-и сомнешь! А мы кого хощь въ дугу... Поняль а?» и затѣмъ слова слѣдовали объята и звучные поцѣлун. Описка тоже было искашался принять участіе въ пиршествѣ мѣстной аристократіи и, войдя въ домъ Антона Прокопыча безъ приглашенія, увидѣлъ весь столъ въ горницѣ заставленный бутылками съ заморскими винами и закусками, какъ рассказывалъ онъ потомъ, но едва онъ вошелъ въ комнату, какъ тотчасъ же былъ прогнанъ писаремъ, закричавшимъ на него: «Развѣ твоя здѣсь компанія, мужикъ, а? Пошолъ вонъ!»

— Пра-а-ахвость, экой во-оръ! «Пошолъ говоритъ вонъ,

я те не компанія!» говорилъ послѣ того сильно огорченный Ониска, сидя въ избѣ стараго Нефедя. «Ну, я бы тѣ въ Расен показалъ кто я, только-бы слово шепнулъ Евденію Миколачу, такъ онъ бы тѣ въ три дуги согнулъ, а то говорить пошелъ вонъ, ты мнѣ не компанія, а того не спросилъ небось, ишло я то хочу ли быть въ этой компаніи, мы то съ баронами хлѣбъ соль ѣдали, а тутъ воръ, да кричитъ: пошолъ вонъ, ты мнѣ не компанія!

Вскорѣ послѣ пиршества, въ Починкѣ узнали, что Антонъ Прокопычъ открылъ кабакъ въ деревнѣ Согрѣ, а вскорѣ затѣмъ послѣдовало открытіе кабаковъ въ деревнѣ Пушкиной и Еланн. Старикъ Нефедь только покачивалъ головой, слыша подобныя новости, и еще упорнѣе сталъ избѣгать встрѣчъ съ Автопомъ Прокопычемъ, старикъ сталъ чуждаться и общества Мирона. Жизнь каждаго изъ обитателей скромнаго починка съ заселеніемъ Антонова Прокопыча, какъ будто выскочила изъ опредѣленной колеи и надломилась. Съ расширеніемъ хозяйства Антонова Прокопыча, Миронъ бросилъ свои занятія и заступилъ у него мѣсто работника, ходилъ за скотомъ его и исполнялъ всѣ работы по домашности, получая за это на пропитаніе семьи три пуда муки въ мѣсяцъ и два съ полтиной деньгами. Марковна тоже исполняла обязанности работницы у Лукерьи Ивановны, получая за то обпоски съ плечъ ея и по рублю въ мѣсяцъ. Къ Онискѣ Антонъ Прокопычъ относился нѣсколько деликатнѣе, Ониска все еще сохранялъ свою самостоятельность, хотя и побанвался насмѣшекъ, каковыми преслѣдовалъ его Антонъ Прокопычъ.

— А что, стрѣлецъ? Чай въ новѣйшій годъ ты и на сто рублей не на палилъ утиць-то, а? насмѣшливо спросилъ онъ однажды Ониску, возвратившагося съ охоты.

— Нонѣ Антонъ Прокопычъ что-то плохо! отвѣтилъ тотъ.

— То то и я гляжу, что ровно только даромъ порохъ изводилъ. Ужъ не сглазилъ ли кто ружейца твоего.

— О! Сглазилъ! Не шибко я братъ глазу-то боюсь!

— Самъ, поди, слово знаешь?

— Не безъ того! хвастливо отвѣтилъ Ониска.—Вотъ ужь погляди-ко, какъ по осени-то справлюсь, тебя даже завидь-гозметъ право! Вѣдь это братъ тоже годъ на годъ не приходять. Птица-то не по заказу летить и у нея братъ, свой норовъ есть.

— Эко дѣло-то, а я видя, што ты скучашь по деньгамъ, хотѣлъ было горю помочь, въ работу тебя присогласить! съ какимъ то сожалѣніемъ въ голосѣ отозвался Антонъ Прокопычъ.

— Въ какую-жъ работу-то? полюбопытствовалъ Ониска.

— Смолку курить.

— О-о! Неужъ ты смолу гнать надумалъ? съ удивленіемъ спросилъ Ониска.

— Го-ря-ячую, только пей да облизывайся. Какъ бы шута отвѣтилъ Антонъ Прокопычъ и захохоталъ, выказавъ свои длинныя, бѣлыя зубы, придававшіе ему такой плотоядный видъ.—Думалъ, было, глядя на тебя, што нарень-то всѣмъ хорошій, только бѣднотой то захлеснуло его; въ лѣсахъ то жить не навикать ужъ тебѣ, дай моль пристрою его, работу дамъ, а прибиль бы пополамъ дѣлать стали, по мѣрѣ усердія!

— Да ты шутишь, аль въ правду говоришь? съ недоумѣніемъ спросилъ его Ониска.

— За што почтешь; коль ты вѣрный человекъ, не сболтнешь зря, и захочешь, штобъ тыщи въ карманѣ у тебя водились, такъ въ правду говорю, а коль нѣтъ, такъ шучу, такъ и знай! Иносказательно отвѣтилъ ему Антонъ Прокопычъ.

— Ты-ы-щи! протянулъ Ониска.—Это отъ смолки-то?

— Отъ смолки.

— Никакъ ты это смѣешься, Антонъ Прокопычъ, право смѣешься. Это отъ смолки ты тыщи станешь въ карманъ класть, а? снова недověрчиво переспросилъ его Ониска.

— Отъ смолки, не смѣхомъ говорю тебѣ.

— Ну и балагуръ, ой, ой! Экихъ я братъ и по Расен не видалъ. Отъ смолки тыщи въ карманъ класть станеть, а? Ну коли ты экую смолку гнать будешь, то чать, поди, скоро ва-

меньше-то палаты выкладешь, а! насмѣшливо въ свою очередь спросилъ Ониска.

— Выкладу, и тебѣ коль хошь помогу! Затѣмъ и говорю, идешь въ ванпанію, аль нѣтъ?

— Иду. Бери съ головой и руками.

— Смотри-и, давши слово, будь вѣрепъ, предупредилъ Антонъ Прокопычъ.

— Иду! рѣшительно отвѣтилъ Ониска.—Это отъ добра да нураться бы, а? Да нѣшто я дуракъ, а? Чай и у меня вѣдь ротъ есть, пить-то ѣсть покуснѣй всѣ хотимъ. Такъ штоль?

— Извѣстно! Я вѣдь и зналъ, что ты съ головой мужикъ, затѣмъ и приглашаю тебя. Дурака то тоже въ это дѣло мѣшать не доводится, замѣтилъ Антонъ Прокопычъ, задѣвая чувствительную струну Ониски, и пригласилъ его въ тотъ же вечеръ зайти къ нему поговорить по душѣ.

Разговоръ по душѣ между Антономъ Прокопычемъ и Ониской длился далеко за полночь. Вернувшись въ избу, Ониска разбудилъ Мирона, и выведя его изъ избы на улицу, плотно приперъ за собою дверь и сталъ что-то таинственно шептать ему на ухо.

— Ты только смотри, предупреждалъ Мирона спльно выпившій Ониска,—никому не сказывай, штобъ и своя душа въ тихомолку бы знала. Антошка, парень и-и-и. бѣдовый, положишь. Ты-и-щи, говорить, только считай да складывай. «Во-о-о... задатокъ-то вишь» говорилъ Ониска постепенно возвышая голосъ, и показывая ему десятирублевую ассигнацію, данную въ счетъ будущихъ тысячъ Антономъ Прокопычевичемъ. «Краснепкая, ѣшь ее мухи!» говорилъ онъ, растягивая ее на ладони и любуясь ею. «А смолку-то закуримъ, толи нешто будетъ. По-ожди Миронъ, и мы нешто поживемъ въ каменныхъ палатахъ, покрасуемся!» все болѣе и болѣе впадая въ пафосъ говорилъ Ониска.

— О-охъ, парень, ладно-ли оно... только того... поче-сывая въ затылкѣ отвѣтилъ Миронъ. «Поспросать-бы ужъ старичка-то, Нефёда Максимыча, какъ онъ, чего скажетъ.

въ кармапѣ-то лежать. Это што, а? Радужныя! И што хошь ты съ ими, все можешь сдѣлать, а? Это какъ по твоему, fortuna, штоль.

— Фартуна.

— У тебя теперича взять, у Мирошки, и ты-ы-щи въ кармапѣ хе-хе-е... Ты-ы-щи! Захошь ты коня кушть, пзвольте. Миронъ Акимычъ, получайте первѣющаго жеребца въ руки! Захотѣлъ ты къ примѣру суконный зипунъ надѣть, покорнѣйше просимъ, самый, што ни есть суконный подадутъ тебѣ, это какъ по твоему, а? Пришелъ ты въ гости, поче-е-ть, милости просимъ, Миронъ Акимычъ, усчастливьте, какой хошь ѣды, только пригубьте, а ты сы-ить, тебѣ ужъ кусокъ-то въ ротъ не лезеть. Это рази не жизнь, а? Говори!

— Ужъ чего краше-то этого, отозвался Миронъ, облизываясь и улыбаясь во весь ротъ.

— И теперича, отъ экого счастья, да въ отпоръ идти, а? да суди меня ты сто годовъ, засуди въ сто смертей, да хошь денекъ вотъ экъ-то пожить допустить, хошь вотъ даже и того мене, го-отовъ! И Боже мой, ну што наша жизнь, Миронъ, рази не мученская мука, а?

— Убивнѣй-то гдѣ поди найти! вздохнувъ, отвѣтилъ Миронъ.

— Ни ты поѣшь въ сласть.. ни што, другой-тѣ съ утра до ночи пачпнется, а ты только смотри да глазами хлопай! И Боже мой, да нѣшто у меня брюха нѣтъ, а? Нѣшто ты, говорю, лишень утробы а? Отвѣть?

— Кабы лишонъ былъ. нѣшто пучило-бы такъ съ ѣды-то нашей, отвѣтилъ онъ.

— Пучить?

— Не доведи, Господи.

— А у Антошки разѣ пучить брюхо, а? А чѣмъ Антошка извышениѣ насъ, говори. Рази не всѣ мы по лишению правъ, состоянія присланы въ Тобольскую Сибирь на поселенье, а почему у Антошки хоромы, а у тебя конура. Почему Антошка живетъ въ красѣ и хозяйствѣ, а ты въ батракахъ у него.

Почему у Антошки не пучить брюхо, а у тебя его жерновомъ претъ, а? Почему? Нѣ-ѣтъ, сто-оф! И и самъ хочу хозяйство-вать, я вотъ ишо въ кушцы выйду, я и самъ ишо поживу, я вотъ ишо въ Расею поѣду, на моль, Евденій Миколанчъ, посмотри на Ониску. Ты моль царскій совѣтникъ, баронъ, а я моль купе-ецъ, полюбуйся. По лишеніи всѣхъ правъ, состоянія въ Тобольской Сябири фартуну нашолъ. Это какъ по твоему, а? И штобъ отъ экаго счастья, теперича въ отпоръ ийти, а? Ни-и въ жизнь, хошь разрази меня, ты кто? Миронъ? спросилъ Ониска.

— Миронъ, кто болѣ-то.

— А-а... Миронъ! А тогда, при тыщахъ-то мы будемъ Миронъ Акимычъ, самоваръ купимъ, ведра въ три возьмемъ-то, пе-ей, крещеный міръ, да чести Мирона Акимыча. Это какъ по твоему чѣмъ пахнетъ, а?

— Запахъ чего сказать первѣющій, согласился Миронъ.

— И это отъ экой жизни въ отпоръ ийти? Убей! и долго еще Ониска ораторствовалъ въ этомъ родѣ, рисуя предъ Мирономъ, въ радужныхъ чертахъ всѣ прелести и блага жизни, какія улыбнутся имъ, когда они станутъ выкуривать смолку. Миронъ слушалъ его и благодушно улыбался. Возникшее въ первое время въ умѣ его сомнѣніе разсѣялось, какъ дымъ, предъ тою перспективою, какая раскрывалась предъ нимъ въ случаѣ удачи предпріятія. Онъ и не сознавалъ даже, что въ предпріятіи Антона Прокопича кроется какое нибудь преступное дѣйствіе. Сомнѣніе родилось въ немъ только въ слѣдствіи таинственности, съ какою передавалъ ему эту новость Ониска и съ какою приступалъ къ выполненію предпріятія Антонъ Прокопичъ. «Какъ-бы хороше чего... такъ чего-жъ-бы таптъся-то такъ» думалъ онъ и тутъ-же въ умѣ его возникла мысль: «а можетъ оно такъ и надо, ему ужъ лучше знать, онъ вишь умный, худа не надумаетъ!»

Миронъ принадлежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ, ограниченныхъ, лишенныхъ всякой самостоятельности натуръ, которыя не имѣя никакой вѣры въ свои силы теряютъ всякую вѣру и въ возможность лучшей жизни для себя, и вѣчно

пуждаются въ чемъ нибудь руководствѣ. Видя, какъ улыбается жизнь другимъ, какъ все, что ни предпримутъ другіе, имъ удастся, въ умѣ ихъ рождается одна только фатальная мысль, что тѣ другіе, которымъ удастся все въ жизни, «люди высшей породы» и безмолвно сознавая превосходство предъ собою этихъ людей, они безусловно подчиняются имъ, безусловно вѣрятъ въ ихъ умъ и счастье, и безусловно пойдутъ за ними на какія угодно дѣянія. Въ умѣ Мирона Антопъ Прокопичъ былъ именно человѣкъ высшей породы. Если-бы кто спросилъ Мирона: въ чемъ-же заключается превосходство Антона Прокопича надъ нимъ Мирономъ, то онъ навѣрное сказалъ-бы въ отвѣтъ: «эва! ты глянь-во, какая у него телѣга-то кованая, а въ избу-то войдешь, такъ глаза разбѣгаются, не знаешь, на чего глядѣть, такъ неужъ онъ ровня мнѣ, онъ вонъ всяко слово умѣтъ сказать, а я-то што!»

Ониска тоже сознавала превосходство надъ собою Антона Прокопича, но относилась къ нему болѣе критически, а не съ такою слѣпою вѣрою и падобострастіемъ, какъ Миронъ. Ониска хорошо сознавала, что весь успѣхъ въ жизни Антона Прокопичевича, заключается, единственно въ одной нахальной смѣлости и изворотливости, кабая присуща подобнымъ ему людямъ. Опъ сознавала, что затѣваемое Антономъ Прокопичемъ предпріятіе въ случаѣ открытія его грозитъ большою отвѣтственностью, но за то пылкая фантазія его, разгоряченная вѣпомъ, рисовала ему такія яркія картины сытой, полной удовольствій и пзобилія жизни, что заглушало всякое сомнѣніе въ неудачѣ и страхъ отвѣтственности. Даже суровая логика старика Нефёда, котораго опъ сильно боялся, оказалась-бы безсильной предъ соблазнительной картинной подобнаго будущаго и не возвратила-бы Ониски съ ложнаго пути на путь истины, но за-то одно-бы слово старика отрезвило Мирона и спасло-бы его.

Отъ старика Нефедя не укрылась таинственная дѣятельность, какую стали вести обитатели Починка съ наступленіемъ весны. Антонъ Прокопычъ и Описка исчезали изъ Починка иногда на нѣсколько дней, и появлялись домой чаще всего по ночамъ; Миронъ исключительно почти жилъ въ лѣсу и всѣ работы по дому Антопа Прокопыча и уходъ за скотомъ его теперь лежали на одной Ѳеклѣ Марковнѣ. Разъ поздней ночью старикъ замѣтилъ въ слуховое оконце, какъ возвратившійся съ Починокъ Антонъ Прокопычъ и Описка выгрузили изъ телѣги большіе котлы, заложенные сверху мѣшками съ хлѣбомъ. Онъ видѣлъ, какъ котлы эти были внесены въ домъ Антопа Прокопыча, а подъ утро едва только завялась заря, Антонъ Прокопычъ и Описка снова уложили котлы на верхнихъ лошадей, и повезли ихъ по дорогѣ въ лѣсъ. Въ Починокъ все чаще и чаще стали появляться незнакомыя старику личности, которыя, повидавшись съ Антономъ Прокопычемъ, старались исчезать изъ Починка незамѣченными. Вскорѣ по деревнямъ и селамъ, лежащимъ по Суклемѣ, стали распространяться слухи пропажѣ изъ табуновъ цѣнныхъ крестьянскихъ лошадей... Слѣдъ за тѣмъ распространилась новая вѣсть о подломѣ засадаго хлѣбнаго магазина въ деревнѣ Пушениной, и о покражѣ изъ него болѣе сорока пудовъ хлѣба. Старикъ Нефедь замѣтилъ, что вскорѣ послѣ этого случая нѣсколько ночей къ ряду, Антонъ Прокопычъ и Описка привозили въ телѣгахъ какіе-то бѣшки, и по частямъ увозили ихъ на верховыхъ лошадяхъ по дорогѣ въ лѣсъ. «А-а, видать, ястребокъ-то сталъ крылушки исправлять!» шепталъ только старикъ Нефедь, покачивая головой и вдругъ неожиданно для всѣхъ исчезъ изъ Починка. Первая открыла отсутствіе его Ѳекла Марковна. Замѣтивъ громъ, что старикъ, что-то долго не выходитъ изъ избы мыться и помолиться по обыкновенію на Востокъ, она пошла къ избѣ его, и крикнула: «Нефедь Максимычъ, здоровъ ли ты?» и тутъ только увидѣла, что дверь заперта съ наружной стороны на замокъ. Отсутствіе старика длилось нѣсколько дней. Воротился домой онъ также незамѣтно, какъ и исчезъ,

и хотя Марковна спросила было, куда онъ ходилъ, но старикъ не отвѣтилъ ей ни слова. Онъ избѣгалъ теперь всякихъ разговоровъ и сношеній съ своими засельщиками, когда-то составлявшими для него одну съ нимъ семью. Въ свою очередь Миронъ и Описка также старательно избѣгали его. Мирона замѣтно мучила совѣсть, встрѣчаясь иногда случайно со старикомъ, онъ терялся каждый разъ, и становился жалокъ, чувствуя на себѣ пронизательный взглядъ старика. Оекла Марковна инстинктивно догадывавшаяся, что мужъ ея, Описка и Миронъ Прокопычъ, затѣяли, и дѣлаютъ, что-то недоброе, нѣсколько разъ порывалась было, поплакаться старику Нефеду, но тоже боялась его, видя, какъ рѣзко перемѣнилъ онъ свои отношенія къ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они вступили въ услуженіе къ Антону Прокопычу. Во всю зиму никто изъ нихъ не слышалъ ни одного слова отъ старика, онъ ни разу не заглянулъ къ нимъ въ избу, и даже, печеный хлѣбъ на сухари покупалъ себѣ въ деревнѣ Пушкиной. Одна только Марѳушка по прежнему съ утра убѣгала въ избу старика, и онъ относился къ ребенку еще нѣжливѣе, еще любовнѣе, чѣмъ когда-либо.

Въ первое время по заселеніи своемъ на гривкѣ, прежде чѣмъ вырубить избу, старикъ Нефедъ подробно ознакомился съ окружающею мѣстностью. Онъ выходилъ почти весь лѣсъ или «урманъ», какъ говорятъ въ Сибирѣ, начинавшійся тотчасъ за озеромъ и тянувшійся на безпредѣльное пространство. Рѣдкія въ той мѣстности деревеньки, разбросанныя на далекое разстояніе другъ отъ друга, ютились на возвышенныхъ мѣстностяхъ, а обширная болотистая низина, на которой протекала Суклема, была пустынна и недоступна для заселенія. Не менѣе угрюмъ и недоступенъ былъ и урманъ. Среди непроходимой мѣстамъ въковой, дѣвственной чащи его, усѣянной озерами и болотами, часто встрѣчался обширныя луговины ласкавшія взглядъ своею яркою, чарующею зеленью, но горе было путнику, нога котораго вступила-бы на этотъ мягкій, заманчивый коверъ, скрывавшій подъ собой зыбучую бездну,

поглощавшую все живое... Въ глубинѣ то этого дѣвственнаго лѣса, куда съ искони не пропикали никакіе начальственные взоры, Антонъ Прокопычъ также хорошо ознакомившійся съ нимъ, при помощи Мирона и Описки, открылъ свой винокуренный заводъ или «каштакъ», какъ называютъ въ Сибирѣ не особенно сложныя приспособленія, какія практикуются крестьянами для выкуриванія вина «самоспѣдки», какъ называютъ его. Замѣтивъ, что Миронъ и Описка по ночамъ возятъ хлѣбъ на верховыхъ лошадяхъ по направленію къ урману, старикъ Нефедъ сразу догадался, какою дѣятельностью занялся Антонъ Прокопычъ, имѣвшій свои кобаки въ трехъ деревняхъ. Посѣщеніе Починка незнакомыми, подозрительными личностями и затѣмъ часто повторявшіяся кражи лошадей изъ табуновъ крестьянъ окрестныхъ деревень также навело его на мысль, что и эти дѣла не миновали рукъ предприимчиваго «ястребка». Чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности своихъ подозрѣній, онъ вышелъ ночью изъ Починка незамѣченнымъ и пошелъ въ урманъ по слѣдамъ, проложеннымъ лошадями, и на первыхъ-же порахъ самые слѣды, по которымъ шелъ онъ, доказали ему, съ какимъ ловкимъ мошенникомъ онъ имѣлъ дѣло. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ слѣды эти расходились въ разныя стороны и затѣмъ исчезали въ какойнибудь чащѣ у кручи или болота, и только опытный глазъ могъ увидѣть гдѣнибудь въ противоположной сторонѣ уже два примѣтныхъ, проложенныя въ лѣсной чащѣ или среди забуновъ тропинки, которыя снова развѣтвлялись въ различныя стороны и снова исчезали передъ какимънибудь ручьемъ и только въ полуверстѣ разстоянія вверхъ или внизъ по ручью становились замѣтны въ густой травѣ или во мху слѣды ногъ или сломанныя сучья у деревьевъ или сдернутый копытами лошадей мохъ, и заставляли предполагать осторожнаго старика, что слѣды эти проложены не случайно. Знакомый съ урманомъ старикъ долго блуждалъ по этимъ ложнымъ тропинкамъ, пока не достигъ своей цѣли. Первое открытіе, какое сдѣлано было имъ, это стойбище, гдѣ защищенные со всѣхъ сторонъ не-

проходимыми болотами и густыми зарослями березняка и ольхи, паслись угоняемые изъ табуновъ кони. Отъ стойбища уже болѣе удобной тропой онъ достигъ и до каштака, который еще издали можно было замѣтить по густому дыму, валившему изъ вырытой въ землѣ глубокой ямы. Старикъ осторожно подкрался къ нему, скрываемый лѣсною чащей и ясно увидѣлъ Мирона и Описку. Въ первое время онъ хотѣлъ пойти прямо къ нимъ, но ему стало стыдно, стыдно за нихъ, стыдно за то смущеніе, какое охватило-бы ихъ, при неожиданномъ появленіи его. Старикъ махнулъ только рукой и тутъ же рѣшилъ уйти изъ Починка, уйти отъ грѣха!

Вернувшись домой, Нефедъ просидѣлъ всю ночь на порогѣ своей избы. Оторванный отъ семьи, оставшейся далеко на его родинѣ, старикъ искалъ на чужбинѣ въ тиши уединенія, покоя и забвѣнныя для тоскующей души своей. Недружелюбно отнесся онъ къ прибытію Мирона, старикъ жаль было разставаться съ невозмутимою тишиной, какая окружала его въ избранной имъ пустынѣ. Онъ находилъ въ ней отраду для себя, отраду, понятную только людямъ глубоко ушедшимъ въ себя и живущимъ исключительно внутреннею жизнью и тѣми нравственными идеалами, которые составляютъ для нихъ основу всего ихъ существованія. Строго относясь къ самому себѣ, старикъ былъ строго требователенъ и къ другимъ. Честность отношеній его къ людямъ не имѣла того педантическаго характера, присущаго только сухимъ эгонистическимъ натурамъ. Идѣтъ, честность его и кажущаяся суровость вытекали напротивъ изъ глубоко-любящей души, болѣвшей отъ сознанія недостатковъ своихъ ближнихъ. Этотъ суровый, нелюдимый старикъ, въ сущности былъ незлобивъ, какъ ребенокъ, и больше чѣмъ кто либо способенъ былъ прощать и забывать все касающееся до его личнаго я. Увидѣвъ въ новомъ засельцѣ простодушнаго и наивнаго человѣка, старикъ не только помирился съ обществомъ его, но и полюбилъ его. Онъ полюбилъ и Описку, не смотря на всѣ его недостатки, увидѣвъ честную трудолюбивую жизнь его и то радостіе, съ каковымъ онъ дѣлился своимъ

заработкомъ съ Мирономъ и не обращалъ болѣе вниманія на его хвастовство и ложь. Онъ не тяготился болѣе обществомъ этихъ людей и невозмутимая, семейная жизнь, какую жила Починокъ, радовала его. Нерѣдко лаская Мароушку, беззабѣтно привязавшуюся къ нему и съ утра до ночи копошившуюся около него, старикъ уносился мыслью на родню, гдѣ, передъ самую высылкою его на поселеніе, у старшаго сына его родилась дочь, и слезы отуманивали глаза его; съ какою-то неестественною для лѣтъ его пѣжностью; онъ бралъ тогда на руки дѣвочку, садилъ ее на колѣни къ себѣ, нянчился съ ней, плелъ ей телѣжки, коробочки, выдѣлывалъ свистульки изъ тальника и по цѣлымъ часамъ забавлялъ бывало визжавшаго отъ радости ребенка, паигравая какія нибудь пѣсенки, и вдругъ все это рушилось!..

Нефедъ избралъ уже для жилья себѣ новое мѣсто верстахъ въ десяти отъ Починка въ глухомъ лѣсу, вблизи ручья на горѣ, и ждалъ теперь только зари, ему не хотѣлось уѣхать, не сказавъ своего послѣдняго слова Мирону и Онискѣ. Грустно понуривъ голову, сидѣлъ онъ на порогѣ своей избы. Утро было тихое, ясное. Возшедшее солнце залило гривку своими жаркими ослѣпительными лучами, свѣжая весенняя зелень и листва деревьевъ, подернутыхъ росю, казался обсыпанными радужными искрами подъ падавшими на нихъ лучами. Кругомъ его раздавалось немолчное чирканье воробьевъ, носившихся стаями въ глубокой лазури неба, порою звенѣлъ жаворопокъ. Воскресшая отъ зимняго сна природа ликовала, празднуя свой свѣтлый, весенній пиръ, и старику становилось еще тоскливѣе, еще тяжелѣе на душѣ, при взглядѣ на мѣста, съ которыми онъ сроднился и снова долженъ былъ покинуть теперь. Приснувшись ранѣе всѣхъ, Марковна вышла донть корову; увидѣвъ ее, старикъ тотчасъ-же отвернулся и, войдя въ избу, заперъ за собою дверь, не отвѣтивъ на привѣтъ ея «ночевали здорово!». Солнце стояло уже высоко надъ гривкой, когда Миронъ и Ониска, по приказанію Антопа Прокопыча, стоявшаго на крыльчкѣ своего дома, вынесли изъ амбара четыре мѣшка

съ мукой, нагружая ими двухъ лошадей. Увидѣвъ ихъ, старикъ Нефедъ вышелъ изъ избы и подошелъ къ нимъ. Во всей фигурѣ его было что-то рѣшительное, вызывающее; оставившись около нихъ и заложивъ руки за спину, старикъ не отвѣтилъ на ихъ поклоны, не взглянулъ даже на Антона Прокопыча, который, опершись правой рукой на колонку у крыльца, насмѣшливо смотрѣлъ на него.

— Миронъ Акимычъ, ты куда это хлѣбъ-то возишь? сухо спросилъ его старикъ.

— Тутотка уже, въ деревню надоть, отвѣтилъ, сильно смѣшавшійся отъ вопроса его, Миронъ.

— Въ деревню, повторилъ старикъ, а по своей охотѣ, аль по приказу?

— А хоша бы и по приказу, старичекъ, отвѣтилъ Антонъ Прокопычъ,—развѣ тебѣ до этаго дѣла есть касательство.

— Кабы не было, и не спрашивалъ бы! отвѣтилъ старикъ, не глядя на него. Въ какую же это деревню хлѣбъ то возишь? снова спросилъ онъ Мирона.

— Въ Елань, отвѣтилъ Антонъ Прокопычъ.

— Въ Елань, повторилъ вслѣдъ за нимъ и Ониска, подойдя къ одной изъ лошадей и обдернувъ безъ всякой надобности перекшнутый черезъ спину ея мѣшокъ.

— Все штоль, взяли? спросилъ ихъ Антонъ Прокопычъ.

— Готово, отвѣтилъ Ониска.

— Трогай, коли такъ, я уже въ полудню то подѣду, произнесъ Антонъ Прокопычъ.

— Постой трогать то, не спѣши! остановилъ ихъ старикъ. Ты, Миронъ Акимычъ, да и тебя ужъ по пути спрошу, Онисимъ Егорычъ, подумали ли вы, за какое вы дѣло то взялись? тихо спросилъ старикъ, не сводя своихъ сѣрыхъ, пытливыхъ глазъ съ Мирона и Ониски, стоявшихъ къ нему бокомъ, въ какой то нерѣшительной, смущенной позѣ. Въ Елань, вишь, вы хлѣбъ повезли, не стало своего то хлѣба въ Елань, вашъ попалобился. Э-эхъ Миронъ, Миронъ, укоризненно качая головою произнесъ старикъ, да и ты Онисимъ Егорычъ. Мало ви-

дать вы горя то натерпѣлись, пдя въ Сибирь, съизнова заску-
чали по немъ. Аль думаете, што здѣсь Сибирь, такъ все съ-
рукъ сойдесть, а? Нѣ-ѣтъ, худое дѣло завсегда други, рано ли,
поздно ли, да скажется. Это ты вѣрно паренекъ въ Урманѣ
то у ключика каштакъ соорудилъ, а? неожиданно спросилъ
Нефедъ, повернувшись къ Антопу Прокопычу.

Антонъ Прокопычъ, все время съ пропѣй слупавшій ста-
рика, отъ такого неожиданнаго для себя вопроса, поблѣднѣлъ,
какъ полотно, нижняя губа его скривилась и затряслась такъ,
что онъ закусилъ ее.

— Какой это каштакъ? глухимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Што вино курять, аль заводомъ по твоему назвать то
его, насмѣшливо спросилъ старикъ. Такъ на экихъ то дѣлахъ
ты и похвалялся, крылышки-то свои расправить здѣсь, а? Охъ
паренекъ, высоконько ты летать захотѣлъ, не сорвись, смотри,
да не ушибись о плети.

— Ты старичекъ не очумѣлъ ли? спросилъ Антонъ Про-
копычъ, слясь придать дрожавшему голосу насмѣшливое вы-
раженіе. Въ ино время на старцевъ то находятъ, сказываютъ,
экое затмѣніе.

— Суди, тебѣ лучше знать, въ затмѣніи я говорю аль нѣтъ,
спокойно отвѣтилъ ему старикъ.

— Ты видѣлъ энтотъ каштакъ?

— Стало бытъ видѣлъ, коли говорю.

— Своими глазами?

— Въ займы то чужихъ не биралъ еще! А ты, паренекъ,
смѣшкамъ то не замазывай моихъ словъ. Я вѣдь ужъ старъ,
смѣшкомъ то меня не запозишь. Худое ты затѣялъ дѣло, ху-
дое! Неужъ тебя на то въ Сибирь то прислали, штобъ ты
съ изнова и здѣсь пакосничалъ, а?

— Старичекъ, знашь, чего я тебѣ скажу, снова поблѣд-
нѣвъ и завусивъ нижнюю губу, произнесъ Антонъ Прокопычъ,
спускаясь съ крылечка и подходя къ нему, — ты... ты... по-
молчи лучше... оставь свои шуточки.

— Шуточки, повторилъ старикъ и улыбнулся. Легко же

ты шутишь, коль такъ, легко-о-о, протянулъ снѣ. Ужъ коли эти дѣла по твоему шуточки, такъ ты на мой умъ и шутиль бы ихъ одинъ, а другихъ то не путалъ бы.

— А кого я опуталъ, Божій человекъ, нуко?

— Кого? а это кто стоять? спросилъ онъ, кивнувъ головой на Мпропа и Ониску, стоявшихъ молча около лошадей, не твои развѣ пособники, развѣ ты ихъ не опуталъ, неужъ ты думаешь, што ты одинъ зрячій, а другіе всѣ въ слѣпотѣ ходять и не видять твоихъ дѣловъ, а?

— Какихъ такихъ дѣловъ, говори? нахально прервалъ его Антонъ Прокопычъ.

— А ты самъ то не знаешь, какихъ? усмѣхнувшись спросилъ Нефедъ.

— Не знаю, отвѣтъ, какія такія дѣла я дѣлаю, што ты сулишь мнѣ о плети ушибиться? спросилъ Антонъ Прокопычъ, овладѣвъ наконецъ собою и наступая на старика, спокойно стоявшаго предъ нимъ, заложивъ руки за спину. Ну што ты видѣлъ за мною худаго, говори, воръ я, разбойникъ ли кабой? Ну штожь молчишь, кто я по твоему, отвѣтъ.

— Воръ.

— Я?

— Ты, ты вотъ коней воруетъ, да въ Урманѣ прятешь ихъ и вино тайкомъ въ Урманѣ куришь.

— Ну, Божій человекъ, произнесъ задыхающимся голосомъ Антонъ Прокопычъ, ошеломленный словами старика. Моли ты Бога, што старъ, а то я бы тѣ заткнулъ ротъ, а-бъ тѣ показалъ, какъ поносить мою честь.

— Че-есть, твою-то честь давно-бы на плеть намотать надо, вотъ что скажу я тебѣ, да ты-же еще и устраивать меня задумалъ, заткнуть мнѣ ротъ захотѣлъ.

— Уйди, уйди... отъ грѣха, замѣтилъ Антонъ Прокопычъ, наступая на Нефеду съ сжатыми кулаками.

— Не ударить-ли хошь, спокойно спросилъ, Нефедъ. Ну, бей, стегни, погляжу подыметъ-ль... рука... што-жъ ты не бьешь, а?

— Старичекъ.

— Што молодчикъ, аль струсилъ.

— Уйди, слышь, уйди.

— Тебѣ-ль, меня ударить, насмѣшливо заговорилъ старикъ. Покусись ты только, такъ вѣдь я-тѣ сгною въ острогѣ-то, да я-бы ты и скрутилъ, не сталь-бы съ тобой разговаривать, кабы не жаль мнѣ было вотъ этихъ дураковъ, што оплеэль ты.

— Ты-бы скрутилъ меня?

— А то што-жь, побоялся-бъ думаешь? Не такихъ козырей-то какъ ты, я, братъ, въ рогѣ-то сгибалъ, а экую-то тлю, какъ ты, ногой растопталъ бы.

Не сдерживая болѣе бѣшенства, Антонъ Прокопычъ замахнулся, но въ эту минуту Ониска, все время молча стоявшій около лошади, быстро бросился къ нему и схватилъ его за руки.

— Пусти, задыхаясь, говорилъ Антонъ Прокопычъ стараясь высвободить руки.

— Нѣ-ѣтъ, братъ, сто-ой! Обижать тебѣ Божьяго старичка не дади-имъ. Языкомъ чего хопь болтай, а касаться его не моги», говорилъ Ониска, также дрожавшимъ отъ волненій голосомъ, держа, какъ въ тискахъ, его руки.

— Ну, старичокъ, задыхающимся голосомъ произнесъ Антонъ Прокопычъ, глаза котораго палились кровью, а лицо исказилось отъ бѣшенства: «увидимся, еще поговоримъ, помни!»

— Увидимся паренекъ, увидимся, не измѣняя своему хладнокровію отвѣтилъ старикъ «въ острогѣ еще увижу тебя, погляжу, таковъ-ли ты храбрый и тамъ будешь. Ну, Миронъ Акмычъ и ты Онисимъ Егорычъ, началъ старикъ, возвысивъ голосъ и не глядя болѣе на Антона Прокопыча, все еще сдерживаемаго Онисимомъ. «Прощайте, не жалецъ я болѣе съ вами. Хотите коли себѣ добра, такъ послушайте моего слова, бросьте вы это ремесло за добра ума. Не приведетъ оно васъ къ добру! Ъли вы хлѣбъ, были сыты. Чего еще надо вамъ? Круничатыхъ калачей захотѣли, ну смотрите, не смочите слезьми ихъ! Опомнитесь и спасибо скажете мнѣ. Отшатнитесь отъ

этого прохвоста, погубить овъ васъ, погубить братцы, а теперь прощайте, не поминайте меня лихомъ! и степенно поклонившись имъ, старикъ повернулся и неторопливо пошелъ къ своей избѣ, но войдя въ нее заперъ за собою дверь.

Но уходъ Нефеда, Антонъ Прокопычъ, освобожденный наконецъ Оляской, молча снялъ мѣшки съ лошадей и самъ отнесъ ихъ одинъ за другимъ въ амбаръ. Миронъ и Ониска, молча, смотрѣли на него, не выражая никакого желанія помочь ему. Антонъ Прокопычъ самъ спуталъ ноги у одной изъ лошадей и отвелъ ее пастись на визипу, и за тѣмъ, вернувшись, не нашолъ уже ни Мирона, ни Ониски. Осѣдлавъ другую лошадь, онъ сѣлъ на нее и уѣхалъ изъ Починка. Послѣ отъѣзда его, старикъ Нефедъ разобралъ въ своей избѣ чугунную печь, и сложивъ въ телѣжку свой сундучекъ, корзины, и печь, заложилъ въ нее лошадей и, помолившись по обычаю на Востокъ, поклонился на всѣ четыре стороны и поѣхалъ; ни Миронъ, ни Ониска не вышли изъ своей избы проститься съ нимъ и проводить его. Одна только Оекла Марковна, догнавъ его, остановила его, и горько заплакавъ прошептала: «Прости ты насъ окаянныхъ, тебя-бы намъ слушать-то надо, а не погубителя!»

— Прощай Оекла Марковна, дай Богъ тебѣ счастливо! отвѣтилъ старикъ, снявъ шапку и поклонившись ей. Но когда Мароушка, погнавшаяся за матерью, понявъ, что старикъ уѣзжаетъ навсегда, съ громкимъ плачемъ бросилась къ нему и уцѣпилась своими рученками за зипунъ его, старикъ не выдержалъ, по щекамъ его покатились слезы. Онъ взялъ дѣвочку на руки и она, обвивъ его шею руками, прижалась лицомъ къ его сѣдинамъ.

— Прости андельская душенька, прости благословленное дитяtko, дрогнувшимъ голосомъ произнесъ старикъ, глядя рукою всклокоченныя волосы на головѣ ея. «Береги хоша дитя-то, Оекла Марковна, за него вѣдь горше, чѣмъ за себя—отвѣтъ-то Богу дашь!» сказалъ онъ, когда она, съ трудомъ оторвавъ плававшего и бившагося ребенка отъ головы старика, понесла его

въ избу. Перекрестившись еще разъ и окинувъ послѣднимъ, прощальнымъ взглядомъ мѣстность, въ которой протекло для него нѣсколько лѣтъ такой тихой, безмятежной жизни, Нефедъ глубоко вздохнулъ, и сѣвъ въ телѣгу, тронулъ лошадь.

Неожиданный отъѣздъ Нефедѣ навелъ на Мирона, Ониску и особенно на Феклу Марковну тяжелое уныніе. Весь день глаза не осушались отъ слезъ. Всѣ они не только свыклись, но почти сроднились со старикомъ и только теперь инстинктивно почувствовали, какъ дорогъ былъ для нихъ этотъ молчаливый и угрюмый на видъ человекъ. Не такъ сильно поразилъ Мирона и Ониску укоръ старика въ ихъ безчестныхъ поступкахъ, какъ его отъѣздъ. Покинувъ ихъ, старикъ разрывалъ съ ними все прошлое и всякую возможность сближенія въ будущемъ; только отъѣздъ его показалъ этимъ простымъ, неразвитымъ людямъ, какъ глубоко пали они въ глазахъ его. Въ первые дни по отъѣздѣ старика, они не видали Антона Прокопыча въ Починкѣ. Ониска уже нѣсколько разъ молча брался за свое ружейцо; все это время онъ былъ не въ духѣ; въ немъ видимо происходила борьба; онъ угрюмо бродилъ безъ всякой цѣли по окрестностямъ, или по цѣлымъ часамъ лежалъ на берегу озера, или сидѣлъ на порогѣ опустѣвшей избы Нефедѣ. Заглянувъ въ первый разъ по отъѣздѣ старика въ избу его, онъ нашелъ на лавкѣ ножъ, подаренный имъ когда-то старику. Старикъ повидимому ни разу не употребилъ этого ножа въ дѣло и нарочно оставилъ его въ избѣ. Но такое душевное состояніе Ониски и Мирона длилось не долго. Возвратившись въ Починокъ, Антонъ Прокопычъ разогналъ раздумье, напавшее на его компаньоновъ хорошимъ угощеніемъ и прекратилъ всякія колебанія въ нихъ, подаривъ имъ, будто-бы изъ доходовъ на ихъ долю, по двадцати-пяти рублей.

Отъѣздъ старика Нефедѣ окончательно развязалъ руки Антону Прокопычу, который въ сущности сильно побаивался этого неподкупнаго человека, хотя и посмѣивался надъ его пужливостью. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что старикъ не доне-

сетъ на него и не донесеть именно потому, что будетъ щадить Мирона и Ониску, и потому оставилъ его въ покоѣ, но все-таки, на всякій случай онъ покинулъ старій каштакъ и не только зарылъ яму, гдѣ былъ онъ, но даже завалилъ ее деревьями, какъ будто сломанными бурею. Новое мѣсто, избранное имъ для своего завода, было до того глухое, что въ первое время нерѣдко Миронъ и Ониска ошибались въ пути къ нему. Благодаря свсей дѣятельности, Антонъ Прокопычъ оперялся не по днямъ, а по часамъ. Выкуриваемое на каштакѣ вино, хотя и было низкой пробы, но разбавляя имъ на половину вино, покупаемое въ складахъ, онъ не только торговалъ имъ въ своихъ кабакахъ, но даже продавалъ спѣльцамъ постороннихъ кабаковъ за половину цѣны, существовавшей въ складахъ. Близкія сношенія его съ лицами, служащими у акцизныхъ чиновниковъ, ограждали его отъ неожиданнаго наѣзда ихъ; когда же они пріѣзжали для освидѣтельствованія достоинства вина въ кабакахъ его, то всегда находили его надлежащей пробы. На подарки волостнымъ чинамъ Антонъ Прокопычъ не скупился и даже чины земской полиціи отзывались о немъ, какъ о примѣрномъ человѣкѣ и, слыша иногда нападки на безправственность поселенцевъ, приводили его въ примѣръ той честной, неутомимой дѣятельности, какою отличаются многіе изъ нихъ, а дѣятельность Антона Прокопыча простиралась уже до того, что въ деревняхъ смѣжной Б-ой волости онъ открылъ нѣсколько кабаковъ. Нужно сказать правду, что богатѣя самъ, онъ не покидалъ и своихъ сообщниковъ и хотя безцеремонно помывалъ Ониской и Мирonomъ, какъ батраками, но не менѣе щедро и награждалъ ихъ. Конечно о тѣхъ тысячахъ, какія сулилъ онъ, не было и помину, они перепали только въ карманъ Антона Прокопыча, но все-таки для Мирона и Ониски настала вполнѣ обеспеченная жизнь. У Мирона было уже двѣ коровы и три лошади, и хотя онъ жилъ въ той же избѣ, но на передней полѣ въ ней красовался объемистый самоваръ; въ сундукѣ Теклы Марковны все чаще и чаще появлялись ситцевыя платья и шугай и

даже кромѣ новой, овчинной шубы, завелась бѣлшья. Миронъ тоже облакался по праздникамъ въ новый бѣлый зипунъ, сапоги и котиковую шапку. Но болѣе всѣхъ щеголялъ Ониска, переселившійся въ избу Нефёда: у него развилась страсть къ приобрѣтенію цвѣтныхъ шейныхъ платковъ, рубахъ и жилетовъ. Въ праздники, посѣщая деревню Пушкину, гдѣ онъ завелъ весьма короткое знакомство съ какою-то вдовою, Ониска поражалъ глаза всѣхъ пестротою своихъ костюмовъ: то на немъ была алая рубаха и голубой съ разводами жилетъ, то голубая рубаха, красный жилетъ и какой нибудь необычайнаго цвѣта шейный платокъ, а иногда два и три платка надѣтые за-разъ. Ониска завелъ даже серебряные часы съ цѣпочкою и, важно заложивъ руки въ карманы плюсовой поддевки, имѣлъ всегда глубоко-сосредоточенный видъ. Онъ выдавалъ себя за главноуправляющаго дѣлами Антона Прокопича и не безъ достоинства рассказывалъ простодушнымъ слушателямъ, что бывши въ Расае, онъ Ониска управлялъ винокуреннымъ заводомъ, получая за то три тыщи жалованья въ годъ, что ему это дѣло до точности извѣстно и т. п., не забывая впрочемъ, всегда прилетать такъ или иначе къ своимъ рассказамъ барона Евденія Миколаича. Если ему доводилось гдѣ нибудь угощаться водкой, то онъ не безъ проици говорилъ: «У насъ этимъ-то добромъ хощъ залейся, ровно ужъ и пить-то не хочется!» и поражалъ всѣхъ своей воздержностью; воздержаніе Ониски вытекало просто изъ опасенія проболтаться въ пьяномъ видѣ, и онъ всегда съ лихвою вознаграждалъ себя за то по окончаніи процесса выкуриванія. Конечно у жителей окрестныхъ деревень, видѣвшихъ прежнюю жалкую жизнь нефедовскихъ посельщикоу и теперешнее благосостояніе ихъ, не разъ возникалъ вопросъ, съ чего такъ богатѣютъ они, не занимаясь никакими работами. Особенно поразило всѣхъ внезапное выселеніе изъ Починка старика Нефёда, внушавшаго глубокое уваженіе къ себѣ всѣмъ, знавшимъ его. Но какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, толковъ и пересудовъ было много, но всѣ они были далеки отъ истины.

Но скоро раскрылась и истина. Въ одномъ изъ многолюдныхъ и богатыхъ селъ Б—ой волости, уже нѣсколько лѣтъ держалъ кабакъ тобольскій мѣщанинъ. Распря свою дѣятельность, Антонъ Прокопычъ обратилъ вниманіе и на это село, и въ новому году обратился къ крестьянамъ съ просьбою о выдачѣ ему приговора на открытіе въ селѣ кабака. Желая избѣжать такого ловкаго конкурента, мѣщанинъ набавилъ цѣну крестьянамъ за приговоръ почти вдвое, щедро поилъ ихъ виномъ и успѣлъ въ своихъ настояніяхъ. Крестьяне отказали въ приговорѣ Антону Прокопычу. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ къ волостнымъ чинамъ, съ которыми успѣлъ уже завести хорошія отношенія, и кромѣ того пожертвовалъ сто рублей на церковь и, обязавшись въ теченіи года выкрасить за-ново на свой счетъ иконостасъ, привлекъ къ себѣ симпатіи духовенства и всѣхъ крестьянъ-прихожанъ, за что и получилъ, при ихъ содѣйствіи, безплатный приговоръ на открытіе кабака.

Открывъ кабакъ, Антонъ Прокопычъ сразу понизилъ цѣну на вино и тѣмъ окончательно подорвалъ своего конкурента. Мѣщанину не оставалось ничего болѣе, какъ закрыть торговлю и выселиться, потому что одновременно съ тѣмъ Антонъ Прокопычъ открылъ кабаки и въ смежныхъ деревняхъ. Не легко было разставаться мѣщанину съ теплымъ, наспяженнымъ годами мѣстомъ, а конкурировать, понизивъ также цѣну на вино, ему не дозволяли средства. Но онъ сѣрфился и не покидалъ своего дѣла, зорко наблюдая за дѣйствіями своего врага. Антонъ Прокопычъ также былъ остороженъ и не сразу пустилъ въ оборотъ самокурочное вино и только съ половины лѣта сталъ постепенно пріучать къ нему своихъ потребителей. Мѣщанинъ уже окончательно подумывалъ прекратить торговлю, какъ вдругъ, по неосторожности сидѣльца въ заведеніи Антона Прокопыча, онъ замѣтилъ однажды, что вино было привезено не въ такой бочкѣ, въ какихъ оно отпускается изъ складовъ. Подославъ взять вина на пробу изъ кабака Антона Прокопыча, онъ сразу подмѣтилъ въ немъ подмѣсь. Направъ на этотъ слѣдъ,

мѣщанинъ осторожно объѣхавъ все села и деревни, гдѣ были кабаки Антона Прокопыча, вездѣ, взявъ на пробу вина изъ нихъ и убѣдился, что онъ приобретаетъ тайно выкуриваемое вино или самъ держитъ каштазъ. Распрашивая крестьянъ о жизни Нефедовскихъ посельщиковъ, онъ узналъ, что они не имѣютъ никакихъ заработковъ, а между тѣмъ годъ отъ году живутъ все богаче и богаче. Пробравшись въ Починскъ, и скрываясь нѣсколько дней въ Урманѣ, онъ выяснилъ, какъ Миронъ и Оняска отвозили на верховыхъ лошадяхъ хлѣбъ въ Урманъ, гдѣ не было никакого населеннаго мѣста. Для ловкаго кабачника не оставалось болѣе сомнѣнiя. Забравъ все пробное вино съ собой, онъ явился лично къ губернатору и донесъ о существованiи незаконнаго винокурения и торговли въ глазахъ всего акцизнаго начальства.

Быль темный августовскiй вечеръ. Возвратившись изъ поѣздки, Антонъ Прокопычъ хотя и усталый, но довольный успѣхомъ своихъ предпрiятiй (въ послѣднее время хорошее расположение духа не покидало его), сидѣлъ раздѣвшись въ своей горницѣ и пилъ чай. Лукерья Ивановна, въ послѣднее время значительно пополнившая, складывала въ банки только что сваренное варенье. Полныя бѣлая руки ея были засучены выше локтя, и Антонъ Прокопычъ, какъ то особенно нѣжно прищуриваясь, поглядывалъ на нее и время отъ времени подшучивалъ надъ ней, увѣряя ее, что она худѣетъ.

— Похудѣешь отъ экой-то жизни, съ неудовольствiемъ отозвалась Лукерья Ивановна, облизывая ложку:—ни ты въ люди, ни въ тебѣ люди; одни комары изведутъ на смерть, не токма скука. Словно въ тюрьмѣ, здѣсь сидишь.

— Аль ишо мало вамъ добра-то въ сундуки наложено? укорилъ ее Антонъ Прокопычъ.

— Да што въ немъ толку-то, коль и показаться-то въ земь некому; хошь сейчасъ возьми все назадъ, все одно въ сундукахъ-то гнiеть.

— Ахъ, горе то какое, показаться-то вишь некому.

— А то не горе, взвизгнула Лукерья Ивановна.—Ты по

недѣлямъ рыщешь по бѣлому свѣту, такъ тебѣ што скучать-то, а я то словно въ тюрьмѣ здѣсь сижу. Только и свѣту въ окнахъ, што пьяный Ониска да Миронъ.

— Ну, ну, Лукерья Ивановна, не скучайте, скоро въ городъ переберемся, магазинъ откроемъ. Поврасуетесь еще въ сласть, скуку-то энту въ ширь да въ махъ разгонимъ.

— Ужъ только бы выбратъся, хошь людей-то бы поглядѣть.

— Полюбуетесь испо на нихъ и они на васъ, шелковъ то да бархатовъ носи, не хочу; а теперъ бы вы намъ вареньица поднесли а? заигрывающимъ голосомъ спросилъ онъ.

Она подала ему полную ложку варенья, и только что Антонъ Прокопычъ взялъ ее въ руки, какъ въ сѣняхъ послышался шорохъ и осторожные шаги. Но предполагая, что это возвратился Ониска, который долженъ былъ привезти въ этотъ вечеръ вино съ каштака, какъ сообщилъ ему давно уже возвратившійся домой Миронъ, Антонъ Прокопычъ не обратилъ на это вниманія и поднесъ ложку ко рту хотѣлъ слизнуть съ нея варенье, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ исправникъ, а за нимъ акцизный надзиратель и окружной страпчій. Ложка выпала изъ рукъ Антона Прокопыча на полъ. Помертвѣвши какъ полотно, онъ вскочилъ со стула, хотѣлъ что то сказать, но спазма перехватила его горло и холодный потъ выступилъ на лбу его, когда исправникъ произнесъ: «А ну-ко почтеннѣйшій, покажи намъ твой винный складъ, угости-ко своимъ винцомъ!»

По всей вѣроятности, услужливые агенты Антона Прокопыча успѣли бы во время предупредить его о грозѣ, собиравшейся надъ его головой, если бы дѣло велось съ меньшею осторожностью. Захвативъ съ собою растерявшихся волостнаго голову и писаря и тридцать человѣкъ понятыхъ крестьянъ верхами, власти на простыхъ телѣгахъ осторожно подѣхали къ Починку и обкруживъ конвоемъ избы Мирона, Нефеда и опушку лѣса, вошли неожиданными гостями въ домъ Антона Прокопыча. Въ подпольѣ, устроенномъ подъ домомъ его, они

открыли до тридцати бочек вина, выкуренного на каштакъ и четырнадцать тысячъ денегъ, которыя, какъ носилась молва, и облегчили участь Антона Прокопыча, что онъ не попадетъ въ арестантскія роты, а былъ посланъ только въ болѣе отдаленную мѣстность. Испуганный со сна Миронъ, съ перваго же слова, повалился въ ноги и признался во всемъ.

Сидя верхомъ на лошади, везя съ собою нѣсколько лагушекъ съ виномъ, возвращался Ониска домой и, хотя былъ выпивши, но только что выѣхалъ изъ опушки лѣса, какъ остановился, замѣтивъ, несмотря на темноту, что какія-то тѣни ходятъ около дома Антона Прокопыча и избы Мирона съ фонарями въ рукахъ. Его поразило также необычное въ это время освѣщеніе въ домѣ Антона Прокопыча, даже изъ оконъ избы Мирона видѣлся яркій свѣтъ. Въ это время, пока онъ стоялъ и раздумывалъ съ недоумѣніемъ «что это значитъ?» около него точно изъ-подъ земли выросъ рослый крестьянинъ съ дубиною въ рукахъ и схватилъ его лошадь подъ уздцы.

— Ты што, чего тебѣ надоть? крикнулъ испугавшійся Ониска.

— Тебя надо, тебя брать и караулимъ! отвѣтилъ ему крестьянинъ, ведя лошадь его по направленію къ Починку.

— На што? спросилъ было Ониска.

— А тамъ ужъ начальство тебѣ скажетъ, на што! отвѣтилъ тотъ и крикнулъ: «поймалъ братцы, вотъ онъ главноуправляющій-то верхомъ, никакъ пшено вина везетъ».

Растерявшійся Ониска понялъ теперь, что значило такое стеченіе народа, поздно ночью, въ пустынномъ и глухомъ Починкѣ, и почему такъ ярко освѣщены и домъ Антона Прокопыча и изба Мирона и куда ведутъ его. Поперегъ его сѣдла лежала толстая, желѣзная кочерга. Неотдавая даже отчета себѣ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, Ониска схватилъ кочергу и ударилъ ею по головѣ крестьянина. Рука, державшая подъ уздцы лошадь его съ разу ослабѣла, и тотъ, не крикнувъ даже, повалился на землю у ногъ лошади. Быстро поворотивъ лошадь, Ониска сбросилъ съ нея лагушки съ виномъ и поско-

калъ въ лѣсъ. Нѣсколько человекъ верховыхъ крестьянъ погнались за нимъ. Хорошо знакомый со всѣми тропинками въ лѣсу, Ониска мчался въ самую глубь лѣса. Древесныя сучья хлестали его по лицу, сбили съ него шапку, цѣплялись за волосы, но онъ скакалъ припавши головой къ гривѣ лошади, не чувствуя боли отъ вырываемыхъ съ головы волосъ и отъ ударовъ по лицу сучьями. Погнавшіеся за нимъ крестьяне скоро отстали. Свернувъ съ тропинки, Ониска соскочилъ съ утомленной лошади, и бросился въ чащу.

На другой-же день Миронъ привелъ слѣдователей на каптакъ. Не смотря на облаву и розыскъ въ урманѣ, длившіеся болѣе недѣли, Ониску не могли найти; какая нибудь заповѣдная чаща укрыла его отъ взоровъ правосудія въ своей вѣковой тиши и тѣни. По всей губерніи были разсланы предписанія о поимкѣ его, гдѣ въ числѣ примѣгъ его, было упомянуто, между прочимъ, и то что онъ постоянно въ разговорѣ упоминаетъ о царскомъ совѣтникѣ баронѣ Евденіѣ Николаевичѣ Чурмиловѣ.

Однажды вечеромъ, старикъ Нефедъ сидя въ своей крошечной избѣ, скорѣе похожей на землянку, чѣмъ на избу, по обыкновенію плелъ корзину при свѣтѣ лучины. Погода была ненастная, извнѣ доносился до него унылый вой осенняго вѣтра въ лѣсной чащѣ, окружавшей новое жилище его, да шумъ и трескъ качаемыхъ вѣтромъ деревьевъ. Въ чугунной печи его тлѣлъ огонекъ. Въ это время старикъ показалось, что кто-то осторожно дернулъ дверь и видя, что она заперта, тихо постучался.

Старикъ поднялъ голову и, оставивъ въ сторону, корзину прислушался и, когда стукъ снова повторился, спросилъ: «кто тутъ?»

— Нефедъ Максимычъ, кормилецъ,пусти! слышался жалобный голосъ.

Старикъ узналъ по голосу Ониску. До него давно уже дошла молва со всѣми подробностями о катастрофѣ, разразившейся надъ обитателями Починка. Онъ зналъ, что Ониска

скрылся и исчез, не смотря на всѣ поиски. Старикъ думать, что онъ давно уже бѣжалъ куда нибудь и никакъ не предполагалъ, что онъ скрывался все это время въ лѣсу. Вынувъ деревянный засовъ, какимъ была затворена дверь, старикъ раскрылъ ее и въ избу, вмѣстѣ съ брызгами дождя и порывомъ холоднаго вѣтра, чуть не задувшаго лучину, вошелъ Описка. Вѣтхій, изорванный въ клочья зипунъ едва держался на плечахъ его и былъ промоченъ насквозь. Изъ подъ прорванной грязной рубахи видѣлась впалая черная грудь. Бродни на ногахъ были прорваны. Волосы на головѣ, усыянные древесными сучками и сосновыми иглами, были спутаны, какъ войлокъ, и спускались прядями на лицо, дождевая вода ручьями стекала съ нихъ по впалому, гетомленному лицу его.

Старикъ стоялъ и молча смотрѣлъ на него.

— Нефедъ Максимычъ, кормилецъ, а-ахъ ты Боже мой, пробормоталъ Описка. Дай хоть кусочекъ, сме-е-ерть... и онъ въ безсиліи опустился на скамью, замѣнявшую старику кровать.

Нефедъ покачалъ только головой и, не сказавъ ни слова, снялъ съ полки чугунокъ съ варенымъ картофелемъ, соль и мѣшокъ съ сухарями и молча положилъ все это предъ Опиской. Заправивъ въ свѣтецъ новую лучину, которая, вспыхнувъ, облила яркимъ свѣтомъ печальную фигуру Описки и потѣмнѣвшія стѣны избы, онъ сѣлъ на обрубокъ и принялся за прерванную работу. Описка съ жадностью набросился на картофель и сухари, и въ избѣ раздавался только трескъ лучины, аппетитное чавканье Описки, да хрусть сухарей, разжевываемыхъ крѣпкими зубами его.

Дай тебѣ, Господи, награди тебя, Господи! произнесъ наконецъ Описка, опорожнивъ весь чугунокъ съ картофелемъ и значительную часть мѣшка съ сухарями. «А-а-ахъ ты, Боже мой, Боже мой!» снова произнесъ онъ, уперевъ локтя въ колѣна и обхвативъ голову руками. Слыхалъ, поди? спросилъ онъ.

— Разболакайся, чай, вѣдь питки сухой нѣтъ на тебѣ.

Грѣйся! произнесъ вмѣсто отвѣта Нефедь, не глядя на него, но въ голосѣ старика сказывалась глубокая жалость.

Ониска молча снялъ съ себя зипунъ, бродни и сѣлъ на земляной сбитый полъ къ печи, подбросивъ въ нее короткихъ сухихъ дровъ изъ связки, лежавшей въ углу избы. Удовлетворенный аппетитъ и пріятная теплота отъ огня, разлившаяся по тѣлу Ониски, повидимому придали ему нѣкоторую бодрость. Онъ молча осмотрѣлъ закоптѣвшія стѣны избы Нефеда, посмотрѣлъ даже въ сгорбленную спину старика, свдѣвшаго къ нему задомъ и, расправивъ сплпшіяся волосы на головѣ, сталъ выдергивать изъ нихъ сучки и сосновыя иглы.

— Слыхаль поди, Нефедь Максимычъ, чего стряслось-то съ нами? снова робко спросилъ онъ.

— Какъ не слышать! отвѣтилъ старикъ.

— А-ахъ, ты Боже мой, говорю, грѣха-то, грѣха-то сколь, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ. «Чего-же кормилецъ, какъ они теперь гдѣ, знашь аль пѣтъ? тихо спросилъ онъ.

— Кто они-то? сухо спросилъ старикъ.

— Ну хоша-бы Миронъ-то Акимычъ, Фекла-то Марковна, и энтотъ погубитель-то нашъ, Антошка.

— Въ острогѣ, гдѣ болѣ-то?

— Неужъ всѣ.

— Всѣ.

— А-а-ахъ, ты Боже мой, Боже мой а? Ну и доля! Да Фекла-то Марковна за штожь-бы? «какъ бы про себя произнесъ онъ». «А-а-ахъ ну», тряся головой, снова воскликнулъ онъ. «Не на-базанье-ли это Божье, Нефедь Максимычъ, а? Какъ, говорю, врагъ-то затмѣваетъ человѣка а? философствовалъ Ониска, качая головой. «Сколь, говорю, энтотъ по слабости вашей уле-щенья намъ и пагубы, а? А-а-ахъ ты, Боже мой, Боже мой. Тебя-бы намъ слушать-то надо, Божій ты старичекъ, тебя!» со слезами въ голосѣ протянулъ Ониска.

— Што-жь не слушалъ? спросилъ старикъ.

— А-а-ахъ, милый, и близко воть лоботь-то, да укуси-во! съ неподдѣльнымъ раскаяніемъ отвѣтилъ Ониска, «до чего го-

ворю, утешенье-то смущаетъ человѣка, а? Ну не врагъ ли Христовъ это душу-то нашу мутить, а? Чего-жъ имъ теперь будетъ не слышно? снова, понижая голосъ, спросилъ онъ.

— Не похвалять.

— Ужъ гдѣ похвалить, это што. Ужъ, сослали-бы хоть, такъ куда ни шло, вездѣ люди живутъ, а то какъ плети-то выйдутъ, а-ахъ!..

— Може, и плети выйдутъ.

— А-ахъ ты, напасть какая. Ну, не злочьсть-ли, говорю. Да нѣтъ, поди, плетей-то не выйдетъ, помилуютъ! скорѣе въ утѣшеніе себя, чѣмъ по убѣжденію, произнесъ Ониска.

— А коли помилуютъ, такъ что-жъ ты не идешь, не повинисься, неужъ легче, въ экую-то непогодъ по лѣсу шататься, а? строго спросилъ старикъ, неожиданно повернувшись къ нему. «Бражничать, да вино курить такъ ты изъ первыхъ былъ, не отставалъ небось, а какъ къ отвѣту дѣло подошло, такъ убѣгъ, а?

— А-ахъ, Нефедъ Максимычъ, убей ты меня, разрази.

— Ты самъ-то себя убилъ, почище другаго. Неужъ ты все это время въ лѣсу прятался, а?

— Въ лѣсу.

— Чего-жъ ты ѣлъ то, питался то чѣмъ.

— Отощаль, не спрашивай, сме-е-ерть, надорваннымъ голосомъ отвѣтилъ Ониска. «Орѣхи грызъ, ягоды попадали, ягоды ѣлъ, кору жевалъ съ сосны. Не дай-то Господи! снова вздохнувъ произнесъ онъ. Бѣлку это однава было поймалъ, хотѣлъ было съѣсть...

— Сыръемъ? прервалъ старикъ.

— Сыръемъ, и покушался было, да душа не приняла! и Ониска, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, сплюнулъ на сторону. «Не разъ это покладаль въ умѣ то, Нефедъ Максимычъ, пойти объявиться, казните, моль, меня! Страсть вѣдь, милый, чего натерпѣлся. Холодъ, зубъ на зубъ не всходитъ, а ночью-то это волки въ лѣсу подымутся, стра-а-астъ, а у тебя ни огня, ни обороны нѣту, и голодъ-то томить. Залѣзешь это на дерево-то

на самый верхъ да какъ птица на сучьяхъ-то и примостишься, только и караулишь, кабы не задремать, да не свалиться, а силы-то ужъ нѣтъ въ тебѣ, отоцалъ, едва вѣдь доползъ до тебя, умру думаю, сунусь и умру.

— Голова, голова! съ грустью произнесъ старикъ. Чего-жъ ты теперь думаешь о себѣ то какъ.

— Не спрашивай! Сокрушенье одно! Повинюсь пойду, — такъ и рѣшилъ.

— Повинись, можетъ и облегченье выйдетъ! одобрилъ старикъ.

— Повинюсь. Одно только будто, Нефедъ Максимычъ, пугаетъ меня. Кабы зналъ вотъ, что убьютъ меня съ одною разу, сейчасъ-бы, то ись, объявился, сей-же секундъ, говорю, съ повинной бы пришелъ, а то какъ плети-то выйдуть, а-ахъ, страсть вѣдь это сколь муки-то будетъ.

— Стерпи! Умѣлъ грѣшить, умѣй и каяться.

— Ужъ вотъ какъ спокаялся, божей ты старичекъ. Слезьми плакалъ горючими. Ну, говорю, еслибъ теперича попалъ мнѣ энтотъ Антошко, погубитель, ну, съ снова-бы, говорю, маху убилъ.

— О о!..

— Кишки-бы вымоталъ. Не губи человекъ, не мути!

— А свой то умъ, гдѣ-жъ у тебя былъ въ тѣ поры а?

— Умъ-то?

— Да, твоя то голова на плечахъ была аль нѣтъ?

— Голова-то? снова переспросилъ озадаченный Ониска. Ну, милый, теперича ужъ такъ сказать доводится время прошлое. Не было ее... въ затмѣнн былъ. Врагъ это, говорю, попуталъ душу-то, врагъ! Ну, повинюсь. Это ты справедливо сказалъ: умѣлъ грѣшить, умѣй и каяться. Такъ и скажу, стегайте, милостивые судьи, сколь влезетъ, заслужилъ, а-ахъ, ну... Пусть стегаютъ. И Ониска обхвативъ голову руками, склонилъ ее въ колѣни, и, какъ показалось старику Нефеду, плакалъ.

Какъ ни сильно было утомленіе Ониски, но онъ плохо спалъ ночь. Старикъ слышалъ, какъ онъ поминутно почти ворочался съ боку на бокъ, громко бормоталъ во снѣ, и на зарѣ уже закричалъ со сна такимъ дикимъ, неестественнымъ голосомъ, что старикъ разбудилъ его.

Сваривъ картофеля и накормивъ Ониску, старикъ далъ ему свою рубаху, зипунъ, и крѣпкіе, повые бродни, и сказалъ: «Ну, Онисимъ Егорычъ, хоть и грѣшно тебя гнать, въ экой твоей участи, но и держать мнѣ тебя тоже не доводится! Коли хошь послушать моего путнаго слова, иди, явись съ повинной, а нѣтъ, какъ знаешь, твое дѣло!

— Пойду, повинюсь, рѣшительно отвѣтилъ Ониска. Прости, Божій человекъ, дай тебѣ Богъ за твое добро... Э-эхъ, кабы тебя-то слушали, не было-бы экой участи. Ну, прости, дай тебѣ Господи,—и Ониска утеръ вулакомъ наватившіяся на глаза слезы.

Снабдивъ его на дорогу сухарями, картофелемъ, и давъ ему денегъ, старикъ вышелъ вслѣдъ за нимъ изъ избы и долго провожалъ глазами удалявшагося Ониску, пока онъ не исчезъ за излучиной тропинки. Но Ониска не явился съ повинной, какъ обѣщалъ, и его болѣе не встрѣчали уже въ этой мѣстности.

Долго спустя, уже по окончаніи дѣла, когда Антоновъ Прокопычъ и Миронъ были высланы на поселенье и щеголеватый домъ Антона Прокопыча былъ проданъ на свозъ съ аукціона въ пополненіе казенной недонмки, старикъ Нефедъ, возвращаясь однажды изъ города, заѣхалъ въ опустѣвшій починокъ. Изба Мирона уже покачнулась, и когда онъ вошелъ въ нее, мимо его ногъ юркнулъ заяцъ, поселившійся съ своей семьей подъ развалившейся печкой. Старикъ посѣтилъ и свою избушку, которая также обвѣтшала. Посидѣвъ съ полчаса на порогѣ ея, онъ съ грустью глядѣлъ на спокойное озеро и далекій урманъ, окоимлявшій его. Наконецъ онъ всталъ, помолился на востокъ, поклонился на всѣ четыре стороны и весь

облитый лучами закатывающегося солнца, тихо спустился съ гривки. Сѣвъ въ телѣжку, онъ поѣхалъ по узкой колеѣ въ свое новое жильѣ, уютившееся въ тѣни вѣковыхъ березъ и сосенъ, гдѣ только тихое журчанье ручья да шумъ листвы нарушали невозмутимую тишину, окружавшую его и замѣняли ему суетную человѣческую мольву.

Н. Наумовъ.

Гамлеты — пара на грошъ.

(Изъ записокъ лежебока).

Недавно мнѣ пришлось познакомиться съ человѣкомъ, который только и дѣлаетъ, что лежитъ на койкѣ, да плюетъ въ потолокъ. Въ отвѣтъ на мой вопросъ по поводу такого страннаго времяпрепровожденія, онъ далъ мнѣ объемистую рукопись, прибавивъ, что я могу распорядиться ею, какъ мнѣ угодно. Прочитавъ рукопись, я рѣшился напечатать одинъ отрывокъ изъ нея.

У сосѣда опять заплѣли канарейки. Съ нѣкотораго времени я начинаю наслаждаться ихъ пѣніемъ. Не то, чтобы прежде я не терпѣлъ эти льющіеся, сыпящіеся и разсыпающіеся звуки,—нѣтъ, я просто не замѣчалъ ихъ. А теперь я вногда по цѣлымъ часамъ слушаю несущееся ко мнѣ изъ щелей двери щебетанье—и не паслушаюсь. Какъ онѣ не устанутъ, какъ не перервутся у нихъ голосовыя связки отъ этихъ сильныхъ, громкихъ и высокихъ звуковъ! Цѣлые часы безъ перерыва щебечутъ онѣ, перебывая и перегоня другъ друга, то сливаясь въ одинъ хоръ, то пачиная тянуть «кто въ лѣсъ, кто по дрова». И чѣмъ дольше поютъ, тѣмъ звонче становятся ихъ голоса, тѣмъ хитрѣе и вычурнѣе выкидываемыя ими руды: словно онѣ — на конкурсномъ испытаніи и стараются отличиться другъ передъ другомъ.

Я лежу на койкѣ и не шелохнусь. Я стараюсь не пропу-

стить ни одного звука, ни одного тона, стараюсь воспринять все, что даютъ мнѣ эти маленькія птички. Есть въ ихъ пѣніи одинъ звукъ, который я не могу ни указать, ни назвать, ни опредѣлить; звукъ этого маленькій, тихій, едва замѣтный, — и вотъ его-то я и боюсь пропустить. Когда я услышу этотъ звукъ, въ душѣ моей воскресаетъ чудный міръ давно прошедшаго, давно прожитаго, міръ, полный радости и счастья. И я — упиваюсь этими воспоминаніями, я наслаждаюсь проходящими въ моей душѣ образами и затѣмъ усталый, опьяненный отъ счастливыхъ грезъ, я впадаю въ сладкое забытье...

Міръ давно прошедшаго, давно пережитаго! Но развѣ все это было такъ давно? Увы! нѣтъ: всего три, четыре года тому назадъ. Но для меня все это дѣйствительно — давно прошедшее, все это гдѣ-то очень далеко, далеко отъ меня и моего настоящаго прозябанія. Эти немногіе годы я жилъ быстро, ужасно быстро, и вотъ теперь, имѣя всего двадцать четыре года отъ роду, я уже старикъ, уже отжилъ свой вѣкъ и уже думаю о смерти.

Собачья старость! скажете вы. Быть можетъ, вы и правы. Но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Собачья старость, ну и пусть будетъ собачья старость! Страшно то, что эта собачья старость возможна, и возможна не въ единичномъ случаѣ. Развѣ я одинъ дожилъ до этой собачьей старости? Развѣ я не вижу кругомъ себя такихъ же преждевременныхъ стариковъ, такихъ же юношей, какъ и я, уставшихъ жить и нищихъ забвенія въ попойкахъ, въ оргіяхъ, въ какомъ нибудь глупѣйшемъ и бесполезнѣйшемъ занятіи и даже въ смерти.

И что это будетъ, къ чему все это приведетъ? Когда же, наконецъ, разсѣется этотъ всегубящій мракъ и блеснетъ свѣтъ. явится рука, которая укажетъ намъ путь, и послышится голосъ, который скажетъ намъ: «живите, работайте и будьте счастливы!»...

Къ чему, однако, все это нытье? И какая тамъ еще рука и какой голосъ понадобились мнѣ? И почему это неуремѣнно должна быть какая-то рука, указывающая путь, и почему не-

премѣнно чей-нибудь голосъ долженъ приказать намъ жить, трудиться и наслаждаться счастьемъ? Отчего мы не можемъ сами все это сдѣлать — отыскать путь и начать трудиться и жить? Отчего? отчего!..

Да, вотъ онъ, этотъ звукъ, онъ самый. И что въ немъ? какой-то пискъ, визгъ, скрипъ — и больше ничего. Но онъ напоминаетъ мнѣ что-то изъ того прошлаго, дорогаго, незабвеннаго. Что именно, я не могу понять, но что-то напоминаетъ: птицу ли какую лѣсную, стрекотае ли сверчка, плескъ ли горнаго ручья или отзвукъ горнаго эхо, — не знаю. Но какія сладкія чувства поднимаетъ во мнѣ этотъ звукъ, какія пріятныя ощущенія возбуждаетъ, какія веселыя мысли влечетъ за собою, какія дорогія картины вызываетъ въ моей памяти!..

Лѣсъ, да какой лѣсъ! Вамъ, жителямъ сѣвера, не составить и приблизительнаго понятія о нашемъ чудномъ лѣсѣ. Сплошной чинаръ. Толщина — два, три обхвата. Вышина — шапка упадетъ, какъ на макушку взглянешь. Внизу стволы совершенно голы: нѣтъ ни вѣтокъ, ни сучковъ. И только съ середины начинаютъ вѣтви и тянутся далеко-далеко въ разныя стороны. Вершина ствола украшена широкую, въ нѣсколько сажень въ діаметрѣ, зеленою короною. И такихъ чудныхъ гигантовъ сотни, тысячи, десятки тысячъ! Безъ прерыва, безъ промежутковъ, идутъ эти великаны, то строясь въ линіи и разныя правильныя фигуры, то образуя непризнаваемые въ геометріи сочетанія. Только изрѣдка ряды этого войска прерываются лѣсною дорогой, небольшою полянкой или горною рѣчкой. Тогда на опушкѣ поднимается орѣшникъ, а по берегамъ рѣчки густо расположилась малина или ежевика.

Отойдите вы отъ этого лѣса куданибудь въ сторону, поднитесь на какуюнибудь горку и оттуда взгляните на него. Чудная картина! Вотъ по скату горы ползутъ, поднимаясь къ небу и какъ бы перегоняя другъ друга, столѣтніе развѣсистыя чинары. Рядами, другъ за другомъ, они поднимаются на утесъ и совсѣмъ облѣпляютъ его. Вотъ высоко поднялась группа

деревьевъ и господствуетъ надъ всюю окрестностью: это — пикъ, высшая точка въ окрестности, сплошь заросшая чинарами. Вотъ тянется правильный рядъ деревьевъ, гордо поднимающихъ свою листву надъ сосѣдями: это вершина горнаго хребта. Вотъ громадная гора, заросшая, какъ кажется, высокою травою: это Елизиева гора. Дальше что-то чернѣетъ: это глубокая долина, въ которую рѣдко проникаетъ свѣтъ. А тамъ и здѣсь, вездѣ виднѣются кручи, обвалы, рѣзко выступающіе своимъ желтымъ цвѣтомъ на зеленомъ фонѣ. И наконецъ, цѣлое море молока разлилось у вашихъ ногъ и посылаетъ свои волны на вашъ утесъ: это цвѣтутъ лыча, черешня, груша.

Вы спускаетесь въ самый лѣсъ и ложитесь у корня великана-чинара. Какая тишина! Ни звука, ни движенія. Но вотъ откуда-то дунулъ вѣтерокъ и по лѣсу пропелся какой-то шопотъ, лепетъ, шелестъ: каждый листикъ прошепелѣлъ, каждый сучекъ скрипнулъ, каждая вѣтвь покачнулась—и все это слилось въ одинъ тихій ропотъ, въ сильный вздохъ какого-то могучаго существа. И жутко, и сладко вамъ!..

Знойный лѣтній день. Но вы не чувствуете жары. Свѣтъ почти не проходитъ сквозь густую листву и вы находитесь въ искусственной полутьмѣ. А тутъ же, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ васъ, южное знойное солнце залило своими лучами малѣнькую поляну, отдѣленную отъ васъ густымъ орѣшникомъ. Тамъ, на этой полянкѣ, полный контрастъ той тишины и спокойствію, которыя царятъ у подножія лѣсныхъ великановъ. Въ то время какъ вокругъ васъ почва едва покрыта плохою, малорослою травкою, полянка заросла всевозможными травянистыми растеніями въ ростъ человѣка. Тысячи всевозможныхъ цвѣтовъ покрываютъ поляну и придаютъ ей какой-то фантастическій видъ. Мпріады бабочекъ носятся надъ цвѣтами и устраиваютъ какой-то невѣроятный танецъ. Въ самыхъ цвѣтахъ сидятъ разныя возявки, жуки, шмели, пчелы. Пауки распустили свои сѣти и грѣются на солнцѣ. Мухи летаютъ, кружатся и попадаютъ въ западню. Въ воздухѣ но-

сятся цѣлые рои мошекъ. Изъ травы несется чирканіе и стрекотаніе всякихъ жестоккрылыхъ. Тутъ же на деревьяхъ, соприкасающихся съ поляной, сидятъ птицы и поютъ свои пѣсни торжествующей и всякой иной любви. Словомъ, жизнь, движеніе...

Люблю я лежать недалеко отъ такихъ полянокъ. Какой контрастъ! Свѣтъ и тьма, тишина могильнаго склепа и «базаръ житейской суеты»! Молча, спокойно и гордо высятся великанъ, пріютившій меня у своихъ ногъ, и съ презрѣніемъ смотритъ на бѣготню и толкотню милліоновъ существъ, толпящихся на полянкѣ. Зачѣмъ они суетятся, чего добиваются? Неужели жизнь въ томъ, чтобъ вѣчно не знать покоя, неустанно заботиться о пропитаніи и, съѣвши добытое, опять думать о томъ, гдѣ добыть пищи для слѣдующей закуски? Неужели это жизнь? Или жизнь въ томъ, чтобы отдаваться обману и грезамъ, танцевать съ дамой сердца и пѣть и слушать пеленѣйшія пѣсни о невозможной вѣчной любви и небываломъ, никѣмъ неспытанномъ блаженствѣ? И не выше ли, неизмѣримо выше, всей этой непрерывной суетни ради брюха и этого завѣдомаго одураченія себя и другихъ — спокойное существованіе гиганта? Онъ спокойно растетъ и высится, не зная ни безпокойной, безтолковой и часто гнусной толкотни изъ-за пропитанія, ни самообмана. Все выше и выше поднимаетъ онъ свою голову, все большее и большее пространство захватываетъ онъ своими вѣтвями, все глубже и глубже уходитъ въ землю его корни. Онъ крѣпко утвердился на почвѣ и не боится ничего: пусть дуетъ вѣтеръ, пусть несется вихрь, пусть гремитъ и грохочетъ громъ, — онъ не погнется, не уступитъ. А когда состарѣется, когда выгниетъ его сердцевина, и тогда нужно явиться сильному, могучему вихрю, чтобы сломить его, и тогда онъ покроетъ своимъ трупомъ всю сосѣдную поляну и уничтожитъ, по меньшей мѣрѣ, половину ея ничтожныхъ обитателей...

Подъ такимъ великаномъ и мысли приходятъ все героическія. Хорошо быть гигантомъ! Вотъ Гарибальди...

Ну, дофантазировался чортъ знаетъ до чего! Гигантомъ быть! Это тебѣ то, плюгавому, согнутому, страдающему собачьей старостью! Ха! ха!

Я всталъ и оглядѣлъ себя въ зеркало. Какая, въ самомъ дѣлѣ, жалкая фигура! Сгорбленный, согнутый, грудь вдавленная; лице въ морщинахъ, подъ глазами бугри; выраженіе лица какое то запуганное, загнанное, забытое. Ни здоровья, ни силъ...

Но развѣ я всегда такимъ былъ? Да, почти всегда: съ восьми лѣтъ я началъ гнуться и вотъ уже шестнадцать лѣтъ гнусь и гнусь...

Да и какъ было не сгорбиться, какъ не согнуться! Стоитъ только вспомнить день моей ученической жизни.

Я—въ шестомъ классѣ гимназіи. Встаю съ постели въ 7 часовъ утра. Умываюсь, одѣваюсь, прибираю комнату, бѣгло просматриваю уроки и пью чай;—8 часовъ: пора идти въ гимназію. Классы начинаются въ 8¹/₂ и продолжаются въ одни дни до половины втораго, а въ другіе—до половины третьаго. Все это время спина гнется, грудь сдавливается, голова налита кровью; постоянно находишься въ напряженномъ состояніи, чувствуешь страшное утомленіе—и физическое, и душевное, не понимаешь и половины происходящаго вокругъ тебя и держишься болѣе или менѣе прилично, только изъ страха передъ начальствомъ. Затѣмъ идешь домой, наскоро съѣдаешь обѣдъ и бѣжишь на урокъ, на другой конецъ города. Урокъ начинается въ 3¹/₂ или въ 4¹/₂ часа и продолжается два часа. На урокѣ чувствуешь себя въ высшей степени скверно; дѣло доходитъ до того, что иной разъ едва бываешь въ состояніи рѣшить задачу, заданную питомцу, ученику перваго класса гимназіи. Возвращаешься домой, едва не падая отъ усталости и съ кружащеюся головою. Отдыхать, однако, некогда,—нужно садиться готовить уроки—«подыскивать слова», вникать въ тонкости стили Плутарха или указывать сходство и различіе между Плюшкинымъ и «Скупымъ рыцаремъ». Эти занятія идутъ до 11 часовъ. Затѣмъ ложусь спать и сплю до 3 час.

утра, когда меня нарочно будят. Отъ 3 до 5 час. заканчиваю приготовленіе уроковъ и снова засыпаю (далеко, впрочемъ, не всегда) на два часа.

Шесть часовъ отдыху (и то не постоянно) и 18 час. возни—вѣдь это на рѣдкой фабрикѣ бываетъ! 13½ часовъ сидѣть согнувшись, сгорбившись! И это изо дня въ день, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, почти всѣ девять лѣтъ пребыванія въ гимназій.

По неволѣ потеряешь и силы, и здоровье; по неволѣ будешь представлять жалкую фигуру.

А, впрочемъ, все это, въ сущности, чепуха. Не въ томъ горь, что старикомъ я выглядываю, что спина у меня согнута, что подъ глазами складки. Въ томъ бѣда моя, что душа у меня, не смотря на мои молодые годы, не молодая.

И въ этомъ, опять таки, много виновата гимназія. Ужасно исковеркала она мою душу. Вотъ, напримѣръ, фактець относительно воздѣйствія гимназій на мои умственныя способности. Въ восьмомъ классѣ я считался лучшимъ ученикомъ: и дѣйствительно, я могъ читать à livre ouvert чуть не всѣхъ классиковъ, могъ свободно писать сочиненія на греческомъ языкѣ, а по латыни могъ даже рѣчи говорить; въ математикѣ я, что называется, собаку съѣлъ, — могъ связать и развязать какой угодно математической узелъ. Но за то другіе предметы, напримѣръ, исторія или Законъ Божій, меня крайне затрудняли: я не могъ ничего запомнить по этимъ предметамъ, ограничиваясь простымъ чтеніемъ, и долженъ былъ все заучивать наизусть. Мои умственныя способности стали какою то машиною, прекрасно дѣйствующею въ одномъ, строго опредѣленномъ направленіи, но совершенно неспособною проявить какое бы то ни было дѣйствіе во всѣхъ другихъ направленіяхъ.

Но главное зло не въ этомъ; главное зло въ нравственномъ давленіи, въ томъ пагубномъ, печальномъ вліяніи, которое имѣла гимназія на образованіе моего характера. Она

задавила мою личность. И это не потому только, что въ гимназіи царилъ суровая дисциплина, что требовалось безусловное подчиненіе распоряженіямъ начальства, что намъ, учащимся, воспрещалось имѣть свое сужденіе о чемъ бы то ни было; не по одному этому. А главнымъ образомъ потому, что у насъ, учениковъ, не было ничего своего, что все, наполнявшее нашу жизнь, составлявшее все ея содержаніе, все, чѣмъ мы должны были заниматься, чѣмъ должны были регулировать свою жизнь,—все это было чужое. Все, чѣмъ мнѣ приходилось интересоваться, на что тратить усилія, изучать, все, чѣмъ я могъ и долженъ былъ гордиться, — все это было не мое, не мною избранное, а чужое, навязанное мнѣ. Какое было мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ мужей древности, съ трудами которыхъ я долженъ былъ знакомиться, съ трудами, къ тому же пропущенными чрезъ такую фильтру, въ которой они теряли всякую жизненность и превращались просто въ рубрики, которыя было обязательно зазубривать? Какое отношеніе имѣли ко мнѣ и къ моей жизни всѣ тонкости математическихъ формулъ? Зачѣмъ мнѣ нужны были Пизистраты и другіе великіе и малые герои и подлецы? Я ничего этого не просилъ, ни въ чемъ подобномъ не нуждался; а между тѣмъ я долженъ былъ отдавать всю свою жизнь на это, чужое мнѣ, навязанное мнѣ противъ моей воли. Но этого мало. Каждый свой шагъ, каждое движеніе, каждый поступокъ я долженъ былъ совершать не по своей, а по чужой волѣ. Я одѣвался не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, а какъ мнѣ было приказано. Я кланялся не тому, кому хотѣлъ, а кому приказывали. Я молился не тогда, когда у меня было къ тому расположеніе, а тогда, когда меня «гоняли» въ церковь. Я не могъ выйти гулять, когда мнѣ хотѣлось. Я не имѣлъ права показываться на улицѣ позже восьми часовъ, такъ какъ это запрещалось. Я не могъ совершить ни одного поступка по своему желанію. Каждое мое движеніе было предусмотрено и оговорено въ особомъ параграфѣ и—или запрещалось, или вливалось въ нежелательную для меня форму. Въ теченіи девяти лѣтъ я не совершилъ дви-

женія и не подумалъ о какомъ либо предметѣ по собственному выбору. Къ концу концовъ я отвыкъ думать безъ указки, отвыкъ поступать безъ приказанія. И, съ тѣхъ поръ, вся моя жизнь только въ томъ и состоитъ, что мной кто нибудь командуетъ: придетъ одинъ (человѣкъ или направление какое-нибудь — это все равно), покомандуетъ и броситъ,—и я лежу до тѣхъ поръ, пока не попаду подъ чью-либо повую команду. И когда, наконецъ, я рѣшился жить по своей волѣ, по своему желанію, по своей мысли, оказалось, что я ничего не понимаю, ничего не умѣю и могу только лежать да хныкать.

Есть, еще зло, оставленное мнѣ въ наследство гимназіей. Зло это—привычка къ лжи, притворству, лицемерію. Постоянно приходилось притворяться, что вся та дрянь, которою обязательно набивалась голова, меня очень интересуетъ, кажется ужасно важною, и это приходилось практиковать не только по отношенію къ начальству, но и по отношенію ко всякому: какое-то дрянненькое самолюбьице мѣшало открыто признать, что мои занятія, въ сущности, бесплоднѣе и бессмысленнѣе толченія воды въ ступѣ. Затѣмъ приходилось лицемерить и лгать чуть не ежеминутно, чтобы скрыть постоянныя, невольныя нарушенія разныхъ правилъ, инструкцій, запрещеній и проч. И, къ концу концовъ, эта ложь до такой степени вошла въ мои привычки, лицемеріе до того слилось съ моею натурою, до того стало естественнымъ для меня притворяться, что даже теперь, перебирая наединѣ свое прошлое, я не могу вполне отдѣлаться отъ этой, ставшей для меня потребностью, привычки лицемерить и лгать,—и только съ великимъ трудомъ, послѣ цѣлаго ряда ломаній и кривляній, я могу признать самъ себѣ, что въ настоящей моей дряблости виноваты далеко не одни гимназическіе порядки.

Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Не одна гимназія виновата въ моемъ ничтожествѣ. Развѣ вся та дрянь, которая налипла на меня въ теченіи девяти лѣтъ пребыванія въ гимназій, не слетѣла съ меня немедленно же, лишь только я получилъ этотъ аттестатъ, ради котораго столько силъ гибнетъ, столько здо-

ровья тратится, столько уродовъ создается? Развѣ я не чувствовалъ себя сильнымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ, оставляя давнишя меня девять лѣтъ стѣны? Развѣ я не ощущалъ въ себѣ силы сдвинуть съ мѣста горы? Правда, это настроеніе продолжалось не долго,—всего два года. Но развѣ эти два года не доказали мнѣ, что можно было избавиться отъ всей грязи, нажитой въ теченіи девяти лѣтъ?

И какіе хорошіе были эти два года! Какимъ счастливымъ и довольнымъ чувствовалъ я себя тогда!

Я уѣхалъ въ горы и тамъ впервые понялъ величіе природы и увидѣлъ, до чего можетъ быть хорошо это бѣдное, жалкое созданье—человѣкъ.

Мнѣ мучительно тяжело вспоминать этотъ періодъ моей жизни, а въ тоже время и чрезвычайно пріятно. Говорятъ, что есть люди, которымъ доставляетъ удовольствіе зубная боль. Не знаю, насколько въ этомъ правды, но я въ настоящее время испытываю нѣчто подобное: каждое воспоминаніе отзывается въ моемъ сердцѣ мучительною болью, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ мнѣ необыкновенное наслажденіе. Оттого-то мнѣ и хочется, страстно хочется всецѣло погрузиться памятью въ прошлое и въ тоже время ужасно страшно. Оттого-то я и доставляю себѣ это удовольствіе, — а въ тоже время и страданіе—лишь по частямъ, по кусочку: то вспомню одинъ эпизодъ изъ этаго прошлаго, то другой, то остановлюсь на одной сторонѣ своей тогдашней жизни, то на другой.

Я былъ станционнымъ учителемъ. Станція Петровская заброшена въ самую глубь некультурнаго края, — въ одно изъ ущелій Кавказскаго хребта. Жизнь здѣсь идетъ въ значительной мѣрѣ патриархальнымъ порядкомъ. Кабакъ всего одинъ,

да и тотъ торгуешь не особенно бойко. Купечества—еще нѣтъ. Мнѣ, не выѣзжавшему нигуда изъ своего роднаго городишки, гдѣ мнѣ всѣ такъ надобли, станичаче показались чуть не ангелами. Отношенія мои въ населенію съ самаго начала установились хорошія. Учениковъ я полюбилъ, и ученики тоже полюбили меня. Я не училъ ихъ, гдѣ верхъ, гдѣ низъ, что значить вправо и что влево, не посвящалъ цѣлыхъ уроковъ для обсужденія глубокомысленныхъ вопросовъ о томъ, что у коровы четыре ноги, а у лошади сколько? Въ нашей глуши эти фокусы-покусы не считались обязательными, да я и самъ тогда не подозрѣвалъ ихъ существованія и только позднѣе узналъ о нихъ. Но за то у меня всѣ учепки выучивались читать и писать—и притомъ правильно—и всѣ отлично знали ариметику. За то я едва успѣвалъ удовлетворять любопытство дѣтей, сообщая имъ то, что ихъ интересовало. За то, какъ развивалась у моихъ учениковъ наблюдательность и умѣнье излагать свои мысли, когда обнаружилось, что многое они знаютъ больше меня и во многомъ могутъ быть моими учителями и когда я дѣйствительно дѣлался ихъ ученикомъ!

Вся моя жизнь была наполнена сношеніями съ учениками. Утромъ, когда я еще спалъ, часовъ въ 5 или 6 (я говорю про учебное время), на школьномъ дворѣ появлялись маленькіе козачки и пресерьезно начинали работать: одинъ рубилъ дрова, другой тащилъ ихъ въ классную комнату, третій за-тапливалъ печь, четвертый подметалъ полъ и т. д. Въ нашей школѣ не было сторожа и все приходилось бы дѣлать мнѣ самому; но дѣти не давали мнѣ почти ничего и все устраивали раньше, нежели я просыпался. Окончивъ уборку класса, ребяташки шли будить меня безжалостнымъ стукомъ въ дверь и самымъ безшабашнымъ крикомъ. Если я вѣжился въ постели и долго не вставалъ, мои маленькіе друзья устраивали мнѣ серенаду: одинъ начиналъ ржать, другой—мычать, третій—лаять, четвертый просто раздвѣвалъ ротъ и кричалъ что было мочи и т. д. По неволѣ приходилось вставать и отпирать дверь моимъ тиранамъ. Съ крикомъ, гикомъ, ревомъ, свистомъ вска-

кивали они въ мою комнату, здоровались со мной, хватали самоваръ и прежде, чѣмъ я успѣвалъ одѣться, мой слухъ уже услаждался веселымъ пѣніемъ этой, единственной придуманной русскими, машины. Мы всѣ стали плавались вокругъ самовара и веселыми замѣчаніями, остротами, прибаутками заставляли его кипѣть поскорѣе. Затѣмъ начиналось чаепіе. Ребяшки пили мало, «для блезиру» или «для компаніи», какъ говорили они. Но я, грѣшный человѣкъ, люблю попить чайку, — и мы сидѣли вокругъ самовара обыкновенно около часу. И все это время идетъ непрерывное веселье, шутки, хохотъ. Дѣтшки рассказываютъ, что они видѣли и слышали. Рассказъ идетъ за рассказомъ. Каждому хочется что-нибудь рассказать, вложить и свою лепту въ общее веселье. Иногда завяжется споръ: маленькіе диспутанты такъ и сыпать другъ въ друга стрѣлами краснорѣчія, раскраснѣются, вспотѣютъ, — и все это закончится общимъ хохотомъ, визгомъ, крикомъ.

Начинаются занятія. Весело по прежнему. Только теперь разговоры почти не удаляются отъ предметовъ занятій. Меня такъ и тормозятъ во всѣ стороны: каждый хочетъ, чтобы я посмотрѣлъ, что онъ сдѣлалъ, каждому хочется рассказать только что услышанное отъ меня. Любимцевъ не должно быть, всѣ обижаются и ревнуютъ, если я лишній разъ спрошу кого нибудь, или, не въ примѣръ другимъ, посмотрю тетрадку только одного ученика. Справедливость въ этомъ отношеніи установить трудно, но, при помощи самихъ учениковъ, возможно.

Въ классѣ стоитъ шумъ, пока я не обращаюсь ко всѣмъ. Но стоитъ мнѣ только захотѣть, чтобы меня услышали всѣ — и въ классѣ воцаряется мертвая тишина. И какая внимательность къ моимъ словамъ: ни одно слово не будетъ пропущено, ни одна фраза не оставлена безъ вниманія, ни одинъ сообщенный фактъ — безъ усвоенія.

Но больше всего они любили, чтобы я имъ читалъ. Книжки были разныя. Имъ нравилась исторія, нравились рассказы про жизнь другихъ народовъ, но всего болѣе нравилось чтеніе по поводу предметовъ и явленій, которыя были доступны ихъ на-

блюденію. Около ставицы текла рѣчка, въ которой мы не разъ ловили рыбу,—и вотъ они съ удовольствіемъ слушали чтеніе о рыбныхъ породахъ, о разныхъ способахъ рыбной ловли, о разведеніи рыбъ и т. д. Ставица вся была въ садахъ,—и мы читали книжки по садоводству и затѣмъ весною примѣняли читанное къ дѣлу,—производили колеровки и прививки, совершали пересадки и посѣвки, выписали черенки и некоторыхъ породъ плодовыхъ деревьевъ и т. п. Въ станицѣ начали появляться переселенцы изъ внутреннихъ губерній,—и вотъ мы начали читать рассказы о житьѣ-бытьѣ русскаго мужика.

Случалось, что по тому или другому предмету ученики знали больше меня или больше книги. Тогда я превращался въ ученика и выслушивалъ сообщенія моихъ маленькихъ пріятелей. Если знающимъ оказывался одинъ ученикъ, вся школа слушала его съ такимъ же вниманіемъ, какъ и меня. Если же знали, что-нибудь все, тогда рассказчика постоянно перебивали и пополняли новыми подробностями.

Зимую школа была полна и до обѣда, и послѣ обѣда. Но съ началомъ весны, мы отправлялись послѣ обѣда въ лѣсъ. Здѣсь, гдѣ-нибудь на большой полянѣ, мы устраивали игру въ лапгу, въ козаки, въ бабки, бѣгали, ловили другъ друга, барахтались, искали масленокъ, грибовъ, спускались къ рѣкѣ, ловили рыбу, купались. Взрослые, проходя мимо насъ, только подсмѣивались; но подсмѣивались весело, добродушно, любовно. И нельзя было иначе отнестись къ кучкѣ маленькихъ, кругленькихъ казачатъ, одѣтыхъ въ бешметы, въ чекмена или даже въ черкески съ газырями, веселыхъ, прыгающихъ, скачущихъ вокругъ своего учителя, барахтающихся съ нимъ, хватающихъ его за полы, валящихся на землю и громкимъ крикомъ торжествующихъ свою побѣду надъ нимъ.

Лѣтомъ—я постоянно жилъ въ полѣ, то переходя отъ одного табора работающихъ къ другому, то оставаясь по нѣскольку дней тамъ, гдѣ мнѣ больше нравилось. Я учился работать и въ этомъ отношеніи былъ на одномъ положеніи съ своими учениками. Вмеѣстѣ съ ними я упражнялся въ косить

гдѣ-нибудь въ сторонкѣ отъ настоящаго покоса; вмѣстѣ съ учениками громадилъ, возилъ копны къ стогамъ, ѣздивъ за водой, таскалъ снопы и проч. И здѣсь, въ этомъ постоянномъ общеніи съ дѣтьми, на настоящемъ дѣлѣ, еще сильнѣе затаивались связывающія насъ узы, еще крѣпче становилась наша дружба, еще интимнѣе—наши отношенія.

И какъ они любили меня! Моя болѣзнь причиняла серьезныя страданія тремъ десяткамъ дѣтскихъ сердець (наша школа была маленькая—по стаицѣ), мое выздоровленіе служило праздникомъ для нихъ. Мое горе было ихъ горемъ, и горе каждаго изъ нихъ было моимъ горемъ. Ко мнѣ они шли и радоваться, и плакать. Мы жили одною жизнью...

А сколько было горя, плача и рыдапій, когда я уѣзжалъ на всегда. Какъ сейчасъ помню эту сцену. Это было рано утромъ въ воскресенье, когда по настоящему всѣ должны были спать, кромѣ ретивыхъ хозяекъ, выгоняющихъ коровъ, да пастуха. Я скрывалъ время своего отъѣзда, боясь разревѣться при прощаніи. Но меня стерегли, и лишь только я, уложивши свой скудный скарбъ въ телѣгу, вышелъ окопчательно изъ зданія школы, съ тѣмъ чтобы садиться и ѣхать, какъ во дворъ ворвалась толпа маленькихъ человѣчковъ и бросилась ко мнѣ: передніе уцѣплялись за меня, повисли и замерли... Никогда не забыть мнѣ этой минуты!..

Мы стояли на корридорчикѣ, пристроенномъ къ дому. Едва поднявшееся надъ горизонтомъ солнце еще не могло согрѣть земли и въ воздухѣ чувствовалась утренняя свѣжесть. Тихій вѣтерокъ легко дулъ и нѣжно шевелилъ листки стоявшей надъ ними акаціи; листки тихо шелестѣли и словно шептались между собою. Издали доносился ревъ коровъ, уже выгнанныхъ пастухомъ изъ села. По двору ходили куры, гуси и утки и разнообразнѣйшими звуками проявляли свою жизнь. Садикъ, стоявшій позади дома, начиналъ оглашаться щебетаніемъ птичекъ. Все было весело, радостно, все дышало жизнью. Только мы стояли среди всей этой жизни, разбитые, измученные, съ тяжелымъ горемъ на сердцѣ и съ слезами на глазахъ...

Какъ и зачѣмъ это случилось? Развѣ я не былъ доволенъ, не былъ удовлетворенъ? И да, и нѣтъ.

Первый годъ я весь отдался школѣ и школьникамъ. Я былъ въ какомъ-то чадѣ. Я, дотошъ никогда и никѣмъ не любимый и никого не любившій (дѣтство мое было ужасно безобразно, до того безобразно, что я не рѣшаюсь его вспомнить), вдругъ получилъ столько любви отъ своихъ учениковъ и самъ любилъ ихъ всѣми силами своей молодой души. Я просто опьянѣлъ отъ избытка счастья; я забылъ все и всѣхъ, кромѣ своихъ дѣтей; я ничѣмъ болѣе не интересовался, кромѣ школы, ни о чемъ ничего не хотѣлъ знать, кромѣ того, что имѣло то или другое отношеніе къ школѣ и школьникамъ. Я думалъ, что вся моя жизнь пройдетъ при тѣхъ же условіяхъ и что я всю жизнь буду также счастливъ, какъ былъ счастливъ тогда. Вообще же я не задумывался надъ будущимъ: настоящее поглощало меня всецѣло.

Но съ начала второго года началось недовольство. Дѣти любили меня по прежнему; и мнѣ кажется, что я также любилъ ихъ по прежнему. Но этого для меня оказывалось уже мало, это уже не наполняло моей жизни. Я сталъ чувствовать потребность въ обществѣ взрослыхъ. Мнѣ нужно было говорить съ кѣмъ-нибудь о такихъ предметахъ, о которыхъ я не могъ говорить съ дѣтьми. Предметы эти не были чѣмъ-нибудь новымъ, чуждымъ моей школьной дѣятельности. Это были—моя радость по поводу успѣховъ того или другаго ученика, сначала не подававшего никакаго надежды, мое горе по поводу плохихъ занятій какого нибудь Вани или Миши, и т. п. Словомъ, явилась потребность дѣлиться своими чувствами, какъ взрослога человѣка, отдавать кому-нибудь на оцѣнку результаты своей дѣятельности, поговорить съ кѣмъ-нибудь серьезно, но взрослому. Я сталъ присматриваться къ жизни взрослыхъ обитателей станицы и искать между ними людей, съ которыми могъ бы сойтись и удовлетворить своей потребности общенія.

И тутъ-то я увидѣлъ и узналъ многое такое, что совершенно уничтожило для меня возможность счастливаго состоянія.

Я толкался и прежде среди станичанъ; но, поглощенный одною мыслью и однимъ дѣломъ, я не обращалъ никакого вниманія ни на взаимныя отношенія бывшихъ предо мною людей, ни на ихъ радости, ни на ихъ страданія. Многого я не замѣчалъ, надъ многими не задумывался и проходилъ мимо всего. Теперь было не то. И теперь я увидѣлъ такія картины народныхъ страданій, бѣдствій, несчастій, которыя мнѣ не забыть никогда и послѣ которыхъ мнѣ уже не быть никогда довольнымъ и счастливымъ...

Рядомъ съ школою жилъ довольно бѣдный казакъ, мой хорошій знакомый. Хорошимъ знакомымъ мнѣ онъ былъ въ томъ смыслѣ, что заходилъ ко мнѣ иногда по праздникамъ и жаловался на свою тяжелую жизнь. Въ жалобахъ этихъ нерѣдко фигурировала большая бабушка. Но я какъ-то не придавалъ значенія этимъ жалобамъ; теперь же я рѣшился посмотреть, какъ живетъ мой знакомый, и съ этою цѣлью отправился къ нему. То, что я увидѣлъ положительно поразило меня: я никакъ не ожидалъ встрѣтить такой бѣдности, какую нашелъ въ избѣ сосѣда. Но самое ужасное было, безспорно, бабушка. Она лежала на лавкѣ, подъ грудой всевозможныхъ тряпокъ, и вся тряслась: ее уже пять лѣтъ трепала перемежающаяся лихорадка. Въ первые годы болѣзни, несчастная подвергалась пароксизмамъ лихорадки не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, а теперь ея мученія повторялись черезъ день. Это было жалкое, изсохшее существо, представлявшее собою кожу да кости. Она искренно желала себѣ смерти и постоянно просила ее у Бога. Также искренно желали ей смерти и ея домашніе, которымъ она была слишкомъ тяжелою обузою: ее не только приходилось даромъ кормить, но еще для нея, какъ для ребенка, пужно было въ дни страды, когда вся семья жила по недѣлямъ на полѣ, нанимать дѣвочку—няньку. Я нѣсколько разъ заходилъ къ этой несчастной старухѣ и всякій разъ слышалъ отъ нея: «хоть бы умереть скорѣй! И когда это Господь приберетъ меня!»... Если при этомъ присутствовалъ кто-нибудь изъ семейныхъ, онъ непременно добавлялъ:

«да ужь пора-бы! А то одно мученье и намъ, и ей»!.. Меня все это ужасало; но въ то же время, присматриваясь къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ жила эта семья, къ страшной нуждѣ, которую она терпѣла, къ тяжелому, неимовѣрному труду, которымъ она добивалась права на существованіе, я съ немалымъ ужасомъ чувствовалъ, что я не только начинаю понимать, но и оправдывать отношенія семьи къ старухѣ. Чисто зоологическая жестокость этихъ отношеній дѣлалась мнѣ понятной и извинительной. Это меня мучило, причиняло страданія; я злился на себя, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ все болѣе и болѣе казалось естественнымъ, что всѣ такъ единодушно желаютъ смерти старухи...

А такихъ случаевъ, когда пожелать человѣку смерти, было не только естественно, но даже доброжелательно, вдругъ обнаружилось предъ моими глазами много и очень много. Вотъ, напр., однажды мнѣ пришлось зайти въ жалкую маленькую избушку, стоявшую на самомъ краю станицы. На дворѣ, прилегавшемъ къ избушкѣ, не было ни сарайчика, ни закуты, ни база; дворъ не былъ обгороженъ: видно, что обитателямъ этого двора нечего было прятать подъ сараями, нечего загонять въ закуты; очевидно, имъ нечего было бояться, что недобрый человѣкъ заберется къ нимъ во дворъ и угонитъ скотину черезъ маленькую канаву, которая одна обозначала границы двора. Только одно хозяйственное строеніе стояло среди двора—курникъ: очевидно было, что куры—единственныя домашнія животныя, которыя могли быть у хозяевъ такого двора. Самая изба поражала своею убогостью: микроскопически малая, какъ-то покосившаяся на одну сторону, она покрыта смѣсью навоза съ соломою; окна съ частью заклѣены бумагою, частью заткнуты тряпками; труба—изъ плетня, обмазанная глиною. Очевидно было, что здѣсь приютъ безпомощной голи.

При входѣ въ избу, меня поразилъ рѣзкій, отвратительный запахъ. Черезъ минуту я узналъ и причину этого запаха: передо мной стоялъ человѣкъ съ ракомъ на лицѣ. Страшная язва зияла на томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть губы и носъ, и

издавала смрадный запахъ. Несчастный постоянно закрывалъ лицо грязной отвратительной тряпкой; но когда ему приходилось говорить, онъ нѣсколько открывалъ тряпку, — и тогда моимъ глазамъ представлялась страшная, возбуждающая дрожь въ тѣлѣ и леденящая кровь въ жилахъ, картина...

Я постоялъ надъ этимъ заживо разлагающимся челоуѣкомъ, посмотрѣлъ на него и — вышелъ. Что я могъ сдѣлать? Какую помощь я могъ оказать несчастному? Я могъ только плакать да пожелать ему скорой смерти...

Но весь ужасъ этихъ впечатлѣній былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я испыталъ, когда увидѣлъ, что въ станочной жизни, подъ ея видимою патриархальностью, царила самая безсовѣстная эксплуатація, самый безшабашный разбой и что въ этомъ разбоѣ принимали участіе почти всѣ казаки, показавшіеся мнѣ такими славными, добрыми, хорошими людьми. И что всего ужаснѣе, это то, что когда я понималъ, какіе разбойники были всѣ эти добродушно улыбающіеся старики и солидные казаки, я въ то же время ясно видѣлъ, что въ сущности всѣ они были все таки добрыми людьми.

Они разбойничали по отношенію къ переселенцамъ и притомъ разбойничали ужасно, безцеремонно и безпощадно. Въ это время въ станцу понаѣхала цѣлая масса безземельныхъ, разоренныхъ, ободранныхъ переселенцевъ. Ихъ было такъ много, что рѣдная казачья семья не имѣла у себя на задворкахъ, гдѣ-нибудь въ сараѣ или амбарѣ, одной или двухъ семей переселенцевъ. Эти несчастные дѣлались настоящими рабами своихъ хозяевъ: за право пасти скотъ на выгонѣ, за отрѣзку маленькаго куска земли въ ихъ пользу отъ надѣла казачьей семьи, за уступку амбара подъ жилище, они облагались такою массою повинностей, какъ въ пользу всего станочнаго общества, такъ и въ пользу своихъ хозяевъ, что для себя они могли заработать лишь столько, чтобы не умереть съ голоду. Казаки грабили ихъ безо всякой пощады.

А между тѣмъ, тѣ-же казаки были необыкновенно нѣжны

къ своимъ дѣламъ, охотно помогали другъ другу и были очень добры ко мнѣ...

Вообще вспоминать все это ужасно тяжело, да и нѣтъ никакого резона. Достаточно припомнить тотъ фактъ, что мои ученики, въ которыхъ я вкладывалъ свою душу, однажды, на моихъ глазахъ, закидали грязью переселенческаго мальчика за то только, что онъ былъ «инегородній». И какъ они бойко научились выговаривать это слово!

Все закружилось, завертѣлось, перепуталось у меня въ головѣ. Я ничего не могъ понять, не могъ ничего уяснить, не могъ разобраться. Я видѣлъ только, съ безпощадною ясностью видѣлъ, что мои школьныя занятія въ сущности — бесполезнѣйшее дѣло и что не въ нихъ сила.

Но что же дѣлать? Вотъ тутъ-то и проявилась сила того вліянія, которое оказало на мою душу гимназія. Оказалось, что я, самъ, безъ указки, не могу ничего придумать, что я просто неспособенъ къ самостоятельному мышленію. И я... уѣхалъ въ Питеръ искать указки...

Какое это было потѣшное время, когда я бѣгалъ по Петербургу и искалъ «свѣта!»

Помню я одну сцену, видѣнную мною въ одинъ осенній вечеръ. По улицѣ шло пять оборванныхъ, общипанныхъ до нельзя босяковъ. Двое изъ нихъ были одѣты въ арестантскіе халаты, причемъ этими же халатами они прикрывали и голову. Остальные трое были одѣты въ свое, по это «свое» состояло изъ однихъ дыръ и клочковъ. За ними, съ книжкою подъ мышкою, шелъ типическій гусеобразный городовой. Онъ былъ одинъ, а ихъ было пятеро; и, тѣмъ не менѣе, они шли туда, куда велъ онъ ихъ, и онъ могъ даже давать имъ подзатыльники. И если бы они вздумали бѣжать, то попались бы въ руки какого-либо другого городского.

Это было въ то время, когда я насмотрѣлся всякихъ «сценокъ», и потому, глядя на оборванцевъ, могъ резони-

ровать. И казалось мнѣ, что видѣнная мною сцена была аллегорією, изображавшею мою душу. У меня нѣтъ ничего «своего» и я шелъ туда, куда вели меня, и разъ я вырывался изъ рукъ одного стража, я тотчасъ же попадалъ въ руки другаго.

Такъ я и переходилъ отъ одного городского къ другому, и каждый изъ нихъ расхваливалъ свою лавочку и безпощадно возносилъ всѣ другія. Это было очень подозрительно, и будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ положительный, онъ сразу бы, помельшей мѣрѣ, отнесся критически къ предъявляемымъ ему системамъ. Но я слишкомъ увлекающійся человѣкъ и потому увлекался поочередно системами всѣхъ проповѣдниковъ. И какъ знать, остановись я на какой-нибудь изъ этихъ системъ и дѣйствуй въ ея духѣ, я не только былъ бы счастливъ, но и, быть можетъ, прославился-бы.

Но въ томъ-то и дѣло, что я не могъ остановиться ни на одной изъ ходячихъ системъ. Какъ только я увлекался какою-нибудь изъ нихъ и чувствовалъ себя вполне приверженцемъ ея, я непременно натыкался на какой-нибудь фактъ, который никакъ не укладывался въ рамки системы и распиралъ ихъ. Я ясно видѣлъ, что система — продутъ мертвечины, бросалъ ее и хныкалъ до тѣхъ поръ, пока не увлекался новой системой.

Такъ, немедленно-же по приѣздѣ въ Питеръ, я увлекся благородной системой, сулившею наступленіе всеобщаго благоденствія... черезъ тысячу лѣтъ. Это былъ немного долгій срокъ, но, въ виду всяческихъ благополучій, которыя должны были произойти послѣ проведенія системы въ жизнь, я согласился ждать. И я успокоился. Но не на долго. Явился фактъ и опрокинулъ систему.

Фактъ этотъ явился поздно вечеромъ на Невскомъ. Я возвращался въ нѣкоторомъ родѣ съ «собравія». Голова у меня вся въ «эмпирахъ». Вдругъ ко мнѣ подошла барышня, взяла за руку и съ какимъ то сюсюканьемъ заявила мнѣ:

— Цыпочка, поѣдемъ?

Я остолбенѣлъ. Въ нашихъ захоlustьяхъ такой «благоустроенности», чтобы на улицѣ, да еще въ центрѣ города, шла такая пикантная торговля, пѣтъ. И я ничего не понималъ.

— Что такое? куда поѣдемъ? только и могъ спросить я. Это было конечно глупо и дѣвица разсмѣялась.

— Да куда хочешь: въ номеръ, а хочешь — ко мнѣ...

Я продолжалъ не понимать.

— Зачѣмъ же это? спрашиваю.

Дѣвица еще пуще развеселилась.

— Да что вы малый ребенокъ, чтоли? не знаете, зачѣмъ: извѣстно, зачѣмъ...

— Да кто вы такая?

— Я-то? Вотъ тебѣ и на! не узналъ сову по полету... вотъ кто я! Пойдемъ, милашка, будетъ бобы-то разводить...

Она была очень недурная; ротикъ у ней былъ маленькій, но, тѣмъ не менѣе, изъ него выходили ужасныя скверности.

Я рванулся и убѣжалъ. Но черезъ минуту я былъ снова атакованъ повою дѣвицею. Я бѣжалъ и отъ ней. Но тамъ подходила третья. Я взялъ извозчика и уѣхалъ домой.

На другой день я былъ у проповѣдника и спросилъ, какъ должно отнестись съ точки зрѣнія его системы ко вчерашнему факту. Онъ отвѣтилъ, что нечего дѣлать, нужно пройти мимо. Я плюнулъ и ушелъ.

Я долго мучился. Потомъ снова увлекся новою проповѣдью и снова былъ спокоенъ. Но снова явился фактъ — и снова все пошло въ черту.

Фактъ этотъ былъ ужасенъ. Даже теперь, наглядѣвшись всего, я не могу безъ содраганія вспомнить его. Тогда же онъ чуть не довелъ меня до самоубійства.

Разъ какъ-то я долго ходилъ по Петербургу въ самомъ розовомъ настроеніи. Все было рѣшено и подписано. Система была полная, всесторонняя и, казалось, принимала все во вниманіе. Было такъ легко и пріятно, что я даже не разъ принимался посвистывать. И вотъ, завернувши за уголъ какой-то улицы, я увидѣлъ картину.

Какъ разъ передо мной, у порога молочной лавки, стоялъ старикъ, въ коричневомъ халатѣ, подпоясанномъ веревкою, въ донельзя истоптанныхъ башмакахъ, безъ шапки. Въ дверяхъ лавки стояли два жирныхъ, краснощекихъ, въ фартукахъ, лавочника. Кругомъ уже собралось нѣсколько любопытныхъ. Когда я натолкнулся на эту сцену, одинъ изъ лавочниковъ говорилъ:

— Ну, чтожь, милый, ползи; вѣдь тягость то не большая... А то ты все на шармачка хочешь деньги получать. Нѣтъ, братъ, шалишь: проползи вотъ до того угла и получай пятакъ серебромъ. Такъ-то. И Богъ, вѣдь, труды любитъ.

— Ха-ха! гремѣла публика: такъ, такъ, это вѣрно! Ха!.. Старикъ молчалъ.

— Не хочешь? продолжалъ тотъ же лавочникъ: не любо, значить? Ну, давай, мы тебѣ спину вымажемъ краской за пятакъ, все публикѣ развлеченіе.

— Ловко! подержала публика. Ха! ха!

Старикъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ мрачнымъ, болѣзненнымъ взглядомъ и рѣшительно сказалъ:

— Мажь!

Лавочникъ вынесъ въ ведрѣ какую-то жидкость и измазалъ ею спину старикова халата. Затѣмъ вынулъ изъ кармана пятакъ и подаль старикъ.

— Мы, чтожь, мы расплачиваемся честь-честью, за что нанялся; то и получай.

— Такъ, такъ! Ха-ха! гоготали собравшіеся.

Старикъ молча взялъ деньги, надѣлъ шапку и пошелъ. Публика начала расходиться.

Тутъ только я очулся. А все время, пока происходила безобразная сцена, я стоялъ словно одурѣлый. Миѣ и въ голову не пришло дать старикъ пятакъ и тѣмъ прекратить разыгравшуюся передо мною мерзость. Я просто ошалѣлъ. Но за то теперь я почувствовалъ страшную злобу и къ себѣ, и къ проповѣднику системы.

Вскорѣ я имѣлъ съ нимъ разговоръ. Онъ рѣшительно за-

явилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не далъ бы старку ни гроша.

— Почему? спрашиваю.

— А такъ. Пусть грабятъ и этимъ путемъ заставятъ общество обратить на себя вниманіе. Вотъ еслибы онъ, вмѣсто того, чтобы просить милостыню, сгрѣбъ меня за шиворотъ да встряхнулъ хорошенько, тогда я далъ бы ему, да не пятакъ какой-нибудь, а все, что есть у меня въ карманѣ. А теперь не дамъ ни копѣйки.

— Но послушайте: вѣдь, это хорошо было бы, еслибы онъ грабилъ такихъ дармоѣдовъ, какъ мы съ вами. Но разъ онъ выступитъ на путь грабежа, ему некогда будетъ, да и не будетъ ни возможности, ни резона разбираться, кто дармоѣцъ, а кто нѣтъ, и онъ будетъ грабить и такихъ людей, которые зарабатываютъ свой хлѣбъ честнымъ трудомъ: можетъ ограбить вонъ того рабочаго, что разбиваетъ щебень на мостовой. Чѣмъ же этотъ послѣдній виновать? Онъ чужаго хлѣба не заѣдаетъ.

— А тѣмъ и виновать, что у него есть работа, а у этаго нищаго нѣтъ. Если онъ не заѣдаетъ чужой хлѣбъ, то очень можетъ быть, что онъ лишаетъ другаго работы...

— Ну, а тѣмъ, кто не имѣетъ силъ для грабежа, что дѣлать?

— Пусть воруютъ.

— Ну, а кто и воровать не можетъ, маленькія дѣти, напримеръ?

— Тѣ пусть мрутъ на улицахъ: все же будетъ протестъ.

Это была именно та зоологическая жестокость, отъ которой я бѣжалъ въ Петербургъ. Я выразилъ это своему собесѣднику.

— А вы, въ такомъ случаѣ, обманщикъ! отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Какъ-такъ?

— Очень просто. Ну, скажите на милость, какая польза отъ того, что вы подадите нищему пятакъ?

— Польза та, что тогда у него явится возможность пе-

речевать подъ крышей, тогда какъ теперь ему приходится мерзнуть подъ открытымъ небомъ.

— Хорошо; но у него есть еще и другія потребности, кромѣ потребности въ кровѣ. Ему хочется ѣсть, онъ весь оборванный, а теперь наступаютъ холода. Хорошо, если найдутся такіе же чудаки, какъ вы, которые дадутъ ему денегъ и на хлѣбъ и на одежду. Но это чистая случайность и при томъ обилии голодныхъ, которое замѣчается теперь всюду, и при жестокости нашихъ нравовъ—случайность очень рѣдкая, можно сказать, исключительная. Рано или поздно предъ благодѣтельнымъ вами субъектомъ предстанетъ диллема—или украсть, или умереть съ голоду; рано или поздно онъ долженъ или сдѣлаться грабителемъ, воромъ, или стать жертвою холода и голода. Что же толку изъ того, что вы на одинъ день отстрочите отъ нищаго страшную необходимость считаться съ названной диллемой? Единственный результатъ вашей благогрительности тотъ, что вы успокаиваете самого себя, свою совѣсть. Результатъ очень печальный: и завѣдомые грабители тоже успокаиваютъ свою совѣсть грошовыми добрыми дѣлами. Нѣтъ, не вдавайтесь въ этотъ самообманъ! Мучайтесь, страдайте, терзайтесь—это полезно. Ваши страданія дадутъ вамъ возможность составить хоть нѣкоторое представленіе о страданіяхъ народа. И выстрадавши пониманіе народа, его горя, его нуждъ, вы сдѣлаетесь полезнымъ членомъ общества, вы станете нужнымъ и полезнымъ народу...

Все это было очень краснорѣчиво, но въ то же время и очень гнусно. И я отвѣчалъ:

— Я видѣлъ много страданій народныхъ лицемъ въ лицу и имѣю объ нихъ не «хоть нѣкоторое представленіе», а самое надлежащее. Но не объ этомъ разговоръ. Я желаю, чтобы вамъ пришлось хотя бы только въ теченіи недѣли ночевать въ зимнюю пору полураздѣтымъ на мостовой...

Этимъ и кончились мои сношенія съ ораторомъ и связь съ его системой.

Затѣмъ я натолкнулся на новую систему. Но представители ея сразу прогнали меня отъ себя вопросомъ:

— Развѣ мы имѣемъ право унижать кого-либо, подавая ему милостыню?..

Много и еще разныхъ системъ прошелъ я, пока не натолкнулся на такую, которая сразу отучила меня отъ бѣганья по проповѣдникамъ. Правда, эта послѣдняя система стояла особнякомъ отъ всѣхъ другихъ: она была полна жестокости, не стихійной, зоологической, а сознательной, и притомъ направленной противъ всего міра. Эта встрѣча переполнила чашу моего терпѣнія.

Это были «послѣдовательные марксисты». По крайней мѣрѣ, они сами себя такъ называютъ, хотя Марксъ трижды проклялъ бы ихъ, еслибъ зналъ о ихъ существованіи. Ихъ ученіе очень интересно. Вотъ какъ они развивали мнѣ его:

Марксъ доказалъ, что всякое общество должно пройти черезъ періодъ господства капитала и что капиталистическій строй носитъ въ самомъ себѣ и причины своего разрушенія, и задатки новаго, лучшаго строя. Міръ только тогда обновится, когда человѣчество обратится въ скопище бездомныхъ, нищихъ, пролетаріевъ, работающихъ на кучку счастливицевъ; только тогда человѣчество сознаетъ причины зла, только тогда оно пойметъ необходимость переустройства жизни на новыхъ началахъ. И потому давайте работать для скорѣйшаго воцаренія капитала, для скорѣйшаго приведенія человѣчества въ состояніе пролетаріата, для скорѣйшаго разоренія и закабаленія народа. Давайте заводите фабрики, заводы, давайте заниматься сельскимъ хозяйствомъ, съ единственною цѣлью — хорошенько поприжать народъ, хорошенько пограбить его, не такъ, какъ его теперь грабятъ кулакъ, по домашнему, безсистемно, а по всѣмъ правиламъ и указаніямъ науки: тогда онъ пойметъ, гдѣ причины зла... Нужды нѣтъ, что народъ выродится, что его кишечный каналъ станетъ вдвое длиннѣе натурального, что онъ весь обратится въ сифилитиковъ,—нѣтъ нужды! За то народъ тогда пойметъ!..

И все это подкрѣпляется ссылками на науку: наука это доказала... Наука доказала, что нужно обратить народъ въ собраніе идіотовъ, полуживотныхъ, чтобы онъ понялъ «это»...

Эта встрѣча была моимъ послѣднимъ првлюченіемъ. Съ тѣхъ поръ я легъ. Лежу и слушаю капареекъ...

О, не подумайте, что я ставлю себя выше авторовъ и проповѣдниковъ разныхъ системъ. Совсѣмъ нѣтъ. Я прямо говорю, что меня хватаетъ только на критику, да и то лишь подъ вліяніемъ фактовъ, бьющихъ меня прямо по головѣ. Додуматься же до чего-либо своего, чѣмъ можно было-бы замѣнить отвергнутое, я не могу. Потерявъ равновѣсіе, я способенъ только лежать да хныкать.

На дняхъ ко мнѣ зашли два пріятели. (Какъ это ни странно, а у меня очень много пріятелей.) Одинъ изъ пришедшихъ былъ человекъ положительный, другой изъ хныкающихъ. Въ разговорѣ, положительный обратился къ намъ съ такимъ возваніемъ:

— Чего вы все хнычете? Отчего вы не пристроитесь ни къ какому дѣлу? Мало-ли дѣла хорошаго, честнаго, полезнаго?..

Хныкающій (не я, а пріятель) отвѣчалъ:

— Не идіотъ-же я: понимаю, что дѣла много... Но не въ этомъ дѣло, а вотъ въ чемъ: покажите мнѣ, что стоитъ браться за какое-либо хорошее дѣло, что изъ этаго дѣла дѣйствительно выйдетъ что-нибудь путное... Даже нѣтъ, мнѣ нужно меньше: покажите мнѣ, что для міра не невозможно выбраться изъ тѣхъ дебрей, въ которыя онъ попалъ... На чемъ основаны ваши надежды? Единственно на томъ, что

Міръ устаетъ отъ мукъ,
Захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой...

Но исторія идетъ уже не одно тысячелѣтіе: міръ «устаетъ отъ мукъ», «захлебывается въ крови», «утомляется безумной борьбой» и, тѣмъ не менѣе, не подымаетъ «къ любви, беззавѣтной любви», «очей, полныхъ скорбной мольбой»...

Признаюсь, я не понялъ обоихъ пріятелей. Совсѣмъ такъ не понялъ. Я не понимаю даже, какъ можно серьезно разго-

варивать про то. стоит или не стоит браться за дѣло. Не только стоит, но должно, обязательно. Ссылка на исторію то же неудачна. Исторія — свидѣтельница торжества свѣта и правды. Но я въ то же время не понимаю этихъ возгласовъ: «отчего вы не пристроитесь!» Къ чему пристроиться? Я не вижу—къ чему.

— Но это кажется такъ ясно. съ неудовольствіемъ отвѣчалъ положительный.

— Очень, можетъ быть, что вамъ все ясно. Это я охотно признаю. Но мнѣ то ничего не ясно. Разъясните, пожалуйста, мнѣ такъ, чтобы я понялъ.

Положительный пожалъ плечамъ.

— Вы скажете, что такими убожествами, которыя не понимаютъ того, что яснѣе дня, не стоитъ и заниматься. И вы будете не правы. Во первыхъ, мы не виноваты въ нашемъ убожествѣ; а во вторыхъ, насъ слишкомъ много и вамъ невыгодно бросать насъ на произволь судьбы... Не проходите же мимо насъ!..

— Ужасно вы намъ нужны, засмѣялся положительный: Гамлеты—по грошу пара...

И онъ съ сердцемъ сталъ одѣваться и затѣмъ ушелъ. Ушелъ и другой пріятель. Остался я одинъ и сталъ слушать канареекъ.

И вспомнилась мнѣ далекая станція. И стало мнѣ ясно, что никакого отношенія къ ней мы не имѣемъ, ни полугрошовые Гамлеты, ни положительные люди. И знаю я, что если я скажу это кой кому, здорово выругаютъ меня. И я лежу, и слушаю канареекъ. И ужасно подло чувствую себя...

Я. Абрамовъ.

Среди рабочихъ.

Димитрій Васильевичъ Тележкинъ.

Итакъ, вотъ пришла и катастрофа: выдали расчетный листъ, начальникъ подписалъ «согласенъ»—и отправляйся на всѣ четыре стороны.

Да, пришла катастрофа, и эта катастрофа—былъ расчетъ...

Но знаете ли вы, читатель, что такое расчетъ? О, это грозное слово! Человѣкъ прослышалъ, что на такомъ-то заводѣ хорошее начальство и порядочно платятъ. Онъ бросилъ прежнее мѣсто и приѣхалъ на заводъ. Кланялся, дожидался—и вотъ припаяли. Приняли за 1-р. 40 к. поденнаго жалованья. И сталъ работать. Работа идетъ ничего: выработывается до 50 р. въ мѣсяцъ. Выписано семейство, устроено хозяйство—не какъ нибудь: имѣется коровка, поросенокъ и все такое. Взойди на кухню: вся она блестятъ отъ разной мѣдной посуды (одинъ самоваръ обошелся въ 12 р.), разставленной въ величайшемъ порядкѣ на полкѣ; а въ кабакѣ и лавочкѣ стали вѣрять въ долгъ...

И вдругъ расчетъ—и на всѣ четыре стороны... Все распродать за безцѣнокъ, ибо рабочее время не ждетъ (пять дней не поработалъ, вотъ и 10 р. изъ кармана, а ихъ на улицѣ не найдешь) и переѣзжай на новое мѣсто, и что то тамъ еще будетъ?

И за что? За то, что прогулялъ нѣсколько дней. «Но вѣдь намъ не пить,—надо въ гробъ ложиться».

Какъ бы то ни было, говорятъ—уходи, такъ и убирайся. На твое мѣсто у насъ 15 человѣкъ просятся, въ поги кланяются,—вотъ за воротами стоятъ.

И выдали старыку 22 р. 45 к., что слѣдовало по расчетному листу. Изволька устроиться, какъ знаешь. А между тѣмъ въ кабакъ одинъ—18 р.; а въ лавку? а проѣзды?

Чтожь, за борову 30 р., за поросенка, за прочее таксе... «Мы не мошенники какіе, до копѣчки расплатимся». А тамъ, что Богъ дастъ... Какъ ипбудь прокормимся. Много ли намъ нужно? Онъ да старуха. Онъ поѣдетъ къ своему барину, въ старости попросится, какъ ни какъ, а 12 р. положутъ. Ничего, пока живется, не пропадемъ, а умремъ—похоронятъ.

И онъ улыбается, и слезы видны у него на глазахъ.

Читатель, мнѣ жаль старика и, можетъ быть, ты пожалѣешь объ немъ вмѣстѣ со мною.

Это былъ славный старикъ. Онъ былъ собственно слесарь, а на заводѣ работалъ за токаря. «Потому намъ разбирать не приходится, что ни дай, все сдѣлаемъ, потому жрать же надо».

И красивый онъ былъ. Высокій, сѣдой, немного согбенный, съ темными и лукавыми глазами, онъ, тверезый, казался патриархомъ, задумчиво-серьезный, а пьяный—такимъ молодцомъ, что молодого за поясъ заткнуть. И потолковать съ нимъ можно было: не даромъ 57 годковъ на свѣтѣ прожилъ, всего посмотрѣлся, всего испыталъ.

Онъ былъ изъ крѣпостныхъ одного извѣстнаго на Руси заводчика-генерала. Въ молодости былъ наученъ всякому мастерству («эхъ, сколько розогъ въ спинушку положено», говоритъ онъ, добродушно улыбаясь) ѣздилъ въ Петербургъ, паровыя машины ставить, ѣздилъ въ Кіевскую крѣпость амосовскія печи строить («все отъ барина»), и трубы водопроводныя прокладывалъ, и мало ли чего не дѣлывалъ. «Намъ что ни прикажи, все справимъ за первый сортъ».

И все мужикъ, братецъ ты мой,—сѣрый, значить... а ты вонъ ученый, баринъ... прибавить онъ въ видѣ морали — и сощуривъ какъ-то пренебрежительно-добродушно свои сѣрые, маленькіе глазки, стянетъ въ улыбку губы, и откинется на спинку стула, и смѣется—надо мной ли, надъ собой ли,—кто его знаетъ?..

Впрочемъ, онъ особенно разговорчивъ былъ, когда бывалъ пьянъ; а тверезый онъ говорилъ мало — въ первое время — даже какъ будто сторонился меня. «Здравствуйте, Дмитрій Васильичъ». «Здравствуйте, Петръ Пгнатъичъ» — и скинетъ низко шапку, и пожметъ почтительно мою руку—и только.

И странное дѣло, понимая, что пьянство рано или поздно доведетъ до катастрофы, что «водка—это пагуба народная» — онъ все-таки пивалъ много и часто... Правда, въ тяжелыя минуты онъ увѣрялъ меня самымъ серьезнымъ голосомъ, что «намъ не шить—надо въ гробъ ложиться» — но правъ ли онъ былъ?..

Любезный читатель, я этого не утверждаю, но я вамъ подробнѣе поразкажу всю эту исторію...

Было июльское воскресенье. Вчера была получка в городъ Р., населенный преимущественно рабочими, — ликовать. Гдѣ-то плыла гармонія, то визгливо, то хрипло и грозно; казалось вотъ-вотъ она лопнетъ подъ сильными руками пьянаго музыканта. Ей вторила скрипка, державшаяся, впрочемъ, довольно самостоятельно и наигрывавшая поэтому мотивъ, несколько непохожій на мотивъ гармоніи. Откуда-то доносилась пѣсня:

Жена къ мужу выходила, —
 Мужа правды разспросила:
 «Гдѣ ты сволочь волочился, —
 А съ чужой женой любился?»

Гдѣ-то брашились...

Словомъ, все было пьяно и весело...

Казалось, само солнце дремало въ небѣ въ какомъ-то пьяномъ истомленіи, то открывая, то закрывая глаза... Впрочемъ, небо было обложено тучами и солнышко то пряталось за нихъ, то снова появлялось...

Мнѣ было крѣпко скучно. Я сидѣлъ въ комнатѣ и, разговаривая съ хозяйкой, некрасивой, рябой особой съ глазами умной собаки, — объ вѣдмахъ, порченыхъ и прочихъ нечистяхъ, — разглядывалъ въ тысячный разъ картинки, висѣвшія предо мною. Онѣ были развѣшены тѣсно другъ около дружки на переборкѣ, отдѣляющей комнату, въ которой я сидѣлъ, отъ сосѣдней, — спальни, или чулана, какъ называлъ ее хозяинъ, смотря по расположенію духа.

И картины были дѣйствительно интересны. Тутъ было «Взятіе Карса нашими доблѣстными войсками», на которой солдаты были больше крѣпости, офицеры больше солдатъ, а генералы больше офицеровъ. Наши войска дерутся дѣйствительно доблестно. Вотъ солдатъ съ улыбкой пренебреженія отстраняетъ направленный на него штыкъ турецкаго ружья и въ тоже время всаживаетъ въ самый животъ турку огромныхъ размѣровъ саблю; и турокъ такъ изогнулся назадъ, что паводить на мысль объ отсутствіи у этого народа спиннаго хребта... Вотъ другой въ позѣ ликующаго дворника стоитъ посреди картины и, — выпучивъ глаза, — держитъ надъ головой окровавленную шапку. Валяющіяся кругомъ турецкія головы, — которыхъ, надо сознаться, художникъ не пожалѣлъ, — доказываютъ, что герой такъ поработалъ... Но удивительнѣе всего то, что нашихъ не пало ни одного, а турецкихъ тѣлъ валяется, какъ мухъ на блюдцѣ съ бумагой для истребленія оныхъ. Впрочемъ въ текстѣ — подъ низомъ картины, это явленіе, повидимому странное, — объясняется весьма просто и естественно.

Тутъ и литографированный въ нѣсколько красокъ портретъ «Гумберта, короля италянскаго». Зрачки, находящіеся у него

подъ носомъ и жгуто-подобные усы подъ подбородкомъ производятъ впечатлѣніе чего-то страннаго и неестественнаго. Сапоги короля повидимому это поняли и совершенно удрали съ картины, оставивъ на ней однѣ шпоры.

Тутъ и охотничьи картины съ зелеными лошадьми и красными собаками. Вотъ на одной изъ нихъ (разумѣется, изъ картинъ), какой-то странный субъектъ въ трико, чепчикѣ и привязанной къ шеѣ простынѣ,—очевидно бедуинъ,—стоитъ на лошади въ позѣ акробата, «скачущаго черезъ полотно и сквозь обручи», собираясь броситься на спокійно расположившагося у ногъ его лошади тигра. Около него другой бедуинъ, предполагая, вѣроятно, что художникъ хотѣлъ его нарисовать далеко на горизонтѣ, гарцуетъ себѣ преспокойно на лошади, не ковыряя въ носу только оттого, что художникъ ему носа почему-то не придѣлалъ...

Я много разъ смотрѣлъ на эти картины и каждый разъ открывалъ въ нихъ «новую пищу для ума и сердца».

А хозяйка сидитъ себѣ въ кухнѣ и что-то разжевывая и энергично посвистывая носомъ, рассказываетъ о томъ, что «колдунъ все можетъ».

— Вотъ вы не вѣрите, а небось захочетъ, испортитъ, — говорила она увѣреннымъ голосомъ,—у насъ тоже такой былъ: не вѣрилъ, значитъ. Иванъ Захаровъ, красильщикъ, шустрый такой парень. И въ грамотѣ учень... А вотъ повѣрилъ...

И она невозмутимо-спокойнымъ голосомъ рассказываетъ одну изъ тѣхъ страшно-трагическихъ, душу потрясающихъ исторій, которыя возможны только въ нашемъ народѣ.

Въ сосѣдней деревнѣ, Голодаловкѣ («можетъ бывали?» — «нѣтъ не былъ») была свадьба — «вѣнчаніе, скажемъ». Послѣ вѣнчанія гости сидятъ, болтаютъ,—водку попиваютъ. А въ той деревнѣ есть колдунъ, старый, отставной солдатъ. «Ужъ сколько онъ перепортилъ, такъ это страсть». — Вотъ онъ и придетъ на свадьбу. Радъ, не радъ, а принять надо; «я на первое мѣсто посадишь, потому всякому свое здоровье дорого». На первое мѣсто и посадили.

— Тутъ-то Иванъ Захаровъ и выскачи: «что молъ душегуба на первое мѣсто сажать, его въ колья принять надо» — выпимши былъ, — разъясняетъ хозяйка. Всѣмъ даже страшно стало... А старикъ только улыбается: «Эй, Ванька, не балуй — каяться будешь»... А Ванька словно взбѣленился: «да мнѣ, говоритъ, плевать; я самъ, говоритъ, колдунъ... Пускай, говоритъ, при мнѣ свою силу — мощь покажетъ — посмотримъ, какова она такая еси... Это васъ, говоритъ, мужичье необразованное онъ обманывать можетъ, а меня не надуешь... Сами виды видали!»

«Такъ и похваляется... А колдунъ все пальцемъ грозитъ: «говорию, Ванька, не балуй»...

А Ванька драться лѣзетъ, — такъ прямо съ кулаками на старика и идетъ: «покажи, что можешь, — а то въ три часа проговю»...

• Тутъ колдунъ осерчалъ: «ладно, говоритъ, — давайте рѣдъку, а тебѣ, Ванька, не сдобровать!» Достали рѣдъку; колдунъ надъ нею пошенталъ, поплевалъ и даетъ ее Ванькѣ, — это Ивану Захарову, красильщику, вотъ про котораго я рассказываю. И чтожъ ты думаешь?.. Тутъ хозяйка взопла ко мнѣ въ комнату, быстро проглатывая послѣдній кусокъ и сильно свистя носомъ: — вотъ какъ передъ Богомъ — правду говорю. Даетъ онъ это Ванькѣ рѣдъку, да и говоритъ: «спими, говоритъ, шкуру съ рѣдки». Ванька спялъ, анъ вся рѣдка, какъ есть, у него въ рукахъ почернѣла... Вотъ ей-Богу не вру. «Спими, говоритъ, еще». Еще спялъ — и снова рѣдка почернѣла... У Ваньки такъ руки и опустилась... А колдунъ — сердитый, да страшный такой, — какъ плюнетъ ему въ лицо...

«И такъ таки испортилъ, окаянный... Чахъ, чахъ парень, да вотъ въ прошломъ году къ Покрову и схоронилъ... А ужъ каковъ парень-то былъ, и грамотный — да вотъ тоже не вѣрилъ»...

И хозяйка собиралась уже вывести для моего поученія надлежащую мораль изъ своего рассказа, когда дверь вдругъ стукнула и на порогѣ очутился нѣкій незнакомый мнѣ чело-

вѣкъ безъ фуражки и въ желтомъ костюмѣ изъ матеріи, носящей здѣсь названіе «кожи».

Это былъ высокій, плотный старикъ съ сѣдой, кудрявой головою, выступавшей немного впередъ. Все лицо его какъ-то восторженно-насмѣшливо улыбалось, сѣрые, маленькіе глазки, подъ густыми, сѣдыми бровями были симпатично-лукаво сощурены; носъ,—багрово-красный, сіяющій носъ,—немного задрался вверхъ, а губы были стянуты щелочкой, словно храня какую-то смѣшную тайну, которую вотъ-вотъ да и выболтаютъ... И все это странно-милое лицо окаймлялось сѣдою, окладистой бородкой...

Старикъ все стоялъ у порога, улыбаясь и смотря на меня своими сощуренными глазками.

— Что-жъ не войдешь въ комнату, дѣдушка, — сказала хозяйка.

Старикъ направился прямо ко мнѣ медленнымъ, размашистымъ шагомъ и, все такъ же улыбаясь, подаль мнѣ руку.

— Здравствуй, ученый человѣкъ... Къ намъ, значитъ, учиться пріѣхалъ... По теоріи, молъ, ученый, такъ вонъ теперь практику—и онъ какъ-то залихватски-самодовольно мотнулъ головой,—какъ значитъ руками всякую штуку произвести надлежитъ,—и раскрывъ одинъ глазъ, и словно усленно и насмѣшливо къ чему-то прислушиваясь, онъ сдѣлалъ движеніе руками, какъ будто пилить:—что-жъ, дѣло доброе,—оно и безъ этого нельзя: наука наукой, а безъ практики тоже далеко нейдешь...

Я съ этимъ совершенно согласился и попросилъ старика присѣсть. Онъ грузно опустился на стоявшій въ сторонѣ сундукъ и съ прежней таинственно-насмѣшливой улыбкой откинулся къ стѣнѣ.

Старикъ мнѣ сразу необыкновенно понравился. Я никогда не видалъ лица, столь симпатичнаго, столь хорошаго. Въ немъ было что-то дѣтское, наивное, доброе. И это дѣтски-наивное лицо, окаймленное сѣдой бородой и сѣдыми же, густыми

будрями, производило какое-то обаятельное впечатлѣніе... А эта улыбка, странно-веселая и насмѣшливо-всепрощающая улыбка, вызывающая въ собесѣдникѣ чувство безпсиходной тоски и грусти, сжимающая больно изстрадавшееся сердце... о, читатель, я узнаю эту улыбку!.. И много горя,—сознательнаго горя надо испытать,—много и сильно надо думать надъ этимъ горемъ, много отчаянія, тупаго и безпросвѣтнаго должно обратиться въ душу для того, чтобъ усвоить себѣ эту улыбку.

Старикъ настойчиво утверждалъ, что онъ «докажетъ», — при этомъ онъ таинственно и насмѣшливо щуритъ глаза и знаменательно поднималъ указательный палецъ. Онъ докажетъ, что о н и ничего не понимаютъ и что онъ, Дмитрій Васильевъ Тележкинъ, понима-а-аетъ... Да, онъ и м ъ все м ѣ докажетъ, — и тогда... тогда они увидятъ, что такое Дмитрій Васильевъ Тележкинъ!.. Да—съ (крѣпкое словцо)—пускай они съ нимъ помѣряются... И онъ побѣдопно съ проницательной усмѣшкой къ чему-то прислушивается, словно дожидаясь, что вотъ они придутъ, чтобъ выслушать его доказательства...

— И все мужикъ, братецъ ты мой, сѣрый... а ты вонъ баринъ... ученый!..

И онъ дѣйствительно многія вещи понималъ лучше меня. Только благодаря ему, я узналъ откуда берутся эти остаточныя суммы, эти награды служащимъ изъ остаточныхъ суммъ. И отчего это рабочимъ повидимому плата хорошая положена, а на самомъ дѣлѣ... А между тѣмъ ихъ не обсчитываютъ...

А старикъ между тѣмъ ликуетъ; отъ радости онъ даже ущипнулъ меня за нкру.

— Ты богатъ? спрашиваетъ онъ меня вдругъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки при этомъ вопросѣ. Мнѣ припомнилось, что въ Петербургѣ квартирныя хозяйки

очень сердятся, когда имъ не къ сроку платятъ за квартиру, и что въ комнатѣ тогда становится холодно, и что самоваръ тогда отдается въ починку;—что въ Петербургскихъ лавочкахъ продается вопючая колбаса, очень удобно замѣняющая обѣдъ при нѣкоторыхъ неудобныхъ обстоятельствахъ; что Петербургскіе фонари свѣтятъ очень тускло, почему и темно въ комнатѣ, когда не на что купить свѣчи, что дождикъ тогда очень несприятно мочить продрогшее тѣло и жидкая грязь невѣжливо забирается, въ несовѣтъ элегантные сапоги... и мало ли чего я тогда ни припомнилъ...

— Нѣтъ, отвѣчаю я.

Старикъ повидимому ожидать этого отвѣта, но приготовился его не слышать.

— А давай устроимъ гидравлическій прессъ... Я уже покажу какъ... и онъ замеръ въ жестъ, будто прицѣпляясь въ какое-то крошечное пространство...

А на лицѣ все та же странно-веселая улыбка, и глаза такъ же насмѣшливо сощурены...

И надъ чѣмъ онъ смѣется?!.. Вѣдь онъ надъ самимъ собой смѣется...

Любезный читатель, слышали ли вы когда нибудь исторію про быка съ человѣческой головою? О, это прелезлая исторія!.. Люди, разумѣется, не хотѣли вѣрять, что онъ не быкъ—и ставили его въ стойло, и кормили его сѣномъ, и запрягали его въ плугъ и, когда онъ останавливался, чтобъ что-то сказать этимъ людямъ, они били его батогами.. Вы не слышали этой исторіи?

Старику она была знакома—и вотъ онъ беззаботно и весело улыбается...

Старикъ просидѣлъ у меня довольно долго, такъ долго, что жена его, — маленькая, плаксавая старушка, — пришла звать его.

Она взошла въ комнату довольно робко, поклонилась мнѣ съ улыбкой, ничего худого не предвѣщавшей — и вдругъ — самымъ неожиданнымъ для меня образомъ, — заголосила:

— И пойдешь ли ты когда нибудь домой, пьяница ты обаянный... Цѣлый день спжу не жрамши, а онъ вотъ шляется, — гуляетъ... Господи, Господи, — доколѣже мнѣ маяться-то съ нимъ!.. Да поди-ты домой, пьяница... Дмитрій, слышишь ты, домой иди...

И она стала тербить старика за рукавъ, ибо онъ повидимому не обращалъ никакого вниманія на привычные для него возгласы. Онъ съ обычной своей добродушной улыбкой равнодѣрно покачивался изъ стороны въ сторону вслѣдъ за рукавомъ: «а посмотримъ — моль — кто скорѣе устанетъ».

И старуха устала скорѣе. Она въ послѣдній разъ врѣпко дернула старика за рукавъ, такъ что тотъ чуть не повалился съ сундука и не упалъ только оттого, что она-же толкнула его обратно, — и проворчавъ: «у... пьяница старая!» вышла изъ комнаты.

Старикъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, укоризненно качая головой.

— Что подѣлаешь — баба... сказалъ онъ, будто желая, извинить предо мною старуху — 18 лѣтъ безъ мужа живетъ: пропасть, значить, невѣдамо куда.. Я ее изъ жалости изьялъ... потому куда ей дѣться... Пускай ее живетъ: все-жъ будто хозяйка...

И это было первое мое знакомство съ Дмитриемъ Васильевичемъ. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись часто, почти каждый день на заводѣ.

Проходя по мастерской, я всегда могъ сказать трезвъ-ли старикъ, или «выпимши» (собственно пьянъ онъ бывалъ очень рѣдко). Въ первомъ случаѣ, завидѣвъ меня, онъ низко кла-

нялся и продолжалъ копаться у станка, искоса поглядывая въ мою сторону: «подойдетъ мошь—или нѣтъ»? Я всегда замѣчалъ, что ему пріятно было, когда я подходилъ. Но тверезый онъ говорилъ мало и если говорилъ, то иногда объ «вещахъ постороннихъ».—И я постою, постою около его станка, да и пойду себѣ.

Но пьяный онъ встрѣчалъ меня совершенно иначе. Поблажившись мнѣ издали, онъ лукаво—лукаво сощуритъ лѣвый глазъ: «а ну-ка, мошь подойди... Ужъ такую штуку расскажу... Такую штуку»... Я подойду, и откуда слова возьмутся. Нашему разговору помѣшаютъ только подмастерья,—рассказывающіе по мастерской,—которыхъ мастеровые очень боятся.

Но старикъ сталъ пить очень часто. Не прошло почти ни одного дня, чтобы онъ не былъ «выпимши», и въ каждую недѣлю онъ покрайней мѣрѣ два—три бывалъ на веселѣ. Я предчувствовалъ, что это приведетъ въ непріятной катастрофѣ и указывалъ на это старику. Между нами даже происходили по этому поводу крупные разговоры, которые не привели къ ссорѣ только оттого, что Дмитрій Васильевичъ какъ-то снисходительно добродушно относился къ моимъ упрекамъ и наставленіямъ. «Молодь, братъ,—говаривалъ онъ мнѣ часто со своей неизмѣнной улыбкой. Поживешь, и самъ тожъ будешь»...

Но однажды и онъ рассердился—единственный разъ за все время нашего знакомства...

Я хочу объ этомъ рассказать подробнѣе.

Былъ скверный, январскій вечеръ. Дождь порывисто и бессмысленно стучался въ окно. На улицѣ было тихо. Только не далеко за окномъ шлепали въ грязи какія-то тяжелыя ноги, да гдѣ-то лаяла собака,—скорѣе жалобно, чѣмъ злобно,—видимо просясь куда-нибудь на ночлегъ...

Хозяева мои ушли на мяншны къ Захару Пегрову, кондуктору, что женатъ на полковницкой дочкѣ,—и я былъ одинъ въ своей маленькой комнаткѣ... На столѣ тускло горѣла свѣча, вправленная въ цинную бутылку, очень удобно замѣнявшую подсвѣчникъ; въ углу сверчекъ насвистывалъ настойчиво,—

словно ему за это платили, свою неизмѣнную пѣсню; у пещки, широкой какъ Аравійская пустыня и какъ она-же горячей, козла съ большимъ интересомъ надъ чѣмъ-то возплась...

А я съ гораздо меньшимъ интересомъ сидѣлъ надъ «Системой логики» Милля, ибо во второй разъ прочитывалъ темное въ ней предисловіе.

Вдругъ у меня за спиной раздался чей-то голосъ:

— Здравствуй, Петръ Пгнатъичъ!..

Я оглянулся. Предо мной стоялъ старикъ Тележкинъ въ позѣ воплощеннаго ликоваія. На немъ была красная, полосатая рубашка, подпоясанная какимъ-то пестрымъ шнуркомъ, плюсовые шаровары и новые высокіе сапоги. На головѣ былъ картузь, залихватски откинутый на затылокъ.

Старикъ стоялъ подбоченившись и, выставивъ впередъ ногу, молодецки—самодовольно улыбаяся.

— Здравствуй, повторилъ онъ, топнувъ ногой.

Очевидно, онъ былъ пьянъ... И когда-же онъ, наконецъ, образумится? И доколѣ это будетъ продолжаться?..

— И снова пьянъ!... Я проговорилъ это очень сердито.

Я долженъ сознаться, что неожиданное появленіе старика немного испугало меня, да и чтеніе меня неособенно хорошо настроило.

Старикъ мигомъ преобразился: въ немъ сильно что-то вдругъ оборвалось. Онъ сердито, изъподлюбя посмотрѣлъ на меня и опустившись на кровать, сурово повторилъ:

— И снова пьянъ...

Я тоже сѣлъ. Минуты двѣ мы оба молчали. Старикъ сидѣлъ, опершись руками въ колѣни и смотря въ землю.

Вдругъ онъ подвѣлъ голову и какъ-то неспріязненно, почти враждебно,—глядя на меня, взялъ меня за лацканъ пиджака.

— Ты гдѣ взялъ этотъ пиджакъ?

Вопросъ смутилъ меня, Причемъ тутъ мой пиджакъ? Что общаго между моимъ пиджакомъ и... и я не знаю, чѣмъ... Смѣю увѣрить читателя, что онъ благопріобрѣтенъ мною самымъ безукоризненнымъ образомъ.

И такъ, причемъ-же тутъ мой поджакъ?..

— Поджакъ мнѣ спилъ портной.

— А матерію гдѣ взялъ?

— Въ лавкѣ купилъ.

— А лавка гдѣ взяла?

Ахъ, такъ вотъ куда онъ клонитъ!.. Помню, какъ теперь, что я почему-то покраснѣлъ.

Старикъ замѣтилъ мое смущеніе.

— То-то!.. И лицо его припало свое обычное насмѣшливо-лукавое выраженіе. Маленькіе глазки сощурились, губы стиснулись въ щелочку и онъ усталовился на меня, снисходительно-добродушно улыбаясь...

И этимъ, читатель, онъ хотѣлъ объяснить, почему пьянствуетъ... Правъ-ли онъ былъ?..

Но правъ-ли онъ былъ, или не правъ, а начальство, какъ извѣстно, пороковъ не любитъ.

И оттого, что начальство не любитъ пороковъ, порокъ былъ достойнымъ образомъ наказанъ.

На слѣдующій день произошло слѣдующее событіе: какой-то господинъ, находящійся при заводѣ въ должности «состоящаго при ономъ» (надъ мастерскимъ всякая блоха начальство), замѣтилъ, проходя по мастерской, что за станкомъ Тележвина нѣтъ. «Состоящій» подождать съ $\frac{1}{4}$ часа—старика все нѣтъ! «Состоящій» прошелся «по дѣламъ службы», т. е. побурлил, поболталъ въ конторѣ съ другими «состоящими» и снова вернулся въ мастерскую,—а старика все нѣтъ, какъ нѣтъ... И екнуло сердце у «состоящаго».

— А нумерь,—подумалъ онъ съ ужасомъ, вѣрно...

Но на этомъ интересномъ мѣстѣ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе.

Знаетъ-ли читатель, что такое «нумерь»? Нѣтъ, читатель не знаетъ, что такое «нумерь», но за то онъ, вѣрно, знаетъ

въ которомъ году умеръ папа Иннокентій 317 (или не было такого?) и откуда беретъ начало рѣка Мекензи...

Но это въ сторону, а я расскажу ему, что значитъ «номеръ».

Это маленькій, кругленькій кусокъ желѣза, около вершка въ диаметрѣ, съ выдавленными на немъ цифрами и зубчатымъ колесомъ, эмблемой фабричнаго производства. Цифры собственно и означаютъ № рабочаго.

Такой кругленькій кусокъ желѣза выдается каждому рабочему при поступленіи имъ на заводъ, и съ этой минуты «номеръ» есть представитель рабочаго, какъ напримѣръ посоль представитель той державы, отъ которой онъ посланъ.

Впрочемъ, сравненіе не совсѣмъ вѣрно, ибо въ старину за провинившуюся державу одувался прежде всего посоль, а тутъ дѣло происходитъ наоборотъ; за провинившійся № наказываютъ рабочаго.

Будетъ вѣрнѣе, если я скажу, что №—это самъ рабочій. Когда раздается «призывный гудокъ», рабочій прежде всего спѣшитъ «повѣсить №». № вѣшается въ «табель», черную, продолговатую коробку съ усеянными гвоздями дномъ и стеклянной крышкой, защищенной отъ нескромныхъ рукъ проволоочной рѣшеткой. «Табель» открыта только за все время, пока свиститъ гудокъ,—около пяти минутъ.

И вотъ если № виситъ, рабочему идутъ «поденныя отъ завода, если № нѣтъ, поденныя идутъ заводу отъ рабочаго, ибо рабочій долженъ въ большей части случаевъ отработать даромъ столько же дней, сколько прогулялъ, а если № пропалъ, то рабочій платитъ 50 коп.

Но прошу читателя замѣтить, что если № виситъ, то рабочему идутъ поденныя... и вотъ отчего екнуло сердце у «состоящаго» и вотъ отчего онъ съ ужасомъ подумалъ, что «номеръ вѣрно виситъ».

Ахъ, тайное предчувствіе не обмануло его и № по справкамъ оказался дѣйствительно висѣщимъ.

— Негодяй! воскликнулъ тогда въ справедливомъ негодо-

вані «состоящій», самъ гуляетъ, а № виситъ, пускай, молъ, поденныя идутъ... Нѣтъ, этого не будетъ!.. Начальство денегъ не куетъ, чтобы зря платить всякому бездѣльнику!

И отъ «состоящаго» дѣло дошло до начальника. А начальство пороковъ не любитъ, и потому порокъ былъ достойнымъ образомъ наказанъ.

Любезный читатель, я зналъ объ этомъ положеніи еще гораздо раньше, но мнѣ пришлось, такъ сказать, самолично убѣдиться въ справедливости его только на слѣдующее утро.

Утро было прескверное, сѣрое, дождливое, несмотря на то, что знаменательныя событія происходятъ обыкновенно «въ одно прекрасное утро».

Работа у меня не клеилась, и, шаясь по мастерскимъ, я увидѣлъ у конторы начальника старика Тележкина. Онъ былъ празднично одѣтъ: въ широчайшемъ черномъ пальто и валлошахъ. Въ рукахъ, сложенныхъ на животѣ, онъ держалъ картузъ и какой-то свертокъ бѣлой бумаги.

Старикъ казался совершенно убитымъ: сѣдая голова истомленно упала на грудь; лицо какъ-то задумчиво-грустно улыбалось.

Я подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, Дмитрій Васильчъ, — что вы тутъ дѣлаете?

Онъ быстро поднялъ голову и подалъ мнѣ руку.

— Да вотъ расцетъ, и онъ мотнулъ головой по направлению къ свертку.

— Какъ расцетъ? за что?

— За пьянство, значить, онъ горько улыбнулся. — Что же, мы слава Богу никого не обокрали, никого не обидѣли... выпилъ и вотъ, онъ приподнял бѣлый свертокъ (это былъ расцетный листъ); голосъ у него дрожалъ.

— Куды-жъ теперь, на старости? И въ лавку, и въ кабакъ... все распродай.

Онъ пожалъ плечамъ и какъ-то растерянно оглянулся.

— Вы просили начальника?

— Эхъ, что просить! Стыдно просить... Маленькій, что-ли? Наварилъ кашу, такъ и расхлебывай. Пѣтъ, тому и быть... Поѣду къ барипу, за хлѣбъ одинъ.

Онъ больше не могъ говорить.

Я зашелъ къ начальнику. Онъ сидѣлъ одинъ въ своей конторѣ и читалъ «Новое Время».

Я сталъ что то такое говорить, путался, краснѣлъ: я стоялъ къ начальнику вовсе не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы просить его за кого бы то ни было.

— Хоть оно и не мое дѣло, но... какъ ему расплатиться, и куда ему дѣться на старости, — я про старика Тележкина, хочу просить. Онъ вѣдь честный... и съ кѣмъ грѣха не случается.

Начальникъ смотрѣлъ на меня какъ-то насмѣшливо вѣжливо. Миѣ было очень неловко.

— Не могу, при всемъ моемъ желаніи не могу. Помилуйте, онъ гуляетъ, работа запущена, — и это не въ первый разъ. Не могу, никакъ не могу.

— Простите.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе.

И я ушелъ ни съ чѣмъ. Въ дверяхъ я столкнулся со старикомъ: онъ не дождался меня и пошелъ подписать расчетный листъ.

И весь этотъ день я не видалъ старика. Онъ все время былъ занятъ распродажей, или лучше, раздачей своего имущества въ уплату за долги въ казенную лавку, кабакъ, сапожнику за новые сапоги и проч.

Но вечеромъ миѣ снова пришлось его увидѣть.

День былъ субботній. Хозяинъ мой только что пришелъ изъ бани, о чемъ люди, знавшіе его, могли догадаться по по-
енцу, обмотанному у него на шеѣ. Этимъ полотенцемъ онъ

обтиралъ потъ, катившійся у него въ избыткѣ по лбу. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ онъ, «не щадя красы лица своего», обтирался просто рукавомъ.

Мы сидѣли за чаемъ. И хозяйка за столомъ, хозяйка — уже известная читателю, рябая особа съ глазами умной собаки, — прикурнула на сундукъ около самовара, а сосѣдъ нашъ и кумъ хозяйина, Александръ Михайловъ, сидѣлъ задумчиво въ сторонѣ съ явнымъ намѣреніемъ заснуть при первой представившейся возможности.

Этотъ человѣкъ былъ маленькій, толстенькій человѣкъ, — мечтательшии, какъ всѣ маленькіе и толстенькіе люди, — съ большою русою бородою и сережкой въ лѣвомъ ухѣ. Онъ занималъ при заводѣ двѣ должности, — должность сторожа при прачешной (или просто «прачешника», какъ выражались рабочіе) и сапожника при заводѣ, — и все-таки былъ гораздо бѣднѣе хоть бы на примѣръ г. Малкіеля. Это тѣмъ болѣе удивительно, что хотя этотъ послѣдній тоже доставлялъ сапоги нашей арміи, но за то сторожемъ при прачешной никогда не былъ.

Разговоръ у насъ не клеился. Всѣ мы находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разыгравшейся въ этотъ день на заводѣ катастрофы, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Тележкнымъ были расчитаны за ту же провинность еще трое рабочихъ.

Разговоръ, разумѣется, шелъ объ нихъ, ибо читателю известно, что когда стригутъ овцу, то дрожатъ бараны.

Хозяйка утверждала, что «такъ имъ и слѣдуетъ, пьяницамъ». Хозяйка назвала ее за это дуракомъ (онъ всегда ругалъ ее почему то дуракомъ, а не душой), а Михайловъ только снисходительно и горько улыбался. Онъ съ нѣкотораго времени пересталъ пить «простое вино», какъ рабочіе называютъ водку и очень этимъ гордился.

Да, разговоръ у насъ не клеился. Всякій думалъ свою тяжелую думу, одинъ лишь самоваръ беззаботно и самодовольно пыхтѣлъ и фыркалъ, какъ жирный купецъ только что вышедшій изъ «горячей».

Вдругъ со двора къ вамъ долетѣлъ раздирающій душу вопль.

— Нѣтъ, не дамъ, мукъ я не отдамъ, хоть ты убей меня, не дамъ.

Я сразу узналъ голосъ Тележкиной старухи и вышелъ въ сѣни. Глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина.

Посреди грязнаго и тѣснаго двора, заваленнаго дровами, стояла старуха ко мнѣ спиною. Она чернѣлась какимъ-то темнымъ пятномъ на сѣромъ фонѣ сумерекъ. Накрапывалъ мелкій дождикъ.

Старуха изрыгала страшныя проклятія и голосъ ея, прерываемый по временамъ подступавшими къ горлу рыданіями, звучалъ безъисходнымъ отчаяніемъ.

Изъ дверей сосѣдней хаты выходила какая то женщина, укутанная платкомъ, неся на плечахъ бѣлый мѣшокъ съ чѣмъ-то тяжелымъ. За нею шелъ Тележкинъ безъ сюртука и растрепанный, съ сальнымъ огаркомъ въ рукахъ.

— Не брешь, старуха, не брешь, — говорилъ онъ, обращаясь къ женѣ, убитымъ голосомъ, — мнѣ ничего не надо... пускай беруть... пускай... Мы не мошенники какіе... взялъ, такъ и отдать надо...

Старуха не слушала.

— Чтобъ тебѣ съ мужемъ и дѣтьми и родными твоими подавиться первымъ кускомъ... чтобъ вамъ, душегубамъ, завтрашняго утра не взвидѣть... чтобъ тебѣ... кричала она, потрясая рукой по направленію къ женщинѣ, уносившей мѣшокъ.

Та невозмутимо направлялась къ калиткѣ.

— Ладно, за мое же доброе — тоже вотъ наслушаешься отъ людей...

— Бери, Самуйловна, бери... Мы не мошенники какіе... шепталъ старикъ, провожая ее до калитки.

Женщина была кабатчица. Она по праву уносила мукъ: «за свое доброе», за набранную у нея въ долгъ водку.

Калитка хлопнула. Старуха заголосила, какъ по унесен-

номъ покойникѣ. Старикъ немного повозился у калитки и ка-
кимъ-то задумчиво-робкимъ шагомъ вернулся въ комнату. Ста-
руха послѣдовала за нимъ.

Затѣмъ все стихло. Въ самомъ дѣлѣ казалось, будто только
что опустили въ землю дорогого покойника...

На этомъ, читатель, я кончаю мой рассказъ. Да и объ
чемъ больше рассказывать?..

На слѣдующій день старикъ уѣхалъ къ своему барину
«проситься за хлѣбъ одинъ». Провожалъ его Митрофанъ, ка-
батчикъ, отдававшій полную дань справедливости его безпри-
мѣрной честности, — ибо остальные расчитанные рабочіе отдали
кто рубль, кто два и только одинъ Тележкинъ расплатился
«до копѣчки». Митрофанъ провожалъ его — и старикъ оцѣ-
нилъ эту честь и напился вмѣстѣ съ кабатчикомъ до безоб-
разія.

Но за то онъ споконя повеселѣлъ и, садясь въ вагонъ,
полный радужныхъ надеждъ, увѣрялъ свою старуху тономъ,
недопускавшимъ никакого сомнѣнія, что они не пропадутъ...
потому что онъ имъ все въ доказательство... Онъ подойдетъ прямо
къ барину: такъ и такъ, молъ, ваше превосходительство, — по-
ложите 2 р. поденныхъ... потому я всякую работу могу... онъ
знаетъ...

— И положуть... поло-о-ожуть!..

Петръ Безымянный.

Изъ дневника.

Я утомленъ, взмученъ жалкой ролью,
 Я не могу веселымъ быть съ толпой, —
 Гляжу назадъ съ мучительною болью,
 Гляжу впередъ съ бессильною враждой!
 Въ прошедшемъ—рядъ ребяческихъ ошибокъ,
 Рядъ жгучихъ ранъ, безвременныхъ могилъ:
 Ужасенъ видъ насмѣшливыхъ улыбокъ
 Ихъ мертвецовъ, во цвѣтѣ лѣтъ и силъ.
 Они со мной, рука съ рукой, когда-то
 Путемъ вражды и страстной вѣры шли—
 И вѣту ихъ, и нѣтъ для нихъ возврата!..
 А я? — я живъ, все такъ же страстно
 Могу любить, мечтать, какъ и мечталъ,
 Но цѣлый міръ мнѣ сталъ тюрьмой ужасной,
 Но самъ себя я въ цѣпи заковалъ! —
 Гляжу назадъ съ мучительною болью,
 Гляжу впередъ съ бессильною враждой...
 Я утомленъ Гамлета жалкой ролью,
 Я присяжешь бесплодную борьбой!

П. Якубовичъ.

Теоретики сороковых годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ.

(Отрывокъ изъ «Очерка развитія науки о вѣрованіяхъ»).

Вѣрованія играли всегда такую значительную роль въ жизни человѣческихъ обществъ и въ человѣческой исторіи, что должны были неизбѣжно обратить на себя вниманіе изслѣдователей, какъ только люди получили возможность что либо изслѣдовать. Древнѣйшая поэзія создала лирическія формулы для выраженія вѣрованій; древнѣйшая эпика была эпика мифовъ; древнѣйшія преданія заключали въ себѣ весьма незначительный элементъ реальныхъ фактовъ, перемѣшанный съ массою рассказовъ, принятыхъ на вѣру: древнѣйшее философское мышленіе лишь постепенно выработалось изъ мышленія религіознаго.

Но научная разработка вѣрованій должна была неизбѣжно явиться весьма поздно, такъ какъ самая постановка научнымъ образомъ вопросовъ въ этой области требовала весьма значительной подготовки въ другихъ областяхъ мысли. Поэтому «наука о вѣрованіяхъ» или «наука религій» поставлена на очередь лишь въ самый послѣдній періодъ развитія человѣческой мысли; да и теперь, когда задача ея поставлена, въ ней открываются все новыя отрасли, приходится перерѣшать и углублять рѣшенія, которыя еще недавно казались удовлетворительными, и трудно сказать, скоро ли установится самая система вопросовъ, которые, въ своей группировкѣ, составляютъ эту недавнюю отрасль завоеваній человѣческаго ума.

Само собою разумѣется, что наука вѣрованій могла имѣть мѣсто лишь относительно чужихъ вѣрованій. Къ собственнымъ вѣро-

ваніямъ, пока это дѣйствительно—вѣрованія. никто научно относиться не можетъ. Но человѣкъ можетъ относиться критически къ тому, чему вѣруютъ другіе, потому ли что это—вѣрованія иного культурнаго племени, или иного культурнаго слоя его же общества. или потому, что онъ. по своему развитію, оставилъ за собою вѣрованія того культурнаго слоя, къ которому самъ принадлежитъ, или, наконецъ, потому, что онъ самъ пережилъ вѣрованія своихъ раннихъ лѣтъ и можетъ относиться къ своей вчерашней мысли критически во имя своей мысли сегодняшней.

Всякое знаніе дорабатывается болѣе и болѣе до состоянія науки, внося постепенно новыя и болѣе тонкія различія въ то, что, съ перваго взгляда, представлялось безформенною и безразличною массою. Такъ было и въ области изученія вѣрованій.

Къ самому началу исторіи вѣрховитъ первоначальное, грубое различіе, не требующее вовсе критики, и усвоенное всѣми народами, на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи; это — различіе между культурными формами религіи «мѣстнаго» общества и всѣми «чужими» религіями, какъ однимъ страннымъ и враждебнымъ цѣлымъ. Гораздо позже, уже на исторической почвѣ, вырабатывается въ единицахъ, исключительно поставленныхъ, различіе внутри однихъ и тѣхъ же культурныхъ вѣрованій, различіе сектаторское, вызванное желаніемъ глубже проникнуть въ мистическій смыслъ священнаго преданія и священнаго обряда, или припорювить древнее преданіе и древній обрядъ къ новымъ требованіямъ умственнымъ и нравственнымъ, которыя внесены въ общество процессомъ исторіи; и это различіе нельзя отнести собственно къ критикѣ, или, по крайней мѣрѣ, его приходится приписать безсознательной, непроизвольной, критикѣ, которая подготовляетъ почву наукѣ, но не есть наука.

Начало науки становится возможнымъ лишь на болѣе поздней точкѣ общественнаго развитія, послѣдствіе одного изъ слѣдующихъ событій.

При сектаторскомъ раздѣленіи ученій, двѣ или болѣе секты вырабатываются лучше и полнѣе другихъ, оттѣсняють своихъ соперницъ въ борьбѣ за существованіе на задній планъ, если не совершенно заглушаютъ ихъ ростъ, и, наконецъ, вступаютъ между собою въ борьбу уже не какъ случайныя различія въ толкованіи преданій и обрядовъ, но какъ обработанныя и обдуманная системы.

вѣрованій, требуюція систематической апологетики и полемики. Обыкновенно бываетъ такъ, что одна изъ этихъ системъ вѣрованій является на почвѣ исторіи прежде другихъ, какъ господствующая, общепринятая, ортодоксальная религія, а другія—какъ разные виды раскола или ереси, борющіеся какъ съ ортодоксією, такъ и между собою. Здѣсь полемика опирается большею частью на одно и тоже преданіе, такъ или иначе понятое и истолкованное, или на преданія, выходящія изъ общаго источника. Поэтому, критика узка и слаба; узка потому, что заключена въ предѣлахъ лишь одной отрасли преданій; слаба потому, что страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, съ одной стороны, признавая безусловный, божественный авторитетъ преданія, которое служитъ основаніемъ и ортодоксіи и всѣмъ ересямъ, съ другой стороны, находясь въ необходимости взвѣшивать, обуждать, истолковывать и перетолковывать, словомъ—подвергать самымъ разнообразнымъ, а иногда и весьма опаснымъ, критическимъ приѣмамъ тотъ самый авторитетъ, предъ которымъ все преклоняется.

Значительно шире почва критики и свободнѣе ея дѣятельность въ другомъ случаѣ, когда исторія поставила рядомъ въ одной странѣ двѣ или болѣе системы вѣрованій настолько различныхъ, что онѣ смотрятъ другъ на друга какъ на совершенно-различныя религіи (хотя, иногда, между ними и существуетъ болѣе глубокая историческая связь), но политическія обстоятельства не позволяютъ имъ ни уничтожать, ни игнорировать другъ друга, ни относиться другъ къ другу съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ относится приверженецъ религіи цивилизованнаго народа къ вѣрованію дикаго племени, или поклонникъ господствующаго идола къ идолу, низвергнутому ходомъ исторіи. При подобныхъ условіяхъ приходится объяснять одновременное существованіе нѣсколькихъ системъ вѣрованій съ противоположными преданіями, приходится, слѣдовательно, становиться на почву, лежащую внѣ этихъ преданій и охватывать ихъ разнообразіе какою либо общою формулою, общимъ понятіемъ. Эту формулу, это понятіе приходится черпать или изъ метафизики, или изъ науки, но первая, въ борьбѣ школъ, сама неизбѣжно ведетъ въ область второй, слѣдовательно этимъ путемъ, неизбѣжно исследователи приходятъ къ задачѣ научнаго пониманія различія системъ вѣрованій. Конечно, при этомъ научное пониманіе вырабатывается лишь на почвѣ крупныхъ религиозныхъ

системъ, заключающихъ въ себѣ, вслѣдствіе долгаго историческаго развитія, значительный элементъ художественнаго творчества и философскаго построения, въ ущербъ чисто-религіозному элементу первобытныхъ вѣрованій. Поэтому, научная задача ставится и неполно и невѣрно. Она вовсе не касается огромнаго большинства вѣрованій, именно самыхъ интересныхъ по своей непосредственности и по своему психологическому значенію; она разсматриваетъ и въ области, на которую обращена, гораздо болѣе второстепенныя особенности, привычки, перенесенныя на стволъ вѣрованій изъ области философіи, искусства, нравственности, чѣмъ собственно-религіозныя элементы. Но тѣмъ не менѣе, разъ научная задача поставлена, она собственною своею силою расширяется, опредѣляется въ своихъ частностяхъ, переходитъ въ новыя, болѣе полно и болѣе вѣрно поставленныя задачи и окончателно вызываетъ цѣлую научную систему задачъ въ данной области.

Третій случай представляетъ наиболѣе узкую почву, но ведетъ вѣрнѣе всѣхъ другихъ къ правильной постановкѣ научныхъ задачъ и нуждается лишь въ матеріалѣ для того, чтобы идти къ построенію науки вѣрованій. Онъ претавляется въ томъ случаѣ, когда личности, достигшія вслѣдствіе болѣе выгоднаго положенія до болѣе высокаго умственнаго или нравственнаго развитія, находятъ невозможнымъ примирить свои умственныя и нравственныя требованія съ народнымъ преданіемъ, около нихъ господствующимъ, и прямо противопоставляютъ вѣрованіямъ — мистическое или научное міросозерцаніе. При этомъ ошибка, которая можетъ всего скорѣе возникнуть и возникаетъ, состоитъ въ трудности понять самый психическій процессъ вѣрованія на точкѣ зрѣнія, отрицающей всякое вѣрованіе. Это даетъ начало возрѣнію на чуждѣ вѣрованія, какъ на басни, едва достойныя вниманія, и высоковѣрному противоположенію аристократическаго міросозерцанія для немногихъ, грубымъ вѣрованіямъ для массъ. Впрочемъ, дальнѣйшій успѣхъ научныхъ изслѣдованій побуждаетъ и это препятствіе. Лучше понятая исторія доказываетъ громадную роль вѣрованій въ исторіи человѣчества. Лучше изученная антропология даетъ въ дикихъ и полудикихъ племенахъ фактическіе образцы религіозной мысли въ ея элементарныхъ фазисахъ. Лучше изслѣдованная психология указываетъ родственность всѣхъ процессовъ мышленія, ихъ взаимное вліяніе и постепенность переходовъ

между ними. Лучшее сознательное задачи социологии ставят предъ мыслителемъ въ этой области требованіе устранить раздѣленіе между міросозерцаніями разныхъ слоевъ общества. Тогда, приобретенныя привычки строгаго мышленія при накопленіи матеріала и при разработкѣ другихъ областей знанія, позволяютъ установить надлежащимъ образомъ и всю систему вопросовъ, входящихъ въ науку вѣрованій.

Всѣ эти элементы развитія имѣли мѣсто и дѣйствительно въ исторіи. На почвѣ скепсиса и борьбы противъ еретическихъ воззрѣній выработались нѣкоторыя данныя и нѣкоторые приемы науки вѣрованій въ патристической и схоластической литературѣ Европы, въ особенности же въ протестантизмѣ, при переходѣ его въ рационализмъ и въ идеализмъ. Подобныя же явленія можно указать въ меньшихъ размѣрахъ въ исламизмѣ, въ іудаизмѣ, въ сектахъ брахматизма и буддизма. На почвѣ неизбежнаго сравненія христіанства, исламизма и іудаизма въ средніе вѣка выработались другія данныя и приемы той же области; затѣмъ они расширились неизбежнымъ внесеніемъ въ ту же сферу сравненія—классическаго язычества въ эпоху возрожденія; затѣмъ, уже въ повѣйшее время, они еще расширились неизбежнымъ сравненіемъ мифовъ и вѣрованій, входящихъ во всѣ языки индо-европейскаго семейства; наконецъ, въ самое послѣднее время эти данныя дополнились столь же неизбежнымъ сравненіемъ мифовъ и вѣрованій, встрѣчаемыхъ у разныхъ племенъ низшей культуры, съ элементарными фазисами религій историческихъ народностей. Параллельныя этому явленія—хотя и отрывочныя—представляютъ въ Индостанѣ попытки сравнительнаго изученія религій при Акбарѣ въ XVI-мъ вѣкѣ и община Кэшубъ-Хундер-Сена, съ ея уваженіемъ ко всѣмъ сектамъ и ко всѣмъ прежнимъ или настоящимъ предметамъ вѣрованія (О нихъ читатель можетъ найти кое-что у Макса Мюллера: «Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft» Strassburg, 1874, стр. 62—93 и 5—6) На почвѣ рационалистической критики метафизической или научной выработались воззрѣнія на мифы и на народныя вѣрованія въ школахъ греческихъ философовъ, въ трудахъ просвѣтителей новой Европы, у писателей лѣвой стороны гегелизма, въ позитивизмѣ и т. п. Параллели этому можно найти точно также на востокѣ.

Для настоящаго положенія науки, составляющей предметъ этихъ

замѣтокъ, важно совпаденіе всѣхъ этихъ трехъ путей развитія, которія одновременно содѣйствовали выработкѣ и постановкѣ вопросовъ сравнительнаго изученія вѣрованій.

Оставляя въ сторонѣ то, что было сдѣлано въ этой области на востокѣ или въ древнемъ мірѣ, оставляя въ сторонѣ демопогическую теорію языческихъ боговъ, которую находимъ въ патристическомъ періодѣ, и которая совершенно аналогична процессу, сдѣлавшему изъ боговъ Индостана—злыхъ духовъ Прана; оставляя въ сторонѣ подготовительныя фазисы скептической и рационалистической мысли въ средніе вѣка и въ первыя вѣка новой Европы, мы находимъ въ концѣ прошлаго и въ первую треть настоящаго столѣтія слѣдующія господствующія стремленія во взглядахъ на вѣрованія, при ихъ сравнительномъ изученіи.

Евгемеризмъ, т. е. объясненіе всѣхъ міологическихъ личностей и событій, какъ личностей и событій историческихъ, вымираетъ болѣе и болѣе, не имѣетъ ни одного крупнаго представителя, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и не можетъ уже заслуживать ни какого вниманія со стороны историка этой области.

Теорія таинственной первобытной мудрости, научной или философской, скрытой намѣренно подъ формою мифовъ (какъ у Дюпюи, который видѣлъ во всѣхъ міологіяхъ астрономическія даннія, или какъ у Крэйцера, который видѣлъ въ нихъ древнюю мудрость единобожія) тоже потеряла значеніе въ новѣйшее время. Его представители, противъ которыхъ теперь спорить едва-ли не въ одной Англии (см. наприм. приложение къ J. Lubbock: The origin of civilization, 1870, стр. 369 и слѣд.), не имѣютъ уже научнаго вліянія на современную постановку вопросовъ науки.

Изъ традицій XVIII-го вѣка имѣетъ еще видныхъ представителей, даже между чисто научными дѣятелями (назовемъ Макса Мюллера), взглядъ Лессинга, именно пониманіе различныхъ религій, какъ послѣдовательныхъ ступеней „воспитанія человѣчества“, съ болѣе или менѣе значительною долею вѣры со стороны авторовъ въ провиденціальныя характеръ послѣдовательности этихъ ступеней.

Въ связи съ предыдущимъ взглядомъ можетъ быть поставлено и построено послѣдовательности религій, какъ воплощеніе въ нихъ ряда ступеней логическаго или психологическаго развитія духов-

ныхъ процессовъ. Этотъ взглядъ, игравшій особенно важную роль въ нѣмецкомъ идеализмѣ, по пашедшій отголосокъ и въ Германіи (напримѣръ у Кинэ, у Баринга Гоульда и др.), имѣеть до сихъ поръ представителей, но нельзя имъ приписать особенно важнаго значенія.

Собственно, самое большое распространеніе въ теоріи вѣрованій получило объясненіе, которое, въ нѣкоторыхъ чертахъ можно возвести къ Юму, но которое установлено Л. Фейербахомъ, причемъ, почти одновременно съ Фейербахомъ, Ог. Контъ далъ значительную силу тому же воззрѣнію, устанавливая съ другой точки зрѣнія отношеніе позитивной (или научной) мысли къ теологической (или религіозной). Болѣе или менѣе на этой почвѣ выработалось большинство объясненій первобытныхъ религій человѣчества, и различіе школъ объяснителей, при этомъ возникшихъ, можно скорѣе отнести къ подробностямъ объясненій, чѣмъ къ сущности дѣла. такъ какъ философскій смыслъ объясненій остался во всѣхъ случаяхъ почти тотъ же самый.

Въ частности, весьма важное значеніе для сравнительнаго изученія вѣрованій индоевропейскихъ національностей имѣло близкое знакомство съ санскритскою литературою, особенно съ Риг-Ведою. Настоящее, научное сравнительное изученіе началось лишь съ этого времени.

Вторымъ важнымъ шагомъ въ этой области можно назвать внесеніе въ кругъ сравниваемыхъ мифологій не только болѣе развитыхъ религіозныхъ представленій историческихъ народовъ древности, но неразвитыхъ элементарныхъ народныхъ вѣрованій, особенно со времени Як. Гримма.

На этой научной почвѣ почти до послѣдняго десятилѣтія работало большинство ученыхъ почти одними и тѣми же приемами и методами, причемъ можно замѣтить лишь большее или меньшее преобладаніе одного изъ двухъ слѣдующихъ элементовъ: объясненіе мифовъ, какъ олицетворенія явленій метеорологическихъ или измѣншій дня и ночи, времени года и т. п.; объясненіе ихъ, какъ результатъ иного пониманія прежнихъ словъ языка (особенно въ школѣ Макса Мюллера). Впрочемъ, у большей части изслѣдователей, натуралистическій и лингвистическій элементъ въ объясненіи мифовъ вступали въ довольно мирное соглашеніе.

Въ послѣдніе годы развитіе антропологическихъ изслѣдованій

не дозволило уже ограничиваться сравненіемъ религій лишь индоевропейскихъ народовъ, увеличило въ значительной степени матеріалъ сравненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отняло возможность ограничиваться лингвистическими объясненіями при объясненіи одинаковыхъ формъ мифовъ у племенъ, говорящихъ языками, которые принадлежатъ къ совершенно различнымъ отраслямъ челоуѣческаго слова. Рядомъ съ этимъ начинаетъ завоевывать собѣ мѣсто и совершенно иное объясненіе генезиса вѣрованій: вѣра въ духовъ предковъ, считавшаяся и до сихъ поръ считающаяся у большинства толкователей религій позднѣйшимъ явленіемъ, получаетъ въ сочиненіяхъ новыхъ писателей болѣе первобытное значеніе. Если это, можетъ быть, и увлеченіе, то во всякомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ науки о вѣрованіяхъ можно въ настоящее время считать генетическое отношеніе фетишизма, анимизма, поклоненія животнымъ и натуралистическихъ мифовъ вообще, а затѣмъ вопросъ о генезисѣ религій историческихъ народовъ изъ этого первобытнаго слоя.

Если все упомянутое до сихъ поръ изслѣдованія относились болѣею частью къ антропологическому или до-историческому періоду жизни народовъ, то и для всѣхъ историческихъ религій въ последнее время поставленъ вопросъ генетическаго развитія. Въ настоящее время для ученыхъ не существуетъ уже, напримѣръ, одной религій древнихъ грековъ, но научное пониманіе ея предполагаетъ изслѣдованіе измѣненій въ ней совершившихся въ разные періоды жизни древняго міра.

Этотъ самый вопросъ о генезисѣ историческихъ религій, который представляетъ столько трудностей для вѣрованій, восходящихъ къ антропологическому періоду, тѣмъ болѣе важенъ для вѣрованій, получившихъ начало въ историческое время, такъ какъ и условія ихъ происхожденія и различные фазисы ихъ развитія могутъ быть изслѣдованы на основаніи болѣе достоверныхъ памятниковъ. Но лишь XIX-ый вѣкъ выработалъ то историческое пониманіе, которое позволяетъ отнести подобнымъ образомъ къ тому, что еще недавно составляло предметъ или вражды или безусловнаго почитанія. Можно сказать, что къ надлежащей разработкѣ исторіи патристическаго, схоластическаго, реформатскаго и рационалистическаго періодовъ приступлено лишь въ послѣдніе 40 лѣтъ и еще очень многое здѣсь остается уяснить послѣдующимъ изслѣдовате-

ляемъ. На періодъ, предшествовавшій патристическому, обращено было много работъ, но именно эти работы показываютъ какъ много осталось еще сдѣлать. Точно также къ надлежащему уясненію исторіи буддизма, исламизма едва приступлено. Отношеніе всѣхъ этихъ вѣрованій къ другимъ побѣжденнымъ ученіямъ тѣхъ же періодовъ (къ гностицизму, въ его разныхъ отрасляхъ, манихейству, катаризму, суфизму, бабизму, къ новѣйшимъ философскимъ ученіямъ индуизма и т. п.) требуетъ еще значительныхъ работъ и разъясненій.

Но наука вѣрованій не можетъ ограничиться пропедшимъ; она должна разъяснить и настоящее, а настоящее представляетъ много интересныхъ фактовъ для изслѣдователя въ этой области. Какъ методистскіе ревивали, сведенборгизмъ и аналогичныя имъ явленія въ XVIII вѣкѣ нуждаются въ историческомъ разъясненіи изъ условій исторической среды и изъ переживанія нѣкоторыхъ элементовъ до историческаго періода, такъ и въ наше время приходится уяснить себѣ появленіе мармонизма, спиритизма и т. под. Факты науки вѣрованія распространяются отъ доисторическихъ амулетовъ, находимыхъ со скелетами каменнаго періода, до самоновѣйшихъ проявленій штунды, панской непогрѣшимости или новаго арабскаго мессіи—кабалиста Хахама. Лишь систематическая группировка и удовлетворительное поясненіе всѣхъ этихъ фактовъ въ ихъ генезисѣ, въ ихъ связи и въ ихъ зависимости отъ другихъ современныхъ имъ явленій, можетъ удовлетворить задачѣ научнаго пониманія вѣрованій.

Но для этого приходится пересматривать и самыя основы всего объясненія, именно психологическій фактъ, лежащій въ основаніи всѣхъ разнообразныхъ формъ вѣрованія и культа и роль этого факта вообще въ исторіи человѣчества. Въ этомъ отношеніи не только психологическіе взгляды Юма или Ог. Конта, но и Л. Фейербаха оказываются уже недостаточными. Психологія послѣдняго времени позволяетъ идти нѣсколько далѣе, но и здѣсь настоящій путь лишь указанъ; работа только начинается. Тоже можно сказать о роли религій въ развитіи цивилизацій.

Такимъ образомъ наука вѣрованій, подготовленная уже довольно давно, лишь въ самое послѣднее время въ достаточной степени очертила область фактовъ къ ней относящихся, установила свои методы, опредѣлила основныя вопросы въ главныхъ своихъ от-

сляхъ и приступила къ систематической разработкѣ этихъ отраслей. Одинъ изъ ея довольно смѣлыхъ и даже парадоксальныхъ адептовъ, Эмиль Бюрнуфъ, писалъ въ 1872 г. что «прежде чѣмъ кончится нынѣшній вѣкъ», наука религій «будетъ установлена въ ея единствѣ». Едва ли это возможно такъ скоро, но, во всякомъ случаѣ, она привлекаетъ на себя въ послѣднее время столько вниманія, что можетъ быть читателями найдутъ не лишнимъ послѣдующее за этимъ изложеніе теоретическихъ основаній, положенныхъ для нея въ сороковыхъ годахъ нашего вѣка и болышею частью обусловившихъ въ теоретическомъ отношеніи ея послѣдующее развитіе.

Какъ необходимое введеніе къ теорическимъ взглядамъ на генезисъ народныхъ вѣрованій, установленнымъ въ началѣ сороковыхъ годовъ Фейербахомъ и Контомъ, приходится упомянуть о ихъ предшественникѣ, который почти за сто лѣтъ до того набросалъ въ этой области тѣ самыя основанія, которыя потомъ должны были, въ значительной степени, войти въ науку. Я говорю здѣсь о замѣчательной личности Давида Юма, который имѣлъ влияние на развитіе самыхъ крупныхъ представителей мысли послѣдующаго времени и выказалъ гибкость своего ума въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, развивавшихся въ его время. Эмануилъ Кантъ и Огюстъ Контъ одинаково видѣли въ немъ предшественника критическаго идеализма и предшественника позитивизма; онъ въ рождающейся политической экономіи замѣчалъ и исправлялъ ошибки Адама Смита, въ исторіи понималъ отношеніе культуры къ политическимъ событіямъ, такъ, какъ понималъ это Вольтеръ; наконецъ, въ той области, о которой мы говоримъ, его приходится признать (и Гэтнеръ уже замѣтилъ это) примымъ предшественникомъ Лудвига Фейербаха.

Давидъ Юмъ принадлежалъ къ той группѣ свободныхъ мыслителей XVIII вѣка, которая въ Англіи и во Франціи вела самую упорную войну съ преданіемъ за права свободной мысли. Но кромѣ того, по природѣ холодный, крайне сдержанный и склонный къ теоретическимъ выводамъ, болѣе чѣмъ къ возбужденію фактами (что Бокль приписываетъ національно-шотландскимъ привычкамъ мысли), онъ дѣйствовалъ не насмѣшкою или частыми нападеніями, какъ его французскіе современники, но систематически обдуманнѣе изученіемъ слабыхъ сторонъ враждебной ему теоріи. Онъ написалъ исторію Англіи, подрывая фактическимъ изложеніемъ со-

бытій господствовавшей въ обществѣ взглядъ на вѣрованія, и едва ли не перевесъ (по крайней мѣрѣ такъ думалъ Маколей) на либеральныхъ противниковъ Стюартовъ свою ненависть къ пуританизму. Онъ припаялъ самое живое участіе въ спорѣ о чудесахъ, поднятомъ въ Англии книгою Мпльтона; онъ выработалъ въ цѣльный и связанный очеркъ теорію нравственности, независимой отъ теоретическихъ вѣрованій, которую въ концѣ XVII столѣтія началъ разрабатывать епископъ Комберландъ; наконецъ, онъ посвятилъ особый трактатъ «Естественной исторіи религій», трактатъ, заключающій основанія объясненія общихъ законовъ развитія религиозной мысли, причеиъ самъ авторъ оставался на точкѣ зрѣнія строгаго теизма, предоставляя себѣ при этомъ полную свободу въ критикѣ религиозныхъ формъ какъ язычества, такъ и католицизма. Мы не будемъ останавливаться на другихъ его работахъ и на взглядахъ на тотъ же предметъ, разсѣянныхъ въ другихъ его произведеніяхъ, но ограничимся лишь тѣмъ, что находимъ въ его основномъ трудѣ по этому предмету (*The natural history of religion*, 1755), который здѣсь и наиболѣе важенъ, по связи его съ послѣдующими теоріями.

Юмъ, съ самаго начала, становится на точку зрѣнія необходимости развитія высшихъ, болѣе совершенныхъ и болѣе сложныхъ взглядовъ на вещи изъ низшихъ, несовершенныхъ и элементарныхъ. «Духъ—говоритъ онъ (*Essays and Treatises etc.* 1784, стр. 404, по этому изданію всѣ цитаты)—переходитъ постепенно отъ низшаго къ высшему: идея совершенства получается какъ отвлеченіе отъ того, что несовершенно». Далѣе онъ настаиваетъ на томъ, что религиозное чувство было вызвано въ человѣкѣ не созерцаніемъ порядка и стройности въ природѣ, но, напротивъ, необычными поражающими явленіями. «Варварскому и пужающемуся животному (а такимъ былъ человѣкъ при началѣ общества), испытывающему многочисленныя потребности и страсти, некогда удивляться стройной сторонѣ природы и производить изслѣдованія о причинѣ тѣхъ предметовъ, къ которымъ онъ постоянно привыкъ съ дѣтства (404—405). Но именно случайности жизни должны были привести человѣка къ признанію невидимыхъ силъ въ формѣ многобожія. «Первыя религиозныя представленія—пишетъ Юмъ (403)—возникли не изъ созерцанія произведеній природы, но изъ заботы о жизненныхъ событіяхъ и изъ безпрестанныхъ надеждъ и опасеній, волнующихъ человѣческую умъ . . . (409). На этихъ варваровъ

можно допустить дѣйствіе лишь обычныхъ аффектовъ человеческой жизни: страстнаго желанія счастья, опасенія будущихъ бѣдствій, ужаса смерти, жажды мщенія, нужды въ нищѣ и другихъ необходимыхъ вещахъ. Взволнованные надеждами и опасеніями этого рода, особенно послѣдними, люди изучаютъ, трепеща отъ любопытства, теченіе возникающихъ причинъ и разсматриваютъ разнообразныя и противоположныя событія человеческой жизни. И въ этой безпорядочной сценѣ ихъ мысль, еще болѣе безпорядочная и удивленная, впервые различаетъ неясныя черты божества . . . (410). Неизвѣстныя причины становятся постояннымъ предметомъ нашихъ надеждъ и опасеній; и, въ то время, какъ страсти постоянно возбуждены тревожнымъ ожиданіемъ событій, воображеніе тоже работаетъ, составляя представленія объ этихъ силахъ, отъ которыхъ мы такъ вполне зависимъ . . . (411). Въ человѣчествѣ существуетъ вообще стремленіе представлять всѣ вещи по своему подобію и переносить на всякій предметъ тѣ качества, которыя человѣку близко знакомы и которыя онъ непосредственно сознаетъ . . . (412). Поэтому немудрено, что люди, находясь въ полномъ невѣжествѣ относительно причинъ и въ тоже время безпоясь о своей будущей судьбѣ, немедленно признаютъ свою зависимость отъ невидимыхъ силъ, обладающихъ чувствомъ и разумомъ . . . Скоро мы приписываемъ имъ человеческую мысль, человеческій разумъ, человеческія страсти, иногда же и члены и формы человѣка, чтобы сдѣлать ихъ болѣе похожими на насъ.

Здѣсь мы имѣемъ уже не мало указаній, которыя развиты въ цѣлыя теоріи послѣдующими изслѣдователями. Прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній, не лишенихъ значенія. Такъ Юмъ замѣчаетъ (413), что хотя всѣ «человѣческіе аффекты не могутъ вести къ понятію о невидимой, разумной «силѣ», но таково преимущественно, дѣйствіе подавляющихъ аффектовъ. Именно тогда мысль, взволнованная недовѣрчивостью, ужасомъ и печалью, прибѣгаетъ ко всякому методу для успокоенія тѣхъ таинственныхъ разумныхъ силъ, отъ которыхъ вполне зависитъ судьба человѣка, по его мнѣнію». Изъ этого же пачала Юмъ объясняетъ переходъ отъ многобожія къ единобожію (о фетишизмѣ въ первые заговорилъ де Броссъ лишь въ 1760 г., чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія труда Юма) путемъ расширенія свойствъ, приписанныхъ языческому божеству его хвалителями (429) Какъ ни смотрѣли на божество его поклонники, они

старались всѣми средствами заслужить его благоволеніе. Предполагая, что ему, какъ имъ, нравятся похвала и лесть, они жалѣли восклицанія и преувеличенія въ обращеніи къ нему... (135). Но увеличивая восклицанія и выраженія уваженія и возвышая свои божества до послѣднихъ предѣловъ совершенства, люди, наконецъ, достигаютъ до атрибутовъ единства, безконечности, простоты и духовности». Въ этой формѣ славословіе встрѣчалось съ философскимъ мышленіемъ и, укрѣпленное имъ, давало начало единобожію. — Антропологическое начало Фейербаха здѣсь уже встрѣчается въ достаточномъ развитіи. Подведеніе религій подъ двѣ основныя категоріи: многобожія и единобожія, долго еще господствовавшее въ послѣдствіи, было гораздо болѣе извинительно у Юма, не имѣвшаго предъ собою тѣхъ изслѣдованій о мифахъ, которые были сдѣланы въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Конечно, Юмъ заплатилъ и долженъ былъ заплатить дань своему времени, допустивъ въ свою теорію нѣкоторую долю евгемеризма, но намъ не важны здѣсь неизбежныя недостатки произведенія о теоріи религій, появившагося въ 1755, при крайней бѣдности научной критики въ этой области и при господствѣ школы (къ которой принадлежалъ и Юмъ), всего менѣе способной научно понять процессъ генезиса вѣрованій, именно потому, что эта школа находилась въ самомъ разгарѣ борьбы съ вредными вліяніями религіознаго преданія. Намъ важна сила мысли Юма, угадавшей многія черты послѣдующихъ теорій, не смотря на невыгодныя условія, при которыхъ онъ писалъ свой трудъ.

Начало сороковыхъ годовъ, когда появились произведенія Фейербаха и Конта, было уже совсемъ иное время, чѣмъ то, когда писалъ Юмъ. Это была уже не эпоха энциклопедии и Руссо, полная надеждъ на побѣду «просвѣтителей» въ мірѣ идей, причѣмъ борьба направлялась преимущественно противъ ненавистнаго клерикализма, союзниками же революционеровъ умственнаго міра являлись Екатерина, Фридрихъ, Иосифъ, даже папа Клементъ XIV, а движеніе массъ входило въ расчетъ тѣхъ, которые участвовали въ движеніи мысли. Это была уже не эпоха господства французской литературы, какъ передовой, и нравственнаго сознанія представителей литературы, что они обязаны бороться съ существующимъ зломъ, на сколько это дозволяютъ существующія условія. Рядъ разочарованій разиратилъ всѣ партіи, всѣ отбѣнки вліятельной литературы. Кровавыя сцены первой французской революціи испугали всѣхъ тѣхъ,

которые готовились вести войну безъ одной капли крови. Началась реакція въ мысли. Риторика Шатобриана, похвала палачу де Мэстра стали видными, чуть не самыми любимыми явленіями въ литературѣ. Первая имперія, священный союзъ, вліяніе Меттерниха смѣнили идеаль республики. Дидро и Гольбахъ были забыты и презрѣны для туманнаго идеализма Фихте и Шеллинга. Въ отечествѣ Юма ни одно сочиненіе, направленное противу христіанскаго преданія, не могло рассчитывать на какой либо успѣхъ. Въ отечествѣ Вольтера господствовала литература искусства для искусства, литература Мюссэ и Бальзаковъ, считавшая своею заслугою политическій и общественный индифферентизмъ; господствовала межеумочная философія эклектиковъ, занимавшая свои «начала» изъ Шотландіи, изъ Германіи, изъ древней Александріи, но строго отрицавшая наслѣдство XVIII вѣка. Революція 1830 г. только прибавила нонша разочарованія къ старымъ. Десять лѣтъ буржуазнаго королевства разочаровали умы Франціи въ либерализмъ знаменитой хартии, въ литературѣ, наукѣ и философіи, централизованной въ «головѣ міра», какъ Гюго называлъ Парижъ. Гегелизмъ, поглотивъ въ себя все прежнее развитіе идеализма и придя къ оправданію, какъ «разумной дѣйствительности», той жалкой дѣйствительности, подъ которою задыхалась Германія тридцатыхъ годовъ, разочаровалъ умы, увлеченные нѣмецкою метафизикою, въ ея «безусловности». Возрожденіе вѣрованій, на которое рассчитывали въ первыя десятилѣтія новаго столѣтія, оказалось невозможнымъ; въ немъ стали воплѣ очевидными лицемеріе, искусственность, рутинна. Завоеванія эмпирической науки были такъ громадны и охватили столь обширную область, что эмпирическая точка зрѣнія стала для нихъ уже слишкомъ тѣсна. Отношенія между наукою, философіею и религіею, между теоретическими и практическими вопросами, установленныя современниками Вольтера, были уже несостоятельны, потому что устарѣли; рѣшенія этихъ же вопросовъ, предложенныя идеалистами и эклектиками двадцатыхъ годовъ, были тоже несостоятельными, потому что были проникнуты стремленіемъ къ «компромиссу», къ внѣшнему примиренію непримиримаго, къ прикрытію туманными формулами всѣхъ затрудненій, которыя представлялись мыслителю въ теоретической и практической области. Существовала потребность въ установленіи новыхъ объединяющихъ началъ для мысли, новыхъ возрѣній на практическія задачи, спо-

собныхъ разсѣять старое разочарованіе и одушевить новое поколѣніе новыми идеалами. Конечно, это было возможно лишь связавъ новое движеніе съ традиціями XVIII вѣка и возродивъ его задачи дополненныя всѣмъ тѣмъ, что человѣчество приобрѣло въ теоретическомъ знаніи и въ практической опытности въ полвѣка, проведенные въ буряхъ революціи или нѣмецкаго Sturm und Drang, въ униженіи наполеоновскаго милитаризма и меттерниховскихъ тайныхъ канцелярій, въ увлеченіяхъ романтизмомъ и идеализмомъ, въ удивленіи аристократической разочарованности Фаустовъ, Манфредовъ и Чайлд-Горальдовъ, въ новыхъ революціяхъ и политическихъ реформахъ, которыя окончилась лишь установленіемъ повсюду господства промышленныхъ и биржевыхъ спекуляторовъ и адвокатовъ.

Подъ этими влияніями въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ явился рядъ произведеній, изъ которыхъ ни одно не охватило вполнѣ задачи своего времени, далеко не всѣ имѣли одинаковое значеніе, далеко не всѣ оказали немедленное влияніе на ходъ европейской мысли, но которыя всѣ вмѣстѣ обозначали новую эпоху въ развитіи этой мысли и окончательно имѣли не малое влияніе на это развитіе.

Первую группу борцовъ за новое далъ гегелизмъ въ своей «лѣвой» сторонѣ. Въ 1835 г. появилась книга Давида Штрауса и началась дѣятельность Фердинанда Христиана Боура въ томъ направленіи, которое сдѣлало столь знаменитую новую тюрбингенскую школу богослововъ. Съ 1839 г. по 1845 г. Лудвигъ Фейербахъ издалъ главныя свои произведенія. Съ 1838 г. начали выходить «Hall'sche Jahrbücher», обратившіеся въ 1841 г. въ «Deutsche Jahrbücher» и перенесенные въ 1844 г. въ Парижъ подъ названіемъ «Deutsch-Französische Jahrbücher», причемъ на нихъ появилось имя Карла Маркса.

Въ тоже время, видѣлившись изъ школы сен-симонистовъ и явно признавая свою связь съ XVIII вѣкомъ, писалъ въ 1830—1842 годахъ Огюсть Контъ свой «Cours de philosophie positive». Онъ былъ незамѣченъ или презираемъ господствующею школою эклектиковъ и доктринеровъ, но, тѣмъ не менѣе, его требованіе тѣсной связи между эмпирической наукою и философіею должно было пустить глубокіе корни въ будущемъ. Въ 1843 г. появилось и первое изданіе «Системы Логики» Дж. Ст. Милля, первая попытка дать логику современной науки.

Рядомъ съ этимъ и въ области практическихъ вопросовъ началось новое движеніе, уже не похожее ни на либерализмъ Гизо, Тьеровъ и даже Каррелей, приведшій къ полному разочарованію, ни на утопіи сен-симонистовъ и фурьеристовъ, но опять таки связывавшее свои требованія съ традиціями XVIII вѣка. Еще въ 1836 году единственный крупный представитель кончающагося періода, 65 лѣтній Робертъ Оуэнъ, печаталъ свою «The book of the new moral world». Въ 1840 г. начиналась дѣятельность Прудона его мемуаромъ: «Qu' est ce que la propriété» въ 1846 г. появились его «Contradictions économiques». Рядомъ съ этимъ, изъ массы литературы, вызванной вопросомъ объ «организации труда» во Франціи, выдвинулась брошюра Луи-Блана (въ 1839 г. въ «Revue du progrès», въ 1840 г. особо) «Organisation du travail» и его «Histoire de dix-ans», начатая 1841 г., имѣла огромный успѣхъ. Въ то же время 1839—1846 гг. дѣйствовалъ въ Швейцаріи Вейтлингъ. Въ 1847 году появилась критика Прудона, написанная Карломъ Марксомъ и «Das Kommunistische Manifest», въ то самое время, какъ и старая школа политической экономіи, въ лицѣ Дж. Ст. Милля склонялась къ признанію важности новыхъ возникающихъ общественныхъ вопросовъ, вызванныхъ размноженіемъ пролетаріата.

Припомнимъ, что у насъ въ Россіи эти годы были годы дѣятельности Бѣлинскаго, Грановскаго, Лермонтова, Гоголя и др.

Конечно, для дѣли этихъ статей мнѣ нечего останавливаться на большинствѣ названныхъ мною лицъ. Я счелъ пужнымъ напомнить читателю ихъ одновременную дѣятельность въ разныхъ сферахъ лишь для того, чтобы онъ могъ, такъ сказать, однимъ взглядомъ охватить одновременное вліяніе историческаго теченія во всѣхъ странахъ Европы и чтобы для него эти разнообразныя дѣятели, съ ихъ достоинствами и недостатками, предстали не только какъ болѣе или менѣе талантливныя обособленныя личности, но и какъ различные выразители умственныхъ и нравственныхъ потребностей одного и того же историческаго момента.

Намъ придется остановиться лишь на трехъ изъ нихъ, на Луи-Вигѣ Фейербахѣ, на Огюстѣ Контѣ и сказать нѣсколько словъ о Прудонѣ. Въ послѣдствіи придется упомянуть въ болѣе специальной сферѣ той же области и нѣкоторыхъ товарищей Фейербаха изъ группы «лѣвыхъ» гегельянцевъ.

Къ именамъ Конта и Прудона наши читатели уже привыкли

и его цитируютъ безъ особеннаго затрудненія. Но о философіи Л. Фейербаха до сихъ поръ существуютъ самыя неточныя свѣдѣнія, преимущественно потому, что онъ самъ подалъ поводъ къ подобнымъ сужденіямъ слишкомъ рѣзкими отдѣльными фразами. Большинство считаетъ его чистымъ матеріалистомъ, повторяя его не совсѣмъ удачный каламбуръ: «Der Mensch ist was er isst» (Человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ). Съ такимъ же основаніемъ можно было бы сказать, что Фейербахъ вовсе не занимался философіей, на основаніи другого его афоризма. Можно было бы, на основаніи нѣкоторыхъ, его же выраженій, допустить, что онъ безпрестанно мѣнялъ свой взглядъ на вещи, расходясь съ собственной теоріей, едва онъ успѣвалъ ее высказать въ какой нибудь книгѣ, и переходя немедленно къ другой точкѣ зрѣнія. Но личности, подобныя Л. Фейербаху и нѣкоторымъ другимъ его замѣчательнымъ современникамъ слишкомъ способны увлекаться собственными словами и писать подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого увлеченія, чтобы ихъ дозвоительно было судить по отдѣльнымъ фразамъ. Можно быть весьма состоятельнымъ и твердымъ въ общемъ міросозерцаніи, можно послѣдовательно и самоотверженно идти одною и тою же дорогою всю жизнь, и при этомъ можно, подъ вліяніемъ увлеченія переходящимъ настроеніемъ или одною стороною собственной сложной мысли, выражаться такъ, что читатель, ловящій слова, будетъ увѣренъ, что онъ уличилъ автора въ непослѣдовательности, въ противурѣчии самому себѣ или въ уродливой крайности. Это всего чаще случается съ писателями, широкая натура которыхъ дѣлаетъ ихъ чуткими къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ человѣческаго существа, и въ періоды развитія новаго общественнаго міросозерцанія изъ обломковъ стараго, соединенныхъ новыми жизненными началами. Именно такою натурою былъ Фейербахъ и другіе названные выше его современники, и таковъ былъ характеръ эпохи, въ которой они дѣйствовали. Въ сущности, Фейербахъ еще при жизни Гегеля, когда онъ стоялъ въ рядахъ ревностныхъ гегельенцевъ, выработалъ уже главныя начала своей философіи, положилъ ее въ основаніе всѣхъ своихъ главныхъ трудовъ, никогда не отступалъ отъ существенныхъ основъ ея и при всемъ сближеніи съ матеріалистами и сочувствіемъ имъ, онъ, до самаго послѣдняго времени, ясно понималъ различіе своей точки зрѣнія отъ точки зрѣнія другихъ матеріалистовъ, какъ напр. Мошотта. Это доказываютъ нѣкоторые, оставленные имъ

въ рукописяхъ афоризмы (см. у Karl Grün: «Ludwig Feuerbach» et. 1874; II, 307—308). Въ нихъ Фейербахъ находитъ терминъ: «матеріализмъ» не точнымъ и предлагаетъ его замѣнить «организмомъ» (что, впрочемъ, было бы не только неудобно, но двусмысленности слова, давно вошедшаго въ обиходъ языка, но и не точно); прямо говорить, что для него: «матеріализмъ—фундаментъ зданія человеческого существа и знанія, но не самое это зданіе, какъ напр. для Молешотта»; наконецъ, пишетъ слѣдующій афоризмъ: «Я совершенно согласенъ съ матеріалистами въ томъ, что за нами, но не въ томъ, что передъ нами (Rückwärts stimme ich den Materialisten bei, aber nicht vorwärts). Такимъ образомъ, совершенно неправильно его ставить въ ряды матеріалистовъ (лучше другихъ это помялъ Ланге, въ своей «исторіи матеріализма», втор. изд., II, стр. 73 и слѣд.). Онъ занимаетъ особое мѣсто въ развитіи философской мысли Европы и, не смотря на отдѣльныя выраженія, представляетъ цѣльное міросозерцаніе въ его развитіи, хотя онъ никогда не потрудился формулировать это міросозерцаніе въ его цѣлости, такъ какъ ему казалось, по его собственнымъ словамъ (K. Grün, II, 306), что его философія «не можетъ быть исчерпана тѣмъ, что написано, не умѣщается на бумагѣ, такъ какъ для нея истинно не то, что человекъ мыслитъ (das Gedachte), а то, что онъ не только мыслитъ, но еще видѣлъ, слышалъ, прочувствовалъ». Это міросозерцаніе, какъ мнѣ кажется, можетъ разсчитывать еще на значительную роль въ будущемъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто развѣивать эти положенія. Для читателей, со мною несогласныхъ и считающихъ Л. Фейербаха настоящимъ матеріалистомъ, достаточно допустить, что онъ не былъ таковымъ въ тотъ періодъ (1833—45) годовъ, когда онъ написалъ главные свои труды, на которыхъ намъ здѣсь придется остановиться (Ueber Philosophie und Christenthum, 1839; Das Wesen des Christenthums, 1841; Grundsätze der Philosophie der Zukunft, 1845; das Wesen der Religion, 1845). Для объясненія ихъ основныхъ положеній приходится указать преимущественно на его философскую точку зрѣнія именно въ этотъ періодъ.

Отъ Гегели заимствовалъ Фейербахъ требованіе для философіи: понять дѣйствительность. Но изъ міра идей, изъ міра метафизического разума, эта дѣйствительность перешла для него въ міръ реальный, въ цѣльное существо человека, чувственного и мысля-

шаго, подверженнаго / аффектамъ, вырабатывающаго идеи и дѣйствующаго подъ вліяніемъ этихъ аффектовъ и идей. Отношеніе непосредственнаго, религіознаго міросозерцанія къ идеалистическому, метафизическому міросозерцанію его ближайшихъ предшественниковъ и къ его собственному реалистическому настроенію, Фейербахъ формулировалъ въ слѣдующемъ біографическомъ афоризмѣ (онъ интересенъ и по сравненіямъ, на которыя наводитъ): «Богъ былъ моею первою мыслию, разумъ — второю, человекъ — моею третьею и послѣднею мыслию». — Фейербахъ говоритъ: «Задача философіи — узнать то, что есть, такъ, какъ оно есть (Sämmtl. Werke, II, 183), но соединяетъ съ этимъ критическое требованіе Канта: требованіе узнать, гдѣ предѣлы человѣческаго пониманія. Эти предѣлы Фейербахъ находитъ въ природѣ человека и говоритъ: «Мѣра существа есть и мѣра его пониманія... Человекъ разъ навсегда не можетъ выйти за предѣлы своего истиннаго существа (S. W. VII, 35 и слѣд.). «Познавательный принципъ новой философіи есть дѣйствительное и цѣльное существо человека. Реальность разума — лишь человекъ... Лишь человѣческое истинно и дѣйствительно, потому что лишь человѣческое разумно; человекъ — мѣра разума (Grundz. d. Phil. der Zuk. 1843, § 51).

Гдѣ же искать эту «мѣру разума?» Въ чемъ именно заключается то, что Фейербахъ называетъ истиннымъ существомъ человека? Именно въ рѣшеніи этого вопроса высказывается могучая мысль Фейербаха, принуждающая, какъ мнѣ кажется, дать ему одно изъ весьма видныхъ мѣстъ въ развитіи философской мысли. Онъ нѣсколько разъ приступаетъ къ этому вопросу, разъясняя его въ разныхъ направленіяхъ и неточныя мнѣнія о его міросозерцаніи происходятъ преимущественно отъ того, что изслѣдователи слишкомъ часто, останавливаясь на одномъ изъ направленій, при этомъ припятыхъ Фейербахомъ, не достаточно обращали вниманіе на другія.

Чѣмъ болѣе Фейербахъ углублялся въ свое построеніе, тѣмъ болѣе онъ убѣждался, что чувственная природа человека составляетъ всюду неизбѣжную подкладку его духовныхъ явленій, что реальный міръ, съ его процессами есть неустраняемая основа всей духовной жизни человека. Такъ какъ именно въ этомъ пунктѣ происходитъ его отдѣленіе отъ всѣхъ отраслей господствовавшаго въ Германіи идеалистическаго направленія, то онъ съ особенною энер-

гю напирать на эту сторону своего учения, причем, само собою разумѣется, выражается почти какъ чистый матеріализмъ. «Человѣкъ никогда не можетъ оторваться отъ природы, говорить онъ. «Ишь реальное существо познаетъ реальныя вещи Grunds. d. Ph. d. Z. § 52). Дѣйствительное въ своей дѣйствительности есть чувственное. Истина, дѣйствительность, чувственность—тождественны. Ишь чувственное существо есть существо истинное, дѣйствительное; лишь чувственность есть истина и дѣйствительность (§ 32). Тайна непосредственнаго знанія—чувственность (§ 39).

Но Фейербахъ прошелъ чрезъ слишкомъ строгую школу діалектики, чтобы на этомъ остановиться. Онъ понималъ, что природа, какъ міръ, существующій въ представленіи человѣка, также неизбежно обуславливается законами его мышленія, какъ это мышленіе—законами реального міра. И потому онъ говоритъ: «какъ человѣкъ принадлежитъ къ сущности природы, такъ природа — къ сущности человѣка». Тѣмъ самымъ въ его воззрѣніи происходитъ неизбежное отклоненіе отъ матеріализма. Какъ ни безусловно истинна для Фейербаха матеріалистическая, воспринятая чувствами основа всего сущаго, но его цѣль не безусловная философія, не метафизика. Для него «новая философія, какъ философія человѣка, есть, по своему существу, философія для человѣка». Поэтому и неизбежныя, невидѣлимыя иллюзіи человѣческаго существа должны войти въ нее: «Я человѣкъ, ничто человѣческое мнѣ не чуждо — это положеніе, въ его самомъ общемъ и высшемъ смыслѣ, есть девизъ новой философіи» (§ 56). На основаніи «истиннаго» существа человѣка, того существа, которое невидѣливо отъ него въ его собственной мысли, а, слѣдовательно, одно и существуетъ «для человѣка», приходится признать двойственную основу въ этой философіи «для человѣка». Она должна черпать свои начала не только изъ тѣхъ явленій міра, которыя «для человѣка» чисто-объективны и чувственны, лежатъ какъ бы внѣ его, но и изъ тѣхъ явленій, которыя для него противопоставляются чувственному міру (хотя бы метафизически и коренились въ немъ). Отсюда противоположеніе природы человѣку, какъ двухъ различныхъ (для него), хотя и тѣсно связанныхъ между собою источниковъ философскаго мышленія. Отсюда афоризмъ (Sammtl. Werke II, 263): «Природа и человѣкъ связаны. Смотрите на природу; смотрите на человѣка. Танцства философіи предъ вашими глазами». Или, какъ Фейербахъ

формулируетъ въ другомъ мѣстѣ болѣе строго свое положеніе: «Новая философія ставитъ человѣка, — включая въ него и природу, какъ основу человѣка, — единственнымъ, всеобщимъ и высшимъ предметомъ философіи». (Grundz. § 55).

Именно изъ этой, уже не материалистической стороны философіи Фейербаха вытекаетъ его отношеніе къ области аффектовъ, къ области общечитія и области практической дѣятельности. Если онъ въ афоризмахъ, приведенныхъ выше, такъ сильно напиралъ на чувственныя явленія и на реальный міръ, какъ элементы «истиннаго существа» человѣка, то здѣсь онъ объясняетъ это существо совсѣмъ изъ иного, чисто-жизненнаго источника. Личность, совершенно исчезнувшая въ обобщающихъ процессахъ реального міра, получаетъ свое мѣсто въ философіи Фейербаха, какъ источникъ и предметъ аффекта, какъ единственное начало, позволяющее философски понять любовь, убѣжденіе, общечитіе, вообще практическіе вопросы жизни, которые столь же существенно входятъ «въ истинное существо» человѣка, какъ и его теоретическое мышленіе, постоянно приводящее его къ чувственному міру. «Лишь въ аффектѣ чувства, лишь въ любви единица получаетъ безусловное значеніе. Въ этомъ, и только въ этомъ заключается безконечная глубина, божественность и истинность любви. Лишь то существуетъ, что есть предметъ страсти — дѣйствительный или возможный. Для отвлеченнаго мышленія, нечувствующаго и безстрастнаго, исчезаетъ различіе между бытіемъ и небытіемъ, но для любви это различіе реально. Поэтому бытіе есть тайна аффекта чувства, тайна любви» (§ 34). Эта мысль, роль аффекта въ познаніи и отношеніе его къ чувственности еще яснѣе выражены Фейербахомъ въ слѣдующихъ словахъ (§ 42): «Мы чувствуемъ не только камни и дерево, не только мясо и кости, мы чувствуемъ и аффекты чувства; наши уши воспринимаютъ не только шумъ воды и шуршаніе листьевъ, но и одушевленный голосъ любви и мудрости. Поэтому предметъ чувственныхъ воспріятій есть не только внѣшнее, но и внутреннее, не только плоть, но и духъ, не только вещь, но и «я». Всѣ наши идеи, поэтому, исходятъ изъ чувственныхъ воспріятій; въ этомъ эмпиризмъ совершенно правъ; онъ только забываетъ, что важнѣйшій, существеннѣйшій объектъ чувственныхъ воспріятій для человѣка есть самъ человѣкъ; что лишь во взглядѣ человѣка, въ человѣкѣ загорается свѣтъ сознанія и разсудка».

Отсюда уже прямо слѣдовало пониманіе общежитія, какъ элемента «истиннаго существа» человѣка. «Не уединенный человѣкъ, но человѣкъ вдвоемъ приходили къ понятію, вообще къ разуму. Общеніе человѣка съ человѣкомъ есть начало и критерій истиннн и общности. Что я одинъ вижу, въ томъ я сомнѣваюсь; что видѣть и другой, то вѣрно» (§ 42). «Отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ не имѣетъ въ себѣ человѣческой сущности ни какъ нравственное, ни какъ мыслящее существо. Сущность человѣка лишь въ общеніи, въ единствѣ человѣка съ человѣкомъ, въ единствѣ, опирающемся лишь на реальность различія между «я и ты» (§ 61). «Поэтому высшее и окончательное начало философіи есть единство человѣка съ человѣкомъ. Всѣ существенныя отношенія—принципы различныхъ наукъ—суть лишь различныя виды и формы этого единства. Самый процессъ мышленія можетъ быть понятъ и выведенъ лишь изъ этого единства» (§ 65). Фейербахъ доходитъ до того, что даже говоритъ: «Общеніе—свобода и безконечность» (§ 62).

Но какъ только философія придала такое значеніе аффекту и реальному общежитію (не только мыслимому общежитію въ родѣ гегелевскаго государства — бога), то она не могла уже оставаться исключительно въ области мышленія: она должна была дать широкое мѣсто и области дѣйствія, области жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, къ этому и пришелъ Фейербахъ. Для него «истина не въ мышленіи, не въ познаніи самомъ для себя. Истина—лишь цѣлость человѣческой жизни и человѣческаго существа» (§ 60). И потому задача философіи не ограничивается теоріею. Философія Фейербаха «не вредитъ достоинству и самостоятельности теоріи, даже въ самомъ тѣсномъ согласіи съ теоріею, имѣетъ существенно практическую и даже въ высшей степени практическую тенденцію» (§ 66). Онъ смотритъ на нее (K Grün, I, 406), какъ на философію, которая должна «удовлетворять потребности человѣчества»; какъ на философію, которая не только «принадлежитъ къ исторіи философіи», но сама «есть исторія человѣчества». / «Мы стоимъ—говоритъ онъ—у дверей новаго времени, новаго періода (исторіи) человѣчества».

Итакъ, «истинное существо человѣка»—принципъ и цѣль философіи Фейербаха — есть человѣческое «я», твердо опирающееся на чувственный міръ материализма, волнуемое аффектами, вырабатывающее горячія убѣжденія, ставшее себѣ практически за-

дачи и живущее въ разрѣшеніи этихъ задачъ. Именно въ цѣлости и единствѣ всѣхъ этихъ разностороннихъ проявленій единого человеческого существа—задача философіи. Въ ней человекъ есть провѣренное я, именно, провѣренное чувственностью, логикой, личными аффектами, общежитіемъ, практическимъ осуществленіемъ своихъ мыслей и аффектовъ въ частной и общественной жизни. Матеріализмъ, къ которому относятъ Фейербаха, составляетъ, именно, лишь «фундаментъ» для его философскаго «зданія», но въ томъ, что было «передъ» человекомъ въ его стремленіи къ лучшему, личному и общественному будущему, въ выработкѣ жизненныхъ плановъ и горячихъ убѣжденій, словомъ, въ жизненной сторонѣ философіи, Фейербахъ никогда матеріалистомъ не былъ, да и не могъ быть, потому что матеріализмъ въ этой сторонѣ, кромѣ иллюзіи ничего видѣть не можетъ.

Но именно широкая роль, которую давалъ Фейербахъ въ своей философіи аффективной и дѣятельной сторонѣ человеческого существа позволила ему лучше другихъ понять психическія условія народныхъ вѣрованій и значеніе формъ мѣровъ и культа; вслѣдствіе этого онъ проникся сознаніемъ необходимости для каждаго мыслящаго человека внести вѣрованія въ научную сферу «мышленія и изслѣдованія», подвести ихъ подъ «законы прогрессивнаго развитія» и призналъ «полуобразованнымъ, получеловѣкомъ» того, «чей разумъ останавливается передъ этою задачею» (Посмертныя афоризмы у К. Grün, II, 314).

Мысль о томъ, что при созданіи мѣровъ и при обрядахъ культа человекъ вноситъ въ природу свои свойства и требованія, была не новостью, но Фейербахъ съ особенною тщательностью развила ее въ подробностяхъ. Въ предметахъ культа онъ видѣлъ «исключительно или преимущественно лишь предметъ человеческихъ цѣлей и потребностей» (§ 31)¹⁾. «Чувство зависимости—писалъ онъ (§ 1)—есть основаніе культа. Предметъ этого чувства зависимости, отъ чего человекъ зависитъ и чувствуетъ себя зависимымъ, есть первоначально ничто иное, какъ природа. Природа есть первый, первоначальный предметъ религіи». И позже

¹⁾ Въ параграфѣ здѣсь относятся къ «Das Wesen der Religion» (1-е изд. 1845; 2-е изд. 1849); въ позднѣхъ сочиненіяхъ помѣщено въ т. I, стр. 41 и слѣд.

возражал (въ «Erigonen» V, 1848) Гайму на его критику, онъ говоритъ: «Когда я имѣю природу и человѣка, первую—какъ предметъ, втораго—какъ сознание, то элементъ для порожденія религіи вполне данъ».

По его взгляду врождена человѣку религія «какъ чувство зависимости — чувство или сознание человѣка, что онъ не существуетъ и не можетъ существовать безъ другаго существа, отъ него отличнаго» (§ 2). Это чувство зависимости тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще «бѣдствіе и нужда» приводятъ человѣка къ горькому опыту его безсилія (§ 32). Но безсиліе удовлетворить потребности не мѣшаетъ расти «желанію». Напротивъ, «чѣмъ болѣе связаны мои руки, тѣмъ менѣе связаны мои желанія, тѣмъ энергичнѣе мое стремленіе къ свободѣ» (§ 32). Религіозный процессъ предполагаетъ именно «противуположеніе или противурѣчіе между хотѣніемъ и силою, между желаніемъ и достиженіемъ, между намѣреніемъ и полученнымъ результатомъ» (§ 29). Это противуположеніе или противурѣчіе вызываетъ аффектъ и «лишь въ аффектъ, лишь въ чувствѣ коренится религія. Желаніе есть источникъ и самая сущность калькута».

Человѣкъ всюду и всегда зависитъ отъ природы и «божественное начало открывающееся въ природѣ, есть ничто иное какъ сама природа, которая отрывается, представляется и навязывается человѣку, какъ божественная сущность» (§ 7). И она «остаётся постоянною, хотя и скрытою подкладкою калькута» (§ 9). «Свойства, на которыхъ основано, или которыми поддерживается различіе божественной сущности отъ сущности человѣческой или, по крайней мѣрѣ, отъ человѣческой особы, суть въ началѣ или, въ своей основѣ, лишь свойства природы» (§ 10). Когда люди вѣровали въ бытіе мнѣческихъ божествъ, бытіе «независимое отъ того, существуетъ или не существуетъ человѣкъ, мыслить онъ или не мыслить, желаетъ онъ или не желаетъ, въ этомъ вѣрованіи, или—вѣрнѣе въ предметѣ его» люди имѣли предъ собою «привидѣніе природы, существованіе которой независимо отъ существованія человѣка, а еще менѣе отъ аргументовъ его мышленія или его аффекта» (§ 9). Даже позже, когда, человѣкъ переходилъ къ болѣе философскому представленію о предметахъ своего почитанія, «всѣ свойства или опредѣленія», дѣлавшія изъ этихъ существъ ничто способные быть предметомъ мышленія, ничто дѣй-

ствительное «суть лишь свойства, отвлеченныя отъ природы, предполагающія и выражающія природу, слѣдовательно свойства уничтожающіяся съ уничтоженіемъ природы. Это—природа in abstracto» (§ 23).

Но природа, воспринимаемая чувствами, еще не можетъ быть предметомъ религіи; она становится таковою, лишь вызывая творчество фантазіи и волненіе аффекта. Первое предположеніе всегдѣ есть именно чувственно — воспринятая природа. «Это основаніе существованія человѣка, въ высшей степени ему ощутительное на каждомъ шагу, въ голодѣ и въ жаднѣ, въ боли и въ наслажденіи становится основаніемъ религіи, когда оно дѣлается предметомъ духовныхъ процессовъ, сознанія, размышленія». (K. G. p. I, 430) Связь «чувственная» между человѣкомъ и природою дана съ самаго начала, но нѣчто иное должно служить посредствомъ между природою и религіею. «Это — фантазія и настроеніе духа, т. е. человѣкъ, въ которомъ чувственные предметы вызываютъ фантазію и различное настроеніе духа или аффектъ» (тамъ же). Историческая минута возникновенія религіознаго воззрѣнія, это «тотъ моментъ когда человѣкъ выработался въ природѣ, когда природа стала предметомъ фантазіи» (тамъ же, 431). «Что либо становится предметомъ религіи лишь настолько, насколько оно возбуждаетъ фантазію и чувство, возбуждаетъ вѣру» (§ 53), и это возможно лишь тѣмъ путемъ, что человѣкъ переноситъ свое существо въ природу. «Человѣкъ переноситъ сначала свое существо внѣ себя, прежде чѣмъ онъ его находитъ въ себѣ. Собственное существо для него сначала представляется предметомъ, какъ существо иное» (Sämmtliche Werke, VII, 39, 40) (именно, какъ мнѣшескіе предметы культа) но «поставленіе человѣческаго существа предметомъ предполагаетъ созерцаніе природы, какъ человѣческаго существа» (§ 44). Человѣкъ обожаетъ природу «не какъ природу, а какъ то, что онъ есть самъ, какъ личное, живое чувствующее существо. Невольно и безсознательно ображаетъ человѣкъ существо природы въ субъективнос, т. е. человѣческое существо». И точно такъ какъ здѣсь онъ «нечеловѣческое существо» (природу) обожаетъ, потому что «оно ему кажется человѣческимъ», такъ позже онъ обожаетъ (въ мнѣшескихъ личностяхъ своего культа) свое «человѣческое существо», принимая его за нѣчто «нечеловѣческое». На этой послѣдней ступени религіи

есть отношеніе челоѣка къ самому себѣ, или — точнѣе — къ своему существу, какъ къ существу иному. Существо божествъ есть нечто иное, какъ существо людей, или, лучше, какъ существо челоѣка, очищенное, освобожденное отъ ограниченій отдѣльнаго челоѣка, ставши объектомъ, т. е. созерцаемое и почитаемое, какъ иное, отъ челоѣка отдѣльное, особенное существо. Поэтому, всѣ опредѣленія существа божества суть челоѣческія опредѣленія». (Sammlte Werke, VII, 40, 41). Мионческіе предметы религіознаго почитанія нераздѣльны отъ существа, воздающаго имъ это почитаніе и отъ самаго процесса этого почитанія. Они «не существуютъ ни внѣ религіи, ни отдѣльно, ни независимо отъ нея». Ихъ можно найти «лишь въ вѣрѣ, лишь въ воображеніи, лишь въ сердцѣ челоѣка, потому что они суть ничто иное, какъ сущность фантазіи или воображенія, сущность челоѣческаго аффекта» (§ 53).

Первоначальное стремленіе челоѣческой религіи — обратить неизвѣстную, чуждую челоѣку природу въ нечто близкое ему, «размягнуть неподатливую, твердую, какъ желѣзо, природу жаромъ аффекта для удовлетворенія челоѣческимъ цѣлямъ» (§ 33). «Въ аффектѣ переноситъ челоѣкъ свое существо внѣ себя, обращается съ безжизненнымъ (предметомъ) какъ бы съ оживленнымъ, съ произвольнымъ (явленіемъ) какъ бы съ произвольнымъ, одушевляетъ предметы своими вздохами, потому что ему невозможно въ состояніи аффекта обратиться къ безчувственному существу. Природа, заколдованная челоѣческимъ чувствомъ, соответствующая чувству, имъ ассимилированная, слѣдовательно сама полная чувствомъ, есть та природа, которая составляетъ предметъ религіи — природа, которая есть божественное существо. Гдѣ не слышны жалобныя пѣсни о смертности и бѣдствіяхъ челоѣка, тамъ пѣтъ и похвальныхъ пѣсенъ безсмертнымъ и блаженнымъ богамъ. Лишь слезы аффекта испаряются въ небо фантазіи облачными образами божественнаго существа» (§ 31). «Незнаніе» природы въ присутствіи необъяснимыхъ явленій, порождаетъ «невещественныя, безтѣлесныя, неестественныя существа. Но его нераздѣльная спутница, роскошная фантазія, которая вѣчно обращается съ высшими, еще высшими и наивысшими существами, немедленно возводитъ эти бѣдныя созданія незнанія въ званіе сверхъестественныхъ, сверхъ-естественныхъ существъ» (§ 22).

Но аффектъ, вызываемый въ челоѣкѣ явленіями природы не

есть аффектъ, зависящій только отъ человѣка: въ самихъ явленіяхъ заключается уже причина, почему они, на существо, обладающее человѣческими свойствами, производятъ именно опредѣленное впечатлѣніе и вызываютъ въ немъ, при данныхъ обстоятельствахъ, опредѣленный аффектъ (Ср. К. G r u n. I, 429).

Двѣ характеристическія черты въ явленіяхъ природы вызвали преимущественно религіозный аффектъ. Это—независимость этихъ явленій отъ воли человѣка и измѣнчивость тѣхъ самыхъ, которыя наиболѣе связаны съ человѣческими потребностями. «Основное, существенное, характеристическое дѣло религіи есть то, что независитъ отъ человѣческой воли и отъ человѣческаго знанія» (§ 30). «Измѣнчивость природы—именно въ тѣхъ явленіяхъ, которыя наиболѣе заставляютъ человѣка чувствовать свою зависимость отъ нея,—составляетъ главное основаніе, почему она кажется человѣку человѣческимъ, произвольнымъ существомъ и составляетъ предметъ его религіознаго почитанія» (§ 26). Направленіе этихъ измѣнчивыхъ и непокорныхъ его волѣ явленій сообразно своимъ желаніямъ и потребностямъ—составляетъ главный предметъ культа, который, въ свою очередь, обусловливается существующими религіозными вѣрованіями. «Чувство зависимости отъ природы въ связи съ представленіемъ природы, какъ средства, одареннаго произвольною дѣятельностью, какъ существа личнаго, составляетъ основаніе жертвоприношенія, существеннаго дѣйствія въ религіяхъ природы» (§ 27). Такъ какъ Фейербахъ съ особенною яркостью выставилъ свой взглядъ именно въ очеркѣ этого элемента религіи, то я приведу его развитіе этого явленія (§ 28).

«Въ жертвоприношеніи становится чувственнымъ и концентрируется вся сущность религіи. Основа жертвоприношенія есть чувство зависимости — страхъ, сомнѣніе, неувѣренность въ успѣхѣ, въ будущемъ, укоры совѣсти за совершенный грѣхъ. Но результатъ, цѣль жертвоприношенія есть чувство собственнаго достоинства — мужество, наслажденіе, увѣренность въ успѣхѣ, свобода и блаженство. Какъ рабъ природы, я приступаю къ жертвоприношенію, какъ владыка природы, оставляю его. Поэтому, чувство зависимости отъ природы есть начало религіи, но уничтоженіе этой зависимости, освобожденіе отъ природы—цѣль религіи.

Господство человѣческаго элемента, какъ опредѣляющаго

процессъ религіозной мысли, высказывается и въ томъ, что свои интересы онъ переноситъ на міръ и требуетъ отъ предметовъ своего культа нарушенія самыхъ привычныхъ ему единообразій въ теченія природы, лишь бы эти интересы были удовлетворены. Что для него важно, то, конечно, важно для всѣхъ прочихъ существъ; что смущаетъ его зрѣніе, то помрачаетъ и блескъ солнца, что волнуетъ его сердце, то приводитъ въ движеніе небо и землю. Его существо есть для него всемірное существо, существо міра, существо существъ» (§ 36). «Чудеса нераздѣльны отъ божественнаго управленія и провидѣнія, они даже—единственныя доказательства отверженія и проявленія боговъ, какъ сила и существо отличныхъ отъ природы; уничтожить чудеса значитъ уничтожить боговъ» (§ 51).

Можно сказать, что вся эта теорія вѣрованій формулируется Фейербахомъ въ словахъ, что вѣрованіе въ мнѳическія личности есть или вѣра въ природу, какъ челоѣкообразное существо, или вѣра въ челоѣческое существо, какъ составляющее сущность природы» (§ 52).

Ограничиваясь сказаннымъ выше относительно теоріи вѣрованій у Фейербаха, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ ее приложилъ къ ихъ исторіи.

Фейербахъ придавалъ религіи громадное историческое значеніе, «Періоды (исторіи) челоѣчества — писалъ онъ (посмертныя бумаги 1842—43 годовъ у К. Grün, I, 407)—различаются между собою лишь религіозными измѣненіями. Лишь тамъ историческое движеніе доходитъ до основанія, гдѣ оно согласовано съ аффектами челоѣка». «Все, что при процессѣ цивилизаціи стало дѣломъ образованности, самодѣтельности антропологіи. Было сначала дѣломъ религіи или теологіи, какъ напр. судопроизводство, политика, медицина...» (§ 33) на первыхъ шагахъ религіи, въ ея область входили самые обидные предметы. При гепезисѣ религіи дѣло идетъ сначала лишь о свѣтѣ, воздухѣ, огнѣ, водѣ, землѣ, о растеніяхъ и животныхъ, какъ о существахъ, безъ которыхъ челоѣкъ не могъ ни думать, ни жить, ни существовать... Что въ нашемъ смыслѣ: вовсе не религія, то именно есть первоначальная религія». (К. Grün, I, 428). «Въ религіи природы челоѣкъ обращается къ предмету, который прямо противурѣчитъ дѣйствительному стремленію и смыслу религіи: онъ приноситъ свои чувства въ

жертву безчувственному и свой разумъ въ жертву неразумному существу; онъ ставитъ лишь себя то, что желалъ бы имѣть подъ собою; онъ служить тому, чѣмъ хотѣлъ бы повелѣвать. почитаетъ то, что въ сущности ненавидитъ, проситъ помощи какъ разъ тамъ, противъ чего ищетъ помощи» (§ 34). По мѣрѣ развитія чело- вѣка измѣняется и предметъ его почитанія; въ тѣсной зависимости отъ этого развитія «богопочитаніе зависитъ отъ самоуваженія чело- вѣка, есть лишь проявленіе послѣдняго» (§ 4). Первобытные народы имѣли полное право «молиться горамъ, деревьямъ, жи- вотнымъ, рѣкамъ и источникамъ своей страны, какъ божествен- нымъ существамъ, такъ какъ все ихъ существованіе, все ихъ существо зависѣло лишь отъ свойствъ ихъ страны, отъ ея при- роды» (§ 3). Совершенно естественно ихъ мольбы обращались къ повелителямъ самихъ измѣнчивыхъ явленій природы, явленій ме- теорологическихъ. Древній богъ «лишь потому и богъ, что онъ— господинъ метеорологическихъ явленій природы; что эта дѣятель- ность природы зависитъ отъ его произвола, есть актъ его воли» (§ 30). «Лишь при пособіи животныхъ челоуѣкъ возвысился надъ животнымъ; лишь при ихъ покровительствѣ и ихъ помощи могло созрѣть сѣмя челоуѣческой природы. Изъ этого значенія живот- ныхъ для челоуѣка, именно во время начатковъ культуры, совер- шенно оправдано религіозное почитаніе животныхъ. Животные были для челоуѣка необходимыя существа; отъ нихъ зависѣло его че- лоуѣческое существованіе.

Но то, отъ чего зависитъ жизнь и существованіе челоуѣка, есть для него божество» (§ 4). Въ колдовствѣ проявлялась «ирре- лигіозная» сторона первобытнаго міросозерцанія, такъ какъ тутъ «очевиднымъ образомъ одна воля челоуѣка была богомъ, пове- лѣвающимъ природою», въ молитвѣ совершалось тоже въ религіоз- ной формѣ, такъ какъ удовлетвореніе желанія переносилось внѣ челоуѣка (§ 52). «Клятва» была духовною пыткой» К. Grün, II, 94). Когда челоуѣкъ наполнилъ природу духами, эти духи были ничто иное, какъ духи челоуѣка, его фантазія, его настроеніе, не- вольно вложенныя въ природу, обращающія природу въ символъ и въ зеркало его существа» (§ 8).

Фейербахъ, употребляя нѣсколько грубый схематизмъ, противо- полагаемъ религію природы, отождествляя ее съ многобожіемъ, рели- гію духа, отождествляя ее съ единобожіемъ (ср. § 52), и еще въ

позднѣйшей его формѣ. «Многобожіе, вообще религія природы — писалъ онъ (41) — обращаетъ дѣйствительныя существа въ представляемыя, воображаемыя; единобожіе обращаетъ представляемыя существа, образы воображенія, мысли — въ существа дѣйствительныя, или вѣрнѣе, обращаетъ сущность силы представленія, мысли и воображенія въ дѣйствительное, безусловное, высшее существо». Въ позднѣйшемъ отрывкѣ (К. G. u. n., II, 93), онъ говоритъ: «Когда человѣкъ имѣетъ много желаній и находитъ свое счастье лишь въ удовлетвореніи этой множественности, хотя бы онъ и подчинилъ эти многія желанія одному высшему, тогда у него много и боговъ, хотя бы съ однимъ главою. Гдѣ же, напротивъ, у человѣка есть лишь одно желаніе и онъ многочисленныя желанія не только подчиняетъ, но и приноситъ въ жертву этому одному желанію, тамъ осуществляетъ онъ это безусловно-монархическое желаніе въ одномъ безусловно-монархическомъ монотеистическомъ существѣ». При этомъ свое безсиліе мысли, ограниченность своего разума, вѣрующій обращаетъ въ безсиліе природы, въ ея ограниченность (§ 14). Впрочемъ, я не буду останавливаться на этой части трудовъ Фейербаха, такъ какъ что эта схема двухъ формъ религій и ихъ противоположенія составляетъ, можетъ быть, самую устарѣвшую долю его трудовъ, хотя, въ свое время, труды его, именно въ области позднѣйшаго монотеизма, были наиболѣе извѣстны и наиболѣе вліяли на современниковъ. Устарѣли же они не потому чтобы Фейербахъ, слишкомъ нецеремонно коснулся вопросовъ имъ затронутыхъ, а потому, что онъ недостаточно рѣшительно проникъ въ нихъ, удержалъ рѣзкую противоположность тамъ, гдѣ она была далеко не такъ рѣзка, и оставилъ въ сторонѣ историческое развитіе съ его разнообразными отбѣнками, которые одни позволяютъ надлежащимъ образомъ понять прошедшее. Гораздо важнѣе, мнѣ кажется, для дальнѣйшаго развитія теорій вѣрованій, нѣкоторыя отдѣльныя замѣтки объ измѣненіяхъ этихъ вѣрованій.

Такъ онъ указалъ на развитіе идеи высшего существа въ связи съ развитіемъ самого человѣка. «Тамъ гдѣ человѣкъ, въ своей волѣ и въ своемъ разумѣ, возвышается надъ природою, становится существомъ супранатуралистическимъ (выше окружающей его природы), тамъ и божество становится супранатуралистическимъ» (§ 40). «Къ отличенію своего существа отъ природы, и слѣдовательно къ божеству».

ству, отличному от природы, приходитъ человѣкъ прежде всего путемъ сближенія съ другими людьми въ одно общежитіе, гдѣ предметомъ его сознанія и чувства зависимости становятся силы, отличныя отъ силъ природы, силы, существующія лишь въ мысли или въ представленіи; силы политическія, нравственныя, отвлеченныя; силы закона, общественнаго мнѣнія, чести, добродѣтели; гдѣ физическое существованіе человѣка подчиняется его существованію человѣчному, гражданскому и нравственному; гдѣ власть природы, власть надъ жизнью и смертью, сводится на атрибутъ и орудіе политической или нравственной власти» (§ 36). Затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи, человѣкъ доходитъ до сознанія, что прежніе образы его религіознаго творчества суть лишь продукты его мышленія, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, онъ вноситъ свои желанія, свои аффекты въ новыя созданія фантазіи, предъ которыми преклоняется, отрицая объективное существованіе прежнихъ. «Историческій ходъ религій,—пишетъ Фейербахъ,—заключается въ томъ, что содержаніе, считавшееся въ болѣе ранней религіи объективнымъ, теперь разсматривается, какъ нѣчто субъективное. т. е. то, на что смотрѣли какъ на бога и чему поклонялись, какъ богу, теперь признано человѣческимъ. Болѣе ранняя религія для позднѣйшей есть идолопоклонство. Такъ какъ предметъ позднѣйшей религіи иной, содержаніе иное, такъ какъ она возвысилась надъ содержаніемъ прежнихъ религій, то она считаетъ себя выше неизбѣжныхъ и вѣчныхъ законовъ, составляющихъ сущность религій, оображаетъ, что ея предметъ, ея содержаніе превышаетъ человѣка. Но зато прозрѣваетъ мыслитель въ сокровенную сущность религіи, мыслитель, для котораго религія составляетъ предметъ, тогда какъ сама для себя религія предметомъ быть не можетъ»./

Фейербахъ не остановился въ своей теоріи и предъ вопросомъ о содержаніи религіи для его времени. Онъ говорилъ: «мы снова должны быть религіозны», но какъ выразался въ неотосланномъ письмѣ къ Даумеру (K, Grün I, 348) религія должна быть: «религіею мысли, живущей въ вѣчномъ настоящемъ»; должна отказаться отъ всякой «жажды будущаго» въ противоположность прежнимъ формамъ вѣрованій. Въ этомъ случаѣ предметомъ почитанія Фейербахъ ставилъ общество, въ той формѣ, которая казалась высшею гегельянцамъ (да и многимъ негегельянцамъ) того времени, именно въ формѣ «го-

сударства». «Государство есть совокупность всего реального, провидение челоуѣка... Истинное государство есть неограниченный, безконечный, истинный, совершенный, божественный челоуѣкъ. Лишь государство есть челоуѣкъ, самъ себя опредѣляющій, устанавливающій свое отношеніе къ самому себѣ, безусловный челоуѣкъ. Государство есть реальность религіознаго вѣрованія....» (Тамъ же, 410). Конечно, подъ словомъ государство Фейербахъ понималъ общечеловѣческое,сообразное реальнымъ потребностямъ челоуѣка. Въ формѣ этихъ послѣднихъ изрѣченій отразилась смутанность выраженія и увлеченіе переливами ступеней діалектики, вынесенное Фейербахомъ изъ школы, чрезъ которую онъ прошелъ въ молодости. Слѣдующему періоду реалистическаго мышленія предоставлено было отдѣлаться отъ устарѣлыхъ формулъ и внести мысль Фейербаха въ ея чистотѣ въ болѣе строгое построеніе.

Я ограничусь предыдущимъ, не имѣя возможности вдаваться въ подробность. Замѣчу еще разъ, что начала, положенныя Фейербахомъ, какъ бы ихъ ни считали, вѣрными или невѣрными, послужили для весьма многихъ изслѣдователей, даже не упомянувшихъ объ имени Фейербаха, руководящею нитью при психологическомъ объясненіи процесса, создавшаго разнообразныя народныя вѣрованія и культы, а также при объясненіи процесса борьбы между народными вѣрованіями и замѣны одного изъ нихъ другимъ. Перенесеніе челоуѣкомъ внѣ себя своихъ психическихъ процессовъ называли антропатизмомъ; перенесеніе имъ внѣ себя своей формы удержало старинное названіе антропоморфизма.

Если весьма многіе недостатки трудовъ Фейербаха зависѣли отъ идеалистической школы, чрезъ которую онъ прошелъ, другіе же отъ афористическаго способа работы, который составлялъ его постоянный литературный приѣмъ, если онъ оставался постоянно въ живомъ взаимодействіи со всѣмъ современнымъ ему движеніемъ мысли и готовъ былъ всегда отречься отъ вчерашняго своего труда, когда ему казалось, что въ какой нибудь частности его мысль уяснилась сегодня сравнительно со вчерашнимъ, то совершенно иные приѣмы мысли руководили его современника, старшаго его на шесть лѣтъ, Огюста Конта. Онъ постоянно имѣлъ въ виду цѣлую систему теоритическаго и практическаго міросозерцанія; когда разъ онъ считалъ, что она ему уяснилась въ цѣломъ и въ подробно-

стях, онъ пересталъ вовсе слѣдить за современною ему мыслию, не допускалъ критики даже отъ своихъ приверженцевъ и заботился лишь о литературномъ изложеніи того, что для него стало разомъ выше всякой критики. Между тѣмъ, жизненные вліянія и собственный процессъ мысли, независимо отъ воли автора, разбили его литературную дѣятельность на два рѣзко-различныя періода, имѣвшіе даже слѣдствіемъ образованіе двухъ партій (или сектъ) въ позитивизмѣ. Но Огюсть Контъ и въ этомъ не призналъ отреченія отъ прежняго, или противурѣчія, и утверждалъ, что религія и культъ, имъ созданныя для позитивистовъ, составляютъ лишь развитіе въ подробностяхъ того самаго, что онъ писалъ въ «курсѣ позитивной философіи».

Мнѣ здѣсь вовсе не приходится говорить о позитивной религіи и о позднѣйшихъ продуктахъ мысли Конта. Я имѣю въ виду лишь «*Cours de philosophie positive*», поглотившій всѣ силы великаго французскаго мыслителя съ 1830 по 1842 г., при чемъ намъ особенно важны лишь основныя воззрѣнія на религіозное мышленіе, установленныя Контомъ въ самомъ началѣ курса, и заключающіяся въ пятую томъ курса, лекціи 52—54, писанныя съ апрѣля по іюнь 1840 г, т. е. какъ разъ въ то время, когда подготовлялся «*Das Wesen des Christenthums*». Правда, труды Конта имѣли совершенно иное значеніе въ исторіи европейской мысли, чѣмъ трудъ Фейербаха. Они прошли незамѣченными. Ученіе Конта было долго игнорировано всѣми господствующими школами философіи. Два года послѣ окончанія изданія его курса, его имя отсутствовало во французскомъ «*Dictionnaire des sciences philosophiques*». Конту до сихъ поръ нѣмцы (кромѣ Дюринга) даютъ крайне мало мѣста въ обзорахъ философскаго движенія во Франціи. Но съ теченіемъ времени, когда Фейербахъ и его товарищи, знаменитые борцы сороковыхъ годовъ, теряли свой ореолъ для позднѣйшихъ поколѣній и были въ значительной степени забыты, вліяніе ученія Огюста Конта все росло и расширялось. Когда Фейербахъ умиралъ въ крайней бѣдности, забытый Германіей, опьяненной своими политическими успѣхами, сочиненія Огюста Конта выходили третьимъ изданіемъ, ему воздвигали памятники и позитивизмъ вызывалъ непрерывную полемику не только со стороны жалкихъ писаекъ съумѣвшихъ, дойти до чудовищнаго синтеза гартманнизма и спиритизма, но и со стороны

ученныхъ знаменитостей въ родѣ Гаксли. О Фейербахѣ приходится напоминать современнымъ читателямъ, его забывшимъ, какъ давно-минувшій моментъ исторіи. Значеніе Конта приводится уяснить, какъ ученіе современное, способное быть извращеннымъ подъ вліяніемъ хвалителей и порицателей.

Поэтому я ограничусь самымъ необходимымъ относительно философическихъ основаній ученія Конта для того лишь, чтобы не было неясности въ послѣдующихъ цитатахъ, въ которыхъ я имѣю въ виду показать его отношеніе къ теоріямъ вѣровацій.

Существенное значеніе позитивизма Конта заключалось въ томъ, что онъ ясно и опредѣленно формулировалъ отношеніе философской мысли къ мысли научной, и для XIX вѣка сдѣлалъ то, что сдѣлали для своего времени Аристотель въ IV вѣкѣ до нашей эры и Френсисъ Бэконъ въ началѣ XVII вѣка: позитивизмъ снова соединилъ стремленія науки и стремленія философіи, метафизикѣ же отдалъ мѣсто не завершенія и дополненія научнаго мышленія, а лишь его подготовительной, и низшей ступени. Позитивизмъ поставилъ ясно и опредѣленно задачу человѣческой мысли, задачу, которая, при ея разрѣшеніи, должна охватить весь реальный міръ, идеальный процессъ познающей мысли, историческій процессъ развивающейся цивилизаціи и практической процессъ рациональнаго обученія. Онъ поставилъ задачу: понять связь всѣхъ явленій, доступныхъ человѣку, начиная съ движенія массъ до общественнаго развитія: понять это, устраняя всѣ сущности, реальныя или идеальныя, бытіе которыхъ не указано свидѣтельствомъ опыта, употребляя только научный методъ, ставя только гипотезы, допускающія проверку, ограничиваясь только процессомъ явленій, переходящихъ одно въ другое и обуславливающихъ одно другое, вѣ теологическихъ и метафизическихъ соображеній; понять это такъ, чтобы тѣмъ самымъ уяснился логическій процессъ пониманія вѣшняго міра человѣкомъ и процессъ внутренней исторіи человѣчества.

Контъ поставилъ эту задачу въ полномъ ея составѣ и попытался рѣшить ее. Нѣмецкій идеализмъ тоже ставилъ себѣ подобную задачу, пытаясь, путемъ изслѣдованія феноменологіи духа открыть законы природы и процессъ исторіи, но для такихъ нѣмецкихъ идеалистовъ духъ религіозный, духъ художественно-творческий,

метафизически-творческой, стояли не ниже, а пожалуй и выше духа научно-познающего, который они слишком часто презрительно называли «эмпиризмом». Контъ определенно поставил именно послѣдній способ мышления на высшую точку, всѣ же остальные, по учению позитивизма составляютъ лишь подготовленіе научной мысли. Въ тоже время позитивизмъ указалъ реальную зависимость между феноменологією духа и объективною связью явленій: мысль реальнаго явленія въ ихъ дѣйствительной объективной связи, мысль человѣка проходитъ чрезъ фазисы своего логическаго развитія, а человечество чрезъ фазисы своей исторіи. Контъ угадалъ, что фазисы интеллектуальнаго развитія господствуютъ въ исторіи человечества надъ всѣми прочими процессами развитія; угадалъ, что научная мысль господствуетъ въ новой Европѣ и что лишь та философія можетъ окончательно удовлетворить новую Европу, которая поставитъ научную мысль руководящимъ элементомъ своего построения.

Ог. Контъ употребляетъ слово философія въ смыслѣ, приданномъ ему древними, особенно же Аристотелемъ, именно, какъ обозначеніе общей системы человѣческихъ знаній («Cours de philosophie.» 3 изд. 1869 г., I, 5; всѣ цитаты по этому изданію). Наука же для него есть (I, 93) «распредѣленіе въ порядокъ (coordination) фактовъ»; ея «необходимая цѣль—опредѣлять одни явленія при посредствѣ другихъ по существующимъ между ними отношеніямъ». Ея существенное назначеніе—«изъ возможно меньшаго числа непосредственныхъ данныхъ допустить выводъ возможно большаго числа слѣдствій».

Какъ въ логическомъ порядкѣ, такъ въ развитіи личности и въ развитіи человечества, Огюсть Контъ допускаетъ, что общая система человѣческихъ знаній—философія—сблизилась съ наукою не вдругъ; позитивной философіи предшествовали другія, и это даетъ три вида философіи, совпадающихъ съ тремя отличными ступенями развитія мысли въ личности и въ человечествѣ.

«Изучая полное развитіе человѣческаго ума, говоритъ Ог. Контъ (I, 8)—въ различныхъ сферахъ его дѣятельности, начиная съ перваго и простѣйшаго его порыва до настоящаго времени, я открылъ, какъ я думаю, великій основной законъ, которому подчинены умъ по неизмѣнной необходимости. По этому закону нашихъ человѣ-

ческихъ понятій, всякая отрасль нашихъ знаній проходитъ постепенно чрезъ три различныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или призрачное (fictif), состояніе метафизическое или позитивное. Иначе говоря, человѣческій умъ, по своей природѣ, употребляетъ послѣдовательно при каждомъ своемъ изслѣдованіи три метода философствованія, особенности которыхъ существенно различны и даже противоположны въ своихъ основаніяхъ: сначала методъ теологическій, потомъ методъ метафизическій и наконецъ, методъ позитивный. Отсюда три рода философіи или три общихъ и взаимно исключаютшихъ другъ друга системъ воззрѣній (conceptions) на совокупность явленій; первая есть необходимая точка исхода для человѣческаго ума; третья—его прочное и окончательное состояніе; вторая служитъ (ему) лишь для перехода (отъ первой къ третьей).

Эти три фазиса, какъ легко замѣтитъ читатель, какъ разъ совпадаютъ съ тѣми тремя фазисами развитія личной мысли, на которые указалъ Фейербахъ (Богъ, разумъ, человѣкъ) и сходство становится еще значительнѣе, когда мы обратимъ вниманіе на сближеніе этихъ трехъ способовъ воззрѣнія, сдѣланное Контюмъ, съ фазисами, чрезъ которые проходила каждая наука въ своей исторіи и съ фазисами развитія личности. «Не припомнить ли каждый изъ насъ, пишетъ Ог. Контъ (I, 11)—разсматривая свою собственную исторію, что въ своихъ важнѣйшихъ понятіяхъ, каждый былъ теологомъ въ дѣтствѣ, метафизикомъ въ молодости и физикомъ въ зрѣломъ возрастѣ».

Не останавливаясь на болѣе подробномъ разсмотрѣніи метафизическаго и позитивнаго воззрѣнія на предметы, я приведу лишь слова Конта о теологическомъ воззрѣніи, какъ прямо относящіяся къ предмету этой статьи: «Въ теологическомъ состояніи, пишетъ Контъ (I, 9),—человѣческій умъ направляетъ свои розысканія существенно на основную природу существъ, на первыя и на конечныя причины всѣхъ результатовъ, его поражающихъ; однимъ словомъ—на безусловныя познанія: онъ представляетъ себѣ явленія, какъ продуктъ прямаго и непрерывнаго дѣйствія болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъестественныхъ дѣятелей, произвольное вмѣшательство которыхъ, объясняетъ всѣ кажушіяся аномаліи міра».

Продуктами теологическаго строя мысли были разнообразныя

религии человечества въ первый періодъ его исторіи. Понять ихъ историческое значеніе можно, лишь становясь на научную, т. е. на позитивную точку зрѣнія. Контъ признаетъ неспособность мыслителей XVIII столѣтія оцѣнить вѣрованія прошлаго, но говорить, что отъ релігіозныхъ философовъ тоже нельзя ожидать рачіональной исторіи релігіи. Она возможна лишь для «умовъ вполне освободившихся, какъ отъ метафизическихъ предубѣжденій, такъ и отъ теологическихъ предразсудковъ; для умовъ, которые одинаково погребли оба порядка противоположныхъ представителей въ невозвратимое минувшее» (V, 40, прим.). Контъ насмѣшливо отвергаетъ «туманныя гипотезы» тѣхъ, которые, помощью «символическаго толкованія» возводятъ многобожіе къ «первоначальному единобожію, или, что еще страшнѣе, къ физической системѣ». Для него! «всякая релігія должна, очевидно, подвергаться оцѣнкѣ сообразно способу, какъ ее обыкновенно понимала масса народа, а не въ болѣе утонченномъ смыслѣ, который могли ей придавать втайнѣ нѣсколько посвященныхъ» (V, 85).

Самое большое напряженіе теологическаго строя мысли встрѣчается на первой ступени человѣческаго развитія, какъ фетишизмъ. «характеризованный простымъ и свободнымъ развитіемъ первоначальнаго нашего побужденія представлять себѣ всѣ внѣшніе предметы, естественные или искусственные, какъ одаренные жизнью подобною нашей жизни, съ большою разницею въ напряженіи» (V, 25). Этотъ фетишизмъ былъ, по мнѣнію Конта, присущъ человѣку съ самаго начала: ему не предшествовало иное состояніе мысли, и Контъ допускаетъ существованіе фетишизма даже у животныхъ (30). Но онъ видитъ этотъ же фетишизмъ, «обобщенный и систематизированный», въ нѣмецкой метафизикѣ (33). «Фетишизмъ мгновенно обоготворяетъ вслѣдъ тѣло и явленіе, способное сколько нибудь энергически привлечь на себя слабое вниманіе рождающагося человечества» (32), и составляетъ основу теологической философіи. Онъ сначала былъ обращенъ къ предметамъ безжизненнымъ, потомъ перешелъ и на животныхъ. При этомъ языкъ, прямо отождествляя всѣ явленія съ человѣческими дѣйствіями, употреблялъ, какъ совершенно точныя, выраженія, обратившіяся для насъ впоследствии въ метафорическія (33). Это самое дѣлало изъ фетишизма энергическое проявленіе теологическаго строя мысли, оказывавшее са-

мое обширное и непреодолимое влияние на систему мысли человека (33). «Ни в какой религиозный период богословские идеи не могли так прямо и полно сливаться с самыми ощущениями, которые непрерывно вызвали эти идеи, так что для ума было почти невозможно отвлечься от них даже частью и временно» (40). Но это самое, возбуждая первую деятельность мысли, шло ея дальнѣйшему движенію, и, въ особенности, приобретению реальныхъ знаній (48).

Изъ фетишизма развилось многобожіе (70) и «это великое преобразование религиозной мысли было, можетъ быть, для нея самымъ основнымъ» (71). Это былъ первый общій результатъ рождающагося развитія наблюдающаго, индуктивнаго ума (72). «Незамѣтно растущее обобщеніе разныхъ человѣческихъ наблюденій должно было привести къ необходимости подобнаго же процесса въ соответственныхъ теологическихъ понятіяхъ и дать въ результатъ неизбѣжное превращеніе фетишизма въ простое многобожіе. Настоящіе боги отличаются отъ чистыхъ фетилей болѣе общимъ и болѣе отвлеченнымъ характеромъ, соответствующимъ неопредѣленности ихъ мѣстопребыванія. Они управляютъ специальнымъ порядкомъ явленій, но въ большемъ числѣ тѣхъ, слѣдовательно, область ихъ дѣйствій болѣе или менѣе обширна. Скромный фетишъ управляетъ лишь однимъ предметомъ, съ которымъ онъ нераздѣленъ» (74). Переходъ отъ фетишизма къ многобожію совершился чрезъ почитаніе свѣтилъ (77). Многобожіе составляетъ главную форму теологической системы (82), хотя и соответствуетъ убыванію теологическаго строя мысли (86). «Сравнивая мысленно, въ обыкновенномъ теченіи жизненной дѣятельности, обычное существованіе искренняго политестиста съ существованіемъ самаго благочестиваго монотеиста» легко замѣтить, «болѣе глубокое и болѣе рѣшительное преобладаніе религиозной мысли у перваго, умъ котораго безпрестанно наталкивается, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, на самыя подробныя богословскія объясненія, самыя обычныя его дѣйствія суть какъ бы непосредственныя проявленія специального богопочитанія. Тогда, конечно, міръ воображаемый занимаетъ гораздо болѣе мѣста въ умственной системѣ человека — сравнительно съ міромъ реальнымъ, — чѣмъ въ системѣ еднубожія» (87—88). Послѣ этой эпохи никогда уже человѣческія понятія не достигли такого величія въ единствѣ метода и въ од-

нородствѣ ученія, что составляетъ вполне нормальный строй нашего ума» (93). Подобная теологическая философія должна была по своей природѣ, ставить значительныя преграды развитію научной мысли (90), но уже самое созданіе боговъ было первымъ общимъ развитіемъ умозрѣнія (92), а затѣмъ необходимость поставить рядомъ съ ихъ произволомъ судьбу, наконецъ подчинить ихъ всѣхъ богу судьбы, вела неизбежно къ единобожію, третьей ступени религіозной мысли. Контъ отождествляетъ ея историческое проявленіе съ развитіемъ католицизма и показываетъ, какъ этотъ періодъ заключалъ въ себѣ данныя для развитія и усиленія метафизическаго строя мысли, который долженъ былъ смѣнить теологическій. чтобы, въ свою очередь, дать мѣсто строю мысли научному или позитивному.

По малому вниманію, обращенному ближайшими современниками Конта вообще на его трудъ, совершенно понятно, что ни одинъ изъ французскихъ ученыхъ ислѣдователей развитія вѣрованій не находился подъ вліяніемъ его мысли, имъ едва ли извѣстной. Гиньо, Мори, оба Бюрнюфа (хотя втораго нѣсколько совѣстно ставить рядомъ съ первымъ), Вошро, Репанъ, школа стразбургскихъ французскихъ богословскихъ критиковъ, нынѣшняя школа французскихъ лингвистовъ и многіе другіе, работавшіе въ новѣйшее время во Франціи по спеціальнымъ вопросамъ теоріи и исторіи вѣрованій, работали совершенно внѣ всякаго вліянія Конта. Исключеніе составлялъ лишь Литтрэ, который въ своихъ трудахъ.—энциклопедическихъ въ самомъ обширномъ и серьезномъ смыслѣ этого слова—забѣгалъ, хотя изрѣдка, тоже въ эту область. Слѣдовательно, о вліяніи приведенныхъ выше мыслей Конта въ этой области на научныя успѣхи нельзя вовсе говорить. Тѣмъ не менѣе, для научнаго пониманія вѣрованій въ ихъ развитіи, не лишенъ значенія фактъ, что одновременно съ Фейербахомъ, мыслитель, конечно не знавшій ничего о его трудахъ и о борьбѣ школъ лѣвыхъ гегельянцевъ по вопросу о вѣрованіяхъ, такъ близко подошелъ во многихъ частностяхъ къ тому же самому взгляду на явленія религіознаго творчества. Почти нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ Контъ развивалъ, сообразно вліяніямъ своего времени, участвованныя идеи Юма, которыя дошли до Фейербаха косвеннымъ путемъ, переработанныя—а частью извращенныя—Кантомъ, Фихте и Гегелемъ. Но оба мыслителя

теля, возвращаясь въ сороковыхъ годахъ на почву реализма, пришли къ подобнымъ же результатамъ совершенно независимо одинъ отъ другаго.

Если бы здѣсь я имѣлъ возможность долѣе остановиться на параллели между этими современниками, развивавшимися при столь разнообразныхъ вліяніяхъ и одаренными столь различными интеллектуальными натурами, то не мало интереса представляло бы сближеніе теорій любви и общежитія, какъ мы ее встрѣчаемъ у Фейербаха, съ подобною же теорією альтрионизма, развитаго Контомъ; или сближеніе религій, о которой говоритъ первый, гдѣ философія должна сдѣлаться религіею, оставаясь философіею, и беря своимъ объектомъ совершенное общежитіе (по Фейербаху—государство),—съ религіею чловѣчества, которую фактически установилъ Контъ во второй періодъ своей дѣятельности, и которая составляетъ до нашего времени основу официальнаго культа правовѣрныхъ контистовъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Но здѣсь приходится ограничиться лишь этими указаніями.

Упомянемъ здѣсь какъ фактъ, заслуживающій вниманія, что въ эти же самые годы, когда Фейербахъ и Контъ обрабатывали свои труды, относящіеся къ теоріи вѣрованій, третій крупный современникъ ихъ,—знаменитый, впрочемъ, въ совершенно иной области—приготовлялъ книгу, гдѣ подходитъ къ тому же общему вопросу, который составлялъ сущность труда Конта, а относительно теоретическаго значенія и развитія религій высказывалъ мысли, весьма сближающія его съ его двумя современниками. Именно Прудонъ съ 1841 по 1843 писалъ свое «De la création de l'humanité» (книга вышла въ сентябрѣ 1843 г.). Конечно, онъ могъ быть знакомъ съ работами молодыхъ гегельянцевъ, такъ какъ въ его перепискѣ находимъ именно въ это время много указаній на вѣмекскую философію, но не находимъ вовсе намековъ на знакомство съ трудомъ Конта. Между тѣмъ, въ перепискѣ Прудонъ откровенно высказываетъ свои впечатлѣнія и, во второмъ изданіи «De la création de l'ordre» счелъ нужнымъ указать на сходство своихъ идей съ идеями Конта, хотя послѣдній въ это время (1843) не

только не был крупным авторитетом, но едва был известен в кругу самого тесного кружка последователей. К тому же терминология Прудона совершенно различна от терминологии Конта: первый называет философию то, что у второго — метафизика, и метафизикой то, что в некоторой степени сходно с задачей позитивной философии Конта.

Какъ Ог. Контъ высказывалъ, что онъ открылъ «общій законъ» распространяющійся на ходъ всѣхъ наукъ и на всю исторію, такъ Прудонъ говорилъ (въ письмѣ къ Флэри, 3 апр. 1842), что его «метафизика... должна вызвать революцію во всѣхъ наукахъ, правственныхъ и философскихъ». Эта «метафизика» заключалась въ открытіи «закона рядовъ» или «порядка», распространяющагося на все, въ чемъ существуютъ части или дѣленія, допускающія расположеніе въ «рядъ» или «симметричность» (De la création de l'ordre etc. изд. 1868, 1; всѣ цитаты по этому изданію). Какъ Фейербахъ допускаетъ лишь философію «для человѣка», какъ Контъ систематизируетъ въ своей позитивной философіи лишь «относительныя» знанія, такъ и Прудонъ говоритъ (2): «Порядокъ—все, что человѣкъ можетъ знать о мірѣ. Отношенія вещей между собою—тогь все что доступно наблюденію человѣка, все что составляетъ предметъ науки. Онтологія, какъ наука сущностей и причинъ, невозможна».—Тотъ самый законъ трехъ фазисовъ; который установилъ Контъ и на который намекалъ Фейербахъ въ смыслѣ личнаго опыта, формулированъ Прудонемъ такимъ образомъ, что человѣкъ познаетъ законы «порядка» не «внезапно и не механическимъ воспріятіемъ, но долгимъ усиленіемъ созерцанія, изслѣдованія и метода. Отсюда три великія эпохи въ образованіи человѣческаго познанія: Религія, Философія, Наука» (4). Онъ называетъ «прогрессомъ» восходящее движеніе мысли къ наукѣ въ три послѣдовательныя эпохи Религіи, Философіи и Метафизики или метода» (6). И дагѣ (9): «Религія, Философія, Наука; вѣра, софизмъ, методъ — таковы три момента познанія, три эпохи воспитанія рода человѣческаго». — Подобно Конту, содержаніе позитивной философіи котораго заключалось въ систематическомъ расположеніи въ рядъ шести наукъ, Прудонъ видитъ въ своемъ «методѣ» четвертый терминъ ряда; геометрія, ариметика, алгебра и, какъ я только что сказалъ, въ открытіи «закона рядовъ» полагаетъ глав-

ное значеніе своей «метафизики». Конечно, Прудонъ искалъ лишь рядъ методовъ и въ нихъ шелъ отъ менѣе отвлеченнаго къ болѣе отвлеченному, тогда какъ Контъ искалъ рядъ объективныхъ наукъ въ обратномъ порядкѣ отвлеченности.—Подобно тому, какъ Фейербахъ ставилъ непремѣнною обязанностью философіи сдѣлаться философіею «практическою», «жизненною», а Контъ считалъ главною своею заслугою — если даже не цѣлью позитивной философіи,—распространеніе научнаго метода на социологію, въ послѣдствіи же прямо пытался вывести изъ своей философіи «позитивную политику»,—Прудонъ искалъ, помощью своего метода «естественную систему социальной экономіи, систему, усмотрѣнную или предчувствованную законодателями, старавшимися съ нею согласить свои законы; систему, которую каждый день реализируетъ человѣчество и которую я стараюсь узнать» (4).

Останавливаясь, согласно предмету этой статьи, лишь на первомъ членѣ ряда трехъ физисовъ, приведемъ нѣсколько цитатъ изъ книги Прудона по этому предмету.

«Я называю религіею инстинктивное, символическое и ограничивающееся общими чертами (notions) выраженіе мнѣнія рождающагося общества о всемірномъ порядкѣ.

«Иначе говоря, религія есть совокупность отношеній, которыя человѣкъ у колибели цивилизаціи, воображаетъ существующими между нимъ, міромъ и Богомъ, всеобщимъ устройтеlemъ.

«Съ менѣе общей точки зрѣнія, религія во всемъ—предчувствіе истины.

«Принципъ всякой религіи—чувство; ея существенная черта—непосредственность (spontanéité), ея доказательства—видѣнія и чудеса; ея методъ—вѣра»... (4).

Отвергая съ насмѣшкою предположеніе, что догматы религій вызваны «заговоромъ священниковъ» Прудонъ говоритъ (12):

«Религія, пытаясь по своему растолковать вещи, выражаясь фигурно и аллегорически и поддержанная въ этомъ живымъ изображеніемъ молодыхъ обществъ, вызвала въ началѣ обширныя космогоническія эпопеи и цѣлый міръ призраковъ. Неспособная наблюдать и опредѣлять, она прибѣгала къ символизму. Но что такое символъ? матеріализація идеи...»

О жертвоприношеніи и молитвѣ Прудонъ пишетъ ранѣе при-

ведонной выше цитаты Фейербаха (14): «Каковъ смыслъ жертвоприношенія? Необходимость искупленія послѣ проступка и возвышеніе духа при видѣ природы, въ знакъ благодарности и любви; молитва для умовъ, имѣвшихъ мало упражненія—пособіе размысленію, начало философіи.»

Объ общественномъ значеніи вѣрваній Прудонъ выражается то съ лирическимъ увлеченіемъ, то со строгою критикою.

«... Человѣкъ имѣлъ сновидѣніе, полное чаръ—говорить онъ (30). Онъ грезилъ о богахъ, ангелахъ, генияхъ; прошелъ въ мысли черезъ обиталище душъ и созерцалъ Вѣчнаго въ его славѣ. Долго еще имѣлъ человѣкъ подобныя видѣнія, но мало по малу они стали повторяться рѣже и наконецъ, совсѣмъ прекратились. Но никогда онъ не потерялъ мрачныхъ воспоминаній о нихъ: едва вернувшись къ сознанию, онъ обращаетъ въ догматы собственныя грезы и запрещаетъ себѣ сомнѣваться въ нихъ.»

Тутъ же онъ говоритъ, что религія «скрѣпила основанія обществъ, дала единство и обособленіе народамъ, доставила свою санкцію первымъ законодателямъ, воодушевляя божественнымъ вдохновеніемъ поэтовъ и художниковъ, и, перенося въ небо причину вещей и предѣлы нашихъ надеждъ, разлила въ міръ страданій волны снокойствія и энтузіазма».

Въ исторіи вѣрваній Прудонъ принимаетъ (31) схему Эдгара Кинэ въ его «Du génie des religions» (1842), именно откровеніе черезъ природу (Индія), черезъ свѣтъ (верхняя Азія и патриархи), черезъ слово (Иранъ), черезъ органическую жизнь (Египетъ), черезъ пустыню (евреи), черезъ красоту (Греція), къ чему прибавляетъ откровеніе черезъ человѣчность (христіанство). Но, параллельно съ этимъ рядомъ «объективныхъ» откровеній, Прудонъ принимаетъ и рядъ откровеній «субъективныхъ», переходомъ къ которымъ выставляютъ религію «откровенія черезъ человѣчность». Эти «субъективные» откровенія онъ перечисляетъ слѣдующимъ образомъ.

«Откровеніе черезъ идею причинности, породившее предразсудки и вызвавшее теорію причинъ, этиологию или философію.

«Откровеніе черезъ сомнѣніе, произведшее скептицизмъ и равнодушіе: необходимое откровеніе, такъ какъ оно обезпечило прогрессъ, сдерживая развитіе «философіи», въ смыслѣ софистики, какъ понимаетъ Прудонъ «философію»).

•Откровеніе чрезъ омытъ послѣдовательно конституйровавшее всѣ науки.

«Наконецъ, мы вступаемъ въ откровеніе чрезъ идею порядка, которая, давая безусловную формулу системы, уничтожаетъ предыдущіе два фазиса.

Конечно, нельзя поставить книгу Прудона, по ея значенію въ области, составляющей предметъ этой статьи, даже близко къ произведеніямъ Фейербаха и Конта. Прудону не достаточно ни философской подготовки Фейербаха, ни подготовки точными науками, которую имѣлъ Контъ. Онъ самъ чрезъ шесть лѣтъ въ примѣчавіяхъ къ новому изданію своей книги признавалъ, что онъ «ничего не создалъ, ничего не открылъ» (85, прим. издат.). Но, во первыхъ, не лишено значенія въ произведеніи замѣчательнаго ума, хотя вовсе не систематически подготовленнаго, это угадываніе нѣкоторыхъ мыслей, нашедшихъ себѣ болѣе полное выраженіе у другихъ современниковъ, но очевидно носившихся въ воздухѣ эпохи. Во вторыхъ, приходится сказать, что Прудонъ согласно общему характеру своихъ трудовъ, обратилъ болѣе вниманіе на вопросы объ общественной роли религій въ исторіи, чѣмъ его современники и, слѣдовательно, въ известной степени, заслуживаетъ мѣсто въ развитіи ученія о вѣрованіяхъ.

Если Фейербахъ разработалъ особенно психологическую, антропологическую сторону вопроса, Контъ - отношеніе религіозной мысли къ метафизической и научной, то у Прудона заслуживаютъ указанія преимущественно замѣтки о политической роли вѣрованій.

П. М.

Весенняя мелодія.

(Памяти друга, убитаго въ Сербскую войну).

Вдоль по Невскому давка, смятеніе,
Мчатся бѣшено кони толпой,
Блескъ нарядовъ, зѣвакъ восхищеніе,
И красавицъ плѣнительныхъ рой
Ослѣпляютъ своей красотой.

Все ликуеть въ весеннемъ сіяніи;
Все стремится на вольный просторъ,
И у всѣхъ въ ненасытномъ желаніи
Сердце бьется, туманится взоръ:
То весенняго чувства задоръ.

Только ты, мое сердце унылое,
Надрываешься горькой тоской,
И толпы ликование постылое
Возмущаетъ меня суетой.
Легкомысленной, пошлой, пустой.

Все мнѣ снится могила забытая,
 Ни кургана надъ ней, ни креста;
 Степь кругомъ снѣговая, открытая,
 Но вдвойнѣ та могила свята:
 Въ ней завѣтная скрыта мечта...

Въ ней покоится сила великая,
 Павши въ битвѣ съ неправдою злой.
 Беспощадная ненависть, дикая
 Тамъ истерзанный трупъ молодой
 Забросала холодной землей...

Измѣнила тебѣ ненаглядная,
 Позабыли друзья мертвеца,
 Лишь старушка одна безотрадная,
 Что взлелѣяла міру бойца,
 Слезы горькія льетъ безъ конца.

Что-жь лжешь ты улица шумная,
 Столько славныхъ бойцевъ схороня?
 Эта радость слѣпая, безумная
 Въ яркомъ блескѣ весенняго дня
 Возмущаетъ и бѣситъ меня.

Алкандровъ.

Сибирскіе рабочіе.

Около пятнадцати лѣтъ тому назадъ въ нашей литературѣ было изображено положеніе рабочаго на золотыхъ приискахъ: образъ несчастнаго «горбача» былъ очерченъ такъ отчетливо и съ такой вышуклостью, что невольно удицляешься, увидѣвши передъ собою во-очію не «теорію», не «утопію», не «фантазію разнузданнаго» воображенія, а живаго человѣка, облеченнаго въ плоть и кровь,—человѣка, доказавшаго своей сгорбленной фигурой, согнувшейся подъ бременемъ тяжелаго положенія, что эксплуатація человѣка человекомъ есть фактъ, — фактъ горькій, тяжелый, но, тѣмъ не менѣе, фактъ реальной дѣйствительности.

Таково было преобладающее впечатлѣніе, произведенное на публику изображеніемъ жизни золотопромышленныхъ рабочихъ. Но и въ давномъ случаѣ, какъ всегда и вездѣ, нашлись исключенія. Нашлись оптимисты, отнесшіеся довольно скептически къ даннымъ и выводамъ того времени. Эти оптимисты находили, что краски слишкомъ густы, слишкомъ тепдендіозны. Еще недавно намъ лично приходилось на самомъ мѣстѣ слышать отъ людей, мнящихъ себя «либеральными», что если-де положеніе приискаго рабочаго и было таково въ шестидесятыхъ годахъ, то теперь оно значительно измѣнилось къ лучшему. Въ одномъ изъ видныхъ городовъ восточной сибіри намъ попалась въ руки библіотечная книжка одного изъ столичныхъ нашихъ журналовъ со статьей о «русской золотопромышленности». Вся статья была исцѣрена карандашными пометками «устои», № 12, отд. II.

столпа мѣстнаго «либерализма»: противъ заявленія автора статьи, что «въ одномъ условіи состоятъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые другъ друга вовсе не знаютъ» и обязуются, однако, взаимной круговой порукой, результатомъ коей, зачастую, бываетъ то, что заработки однихъ уходятъ на уплату долговъ другихъ, имъ совсѣмъ незнакомыхъ, несостоятельныхъ рабочихъ, — помѣтка столпа: «на дѣлѣ это рѣдко осуществляется»; противъ заявленія автора, что заболѣвшихъ рабочихъ обыкновенно рассчитываютъ съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ: «рассчитанъ за болѣзнь, остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операциіи будущаго года», — помѣтка столпа: «чего обыкновенно не дѣлается» и т. д. въ этомъ родѣ; по наиболѣе курьезна не мало знаменательная помѣтка столпа «либерализма», гласящая, что положеніе приискаго рабочаго улучшится тогда, когда «лица правительственнаго надзора будутъ назначаться по выбору всѣхъ золотопромышленниковъ и ихъ служащихъ, которые въ противовѣсъ первымъ будутъ служить представителями интересовъ рабочихъ!» Вотъ что значить—жить въ атмосферѣ золотыхъ мѣшковъ! Подобная только атмосфера способна настолько ослѣпить человѣка, чтобы онъ могъ додуматься до гениальной идеи, что «служащіе», безусловно зависящіе отъ золотопромышленниковъ, могутъ «служить представителями интересовъ рабочихъ...».

Поставивъ себѣ задачу—ознакомить читателей въ рядѣ писемъ, съ современнымъ положеніемъ Енисейской губерніи, — я коснусь въ настоящемъ письмѣ золотопромышленности Енисейскаго округа со стороны ея вліянія на рабочій людъ и на мѣстное общество вообще.

Вопреки утвержденій столповъ мѣстнаго либерализма и иныхъ россійскихъ оптимистовъ, я долженъ констатировать тотъ фактъ, что положеніе приискаго рабочаго (по крайней мѣрѣ, въ Енисейскомъ округѣ, о которомъ я теперь веду рѣчь) отнюдь не улучшилось. Теперь, какъ и прежде, рабочій весь, цѣликомъ, забывается обладателямъ золотого мѣшка и состоитъ ихъ вѣчнымъ неоплатнымъ должникомъ. Я полагаю даже, что я не преувеличу, если скажу, что положеніе «горбача» даже значительно ухудшилось.

Прежде, и даже не особенно давно, золотопромышленность сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ денежныхъ тузовъ, разрабатывавшихъ обширные пріиски свои руками тысячъ рабочихъ. Эти магнаты не жалѣли средствъ на развѣдочныя партіи, не скупились на болѣе или менѣе солидное вознагражденіе специалистовъ, свѣдущихъ по горной части; иные изъ нихъ расходовали десятки тысячъ рублей на организацію развѣдочныхъ партій. Словомъ, у нихъ рядомъ съ эксплуатаціей рабочаго шла и умѣлая, прогрессивно улучшавшаяся эксплуатація природы. Ширѣ же, размѣры золотопромышленности значительно сократились; крупныхъ тузовъ осталось мало. На мѣсто ихъ, появилась масса мелкихъ арендаторовъ, работающихъ въ кредитъ и жажущихъ нажитья исключительно отъ «прибавочной стоимости» рабочей силы. О техническихъ усовершенствованіяхъ, о развѣдочныхъ партіяхъ имъ и думать, конечно, нельзя: они продолжаютъ разрабатывать старыя, уже сильно истощенныя пріиски. Теперь вы здѣсь не найдете и подобія сибирской «золотой лихорадки» 1839 года, или забайкальской «лихорадки» сороковыхъ годовъ. Въ Енисейскомъ округѣ уже теперь совсѣмъ не слышать, чтобы золото «гребли лопатами», чтобы компанейскіе управляющіе задавали «валтасаровскіе ширі»; «золотое могущество» гг. золотопромышленниковъ значительно пошатнулось; о роли царьковъ, Юпитеровъ-громовержцевъ, они теперь и не мыслятъ...

Все, что прежде производилось en grand, крупно, солидно, теперь съезжилось — измельчало. У самого крупнаго арендатора теперь наберется (я, разумѣется, имѣю въ виду среднія величины) 50 — 60 человекъ рабочихъ; на такое незначительное количество приходится все-таки имѣть такой же штатъ служащихъ (конторщикъ, становой, нарядчикъ, артельщикъ, кухарка и т. п.), какой понадобился бы и при 200 — 300 рабочихъ.. А аппетитъ этихъ арендаторовъ, между тѣмъ, отнюдь не сократился; ихъ жажда къ наживѣ отнюдь не ослабла, и вотъ они прибѣгаютъ ко всяческимъ ухищреніямъ, дабы довести «прибавочную стоимость» рабочей силы пріискового «горбача» до крайняго ея предѣла...

Болѣе крупные арендаторы, съ своей стороны, сдаютъ, обыкновенно, арендуемые ими пріиски еще болѣе мелкимъ арендаторамъ, (арендаторъ съ артелью рабочихъ въ 5—6 человекъ теперь уже не

рѣдкость), при чемъ эксплуатація рабочаго растетъ пропорціонально мельчанію аренды. — Арендаторы эти работаютъ, обыкновенно, съ золотника, т. е. обязываются доставлять все добываемое золото въ пріисковое управленіе, получая, обыкновенно, по 1 руб. 80 коп. съ золотника отъ болѣе крупныхъ арендаторовъ, получающихъ отъ пріисковладѣльцевъ до 2 р. 80 к. съ золотника.

Въ моихъ рукахъ два контракта, рисующихъ наглядно положеніе «золотнишниковъ» и рабочихъ, нанимающихся на определенное жалованье по общему контракту. Привожу эти контракты въ приложеніи для образца, дословно сохранивъ даже ихъ орфографію (копія съ контракта золотнишниковъ приведена была уже въ извлеченіи въ «Сибирскомъ Обозрѣніи» № 29 «Сибирской Газеты», но я считаю полезнымъ, параллельно съ общимъ контрактомъ, возстановить и этотъ контрактъ въ цѣльномъ его видѣ).

Разсматривая эти условія, вамъ рѣзко и отчетливо бросаются въ глаза всѣ обязанности (и только обязанности) рабочихъ; права же, вѣроятно, подразумеваются... Нѣкоторые пункты контрактовъ переносятъ васъ прямо въ мрачную эпоху крѣпостного права: напиматели, напр., выговариваютъ себѣ право «передать» нанятыхъ рабочихъ въ другую К^о на тѣхъ же условіяхъ, «перевести» ихъ «на другіе свои пріиски» и т. п.; обязываютъ артельщиковъ слѣдить за членами своей артели, дабы они «вели себя честно, трезво, связей съ рабочими другихъ промысловъ» не имѣли и т. д. Затѣмъ, рабочіе обязываются даромъ, «по прибытіи на пріиски, заняться всѣми приготовительными работами, какъ то: постройкой водокачекъ, буторъ, колодъ, жолобовъ, американокъ, вашгертовъ, таратаекъ, тачекъ, покатовъ, подмостковъ и т. п. Кроме того, построить для собственнаго жилья балаганы или бараки, если таковыхъ не будетъ вблизи работъ. Лѣсъ на вышеупомянутыя подѣлки должны также добывать сами и привозить его на собственныхъ лошадяхъ¹⁾...».

Изъ этихъ контрактовъ мы усматриваемъ съ очевидностью, что старинный способъ обхода закона (ст. 2255, т. X, ч. 1. Св. Зак.), воспрепятствующаго заключать договоръ съ рабочими болѣе чѣмъ на одинъ

¹⁾ См. приложеніе, контрактъ № 1, пп. 3, 7 и 15—и контр. № 2, 3 и 7.

годъ,—практикуется и нынѣ, т. е. выдача при наемкѣ большихъ задатковъ. этой соблазнительнѣйшей приманки для пролетаріевъ, залегающихъ — при ея помощи — въ неоплатные долги. Напримѣръ, изъ двадцати одного рабочаго (золотнишниковъ) самый меньшій задатокъ (поселенца Сѣрова) составляетъ пятнадцать рублей; одинъ получилъ 23 рубля; трое — по 25 рублей; четверо — по 30 рублей; семь — по 35 рублей; трое—по 40 рублей и двое—по пятидесяти рублей. Положение рабочихъ по общему контракту хуже положенія золотнишниковъ. стало быть, и приманка нужна большая,—нужны большіе задатки. И дѣйствительно, изъ тринадцати человекъ, заключившихъ общій контрактъ—на условіяхъ поденщины и урочной работы—самый меньшій задатокъ составляетъ тридцать рублей: его получило двое; трое получило по 35 руб.; одинъ—40 руб.; двое—по 45 руб.; одинъ—50 руб.; одинъ—53 руб.; одинъ—55 руб.; одинъ—шестьдесятъ руб. и одинъ семьдесятъ одинъ руб. восемьдесятъ коп. Читатель замѣтитъ, конечно, что эти задатки, точно обозначенные въ имѣющихся въ моихъ рукахъ контрактахъ, значительно выше тѣхъ, о которыхъ намъ во время—одно сообщалъ г. Флеровскій: онъ приводилъ пятьдесятъ руб. какъ максимальный задатокъ, а въ приложенныхъ мною контрактахъ, задатки превышаютъ даже семьдесятъ рублей, — и цѣлая треть рабочихъ по общему контракту забрала въ задатокъ выше пятидесяти рублей.

Смыслъ задатковъ этихъ довольно ясенъ и простъ: разъ рабочій получилъ рублей пятьдесятъ въ задатокъ, онъ—*eo ipso*—собственными руками превратилъ себя на неопредѣленное время въ кабальнаго человека. Въ самомъ дѣлѣ, кто и когда приближаетъ къ этимъ неудержимо-заманчивымъ задаткамъ? Изъ тридцати четырехъ, напр., рабочихъ, обозначенныхъ въ нашихъ контрактахъ—восемь крестьянъ, восемнадцать поселенцевъ, семь мѣщанъ и одинъ временно-отпускной унтеръ-офицеръ. Вообще, самый значительный контингентъ приисковъ рабочихъ составляютъ теперь крестьяне (какъ старожилы, такъ и поселенцы, приписанные къ крестьянскимъ обществамъ¹⁾): съ крестьянина настоятельно требуютъ не-

¹⁾ Для четырехъ приисковъ (Магдалинскаго и Клавдіевскаго—

медленной уплаты податей и недоимокъ; ему до-зарѣзу, сей часъ же необходимы наличныя деньги, какъ тутъ быть? Въ эту-то минуту горькаго раздумья въ его воображеніи пронесится соблазнительная приманка въ формѣ задатка — и крестьянинъ закабаливаетъ себя на принсковую работу. Потомъ пусть будетъ, что будетъ, — лишь бы теперь получить деньги и удовлетворить грозное начальство...

45—50 рублей получено въ задатокъ. 25—30 рублей изъ нихъ пойдетъ немедленно на уплату податей; около пяти рублей сойдетъ на выправку билета. Надо двинуться въ путь. Зачастую приходится пропалать по самымъ отвратительнымъ дорогамъ верстъ около тысячи ¹⁾; какъ не экономничай, а меньше десяти — пятнадцати рублей на путевыя издержки не израсходуешь, — и вотъ задатокъ весь испарился. Онъ испарится еще до прибытія на принскъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ достигаетъ высшей нормы (60—70 р.): имѣя въ карманѣ лишнюю десятку, рабочій позволить себѣ отъ времени до времени нанимать подводу ²⁾, позволить себѣ лучшую нищу, чай, отъ времени до времени выпьетъ рюмку водки...

И вотъ рабочій на принскѣ. Тамъ работа его продлится пять—шесть мѣсяцевъ. Если онъ — золотнишникъ, то онъ можетъ еще рассчитывать свести, при благопріятныхъ условіяхъ, концы съ концами: онъ еще, пожалуй, можетъ заработать рублей полтора, а за вычетомъ задатка рублей около сотни. Но золотнишникъ живетъ на своихъ харчахъ: если онъ за 6 мѣсяцевъ съѣстъ шесть пудовъ

генераль-маіора Асташева, Маринскаго — купцовъ Тонконогова и Скопа, и Ольгинскаго — Пекаря и Востротина) для операціи 1880—1 было нанимано 76 человекъ рабочихъ, распредѣлявшихся по сословіямъ такъ: 10 мѣщанъ, 27 крестьянъ, 1 отставной солдатъ, 1 ввродецъ и 37 поселенцевъ.

¹⁾ Изъ упомянутыхъ четырехъ приѣздахъ рабочіе были изъ губерній: Енисейской, Тобольской, Томской, Нижегородской и Иркутской.

²⁾ Изъ центрального пункта, изъ котораго отправляются партіи, лошади снаряжаютъ, обыкновенно, рабочихъ на подводахъ. Смотрите, таится тутъ же подводъ, на каждой 3—4 человека. Вы удивлены, но сторожилъ вамъ тутъ же разъяснить суть дѣла: это опять таки своего рода приманка. Роскошью этой рабочіе пользуются на одномъ первомъ станціи, а тамъ двигаются въшечкомъ — подъ эскортомъ казаковъ...

мяса, четырнадцать пудовъ ржаного хлѣба, шесть пудовъ пшеничнаго хлѣба, полтора пуда ячменной крупы, пудъ соли (а меньше, при усиленной работѣ, потребить ему нельзя) да уплатить «за инструментъ, имущество, почтовые и дорожные расходы и за пользованіе въ больницѣ» 12 рублей.—онъ издержитъ около девятинаста рублей¹⁾); но ему невозможно отказаться и отъ чаю, который обойдется ему въ шесть мѣсяцевъ мало-мало шесть рублей,—и вотъ у него въ остаткѣ рублей 5, которыхъ еле-еле хватитъ на обратное путешествіе: онъ вернется домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ... Впрочемъ, виноватъ; онъ придетъ скорѣе съ долгомъ: вѣдь ему приходится ворочать камни, копаться днемъ и ночью въ грязи; одежда и обувь его сильно рвется, ему придется купить то и другое—и купить въ тайгѣ у золотопромышленника, по установленной таксѣ, стало быть, врядъ-ли ему удастся вернуться домой безъ долга...

Но если золотнншникъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ еще дѣлать надежду на возвращеніе домой безъ долга на шеѣ, то рабочіе по общимъ контрактамъ на это никакъ уже рассчитывать не могутъ: даже при старательской работѣ, когда приходится работать по 18—20 часовъ въ сутки, работать изо дня въ день—безъ всякихъ отдыховъ, въ будни и въ самые торжественные праздники, съ утренней зари до поздней глубокой ночи—рабочій, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, зарабатываетъ—за 5—6 мѣсяцевъ 75—80 р.²⁾ Если онъ забралъ въ задатокъ рублей пятьдесятъ, у него остаются 25—30 рублей; но, при его каторжной работѣ, ему немислимо обойтись безъ чаю и водки: на это онъ израсходуетъ, положимъ, пятнадцать рублей; при его чисто-египетской работѣ, при которой люди, при добычѣ изъ цѣлой мѣстности и отвозкѣ песковъ на машину, «должны выработать каждодневно отъ трехъ до четырехъ кубическихъ сажней тремя и четырьмя чловѣками при двухъ лошадиныхъ» и въ теченіи почти круглаго полугода пребывать въ водѣ и въ болотѣ,—онъ истратитъ на одежду минимумъ 10—15 рублей, т. е. и при «старательской» работѣ, у

¹⁾ См. Приложение, контрактъ № 1-й, шп. 10 и 11.

²⁾ Ibidem контр. № 2-й, шп. 4 и 13. — На четырехъ вышеупомянутыхъ приискахъ, 62 общеконтрактныхъ рабочихъ заработали въ операцію 1880—1 года—4,660 руб. 85 коп. (51 мужч.—4,501 р. 25 к. и 11 женщ.—159 р. 60 в.).

него ничего из заработка не останется. Но въдь «старательская» работа превышает силы средняго челоуѣка: если предположимъ, что средній рабочій проболѣетъ только двѣ недѣли, т. е. что онъ за двѣ недѣли не получитъ платы ¹⁾, то, ясно будетъ, что и «старательская» работа, какъ бы рабочій не вертѣлся, не избавитъ его отъ долга. А тутъ нужно двинуться домой: необходимы деньги на путевыя издержки, а дома ждетъ тебя семья; дома съ тебя потребуютъ податей. Нечего дѣлать, надо попросить задатокъ и на будущій годъ: челоуѣкъ очутился въ заколдованномъ кругу!..

Что же будетъ съ тѣми рабочими, которые безусловно не способны къ работѣ, если не будутъ отдыхать въ воскресные и праздничные дни и, стало быть, вынуждены ограничиться одной урочной работой? При самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, они могутъ за 5—6 мѣсяцевъ принсковой работы заработать 50—60 рублей, т. е. отработать задатокъ; но и при урочной работѣ, рабочему не возможно не прикупить себѣ хоть пару сапогъ изъ хозяйскаго магазина: вотъ онъ работалъ—а въ результатѣ долгъ. При всѣхъ условіяхъ долгъ, и значительный долгъ! А въ будущемъ году долгъ еще больше возрастетъ и т. д. ²⁾.

¹⁾ См. контр. № 2, п. 12.

²⁾ Напр. въ операцію послѣдняго года 72 рабочихъ, работавшихъ на вышеупомянутыхъ четырехъ принскахъ, задолжились на 9,980 подешницъ. Задолженность этихъ рабочихъ, вообще поразительная! Напр. Яго Григорій задолжалъ 203 р., Семеновъ Кирилъ—198 р., Тимашевъ Егоръ—189 р., Латышевъ Василій—186 р., Степановъ Николай—183 руб., Куровъ Петръ—169 р., Аверьяновъ Петръ—169 р., Мищукъ Романъ—187 р., Полозовъ Павелъ—185 руб. и т. д. Вообще, долгъ этихъ рабочихъ колеблется между 223 р. и 20-ю руб. Выше двухсотъ р. задолжало трое; отъ 200—175 руб.—десять; отъ 175—150 р. четырнадцать; отъ 150—125 р.—десять; отъ 125—100 р.—семь; отъ 100—75 р.—шесть; отъ 75—50 р.—двое; отъ 50—25 р.—шестере. Относительно задолженности остальныхъ четырнадцати я свидѣній не имѣю. Если допустить, что они должны по 20 р., или даже и вовсе не должны, то и тогда эти двѣри довольно краснорѣчивы.

Бываютъ исключительныя, однако, случаи, когда рабочіе возвращаются домой и безъ петля на шеѣ. Но эти исключенія очень рѣдки и имѣютъ мѣсто только тогда, когда рабочему удастся, не смотря на самый близкій надзоръ за нимъ, украсть золото и сбыть его на сторону!..

Таково положеніе прінсковаго рабочаго. Забѣйте, я имѣлъ въ виду самыя благопріятныя условія: я оставилъ безъ вниманія тѣ пункты контрактовъ, которые сулятъ рабочимъ штрафъ «по три рубля въ день» — «за отлучку безъ дозволенія съ прінска, за выходъ на работу позже, за отбытіе съ оной ранѣ времени и за уклоненіе отъ нея подъ разными предлогами, какъ-то по болѣзни и проч.»¹⁾, сулятъ ему штрафъ, буде онъ будетъ «изобличенъ» въ нехозяйственномъ употребленіи хозяйской пищи²⁾, признають только расчетные листы, выданные золотопромышленникомъ, за единственный документъ, которымъ рабочій можетъ доказывать свои претензіи³⁾, обязываютъ рабочихъ круговой порукой и т. п. Я совсѣмъ не принималъ въ расчетъ издержекъ на фуражъ для лошадей, которыхъ золотышники обязаны имѣть (а издержки эти пемалыя: за пудъ овса приходится платить два рубля, за пудъ сѣна—одинъ рубль)⁴⁾, я не принялъ въ расчетъ, что за часть своего рабочаго времени рабочіе ничего не получаютъ,—что за утрату или порчу «чего-либо изъ инструментовъ или животныхъ» рабочіе отвѣтствуютъ «по цѣнѣ назначенной прінсковой таксой»⁵⁾,—что хотя въ контрактахъ и говорится, что задаточная сумма выдана наличными деньгами, въ полученіи конихъ рабочіе и росписываются, но весьма рѣдко она выдается полностью деньгами: въ большинствѣ случаевъ, значительная часть задатка (треть и даже половина) выдается одеждой, безъ которой оборванные наемщики не могутъ двинуться въ путь и которая оцѣнивается значительно выше ея стоимости,—что въ бытность уже на прінскѣ рабочіе значительную часть своей платы получаютъ припасами и вещами и т. д.⁶⁾

¹⁾ См. Приложение, контрактъ № 2, п. 12.

²⁾ См. *ibidem*, п. 11.

³⁾ См. *ibidem*, контр. № 1, п. 12-й и контр. № 2, б. 9-й.

⁴⁾ См. *ibidem*, контр. № 1, пп. 3 и 10-й.

⁵⁾ См. *ibidem*, контр. № 2, п. 5-й.

⁶⁾ Изъ статистическихъ свѣдѣній (Кладіевскій, Могдалинскій, Маринскій и Ольгинскій прінсы по операціи послѣдняго 1880—1 года) мы узнаемъ, что семьдесятъ рабочихъ получили при наймѣ «задатокъ деньгами и вещами до прибытія на прінскъ»—2,838 руб. 34 коп.: на прінскахъ получили налич-

А между тѣмъ, эта промышленность, обогативъ весьма немногихъ, вліяетъ крайне вредно на весь районъ, принадлежащій къ прінскамъ. Страсть къ наживѣ, къ наживѣ легкой и быстрой,—страсть къ пылкому и лихому «прожиганію жизни»,—обуреваетъ здѣсь всѣхъ и каждаго.

Золото дѣлается кумиромъ и идоломъ, передъ которымъ все преклоняется и благоговѣнно падаетъ ницъ. Низменные инстинкты, самые грубые, животные интересы даютъ окраску всей городской «общественной» жизни. Мысль, наука, гражданскія обязанности, общественная дѣятельность,—все это на здѣшнемъ шумномъ рынкѣ въ весьма низкой цѣнѣ, все это здѣсь крайне мизерно, жалко и принижено.

Къ чему все это, если «почетъ», «уваженіе», «видное общественное положеніе» приобретаются ничѣмъ инымъ, какъ золотомъ, и только золотомъ! Вчера конокрадъ, а сегодня разжившійся золотопромышленникъ пользуется всеобщимъ расположеніемъ и «заслуженнымъ почетомъ»; его рука крѣпко пожимается, все передъ намъ нископоклонствуется: онъ душа общества и всемогущая особа! Что до того, что какой-нибудь В. еще изъ нашей памяти состоялъ на прінскахъ «конюхомъ», дралъ розгами не на животъ, а на смерть «горбачей»; по приказанію хозяевъ,—и въ веселой компаніи съ наслажденіемъ рассказывалъ о своихъ подвигахъ въ «магущкѣ—Рассеѣ» по части конокрадства, за каковыя опъ и попалъ въ обѣтованную землю; что до того, что какой-нибудь Х. чуть ли не вчера еще служилъ при «господахъ» поваромъ, улаждая ихъ гастрономическіе желудки, а за симъ самыми темными путями «нажилъ» себѣ «капиталы,—кому какое до всего этого дѣло! Они сегодня поощряютъ искусство, задаютъ пиры, устраняютъ балы,—на колѣни передъ ними! А вѣдь эти «капиталисты» «вышли въ люди», не по милости науки, мысли, или какихъ-либо общественныхъ заслугъ: какой же, послѣ этого, толкъ въ послѣднихъ, за что же ихъ цѣнить?

Вѣдь какіе-нибудь А., К., В. и имъ подобные ни въ какихъ

ими—1,355 руб. 62 коп.; «припасами и вещами изъ пріясковаго магазина»
2,604 руб. 93 1/2 коп.

университетахъ не бывали, они малограмотны и еле-еле умѣютъ подписывать свои имена и фамиліи, а между тѣмъ до какого «золотаго могущества» они достигли: на кой же прахъ иѣ эти университеты, библіотеки, музеумы и т. п. «роскошь»... Ипполита Завалинна заподозритъ въ нерасположеніи къ «сильнымъ міра сего» уже никакъ нельзя,—и тотъ не могъ пройти мимо золотопромышленниковъ, чтобы не воскликнуть: «Томскіе и Красноярскіе золотопромышленники, убившіе десятки милліоновъ рублей на мотовство и тщеславіе, не хотѣли понять, что лучше быть не благодѣтелемъ, напр. откуца (который и безъ нихъ умѣлъ таки наживаться!), а дѣлаго края съ хорошими водными сообщеніями, удобнопровѣзжими дорогами, университетомъ.. даже Сибирскаго музеума не могли составить... А кричали, что желаютъ блага Сибири!».

«Богатый городъ» Енисейскъ до сихъ поръ не имѣетъ своей публичной библіотеки. У гг. Енисейцевъ нашлись десятки тысячъ на устройство клуба, а о библіотекѣ они до сихъ поръ и не подумали! Какой-нибудь Шадринскъ, который отнюдь не богаче Енисейска, сформировалъ у себя прекрасную библіотеку и ассигнуетъ на нее ежегодно изъ городскихъ суммъ тысячу рублей, а Енисейскъ не отпускаетъ на этотъ предметъ ни копѣйки... 26-го августа поза прошлаго года, вся Сибирь праздновала закладку въ Томскѣ своего перваго университета. Многіе города и общества имѣли на этомъ праздникѣ своихъ представителей, Енисейскъ же отсутствовалъ.

Мало того, онъ пожалѣлъ даже два рубля на поздравительную телеграмму. Какой-нибудь Ишимъ, Курганъ, Маріинскъ, Нижнеудинскъ, даже Нарымъ приняли участіе въ этомъ торжествѣ, прислали по телеграфу свои пожеланія, а Енисейскъ не раздѣрился на два рубля. Иркутскіе приказчики отлыгнулись на это всесибирское событіе, а енисейское общество замолчало. Это краснорѣчиво ¹⁾.

Вся городская жизнь, вообще, пропитана вліяніемъ золотопромышленности. Деньги тутъ ни почемъ. А когда деньги дешевы.

¹⁾ См. «Описаніе праздника бывшаго въ Томскѣ 26 и 27 августа 1880 года по случаю закладки Сибирскаго Университета», изд. Макушина.

то все остальное, разумеется, дорого. За «малымъ» здѣсь никто не гонится. Всякъ нарываетъ содрать съ васъ какъ можно больше.

Когда «прискатель» при деньгахъ, т. е. при задаткѣ, горожанинъ обираетъ его какъ липку, деретъ съ него за все въ три — дорога: привычка «обирать» становится «второй натурой» енисейца.

Рыцете вы, положимъ, по Енисейску, передъ вами масса пустующихъ квартиръ; между тѣмъ, вы хорошо знаете, что многіе въ городѣ нуждаются въ квартирахъ; это странное, на первый взглядъ, явленіе очень просто. Съ васъ за квартиру запрашиваютъ такую плату, что вы, положительно, не въ состояніи согласиться на нее. Домовладѣльцы же и квартировладѣльцы имѣютъ свои расчеты: они знаютъ, что, когда нагрянутъ «прискатели», — они за 4—5 мѣсяцевъ выручатъ за нее уже никакъ не меньше, чѣмъ сколько вы могли бы заплатить имъ за цѣлый годъ: стоитъ ли имъ хлопотать и возиться съ квартирантами, не при «золотѣ» состоящими? и т. д. на каждомъ шагу.

Деморализація золотопромышленности простирается и за предѣлы города: ся вліяніе на «деревню» не менѣе опутительно. Земледѣльческій трудъ совсѣмъ въ загонѣ. Народъ облѣнился: его соблазняютъ болѣе «наживные» заработки. Прослышала деревня, что какой-ни-К., напр., — богатѣйшій человекъ «во всей округѣ» — на памяти еще стариковъ былъ «простымъ», бѣднымъ крестьяниномъ и что «прискъ» «вывелъ его въ люди», и фантазія крестьянина, неудовлетворяемая окружающею его дѣйствительностью, рисуетъ ему также въ туманной перспективѣ возможность также обзавестись капиталами и онъ летитъ стремглавъ въ бездну кабалы, какъ бабочка въ огонь...

Вамъ приходится проѣзжать по многимъ деревнямъ и испытывать нужду въ хлѣбѣ; его трудно добыть, а если добудешь, то по весьма высокой цѣнѣ. Вы изумлены и обращаетесь къ старикамъ за разъясненіемъ. Вамъ объясняютъ, что въ этихъ мѣстахъ мало у кого найдется свой хлѣбъ; здѣсь народъ рѣдко самъ сѣетъ, а покупаетъ хлѣбъ больше со стороны: «здѣсь всѣ живутъ прискателями», повѣствуютъ вамъ, — «здѣсь только и живутъ что надеждой на осень, когда прискатели будутъ возвращаться съ прискозь, чтобы обжечь ихъ»...

Въ раіонахъ золотопромышленности хлѣбъ, вообще, весьма до-

рогъ. Напр., въ прошломъ году, цѣна его была страшно высока: это, положимъ, отчасти было обусловлено неурожаемъ, но главнымъ образомъ это происходитъ отъ большаго спроса пріисковъ на хлѣбъ, сбываемый туда, тѣмъ охотнѣе, что «таёжники» за цѣну не стоятъ. Выше я объяснилъ, что нынѣ въ тайгѣ преобладаетъ мелкота, которой не подъ силу на наличныя средства обезпечить себя необходимымъ запасомъ припасовъ, вещей и фуража; потому-то, въ послѣднее время, на сценѣ золотопромышленности довольно видную роль играетъ посредникъ — поставщикъ, доставляющій въ тайгу все нужное. Доставка въ тайгу нынѣ считается весьма доходной и заманчивой статьей; «доставщикъ» свои интересы блюдетъ зорко, такъ зорко, что въ неурожайные годы онъ разоряетъ не только мелкихъ, но и крупныхъ арендаторовъ пріисковъ; ихъ карманы опорожняются съ двухъ сторонъ: съ одной стороны — колоссальными процентами на хлѣбъ и фуражъ, взимаемыми поставщиками за посредничество; съ другой стороны — высокими процентами, взимаемыми ростовщиками за наличныя суммы, на задатки..

Золотопромышленники и «доставщики», закупая хлѣбъ большими массами, опустошаютъ — купно съ винокуренными заводчиками — цѣлыя деревни и на мѣстахъ закупки хлѣба поднимаютъ его цѣну очень высоко. Въ прошломъ году, въ Минусь — этой житницѣ Сибири — ржаная мука продавалась дороже рубля, а ишеничная по 1 р. 30 к.; мясо 3 р. 50 к. — пудъ, между тѣмъ, какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ тому назадъ, хлѣбъ въ Минусь стоилъ 20—25 коп. пудъ, а мясо 80 к. — 1 р.; а за это время никакихъ особенныхъ неурожаевъ здѣсь не было, въ количествѣ мѣстныхъ потребителей почти никакой разницы не произошло, да и на скотъ надежа не было: это вліяніе пріиска ¹⁾... Хлѣбъ сплавляется въ тайгу, а деревни пухнуть съ голоду. Миѣ приходилось проѣзжать черезъ голодавшія деревни. Мимо этихъ деревень проходили барки, нагруженные полнехонько хлѣбомъ; но онѣ нигдѣ не остановились, несмотря на отчаянныя мольбы голодавшихъ крестьянъ; барки эти

¹⁾ Это вліяніе дало себя чувствовать въ послѣдніе годы съ особенной силой благодаря новымъ пріискамъ въ Красноярскомъ округѣ, откуда въ Минусу былъ предъявленъ новый спросъ на хлѣбъ и скотъ.

плыли къ Енисейску, гдѣ ихъ разгрузили золотопромышленники и «доставщики»...

Вездѣ и повсюду, на каждомъ шагу, вы ощущаете вліяніе пріиска. Нигдѣ вы не найдете такого количества и кабаковъ, какое находите въ тѣхъ трактовыхъ селахъ и городахъ, черезъ которые должны пройти «пріискатели». Самая ничтожная деревушка не обходится здѣсь безъ кабака. «Кабацкое дѣло» въ районѣ золотопромышленности процвѣтаетъ; питейный торговецъ здѣсь довольно почетное лицо. И это логично. Вѣдь онъ идетъ рука объ руку съ золотопромышленникомъ: обирая въ своихъ «заведеніяхъ» пріискателей, питейный торговецъ тѣмъ самымъ облегчаетъ ихъ наемку на будущій годъ. Если, наче чаянія, «горбачъ» вынесъ съ собой изъ тайги какіе-нибудь остатки, онъ еще, пожалуй, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сладкой тасжной жизни, потеряетъ охоту вновь вернуться туда: это для золотопромышленниковъ невыгодно,—и вотъ къ нему на выручку является виночерпій (а Ип. Завалишинъ во время оно имѣлъ наивность удивляться тому, что золотопромышленники считали нужнымъ «благодѣтельствовать» откупъ!): онъ запруждаетъ всѣ пункты, черезъ которые долженъ пройти «пріискатель», съ тѣью кабаковъ, которые уже навѣрное поглотятъ всѣ остатки, если таковые были... Виночерпій тѣмъ легче дѣйствуютъ въ пользу свою и золотопромышленниковъ, что у нихъ есть на-лицо третій союзникъ—низшая мѣстная администрація, потворствующая, если не активно, то пассивно, всѣмъ продѣлкамъ питейныхъ и золотопромышленныхъ тузовъ..

Всѣ эти соблазны, всѣ эти элементы внесли во всѣ сферы здѣшней жизни страшную деморализацію. Они пошатнули въ корень даже и семью, — ту самую семью, которую гг. золотопромышленники купно со всѣми иными «столпами отечества», считаютъ священной основой, быть стражемъ которой они-де и призваны. «Рогоносець»—здѣсь заурядное, самое ординарное явленіе. Семейные нравы «легкіе» до—нельзя. Адюльтеръ со всѣми его атрибутами здѣсь въ полномъ ходу и никого не удивляетъ, никого не возмущаетъ. При «объегориваніи» пріискателя, здѣшній обыватель иногда ничѣмъ не стѣсняется: онъ пускаетъ въ ходъ жену, сестру, дочь... «Цѣломудріе» женщины въ районѣ золотопромышленности апакронизмъ.

Енисейскъ и его округъ кипима кипать всевозможными явными и тайными притонами разврата. Теперь прискатели возвращаются домой. Все оживилось. По улицамъ снуютъ массы пьяныхъ съ пѣснями и музыкой. Кабаки переполнены. «Барахольный» рядъ не узнаваемъ. Но вы, читатели, не знаете, что такое «барахольный» рядъ? Отправьтесь въ августѣ къ тому мѣсту, гдѣ помѣщается зданіе городской думы. Около него рядъ несчастныхъ лавчонокъ съ тряпьемъ рублей на 15—20; вы, рѣшительно, недоумѣваете: чѣмъ тутъ живетъ и ради чего человѣкъ круглый годъ хлопочетъ въ этой лавчонкѣ. Но пройдитесь-ка туда еще разъ, напр., въ октябрѣ, — и ваше недоумѣніе исчезнетъ: «барахольный» рядъ совсѣмъ преобразился. Возлѣ лавчонокъ развѣваются разноцвѣтные шарфы, всевозможные платочки, якобы бобровыя шапки и т. п. Сюда тянутся ряды сапей, переполненныхъ «прискателями», съ ихъ возлюбленными изъ душныхъ померовъ «веселыхъ домовъ...». «Барахольщики» суетятся, зазываютъ, угощаютъ прискателей шуточками, да прибаутками. Ихъ «товари» раскупаются на расхватъ. Присмотритесь хорошенько къ «бобровой» шапкѣ, купленной вотъ этимъ прискателемъ — Иваномъ Тернигоревымъ, и придите дня черезъ два опять въ эту лавочку: — эта самая «бобровая» шапка вамъ опять бросится въ глаза. Тернигоревъ успѣлъ ее уже пропить, и она за пятую часть заплаченного имъ только два дня назадъ вернулась опять къ этому самому «барахольщику», который ее опять сбудетъ по той же цѣнѣ, по которой сбывъ ее прежде Тернигореву, и пойдетъ круговая. Вотъ въ чемъ секретъ. Но, главное, главное остается все таки скрытымъ за кулисами: заберитесь въ тайники «барахольщиковъ», и вы найдете тамъ не одинъ золотникъ драгоценнаго песку, украденнаго на прискѣ, а лишъ хранящагося здѣсь...

Таковы плоды, которые приходится теперь пожинать Енисейскому округу отъ промышленности, искусственно выхолощенной, въ интересахъ ничтожнаго меньшинства, — промышленности, которая — по словамъ одного сибирскаго изслѣдователя — «прошла ураганомъ черезъ томскую и енисейскую губерніи и теперь совершаетъ послѣдніе подвиги на Олекшѣ, за Байкаломъ, на Аму-

рѣ»,—отъ промышленности, которая убила полезныя ремесла, подорвала земледѣіе, сократила скотоводство, рыболовство, звѣроловство... Было время, когда Енисейскъ славился своей торговлей. Въ отвѣтахъ представителямъ городовъ и общинъ, созваннымъ въ 1768 г. Екатериной II, — депутатъ г. Енисейска Самойловъ писалъ:—«въ Енисейскѣ ежегодно съ конца іюля до 20 августа была ярмарка, на которую съѣзжались сибирскіе и россійскіе купцы, привозились россійскіе, нѣмецкіе и китайскіе товары. Въ Енисейскѣ было складочное мѣсто всѣхъ пушныхъ товаровъ, звѣроловство около него было чрезвычайно развито¹⁾». Енисейскій округъ снабжалъ своими желѣзными издѣліями весь Пркутскій край, куда вывезено было изъ него въ 1820 году до 6000 пудовъ желѣза въ разныхъ подѣлкахъ; изъ Енисейска возили желѣзо «въ Томскъ, Кузнецкъ, въ Колывановоскресенскій заводъ и по линіи въ крѣпость Семипалатинскую»; еще въ 1833 году изъ Енисейска вывозилось за предѣлы его округа до 30,000 пудовъ желѣза. Но съ 40 годовъ, т. е. со времени появленія на несчастномъ горизонтѣ Енисейскаго округа ослѣпительной золотопромышленности, размѣры вывоза желѣза стали быстро и прогрессивно сокращаться, такъ что «съ 50 годовъ никогда почти уже не отправляется здѣшнихъ издѣлій²⁾». Все упало, все испарилось; но за то вмѣсто солидныхъ купцовъ появились «барахольщички», а взамѣнъ простого патриархальнаго образа жизни пошелъ широкій, отвратительный разгулъ и развратъ.

Я пишу не ученую статью, а скромное письмо подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній. Не смѣю брать на себя задачу разрѣшенія вопроса о будущемъ здѣшней золотопромышленности. Но считаю невозможнымъ не высказать, въ заключеніе, что не только ради избавленія рабочихъ отъ эксплуатаціи, но и въ интересахъ болѣе успѣшнаго хода самой золотопромышленности, необходимо, наконецъ, осуществить ту мѣру, которая неоднократно тщетно рекомендовалась людьми, изучавшими этотъ вопросъ болѣе

¹⁾ «Енисейскій округъ и его жизнь», сочиненіе М. О. Кривошапкина.

²⁾ Ibidem.

или менѣе основательно, — необходимо обратить добываніе золота въ свободный промыселъ, приступъ къ чему уже и сдѣланъ правительствомъ. Я не знаю, насколько прави тѣ, кто полагаютъ, что «мѣра эта была бы столько же популярна между капиталистами, какъ и между рабочими». Но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что между рабочими она будетъ очень популярна: она будетъ для нихъ столько же благотѣтельна, сколько для казны выгодна. А такъ какъ въ Сибири вся земля принадлежитъ казнѣ, то, для осуществленія этой мѣры, особыхъ затрудненій не представится. Пора, наконецъ, расстаться съ монополіей и привилегіей и въ этой отрасли промышленности. Если мы напши возможнымъ въ 1839 г. уничтожить правительственную регалію, уступивъ ее немогимъ избраннымъ счастливымъ и предоставивъ право заниматься этой промышленностью всѣмъ дворянамъ, потомственнымъ почетнымъ гражданамъ, купцамъ 1-й и 2-й гильдій и почетнымъ киргизамъ, — то теперь, послѣ массы преобразованій, совершившихся въ нашей жизни, послѣ тѣхъ важныхъ реформъ, которыя совершились за этотъ, болѣе чѣмъ сорокалѣтній періодъ, во всей соціально-экономической обстановкѣ нашей, и которыя радикально измѣнили наше соціально-экономическое міросозерцаніе, пора покончить и съ послѣдними обшественными остатками періода регалій и привилегій, — и включить въ разрядъ общихъ правъ русскаго гражданина и право искать и разрабатывать золото.

Только при этомъ условіи возможно парализовать крайне деморализующее вліяніе золотопромышленности, возможно исчезновеніе изъ ея сферы остатковъ мрачнаго крѣпостнаго періода нашего скорбнаго прошлаго. Тогда рабочаго челоуѣка будетъ соблазнять уже не задатокъ, а возможность получить за свой трудъ соотвѣтственное вознагражденіе, — возможность трудиться для себя. Золотнишникъ, нынѣ еле-еле сводящій концы съ концами только потому, что онъ долженъ уплачивать 100—250% и болѣе за задатки, работая исключительно на себя, могъ бы жить безбѣдно, исправно уплачивать всѣ повинности и позаботиться о своей старости. Если бы государство, не отказавшее въ кредитѣ и въ субсидіяхъ всевозможнымъ акціонернымъ компаниямъ и промышленнымъ обществамъ, предпріятія которыхъ зачастую оказывались мыльными пузырями, пришло на помощь артелямъ присковыхъ рабочихъ,

предоставляя имъ дешевый кредитъ для необходимаго обузаведенія. — ииѣннїя беззаѣтчнвнн формн исчезлн бн изъ сферн золотопромншленности, не повтормлнсь бн этн знаменнтне частне побѣгн рмбочнхъ, хроническїй характеръ которнхъ побуднлн предоставнт прїисковладѣльцамъ «право ходатайствоватъ о высылкѣ... на прїиски черезъ сельскую стражу... ставн на счетъ нхъ (т. е. бѣглыхъ) расходи на пересїлку нхъ послѣдовавшїе»¹⁾, а эта «пересїлка» производнтся въ такой отвратнтельной формѣ, котърал, пожалуй, не уступнт способу препровожденїя каторжанъ на рудннкн: мнѣ прншлось встрѣнтн двухъ бѣглыхъ рмбочнхъ, препровождавшнхся на прїискъ: руки нхъ бнлн въ «парушннкахъ», которне бнлн прнкрѣплены къ одному горизонтальному ломообразному желѣзному шесту. Хороша работа, для отработкн которой прнходнтся препровождать «вольнопнаемныхъ» людей въ такомъ видѣ...

Если многїе жалѣютъ, что Снбнрь, нмѣя такъ много сходнаго съ Америкой и Австралїей, далн пока далеко не тѣ результнтн, бакїе далн послѣднїя,—хотн мы распоряжаемся въ Снбнрн уже цѣлыхъ 300 лѣтъ, а Амернка находится въ рукахъ англнчанъ гораздо меньше, а Австралїя н того меньше,—такъ пусть же позаботятся о томъ, чтобы поставнт Снбнрь въ такїя же условїя, въ какїя поставлены Амернка и Австралїя: нельзя же требоватъ одинаковыхъ результнтовъ отъ мѣстностей, поставленныхъ въ совершенно разлнчннн условїя. Въ то время, какъ англнчане въ Австралїи, а сѣверо-американцы въ Калнфорнїи ничѣмъ не стѣснялн своего золотого промысла, смотрѣлн и смотрятъ на золото, какъ на товаръ, ничѣмъ не отличающїйся отъ всѣхъ прочнхъ товаровъ, н, прн розысканїи, разработыванїи н сбытѣ золота, не прнбѣгалн н не прнбѣгаютъ нн къ какнмъ запретнтельнымъ мѣропрїятїямъ, нн къ какнмъ монопольнымъ ограничениямъ,—мы окружнлн золотопромншленность какнмъ-то особеннымъ оросоломъ, создалн для нея особенную атмосферу, оцѣнлн ее глухой стѣнной всеяческнхъ регламентаций, стѣнной, подъ защитой которой нскусившїеся въ жнтельской «практикѣ» ловко нагрѣваютъ руки... Исполнтъ За-

¹⁾ См. приложенїе, конгр. № 2-й, в. 12-й.

каланинъ. говоря во второмъ томѣ своего «Описанія Западной Сибири» объ Алтаѣ, совершенно справедливо замѣтилъ: «Сибирь съ уничтоженіемъ преграды для добычи всякаго рода благородныхъ металловъ (заповѣдныхъ раіоновъ казны, монополій золотопромышленности, высокихъ податей) можетъ несомнѣнно сдѣлаться Калифорніей и Австраліей русской: несправедливо мнѣніе, что добыча золота и серебра истощается, а напротивъ лишь отсутствіе научнообразныхъ пріемовъ, административныхъ стѣпенія и недостатокъ ассоціаціонной предпріимчивости не «на авось» — истинныя причины того, что добыча воть уже нѣсколько лѣтъ какъ бы держится все почти на однихъ и тѣхъ же цифрахъ даже и съ уменьшеніемъ...» Это писано было въ 1863 году, но оно и понынѣ не потеряло ни одной іоты своего тогдашняго значенія. Пріиски, по вышеобъясненнымъ причинамъ, все болѣе и болѣе истощаются, добыча золота уменьшается: золотопромышленники разоряются. Въ прошедшемъ году, почти все пріиски Енисейскаго округа принесли своимъ владѣльцамъ громадныя убытки: г. Кырмановъ понесъ убытковъ до 80,000 р., — Каланинъ — до 40,000 р., — Астаневъ распустилъ рабочихъ со всехъ своихъ пріисковъ (около 700 человекъ), нѣкогда гремящая К^о Зотова не находитъ для своихъ пріисковъ золотнншниковъ и т. д. Выходить, какъ видите, «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга.» Достаточно взглянуть на нижеприведенный выводъ, исключенный нами изъ № 9 «Сиб. Газеты», чтобы понять, насколько сократилась золотопромышленность въ Енисейскомъ округѣ (особенно въ сѣверной его части), за послѣднее время:

Е Н И С Е Й С К І Й О К Р У Г Ъ.

Годъ.	Сѣверная часть.		Южная часть.	
	пуд.	фунт.	пуд.	фунт.
1860	425	8	188	30
1862	376	19	181	32
1867	324	25	119	2
1872	246	15	162	25
1877	158	22	167	7

Какъ видите, положеніе довольно критическое. А, между тѣмъ, Енисейскій округъ до пятидесятихъ годовъ славился своими бога-

тыми приисками.—И надо имѣть въ виду, что паденіе золотопромышленности — повсемѣстное явленіе въ Сибири, за исключеніемъ развѣ Нерчинскаго и Олекминскаго округовъ.

С—нъ.

№ 1. Приложение.

Г. Енисейскъ. Тысяча восемьсотъ восемьдесятъ перваго года января дня, мы нижеподписавшіеся разныхъ сословій, губерній, округовъ, волостей и селеній заключили сіе условіе съ золотопромышленниками, Енисейскимъ 2-й гильдіи купцомъ Исаемъ Борисовымъ Пекаремъ и крестьяниномъ Екатеринбургскаго уѣзда Алексѣемъ Трофимовымъ Востротинимъ, въ нижеслѣдующемъ: 1) Мы нижепоименованные люди и рабочіе нанялись на золотничныя работы къ гг. Пекарю и Востротину добывать золото своимъ счетомъ на Магдалинскомъ и Клодѣевскомъ приискахъ по р. Севогликону находящіяся въ сѣверной части Енисейскаго округа взятія ими для разработки отъ арендаторовъ гг. Матонина и Киркилло. 2) Срокъ нашей работы долженъ быть до 1 октября сего года, а явка на приискъ должна быть не позже 15 апрѣля сего же года. По окончаніи наемки нашей въ г. Енисейскѣ мы должны со всѣхъ насъ нанятыхъ составить артели не менѣе какъ 10 человекъ каждую, а потомъ изъ каждой артели выбрать артельщика, которому должна повиноваться вся артель по распоряженію гг. Пекаря и Востротина или управленія прииска; а въ случаѣ нашего несогласія, артель могутъ намъ составить и выбрать гг. Пекарь и Востротинъ, противъ чего мы спорить и прикословить не имѣемъ права.—3) По прибытію нашему на прииски мы должны заняться всѣми пригготовительными работами, какъ-то: постройкою родокачекъ, буторъ, колодъ, жолобовъ, америкапокъ, вашгертовъ, торогаскъ, тачекъ, покатовъ, подмостокъ и т. п. Кромѣ того мы должны построить для собственнаго жилья балаганы или бараки, если таковыхъ не будетъ вблизи работъ. Лѣсъ же на вышеупомянутыя поделки и постройки должны такъ же добывать сами и привозить

изъ лѣсу на собственныхъ лошадяхъ. Для постройки по технической части мы должны имѣть въ своихъ артеляхъ плотниковъ, кузнецовъ и т. п. мастеровыхъ. За всѣ вышеозначенныя работы мы никакого вознагражденія отъ гг. Пекаря и Востротина требовать не должны, а также по окончаніи операціи все нами построенное разрушать не имѣемъ никакого права. 4) По окончаніи приготовительныхъ работъ на отведенныхъ мѣстностяхъ пріисковимъ управленіемъ или нами отысканныхъ съ разрѣшенія также пріискового управленія, мы должны заняться горными работами, какъ-то: вскрышею торфа, добычею песковъ и промывкою золота на точномъ основаніи правилъ горнаго устава о частной золотопромышленности. 5) Работать мы должны ежедневно съ пяти часовъ утра до восьми часовъ вечера и выработывать въ это время столько, сколько выработываютъ рабочіе по общему контракту, въ противномъ случаѣ, если мы будемъ уклоняться и лѣниться, то пріисковое управленіе можетъ задавать намъ урочныя работы и не выработывая урокъ, не имѣемъ права сходить съ работъ даже и послѣ восьми часовъ, съ тѣмъ, если урокъ будетъ способенъ по усмотрѣнію пріискового управленія къ выработкѣ. Отъ работъ мы ни въ какомъ случаѣ ни должны отлучаться безъ дозволенія на то пріискового управленія даже на обѣдъ и чай. Горныя работы должны вестись согласно всѣхъ правилъ горнаго устава, въ противномъ случаѣ мы отвѣчаемъ за это сами не подвергая гг. Пекаря и Востротина ни къ какой матеріальной и законной отвѣтственности. 6) Если отведенныя намъ мѣстности, для работъ, управленіемъ или отысканія нами по разрѣшенія того же управленія не будутъ достаточными до конца операціи, то мы съ разрѣшенія управленія, отдѣляясь отъ артели по одному человѣку и никакъ ужъ не болѣе какъ по два, можемъ себѣ пріискивать другія мѣста, съ тѣмъ вмѣстѣ чтобъ мѣстность та была никакъ не менѣе разстояніемъ какъ тридцать сажень отъ другой артели и по нахожденію таковой, дать знать пріисковому управленію. 7) Если гг. Пекарь и Востротинъ не сочтутъ выгоднымъ разработывать Магдалинскій и Клавдіевскій пріиски, по слабому ихъ содержанію золота или другимъ причинамъ, то могутъ перевести насъ на другія свои пріиски или передать насъ въ другую К^о на этихъ же условіяхъ; а если надобность укажетъ, то гг. Пекарь и Востротинъ или то управленіе и К^о, куда мы бу-

демь переданы, могут насъ занять общими работами и мы обязаны выполнять тотъ общій контрактъ, какой заключенъ съ рабочими на прискахъ, куда мы будемъ переданы, безъ прикословно.

8) Мы какъ золотничники и старатели не должны требовать никакихъ отъѣхивъ отъ прискового управленія даже въ воскресные и табельные дни, за исключеніемъ одного дня въ мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы не отдыхать всѣмъ въ разъ, а по одному человѣку изъ артели, и день этотъ долженъ присковымъ управленіемъ назначаться. Въ экстренныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: пожаровъ, истребленіе водоношемъ плотинъ и т. п. мы обязаны подать немедленную помощь во всякое время дня и ночи какъ золотничнымъ артелямъ, такъ и на хозяйскихъ работахъ, не требуя за это никакого вознагражденія отъ прискового управленія. Кромѣ того, по приходѣ на прискъ каждый изъ насъ обязанъ отработать по днѣмъ поденщины безплатно на постройкѣ жилья для служащихъ и заготовленіемъ имъ дровъ.

9) Если изъ насъ какая либо артель приметъ себѣ мѣстность съ порядочнымъ золотомъ, то присковое управленіе не вправе ее согнать съ этой мѣстности безъ уважительныхъ на то причинъ, какъ-то: хищничество золота, связь съ подозрительными людьми, пьянство и т. п. безпорядки. Если же по соображенію прискового управленія сочтено будетъ, что одна артель не будетъ въ состояніи выработать найденную ею мѣстность, до окончанія операціи, тогда управленіе вправе поставить на эту же мѣстность и другую артель, съ тѣмъ вмѣстѣ чтобы вторая артель, не стѣсняла первую своими работами, противъ чего мы спорить не должны.

10) Припасы для нашего продовольствія гг. Пекаръ и Востротинъ должны выдавать намъ въ счетъ нашей заработной платы въ слѣдующихъ размѣрахъ и цѣнамъ на каждого человѣка въ мѣсяцъ муки: ржаную, по два пуда двадцать фунтовъ, по два рубля за каждый пудъ, мясо свиное и солѣное по 37½ фун. по четыре руб. пудъ, крупы ячменной по 7¼ ф. по два руб. восьмидесяти коп. за пудъ, соли по 5 фун. и тоже по два руб. 80 коп. за пудъ, болѣе же этого мы требовать не имѣемъ права; а остальные припасы, какъ-то: мука пшеничная по три руб. за пудъ и всѣ другія выдаются намъ на нашъ счетъ по присковой таксѣ и по мѣрѣ нашей заработной платы, а впередъ требовать мы ничуть не имѣемъ права. Фуражъ же для нашихъ лошадей, находящихся въ работѣ (которыхъ

мы должны имѣть собственныхъ не менѣе какъ по двѣ лошади на каждую артель изъ десяти человѣкъ) по цѣнѣ за овесъ по два руб., а за сѣно по одному руб. за пудъ. 11) За инструментъ, имущество, почтовые и дорожные расходы, и за пользованіе въ больницѣ мы платимъ гг. Пекарю и Востротину по двѣнадцати рублей съ каждаго человѣка. За пользованіе же больными въ больницѣ припасами, записывается намъ въ расчетъ принсковымъ управленіемъ. По истеченіи срока сего условія, мы должны возвратить принсковому управленію все взятое нами имущество и инструментъ въ цѣломъ и неспорченномъ видѣ; за утраченное же нами намъ принсковое управленіе записываетъ въ расчетъ по стоимой цѣнѣ. 12) За каждый добытый очищенной отъ шлифовъ и сданный принсковому управленію золотникъ шлифового золота, мы договорились получить съ гг. Пекаря и Востротина по одному рублю (восемьдесятъ копѣекъ) кредитными билетами. Золото должно нашими артельщиками сдаваться тому лицу, коему это будетъ поручено принсковымъ управленіемъ и записываться въ тетрадь въ которой должно обозначиться количество золота цифрами и подписью и утверждаться подписью пріемщика; точно также должно записываться въ эту тетрадь все припасы, товары, матеріалы, имущество, инструменты и прочее получаемое на нашъ счетъ изъ принсковаго магазина, словомъ тетрадь эта должна вести весь расчетъ между нами съ гг. Пекаремъ и Востротинимъ, если же нами будетъ утеряна вышеупомянутая тетрадь, то мы должны вѣрить безпрекословно тѣмъ расчетамъ, кои имѣются въ принсковой конторѣ. 13) Ранѣе перваго октября сего года расчета требовать мы ни подъ какимъ видомъ не имѣемъ право. Если изъ артелей кто-либо сдѣлаетъ побѣгъ, неявится на принскъ, умретъ, или по другой причинѣ останется должнымъ, то артель та, въ которой рабочій этотъ будетъ находиться, отвѣчаетъ за его долгъ; если же какая либо изъ артелей неотработаетъ состояцій за вею долгъ, или неуплатитъ при концѣ операніи различными деньгами, то она должна отработать его хотя по истеченіи срока сего условія, словомъ все рабочіе въ ихъ артеляхъ должны быть другъ за друга круговой порукой. 14) Если къмъ либо изъ насъ будутъ найдены золотныя самородки и другія драгоцѣнности, мы должны сейчасъ же представить принсковому управленію, въ противномъ случаѣ мы подвергаемъ себя за-

конной ответственности, какъ за хищничество и утайку золота. 15) Каждый артельщикъ обязанъ наблюдать за своей артелью, чтобы она вела себя честно, трезво, связей съ рабочими другихъ артелей и рабочими другихъ промысловъ не имѣть, въ карты не играть, не допускать, чтобы между собою были ссоры и драки, а также и всѣ разныя поступки; если артельщикъ не будетъ въ состояніи унять свою артель, въ ихъ дурныхъ поступкахъ, обязанъ объ этомъ немедленно доносить управленію пріиска. Словомъ, всѣ артели должны находиться въ полномъ повиновеніи пріискаго управленія и служащихъ, не должны имъ наносить дерзости и грубости. За всякое нарушение порядка и неисполненіе законныхъ требованій артельщика, пріискаго управленія и служащихъ, а также за невыполненіе какого либо пункта сего условія, виновные подвергаются строгому наказанію и штрафу въ количествѣ 3 рублей; а если проступокъ или преступленіе будетъ важнѣе, тогда виновные предаются суду. 16) Условіе обязуемся хранимъ свято и ненарушимо.

Это условіе явлено въ Енисейскомъ окружномъ полицейскомъ управленіи 26 марта 1881 года и подписано 21 рабочимъ: 10 поселенцами, 6 мѣщанами, 5 крестьянами и однимъ временно-отпускнымъ унтеръ-офицеромъ.

№ 2. Копія съ ЧЕРНОВАГО КОНТРАКТА.

Тысяча восемьсотъ восьмидесятого года. Мы нижеподписавшіеся разнаго званія, люди разныхъ губерній, округовъ, волостей и селеній, наименованій, какъ означено будетъ ниже сего при подписи нашей, заключили сіе условіе съ золотопромышленникомъ крестьяниномъ Пермской губерніи, Екатеринбургскаго уѣзда, Бяслинской волости Алексѣемъ Трофимовымъ Востротиннымъ въ томъ, что нанялись мы въ работу на золотые промыслы принадлежащіе г. Востротину, какъ собственные, такъ и арендуемые на операцію 1881 года съ тѣмъ, чтобы: 1) Работать намъ на при-

скахъ г. Востротина, находящихъ въ сѣверной и южной частяхъ Енисейскаго округа на старихъ или только закладываемыхъ въ розшировкахъ или розыскахъ вновь золота и на ихъ завѣдѣніяхъ г. Востротина служащихъ въ пособіе принскамъ исполнять всѣ порученныя работы, какъ-то: уборку покосовъ, перевозку тяжестей на лошадахъ г. Востротина должны исполнять все безпрекословно. 2) Для отправки на промысла къ работамъ мы должны быть всегда готовы и по первому требованію или извѣщенію обязываемся явиться къ г. Востротину непремѣнно къ тому времени, какое будетъ назначено; если же по первому извѣщенію кто либо изъ насъ не явится въ противность сего условія, то всѣ расходы какіе могутъ послѣдовать для отысканія его падаютъ на его счетъ; и онъ обязанъ отработать ихъ. 3) Срокъ занятій нашихъ на принскахъ долженъ кончиться перваго октября 1881 года, но тѣ изъ насъ, которые явятся на принскъ позже того времени, къ какому слѣдовало явиться по назначенію, обязываются въ случаѣ требованія г. Востротина, всѣ просроченныя дни отработать на принскахъ и послѣ перваго октября, хотя бы и должными не оставались; тѣжъ изъ насъ, которые по болѣзни или другимъ какимъ причинамъ останутся на первое октября 1881 года должными г. Востротину обязаны для отработки долговъ остаться въ работѣ и послѣ перваго октября и продолжать ее до отработки долговъ. Во все время нахождения на принскахъ г. Востротина, мы не должны уклоняться ни отъ какихъ работъ; ни подъ какими предлогами и самовольно никуда не отлучаться, а которые изъ насъ поступятъ въ конюха или разныя работы при завѣдѣніяхъ, то не могутъ оставлять своихъ занятій ранее двадцатаго октября 1881 года, и до этого времени должны исполнять всѣ порученныя работы, и быть въ полномъ повиновеніи. Г. Востротинъ имѣетъ полное право расчитать насъ всегда удовлетворивъ причитающимися намъ деньгами или же въ случаѣ если найдетъ работы на своихъ принскахъ невыгодными, то можетъ насъ передать въ другую компанію и мы обязаны причитающійся на насъ долгъ г. Востротину отработать въ оной. 4) Хотя на основаніи горныхъ положеній и опредѣляется для работъ время съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, за исключеніемъ времени обыкновенно даваемого на чай утромъ и пополудни, на обѣдъ съ отдыхомъ всего около двухъ часовъ; но мы зная по опыту, что усердный и здоровый работникъ заданную ему работу можетъ окончить

и раньше этого времени, для собственной своей пользы желаемъ производить работы не стесняясь временемъ; поурочно и за выработку уроковъ получать и самую плату на особыхъ условіяхъ, намъ въ 13 пунктѣ сего условія опредѣленную. На этомъ основаніи, если бы мы уроковъ своихъ къ 8 часамъ вечера не окончили, то обязуемся продолжать ихъ и далѣе этого времени, но если окончимъ раньше, то должны въ то же время отъ работъ быть уволены, въ случаяхъ же пегерящихъ отлагательства, какъ-то: при укрѣпленіи плотинъ, водопроводовъ, ортъ отвода воды, прекращенія пожаровъ и тому подобную работу за урокъ не считать. а выходить намъ на нее по первому требованію, до тѣхъ поръ не оставлять, пока не будетъ дозволено г. Востротиннымъ или его служащими. 5) Выдаваемые намъ для работъ инструменты и другіе вещи обязываемся мы беречь и не портить, а равно кому будетъ порученъ присмотръ за лошадьми и рогатымъ скотомъ, гдѣ бы то ни было, должны беречь и охранять отъ всѣхъ случайностей и въ случаѣ утраты или порчи чего либо изъ инструментовъ или животныхъ и отвѣствуемъ г. Востротину по цѣнѣ назначенной принескою. 6) Все находимое во время работъ золото, самородки и другіе драгоценности и рѣдкости безъ малѣйшей утайки, подъ опасеніемъ взысканія по закону, должны представлять г. Востротину или смотрителю разрѣза, нашедшему производить награду за каждый золотникъ золота по одному рублю серебромъ, а за прочіе по усмотрѣнію. 7) Постройку жилищъ при разшировкахъ и разработкахъ новыхъ принесковъ, равнымъ образомъ починку обуви и платья для себя производить намъ въ то время, когда будемъ отъ работъ свободны или съ дозволенія управляющаго, не требуя за это никакой платы. 8) Одежду, обувь и разныя необходимыя вещи брать намъ въ счетъ заработки изъ запасовъ г. Востротина за установленную по таксѣ цѣну. 9). Для удобнѣйшаго и безспорнаго расчета нашего съ г. Востротиннымъ, имѣютъ быть выданы отъ него каждому изъ насъ расчетные листы, въ которые должно быть записываемо все, что мы получаемъ въ счетъ своей заработки; а равно и заработки наши, если кто изъ насъ выданный листъ утратить, то при окончательномъ расчетѣ долженъ расчитываться безпрекословно по документамъ конторы. 10) Пищу во время работъ на принескахъ и заведеніяхъ г. Востротина, выдавать намъ на каждого человека въ день: хлѣба ржанаго по четыре фунта, говядины

свѣжей или соленой одинъ фунтъ. если же провѣсная, то по полфунту, крупы четверть фунта, сала по полфунта въ мѣсяць и соли сколько нужно, но употребляя ее хозяйственно, хлѣба не растрачивать, а если кто изъ насъ будетъ изобличенъ въ этомъ, то подвергается штрафу по усмотрѣнію управленія, что же касается дорожнаго продовольствія до пріисковъ отъ Енисейска и обратно, то управленіе обязывается выдавать въ каждый разъ изъ приходоу въ передній и обратній путь по двадцати фунтовъ сухарей ржаныхъ каждому до г. Енисейска изъ мѣсть своихъ жительствоу и обратно. должны мы продовольствіе имѣть свое и за приходъ съ мѣста найма изъ Енисейска до пріисковъ и обратно, никакой плати отъ г. Востротина требовать не должны. 11) Если кому изъ насъ дозволено будетъ привести съ собою жену, то на нее обязываемся выхлопотать узаконенный видъ съ срокомъ до окончанія лѣтнихъ работъ и съ нимъ привести на пріискъ. Если же жены наши не будутъ исполнять разныхъ порученныхъ имъ хозяйственныхъ работъ, то за содержаніе ихъ должны платить г. Востротину что будетъ стоить, если же она находится будетъ въ занятіи, то управленіе обязано отпускать имъ такое же содержаніе какъ и намъ; и сверхъ того, по усмотрѣнію своему производить плату. Лошадей, рогатаго скота и собакъ не должны мы имѣть при себѣ вовсе. 12) Если кто изъ насъ заболѣетъ, то все время пахожденія въ больницѣ, никакой плати требовать себѣ не вправе; за отлучку безъ дозволенія съ пріиска, за выходъ на работу позже, за отбытіе съ оной ранѣ времени и за уклоненіе отъ нея подъ разными предлогами, какъ-то: по болѣзни и проч. предоставляемъ управленію полное право ставить штрафъ за каждый таковой поступокъ по три рубля въ день: если кто изъ насъ на пріискъ не явится или отъ работъ бѣжить, въ таковомъ случаѣ предоставляемъ г. Востротину право ходатайствовать о высылкѣ таковыхъ изъ мѣсть жительствоу на пріиски чрезъ сельскую стражу, и по высылкѣ употреблять въ работу по своему усмотрѣнію: ставя на счетъ ихъ расходы на пересылку ихъ послѣдовавшія ровно такъ же г. Востротинъ въ правѣ поступать и съ тѣми, которые послѣ 1-го октября по болѣзни или другимъ причинамъ останутся должными и вопреки настоящему условію не захотятъ отработать своихъ долговъ и уйдутъ съ пріиска самовольно. 13) За каждый рабочий день на пріискахъ обыкновенно опредѣляется плата по десяти копѣекъ каждому ра-

бочему — сверхъ того, дозволяется золотопромышленникамъ старательскія работы на золотѣ и на торфахъ въ будни и праздники, за которые по усмотрѣнію производится еще особая плата, но такъ какъ не неопредѣленность старательскихъ работъ и самое вознагражденіе за оныя, не обеспечиваютъ положительно заработковъ нашихъ; а равно золотопромышленники, ихъ управляющіе безъ опредѣленныхъ работъ нашихъ не могутъ основать на нихъ своихъ соображеній, то во избѣжаніи сего, по взаимному согласію между напимателемъ и нами признали для себя нужнымъ и полезнымъ соединить за тѣ и другіе не раздѣльно задѣльную и поденную плату, а именно: а) съ открытія промысли на торфахъ талыхъ и цѣлой мѣстности конною отвозкою должны мы выработывать каждый день двумя человѣками при одной лошади. отъ одной съ половиною до двухъ кубическихъ саженой, и за что платить намъ во все будничные дни каждому по тридцати пяти копѣекъ. въ старательскіе дни по восьмидесяти коп. ручнымъ откатомъ выработывать намъ это количество двумя и никакъ не болѣе тремя чевовѣками, смотря по способности торфа и близости отката его въ отвалъ съ такою же платою на багдаго, какъ и при конной отвозкѣ; на торфахъ же мерзлыхъ, работы предоставляемъ назначать управленію г. Востротина, а до открытія промысли на торфахъ талыхъ и мерзлыхъ плату получать намъ въ будни по десяти коп., а въ праздники по пятидесяти коп. каждому, съ тѣмъ, что назначенія уроковъ предоставляемъ управленію принска; б) при добычѣ изъ цѣлой мѣстности и отвозкѣ песковъ на машину, мы должны выработывать каждодневно отъ трехъ до четырехъ кубическихъ саженой тремя и четырьмя человѣками при двухъ лошадяхъ, на опытѣ знаемъ, что земля переваленная перемытая какъ-то: торфовая, галечная и сфельная отвалы отъ времени и возвышенности ея павала просохли, а потому она содержитъ въ себѣ въсу три четверти противу земли добываемой изъ цѣлой мѣстности, а поэтому мы обязываемся выработывать этимъ же количествомъ людей и лошадей отъ четырехъ до пяти саженой. смотря по близости возки и количеству людей, за что намъ г. Востротинъ платить въ день: 1) забойщикамъ, свальщикамъ и промывальщикамъ въ будни по сорока коп., а въ старательскіе дни по одному рублю двадцати пяти коп.; 2) возчикамъ песковъ по тридцати пяти коп. въ будни, въ праздники по одному рублю; 3) при работахъ га-

личныхъ и ефельныхъ, отвозчикамъ гальки и ефеля при чисткѣ хвостовыхъ канавъ пробщикамъ въ будничныя дни по тридцати пяти коп., а въ старательскіе дни по восьмидесяти коп.; 4) отмыльщиками гальки и ефеля, уборщикамъ камней отъ забосвъ, каравальнымъ при машинѣ въ будни по двадцати пяти коп., а въ праздники по семидесяти коп.; 5) за вскрышу торфа и промывку песковъ по новому, такъ называемому американскому способу, управленіе платитъ намъ съ выработанной кубической сажени, а также гальки, ефеля и торфа въ будничныя дни по двадцати коп., а въ старательскія по пятидесяти коп., песковъ въ будничныя дни по восьмидесяти коп., а въ старательскія по одному рублю восьмидесяти коп. за каждую выработанную кубическую сажень. г) При всѣхъ прочихъ непоменованныхъ сдѣсь работахъ, каждый рабочій получаетъ ежедневно до промывки, въ будни по десяти коп., а въ праздничныя дни по пятидесяти коп. въ день; съ промывки же въ горныхъ, гаторжныхъ работахъ по тридцати пяти к. въ будни и по восьмидесяти коп. въ праздничныя дни; д) производство ремесленныхъ работъ и конюхамъ назначеніе платы зависитъ отъ управленія, смотря по способности и усердію каждаго. 14) Уроки обязываемся выработывать каждый день исправно, или же въ какіе дни будетъ не выработка на торфахъ или пескахъ, то обязываемся въ слѣдующія дни отработывать ее въ мѣстѣ съ заданнымъ урокомъ. 15) Вообще все обязанности по сему условію нами принятыя, какъ относительно своевременной явки на промысли, такъ равно и для производства работъ и проч., мы обязываемся исполнять въ точности съ круговою другъ по другѣ порукою, какъ это указано въ 2382 ст. VII т. св. зак. во все время нахождения въ работахъ вести себя честно, сохранять къ управленію почтительность, не самовольничать ни въ чемъ и быть въ полномъ повиновеніи у всѣхъ приказчиковъ г. Востротина, въ противномъ случаѣ, управленіе имѣетъ право поступить съ нами на основаніи законовъ, равнымъ образомъ управленіе г. Востротина обязывается обходиться съ нами справедливо, удовлетворять насъ во всѣхъ законныхъ и справедливыхъ нашихъ требованіяхъ и не допускать со стороны своихъ приказчиковъ дѣлать намъ какихъ либо обидъ или притесненій. 16) при заключеніи сего условія получили мы нижеподписавшіеся въ задатки деньги а сколько именно обозначимъ въ подлиси нашей, затѣмъ остальные деньги за заработку нашу, управленіе г. Востро-

тина обязано уплатить намъ въ первое число октября 1881 г., а ранѣе сего ни кто изъ насъ требовать отъ г. Востротина денегъ права не имѣеть. 17) въ могущемъ случаѣ, если встрѣтится необходимость, то хозяину нашему Алексѣю Трофимовичу Востротину, мы, съ общаго нашего согласія предоставляемъ о томъ, чтобы отнесся ему самому къ нашему мѣстному начальству, съ ходатайствомъ о высылкѣ нашихъ новыхъ письменныхъ видовъ и 18) условіе это, какъ мы, такъ и управленіе г. Востротина, обязуемся исполнять во всей точности безъ всякаго нарушенія въ томъ и подписуется:

(Контрактъ подписанъ 13-ю лицами: 8-ю поселенцами. 3-мя крестьянами, 1 мѣщаниномъ и 1 инородцемъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Въ Петербургѣ, въ 6-й ротѣ Измайловскаго полка, проживаетъ мѣщанка Ханна Леве. Квартира, занимаемая ею, по словамъ «Пет. Л.» обставлена роскошно. Вся прислуга состоитъ изъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, отъ 12—14-ти лѣтъ. Въ началѣ ноября мѣсяца, къ одной изъ этихъ дѣвочекъ пришла подруга — дочь мѣщанина, Прасковія Тырнова, тоже дѣвочка, 14-ти лѣтъ. Дочь бѣдныхъ родителей, Тырнова прельстилась и позавидовала той роскоши и обстановкѣ, среди которой находится ее подруга. Между двумя дѣвочками завязался разговоръ, во время котораго входитъ Ханна Леве и вематривается въ миленькое личико Тырновой. Послѣ распросовъ, кто она такая, Леве предложила Тырновой остаться у нея въ горничныхъ, на что Тырнова не согласилась, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что у нея есть престарѣлый отецъ. Ханна Леве стала убѣждать Тырнову остаться, причемъ обѣщала давать отцу ее 15 руб. каждый мѣсяцъ. Тырнова согласилась, послѣ чего началось угощеніе разными лакомствами. Вечеромъ Леве одѣла Тырнову въ роскошное платье, дала золотныя кольца и браслетъ и отпустила ее съ подругой для развлечения въ увеселительный залъ «Марцинкевича». Тутъ Тырнова слушала музыку, смотрѣла на танцующихъ, не понимая, конечно, того, что на глазахъ ее происходило. Была уже ночь, когда два ребенка пріѣхали домой и легли спать послѣ удовольствія, котораго они, конечно, не понимали. На другой день Ханна Леве спрашивала ихъ, какъ имъ понравился балъ, на что дѣти осыпали хозяйку благодарностями. Часовъ около 12-ти дня,

къ Ханнѣ Леве пріѣхали гг. Виноградовъ и Яковлевъ, которые, послѣ долгихъ разговоровъ съ Леве, стали просить отпустить Тырнову— покататься на извозчикѣ, причемъ одинъ изъ пріѣхавшихъ вручилъ Леве сто рублей. Тырнова, обрадованная, согласилась покататься, одѣлась и вышла вмѣстѣ съ пригласившимъ доставить ей, ребенку, удовольствіе.

Черезъ часъ Тырнова вернулась; но—увы! — это былъ уже не беззаботный, невинный ребенокъ. Тырнова—дѣвочка 14-ти лѣтъ— была обезчещена.. Она явилась домой въ неузнаваемомъ видѣ и сама не могла дать себѣ, конечно, отчета и понять того, что ее погубили, быть можетъ, на всю жизнь. Вечеромъ того-же дня Ханна Леве послала ее гулять по улицѣ, результатомъ чего было выручка—въ одиннадцать рублей. Ханна Леве очень разсердилась, что денегъ принесено мало и прогнала Тырнову вонъ. Но этого мало: Леве чрезъ нѣкоторое время отыскала Тырнову и представила ее въ полицію, заявивъ, что она украла у нея пальто и платье. Полиція составила протоколъ и Тырнову арестовала. Затѣмъ дѣло было передано мировому судѣ, и такимъ образомъ погубленная на вѣкъ дѣвочка попала еще подъ судъ. Дѣло разбиралось 29-го ноября, въ камерѣ петербургскаго мирового судьи 17-го участка, г. Коробко. Надо полагать, не мало житейскихъ драмъ прошло передъ г. судьей, за время его судебной практики, но разбирая настоящее дѣло и выслушивая свидѣтелей, онъ былъ блѣденъ какъ полотно; перо дрожало въ его рукахъ, пальцы отказывались дѣйствовать.

— Что же вы хотите отъ меня? спросилъ судья Ханну Леве, отирая выступившій на его лицѣ холодный потъ ужаса.

— Отобрать все, что на ней надѣто.

— Вы и такъ уже все у ней взяли! отвѣчалъ судья и постановляетъ: Тырнову признать оправданною и отъ суда освободить.

Тырнова закрываетъ лицо руками и уходитъ....

Такова «исторія». Никакихъ восклицаній, никакихъ громкихъ словъ, никакихъ возгласовъ негодованія,—ничего этого не нужно. Исторія говоритъ сама за себя. И нужно быть развратнымъ негодлемъ, чтобы при чтеніи этой исторіи не чувствовать того, что чувствовалъ судья при разборѣ этого ужаснаго дѣла.

Чувства ужаса и жгучаго стыда охватываютъ всякаго порядочнаго человѣка при чтеніи подробностей этой исторіи; ужась воз-

буждаетъ несчастная судьба Тырновой, становится стыдно за общество, среди котораго возможны подобныя исторіи. Но... и стыдъ, и ужасъ безслѣдно исчезаютъ, когда мы переходимъ къ слѣдующему, болѣе веселому, отдѣлу газеты, изъ котораго узнаемъ объ удивительномъ на, выкинутомъ какою-нибудь танцовщицею, или о восторгѣ, вызванномъ гдѣ-нибудь г-жею Стрепетовою. Настроивъ себя этимъ отдѣломъ на веселый ладъ, мы откладываемъ газету и совершенно забываемъ о какой-то Тырновой.

А она «закрыла лице руками и ушла». Куда ушла? Да все туда же, все въ тотъ же омутъ, подъ начальство какой-нибудь Манни Реве, а то и бабы съ русскимъ именемъ Анфисы Семеновны. Куда же ей больше идти?

Что такое Тырнова?

Это дитя нужды и невѣжеста. Она—мѣщанка, дочь бѣдныхъ родителей; у нея престарѣлый отецъ; 15 рублей ей кажутся чрезвычайнымъ богатствомъ. Ей 14 лѣтъ, но она обнаруживаетъ впечатлительность и неспособность работать головой, какія присущи семилѣтнему ребенку; она ничего не понимаетъ и живетъ вся впечатлѣніями. Она чисто ребячески поражается роскошной обстановкой Хаппы Леве и остается у нея, совсѣмъ забывъ про семью. Она по дѣтски восхищается баломъ Марцинкевича и по дѣтски же радуется тому, что добрые господа Виноградовъ и Яковлевъ вздумали покатать ее на извозчикѣ. И въ результатѣ—гибель.

Тырновы гибнутъ тысячами. Хаппа Леве живетъ не въ 6-ой только ротѣ, но и въ 7-ой, и въ 5-ой, на Невскомъ и на Литейномъ, на Пескахъ и на Васильевскомъ островѣ, —словомъ всюду и вездѣ. Вездѣ есть «потребители» дѣвочекъ и вездѣ поставщики этого живаго товара.

А мы, общество, среди котораго все это совершается, ничего не знаемъ или дѣлаемъ видъ, что не знаемъ. И только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до публичнаго скандала, мы возмущаемся и приходимъ въ минутное негодование.

А между тѣмъ торговля живымъ товаромъ идетъ постоянно и имѣетъ правильную организацію. Торгуютъ не только дѣвочками, но и мальчишками, и послѣдній родъ торговли значительно преобладаетъ надъ первымъ.

Ежегодно, осенью, по Ярославской, Псковской, а можетъ быть, и по другимъ губерніямъ, разѣзжаютъ особые специалисты, зани-

мающіеся торговлею дѣтьми. Это обыкновенно мѣщане шабайскаго или прасольскаго типа. Приѣхавъ въ село, такой спеціалистъ даетъ знать о своемъ прибытіи всѣмъ родителямъ, имѣющимъ дѣтей—подростковъ лѣтъ 8—12. Всѣ родители-крестьяне, не имѣющіе возможности кормить мальчугановъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желающіе, чтобы ихъ мальчуганы «вышли въ люди» какиминибудь путями, отдають дѣтей приѣхавшему спеціалисту по дѣтской торговлѣ. Обыкновенно дѣтоторговецъ посѣщаетъ такія села, гдѣ его уже знаютъ и питають къ нему хоть нѣкоторое довѣріе: «всежъ знакомый—не обидитъ мальчишку». Но бывасть и такъ, что торговецъ дѣтьми, по мѣрѣ расширенія «коммерціи», заѣзжаетъ и въ совершенно незнакомыя села и деревни и, тѣмъ не менѣе, отцы отдають ему дѣтей и тамъ. Нужда—не свой братъ, научить и кирпичи ѣсть. Сопедшись съ родителями своего живого товара, дѣтоторговецъ беретъ отъ нихъ довѣренности, дающія ему право на полное распоряженіе дѣтьми, а взамѣнъ того выдасть отцамъ по 3—5 руб. за мальчика. Много плача бывасть при разставаніи дѣтей и родителей. Отцы, а еще пуще матери упрашиваютъ дѣтскаго торговца «пожалѣть» ихъ мальчугана и выпскасть ему мѣсто получше. Торговцы, конечно, обѣщаютъ.

— Будь благонадеженъ... Потому мы не какіе-нибудь сквалыжники, не для интересу, а лишь бы прокормиться. Значитъ, если про насъ пойдетъ дурная слава, кто же намъ дѣтей отдасть? Долженъ я стараться или цѣть? заиѣряеть дѣтопромышленникъ.

— Такъ, такъ... Ну, дай тебѣ Богъ, всего. А мы молиться Владычицѣ за тебя будемъ.

— А ты, обращается отецъ къ сыну, этого дядю слушайся. Да и гдѣ Богъ приведетъ на мѣсто поступить, слушайся хозяина: глядишь, и въ люди выйдешь.

Но мальчикъ не слышитъ ничего. Да и какъ ему слышать, когда у него на шеѣ повисла мать и раздрающимъ душу голосомъ причитаетъ: «ради-и-меньшой мой! кто-жъ тебя пожа-а-лѣетъ на чужой сторо-онкѣ»!..

Наконецъ, всѣ причитанія, наставленія, прощанія конченны. Спеціалистъ по дѣтской торговлѣ, составивъ «партію» дѣтей (въ родѣ того какъ бывасть «партія» сапоговъ, «партія» овса и т. п.), отправляется съ ними въ Питеръ или въ Москву. Дорогою поставщикъ дѣтей платитъ за провозъ «партіи» своего товара и за ея

содержаніе изъ собственнаго кармана. По прїѣздѣ на мѣсто, онъ также содержитъ на свой счетъ мальчугановъ партіи. Понятно, что ему выгодноѣе развязаться какъ можно скорѣе съ своимъ товаромъ, который отличается отъ обыкновеннаго товара тѣмъ, что требуетъ, сверхъ обычныхъ расходовъ на помещеніе, еще расходовъ на пищу. По этому, дѣтскій торговецъ, тотчасъ по прїѣздѣ въ одну изъ столицъ, начинаеть бѣгать по портернымъ, трактирамъ, разнымъ мастерскимъ, мелочнымъ и мяснымъ лавкамъ и т. п., съ предложеніемъ своего живаго товара. Найдя желающаго взять у него товаръ, онъ пачинаеть формальный торгъ со всѣми обычными ему пріемами, хлопаньемъ рукъ и т. п. Пользуясь довѣренностями родителей своего товара, дѣтскій торговецъ законтрактовываетъ мальчиковъ на много лѣтъ бакому-нибудь мастеру или портерщику. Это значитъ, что мальчикъ «поступилъ въ ученіе». Число годовъ этого «ученія», въ теченіи котораго мальчикъ является почти рабомъ своего хозяина, получающимъ за свой, часто непосильный, не дѣтскій трудъ одни колотушки, всецѣло зависитъ отъ размѣровъ того вознагражденія, которое новый хозяинъ мальчугана выплачиваетъ дѣтскому торговцу за посредничество. Понятно, что торговцу нѣтъ никакихъ резоновъ особенно жалѣть мальчугана, и онъ на много лѣтъ закабалаеть мальчика, лишь бы получить вознагражденіе выше. Въ результатѣ получается «удачное дѣльце», удачный сбить «партію» для торговца и семи, осьми и даже десятилѣтняя кабала для мальчиковъ.

Значительныя «партіи» дѣтей отправляются также ежегодно на нижегородскую ярмарку. Съѣхавшіеся сюда торговцы, запасаясь всякими товарами, запасаются также «мальчишками» для своихъ лавокъ и магазиновъ и затѣмъ развозятъ свой живой товаръ по всѣмъ концамъ Россіи. Я знаю, напр., торговля фирмы на сѣверномъ Кавказѣ, ежегодно привозяція съ нижегородской ярмарки десятки мальчиковъ, которые поступаютъ въ полное и безконтрольное распоряженіе своихъ патроновъ.

Затѣмъ, много дѣтей покупается цирками, акробатическими труппами, пѣвцами, имѣющими свои хоры и т. п. Для этихъ «потребителей» существуютъ также спеціальныя поставщики; иногда, впрочемъ, хозяева цирковъ, труппъ, хоровъ и проч., соединяють вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ лицѣ и спеціальность дѣтоторговцевъ.

Вотъ что, напр., сообщалъ «Саратовскій Листокъ» объ одномъ такомъ специалистѣ: Нѣкогда знаменитый самобитный пѣвецъ Кольцовъ, путешествуя по городамъ и селамъ российскимъ, набираетъ въ свой хоръ разныхъ сиротъ—дѣвочекъ и мальчиковъ, увозитъ ихъ и потомъ, при случаѣ, распродаетъ. Въ настоящее время, надъ хоромъ, и даже надъ самимъ Кольцовымъ, въ полномъ смыслѣ, хозяйствуетъ нѣкая нѣмка Иоганна и хозяйствуетъ съ скарденостью, благодаря чему бѣдныя дѣти содержатся въ хору крайне неряшливо, грязно, въ лохмотьяхъ, босыя и, притомъ, стѣдаемыя мириадами насѣкомыхъ. Такое положеніе дѣтей невольно вызываетъ къ нимъ жалость людей сердобольныхъ, и они нерѣдко заявляютъ желаніе того или другого ребенка взять къ себѣ, но Кольцовъ отдаетъ ихъ не иначе, какъ послѣ упорнаго торга: съ 25 уступаетъ за 10 руб., какъ это было съ нѣкимъ Перенелицынымъ, взявшимъ къ себѣ, при недавнемъ отъѣздѣ Кольцова изъ Царицына, мальчика Васю.

Въ значительной мѣрѣ контингентъ дѣтей, наполняющихъ цирки, звѣринцы и проч., доставляется воспитательными домами. Дѣло въ томъ, что начальства воспитательныхъ домовъ имѣютъ право отдавать порученныхъ ихъ попеченіямъ малютокъ благонадежнымъ лицамъ; пожелавшимъ взять дѣтей на воспитаніе. Вотъ подъ этимъ предлогомъ хозяева труппъ, звѣринцевъ и т. п. и получаютъ изъ воспитательныхъ домовъ сколько угодно дѣтей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, конечно за приличное вознагражденіе. Такъ, въ началѣ настоящаго года въ Керчи много надѣлало шума открытіе, что изъ мѣстнаго воспитательнаго дома много дѣтей попало указаннымъ путемъ въ цирки и звѣринцы. Но такое положеніе дѣлъ существуетъ не въ одной только Керчи.

Положеніе такихъ проданныхъ дѣтей ничѣмъ не лучше, если не хуже положенія крѣпостныхъ. Что дѣлаютъ съ бушленнымъ ребенкомъ въ циркѣ или акробатическомъ балаганѣ, можно хоть отчасти видѣть изъ нижеслѣдующаго дѣла, по которому обвинялся акробатъ Капустрини въ насиліи надъ шестилѣтней акробаткой. Дѣло это разбиралось въ прошломъ году у мирового судьи 14-го участка города Петербурга. Суть дѣла въ слѣдующемъ. 6-го іюля 1881 г. на сцену «Аркадіи» вышла шестилѣтняя малютка Сара и обвиняемый съ помощью лѣстницы поднялъ ее на трапезію, гдѣ ребенокъ, напругая свои силы, началъ продѣлывать акробатическія упражненія; публика стала требовать, чтобъ они были прекращены; не-

смотря на это, упражненія продолжались и въ концѣ концовъ дѣвочка обезспѣла и, сорвавшись съ трапеціи, упала на полъ спиною, послѣ чего, когда была поднята обвиняемымъ, громко заплакала. По требованію публики былъ составленъ протоколъ, въ которомъ полиція поставила въ вину Каустрини, между прочимъ, то, что онъ не принялъ надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію могущаго случиться несчастія — не натянулъ предохранительной сѣтки.

Обвиняемый, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, черезъ переводчика, что упражненія, въ которыхъ участвовала Сара, состояли въ томъ, что его товарищъ, другой акробатъ, перебралъ ее, а онъ, Каустрини, долженъ былъ подхватить ее, и что паденіе дѣвочки произошло отъ того, что первый изъ нихъ не спросилъ его: готовъ ли онъ, и бросилъ дѣвочку тогда, когда онъ не приготовился схватить ее. Сѣтка не была употреблена, потому что не имѣлось людей, чтобъ натянуть ее. Высота, съ которой упала Сара, по объясненію обвиняемаго, была не болѣе $3\frac{1}{2}$ аршинъ, такъ, что, припрыгнувъ онъ могъ бы снять ее руками съ трапеціи. Двое свидѣтелей, изъ числа присутствовавшей при представленіи публики, подтверждая изложенныя выше обстоятельства, добавили, что Сара упала сперва на ноги, и затѣмъ на спину, такъ что можно было подумать, что она ушиблась до смерти. На вопросы судьи, свидѣтели объяснили, что высота трапеціи была значительно болѣе $3\frac{1}{2}$ аршинъ, такъ какъ для того, чтобъ поднять Сару на нее, была подставлена лѣстница съ восемью или девятью ступенями, которую акробатъ, сверхъ того, еще приподнял. Когда Сара упала, Каустрини поднялъ ее и потащилъ раскланываться съ публикою.

Мировой судья, конечно, призналъ Каустрини виновнымъ и приговорилъ его къ 5 днямъ ареста; хотя въ этомъ дѣлѣ бросается въ глаза странность привлеченія къ отвѣтственности акробата, а не хозяина «Аркади», допустившаго такое возмутительное насиліе надъ шестилѣтнимъ ребенкомъ.

Ни сколько не лучше положеніе дѣтей, проданныхъ лавочникамъ и разнымъ «мастерамъ». Кто не видалъ несчастныхъ «учениковъ», въ стужу и страшные морозы бѣгущихъ куда нибудь въ портерную или съ заказомъ, въ одной рубашонкѣ и при фартукѣ, въ опоркахъ и часто безъ шапки? Кто не видѣлъ также мальчи-

ковъ изъ лавочекъ и магазиновъ, плачущихъ подъ непосильною тяжестью, наваленною на ихъ плечи? Кто наконецъ не знаетъ о побояхъ, которые постоянно приходится получать дѣтямъ отъ хозяевъ и мастеровъ? «Жестокое обращеніе съ дѣтьми» является чуть ли не единственнымъ битомъ, на которомъ строится вся «выучка» ребенка въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ. Для портнаго аршинъ и утюгъ, для столяра рубанокъ, для сапожника ремешъ и колодка являются единственными воспитательными средствами, практикуемыми ими по отношенію къ «ученикамъ». Пролюманія головы, поврежденіе реберъ, свороченіе скулъ — все это явленія, вовсе не необыкновенныя въ нашемъ ремесленномъ мірѣ. И все это проходитъ совершенно безнаказанно, до всего этого никому нѣтъ никакого дѣла. И только иногда, въ крайне не рѣдкихъ случаяхъ, по поводу «жестокато обращенія» возбуждается дѣло и еще рѣже виновные въ жестокомъ обращеніи терпятъ кару.

Вотъ для примѣра одно такое судебное дѣло, разбиравшееся у мирового судьи 7-го участка г. Петербурга, въ началѣ настоящаго года. Обвинялись мѣщанка Шахъ и французскій подданный Беннзе въ истязаніи 13-ти лѣтней дѣвочки, Вѣры Прокофьевой. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: крестьянка Татьяна Прокофьева отдала свою дочь, 12-го января 1880 года, въ ученіе въ магазинъ французской подданной Аронъ (по Невскому проспекту, въ домѣ № 54), по контракту, срокомъ на 5 лѣтъ. 17-го декабря прошлаго года, продавщица магазина Аронъ, Марія Шахъ, отправившись къ одной изъ закащицъ магазина, взяла съ собою Вѣру Прокофьеву, которая несла за нею кортовку съ вещами. Войдя въ домъ, Шахъ оставила дѣвочку на Полицейскомъ мосту, приказавъ ей подождать ее. Но такъ какъ въ этотъ день было холодно и дѣвочка Вѣра перезябла, то она рѣшилась отогрѣть застывшія ноги у закащицы магазина Козловской, но дорогою встрѣтилась съ артельщикомъ г-жи Аронъ, который и отвелъ ее въ мастерскую магазина Аронъ. Здѣсь, сидѣвшая за обѣденнымъ столомъ съ прикащикомъ магазина Беннзе, Шахъ, накинулась на Вѣру Прокофьеву и начала бить ее по щекамъ, а Беннзе зажалъ ей ротъ салфеткой и вывелъ на кухню; когда же Вѣра Прокофьева упала и отъ сильной боли начала стонать, то Беннзе поднялъ ее за руку съ пола, бросилъ на стулъ и вылилъ на нее ковшъ воды. Затѣмъ, приказавъ ей выйти въ мастерскую, — Беннзе и тамъ сталъ наносить ей по-

бон; истерзанная дѣвочка, улучивъ время, когда Беннзе вышелъ изъ мастерской, выскочила, въ одномъ платьѣ, на Невскій проспектъ, гдѣ прохожіе окружили ее и стали спрашивать о случившемся съ нею. Въ это время проходившій тутъ сынъ статскаго совѣтника Кояловичъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, принялъ участіе въ истерзанной дѣвочкѣ, и хотя городской предлагалъ отвести ее обратно въ магазинъ Аронъ, но г. Кояловичъ, опасаясь, что Вѣру Прокофьеву за побѣгъ изъ магазина еще болѣе накажутъ, препроводилъ ее въ полицейскій участокъ, гдѣ заявилъ о случившемся; тогда была вытребована мать дѣвочки, Татьяна Прокофьева, которая и возбудила дѣло противъ Шахъ и Беннзе. Обвиняемая Шахъ лично въ судѣ не явилась, а прислала повѣреннаго, г. Шенбергъ, который въ защиту своей кліентки высказалъ, что Вѣра Прокофьева шалунья, что ремесленный уставъ предоставилъ мастерамъ право наказывать учениковъ и ученицъ, что сама мать дѣвочки просила наказывать ее и что Шахъ, допытываясь отъ Вѣры Прокофьевой, гдѣ она была, только взяла ее за воротъ и ударила слегка. Беннзе объяснилъ, что онъ не билъ Вѣру Прокофьеву, а услыжавъ ея стонъ въ кухнѣ, вышелъ туда, поднялъ ее съ полу на стулъ и вспрыснулъ водой, чтобы привести ее въ чувство. Показанія массы свидѣтелей (около 20 человекъ) сводились къ тому, что изъ мастерской слышны были крикъ Шахъ и громкій плачь Вѣры Прокофьевой, которую Шахъ била по щекамъ руками, а Беннзе салфеткою и т. д. На предложеніе мирового судьи кончить дѣло миромъ, обвинительница, Татьяна Прокофьева, не согласилась. Признавая обвиняемыхъ виновными въ насиліи надъ 13 ти лѣтней Вѣрой Прокофьевой, мировой судья приговорилъ: мѣщанку Марію Шахъ и французскаго подданнаго Эдуарда Беннзе подвергнуть аресту при городскомъ арестномъ домѣ, на 10 дней каждый.

Какъ видите, дѣло о жестокомъ обращеніи съ Вѣрою Прокофьевою всплыло совершенно случайно, благодаря лишь тому, что нашелся добрый человекъ, принявшій участіе въ избитой дѣвочкѣ и попало къ мировому судѣ потому, что у Вѣры есть мать, пожелавшая и не побоявшаяся вступить за свое дѣтище, что далеко не всегда бываетъ. Но дѣла о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, привезенными въ столицу дѣтогосговыми и не имѣющими къ кому обратиться за помощью, не возбуждаются и въ судѣ не попадаютъ. Такіе несчастные дѣти даютъ о себѣ знать только частыми и

очень частыми попытками на самоубійства отъ «жестокаго обращенія»...

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ одномъ видѣ торговли дѣтскою жизнью, который пріютился возлѣ нашихъ крупныхъ воспитательныхъ домовъ и который чуть ли даже не получилъ права гражданства... Вотъ что говоритъ объ этой торговлѣ одинъ наблюдатель, видимо, близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ ¹⁾.

«Организація воспитанія казенныхъ дѣтей (т. е. питомцевъ воспитательнаго дома) въ деревнѣ находится въ слѣдующемъ видѣ: въ извѣстномъ районѣ, охватывающемъ не одинъ уѣздъ, живетъ, на солидномъ окладѣ жалованья, врачъ—«набольшій начальникъ дѣтей», какъ говорятъ крестьяне.—Районъ дѣлится на нѣсколько округовъ, въ которыхъ живутъ смотрителя дѣтей. Въ мѣстожителствѣ врача находится больница для дѣтей, наблюденіе надъ которой возложено на него. Обязанъ ли врачъ осматривать дѣтей по деревнямъ—мы не знаемъ, вѣроятно—нѣтъ, такъ какъ крестьяне говорятъ, что докторъ никогда не ѣздитъ по деревнямъ. Обязанности смотрителя заключаются въ помещеніи казенныхъ дѣтей въ крестьянскія семейства и наблюденіи надъ ними, въ осмотрѣ дѣтей и подаваніи имъ первоначальной медицинской помощи при заболѣваніи. Крестьянка, желающая взять на прокормленіе ребенка, обращается къ смотрителю, который, по собственному усмотрѣнію, выдаетъ ей билетъ на полученіе ребенка изъ петербургскаго воспитательнаго дома и деньги на проѣздъ по желѣзной дорогѣ до Петербурга. Явившись въ воспитательный домъ, крестьянка, обыкновенно, получаетъ ребенка и, кромѣ того, деньги на проѣздъ, 5 р. вспомошествованія и билетъ на полученіе отъ смотрителя ежегодной платы за содержаніе ребенка. Плата за содержаніе уменьшается пропорціонально возрасту ребенка: такъ, до 2-хъ лѣтъ выдается за каждаго ребенка 30 руб. въ годъ, съ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ—24 руб. и т. д.

По пріѣздѣ домой, крестьянки, обыкновенно, закладываютъ выдаваемые билеты или у мѣстныхъ Разуваевыхъ, или, чаще, оставляютъ въ лавкахъ, подъ залогъ забираемыхъ въ долгъ харчей. По словамъ крестьянъ, торговцы берутъ за выдачу товара подъ такіе

¹⁾ «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 206.

билеты отъ 10-ти и болѣе процентовъ за 3 мѣсяца, да накладываютъ лишнюю копѣчку на всякіе забираемые предметы въ лавкѣ.

Насколько выгодна такая операція для мѣстныхъ Колупаевыхъ, видно уже изъ того, что только одинъ торговецъ на ст. Окуловѣ, Николаевской ж. д., нѣкто Гребенщиковъ, получаетъ по билетамъ отъ зрителя нѣсколько тысячъ рублей. А торговцевъ въ Окуловѣ, дающихъ въ долгъ харчи крестьянамъ подъ билеты, не мало».

О самомъ положеніи питомцевъ тотъ же наблюдатель сообщаетъ слѣдующее: «Участь такихъ дѣтей въ деревнѣ поистинѣ ужасна: взятія деревенскою голью на прокормленіе, изъ личныхъ расчетовъ, такія дѣти обречены во множествѣ на голодную смерть. Соска изъ жеваннаго чернаго хлѣба—вотъ постоянное питательное средство казенныхъ дѣтей. Нѣкоторые крестьяне, взявши нѣсколько ребятъ, не имѣютъ ни одной коровы и Христа ради выпрашиваютъ у сосѣдей для ребятъ молоко».

«Казенныя» дѣти мрутъ тысячами отъ недостатка питанія и отъ всевозможныхъ эпидемій...

Но этого мало. Мы знаемъ изъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Варшавѣ, что тамъ существовала даже особая контора, устроенная специально для полученія денегъ за питомцевъ изъ воспитательнаго дома и для пстреленія ненужныхъ затѣмъ питомцевъ.

НОВЫЯ КНИГИ

**Съездъ въ г. Новгородѣ учителей и учительницъ началь-
ныхъ народныхъ школъ Новгородской губерніи. Новгородъ,
1882 г.**

Народныхъ учителей зовутъ проводниками и распространителями
знаній, просвѣтителями и руководителями темныхъ народныхъ массъ,
миссіонерами и даже пионерами цивилизаціи. Вообще, для нихъ
придумано не мало хорошихъ эпитетовъ и названій, которыя, къ
сожалѣнію, не имѣютъ необходимаго соотвѣтствія въ дѣйствитель-
ности. Придумывая хорошія слова, мы до самаго послѣдняго времени
почти не думали объ экономическомъ положеніи учителей, объ ихъ
умственномъ и нравственномъ уровнѣ, объ ихъ независимости чуть
ли не отъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, объ ихъ авторитетѣ
среди населенія и, вообще, о созданіи имъ обстановки, въ которой
дѣятельность ихъ могла бы быть наиболѣе плодотворной. Нельзя
поэтому не сочувствовать каждой попыткѣ въ этомъ направленіи.
каждому желанію уяснить дѣйствительныя нужды школы. Нельзя
поэтому не сочувствовать и учительскимъ съездамъ, которые начали
теперь устраиваться нѣкоторыми нашими земствами (Псковскимъ,
Херсонскимъ, Новгородскимъ) и которые содѣйствуютъ уясненію
школьныхъ нуждъ. Учительскіе съезды имѣютъ весьма важное зна-
ченіе и въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ, что, напр., высказывалъ на
новгородскомъ съездѣ г. В. В. Рудневъ, начальникъ Новгородской
Александровской земской учительской школы, руководившій съез-
домъ: «Каждый сельскій учитель, говорилъ онъ, — мнѣ представ-

зается путникомъ, одиноко бредущимъ по глухой, непротоптанной дорогѣ. Легко себѣ представить ту радость, съ какой встрѣчаетъ онъ на пути такого же горемыку, съ которымъ можно отвести душу. Ежедневно у сельскаго учителя является масса вопросовъ изъ школьной жизни, которые его мучать, являются затрудненія, минутами онъ торжествуетъ побѣду, видя успѣхъ дѣла, порой падаетъ духомъ и уныло бредетъ впередъ, теряя вѣру въ себя и свое дѣло; подавленный массою неудачъ, онъ въ отчаяніи опускаетъ руки. Не показался ли бы ему въ подобные моменты голосомъ съ неба откликъ со стороны его собрата по дѣлу? Одно сознаніе, что работаешь не одинъ, что есть и другіе, идущіе тою же дорогою, также спотыкающіеся, падающіе и опять встающіе—можетъ удвоить, утроить энергію одинокаго дѣлателя. Въ общеніи между людьми одной и той же профессіи лежитъ великая правящая сила, поддерживающая энергію отдѣльной личности» (стр. 5).

Лежащіе передъ нами протоколы засѣданій новгородскаго съѣзда учителей, засѣдавшаго нынѣшнимъ лѣтомъ, представляютъ въ высшей степени интересный матеріалъ. Съѣздъ затронулъ и обсуждалъ въ своихъ коммисіяхъ такую массу вопросовъ, обнаружилъ такъ много недостатковъ современной постановки школьнаго дѣла и указалъ на такую настоятельную необходимость прійти къ народной школѣ на помощь, что остается развѣ только одно желаніе, чтобы помощь эта явилась возможно скорѣе и была оказана въ размѣрахъ вполнѣ достаточныхъ. На съѣздѣ присутствовало 70 учителей и учительницъ, меньше, чѣмъ на херсонскомъ съѣздѣ, гдѣ было 250 участниковъ, и псковскомъ, на которомъ присутствовало до 120 человекъ; но это произошло главнымъ образомъ потому, что новгородское губернское земское собраніе пожелало устроить одновременно два съѣзда (одинъ въ Новгородѣ, другой въ Череповцѣ), ассигновавъ для этого 400 р. на каждый съѣздъ. Небольшая сумма эта предназначалась исключительно на проѣздъ учителей на съѣздъ, а содержать себя во время съѣзда они должны были сами. Это, по всей вѣроятности, также не осталось безъ вліянія на малочисленность съѣзда, такъ какъ несомнѣнно, что расходы эти, не смотря на всю умѣренность учителей, для многихъ изъ нихъ были тяжелы.

Съѣздъ разсматривалъ вопросы о преподаваніи различныхъ предметовъ, о школьныхъ и учительскихъ библіотекахъ, о дополнительныхъ и повторительныхъ занятіяхъ съ окончившими курсъ въ началь-

нихъ школахъ, о средствахъ для дальнѣйшаго самоусовершенствованія и пополненія знаній самихъ учителей, причемъ высказывались желанія, чтобы въ учительскихъ школахъ преподавались предметы, или хотъ такія практическія знанія, въ которыхъ крестьянство въ особенности часто нуждается и которыя въ особенности часто встрѣчаются въ крестьянскомъ обиходѣ, какъ-то: законовѣденіе, геодезія, нѣкоторые медицинскіе приемы и свѣденія для первоначальной помощи больнымъ и т. п. Оставляя подробности этихъ преній въ сторонѣ и рекомендуя желающимъ, ознакомиться съ ними въ подлинникѣ, мы рассмотримъ только то, что говорилось о матеріальномъ положеніи учителей.

«Не завидна участь сельскаго учителя, говорилъ г. Рудневъ,— и обстановка, въ которой онъ работаетъ въ состояніи убитъ и недолжипную энергію. На мой вопросъ, обращенный къ одному изъ учителей въ частной бесѣдѣ, почему онъ не готовитъ своихъ учениковъ въ учительскую школу, онъ отвѣтилъ, «что можно бы направить въ учителя очень способныхъ парней, но жаль ихъ. Языкъ не поворачивается дать совѣтъ способному парню избрать горькую долю сельскаго учителя».

Горько пронизируя надъ названіемъ учителей пионерами цивилизаціи, какъ нѣкоторые любятъ называть ихъ, выражаясь высокимъ слогомъ, г. Рудневъ говоритъ: «эти пионеры, получая грошовое содержаніе, едва достаточное для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей, принуждены нерѣдко собирать эти гроши путемъ униженія передъ какимъ нибудь грубымъ самодуromъ въ лицѣ сельскаго начальства, желающаго показать, что и мы де начальство. Побившись въ одномъ мѣстѣ годъ, другой, учитель начинаетъ перекочевывать изъ школы въ школу въ поискахъ за лучшимъ, пока не убѣдится, что вездѣ условія однѣ и тѣ же, или не натолкнется на счастливую случайность. Не захочетъ учитель добровольно уступить и попытается завоевать себѣ лучшее положеніе, не перекочевывая съ мѣста на мѣсто, опять бѣда: онъ легко можетъ оказаться неуживчивымъ съ мѣстными вліятельными лицами и явится необходимость его перевести». Указывая на то обстоятельство, что наименьшее число членовъ съѣзда участвовало въ разработкѣ вопросовъ о матеріальной обстановкѣ учителей, тогда какъ большинство занималось общими вопросами о постановкѣ школьнаго дѣла и средствами для самоусовершенствованія учителей,

усматривая въ этомъ отрадный признакъ, что на первый планъ ставится учителями не кусокъ хлѣба, а болѣе высокія потребности. Рудневъ въ особенности, останавливается именно на бѣдственномъ экономическомъ и зависящемъ общественномъ положеніи учителей. Но, говоритъ онъ: «получая небольшое вознагражденіе за свой полезный трудъ, учителя, тѣмъ не менѣе, скорѣе мирятся съ этимъ, нежели съ небезопасностью своею на случай потери мѣста и въ старости. Учителя ясно сознаютъ, что главное зло въ ихъ положеніи не столько въ скудости содержанія, сколько въ томъ, что они не могутъ быть увѣренными въ завтрашнемъ днѣ. Сельскіе учителя находятся въ положеніи рабочихъ, которымъ хозяинъ можетъ отказать отъ мѣста во всякое время безъ объясненія причинъ, ихъ могутъ также перевести, не спрашивая согласія, съ одного мѣста на другое» (VIII) и т. д.

Коммиссія, разсматривавшая вопросъ о матеріальномъ положеніи учителей, остановилась на слѣдующихъ вопросахъ: 1) о затрудненіяхъ въ полученіи учителями жалованья; 2) объ обезпеченіи учителя вообще, на случай болѣзни и потери мѣста, и 3) эмеритальной кассѣ.

Выяснилось, что полученіе учителями жалованья, сверхъ недостаточности его и всего прочаго, сопряжено еще съ разнаго рода неудобствами и затрудненіями. «Такъ нѣкоторыя уѣздныя управы выдаютъ жалованье въ уѣздномъ городѣ лично учителямъ или по ихъ довѣренности. Такъ какъ поручить получку жалованья кому либо не всегда бы вааетъ удобно, то учителю приходится для полученія 15 или 20 р. ѣхать самому въ городъ, оставлять учениковъ безъ занятій и тратить на это свои, безъ того скудные средства. Хорошо еще если въ управѣ окажутся на лицо деньги, а каково учителю возвращаться безъ гроша, когда въ управѣ отиѣтять, что денегъ нѣтъ?» (А это, замѣтимъ мы отъ себя, такъ нерѣдко бываетъ во многихъ уѣздахъ и губерніяхъ). Нисколько, однако, не лучшимъ, по свидѣтельству коммиссіи, «а на оборотъ, еще болѣе стѣснительнымъ, является способъ полученія жалованья изъ волостныхъ правленій. Очень часто волостные старшины выдаютъ жалованье не иначе, какъ послѣ угощенія или полученія взятки» (77). Угости, видите ли, сначала или дай взятку, а потомъ и получай столь трудно заработанне 15—20 руб.!

Но особенно затрудняетъ учителей полученіе жалованья изъ

разныхъ источниковъ (частію изъ уѣздныхъ управъ, а частію изъ волостныхъ правленій), когда оба рода неудобствъ совмѣщаются вмѣстѣ. Въ виду этого, коммисія и остановилась на обращеніи къ земствамъ съ просьбою объ установленіи выдачи жалованья изъ одного источника — изъ земскихъ управъ, которыя и разсылали бы его на имя учителей въ опредѣленные сроки, черезъ волостныя правленія, причемъ, однако, не обращено было вниманія на то, что волостное начальство и тутъ можетъ взимать свою хабару и устроить разнаго рода задержки, могущія въ особенности имѣть мѣсто при неаккуратности нашей земской почты. Однимъ изъ средствъ къ обезпеченію учителей, помимо прибавки къ получаемому ими содержанію, могъ бы еще служить, по мнѣнію коммисіи, «ключекъ земли при школѣ, не менѣе хотя бы одной десятины» (78). Высказаны были также мнѣнія: 1) чтобы въ случаѣ увольненія учителей, проработавшихъ весь учебный годъ, имъ выдавалось жалованье и за каникулярное время, чего нѣкоторые земства не дѣлаютъ, удерживая это жалованье; 2) чтобы, въ случаѣ болѣзни учителя, ему выдавалось жалованье въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, подобно тому, какъ это дѣлается на государственной службѣ, гдѣ чиновники сохраняютъ въ теченіи означеннаго времени свое содержаніе; 3) чтобы, въ случаѣ отказа учителю отъ мѣста, его предупреждали объ этомъ за два мѣсяца впередъ или выдавали, въ случаѣ непредупрежденія, двухмѣсячное жалованье, и 4) чтобы устроено было при земскомъ содѣйствіи и изъ 3% вычета изъ жалованья учителей эмиртальная касса, которая гарантировала бы ихъ «отъ сумы и голодной смерти» (78).

Учителя въ Новгородской губерніи только въ одномъ Крестецкомъ уѣздѣ получаютъ 300 р. въ годъ, а въ остальныхъ не получаютъ и этого. Но и 300 р., по расчету коммисія, недостаточно для удовлетворенія даже минимальныхъ потребностей. Вотъ *desiderata*, составленные учителемъ Боровичскаго уѣзда, г. Строгоновымъ, и напечатанныя въ видѣ приложенія къ протоколу засѣданій съѣзда 4-го іюля.

ФИЗИЧЕСКІЯ ПОТРЕБНОСТИ.

Предполагается, что квартира для учителя есть при школѣ.

Пища: хлѣба по 2 ф. въ день, соли 5 ф. въ мѣсяцъ, мяса 1½ ф. въ день, картоф. на 3 к.

въ день, гречи. крупы по . г. въ день, масла 3 ф. въ мѣсяць, молока на 3 в. въ день	11 р. 50 к.
Чай . ф. и сахаръ 4 ф. въ мѣсяць	2 „ 50 „
За приготовленіе пищи въ мѣсяць по	2 „ —
	<hr/>
Въ годъ	16 р. 8 б.
Плате (брюки, инджакъ, шапка и проч.)	38 „ 19 „
Обувь (сапоги, колоши, вакса и проч.)	18 „ 85 „
Бѣлье (столовое, постельное, рубашки и проч.)	12 „ 46 „
Затѣмъ: за стирку бѣлья въ годъ	9 „ 18 „
табакъ, гильзы, спички и друг. мелкіе расходы.	17 „ 27 „
освѣщеніе	10 „ 40 „
на полученіе жалованья, по 66 к. въ мѣсяць.	7 „ 92 „
посуда и хозяйственныя принадлежности	3 „ 3 „
непредвидѣнные расходы	20 „ — „

А всего на физическія потребности въ годъ 330 рублей съ копейками. Все это высчитано съ необыкновенною точностью: сапоги, шапки и т. п. рассчитаны на нѣсколько лѣтъ и взята, въ видѣ слагаемыхъ, только годовая утрата ихъ стоимости; цѣны поставлены самыя умѣренныя и т. п.

На сколько учителя умѣренны въ своихъ потребностяхъ можно видѣть изъ слѣдующаго факта: съѣздъ ихъ продолжался съ 25 іюня по 5 іюля, т. е. въ теченіи 11 дней, и за все это время они истратили на обѣдъ и ужинъ около 2 р. на человѣка, а всего израсходовали на пищу около 5 рублей на человѣка (IV). Затѣмъ слѣдуютъ въ приложеніи, о которомъ идетъ рѣчь: «необходимости, обусловливаемыя оффиціальнымъ и общественнымъ положеніемъ учителя», перечисленныя съ наименьшею точностью: 2 крахмальныхъ рубашки, (више не считались), по 2 р. каждая; галстуки и запонки 1 р. 50 к. и за крахмаленіе рубашекъ, полагая на святкахъ 3 раза, на масляницѣ 2, на пасхѣ 2, въ именины учителя 1, при причастіи учителя 1, 3 мѣстныхъ праздника и т. п. всего въ годъ 20 разъ по 10 к., 2 р., а всего въ годъ 7 р. 50 к. На корреспонденцію, считая бумаги на 25 простыхъ писемъ съ отплаткою и «полагая 5 случаевъ заказныхъ писемъ», 3 р. 88 к. Въ эту же рубрику отнесемъ почему то и зонтикъ въ 3 р. на 2 года, т. е. по 1½ р. въ годъ, и 5 р. непредвидѣнныхъ расходовъ; а всего

на корреспонденцію 17 р. 88 к. Наконецъ слѣдуютъ: «потребности психическія», состоящія изъ слѣдующихъ рубрикъ: выписываніе газеты 9 р. въ годъ, покупка книгъ 3 р., ѣзда на родину 15 р. и на церковные обряды 5 р.; а «всего расходовъ въ годъ въ этомъ отдѣлѣ га 32 руб.» «И такъ, заключаются эти desiderata, всего въ годъ минимумъ расходовъ сельскаго учителя Новгородской губерніи, удовлетворяющій первѣйшимъ требованіямъ цивилизаціи, (?) долженъ быть равенъ 380 р. 7 к. (88). Къ этому итогу присоединено, впрочемъ, еще примѣчаніе, что въ изложенный «бюджетъ не включены расходы, вызываемые общеніемъ съ мѣстными жителями, какъ то: справленіе именинъ учителя, мѣстныхъ праздниковъ, праздниковъ Рождества, масленицы и пасхи, на что требуется въ годъ около 30 р.» Можно думать, что если-бы прибавить къ бюджету эти 30 р., то учителя были бы вполне довольны.

Конечно, на психическія потребности, сравнительно съ другими, назначено въ этомъ бюджетѣ слишкомъ мало, конечно, противъ этого бюджета придирчивый человекъ можетъ сдѣлать нѣсколько частныхъ возраженій и замѣчаній, но, вообще, тутъ, какъ намъ кажется, возможенъ только одинъ вопросъ: насколько желателенъ типъ вполне культурнаго учителя, учителя съ запасками, колошами, зоптикомъ и совершенно освобожденнаго или отрѣшеннаго отъ крестьянскихъ занятій? Если желателенъ учитель именно такого типа, то не можетъ быть, сомнѣнія что приведенный бюджетъ отличается умеренностью и долженъ быть еще хоть немного увеличенъ расходомъ на «психическія потребности».

Стихотворенія Ольги Мономаревой. Москва. 1882 г. Цѣна 1 руб.

Мало у насъ настоящихъ поэтовъ и еще того меньше поэтесъ. Я говорю—настоящихъ поэтовъ, а не просто поэтовъ и плохихъ стихотворцевъ, которыхъ очень много и которые запруживаютъ редакціи своими произведеніями въ такихъ неимовѣрныхъ количествахъ, что онѣ могли бы служить для бѣдныхъ редакцій топливомъ, если бы только давали достаточно тепла и были пригодны хоть для этого. Редакціонные секретари утомляются перепискою по поводу такихъ произведеній и очень многія редакціи прибѣгаютъ даже къ объявленіямъ, что не возвращаютъ и не хранятъ въ ре-

дакціонномъ портфелѣ стихотвореній, не вступаютъ по поводу ихъ съ авторами въ переписку и, вообще, не принимаютъ на себя за нихъ никакой отвѣтственности. Старые поэты наши либо вымерли, либо сломали и забросили свои лиры, а новые еще только нарождаются и пока подаютъ только надежды, не бьютъ еще по сердцамъ съ невѣдомою силой, а запѣваютъ только какъ молодые соловьи. Да и настоящихъ молодыхъ соловьевъ-то не очень много — два-три имени, да и обчелся. Г-жа Ольга Пономарева, конечно, къ нимъ не принадлежитъ и, насколько можно обыкновенному человѣку вдаваться въ пророчество, кажется, и впоследствии не будетъ принадлежать, если только, конечно, съ нею не случится какогонибудь переворота или совершенно неожиданнаго поэтического раздвѣта. Поэтическія произведенія хороши, когда соединяютъ въ хорошей поэтической формѣ, съ отзывчивымъ чувствомъ и живою человѣческою душою и нѣкую (малую, по мнѣнію многихъ поэтовъ) штучку — внутреннее содержаніе, т. е. живую и болѣе или менѣе глубокую мысль; а если ни того ни другаго нѣтъ, или есть только одно чтонибудь, а другое отсутствуетъ, то читать подобныя произведенія будетъ по меньшей мѣрѣ неудобно. И астрономія или философія въ стихахъ будутъ скучны, не меньше оды Ломоносова о пользѣ стекла, и бессмысленный фейерверкъ чувствъ не будетъ производить, подобно, ну хоть Фетовскимъ произведеніямъ, надлежащаго впечатлѣнія.

Стихотворенія г-жи Ольги Пономаревой состоятъ изъ мелкихъ лирическихъ произведеній, названныхъ ею «Часами досуга», и объемистой исторической поэмы «Княгиня Ольга». Посвящены стихотворенія Н. А. Чаеву, «въ знакъ уваженія къ его поэтическому таланту и высокоправдивнымъ стремленіямъ». Посвящать стихи и говорить стихотворные комплименты г-жа Пономарева, повидному, очень любитъ: посвятивъ всю книжечку стиховъ г-ну Чаеву, она посвящаетъ ихъ въ разницу разнымъ своимъ знакомымъ, преимущественно княгинямъ и графинямъ. Одной (княгинѣ Хилковой) она желаетъ, по случаю ея именинъ, быть счастливою «на многія лѣта» (стр. 39); другой (княгинѣ Трубецкой) шлетъ утѣшеніе въ какомъ то горѣ (21); третьей (баронессѣ Л. В. Дризень) говоритъ на счетъ ея необыкновенной красоты и легкой возможности найти «въ житейскомъ морѣ» для себя «кормчаго по сердцу», — ты хороша, говоритъ ей г-жа Пономарева, какъ утро на восходѣ,

Какъ солнца лучь, какъ алая заря,
 Какъ свѣтъ денной, какъ птичка на свободѣ,
 Тебѣ лишь быть похругою царя:

.....
 Ты хороша; найдешь въ житейскомъ морѣ,
 Ты кормчаго по сердцу для себя,
 Чтобъ онъ плывя межъ волнь и на просторѣ
 Сталъ рулевымъ и другомъ для тебя» (56).

Съ рулевымъ, конечно, чего же лучше... Нѣсколько стихотвореній посвящены послѣдней войнѣ (стихотвореніямъ этимъ могъ бы позавидовать даже поэтъ Мартыановъ), два стихотворенія М. Г. Черняеву, въ одномъ изъ которыхъ онъ называется соколомъ, который тоскуетъ на чужбинѣ, но дальней родинѣ груститъ, угрюмый, сидя на вершинѣ, неподвижно вдаль глядитъ. Потому онъ воюетъ, «безстрашно жертвуетъ собой», потомъ отдыхаетъ, а потомъ

... отдохнувши послѣ боя,
 Опъ новыхъ лавровъ захотѣлъ
 И вновь за славою героя
 Опъ въ царство грифовъ полетѣлъ. Ну и т. д.

Есть у г-жи Пономаревой стихотворенія и изъ Байрона (или изъ Байронъ, какъ значится на стр. 10), и изъ Виктора Гюго, и изъ Гёте, и съ нѣмецкаго, и съ португальскаго (tu mi chamos), и изъ времени Нерона, и нѣкоторыхъ другихъ временъ, но все это писано однимъ перомъ и потому имѣетъ одинаковыя достоинства. Тоже можно сказать и объ исторической поэмѣ X вѣка «Княгиня Ольга», посвященной княгинѣ Е. П. Горчаковой (сколько, однако, у г-жи Пономаревой великосвѣтскихъ пріятельницъ) и написанной очевидно по учебнику Иловайскаго. Мы узнаемъ изъ этой поэмы развѣ только одно, что голосъ княгини Ольги звучалъ флейтой (67). Вотъ какой пріятный голосокъ имѣла супруга Игоря. Есть у г-жи Пономаревой и разный лирическій винигретъ, который она называетъ: молитвами, серенадами, морскою тишью и т. п. Вотъ для образчика «Серенада»:

Весь вечеръ въ нѣмомъ ожиданьи,
 Стою я нѣведь молодой,
 И жду съ ненаглядной свиданья;
 Часы-же летать чередой.

О выйди, красавица-дѣва,
 Когда-то любила и ты,
 Подъ звуки роднаго напѣва,
 Воскреснуть быλιά мечты.
 Ты преданность друга оцѣнишь,
 Протянешь днѣ руку свою
 И съ лѣткою ласкою внемлешь,
 Сердечную пѣсню мою.
 Ты вышла, п я бѣ умиленьѣ,
 Любуясь твоей красотой,
 И міру предавшись забвенью,
 Съ любовью стою предъ тобой.
 О будь-же, о будь-же моею,
 Подругой моею навсегда
 И путь мой любовью своею
 Свѣти, какъ мнѣ свѣтитъ звѣзда!

Какъ видите. и довольно чувствительно, и довольно безграмотно, и очень безсодержательно.

Еслибы г-жа Пономарева была мужчиной, то можно было бы сказать, что такихъ поэтовъ сѣчь и приговаривать: писать, писать, писать... прозой, а не стихами.

Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни.

(Письма къ читателямъ).

V.

Ныпѣшній годъ ознаменовалъ себя цѣлою облавою, воздвигнутою противъ сѣренскихъ, миролюбивыхъ, пугливыхъ и кроткихъ зайчиковъ нашей интеллигенціи, именующихся либералами, или чаще всего «желибералами» съ прибавленіемъ всякаго рода забористыхъ эпитетовъ. На этихъ невинныхъ звѣрковъ съ длинными, подвижными ушами, кроткими глазками и пушистыми мордочками напустилась цѣлая стая бѣшеныхъ псовъ съ лаемъ, визгомъ, пѣною вокругъ разинутыхъ пастей и хвостами, загнутыми вверхъ съ самымъ рѣшительнымъ воинственнымъ пафосомъ. Ужъ не говоря о «Московскихъ вѣдомостяхъ», и «Новое Время», и «Минута», и даже «Недѣля» и пр., и пр. такъ взапуски и летѣли пожрать несчастныхъ зайчиковъ, и я такъ и ждалъ, что вотъ, вотъ сейчасъ отъ нихъ не останется ни одного клочка.

Но дни шли за днями, а картина оставалась одною и тою-же: все также летали пугливые зайчики, загнувши ушки назадъ, а за ними по прежнему гнались разсвирѣпѣвшіе псы съ разинутыми пастьями, и все это въ то же время какъ бы не двигалось съ мѣста, словно нарисованное на холстѣ. По неволѣ начало мнѣ наконецъ приходить въ голову, что это одинъ миражъ, и что, какъ зайчики, такъ и псы въ сущности звѣри одного рода и вида, а только пере-

радились въ разные костюмы, что они вовсе не въ серьезъ преслѣдуютъ другъ друга; а такъ только забавляются какъ школьники.

Въ этомъ убѣдило меня еще и вотъ какое обстоятельство. За неизмѣнимъ никакой такой газеты, которая вполнѣ бы соотвѣтствовала моимъ убѣжденіямъ и вкусамъ, я подписываюсь на «Голосъ», ну а «Голосъ», дѣло извѣстное, считается у насъ представителемъ либерализма и органомъ, наиболѣе излюбленнымъ всеми либералами, и на газету эту въ большей степени, чѣмъ на всѣ прочіе либеральныя органы, устремляется травля вышеозначенныхъ псовъ. Ну такъ вотъ, читая «Голосъ» пзо дня въ день, я замѣтилъ странное явленіе, поставившее меня положительно въ тупикъ; каждый разъ, когда «Голосъ» начинаетъ полемизировать съ «Московскими Вѣдомостями», или-же, какъ онъ обыкновенно съ брезгливостію выражается, «съ иною газетою, имя которой неприлично называть въ печати», вы видите, что «Голосъ» противъ московскихъ тенденцій и нападеній выставляетъ и защищаетъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ различныя либеральныя принципы, и является такимъ образомъ на высотѣ своего призванія. Но, какъ только тотъ-же самый «Голосъ» заговоритъ самъ по себѣ безъ всякихъ полемическихъ цѣлей, а особенно если рѣчь пойдетъ о той или о другой крупной и вопіющей злобѣ дня, глядишь, иной разъ и очамъ своимъ не вѣришь: да вѣдь это совершенно тоже самое, что говорить и «Московскія вѣдомости», это мало того, что тѣже тенденціи, но и выраженія, фразы, слова, буквально одни и тѣже. Изъ-за чего же «Голосъ» встаетъ на дыбы и мечет такіе громы противъ «Московскихъ вѣдомостей», изъ-за чего противъ «Голоса» учиняется такая бѣшеная травля? Стоитъ-ли огородъ городить, стоитъ-ли канусту садить? Не лучше ли милымъ друзьямъ и братьямъ, вмѣсто того, чтобы грызтса не на животъ, а на смерть, — помириться, поцѣловаться и затѣмъ, рука въ руку и обнявшись, бодро шествовать по одному и тому-же прогрессивному пути всероссійскаго ведомилія?

Это явленіе привело меня къ еще большому сомнѣнію въ дѣйствительности всей этой буйной распри между консервативными и либеральными органами. Что нибудъ тутъ да не такъ, думалось мнѣ; это чистое недоразумѣніе и если не обѣ стороны, то одно ужъ навѣрное тутъ лишь прикидывается и напускаетъ на себя, можетъ быть и сама того не признавая. Но кому же напускать на себя и играть роль? Если и предположить, что органы, въ родѣ

«Новаго времени» или «Минуты» способны пѣть съ чужаго голоса, не имѣя никакого своего, то ужъ никакъ вы не заподозрите, чтобы главный запѣвало хора, «Московскія вѣдомости», искусственно играли какую нибудь роль. Рѣчь ихъ постоянно такъ опредѣленна, твердо, послѣдовательна, какъ дай Богъ всякому органу. Съ самаго начала своего существованія они, не сворачивая ни направо, ни налево, твердо, неуклонно, и по истинѣ сказать, побѣдносно, шествовали по одному и тому же пути. Да къ тому же и тенденціи «Московскихъ вѣдомостей» все такого рода, что лишь имѣя глубокую и непоколебимую вѣру въ нихъ, можно рѣшиться проповѣдывать ихъ такъ открыто и рѣзко, какъ это дѣлаютъ «Московскія вѣдомости», и не ими прикрывать что либо иное, а скорѣе всего отъ нихъ свойственно прикрываться въ какую нибудь овечью шкуру. Остается слѣдовательно предположить, что все недоразумѣніе, въ настоящемъ случаѣ, коренится на столбцахъ «Голоса», что играніе роли и прикидываніе принадлежит именно этой газетѣ, что, размахивая знаменемъ либерализма, она вовсе не серьезно дѣлаетъ это, а только играетъ роль, причемъ сотрудникамъ ея приходится волею неволею облекаться въ костюмы совершенно не свойственные имъ, и бѣднымъ, имъ такъ не по себѣ въ этихъ костюмахъ, такъ трудно выдерживать свои роли, что волею неволею они безпрестанно сбиваются въ своихъ репликахъ и впадаютъ въ тонъ своихъ противниковъ. Оттого-то, конечно, и выходятъ, что лишь въ полемическомъ задорѣ, когда имъ приходится говорить въ нику «Московскимъ вѣдомостямъ», и они имѣютъ передъ своими глазами тенденціи своихъ противниковъ, противъ которыхъ ратуютъ, имъ легко выставлять знамя либерализма и вертѣть имъ передъ носомъ г. Каткова и г. Суворина, а когда приходится самостоятельно обсуждать какое нибудь явленіе жизни или вопросъ и вѣтъ передъ ними мнѣній противниковъ, которыя указывали-бы имъ, какую принять позицію, они невольно впадаютъ въ тонъ этихъ самихъ противниковъ, потому что по своей натурѣ, по своему нутру, на самомъ дѣлѣ они ничѣмъ почти отъ нихъ не отличаются.

Какъ же объяснить это странное явленіе? Отчего же это выходитъ такъ, что органъ, стоящій во главѣ либеральныхъ тенденцій, имѣющій самый обширный кругъ читателей и почитателей и пользующійся немалымъ авторитетомъ и у насъ, и въ Европѣ, именно какъ выразитель русскаго либерализма, такъ странно ко-

леблется, такъ плохо выдерживаетъ свою роль и такъ часто впадаетъ въ тонъ, не имѣющій ничего общаго съ какимъ-либо самымъ скромнымъ либерализмомъ? Или противники «Голоса» — выходятъ правы, когда утверждаютъ, что либерализмъ въ нашей жизни есть явленіе наносное, безпочвенное, не имѣющее ничего соответственнаго условіямъ нашей жизни, поэтому, молъ, если и ничего не стоитъ проводить его а priori, въ видѣ отвлеченныхъ тенденцій, то въ примѣненіи къ тому или другому реальному факту, оказывается положительно непримѣнимъ?

Это недоразумѣніе надняхъ разрушилъ намъ г. Кошелевъ въ своемъ фельетонѣ, напечатанномъ въ № 337 «Голоса», и, надо ему отдать справедливость, разрушилъ блистательнымъ образомъ. Но произошло при этомъ не малый скандалъ: можете себѣ представить, на страницахъ органа, имѣющаго претензію ратовать за либерализмъ во чтобы ни стало, вдругъ появилась статья, которая совершенно въ унисонъ съ противниками либерализма, доказываетъ намъ, какъ дважды-два, что либерализмъ, не какъ одна политическая тенденція, а въ практическомъ примѣненіи, въ настоящее время дѣло положительно немислимое. И что замѣчательно — доказываетъ это намъ человекъ, который отъ первой страницы до послѣдней самъ является истиннымъ либераломъ, и доказательства свои онъ строитъ на такихъ основаніяхъ, которыя куда далеко оставляютъ за собою всѣ доказательства въ этомъ родѣ противниковъ. Тѣ основываются обыкновенно на такихъ темныхъ и туманныхъ мистическихъ данныхъ, которыя вамъ приходится брать на вѣру, сомнѣваясь, чтобы и сами господа публицисты имѣли объ этихъ данныхъ какое либо ясное понятіе: то вы имѣете дѣло съ разными подробностями и принуждены на слово вѣрить господамъ публицистамъ, что они собаку съѣли въ этихъ самобытностяхъ, не допускающихъ либерализма на русской почвѣ, то дѣло идетъ о народномъ міросозерцаніи, и опять таки вамъ предоставляется вѣрить господамъ публицистамъ, что они такъ хорошо знаютъ народъ и его отвращеніе отъ либерализма, что имѣютъ полное право говорить отъ лица народа. Г. Кошелевъ имѣетъ дѣло съ реальными и осязаемыми условіями нашей жизни, и несостоятельность либерализма въ настоящее время основывается именно на этихъ данныхъ.

Только въ началѣ статьи г. Кошелевъ нѣсколько сбивается съ прямого пути своей аргументаціи и высказываетъ нѣсколько та-

нихъ обветшалыхъ и банальныхъ взглядовъ, которые совершенно не вяжутся съ концомъ статьи и кромѣ того имѣютъ такой общій двусмысленный характеръ, что могутъ быть употреблены противъ какихъ угодно воззрѣній, существующихъ на Руси.

Такъ напримѣръ онъ говоритъ: «Отчего-же мы, такъ называемая интеллигенція, хотя тоже русскіе, такъ склонны къ крайностямъ, такъ падки въ нихъ вдаваться? Отчего на пути либерализма мы легко впадаемъ въ утопизмъ, въ западные социализмъ и коммунизмъ, даже въ бессмысленный нигилизмъ? Отчего на пути консерватизма мы считаемъ возможнымъ какъ бы приостановить теченіе солнца, стараемся не только удержать что есть, но и воскресить умершее; чаемъ даже возстановить крѣпостное право, если и не въ прежнихъ, то въ иныхъ, нѣскольکو измѣненныхъ образахъ, упуская изъ вида, что разъ отшедшее въ вѣчность уже не возвращается къ жизни и что власть сильна, только вооруженная современными средствами? Отчего все это такъ происходитъ?»

Оттого, что мы шли не естественнымъ, постепеннымъ путемъ развитія, соблазнились плодами уже выработанной на Западѣ цивилизации, схватили ея верхушки, сами не положили на нее достаточно своего труда, не вникли въ глубь собственныхъ потребностей, и, ослѣпленные яркимъ, но чужимъ свѣтомъ, блуждаемъ умомъ, чувствомъ и волею по поверхности обширной области чело-вѣческой дѣятельности, не имѣя, притомъ, возможности откровенно высказывать свои мнѣнія и чувства и умѣять ихъ прозою жизненнаго опыта. Какъ, при такихъ обстоятельствахъ, не впадать въ крайности и не увлекаться мечтами, даже нелѣпостями?»

Все это давно уже очень и очень многими говорилось, повторялось и намозолило глаза, и главное дѣло совершенно напрасно. Не говоримъ уже о томъ, что если послѣдовательно проводить до конца подобнаго рода теорій, то можно придти къ отрицанію всякаго воспитанія и къ закрытію даже школъ грамотности, на томъ основаніи, что статочное-ли дѣло, что въ то время какъ человѣчество цѣлмя тысячелѣтія употребило, чтобы додуматься до азбуки и таблички умноженія, дѣтямъ нашимъ сразу все это дается въ какіе-нибудь два три года; не правильнѣе-ли каждому изъ нихъ предоставить самимъ самостоятельно и постепенно продѣлывать всю эту вѣковую работу человѣчества. Но, главное дѣло, здѣсь отрицаются не одни только крайности, но и самый умѣренный

либерализм! вѣдь онъ составляетъ продуктъ Запада и дажя намъ безъ всякаго вѣковаго труда. Но мы оставимъ въ сторонѣ эти обветшалые отрывки 40-хъ годовъ, — тѣмъ болѣе, что дагѣ въ своей статьѣ авторъ выходитъ на прямую дорогу, и оказывается, что не одна легкость усвоения продуктовъ Западной цивилизаціи, а и самыя условія нашей русской жизни роковымъ путемъ ведутъ русскихъ людей къ тѣмъ или другимъ крайностямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое тотъ умѣренный либерализмъ, о которомъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь? Какую опору долженъ онъ имѣть въ жизни и какія условія могутъ способствовать его процвѣтанію?

Возьмемъ Францію 30 и 40-хъ годовъ, именно такую эпоху, когда либерализмъ мало того что процвѣталъ, по и былъ господствующею партіею въ государствѣ. Что такое были всѣ эти либералы, составлявшіе большинство палаты, занимавшіе министерскіе портфели и царствовавшіе на биржахъ?

Прежде всего—это были люди, имѣвшіе всѣ шансы быть вполне довольными современнымъ положеніемъ страны и не желать ничего лучшаго. Свобода эксплуатировать богатства страны въ какія-нибудь 20 лѣтъ сдѣлала то, что и земледѣліе, и промышленность — достигли такихъ колоссальныхъ успѣховъ, о какихъ не снилось отцамъ и дѣдамъ. Изъ обнищавшей, запустѣвшей и обанкротившейся страны, Франція обратилась въ богатѣйшее государство въ мірѣ. Очень понятно, что люди, въ рукахъ которыхъ находились всѣ эти богатства, начали дорожить тѣми учрежденіями, подъ охраною которыхъ богатства эти такъ быстро создались. Не было поэтому ни малѣйшаго противорѣчія въ томъ, что либералы эти проявлялись въ тоже время самыми рьяными консерваторами: они охраняли то, чѣмъ пользовались, что было въ ихъ рукахъ, охраняли настоящее, или лучше сказать—свою, набитую золотомъ, кошну. Эта кошна и была точкою ихъ опоры во всѣхъ аргументаціяхъ: легитимисты могли только краснѣть отъ стыда, когда они показывали имъ на современное процвѣтаніе страны въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была Франція прежде; радикаламъ они возражали, что отъ добра, добра не ищутъ, и пугали, что господство ихъ поведетъ къ анархіи, къ паденію цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ новому варварству и обнищанію. Если они стремились все болѣе и болѣе подчинить своей власти правительство, то дѣлали это вовсе не на основаніи какихъ-

либо отвлеченныхъ политическихъ теорій, а чисто изъ личнаго эгоизма, единственно заботясь о томъ, чтобы правительство не могло преслѣдовать никакихъ такихъ цѣлей, которыя мѣшали бы ему еще болѣе накапливать богатства.

Если бы у насъ либерализмъ могъ имѣть подобнаго же рода точку опоры, то г. Кошелевъ конечно не замедлилъ бы публицистамъ Москвы представить рядъ доводовъ совершенно въ такомъ же родѣ, въ какомъ западные либералы представляли своимъ де-Местрамъ, т. е. вотъ что мы были прежде при крѣпостномъ правѣ, закрытымъ судамъ, откупахъ, и т. п., и вотъ что мы, стали теперь. Посмотрите-же, какую картину современнаго положенія дѣль развертываетъ передъ нами г. Кошелевъ.

«Вездѣ застой и уныніе. Замѣчательно, что нечужды такого настроенія люди даже въ тѣхъ сферахъ, гдѣ всего болѣе отстаиваютъ существующіе если и не порядки, то способы дѣйствія: и тутъ сознаютъ необходимость исправить, измѣнить и то, и другое, и третье—почти все».

«Крестьянское самоуправленіе идетъ какъ нельзя хуже. Въ первые годы по освобожденіи крестьянъ, они-было взялись за это дѣло педурно; но теперь крестьянское «самоуправленіе» стало словомъ почти бессмысленнымъ. Къ этому присоединились неурожай, истощеніе почвы, участившіеся, вслѣдствіе большаго движенія людей, скотскіе падежи, умножившіеся пожары, поджоги, всякаго рода воровства, полицейскія взысканія податей; наконецъ, съ горя посѣщаемые кабаки окончательно ввергли крестьянство въ страшную бѣдность, безиравственность, почти въ отчаяніе.

«Дворяне-землевладѣльцы находятся въ положеніи, немного лучшемъ, чѣмъ крестьяне. Земли ихъ почти всѣ въ залогъ въ разныхъ земельныхъ банкахъ; неурожай, скотскіе падежи, пожары, поджоги, воровства и проч. не минуютъ и этого отдѣла сельскаго населенія; хищенія со стороны управляющихъ и неисполненіе условій рабочими — факты ежедневные. Вдобавокъ ко всему этому, теперь съ особеннымъ усердіемъ занимаются розыскомъ людей «неблагонадежныхъ». Стоитъ вамъ выписывать много газетъ и журналовъ, посвящать время чтенію и не вести обычнаго провинціального образа жизни — вы непременно становитесь предметомъ «бдительности». Попятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, бывшіе помѣщики бѣгутъ изъ деревни и ищутъ гдѣнибудь прию-

тятся на казенной, компанейской и, по необходимости, даже на земской службѣ. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, интеллигентное деревенское населеніе значительно уменьшилось.—едва половина, едва треть изъ него теперь осталась въ уѣздахъ. Въслѣдствіе этого, и земское самоуправленіе, и мировой судъ значительно ухудшились: собранія избирателей стали очень малочисленны; избранные гласные едва собираются, въ законномъ числѣ, на земскія, даже очередныя, собранія; а если и собираются, то черезъ нѣсколько дней разъѣзжаются, и дѣла откладываются. Да и къ чему съѣзжаться, работать и тѣмъ, пожалуй, навлекать на себя подозрѣніе въ «неблагонадежности»? Смысли бѣмъ и какъ нибудь утвердятся. дѣла управою разрѣшатся, а обсуждать, выработывать и отправлять... ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ—это трудъ бесполезный, совершенно непроеводительный... Что же касается мирового суда, то въ послѣдніе годы, по недостатку лицъ, живущихъ въ деревнѣ и имѣющихъ установленный, весьма высокій имущественный цензъ, онъ едва замѣщается и отправляетъ дѣла съ явною, все болѣе и болѣе усиливающеюся небрежностью».

«Въ городахъ уѣздныхъ, губернскихъ и даже столичныхъ житье обставлено немного лучше: каждый изъ нихъ имѣетъ свои неудобства и несприятности. Уѣздные города пусты, безжизненны, и одни служащіе по необходимости обитаютъ въ нихъ; даже купцы и мѣщане, если только могутъ, переселяются въ города высшаго ранга; на родинѣ нѣсколько удерживаетъ ихъ только возможность кулачествовать и въ мутной водѣ рыбу ловить. Губернскіе города, кромѣ университетскихъ, немногимъ чѣмъ лучше уѣздныхъ: конечно, клубы нѣсколько многочисленнѣе; бываютъ спектакли и концерты; но общественной жизни вообще такъ мало и ее нѣсколько оживляетъ развѣ одинъ разъ въ годъ состоявшееся очередное земское собраніе. Пребываніе въ городѣ начальника губерніи бываетъ обыкновенно въ двухъ видахъ. Если губернаторъ человѣкъ энергичный, несдерживающій своего произвола, врагъ земства и новыхъ судовъ, дѣйствующій по рецентамъ проповѣдниковъ «сильной власти»—бѣги изъ губернскаго города и изъ губерніи, потому что все, несогласное съ мнѣніями, желаніями и требованіями начальства, истолковывается, какъ дѣйствіи человѣка «неблагонадежнаго», и подвергаетъ ихъ виновника разнымъ несприятностямъ со стороны полиціи. Къ счастью, такихъ губернаторовъ немного, и даже тѣ,

которые приѣзжаютъ съ такими «похвальными намѣреніями и правилами», очеловѣчиваются и потомъ остаются только исправными бюрократами. Если же губернаторы, какъ большая часть изъ нихъ, суть обыкновенные чиповники—они хлопчатъ объ очисткѣ бумажныхъ нумеровъ и о томъ, чтобъ была возможность доносить, что «все обстоитъ благополучно». Но и въ этомъ случаѣ бѣги изъ губерній, потому что тогда начальства ограничиваютъ свою дѣятельность полученіемъ и отправкою бумагъ, а воровства, грабежи и проч. не знаютъ границъ, и безтолочь и неурядица въ дѣлахъ полная. О столицахъ много говорить нѣтъ надобности: нынѣшняя въ нихъ жизнь всѣмъ слишкомъ извѣстна или по личному опыту, или по словамъ людей, въ нихъ живущихъ. Слухи «о разныхъ государственныхъ комбинаціяхъ» съ большою быстротою и рвеніемъ распространяемые въ обществѣ; самыя разнообразныя, часто другъ другу противорѣчащія сужденія о дневныхъ событіяхъ; странныя, даже нелѣпныя ожиданія и опасенія; скука, тоска и общее уныніе—потъ отличительныя черты нынѣшняго житья-бытья въ столицахъ. Выгодно ли такое положеніе вообще для Россіи, для власти и для гражданъ? Не толкаетъ ли, не гонитъ ли оно людей въ крайности...

Вотъ какими красками рисуетъ г. Кошелевъ современное положеніе дѣлъ. Мы не будемъ говорить о томъ, что по прочтеніи подобной картины, — и Московскія Вѣдомости, и Новое Время, и Минута, и даже пожалуй Недѣля могли бы однимъ залпомъ выпалить: «вотъ до чего, о желибералы, довели насъ ваши излюбленныя реформы по западнымъ образцамъ!» Допустимъ, что они этого не вскричатъ, потому что имѣютъ наклонность видѣть современное положеніе вещей болѣе въ розовомъ цвѣтѣ, чѣмъ въ такомъ мрачномъ, въ какомъ представляетъ намъ его г. Кошелевъ. Но во всякомъ случаѣ что же дѣлать нашимъ либераламъ при такомъ положеніи вещей? И оказывается, по словамъ г. Кошелева, что рѣшительно нечего дѣлать, что нѣтъ имъ возможности оставаться даже скромными и разсудительно-трезвыми людьми какогонибудь маленькаго дѣльца.

Знавали мы, говоритъ онъ, людей крайнихъ мнѣній, пылкаго характера, алкавшихъ все преобразовательной дѣятельности; но какъ скоро они посвящали себя какомунибудь положительному за-

натию—сельскому хозяйству, должности мирового судьи или члена земской управы, государственной или даже компанейской службы и проч. — тотчас они измѣнялись и становились болѣе или менѣе умѣренными и разсудительными. Если нѣкоторые изъ нихъ впоследствии возвращались къ прежнимъ мнѣніямъ и стремленіямъ, причины тому были разныя, отъ нихъ независимыя обстоятельства — или совершенная невозможность спокойно и безопасно жить въ деревнѣ, или неприятности по службѣ, или какія нибудь другія причины. Дѣльное и производительное занятіе всего вѣрнѣе и дѣйственнѣе осаживаетъ и успокаиваетъ людей; а мы такого именно занятія и лишены. Мечемся туда и сюда, съ жаромъ ухватываемся за дѣло, но встрѣчаемъ затрудненія, не изъ него прямо исходящія, а совершенно дѣлу постороннія и, притомъ такія, которыя требуютъ не усиленной дѣятельности, не особенныхъ какихъ нибудь нравственныхъ напряженій, а, напротивъ, или подчиненія незаконнымъ требованіямъ, или угожденія, или «обхода существующихъ законовъ, или другихъ достоинство человѣка рошающихъ уступокъ».

И такъ, оказывается, по словамъ г. Кошелева, что даже сельскимъ хозяйствомъ или компанейской службой (даже, какъ говоритъ г. Кошелевъ въ другомъ мѣстѣ своего фельетона, пулькой въ вшитъ и пожираниемъ кулебяки съ осстрипой) нельзя ни въ какомъ случаѣ заниматься, не утрачивая своего человѣческаго достоинства и невольно, въ силу обстоятельствъ, не пересаливая и не ударяясь въ какую-либо крайность. Что же остается дѣлать нашимъ разсудительнымъ либераламъ? Надѣяться, что въ одинъ прекрасный день вдругъ къ намъ съ неба свалится какое то мистическое и мионическое оживленіе, котораго часть г. Кошелевъ въ концѣ своей статьи? Но вынѣ не вѣкъ чудесъ, и ничего не спадетъ съ небесныхъ высотъ на голову г. Кошелева, кромѣ дождя или снѣга.

Въ томъ то и дѣло, что бывають въ исторіи такіе моменты, въ которые, въ силу фатальныхъ обстоятельствъ и неумолимой логики событій, возможны бывають лишь двѣ партіи, два противныя и борющіяся между собою теченія, какъ два полюса магнита, какъ тезъ и антитезъ гегелевской философіи, и между ними немислимо никакое среднее, промежуточное направленіе. И это зависитъ вовсе не отъ легкости усвоенія нами западныхъ продуктовъ, какъ думаетъ г. Кошелевъ въ началѣ своей статьи, а отъ тѣхъ

роковыхъ условій, какія онъ выставляетъ въ концѣ. И въ жизни западныхъ народовъ, которымъ, по словамъ г. Кошелева, давалось все не иначе, какъ вѣковымъ опытомъ, мы могли бы указать подобныя же моменты, въ которые вся жизненная борьба сосредоточивалась въ какихъ либо двухъ крайнихъ историческихъ теченіяхъ; среднія, промежуточные направленія мысли играли въ такіе моменты самую жалкую роль, и люди, проповѣдывавшіе ихъ, представляли собою плясунуновъ, балансирующихъ по канату безъ всякой надежной точки и опоры и баланса и тщетно старающихся удержаться прямо, въ то время, какъ сила тяжести такъ и тянетъ ихъ то вправо, то влево.

Послѣ этого понятны и всѣ тѣ противорѣчія, вся та вопіющая непоследовательность мысли, обнаруживаемая нашими либеральными органами. Г. Кошелевъ произнесъ приговоръ тому самому «Голосу», на страницахъ котораго напечатанъ его фельетонъ. Конечно ничего не стоитъ сотрудникамъ этой почтенной газеты въ своихъ ежедневныхъ передовыхъ статьяхъ, пишущихся среди полного затишья и одуряющей скуки, царящей повсюду, жевать и пережевывать тертые и перетертые либеральные трюизмы, но вдругъ жизнь нарушается какимъ нибудь выдающимся скандаломъ, и каждый разъ приходится терять голову: «Голосъ» въ такихъ случаяхъ не вдругъ краснѣетъ и тогда на него сыпется цѣлый градъ московскихъ перуновъ, инсинуаций, каръ; московская пресса торжествуетъ, доказывая, что либеральная надпольная пресса ничѣмъ не отличается отъ радикальной подпольной; но на оборотъ «Голосъ» блѣднѣетъ, самъ впадаетъ въ тонъ московской прессы, глядитъ на обсуждаемый фактъ совершенно такими же глазами, какъ и всѣ московскіе публицисты, взятыя вмѣстѣ, и тогда полемика съ почвы принциповъ, переходитъ на почву взаимныхъ киваній другъ на друга: «Московскія Вѣдомости» говорятъ: «это вы, либералы, расплодили подобныя мерзости!», а «Голосъ» отвѣчаетъ имъ: «нѣтъ эти мерзости печальный плодъ вашего мракобсія!»

Да, г. Кошелевъ тысячу разъ правъ, и не въ бровь, а въ самый глазъ колетъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ, когда говоритъ: «Мы и страшные прогрессисты, и такіе же ретрограды; мы и братолюбивы до самозабвенія, и своекорыстны до жестокости, и, вслѣдствіе того, у насъ въ людяхъ, въ обществѣ и въ учрежде-

пiяхъ (слѣдовало бы прибавить: и въ либеральныхъ органахъ нашихъ въ родѣ «Голоса») — ужасная разногласица, безтолочь, безурядица, чистый сумбуръ.»

Этихъ словами г. Кошелева я могу покончить, какъ нельзя лучше, свою настоящую бесѣду съ читателями.

Александровъ.

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Федосѣевецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минский, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слоимский. Редакторъ-издатель С. Венгеровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ ЖУРНАЛА

ДѢЛО

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1883 году, какъ и въ прошедшія шестнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Вѣдѣнія, оригинальная и переводная; 2) статьи Соціально-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Внутреннее обозрѣніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картины общественной жизни)

Въ 1882 году, въ журналѣ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Мирныя Времена», романъ въ 3-хъ частяхъ А. И. Пальма; «Кручина», драма въ 5-ти д. И. В. Шпажинскаго; «Конецъ Неждомай улицы», большой очеркъ изъ петербургской жизни М. Н. Альбова; «Послѣднія времена», «Иностранецъ Липатка и помѣщикъ Гудѣлкинъ», рассказы А. И. Эртеля; «Въ Камняхъ», «Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ», очерки изъ сибирской жизни Д. И. Сибиряка, (псевдонимъ); «Иванъ Босній» очеркъ Я. В. Абрамова (Федосѣвца); «На всемірномъ поприщѣ», очеркъ Л. И; Мечникова; «Ку;совые», набросокъ И. Л. Щеглова; «Деревенскіе выборы», очеркъ И. Н. Потапенко; «Степанъ Оговьковъ», повѣсть П. В. Засодимскаго; «Съ визовьевъ Дона», путевыя замѣтки И. Г. Кольцова; «Очерки Сѣвера» И. Рева; стихотворенія: А. П. Варыковой, Мартова, Д. Минаева, Н. Минскаго, Д. Михаловскаго, С. Надсона, А. Н. Плещеева, П. Я. Якубовича и др.; «Торквената» драма въ 4-хъ д. съ прол. В. Гюго, въ переводѣ Д. Д. Минаева; «Антоніо Фоскарини», трагедія въ 5-ти д. Д. В. Николаевъ, въ переводѣ В. Крестовскаго (псевдонимъ); «Богъ сна», повѣсть въ стихахъ П. Гейзе, въ переводѣ А. Н. Плещеева; «За Правду», романъ Е. Францова; «Депутатъ Либеральной партіи», романъ Роберта Вира; «Золотой Фонтанъ», романъ Бенито Переса Гальдоса; «Послѣдніе Гуманисты», романъ А. Штерна; «Опасные Люди», романъ Х. Эльстера, съ предисловіемъ Г. Врандеса; рассказы Вретъ-Гарта, Сенькевича, Оконьскаго, Сажети, Серао, Габбертона и др.; «Джонъ Стюартъ Милль и Эрнестъ Ренанъ», характеристики Георга Врандеса; «Чарльзъ-Робертъ Дарвинъ», біогр. очеркъ А. Л. Москвина. «Джузеппо Гарибальди», біограф. очеркъ Сергѣя Горскаго; «Очерки новыя направленія въ эконолической наукѣ», рядъ статей Н. Ф. Анненскаго; «Замѣтки объ аграрномъ бытѣ Франціи» Л. И. Мечникова; «Историческій компромиссъ» Н. Русанова; «Борьба съ нуждой» В. Ф.—овскаго; «Фабрики и школы», «Реформа крестьянскихъ учрежденій» В. П.

Ленскаго; «Сибирь на юбилей», Австрія послѣ Вѣнскаго конгресса. С. С. Шашкова; «Самозубиство и Цивилизація» К. Лисина; «Въ защиту вѣтелъгенинъ», «Общественность въ природѣ» И. Г. Кольцова; «Кладбищенская философія», «Хозяйственная дѣловитость», «Скобелевъ» М. А. Протопопова, «Народъ въ литературныхъ эскизахъ» М. К. Цибриковой; «Взглядъ Руссо и энциклопедистовъ на воспитаніе» проф. В. Гольцова. Кромѣ того, въ теченіи года были слѣдующіе постоянные отдѣлы: Новая книга, Внутреннее обозрѣніе Н. В. Шелгунова, Политическая хроника Жика; Научная хроника А. М. и Картинки общественной жизни Откровеннаго писателя.

Въ первыхъ книжкахъ 1883 года, въ «Дѣлѣ» будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи «Приваловскіе мнѣніи», большой романъ изъ быта золотопромышленниковъ, Д. И. Сибяража; новый романъ Альфонса Додэ; «Потеря идеала», романъ Маризы Коломби (автора «Рисовыхъ Полей»); рассказы: К. Варянцевича, М. Н. Альбова, Н. И. Наумова, К. М. Станюковича, А. И. Эртеля; «Прошлое и настоящее штунды», ст. Я. В. Абрамова (Одоевца) «Прозрѣты аграрныхъ преобразованій въ Англіи», этюдъ Л. И. Мечникова; «Парижъ въ 1871 году», воспоминанія Ж. Гальфранка; «Характеристики русскихъ современныхъ дѣятелей», М. А. Протопопова, «Очерки рабочей жизни въ Россіи», ст. С. А. Приклонскаго; статьи Н. Ф. Анненскаго, В. В. Лесевича, В. П. Ленскаго, И. Г. Кольцова, Н. В. Шелгунова и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, К. М. Станюковичъ (Откровенный Писатель) и Н. В. Шелгуновъ.

Годовое изданіе журнала «Дѣло» состоитъ изъ 12-ти книгъ, каждая отъ 27—30 листовъ большого формата. Срокъ выхода первыхъ числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна годовому изданію:

Безъ пересылки и доставки . . .	15 р.	50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	16 »	— »
» пересылкою иногороднымъ ꙑ . . .	17 »	— »
» » за границу . . .	19 »	— »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала «Дѣло», Надеждинская, д. 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ Н. У. Карбасникова, Мохсвая, д. Коха.

Иногородныя благоволятъ адресоваться со своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб. Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

«устом», № 12, отд. II.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
 на большую политическую, литературную и коммерческую
ГАЗЕТУ
ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

Успѣхъ нашей газеты даетъ намъ возможность, не увеличивая подписной платы, улучшить и расширить изданіе. Сохраняя тотъ же характеръ и форматъ, газета съ будущаго года будетъ печататься на бумагѣ лучшаго качества и новымъ, четкимъ и убористымъ шрифтомъ, который дастъ намъ возможность обогатить содержаніе газеты, дополнивъ ее во всѣхъ отдѣлахъ.

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по нижеслѣдующей программѣ:

ВНУТРЕННИЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экономической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоятъ изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и рассказы, оригинальныя и переводныя. Очерки провинціальной жизни. Художественная летопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству; узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мирѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ. ТОРГОВАЯ, АКЦИОНЕРНАА и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колониальныя рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ специальныхъ корреспондентовъ отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же специально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полоторные номера въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, рассказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Для городскихъ подписчиковъ
съ доставкой:

На годъ 9 р., полгода 5 р.,
три мѣсяца 3 р., одинъ мѣ-
сяць 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ
съ пересылкою по почтѣ:

На годъ 10 р., полгода 6 р.,
три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ
мѣсяць 1 р. 25 к.

Денежныя пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре № 10.

Редакторъ-издатель В. В. Навроцкій.

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ

СЪВЕРНОЕ КНИЖНОЕ АГЕНТСТВО

(С.-Петербургъ. Пушкинская ул., № 10).

КНИЖНОЕ АГЕНТСТВО поставило своею цѣлью имѣть сношенія исключительно съ г. иногородними заказчиками. Принимаетъ заказы: на книги, русскія и иностранныя, къ-мъ-либо опубликованныя, учебныя пособія, карты, атласы, музыкальные инструменты, ноты, канцелярскія принадлежности и подписку на журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ.

Казенныя учебныя заведенія, земскія и городскія управы, а также общественныя библіотеки пользуются уступкою отъ 5 до 15% на книги, на учебныя пособія и канцелярскія принадлежности отъ 10 до 15%.

Вышеозначенныя учрежденія при заказѣ благоволятъ высылать половину денегъ впередъ, отъ частныхъ же лицъ принимаются заказы только вполнѣ оплаченные. Упаковка и пересылка по разстоянію на счетъ заказчиковъ. Принимаются заказы на всевозможныя переплеты и рамы. Для полученія справокъ, на отвѣты прилагаются 7 копѣечныя марки. Заказы исполняются безотлагательно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

на 1883 годъ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

КУБАНЬ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Выходить отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ Екатеринодарѣ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

Цѣна съ пересылкою 7 р. за годъ и 4 р. за полгода.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

на сатирическій журналъ съ рисунками и карриатурами

XIX БУДИЛЬНИКЪ ГОДЪ.

Пятьдесятъ номеровъ въ годъ.

«Будильникъ» выходитъ еженедѣльно тетрадями по менѣе двухъ листовъ большаго формата. Число рисунковъ увеличено вдвое и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ 8 страницъ рисунковъ и 8 страницъ текста. Половина рисунковъ исполняется хромолитографіей. Годъ «Будильника» составитъ два громадныхъ тома. Не смотря на увеличеніе объема журнала, подлинная цѣна остается прежняя.

ПРЕМІИ «БУДИЛЬНИКА»:

I. Сцена изъ «Ревизора» Гоголя.

Эта литературная драгоценность, не вошедшая ни въ одно изъ изданій соч. Гоголя, любезно обѣщана Редакціи пзвѣстнымъ знатокомъ русскаго театра, В. И. Родиславскимъ, который вмѣстѣ съ этимъ обѣщаетъ намъ сообщить интересныя свѣдѣнія относительно судьбы «Ревизора» на сценѣ. Сцена эта и сообщенія В. П. Родиславскаго нашимъ подписчикамъ получить въ видѣ отдѣльной книжки.

II. Новый романъ Эмиля Золя.

Редакція «Будильника» вошла въ сношенія съ Эмилемъ Золя и приобрѣла отъ него исключительное право перевода на русскій языкъ его новаго романа «Au bonheur des dames», который начнетъ печататься въ Парижѣ съ декабря мѣсяца настоящаго года. Пользуясь рукописью Золя, «Будильникъ» тѣмъ самымъ получаетъ возможность дать своимъ подписчикамъ всю новую книгу знаменитаго романиста не только ранѣе всѣхъ нашихъ журналовъ и газетъ, но и ранѣе, нежели печатаніе романа окончится въ подлинникѣ.

Къ вашему переводу будутъ приложены: біографія Золя, его портретъ и факсимиле.

Въ отдѣльной продажѣ книга будетъ стоить болѣе двухъ рублей.

III. Альманахъ «Будильника».

«Альманахъ» въ 1883 году будетъ издаваться по новой программѣ. Это будетъ сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ для легкаго чтенія, размѣромъ въ пятьдесятъ печатныхъ листовъ большаго формата или въ сто листовъ обыкновеннаго книжнаго размѣра. Годовые подписчики, желающіе получить «Альманахъ», приплачиваютъ къ подлинной цѣнѣ «Будильника», за пересылку и упаковку «Альманаха», три рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «БУДІЛЬНИКЪ».

Въ Москвѣ, безъ доставки платять	7 р. полгода	4 р.
» » съ доставкой	8 »	4 » 50 к.
Съ пересылкой въ Петербургъ и провинцію	9 »	5 » —
Годовые подписчики за «Будильникъ» и за упоминку и пересылку «Альманаха» платять:		
Въ Москвѣ безъ доставки	10 »	
» » съ доставкой		11 »
Иногородные	12 »	

Денежные пакеты адресуются: въ Редакцію журнала «Будильникъ» Москва, Леонтьевскій пер. д. Мичиера.

Кромѣ того подписка принимается: 1) въ центральной конторѣ объявленій (Л. Метцля: Петровка, домъ Солодовникова); 2) въ московскихъ и петербургскихъ книжныхъ магазинахъ гг. Суворина, Мамонтова и Вольфа; 3) въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Мелье (у Полудейскаго моста). Псакова (Гостинный дворъ) и Гетца (бывш. Малышева: Офицерская, 5); 4) въ провинціи у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ газетныхъ кіоскахъ и 5) въ Парижѣ—у гг. Navas & Comp., place de la Bourze, 8.

Открыта подписка на 1883 годъ на иллюстрированный
дѣтскій журналъ

(2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РОДНИКЪ.

Журналъ «РОДНИКЪ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и позитивами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ «РОДНИКѣ», между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: В. П. Аверариусъ, Н. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Бемъ, П. В. Биковъ, Н. П. Вагнеръ (профессоръ), Е. Н. Водовозова, В. И. Водовозовъ, Д. Кайгородовъ (профессоръ), К. В. Емичицкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. П. Мунтъ, С. Я. Наасонъ, А. Л. Плесцеевъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшниковъ, Н. И. Позинковъ, Л. Х. Симонова, Н. И. Северинъ, М. Б. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) В. В. Янубовичъ и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарашы, анекдоты и проч.

Выборъ статей приваровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 или болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ приложеніемъ съ до- ставку и пересылкою. 6 р.	} На полгода безъ приложенія . 3 р. За границу на годъ съ прило- женіемъ 8 "
На годъ безъ приложенія съ до- ставку и пересылкою. 5 "	

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1.

Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Тихомировой, «Новое Время» и Мамонтова.

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ „РОДНИКА“.

- 1) Е. А. Сысоева. Исторія маленькой дѣвочки. 2 т. въ коленкор перешлеть. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- 2) Е. А. Сысоева. Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- 3) Е. Н. Александрова. И. Кулибинъ, съ портретомъ. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- 4) А. В. Кругловъ. Иванъ Ивановичъ и К°. Повѣсть для дѣтей, съ картин. Шапова и Каразина. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 10 коп.
- 5) А. В. Кругловъ. Армія и Казаки, съ многими иллюстраціями. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.
- 6) «Воспитаніе и Обученіе», журналъ для дѣтей за 1880 г., 3 тома, съ многими картинками. Ц. 4 р. 50 к., въ пакѣ 5 р. 25 к. Пересылка за 12 фунт. по разстоянію.
- 7) Г. Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Переводъ Е. Сысоевой. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 10 к.
- 8) Бриггэмъ. О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
- 9) Брунсъ. Астрономическій атласъ. (Печатанъ въ Лейпцигѣ). Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- 10) Эрнстъ Махъ. О звуковыхъ ощущеніяхъ. Съ таблицей чертежей. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Подписчики на журналъ «Родникъ», выписывающіе означенныя книги черезъ контору редакціи, пользуются уступкой 20%.

Открыта подписка на новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО“

Еженедѣльный художественно литературный органъ поэзи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусства. 2) Статьи по теоріи и исторіи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петербургскихъ и московскихъ театровъ, концертовъ и выставокъ. 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. повести изъ-заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана и Мадрида. 7) Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетоны. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и автентрипереровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый номеръ журнала отъ 1½ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. «Вс. Иллюст.».

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв. № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Для ивогород.	За границу.
Годъ . . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода . .	5 „	5 „ 75 „	6 „	8 „
3 мѣсяца . .	3 „	3 „ 50 „	4 „	5 „ 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Ивогородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ «Искусство» предполагаетъ дать слѣдующую галерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по новому цинкографическому способу.

Шекспиръ (снимокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Тенисонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рашель, Гарриксъ, Маллибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щепкинъ, Шумскій, Верлювъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Мажартъ, Брюховъ, Ивановъ, Антокольскій.

Редакторы-издатели **Ө. Грдининъ** и **В. Чуйко**.

При главной конторѣ журнала «Искусство» принимается подписка на «Библиотеку европейскихъ писателей» (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 р. съ перес.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1883 году.

Годовой опытъ показалъ, насколько удовлетворяетъ публику наше изданіе, что можетъ быть оставлено въ немъ безъ измѣненія и что требуетъ перемѣны. Сохраняя свою прежнюю программу, «Заграничный Вѣстникъ» съ будущаго года существенно измѣнитъ распредѣленіе того литературнаго матеріала, которымъ располагаетъ редакция. Первый отдѣлъ журнала, въ объемѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ, будетъ исключительно посвященъ литературному чтенію. Въ составъ его войдутъ: беллетристика, историческіе и литературные характеристики и очерки, біографіи и путешествія. Иностранная беллетристическія произведенія въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы не въ извлеченіяхъ, а въ полныхъ переводахъ, по возможности безъ дробленія ихъ на слишкомъ мелкія части. Статьи учено-литературнаго содержанія составляютъ второй отдѣлъ журнала, въ объемѣ, приблизительно, пяти листовъ. Редакция надѣется, что литературные и ученые интересы современности будутъ, такимъ образомъ, лучше представлены въ ея изданіи.

«Заграничный Вѣстникъ» выходитъ во второй половинѣ каждаго мѣсяца, книгами въ объемѣ свыше 15 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на 1883 годъ: на годъ, безъ пересылки и доставки 10 р., съ доставкой въ Петербургъ—10 р. 50 к., съ пересылкой—11 р.; на полгода, безъ пересылки и доставки—5 р., съ доставкой въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкой—6 р.; съ пересылкой за границу: на годъ—13 р., на полгода—8 р.

Подписка принимается въ *Петербурѣ*: въ редакціи «Заграничнаго Вѣстника» (Николаевская улица, д. 4, кв. 6) и въ книжныхъ магазинахъ М. М. Стасюлевича (Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 7), К. Л. Ривкера (Невскій пр., д. 14) и Э. Мелье (Невскій пр., д. Голландской церкви). Въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Моховая ул., противъ Университета).

Гг. иногородные обращаются съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Заграничнаго Вѣстника».

Редакторъ В. Коршъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

ЭХО

ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ будущемъ году газета «Эхо» будетъ издаваться въ томъ же (большемъ) форматѣ, по той же программѣ и подъ тою же редакціею.

Съ 1-го января 1883 г., газета «Эхо» получитъ указанное опытомъ преобразование. Въ нее вступаютъ рядъ новыхъ сотрудниковъ, лицъ извѣстныхъ и участвовавшихъ своею публицистическою и литературною дѣятельностью въ наиболѣе выдающихся нашихъ периодическихъ изданіяхъ. Постоянное участіе въ газетѣ будетъ принимать также и даровитый нашъ публицистъ, Г. К. Градовскій (Гамма), статьи котораго уже печатаются въ «Эхо» съ начала ноября этого года.

Съ будущаго же года въ фельетонахъ «Эхо» будетъ печататься новый историческій романъ, „Мученики идеи“, время Петра Великаго А. Шардина, автора романовъ: „Родъ князей Зацѣпныхъ“ и „Княжна Владимірская“.

Газета «Эхо» тѣмъ отличается отъ другихъ изданій, что и кромѣ своихъ передовыхъ статей представляетъ взгляды и мнѣнія другихъ, замѣчательныхъ органовъ печати, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; лицу же, получающему, кромѣ «Эхо», другое изданіе, газета наша даетъ возможность узнать, какъ отнеслись другіе органы печати къ статьямъ и мнѣніямъ той газеты, которую оно получаетъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи; 2) Телеграммы; 3) Новѣйшія политическія извѣстія; 4) Русская печать; 5) Иностранная печать; 6) Корреспонденція изъ-за границы политическаго содержанія; 7) Внутреннія корреспонденціи; 8) Хроника; 9) Эхо (толкъ и слухи); 10) Очерки петербургской жизни; 11) Очерки русской жизни; 12) Судебная хроника; 13) Театральная и музыкальная хроника; 14) Телефонъ (разныя мелкія извѣстія); 15) Раешникъ «Эхо»; 16) «Эхо» развлечения; 17) Фельетонъ: 1) Обзоръ русской журналистики; а) Обзоръ специальныхъ журналовъ; б) обзоръ промышленности; в) изобрѣтений и открытій; 2) Воскресные фельетоны; 3) Иностранная хроника и 4) Романы, повѣсти и рассказы, русскіе и переводные съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго; 18) Биржевыя извѣстія и курсы; 19) Пріѣхавшіе и выѣхавшіе; 20) Железныя дороги; 21) Театры; 22) Скорбный листокъ; 23) Объявленія.

Контора редакціи отвѣчаетъ за исправную доставку въ томъ только случаѣ, когда подписчикъ выписалъ газету прямо изъ конторы редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской улицѣ, домъ № 9-й, кв. № 21-й.

Годовая цѣна за газету (съ 1-го января 1883 по 1-е января 1884 г.) 10 руб. сер., за полгода—6 руб. сер., за три мѣсяца—3 руб. сер., за 1 мѣсяць—1 руб. сер.

Редакторъ А. В. Старчевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и ученымъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ спархіальныхъ училищъ.

Въ 1883 году, журналъ „Игрушечка“ будетъ издаваться по прежней программѣ: стихотворенія, повѣсти, рассказы, біографіи знаменитыхъ людей, статьи по исторіи, естественнымъ наукамъ и технологіи. Статьи каждаго № будутъ, по возможности, пополнять и пояснять другъ друга. Числа будутъ выходить по воскресеньямъ отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома по 25 номеровъ въ каждомъ, что въ общемъ составитъ болѣе 100 печатныхъ листовъ съ 150 рисунками. Въ журналъ примутъ участіе: С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ (проф.), Е. И. Бороздина, Е. М. Бемъ, Воскресенская, Н. О. Горбунцовъ, Григорова, Е. Н. Геслингъ, С. Д. Дрожжинъ, Е. Ф. Добрынина, гр. П. Капнистъ, гр. Ина Капнистъ, Н. Н. Караищъ, Н. Н. Куршинниковъ, Н. Капустина, Н. С. Лѣсковъ, С. И. Лаврентьева, Н. Е. Львова, В. Л. Львовъ, С. И. Мпропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А. И. Плещеевъ, Н. Попова, Н. Северинъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. П. Садовниковъ, А. Г. Сахарова, гр. Е. Сальясъ, Н. В. Сорокинъ, проф., гр. Толстая, А. Н. Тонивѣрова, Е. Ф. Юнге и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1883 ГОДЪ:

На годъ съ доставкою и пересыл. . . 6 р.	} На полгода съ дост. и пер. . . 3 р. 50 к.
» » безъ доставки и перес. . . 5 р.	

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи журнала „Игрушечка“, Малая Подъячская, д. № 4, кв. № 16, а для городскихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго. Уголь Троицкаго и Графскаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост. и пер.—За 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ Т. П. Пассежъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ДОНЪ“

НА 1883 ГОДЪ.

Пятнадцатый годъ изданія.

Выходитъ три раза въ недѣлю: вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ,—за исключеніемъ большихъ праздничныхъ дней.

ВЪ СОСТАВЪ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ РУБРИКИ:

I. Воронежъ:—руководящія статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ.

II. Мѣстная хроника, слухи и замѣтки:—сюда входятъ мѣстные административныя распоряженія, переимѣны по службѣ, пропущенія, корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ Воронежской губерніи и проч.

III. Изъ текущей жизни:—извлеченія изъ разныхъ газетъ выдающихся явленій общественной жизни, мнѣнія и отзывы столѣчныхъ и провинціальныхъ органовъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ.

IV. Политическія извѣстія.

V. Фельетонъ:—литературная хроника, театральная хроника, стихотворенія, рассказы, очерки и т. п.

VI. Смѣсь:—факты изъ сферы изслѣдованія наукъ, открытій, изобрѣтеній и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полг.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ Воронежъ.	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — »	— 75 к.
Съ пересылкою въ другіе города.	7 р.	4 р. — »	2 р. 50 к.	1 р. — »

Открыта подписка на 1883 годъ на газету

РУССКІЙ ЕВРЕЙ.

(5й годъ изданія).

Вступленіе «Русскаго Еврея» въ пятый годъ своего существованія избавляетъ насъ отъ необходимости распространяться о характерѣ и направленіи нашего органа. Какъ до сихъ поръ, наше изданіе будетъ всецѣло посвящено служенію интересамъ нашего народа, въ реальномъ и широкомъ ихъ смыслѣ. Какъ и до сихъ поръ, нашимъ девизомъ, нашей основной задачей неизмѣнно будетъ: поднятіе нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго уровня нашей массы. Печальныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ съ достаточной ясностью указали намъ, что заслуживаетъ болѣе заботливаго вниманія съ нашей стороны, на чемъ должны быть сосредоточены всѣ наши силы, вся наша энергія. Главнымъ образомъ, наша дѣятельность будетъ посвящена тремъ кардинальнымъ задачамъ: распространенію въ средѣ нашей массы общаго просвѣщенія, производительнаго труда и знанія іуданзма и его литературы.

Въ 1883 году «Русскій Еврей» будетъ издаваться по той же программѣ, при участіи тѣхъ же сотрудниковъ. Кромѣ того, намъ обѣщано участіе нѣкоторыхъ новыхъ лицъ, пользующихся почетной извѣстностью въ области нашей публицистики. Въ виду же большаго значенія, которое имѣетъ для насъ знаніе іуданзма и его исторіи, мы особенное вниманіе посвятимъ учено-литературному отдѣлу. Въ отдѣлѣ беллетристики въ 1883 году будетъ печататься одно крупное и весьма талантливое произведеніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ достав. въ Петерб.:	Съ пер. во всеъ гор. Импер.:	За границею:
На 12 м. 6 р. — к.	На 12 м. 7 р. — к.	На 12 м. 12 р.
> 9 > 4 > 50 >	> 9 > 5 > 50 >	> 9 > 10 >
> 6 > 3 > 50 >	> 6 > 4 > — >	> 6 > 7 >
> 3 > 2 > — >	> 3 > 2 > 25 >	> 3 > 4 >

Допускается разсрочка подписн. денегъ: при подпискѣ 3 руб., черезъ 3 мѣсяца послѣ подписки 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки остальные 2 р.

Духовныя лица и студенты высшихъ учебныхъ заведеній, выпи-
сывающіе газету непосредственно черезъ главную контору, поль-
зуются уступкою въ 20⁰/о. Отдѣльные нумера по 20 к. За объяв-
ленія по 8 коп. за строку пегита.

Редакція и главная контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Измайлов-
скій проспектъ, д. № 7.

Редакторъ-издатель Л. Берманъ.

Издатель Г. Рабиновичъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГАЗЕТУ

СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1883 годъ.

На годъ безъ дост.		Съ дост. въ Смол.	Съ перес. мног.
На годъ	4 р. 50 к.	5 р. 50 к.	6 р. — к.
» 11 м.	4 » 20 »	5 » 20 »	5 » 60 »
» 10 »	3 » 90 »	4 » 80 »	5 » 30 »
» 9 »	3 » 60 »	4 » 40 »	5 » — »
» 8 »	3 » 30 »	4 » — »	4 » 50 »
» 7 »	2 » 90 »	3 » 50 »	4 » — »
» 6 »	2 » 50 »	3 » — »	3 » 50 »
» 3 »	1 » 40 »	1 » 80 »	2 » — »
» 2 »	1 » — »	1 » 30 »	1 » 50 »
» 1 »	— » 50 »	— » 65 »	— » 75 »

ОТЪРЫТА ПОДПИСКА.

ГАЗЕТА КАСПІЙ

Въ 1883 году (третій годъ изд.) будетъ по прежнему выходить
три раза въ недѣлю—по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ.

Лица, интересующіяся нефтянымъ дѣломъ, найдутъ, между про-
чимъ, въ газетѣ точныя цифры вывоза нефти и ея продуктовъ

моремъ и по желѣзной дорогѣ, а также свѣдѣнія о цѣнахъ на бакинскомъ нефтяномъ рынкѣ.

Подписная цѣна для иногородныхъ: На годъ—7 руб., на полгода—4 руб., на три мѣс.—2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяць—1 руб. 50 коп.

Требованія адресуются въ г. Бакуну, въ редакцію газеты «Каспій».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УЧЕНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

ВЪКЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1883 г. по программѣ прошедшаго года, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ въ мѣсяць, 12 книгами въ годъ, большого формата, съ историческими и славянскими отдѣлами.

Для 1883 года въ редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: романы: «Судъ царевича Алексѣя»—И. Полежаева; «Каждому свое»—К. Градовскаго; «Искалѣчепный»—В. Никитина; «Незаконный»—И. Шарченко (автора Стапислава Пшесбицкаго); «На рубежѣ двухъ столѣтій»—Шардина (автора княжна Владимірскаго); «Дворянинъ Старовѣръ»—М. Филиппова; «Нечаянное кумовство»—П. Салманова и много повѣстей, рассказовъ и статей. Кромѣ того, обѣщали помѣстить свои произведенія въ «Вѣкъ»: Г. Даннлевскій (авторъ Мировича), Д. Мотдовцевъ, академикъ Дубровскій профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, историографъ А. Петровъ и многіе другіе ученые и беллетристы.

Подписная цѣна на 1883 годъ: годовая—съ доставкой въ Петербургъ—15 руб. безъ доставки—14 руб., съ пересылкой въ другіе города—16 руб. Полугодовая—безъ доставки—7 руб., съ доставкой—7 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—8 руб.

Служащіе въ управленіяхъ — (духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ) казенныхъ, земскихъ, городскихъ, банковыхъ и желѣзнодорожныхъ, и выписывающіе журналъ чрезъ сво-

ихъ казначесвъ,—могутъ вносить по 2 р. сер. въ мѣсяць—
впредь до погашенія подписной суммы, причемъ каждый
седьмой экземпляръ высылается бесплатно:

Редакція и главная контора журнала въ С.-Петербургѣ, у Обу-
ховскаго моста, д. № 93, кв. № 16.

Въ журналѣ участвовали 70 сотрудниковъ, которые будутъ
участвовать въ немъ и въ будущемъ году, и помѣщены въ 1882
году: 10 романовъ, 4 повѣсти, 4 драматическихъ произведенія,
16 ученыхъ изслѣдованій, множество мелкихъ статей (стиховъ,
поэмъ, думъ и сатиръ).

При журналѣ были приложены 1882 г, портреты: митрополи-
товъ—Михаила Сербскаго и Макарія Московскаго, Великой кня-
гини Наталіи Алексѣевны, Герцеговацкаго героя Стояна Коваче-
вичича, профессора Н. Я. Аристова и хромофотографированная
карта южныхъ славянъ.

Издатель-редакторъ М. Филипповъ.

О ПОДПИСЕВЪ ВЪ 1883 Г. НА ЖУРНАЛЪ

Ш годъ

ОСКОЛКИ

годъ Ш

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“.
вступая въ третій годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1883 г. по
той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1882 г.

Журналъ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ
и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ
рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы
текста убогой печати. Кроме того, журналъ, время отъ времени, помѣ-
щаетъ у себя ноты музыкальныхъ пьесъ какъ для пѣнія, такъ и для игры
на фортепіано, а также загадки, шарадъ, задачи и ребусы.

Литературный отдѣлъ состоитъ изъ юмористическихъ обзорѣвъ петер-
бургской, московской и провинціальной жизни, мелкихъ юмористическихъ
разсказовъ, сенокъ, стихотвореній, анекдотовъ и пр.

Годовое изданіе журнала составитъ 52 номера.

Цѣна за журналъ въ 1883 году.

На годъ безъ пересылки и доставки . . . 6 руб.
» » съ пересылкой и доставкой . . . 7 »
» 6 мѣсяд. съ пересылкой и доставкой . . . 4 »

Отдѣльный номеръ 20 коп.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка по третямъ за поручи-
тельствомъ гг. казначесвъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Осколки», въ
С.-Петербургѣ. на Невскѣмъ проспектѣ, домъ № 122.

Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голубъ.

XXII годъ. Открыта подписка на 1883 годъ. XXII годъ.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Съ роскошными преміями, приложениями и раскрашенными картинами.

Выходитъ въ 1883 г. ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ, всего въ годъ:

- 24 номера модныхъ, выходящихъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и заключающихъ рисунки самыхъ новыхъ парижскихъ модъ дамскихъ и дѣтскихъ, рукодѣлій, работъ и проч., съ описаніями.
- 24 номера литературныхъ, выходящихъ 8 и 22 числа каждаго мѣсяца и составляющихъ отдѣльный литературно-художественный журналъ съ прекрасными гравюрами для семейнаго чтенія.
- 24 номера отдѣльныхъ приложений, выходящихъ при литературныхъ номерахъ и заключающихъ роскошнѣйшіе рисунки послѣднихъ парижскихъ модъ.

Кромѣ разсылаемыхъ въ теченіи года бесплатныхъ приложений, какъ-то: раскрашенныхъ рисунковъ канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ работъ, рисунковъ въ русскомъ стилѣ, патроновъ, выкроекъ, нотъ и пр., годовые подписчики всѣхъ трехъ изданій получаютъ тотчасъ при подпискѣ прекрасную ПРЕМІЮ, роскошную олеографическую картину: «ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ НОВОВРАЧНЫХЪ». (Улучшенное изданіе извѣстной картины «Наконецъ одинъ!»)

Гг. иногороднымъ подписчикамъ эта премія высылается съ № 1 «Моднаго Магазина».

Цѣна годовому изданію «Моднаго Магазина» на 1883 годъ:

- I изданію съ 12-ю раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложениями и преміями: безъ доставки въ Спб. 5 р. съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 7 р.
- II изданію съ 24-мя раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложениями: безъ доставки въ Спб. 6 р.; съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 8 р.
- III изданію съ 36-ю раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложениями и преміями: безъ доставки въ Спб. 8 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка съ ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ.

Пробные номера: № 1 (модный), № 2 (литературный) выйдутъ въ декабрѣ 1882 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ редакціи «Моднаго Магазина», по Николаевской ул., д. № 48.

Выходитъ въ 1883 году подъ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ: Модный и литературно-художественный журналъ для чтенія. Роскошные преміи, приложения, раскрашенные картины и проч. Богатый выборъ рукодѣлій и работъ.

Издатель «Моднаго Магазина» и «Иллюстрированнаго Міра» В. П. Турба-
«тстонъ», № 12, отд. II.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1883 году.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫИ.

Ежемесячный журналъ «ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ журналѣ помѣщаются статьи по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву и по земскимъ вопросамъ, также библіографія и разныя замѣтки.

Журналъ издается подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго.

Цена **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою и доставкою, безъ доставки **СЕМЬ** рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ редакціи «Юридическаго Вѣстника» въ Скатертномъ пер. домъ Муромцевой; въ книжныхъ магазинахъ: П. Н. Анисимова, на Никольской улицѣ и Лапга, на Кузнецкомъ мосту.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ П. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Экземпляры журнала за 1880, 1881 и 1882 года высылаются по 8 руб.; отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за три года: 1880, 1881 и 1882 благоволятъ присылать только 18 рублей.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб., за 1878 годъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1879 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

«Московскій Телеграфъ» — первая газета въ Россіи, редакция которой имѣетъ собственный телеграфный проводъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ РОССІИ.

На годъ	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
11 мѣсяцевъ	16 р. — к.	17 р. — к.
10 "	15 " — "	16 " 50 "
9 "	14 " 50 "	16 " — "
8 "	13 " 50 "	15 " — "
7 "	12 " 50 "	14 " — "
6 "	11 " — "	13 " — "
5 "	9 " 50 "	11 " — "
4 "	8 " 50 "	10 " — "
3 "	7 " 25 "	8 " — "
2 "	5 " 50 "	7 " — "
1 "	4 " — "	5 " — "
	2 " — "	2 " 50 "

ЗА ГРАНИЦУ, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

На годъ	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ.	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ.
6 мѣсяцевъ	26 р. 20 к.	47 р.
3 "	14 " — "	28 " "
1 "	8 " — "	15 " "
	3 " 50 "	6 " "

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ: для служащихъ—на всѣ сроки чрезъ казначеевъ; для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

НА ГОДЪ:	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
При подпискѣ	5 р.	6 р.
1 марта	3 " "	5 " "
1 мая	3 " "	4 " "
1 июля	5 " "	4 " "

Подписка съ разсрочкой принимается исключительно въ конторѣ редакціи.

Иногородные обращаются съ своими требованіями: въ Москву, въ контору редакціи „Московскаго Телеграфа“. Въ Петербургѣ подписка и объявленія принимаются въ отдѣленіи редакціи—Пушкинская, № 10.

Годъ

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883-мъ ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

XX.

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія — для гимназій, уездныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоитъ при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярїи Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ. Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ издаііе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія дѣтсти и рассказы какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи; 4) Путешествія; 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей; 6) Статьи по естественнымъ наукамъ; 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій; 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтъ бы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украсенныхъ картинами, распадется на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ, а вторая — для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочли бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для Семейнаго чтенія, какъ и въ 1882 году, будутъ размѣстяться приложенія рисунковъ новѣйшихъ руководствъ, а къ отдѣлу для дѣтей — рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія, а также награды подписчикамъ, приславшимъ определенное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, пять подписчиковъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ разослана, въ видѣ преміи, географія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. — к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 »	5 » 50 »
« семейнаго чтенія и юношества (12 кн.)	5 »	5 » 50 »

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не мѣнѣ, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала «Сомѣнные Вечера», С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кв. № 9.

Редакторъ-Издательница С. КАШПИРЕВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ

изданіе Е. ЛЕВЕДЕВОЙ (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ превращеніемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ, произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже

популярностью за границей, редакция будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. П. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцова, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ („Императрица Елисавета“ и „Великая Книгиня“) приводятъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ въ премію талантливое произведеніе извѣстнаго Эмиліа Габоріо „Знаменитыя Женщины“, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСАЯЦЯ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	9 р.
» 6 »	4 » 25 »	4 » 50 »	5 »

Допускается разсрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 р.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ», Спб. Басейная, № 38, и въ Москвѣ книжная торговля Н. Карбасникова, Моховая, противъ университета, д. Кохъ.

Для гг. казначеевъ и книгопродавцевъ уступка на 50 коп. съ каждаго экземпляра.

Одннадцатый 1883 годъ.

Открыта подписка на газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1883 году.

Выходитъ ежедневно подъ той же редакціей и по прежней программѣ, въ составъ которой входятъ все обычные газетные отдѣлы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой въ Орелъ или пересылкой въ другіе города 7 руб.
> полгода 4 руб.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, въ редакціи газеты «Орловскій Вѣстникъ», Зиповская, собствен. домъ.

Редакторъ-издатель А. Чудиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОВОКЪ

на 1883 годъ.

(21-й годъ).

(Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней).

Съ доставкою въ Саратовъ:

На годъ 7 р. — к.
> полгода 4 » — »
> три мѣсяца 2 » 50 »
> мѣсяць 1 » — »

Съ пересылкою по почтѣ:

На годъ 8 р. — к.
> полгода 4 » 50 »
> три мѣсяца 3 » — »
> мѣсяць 1 » 20 »

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Саратовѣ, Нѣмецкая ул., д. Раутенфельда; въ Москвѣ, на Мирской, д. Леонова, у П. А. Мейера.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

подъ редакціею Леонида Полонскаго.

Открыта подписка на 1883 годъ. Иногородные присылаютъ деньги въ редакцію «СТРАНЫ»: Петербургъ, Пески, 1 ул. № 8. Городская подписка принимается въ конторахъ: при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова, Невскій 46, а въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая. д. Коха. Книгопродавцы получаютъ обычную уступку.

ПОДПИСКА: на годъ съ пересылкой и доставкой, 8 р.; на полгода—5 р.; на три мѣсяца—2 р. 50 к.; на два—1 р. 75 к.; на одинъ 1 р.

«СТРАНА» будетъ издаваться по прежней программѣ, включая политическія статьи по внутреннимъ и вѣшнимъ дѣламъ, статьи экономическія, литературныя, юридическія, по части искусствъ, извѣстія, постоянныя корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и изъ Парижа, и фельетонъ общественной жизни съ театральнымъ обзорѣніемъ.

Въ каждомъ номерѣ, по возможности, будетъ помѣщаться фельетонъ или другая статья для легкаго чтенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ,

выходящую въ количествѣ 360 №№ въ годъ.

Программа газеты слѣдующая:

1) Мѣсяцесловъ. 2) Телеграммы. 3) Придворныя новости. 4) Дѣйствія правительства. 5) Назначенія и награды. 6) Обзорніе дня. 7) Дневникъ происшествій. Новости, слухи, отчеты о засѣданіяхъ думскихъ и различныхъ ученыхъ обществъ; сообщенія въ предѣлахъ императорской столицы и городскія телеграммы. 8) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обзорній. 9) Самоостоятельныя сообщенія изъ другихъ городовъ имперіи, выбоки изъ другихъ газетъ. 10) Иностранный отдѣлъ. 11) Корреспонденціи. 12) Курьезы, анекдоты, афоризмы, промахи нашей прессы, остроги, шутки загадки и шарады. 13) Биржевой отдѣлъ, на который редакціей будетъ обращено усиленное вниманіе относительно цѣнъ на всѣ товары и кромя того на цѣны серебра и золота въ слиткахъ и надѣляхъ. 14) Справочный отдѣлъ: адреса, время отхода поѣздовъ, назначенные театральные и другіе спектакли и время засѣданій ученыхъ обществъ. 15) Фельетоны: общественный, литературный, музыкальный и театальный. 16) Литературный отдѣлъ: стихи, очерки, сцены, рассказы, повѣсти и романы, оригинальные и переводные. 17) Спортъ: скачки, бѣга, охота и т. в. 18) Рекламы и объявленія.

Въ нашемъ изданіи заявили желаніе принять участіе слѣдующіе со-трудники: П. Н. Богатыревъ, П. А. Вашковъ, Е. А. Вервертъ, А. М. Герсонъ, Л. Г. Граве, Ф. С. Гурія, Л. Н. Гуляевъ, В. А. Гиларовскій, А. М. Дмитриевъ, П. П. Захарыинъ, А. О. Ивановъ-Классикъ, Ф. К. Ивановъ, П. Н. Измайловъ, А. В. Кругловъ, М. А. Козыревъ, Н. А. Лейкинъ, П. П. Мясницкій, А. М. Пазухинъ, Л. П. Пальминъ, А. А. Плещеевъ (Свадлоубъ), Ф. Ф. Попудогло, М. П. Рудниковскій (псевдонимъ), Н. С. Стружковъ, «Старый знакомый» (псевдонимъ), Д. Тогольскій, А. Т. Трофимовъ, Н. П. Тимофеевъ, Н. Успенскій, Н. А. Чырель, А. Е. Шитовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

Съ доставкою въ Москвѣ:

На 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.	Мѣс.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
1 —	1 90	2 80	3 70	4 60	5 40	6 —	6 60	7 20	7 80	8 40	9 —

Съ пересылкою въ города.

1 —	2 —	3 —	3 90	4 80	5 70	6 —	7 30	8 —	8 70	9 40	10 —
-----	-----	-----	------	------	------	-----	------	-----	------	------	------

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи, Воздвиженка, Ваганьковскій переулокъ, д. Алексѣева; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева, на Страстномъ бульварѣ, д. П. Прѣсна, на Никольской улицѣ; «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Трегьяковыхъ; въ магазинѣ О. Ф. Андроника, у Большаго театра, домъ Хомякова; въ гастрономическомъ магазинѣ Генералова, на Лубянкѣ; въ конторахъ объявленій Печковской, Петровскій линіи; у Мейера, Моросейка, домъ Леопона; въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Пискова и «Новаго Времени». Контора редакціи отвѣтствуетъ только въ принятіи подписки въ упомянутыхъ мѣстахъ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ

Выходить въ 1883 году, безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшениями.—Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по Русской исторіи, изъ которыхъ составитя особый альбомъ.

Въ „Газетѣ“ будетъ печататься новая повѣсть *Н. С. Лискова*: „Соколий Перелетъ“.

ПРЕМИИ: „Крестный календарь“ 1884 года на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки 4 р., съ пересылкой 5 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 3 р.; на 1 мѣсяць 75 к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

вора, и тутъ оказалось, что воръ вовсе не воръ, а зажиточный извозчикъ, по имени Бернакки.

Узнавъ объ этомъ, Фальки на первыхъ порахъ страшно струсила при мысли, что Бернакки въ своихъ показаніяхъ можетъ запутать ее. Но на счастье ея, Бернакки, вслѣдствіе ли душевнаго потрясенія, или вслѣдствіе рапы и операциі, подѣйствовавшей на мозгъ, оказался на допросѣ въ такомъ состояніи умственнаго расстройства, что эксперты-врачи рѣшили отправить его въ больницу на излеченіе.

Неудачное покушеніе на маркиза Висконти возбудило всюду живые толки. О немъ говорили и въ домѣ Фальки.

— Вотъ въ чемъ я согласенъ съ Наполеономъ, говорилъ графъ Аквила, это въ его вѣрѣ въ судьбу. Вотъ хоть бы въ этой исторіи съ маркизомъ. Судьба неожиданно сдѣлала для меня все, чтобы помочь мнѣ и открыть единственный путь, который я считалъ практичнымъ — и неудачно. Стало быть, надо избрать другой путь. Я совѣмъ выхожу изъ національной гвардіи. Мой принципъ — или все, или ничего, или держать гвардію въ своихъ рукахъ, или выйти изъ нея, потому что не хочу исполнять чужіе приказы или допустить, чтобы кто нибудь могъ помѣшать мнѣ выполнить то, что задумаю.

Онъ исполнилъ это намѣреніе и уѣхалъ на виллу обдумывать новый планъ.

ХІІІ.

Наступали рѣшительные дни. Была половина апрѣля. Графъ Аквила выписалъ въ Миланъ нѣсколько контрабандистовъ, людей смѣлыхъ и ожесточенныхъ, потому что министръ Припа такъ усилилъ таможенную бдительность на швейцарской границѣ, что имъ приходилось умирать съ голоду. Гамборана съ своей стороны собралъ въ Миланѣ толпу лодочниковъ съ Тичино, раззоренныхъ новыми налогами. Пороховой складъ былъ готовъ въ Миланѣ, и ждали только послѣдняго извѣстія изъ Парижа, которое должно было ударить въ него, какъ молнія. Еще одиннадцатаго числа дѣло Наполеона было кончено, но достовѣрное извѣстіе объ этомъ пришло въ Миланъ 12-го.

ланъ только вечеромъ шестнадцатаго апрѣля. Герцогъ Мельци немедленно разослалъ сенаторамъ приглашеніе собраться на другое утро, чтобы обсудить его проектъ послать депутацію къ союзнымъ державамъ просить прекращенія военныхъ дѣйствій, признанія независимости королевства и Евгенія Богарне въ короли. Прина и Парадизи были назначены имъ въ депутаты. Графъ Гилярди громче всѣхъ воспротивился проекту, а графъ Карлъ Верри прямо заявилъ въ сенатѣ, что нація не желаетъ принца, долговременное управление котораго возбуждало противъ него общее неудовольствіе. Хотя президентъ сената Венери увѣщевалъ сенаторовъ, чтобы все совѣщаніе было сохранено въ тайнѣ, но какъ то случилось, что въ тотъ же день вечеромъ всѣ пренія сената были предметомъ толковъ, споровъ и комментаріевъ и въ театрахъ, и въ кафе, и въ трактирахъ, и на улицѣ. Изъ этихъ разговоровъ можно было заключить, что Верри правъ и что ненависть къ Богарне преобладаетъ въ Миланскомъ населеніи.

Въ этихъ толкахъ прошло еще два дня. Наступило двадцатое число. День былъ пасмурный. Сенатъ долженъ былъ собраться около часу пополудни. Огромная толпа стояла передъ его дворцомъ. Тутъ были представители всѣхъ классовъ общества, щеголеватые господа, молодые франты, офицеры національной гвардіи въ мундирахъ, суконники и бархатныя куртки простолюдиа и злобщія физиономіи контрабандистовъ графа Аквилы и лодочниковъ Гамбароны.

Кружокъ прилично одѣтыхъ господъ разговаривалъ въ толпѣ.

— Быть шуму.

— Да, кажется сенаторамъ придется заплатить.

— Кажется. Мундиры помнутъ.

— Но удивительно, что власти ни о чемъ не помышляютъ.

— Миѣ кажется, напротивъ.

— Какъ?

— Да, ты говоришь о военныхъ властяхъ. Ну, миѣ кажется, что онѣ именно помышляютъ. Отчего сегодня утромъ всѣ жапдарми вышли за Восточныя Ворота? Отчего въ Миланѣ только полбатальона рекрутъ? Отчего не привезли изъ Кремоны двухъ гренадерскихъ полковъ и двухъ эскадроновъ бавалеріи, которые тамъ стоять, послѣ всего, что случилось со времени послѣдняго засѣданія сената.

— Вчера пріѣзжалъ генералъ Пино.

— Я знаю, но зачѣмъ?

— Можетъ быть, чтобы выслать изъ города жандармовъ.

— Очень можетъ быть, но почему?

— Ему допели, что все миланское населеніе враждебно Богарне и что готовится шумная демонстрація противъ сената; вотъ онъ и разсудилъ, что лучше предоставить ей полную свободу.

— Почему знать, какіе у него замыслы.

— Неужели же онъ могъ придать серьезное значеніе проекту нѣсколькихъ дураковъ?

— Я не прочь думать это; правда, онъ добрый и простой человѣкъ, но такъ ненавидитъ вице-короля, что можетъ поддаться искушенію сказать ему:—А что взялъ? Я то король, а ты бѣглый!

— Однако, все это приведетъ къ окончательной гибели.

— Подожди каркать; узнаемъ результатъ депутаціи.

— Какой результатъ? Если сегодня сенатъ вылетитъ въ трубу, завтра нѣмцы будутъ здѣсь. Тотъ далматецъ, съ которымъ мы были вчера въ кафе, его зовутъ кажется, Радопичъ, и который очевидно эмиссаръ, притомъ хитрый и опытный, говорилъ, что между Австріей и союзными державами заключена тайная конвенція, по которой она удержитъ за собой при мирѣ только ту часть Италіи, какою овладѣетъ во время войны.

— Мнѣ кажется, это для насъ выгодно.

— Да, было бы выгодно, еслибы сенатъ могъ провозгласити Богарне королемъ итальянскимъ. Далматецъ этотъ говоритъ объ этомъ тайномъ трактатѣ, чтобы успокоить насъ насчетъ Австріи. Но слова эмиссара надо понимать навыворотъ. Изъ нихъ можно вывести, что австрійцамъ необходимо, во чтобы то ни стало, войти въ Миланъ до заключенія мира. Ясно?

— Да; но если Богарне такъ всемъ сдѣлался ненавистенъ, какая же выгода дѣлать его королемъ?

— Ну, хорошо, не дѣлайте; но въ такомъ случаѣ и не толкуйте о независимости. Чтобы обойтись безъ Богарне, намъ нужно имѣть въ запасъ цѣлый выборъ итальянскихъ кандидатовъ на престолъ, такъ чтобы союзнымъ державамъ оставалось только выбирать. Но гдѣ они? Нельзя же серьезно говорить о генералѣ Пино. Возможенъ только Богарне, потому что у него есть армія, онъ родственникъ королямъ и любимъ русскимъ императоромъ. Говорятъ: Мирать

былъ почтаремъ, Бернадоттъ—адвокатомъ, почему и Цино не быть королемъ? Но тѣхъ вѣчала рука всеспльнаго завоевателя, а не мятежный народъ, который даже самъ не знаетъ, чего хочетъ.

Въ эту минуту у подъѣзда дворца раздались пронзительные свистки. Поднялась давка. Подъѣзжали кареты сенаторовъ, и народъ толпился около нихъ. Какой то человекъ, по однимъ—слуга графа Аквилы, а по другимъ—графа Кастильони, влѣзалъ на подножку каждой подъѣзжавшей кареты, заглядывалъ внутрь и громко провозглашалъ имена сенаторовъ, сидѣвшихъ, по два и по три. «Президентъ Венери!» кричалъ онъ громовымъ голосомъ, и пронзительные свистки привѣтствовали это имя. «Графъ Армароли, Кондультеръ, Брути!» Новые свистки, раздирающіе души. «Графъ Кавриани!» тоже. «Астрономъ Ориани!» восторженныя рукоплесканія, привѣтствующія научную славу. «Графъ Карлъ Верри!» неосписанный энтузіазмъ, крики, просьбы «постоять за отечество и не давать спуску капальямъ сенаторамъ». Въ толпѣ протискивался каменьщикъ, по имени Антонио Гранцини, часто посѣщавшій послѣднее время домъ Фальки, и спрашивалъ всѣхъ, пріѣхалъ ли министръ Прина. Но ни Прина, ни Парадизи, неудачно предложенные герцогомъ Лоди въ депутаты, не заблагоразсудили явиться. Это, повидимому, было непонутру этому человеку, который вернулся съ этимъ извѣстіемъ къ небольшой группѣ своихъ товарищей, все, повидимому, каменьщиковъ. Вдругъ на площадь выступилъ отрядъ національной гвардіи, проложилъ себѣ дорогу въ толпѣ и, подойдя къ крыльцу, объявилъ, что присланъ охранять сенатъ на смѣну линейныхъ войскъ, большею частью рекрутъ, которые поэтому должны удалиться.

Начальникъ этихъ войскъ, капитанъ Марини, пошелъ рапортовать объ этомъ президенту Венери, который тотчасъ изъяснилъ согласіе, чтобъ національная гвардія охраняла сенатъ. Въ это же время къ нему явился графъ Дурини, миланскій подеста, и подаль адресъ съ 140 подписями, въ которомъ говорилось, что въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ необходимы чрезвычайныя мѣры и потому податели просятъ, чтобы немедленно были созваны избирательныя коллегии, какъ единственно законное представительство нации. Это извѣстіе пробѣжало въ толпѣ, и говорили, что Цино подписался первымъ. Между тѣмъ національная гвардія грубо отѣснила солдатъ и повыхватывала ружья у часовыхъ, стоявшихъ

у дверей залы собранія. Толпа гудѣла и все ближе придвигалась къ крыльцу. Въ ней раздавался громовый голосъ графа Аквилы: «Мы желаемъ созванія избирателей; мы хотимъ, чтобы депутація сената была немедленно отозвана!» Тутъ у него начался горячій споръ съ капитаномъ Марини, который говорилъ, что засѣданіе открыто и что ему, вмѣсто того чтобы возбуждать крики въ толпѣ, лучше идти заявлять свои желанія сенаторамъ; но графъ продолжалъ свои воззванія; и народъ яростно хлынулъ за нимъ въ сенатъ, чтобы положить конецъ его засѣданію.

Услышавъ шумъ въ сѣняхъ, графъ Верри выскочилъ выйти уговаривать народъ; съ нимъ вышли сенаторы Массарри и Феличи; при появленіи его раздались рукоплесканія, но говорить онъ не могъ, потому что шумъ заглушалъ его голосъ. Онъ вернулся, но при новыхъ угрожающихъ крикахъ снова вышелъ одинъ. Тутъ онъ услышалъ графа Аквилу, блѣднаго и дрожащаго, который не своимъ голосомъ призывалъ народъ «спасти отечество отъ замысловъ негодяевъ въ токахъ, желающихъ повергнуть его въ пропасть, предавши недостойнѣйшему злодѣю». Толпа ринулась впередъ. Сенаторы трепетали. Вмѣстѣ съ Верри въ залу вошло нѣсколько офицеровъ національной гвардіи. «Чего же вы хотите?» закричали имъ нѣсколько сенаторовъ.— Отозванія депутаціи; созванія избирателей, былъ отвѣтъ.

Президентъ Венери не былъ изъ числа тѣхъ римскихъ сенаторовъ, которые принимали галловъ. Онъ дрожалъ, какъ листъ, и думалъ только, какъ бы удрать. Онъ тотчасъ, не посоветовавшись съ товарищами, провозгласилъ: «Сенатъ отзываетъ депутацію и созываетъ избирателей» и, написавъ это, далъ бумагу капитану Босси Боше вышелъ и вернулся объявить, что народъ желаетъ, чтобы сенатъ разошелся. Президентъ, который только этого и желалъ, мигомъ черкнулъ: Сенатъ отзываетъ депутацію, созываетъ избирателей и расходится». Тутъ же были списаны 30 копій этого постановленія и розданы народу.

Сенаторы стали выходить задними дверями. Верри взялъ съ собой нѣсколькихъ, самыхъ непопулярныхъ. Впрочемъ они ничего не потерпѣли, кромѣ раздражительныхъ свистковъ. Графъ Аквила, ворвавшись въ залу сената во главѣ толпы, бросился прямо къ гипсовому бюсту вице-короля и ударомъ сабли свалилъ его, раздавилъ еще каблукомъ отлетѣвшую голову и, тяжело переводя духъ,

проборжоталь: «вотъ тебѣ поцѣлуй». Другіе между тѣмъ протыкали зонти портреть Наполеона. Графъ перый сорвалъ съ него золотыя кисти и вышвырнулъ за окно; вслѣдъ затѣмъ полетѣли туда стулья, кресла, зеркала, часы, даже стекла и двери.

XIV.

Пока это происходило въ зданіи сената, толпа, стоявшая внизу, давила и топтала вылетавшія въ окно вещи. Каменьщики подъ предводительствомъ Грандини выступили впередъ.

— А намъ что дѣлать? крикнулъ одинъ изъ нихъ.

— Пойдемте съ визитомъ къ Принцѣ, отвѣчалъ другой.

Этотъ крикъ былъ подхваченъ: къ Принцѣ! къ Принцѣ! раздались нѣсколько голосовъ. Это была точно военная команда. Толпа двинулась, предводимая Грандини. Въ ней было и нѣсколько прилично одѣтыхъ людей: «министръ уѣхалъ изъ Милана!» закричалъ кто то, надо полагать кучеръ Принца, который услышалъ грозные крики и первый прибѣжалъ домой предупредить швейцара; двери и ворота были тотчасъ заперты. Привалившая толпа была озадачена этимъ; но у каменьщиковъ вдругъ оказались ломы и молоты, которыми они, какъ по командѣ, стали разрушать дверь, крича: отворите. Къ нимъ присоединился старикъ, по имени Фонтана, въ рубашкѣ, съ непокрытой головой, съ лицомъ, исковерканнымъ яростью, съ желѣзной полосой въ одной рукѣ, съ щипцами, гвоздями и веревками въ другой, кричавшій: «Когда убьемъ его, пригвоздимъ къ этой двери! Впередъ! Круши ворота!»

Слуги, блѣдные и дрожащіе, ворвались въ кабинетъ министра, который сидѣлъ съ своимъ родственникомъ: «Спасайтесь, спрячьтесь, бѣгите!» кричали они. Родственникъ вскопился, говоря: «А вотъ, дождались! Проклятое упрямство! Говорилъ вамъ давно — уѣзжайте!» Была минута молчанія. Слышны были удары молотковъ въ дверь. Высокая, худая фигура министра склонялась надъ письменнымъ столомъ. Онъ старался собраться съ духомъ, но дрожалъ съ головы до ногъ. Въ это время стукъ въ двери вдругъ затихъ, и раздался стройный топотъ кавалерійскаго отряда. Лучъ надежды

проникъ въ душу несчастнаго. То были гвардейскіе драгуны, проѣзжавшіе по площади Скалы. При видѣ ихъ толпа смутилась. Но они спокойно проѣхали, какъ бы ничего не замѣчая. Тогда нападеніе возобновилось. Министръ, услыхавъ опять стукъ молотовъ, вскрикнулъ удумленнымъ голосомъ, какъ кричатъ эпилептики, когда начинается припадокъ. Онъ упалъ на колѣни, какъ въ обморокъ. Рождественникъ и слуги подхватили его, вынесли изъ кабинета и спесли въ верхній этажъ. Тутъ онъ очнулся. Но въ это время усиленный шумъ далъ знать, что толпа ворвалась въ домъ. Слуги убѣжали. Рождественникъ сказалъ ему: «спрячьтесь скорѣе въ каминъ», и вышелъ.

Народъ былъ убѣжденъ, что министра нѣтъ въ Миланѣ, и бросился разрушать его жилище; все ломалось, летѣло, пестрѣлось. Терраса въ нижнемъ этажѣ, выходившая въ садъ, была разнесена съ непостижимой быстротой; всѣ работали такъ усердно и правильно, какъ будто были напаяты за большія деньги разрушить этотъ домъ. Въ это время генералъ Инно нѣшкомъ прибѣжалъ унимать толпу и вошелъ въ домъ. Не смотря на его популярность, онъ былъ встрѣченъ свистками и ругательствами, и ушелъ, узнавъ, что Прина нѣтъ дома. Но едва онъ нѣсколько отошелъ, какъ услыхалъ крикъ: «Прина скрывается дома!» Гранцини отвѣчалъ на это словами: «Если такъ, то найдемъ. Ищите!» Фонтана съ сыномъ разрушали въ это время дѣверь передъ лѣстницей наверхъ. Они убѣжали въ верхній этажъ и увидѣли еще запертую дверь. Однимъ ударомъ вышибли они ее и вошли въ комнату. Въ ту же минуту подлѣ нихъ очутился какой-то человекъ, шепнувшій имъ: «Сто тысячъ, двѣсти тысячъ, миллионъ, если спасете его». Старикъ Фонтана бросился на него, но онъ увернулся, сбѣжалъ съ лѣстницы и скрылся. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали Фонтана, хвалясь, что отвергли миллионъ. Можетъ быть, это былъ рождественникъ министра.

Прина былъ найденъ. На крикъ: «Нашли! Нашли!» толпа хлынула въ корридоры и на лѣстницу, которые вели къ его убѣжищу. Его стащили внизъ. Генералъ Пейри, присланный генераломъ Инно, при извѣстїи, что министръ дома, чуть не былъ убитъ на улицѣ; его приняли за Припу, съ которымъ онъ имѣлъ сходство, и его выручилъ только самъ подоспѣвшій Инно. Ничто не могло предотвратить роковой развязки. Уже въ домѣ народная ярость

дала себѣ волю. На министра посыпались удары кулаковъ, палокъ, зонтиковъ, каблуковъ; его вытащили на дворъ, содрали съ него платье, вытащили на конюшню и показывали народу съ сѣновала. Ужасные крики приветствовали это зрѣлище, и затѣмъ его сбросили сверху въ разъяренную толпу. Тутъ нѣсколькимъ великодушнымъ людямъ удалось вырвать его изъ рукъ толпы и отнести въ домъ Глонделя. Но оба Фонтана и другіе бросились туда, угрожая разнести домъ. Они вломились, схватили министра и снова поволокли на улицу. Онъ требовалъ священника; ему отвѣчали на смѣхъ, что сведутъ его исповѣдаться и притащили къ одному виноторговцу. Этотъ добрый человекъ попытался спасти его, но старый Фонтана пригрозилъ сжечь его лавку, и Прина опять былъ вытащенъ. Здѣсь наконецъ ему проломили голову, вышибли глазъ, растоптали, и онъ умеръ. Тѣло его еще четыре часа таскали по улицамъ, и женщины падали въ обморокъ при встрѣчѣ съ этой процессіей.

Девять часовъ пробило на колокольнѣ пиацца Мерканти, а толпа все еще тѣшилась трупомъ своей жертвы. Наконецъ отрядъ національной гвардіи нашелъ нужнымъ прекратить эти сцены, скрепилъ ружья, разсѣялъ толпу и взялъ тѣло, которое было перенесено ночью въ церковь, а рано утромъ предано погребенію. Въ тотъ же вечеръ въ городѣ показалось нѣсколько бѣлыхъ мундировъ. И въ ту же ночь въ домъ синьоры Фальки явился какой то оборванецъ, приходившій къ ней и утромъ этого дня; они заперлись и имѣли длинный разговоръ; крупныя слова и кабачныя выраженія доходили по временамъ до тонкаго слуха заспаннаго Гверрини, и наконецъ, настало молчаніе, среди котораго ясно слышался звукъ отсчитываемыхъ монетъ. Это былъ заупокойный колоколъ по министрѣ Принѣ и по итальянскому королевству.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

Ночью 19 марта 1820 два театральныхъ служителя дѣлали приготовленіе подъ большимъ секретомъ къ концерту на площадкѣ св. Петра и Пина подъ балкономъ перваго этажа одного изъ домовъ. Вскорѣ туда были принесены ящики съ различными инструментами, а затѣмъ явились и музыканты, все звѣзды первой величины, знаменитости театра Скалы. Наконецъ, послѣдними пришли артисты, первый теноръ текущаго сезона, Клавдіо Вональди, знаменитый пѣвецъ, прославившій себя кулачными расправами съ журнальными критиками. Басъ Фіораванти и съ ними нѣсколько блестящихъ молодыхъ диллетантовъ. Всѣ они усѣлись по мѣстамъ, и серенада началась аріей изъ Авреліана въ Пальмирѣ Россини, неизбѣжнаго во всѣхъ концертахъ. Пустынная дотошъ площадка начала оживляться и наполняться. Всякій, кто по позднему времени брелъ домой въ постель, слышавъ звуки музыки, сворачивалъ, и шелъ на нихъ, убѣждаясь, что день еще не конченъ. Окна и двери балконовъ сосѣднихъ домовъ открывались, и въ нихъ появлялись мужскія и женскія фигуры. Нѣкоторые даже сѣли одѣться и выйти на улицу, потому что мартовская ночь была тиха и тепла; другіе не церемонились занять мѣста у окопъ въ ночныхъ болпакахъ и шапидоткахъ на головахъ. Вполночи прошѣлъ арію изъ Отелло; Фіораванти съ молодымъ диллетантомъ графомъ Эмилемъ Бельджіозо, впоследствии знаменитымъ княземъ, исполнили дуэтъ

Моисея. За каждой пьесой раздавались заслуженныя рукоплесканія. Въ промежуткахъ въ публикѣ шли оживленныя толки.

— Странно, говорилъ одинъ, синьорина то не показывается.

— Какая синьорина?

— Какъ какая? Та, которой даютъ серенаду. Неужели ты думаешь, что лучшіе пѣвцы и профессора Скали собрались сюда ночью изъ любви къ искусству? Вонъ тамъ въ первомъ этажѣ живетъ эта пѣвица, что въ послѣдніе три вечера пѣла роль Ромео въ Ромео и Джульетѣ Зингарелли.

— А! Джентили!

— Да, мадмуазель Стефанія Джентили, которая, если будетъ такъ продолжать, то затмитъ Пизарони и Кольбрандъ и Каталани. А вѣдь это ея первый дебютъ. Какой голосъ! Сколько чувства!

— И какъ хороша!

— Ужъ и не говори! Въ костюмѣ Ромео! Просто съ ума сойти.

— Это вѣрно влюбленный дастъ ей серенаду.

— Какой влюбленный? Въ нее влюблены всѣ, кто слышалъ ее. Повѣришь ли, я самъ видѣлъ, въ ту минуту какъ она въ отчаяніи падаетъ на гробъ Джульеты, прослезился самъ баронъ Гегаузенъ, директоръ полиціи. Чего тебѣ больше?

— Однако графъ Бельджіозо тутъ не даромъ.

— Нѣтъ. Вчера миѣ говорили въ театрѣ, что по ней съ ума сходитъ тотъ молодой человекъ, что стоитъ рядомъ съ графомъ. Вотъ онъ беретъ скрипку; вѣрно будетъ играть. Онъ хорошій музыкантъ, любимый ученикъ профессора Майно. И знаешь, кто онъ? Сынъ полковника Бароджи, котораго жена сопровождала въ походахъ. Слышалъ?

— Да, помню.

Въ это время юный Бароджи началъ свое соло на скрипкѣ. Это былъ дѣйствительно сынъ донны Паолины, родившійся въ Римѣ во время республики и потому носившій имя перваго ея основателя Юнія.

Онъ игралъ превосходно, такъ что заслужилъ одобреніе самого профессора Майно; но онъ еще не кончилъ, какъ вдругъ изъ сосѣдняго переулка выбѣжала на площадь кучка человекъ двѣнадцати молодежи съ палками въ рукахъ и, не говоря ни слова, бросилась бить музыкантовъ и ихъ инструменты. Теноръ Бонольди, высокій и здоровый, сынъ извозчика изъ Плаченцы и потому съ

дѣтства привыкшіи дѣйствовать кулаками, не струсилъ и сталъ храбро расправляться тростью, которую всегда носилъ на угрозу критикамъ. Его примѣръ одушевилъ всѣхъ. Бельджіозо работалъ складнымъ стуломъ, Бароджч пионстромъ. Больше всѣхъ досталось сенинѣ профессора Майно, который, не щадя ея, прикрывалъ своимъ тѣломъ свое сокровище, скрипку Страдивариуса. Драка продолжалась съ мнѣнту. Женщины визжали, дѣти плакали, многіе изъ толпы на площади убѣгали съ крикомъ. Вдругъ одинъ изъ нападающихъ крикнулъ: Стой!—такимъ твердымъ и повелительнымъ голосомъ, что всѣ остановились. Онъ глядѣлъ на Бароджи, а Бароджи на него.

— Ты какъ тутъ?

— Видишь, серенаду устроили. Вы съ чего же на насъ напали?

— Я никого тутъ не знаю, кромѣ этого тенора, который славно поетъ и дерется.

— Ну, такъ чтоже?

— Мы сидѣли въ трактирѣ; скука была смертная; уже три дня не удалось проломить ни одной головы, а въ Миланѣ ихъ сто тридцать тысячъ. Я и говорю, чтобы намъ сдѣлать шишѣшнюю ночь? Вѣдь срамъ для общества, грозитъ потеря репутаціи. А вотъ графъ Альберикъ Б***, нашъ декапъ, ему 37 лѣтъ, и говоритъ: Развѣ поколотить серенаду; дастся серенада на площади Петра и Лина. Ну, мы сейчасъ и пошли, даже въ трактирѣ не заплатили. Дѣло, стало быть, просто.

Потомъ говорившій обратился къ своимъ товарищамъ, стоявшимъ, опустивъ оружіе, какъ трояне и ахеяне, когда Гекторъ или Аяксъ давалъ сигналъ прекратить бой, и сказалъ:—Ну, господа, это не въ счетъ. Тутъ друзья, и всѣ эти господа защищались такъ храбро, что вполне заслужили наше уваженіе. Итакъ, долой оружіе и пойдете всѣ въ трактирѣ заключать миръ.

Предложеніе было принято, инструменты подобраны, толпа на площади стала расходиться, окна затворяются, колпаки и шляпки вернулись къ постели, и все затихло, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

Обѣ сражавшіяся партіи двинулись вмѣстѣ, но пройдя нѣсколько шаговъ, профессоръ Майно сказалъ:—Идти въ трактирѣ поздно, мнѣ завтра въ 9 часовъ надо быть на лекціи въ консерваторію. Поэтому предлагаю отложить празднованіе мира до другого раза.

— Ну, завтра въ четыре часа соберемся въ остеріи Пѣтушка, сказалъ Бельджіозо.

— Завтра послѣднее представленіе, замѣтилъ теноръ Бонольди:—Мнѣ придется много пѣть, я не могу.

— Ну, такъ послѣзавтра.

-- Послѣзавтра, сказалъ графъ Альберикъ Б***, и я ирошу всѣхъ ко мнѣ. Я предложилъ разогнать серенаду, стало быть, я долженъ и платить штрафъ. Такъ вѣдь?

— Такъ. Тутъ послѣдовало прощаніе. Послѣдними остались Бароджи съ пріятелемъ, которые вмѣстѣ вышли на Санъ Зено и остановились у воротъ очень стариннаго дома.

— Ты здѣсь живешь?

— Да, это домъ Джокондо Бруни, славнаго старика, который былъ мнѣ отцомъ, опекуномъ, другомъ и наставникомъ. Моя мать, уѣзжая въ Парижъ, оставила ему на сохраненіе всѣ наши вещи, которыхъ цѣлый магазинъ древностей. Да и у самого Бруни пропасть любопытныхъ вещей. У него даже есть портретъ твоего отца, когда ему было 20 лѣтъ; онъ одѣтъ...

— Какъ? Вѣдь въ 20 лѣтъ онъ былъ лакеемъ, Ты думаешь, я гонюсь за дворянствомъ? Желалъ бы я взглянуть на этотъ портретъ. Похожъ на меня?

— Какъ двѣ капли воды.

— Да, мой отецъ былъ молодецъ, я его не стыжусь. Красавецъ, силачъ, умный... Можно у тебя перепочевать?

— Сдѣлай милость.

Они вошли.

— Пожалуста, иди впередъ, сказалъ посѣтитель;—до перваго апрѣля я все забочусь, какъ бы мнѣ не зашибить ногу.

— Отчего?

— У насъ устроились бѣги взапуски на пари. До сихъ поръ я въ себѣ увѣренъ. Все черепахи какія то. Но ждутъ одного изъ Виценцы; говорятъ, очень лихъ. Но я не трушу; я сынъ моего отца, какъ Ахиллъ былъ сынъ Пелея.

Джуніо зажегъ посковой агарокъ и черезъ двѣ или три комнаты провелъ пріятеля въ залу, гдѣ зажегъ серебряную лампу.

— Посмотри на эту лампу, сказалъ онъ, она освѣщала ночные труды моей ученой пробабушки. А вотъ и портретъ ея.

— Если бы эта лампа могла говорить, может быть, поразказала бы.

— Тс! почтеніе мертвымъ!

— А это кто? Какая хорошенькая.

— Это моя бабушка, дѣтъ сорокъ тому назадъ нѣкто находилъ ее тоже очень хорошенькой.

— Тс! Почтеніе мертвымъ!

— А это что за фізіономія?

— Это тотъ, кому полагалось бы быть отцомъ моей бабушки.

Графъ В***.

— Вотъ мясничья рожа. Счастіе твое, что вышло не по закону, иначе тебѣ не имѣть бы такихъ правильныхъ чертъ лица. Вышелъ бы, можетъ быть, такимъ же профосомъ, какъ этотъ. Но на счастіе твое фамилія Бароджи не удостоилась примѣси этой аристократической крови.

Въ это время старикъ Бруни въ халатѣ и колпакѣ появился въ дверяхъ залы.

— Это ты, Джунио? сказалъ онъ.

— Я.

— Что такъ поздно? Почти четыре часа. Если бы мать твоя узнала...

— Она позволила мнѣ учиться музыкѣ, стало быть, дала вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе на серенады, а серенады всегда бываютъ послѣ полуночи. А сегодня была еще съ прибавкой.

— Съ чертовой прибавкой, сказалъ пріятель.

— А это кто?

— Не узнаете?

— А, сынъ Суарди! Давно вы въ Миланѣ?

— Больше мѣсяца.

— Что же вы у меня не были?

— Именно потому, что мнѣ надо много поговорить съ вами и съ Джунио.

— Вотъ странная причина!

— Но понятная. Всякій старается отстрочить трудное и неприятное дѣло. Это все равно, какъ хирургическая операція. Я нѣсколько разъ видался съ Джунио, но не рѣшался приступить къ дѣлу. Вотъ сегодняшняя оказія...

— Хороша оказія для важныхъ дѣлъ, сказалъ Джунио, смѣясь:—

знаете, какъ мы сегодня встрѣтились? Во сто лѣтъ не угадаете. Я съ профессоромъ Майно разыгрывалъ серенаду, а этотъ господинъ выскочилъ съ товарищами и давай валять насъ палками.

— Будь справедливъ, милый Джунио. Разъ, что принадлежишь къ какому нибудь обществу, надо исполнять его законы. Сегодня подвернулся ты съ пріятелями. Завтра можетъ подвернуться самъ синьоръ Бруни. Общество шерстки лупитъ всѣхъ безъ разбора и не обязано собирать предварительныхъ свѣдѣній.

— Такъ вы принадлежите къ этому обществу? спросилъ Бруни.

— Еще бы!

— Ну, не поздравляю. Это позоръ для Милана; я не понимаю, какъ терпитъ полиція. Ну, скажите же, что это за гадость такая, какъ могутъ порядочные люди принадлежать къ этому?

— Дѣло самое простое. Господь богъ, когда хотѣлъ наказать людей, наслалъ потопъ на всѣхъ, потому что требовалось радикальное средство, и мы также задали себѣ цѣлью лупить всѣхъ встрѣчныхъ безъ разбора. По моему, это справедливо.

— Что же, вы и другъ друга лупите?

— Это идея! Я непременно предложу, и такъ какъ прогрессъ во всемъ, то я увѣренъ, что мы дойдемъ и до этого. Но пока лупимъ только другихъ.

— Однако согласитесь, что это безобразіе: бить мирныхъ людей!

— Ахъ, синьоръ Бруни, вы въ заблужденіи! Ваши идеи ограничены и узки. Вы судите по внѣшности. По чемъ знать, какія подлости творять у себя дома эти мирные люди? Надо имѣть глаза Аргуса и руки Бриарей, чтобы вслѣдить и выслотрѣть всѣ эти подлости, совершаемыя мирными отцами семействъ, почтенными опекунами, добрыми мужьями. Ну, остается валять безъ разбора. Дубина, катающая, кого повало, лучшая эмблема правосудія самого рока, котораго такъ почитали древніе, передъ которымъ преклонялся самъ Юпитеръ.

— Я пожалуй согласился бы съ твоими принципами: комической философіи, сказалъ Джунио, если бы не зналъ, что у васъ въ Обществѣ есть всакіе негодяи, не помышляющіе ни о какомъ правосудіи.

— Ошибасяся. Конечно никто изъ насъ не метитъ въ святые; есть поозлзовенія къ доброму вину и къ красивымъ женщинамъ, но негодиевъ, въ общемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ.

— Недалеко какъ нашъ же деканъ, графъ Альберикъ Б***.

— Чтоже въ немъ? Опъ знатенъ, богатъ. угощаетъ обѣдами и ужинами, бутила, демократичность, ищетъ популярности, играетъ въ мору съ разсыльными, хорошо рассказываетъ сальности, былъ въ Константинополѣ, въ Египтѣ, былъ директоромъ театровъ...

— Позвольте мнѣ продолжать, перебилъ его съ живостью старшій Бруни: — былъ сводникомъ у Богариса, былъ шпиономъ, былъ Крестомъ и Яго заразы, былъ клеветникомъ и сплетникомъ. Развратникъ, въ тридцать лѣтъ беззубый отъ каломеля, подлый и трусливый, но жестокий, уморилъ двухъ женъ, убилъ ихъ потихоньку, исподволь, безъ ножа и яда, потому что слышалъ, что за это вѣшаютъ, а онъ думаетъ, какъ бы вертѣться у висѣлицы, но не попадать на нее.

— Славно, сирьоръ Бруни, хотѣлъ бы я научиться у васъ слогу рекомендательныхъ писемъ. Но я не спорю. Если пріятель и товарищъ оказывается негодяемъ, по моему, надо игнорировать это, по про себя держать ухо востро.

— Да, сказала Джуніо, я всегда чувствовалъ непреодолимую антипатію къ этому чловѣку. Я совсѣмъ его не знаю, но онъ мнѣ такъ противенъ, что я всегда избѣгалъ его.

— Ну, мой другъ, если вѣрить своимъ антипатіямъ, то придется удалиться въ Фиванду. Но довольно о немъ; поговоримъ о болѣе важныхъ дѣлахъ.

Онъ вынулъ изъ кармана портфель, раскрылъ его и досталъ изъ него бумагу.

— Вотъ бумага, сказалъ онъ. Я далъ бы половину своего состоянія за то, чтобы отецъ не оставлялъ мнѣ ея. Она у меня уже пять лѣтъ, со дня смерти отца. Когда я прочелъ ее, первой моею мыслью было скакать въ Миланъ и передать ее своимъ родителямъ. Но меня удержали дѣла по наследству. Тутъ было одно семейство и одна дѣвица, которая заявили претензіи на него, потому мнѣ надо было продавать моденское имѣніе, потому что, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ я жить подъ тамошнимъ тираннишкой, который хочетъ быть и папой, и палачемъ вмѣстѣ. Потому я поѣхалъ путешествовать, и скажу откровенно—именно, чтобы отдѣлаться отъ искушенія истребить эту бумагу.

— Да что же это за бумага?

— Твое богатство и мой позоръ.

Бруни привсталъ, ожидая и догадываясь. Молодой Джунио протянулъ было руку за бумагой, но отдернулъ и какъ бы сконфузился за свое машинальное движеніе.

— Нѣсколько разъ собирался я сжечь ее, сказала Суарди, и если бы я не зналъ тебя, не зналъ этого подлаго маркиза, іезунта и злодѣя, одного изъ тѣхъ мерзавцевъ, которые навели на насъ нѣмцевъ, котораго дѣдъ былъ причиной раззоренія твоей семьи и виновникомъ тюрьмы и пытки моего отца, я сжегъ бы ее. Читай! Тутъ три листа, писанные рукой моего отца и съ его подписью.

Джунио сталъ читать; старикъ, надѣвъ очки, также читалъ черезъ плечо; Суарди прохаживался по комнатѣ.

— Подумашь, сказала Бруни, я жилъ семьдесятъ лѣтъ, чтобы дожить до раскрытія истины, о которой мой отецъ догадывался еще въ то время, когда фактъ совершался. Теперь пойдите ко мнѣ въ спальню; я вамъ кое что покажу.

Всѣ последовали туда. Онъ открылъ шкафъ и вынулъ шкатулку.

— Вотъ, сказала онъ, маска—портретъ, какія были въ модѣ тогда; она удивительно похожа; это портретъ знаменитаго тенора Амореволи. Посмотрите, работа Клавелли, самого лучшаго художника по этой части.— И съ этими словами онъ приложилъ маску къ лицу:— такъ то, воскликнулъ онъ, живые и мертвые, мы всѣ собрались теперь, какъ на семейный совѣтъ.

II.

Дѣло по предъявленному суду подложному завѣщанію маркиза Ф*** кончилось ничѣмъ. Судъ постановилъ, что за недостаткомъ доказательствъ, удостовѣряющихъ подлинность завѣщанія, вску полковника Бароджи отказать. Суарди былъ очень огорченъ такимъ исходомъ дѣла ради Бароджи, который былъ очень небогатъ, такъ какъ все состояніе графа В***, мужа донны Клели, было промотано отцемъ его жены. Суарди хотѣлъ даже написать духовное завѣщаніе въ его пользу, но на старости лѣтъ въ Парижѣ завелъ связь съ одной женщиной и имѣлъ отъ нея сына; вслѣдствіе чего перемѣнилъ намѣреніе. Тѣмъ не менѣе участіе къ Бароджи и рас-

каянiе побудили его на такой рискованный поступокъ, какъ предъявленiе похищеннаго завѣщанiя, которое онъ шестидесять лѣтъ хранилъ такъ тщательно. Когда это не привело ни къ чему и когда вскорѣ послѣ этого силы его стали падать, онъ рѣшился письменно изложить все дѣло, запечаталъ свою исповѣдь въ конвертъ и положилъ въ бюро съ надписью: «Сыну моему Андрею для предъявленiя въ Миланскiй судъ». Но во время своей послѣдней болѣзни ему пришла въ голову другая мысль. Онъ далъ сыну прочитать исповѣдь и сказалъ ему: «я желаю, чтобы по смерти моей ты тотчасъ передалъ эту бумагу въ судъ или семейству Бароджи. Но пойми, что это только желанiе, а не приказъ; я желаю этого, чтобы очистить свою совѣсть, но предоставляю тебѣ поступить по твоему чувству». Хитрый старикъ и тутъ ухитрился. Заявленiемъ своей воли онъ успокоилъ свою совѣсть, а вмѣстѣ съ тѣмъ умеръ съ надеждой, что сынъ не исполнитъ его желанiя.

Молодой Суарди, въ то время надуанскiй студентъ, былъ избалованный богатствомъ и порядочно развращенный юноша, съ самой легкой моралью и съ самымъ снисходительнымъ отношенiемъ къ людямъ. Онъ зналъ исторiю своего отца, зналъ, что онъ началъ жизнь лакеемъ и, не глупый по природѣ, понималъ еще, юношей, что миллионы не паживаются добродѣтелью; но хотя онъ зналъ о процессѣ, въ который былъ замѣшанъ его отецъ, и о подозрѣнiяхъ, существовавшихъ противъ него, однако въ этомъ считалъ его невиннымъ. Люди съ ordinarily нравственностью могутъ любить и уважать отца, зная о немъ, что онъ загубилъ сотни людей какой-нибудь финансовой операцiей, уморилъ съ голоду цѣлое войско въ званiи интенданта, и довольно равнодушно повторять про себя поговорку: «блаженны дѣти, отцы которыхъ заслужили понасть въ адъ». Но никакое равнодушие не устоитъ передъ обнаруженiемъ отдѣльнаго факта преступленiя грязнаго, пошечнаго въ законѣ висѣлицей или галерами, и исповѣдь отца сразила юношу. Однако не смотря на развращенность, натура его, еще молодая, была въ основанiи честная. Долго боролся онъ съ искушенiемъ скрыть позоръ отца истребленiемъ бумаги, но всегда выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы и, встрѣтясь съ молодымъ Бароджи, почувствовалъ наконецъ рѣшимость сжечь корабль, выдавъ исповѣдь отца.

— Ну, сказалъ онъ, теперь надо покончить это дѣло, до того

важное, что, при всей безопасности моего характера, отравляетъ мнѣ существованіе.

— Чего же вамъ огорчаться? сказалъ Бруни, — дѣти не отвѣтственны за дѣла отцовъ, а вы поступили прекрасно.

— Да, воскликнулъ Джуніо, и такъ какъ ты исполнилъ свою обязанность, то теперь лучше всего сжечь эту бумагу. Моя мать проживетъ тѣмъ, что у нея есть, а мнѣ не надо.

— А ты сдѣлай милость, отдай эту бумагу синьору Бруни; въ твоихъ рукахъ она небезопасна. Я увѣренъ, что ты готовъ сдѣлать эту глупость. Нѣтъ, пусть дѣло идетъ законнымъ порядкомъ. Меня утѣшаетъ, что и у маркиза Ф*** окажется порядочное сало на гербѣ.

— А знаете, что мнѣ пришло въ голову? сказалъ Бруни.

— Что?

— Можно устроить все потихоньку, безъ скандала, такъ что никто ничего не узнаетъ.

— Какимъ образомъ?

— Полюбовной сдѣлкой! Идите сами къ маркизу и разразите его извѣстіемъ о существованіи этой бумаги. Вы совершенно вѣрно сейчасъ сказали, что ему честь его фамиліи должна быть также дорога, какъ вамъ доброе имя отца; а вѣдь въ бумагѣ сказано, что графъ Ф*** подкупилъ вашего отца. Притомъ ему, какъ іезуиту необходимо бѣлить гроба.

— Милый синьоръ Бруни, я раздѣлю васъ за этотъ совѣтъ; какъ это мнѣ самому давно въ голову не пришло? Завтра же къ маркизу. Онъ въ Миланѣ?

— Я полагаю.

— Полюбуюсь на его униженіе.

— Ну, на это не слишкомъ рассчитывайте. У ханжей лбы мѣдныя... Но постойте: еще идея. Я знаю одного человѣка, имѣющаго большое вліяніе на синьору Фальки, а она и ея мужъ должны знать, куда дѣвались бумаги доктора Макки, бывшія у нотариуса Агудіо. Этотъ человѣкъ знаетъ тайну, которую держитъ адвокатшу въ страхѣ.

— Кто это такой?

— Нѣкто Гранцини, прежде работникъ, а теперь подрядчикъ. Разбойникъ, былъ замѣшанъ въ дѣло Прини.

— Знаю, знаю, онъ у насъ въ обществѣ шерстки.

III.

Тогдашній маркизъ Ф^{***}, внукъ графа Ф^{***}, былъ извѣстенъ какъ путешественникъ, политикъ, экономистъ, библіофилъ, авторъ нѣсколькихъ брошюръ, собиравшій у себя кружокъ ученыхъ, ханжей и австрійскихъ чиновниковъ. Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ съ пятью или шестью человѣками гостей, въ томъ числѣ съ своимъ духовникомъ, аббатомъ Опипоне, издателемъ «Миланскій газеты, Франческо Пецци и другими.

— Поэтому я и говорю, дорогой мой монсеньеръ, ораторствовалъ маркизъ, что вамъ, какъ представителю религіи, необходимо взять на себя трудъ покончить это. Я знаю все, что можно сказать противъ этого брака; но я не вижу другого средства остепенить моего кузена. Могутъ сказать, что это нанесетъ ущербъ его дочери отъ перваго брака; но ей же будетъ хуже, если онъ промотаетъ все свое состояніе, а при его теперешней жизни это не замедлитъ случиться. Да и не въ деньгахъ дѣло. Спасеніе души важнѣе матеріальныхъ соображеній. Богатство—прахъ, а смертный часъ неминуемъ.

— Повѣрьте, дорогой маркизъ, что я соглашаюсь войти въ это дѣло вовсе не для графа Альберика, а для дѣвушки, отвѣчалъ Опипоне. Она родилась у Собора, я самъ ее крестилъ; прекраснѣйшее дитя, чистое, набожное, смиренное. Какъ ее родителямъ взбрело на умъ отдать ее учиться музыкѣ,—я понять не могу; достойные люди, а поддались дьявольскому навожденію. Ужъ какъ я противился, какъ спорилъ съ маэстро Брамбилла. Разъ, какъ я уговаривалъ родителей, онъ услышалъ и нагрубилъ мнѣ. Я ему прощаю... Это мой долгъ, долгъ нашего званія и сана. Но съ этого дня между нами борьба, борьба не на животь, а на смерть; если бы не было грѣшною гордостью сказать это, я выразился бы, что эта борьба между архангеломъ и сатаною; ну, посмотримъ, чья возьметъ, кто побѣдитъ, соборный священникъ или органистъ, пописывающій подъ часъ плясовую музыку.

— Вы, какъ журналистъ, должны знать Стефанію Джентили? спросилъ маркизъ Пецци.

— Знаю, это чудо красоты и искусства. На ней хочетъ жениться графъ Альберикъ?

— Да.

— А она согласна?

— Онъ увѣряетъ, что она его любитъ, хотя на его слова полагаться нельзя. А какъ вамъ кажется эта идея моего кузена?

Пецци имѣлъ опредѣленное мнѣніе о графѣ Альберикѣ, но боялся высказывать его; хотя маркизъ самъ не церемонился въ отзѣвахъ о немъ, но могъ бы дурно принять, если бы другой сталъ откровенно судить его родственника.

— Я право не знаю, отвѣчалъ онъ уклончиво;—я думаю, что она такъ еще молода и такъ любитъ свое искусство, что не думаетъ о бракѣ; но съ другой стороны, конечно, такая партія, знатность, богатство... Вещь извѣстная...

Вошедшій слуга возвѣстилъ, самого *Iurp in fabula*.

— Здравствуй, мой другъ, сказалъ графъ Альберикъ, входя:— А, монсиньоръ! Надѣюсь, маркизъ говорилъ вамъ обо мнѣ. Синьоръ Пецци, мое почтеніе. Очень радъ васъ видѣть и поздравить съ прекрасной статьей противъ «Карманьолы» Александра Манцони. Вотъ это критика! Глушцы, пришедшіе въ восторгъ отъ этой вещи, прикусятъ языки. Кстати, знаете вы мою эниграмму на «Карманьолу» въ «Дамскомъ Курьерѣ»?

— Это ваша? Мнѣ говорили, что Давида Бертолотти.

— Моя:

*Si leggeva il Carmagnola
Gran tragedia al mondo sola;
Chi dormia, chi sbadigliava,
U no solo lacrimava,
Piango, disse quel buon vere,
Per quel prode cavaliere,
Che do quanto or qui si sente
Messo a morte mola mente.*

(Читали Карманьолу, великую трагедію, единственную въ мірѣ, кто спалъ, кто зѣвалъ, одинъ только плакалъ. Плачу, говорить этотъ добрякъ, объ этомъ храбромъ рыцарѣ, котораго, какъ я теперь слышу, злоство убили).

— Да, это я читалъ.

— Это моя; Бертолотти эниграммы я не знаю.

Пецци замолчалъ.

— Говорятъ, что синьоръ Александръ Манцони будетъ Дантомъ нашего вѣка. Плохъ же вѣкъ, если это правда.

— Вчера, сказалъ маркизь, обращаясь къ Пецци,—я говорилъ объ этой трагедіи въ губернаторской ложѣ съ его превосходительствомъ. Его превосходительство пожелалъ прочесть ее, потому что ему шепнули, что въ ней есть вещи, противныя видамъ правительства. И знаете, что сказалъ мнѣ его превосходительство?—Это говорить, такая дрянь, что я, говорить, хотя и отмѣтилъ кое что, но не счелъ нужнымъ дѣлать выговоръ пропустившему ее цензору. Это вещь мертворожденная, а преслѣдованіе только привлекло бы къ ней вниманіе.

Эта назидательная бесѣда была прервана приходомъ слуги, сказавшаго маркизу:

— Какой-то господинъ желаетъ говорить съ вами.

— Кто?

— Вотъ его карточка.

— Что это? воскликнулъ маркизь:—Развѣ старый Суарди живъ?

— Какое! Давно умеръ, сказалъ графъ Альберикъ.

— А вотъ его имя.

— Это его сынъ.

— Развѣ у него былъ сынъ?

— Вѣроятно, не одинъ. Но есть одинъ, который носитъ его имя и котораго я знаю.

— Чего же ему отъ меня нужно? Отослать его. Какъ ты думаешь, Альберикъ?

— Ну, не совѣтую; это страшный буянь; онъ скандала надѣлаетъ.

— А то пусть придетъ въ другой разъ.

— Какъ хотите; но я его знаю; лакейская кровь, не наживите скандала.

— Какъ же ты его знаешь?

— Мало-ли съ кѣмъ приходится знаться, вращаясь въ обществѣ.

— Ну, пойди скажи ему ты, чтобы пришелъ въ другой разъ.

Графъ Альберикъ охотно взялъ порученіе, потому что, какъ интригантъ и крайне любопытный, интересовался узнать, что привело его сочлена къ маркизу.

Суарди нетерпѣливо прохаживался въ пріемной, когда графъ вышелъ къ нему.

— Ты какъ тутъ?

— Нѣтъ, это скорѣе я тебя спрошу. Маркизь мнѣ кузенъ, вотъ почему я долженъ выносить здѣшнее общество, похожее на отдѣленіе инквизиціи. Вотъ и теперь тутъ кромѣ самого іезуита въ бѣломъ галстухѣ, соборный попъ, свирѣпый старикъ, который радъ бы сжечь всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, оставивъ только уродовъ и горбатыхъ, да съ ними какой-то ученый безъ рѣчей, точно высушенная облатка, и этотъ интригантъ и подлипала Франческо Пецци. Вообрази себѣ это общество. Приходи лучше въ другой разъ.

— Нѣтъ, мнѣ откладывать нельзя; надо сегодня же видѣть маркиза.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ?

— Мнѣ надо говорить съ маркизомъ, съ нимъ однимъ, наединѣ, немедленно, по важнѣйшему дѣлу. И довольно я уже ждалъ. Куда къ чорту запропастился лакей, который пошелъ докладывать обо мнѣ? Маркизь боится, что я его съѣмъ, что-ли? Не съѣмъ. Ступай, скажи ему.

Онъ говорилъ такъ настойчиво, что графъ вернулся къ маркизу, который съ тревогой въ душѣ послалъ слугу просить Суарди въ гостиную и вскорѣ самъ туда пришелъ.

Войдя, онъ быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ Суарди съ головы до ногъ и увидѣлъ красиваго молодого человѣка, совершенно свѣтскаго и одѣтаго по послѣдней модѣ, въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами, въ бархатномъ жилетѣ, шитомъ золотомъ, и въ казиміровыхъ панталонахъ персиковаго цвѣта. Въ рукахъ онъ держалъ плюшевую шляпу. Это былъ атрибутъ общества Шерстки. Члены могли носить шляпы, смотря по состоянію, изъ какой угодно матеріи и какой угодно формы, но съ условіемъ, чтобы ворсъ на нихъ былъ длинный и мохнатый. По мнѣнію нѣкоторыхъ, отсюда происходило и названіе Общества, хотя другіе утверждаютъ что оно было заимствовано отъ зеленой муравы пиацца Кастелло, гдѣ общество вначалѣ собиралось.

Маркизь, не приглашая Суарди садиться, сухо спросилъ его, чѣмъ можетъ служить ему.

— Нашъ разговоръ будетъ продолжителенъ, отвѣчалъ Суарди, такъ какъ предметъ его серьезенъ; поэтому я попрошу позволенія сѣсть, и съ этими словами онъ усѣлся. Маркизь не промолвилъ ни слова и не шевельнулся, оставаясь на ногахъ.

— Вы спрашиваете, чѣмъ можете быть мнѣ полезнымъ, продолжалъ Суарди. Благодарю васъ за этотъ вопросъ, но полагаю, что скорѣе мнѣ предстоитъ оказать вамъ услугу. Вы знаете, кто я или по крайней мѣрѣ, чей я сынъ. Мой отецъ извѣстенъ вашей фамилии девяносто лѣтъ—шутка сказать! Вотъ поэтому то старому знакомству я и явился, по причинѣ тѣхъ интимныхъ, слишкомъ интимныхъ отношеній, которыя къ несчастію существовали между моимъ отцомъ и вашимъ дѣдомъ.

— Я ничего не знаю и не понимаю, сказалъ маркизъ, облачиваясь о кресло.

— Я думалъ, вы знаете и поймете. Я еще не родился, когда ваше сіятельство уже вѣрно слышало о всѣхъ этихъ дѣлахъ, которыя я узналъ недавно. Я не родился, когда семейство ваше имѣло тяжбу о наслѣдствѣ съ семействомъ Бароджи. Вамъ вѣроятно извѣстно, что еще въ 1813 году въ судъ было представлено подлинное завѣщаніе вашего внучатнаго дяди. И вы вѣрно лучше моего и лучше всѣхъ знаете, какими странными, таинственными-способами судъ былъ побужденъ признать это завѣщаніе подложнымъ.

— Я знаю объ этомъ столько же, сколько всѣ. Рѣшеніе не я постановилъ. Если завѣщаніе было признано подложнымъ, значить, на это были ясныя доказательства. Но я не понимаю, къ чему вы клоните рѣчь.

— Къ тому, что теперь оказывается, что завѣщаніе не было подложно и что, стало-быть, семейству Бароджи слѣдуетъ послѣ семидесяти лѣтъ вступить въ обладаніе своей собственностью.

— Въ такомъ случаѣ, саркастически сказалъ маркизъ, я все-таки не понимаю, почему вы ко мнѣ обращаетесь. Здѣсь не судъ.

— Но я полагаю, что, какъ внуку графа Ф***, вамъ дорога его честь.

— Честь моего дѣда? Причемъ она тутъ?

— Да. Если-бы то, что я теперь знаю, было извѣстно суду семдесятъ лѣтъ тому назадъ, графъ Ф*** былъ бы приговоренъ къ позорному наказанію и лишился бы дворянства.

— Синьоръ Суарди, надѣюсь, вы не хотите злоупотребить моимъ терпѣніемъ.

— Напротивъ того. Я вовсе не для того пришелъ, чтобы когонибудь оскорблять. Какая отъ этого кому польза? Я, напротивъ,

пришелъ предложить вамъ сообща уладить дѣло для предотвращенія скандала.

— Совѣсть моя не боится никакихъ скандаловъ. Кто ихъ боится, тотъ пусть и предотвращаетъ.

— Да, вскричалъ Суарди, но я думаю, неприятно же будетъ вашему сіятельству, когда всѣ узнаютъ, что дѣдъ вашъ былъ воръ.

— Это говоритъ сынъ Галантино, выгнаннаго изъ нашего дома за кражу!

— Я знаю, что вашъ дѣдъ подкупилъ моего отца украсть завѣщаніе своего умершаго брата. Я знаю, что отцу были обѣщаны за это деньги, 20 тысячъ лиръ; я знаю еще, что когда завѣщаніе было украдено, и милліоны достались графу, отецъ мой боялся, что онъ позабудетъ свое обѣщаніе и хранилъ украденное завѣщаніе. Кромѣ того, передъ смертью онъ составилъ подробную исповѣдь, въ которой рассказываетъ, какъ было дѣло. Онъ передалъ эту исповѣдь мнѣ, предоставивъ мнѣ распорядиться ею по усмотрѣнію. Теперь вы все знаете и конечно угадываете, почему я явился сюда. Стало-быть, постараемся же, чтобы дѣло, оставшееся въ тайнѣ семьдесятъ лѣтъ, осталось въ ней на вѣки. Уступите Бароджи половину наслѣдства, сдѣлаемъ это любовно и мирно, такъ чтобы до суда не доходить. Мы всѣ будемъ молчать, и самую уступку можно облечь въ приличную форму. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что люди, которые могли поддѣлать завѣщаніе, могли сочинить и эту исторію исповѣди, достойную романовъ Кіари. Эта непоколебимость взбѣсила Суарди.

— А, такъ! вскричалъ онъ, срываясь съ мѣста:—я вижу, что вы достойный сынъ и внукъ вашего батюшки и дѣдушки! Поймите же, что я въ этомъ дѣлѣ не имѣю никакого интереса. Я въ ущербъ себѣ выдалъ эту бумагу Бароджи. Я не могъ вынести мысли, что несправедливость остается столько лѣтъ безнаказанной. Думаете, мнѣ легко предавать на позоръ память моего отца? Но чего отъ васъ ждать? Кто выдалъ врагамъ свое отечество, кто вмѣстѣ съ иезуитами морочить совѣсть людей, портить молодежь, развращаетъ гражданъ, отъ того чего ждать? Вашъ отецъ былъ подлецъ, вашъ дѣдъ подлецъ, и вся ваша порода—порода подлецовъ и шпионовъ!

Маркизь внѣ себя отъ ярости громко звалъ слугъ.

Всѣ сбѣжались.

— Гоните его въ шею, вытолкайте этого бездѣльника изъ моего дома!

Пять лакеевъ бросились на Суарди, но онъ схватилъ свою толстую трость и началъ валять по ихъ галунамъ. Шумъ драки сталъ слышенъ на улицѣ. Передъ домою стала собираться толпа. Наконецъ двое полицейскихъ приглашенныхъ швейцаромъ, вопли, овладѣли освирипѣвшимъ Суарди и повели его въ тюрьму.

IV.

Велика была разница между Миланомъ 1814 года и нынѣшнимъ. Послѣ бурь и громовъ все успокоилось, замерло. Во дворцѣ улыбался толпѣ шанбеляповъ эрцгерцогъ Райнеръ; эрцгерцогиня, молодая, красивая и ростомъ съ гренадера, давала балы и праздники. Народъ толпился въ процессіяхъ *Congru Domini* и св. креста подъ вѣчной сладкой улыбкой архіепископа Гайсрука. Отъ времени до времени большое волпеніе вызывала церемонія омовенія ногъ въ дворцовой залѣ карриатидъ, куда пускали по билетамъ. Если политика совершенно замерла, то послѣ религій перспективующій интересъ представляло искусство. Съ такимъ же жаромъ, какъ прежде о Наполеонѣ, разсуждали теперь о Россіини.

Это спокойствіе было не понутру молодежи, которая инстинктивно ищетъ и жаждетъ какой нибудь дѣятельности. До сихъ поръ этой дѣятельности открывалось обширное поприще въ рядахъ наполеоновскихъ войскъ: эполеты, сабли, кресты, походы, сраженія, — вотъ о чемъ мечтала, чего желала и что находила молодежь наполеоновской эпохи. Раньше были идеи свободы, реформы, преобразованія, борьба за принципы съ ея энтузіазмомъ. Теперь ничего этого не существовало. Люди пожилые и утомленные шумомъ наполеоновской эпохи, съ удовольствіемъ могли отдыхать на процессіяхъ и операхъ; но молодежь не могла удовлетвориться этимъ. Броженіе крови стало выражаться въ ней грубыми потѣхами, буйствомъ, сначала понемногу, потомъ, когда это начало

имѣло успѣхъ, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Ночныя драки, похищенія, уличныя буйства, — таково было времяпрепровожденія большинства молодежи, отчасти поощряемое властями, довольными, что ея шель обращается въ эту сторону. Эти элементы легли въ основаніе и общества Шерстки, основаннаго въ эти первые годы австрійскаго владычества. Мирные граждане должны были принимать мѣры для огражденія себя отъ этого разгула, и до сихъ поръ свидѣтелями тѣхъ временъ остаются дѣдовскія трости, которыя мы находимъ иногда въ шили чердаковъ, и поражаемся ихъ размѣрами и грознымъ видомъ.

Но если буйства этой молодежи были большею частью бессмысленны и возмутительны, то были между ней и люди недюжинные, продѣлки которыхъ отличались остроуміемъ, такъ что невольно заставляли смѣяться даже серьезныхъ людей. Такъ, наприимѣръ, въ обществѣ Шерстки былъ одинъ миланецъ Мавро Бикниккоммеръ, по профессіи граверъ, который жилъ въ Туринѣ и вслѣдствіе своихъ проказъ тамъ долженъ былъ вернуться въ Миланъ. Обладая замѣчательной способностью поддѣлываться подъ чужой дочерью, онъ пользовался ею для мистификацій. Однажды онъ послалъ туринскому коменданту приказъ отъ министра двора собрать на площади войска, которымъ король хочетъ сдѣлать смотръ; соль состояла въ томъ, что король въ противность всѣмъ савойскимъ прищамъ смыслилъ въ военномъ дѣлѣ столько же, сколько въ астрономіи и никогда не занимался имъ; въ другой разъ онъ послалъ за кануцинами отъ принца Кириньянскаго отпѣвать его жену, которая и не думала умирать, что надѣлало ужаснаго скандала. Въ третій разъ онъ разослалъ отъ имени архіепископа, извѣстнаго скупостью, приглашенія на обѣдъ восемнадцати священникамъ, прославленнымъ прозорливостью. Бикниккоммеръ, какъ показываетъ его нѣмецкая фамилія, былъ по происхожденію швейцарецъ, но еще дѣдъ его родился въ Миланѣ. Онъ былъ замѣчательный граверъ, и когда въ 1808 былъ взятъ въ военную службу, занимался рисованіемъ военныхъ картъ и плановъ и былъ съ этою цѣлью прикомандированъ къ штабу Богарне. Его здѣсь знали съ очень хорошей стороны многіе генералы и офицеры, и во время военнаго заговора 1815 генералы Белоти и Фонтанелла пользовались его услугами, давая ему очень важныя порученія. Когда заговоръ былъ открытъ однимъ шпиономъ, родственникомъ самого Бельгарда, разыгрывавшимъ роль француз-

скаго агента, Бикинкоммеръ. первый разгадавшій шпиона, успѣлъ убѣжать во время въ Туринъ, гдѣ, какъ мы уже сказали, тоже не ужился. Тогда онъ опять вернулся въ Миланъ и убѣдился, что полиція забыла о немъ. Онъ всей душой ненавидѣлъ нѣмцевъ и обладая, кромѣ таланта поддѣлываться подъ почерки, еще замѣчательнымъ искусствомъ подражанія, которымъ славился еще въ штабѣ Богарне, представляя всѣхъ генераловъ, вице-короля и самого императора, приобрѣлъ въ Миланѣ популяриность удачнымъ передразниваніемъ австрійскихъ офицеровъ. Онъ шутилъ, говоря, что нѣтъ худа безъ добра, что каринтійскіе быки должны служить для увеселенія италянцевъ и что эти громадныя гурты неуклюжихъ и антиэстетическихъ фигуръ присылаются специально для забавы; конечно, онъ шутилъ, скрѣпя сердце, вовсе не находя это веселымъ, но считалъ невозможнымъ въ то время держаться другого тона. Когда въ Италію пріѣхалъ Францъ I, Бикинкоммеръ далъ волю своему остроумію. Этотъ цѣломудренный Тиберій возбуждалъ противъ себя сатиру даже въ своихъ вѣрноподанныхъ нѣмцахъ. Во время Наполеоновскихъ побѣдъ, въ Вѣнѣ наклеили такое воззваніе на конную статую императора Юсіфа: «Сойди съ своего бронзоваго коня и возьми въ руки бразды правленія, а Францъ пусть поспидитъ за тебя, пока ты будешь трудиться для спасенія государства! Въ Миланѣ его привѣтствовали безчисленнымъ множествомъ надписей, стиховъ и каламбуровъ, и между прочимъ Бикинкоммеръ выпустилъ такіе стишки:

*Verona città giuliva
L'applaude quando arriva;
Milano che sa l'arte
L'applande quando parte;
Le altre città che la pensan bene,
L'hanno in c.... quando parte e quando viene.*

(Верона, гвродъ веселый, рукоплещетъ ему при вѣздѣ; Миланъ, знающій вѣжливость, рукоплещетъ при выѣздѣ, а прочіе города благомыслиціе посылаютъ его въ.... и при вѣздѣ, и при отъздѣ).

Разсказывали также о Бикинкоммерѣ, что на балу въ Казино, который купечество давало эрцгерцогу и эрцгерцогинѣ, онъ распорядился по нѣмецки отослать домой всѣ экипажи, предъявивъ приказъ церемоніймейстера, такъ что когда хотѣли разѣзжаться, экипажей не оказалось къ величайшему негодованію эрцгерцогини и ужасу придворныхъ.

Когда онъ въ 1818 вернулся въ Миланъ, общество Шерстки уже существовало, упражняясь въ самыхъ неблаговидныхъ подвигахъ. Полиція отличалась къ нему чрезвычайной терпимостью, удивляя этимъ наивныхъ людей, непонимавшихъ, что ей подобное направление молодежи больше всего на руку. Онъ немедленно вступилъ въ общество въ надеждѣ дать ему другой духъ; и дѣйствительно, съ первыхъ же дней вступленіе его ознаменовалось продѣлками, возбуждавшими симпатію даже самыхъ смиренныхъ обывателей, ненавидѣвшихъ до этого общество Шерстки. Такъ однажды на каналѣ между сенатомъ и Порта Нуова оказалась плавающей солдатская будка желто-чернаго цвѣта и въ ней бѣлокурый сынъ Германіи въ бѣломъ мундирѣ, забравшійся въ свою будку отъ дождя и никакъ не умѣвшій объяснить, какія невидимыя руки перенесли его вмѣстѣ съ его скорлупой съ суши на воду.

Прибавимъ еще для уразумѣнія послѣдующаго, что Бикинкомеръ хорошо зналъ полковника Бароджи, помогъ ему бѣжать въ 1815 году, когда былъ открытъ военный заговоръ, въ которомъ и онъ участвовалъ, и по обществу Шерстки былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Суарди. Узнавъ объ его арестѣ и распросивъ молодого Бароджи о причинѣ его, онъ началъ обдумывать обширный планъ.

V.

Около 17 лѣтъ тому назадъ, въ ночь на 10 іюля 1803 года, въ одномъ старомъ, грязномъ и мрачномъ домѣ золотошвейка Катерина Фриджеріо, жена чиновника гражданскаго суда Джакомо Джентили, родила дочь. Отставная пѣвица, Стефанія Корали, отдававшая въ томъ же домѣ квартиры со столомъ пѣвцамъ третьяго разряда, пріѣзжавшимъ въ Миланъ, была воспріемницей дѣвочки и дала ей свое имя. Крестилъ самъ монсиньоръ Опицоне, соборный священникъ, извѣстный строго аскетической жизнью и неутомимымъ попеченіемъ о душахъ. Онъ взялся самъ крестить ребенка изъ расположенія къ родителямъ, образцамъ христіанскихъ добродѣтелей. Они исповѣдывались и причащались каждый мѣсяць, пред-

почли бы приваить мученической вѣнецъ, чѣмъ съѣсть кусокъ сала въ пятницу или субботу, строго постились въ кануны всѣхъ большихъ праздниковъ, во всѣ посты, во весь Богородицинъ мѣсяцъ, не говоря уже о святой недѣлѣ. Сирьоръ Джакомо принадлежалъ къ Братству Святейшаго Тѣла и былъ на верху блаженства въ тѣ дни, когда удостоивался быть въ числѣ восьми носильщиковъ балдахина. Цѣлый годъ воздерживался онъ отъ вина, откладывая ежеднвно въ конилку по восьми сольдо, чтобы обзавестись чернымъ фракомъ, и нельзя дать человѣческаго понятія о состояніи его души въ тотъ день, когда онъ облачился въ него въ соборной сакристїи, дополнивъ свой костюмъ парой нитяныхъ перчатокъ и вышитой кокардой. Жена его была совершенно достойна его. Имъ было по 30 лѣтъ, когда они вступили въ супружество, и три года у нихъ не было дѣтей. Наконецъ въ день Мадонны, поставивъ утромъ двѣ свѣчи въ Соборѣ, сирьора Катерина, конфузясь и улыбаясь, шепнула мужу, что удостоилась наконецъ благодати, которой такъ желала жена Авраама. Въ этотъ день сослуживцы Джакомо замѣтили въ немъ такія странныя подергиванія, потиранія рукъ и хихиканія, что одинъ спросилъ его, не выигралъ ли онъ въ лотерею. Когда ребенокъ родился, его отослали къ кормилицѣ, откуда онъ явился черезъ двадцать мѣсяцевъ такимъ бѣлымъ, розовымъ, круглымъ и съ такой парой глазъ, что было заглядѣніе. Въ тринадцать лѣтъ Стефанія сдѣлалась совершенно красоткой и, посѣщая свою крестную мать, изумляла ея жильцевъ, поразительно вѣрнымъ слухомъ и удивительнымъ въ ея лѣта чувствомъ и пониманіемъ музыки.

Но былъ человѣкъ, который съ глубокимъ сокрушеніемъ смотрѣлъ на ея развивающуюся красоту и талантъ. Это былъ монсеньоръ Опицоне, навѣщавшій довольно часто своихъ образцовыхъ духовныхъ дѣтей. Онъ смотрѣлъ на весь міръ, какъ на временную юдоль, и ненавидѣлъ въ немъ все, что могло внушить любовь къ этому преходящему существованію. Если бы онъ по своему могъ перестроить міръ, то лишилъ бы его солнечнаго сіянія, цвѣтовъ, весны и женской красоты. Последняя казалась ему самымъ ужаснымъ страшилищемъ: онъ боялся хорошенькихъ женщинъ какъ ядовитыхъ змѣй и считалъ ихъ сообщницами сатаны. Послѣ красоты, онъ больше всего боялся ума и всякаго дарованія, выходившаго изъ общаго уровня. Онъ своимъ умомъ дошелъ до Корданов-

скаго положенія, что состояніе человѣчества всегда ухудшалось отъ появленія Гениевъ. Однако онъ былъ человѣкъ ученый и читалъ все, неустрашимо набрасываясь на самыя дьявольскія и революціонныя сочиненія. Заглянувъ въ его библіотеку, можно было подумать, что находишься въ кабинетѣ какого нибудь отчаяннаго вольтеріанца. Это онъ храбро охотился за чортомъ. Изъ искусствъ онъ больше всего ненавидѣлъ свѣтскую музыку.

Онъ чуть не упалъ въ обморокъ, когда, подойдя однажды къ квартирѣ Джентилл, услышалъ дѣтскій голосокъ Стефани, необыкновенно вѣрно и выразительно напѣвавшей прославленную Гафориени арію:

*Chi vuol la bella Rosa
L'ortolanella è qua.*

Онъ выпучилъ глаза, замеръ и прослушалъ всю арію, чтобы убѣдиться, до какой степени чортъ овладѣлъ дѣвушкой, потому, какъ бомба, влетѣвъ въ домъ, разругалъ родителей и ее, объявилъ имъ, что въ слѣдующій разъ не дастъ имъ отпущенія, и съ изумительной неустрашимостью пошелъ прямо къ Корали и приказалъ ей запретить своимъ жильцамъ пѣть непристойныя пѣсни, на что конечно получилъ въ отвѣтъ совѣтъ не соваться туда, гдѣ его не спрашиваютъ.

Стефани пришлось умолкнуть, потому что родители ея, разъ получивъ отказъ въ отпущеніи, готовы были съ ума сойти при одной мысли, что это несчастіе можетъ повториться. Но жильцы Корали продолжали распѣвать, и она не могла не слушать ихъ, не могла помѣшать своей чудной музыкальной памяти запоминать все, что слышитъ. Въ ея ушахъ постоянно играли и пѣли мотивы и аріи оперъ Россини, и ей стоило большого труда удерживать себя отъ пѣнія. Наконецъ послѣ шестимѣсячнаго воздержанія, выйдя однажды вечеромъ съ другими дѣвушками на галерею дома, она, какъ то безсознательно сама для себя, запѣла знаменитую арію Таниреда:

*Di tanti palpiti,
Di tante pene,
Dolce mio bene.*

Въ эти 6 мѣсяцевъ голосъ ея окрѣпъ, и запрещеніе монсеньора пошло ему въ прокъ такъ, что лучше не пожелалъ бы самый опытный профессоръ пѣнія. Когда она начала пѣть, всѣ невольно за-

слушались, окна открывались по сосѣдству, изъ дверей выходили послушать. А когда она кончила, раздались отовсюду восторженные рукоплесканія. Родители ея слышали, и первымъ движеніемъ ихъ было идти остановить ее; но и на нихъ подѣйствовало очарованіе, они ушамъ своимъ не вѣрили, что это голосъ ихъ дочери, и когда при раздавшихся аплодисментахъ взглянули другъ на друга, глаза ихъ были полны слезъ.

Они ничего не сказали дочери. Но пѣніе ея слышать маэстро Брамбилла, бывшій у синьоры Корали. Онъ тотчасъ явился съ нею къ Джентили и безъ обиняковъ предложилъ имъ давать уроки ихъ дочери, а въ предупрежденіе возраженій предложилъ давать пока бесплатно, съ тѣмъ чтобы получить вознагражденіе со временемъ, когда она будетъ зарабатывать себѣ деньги голосомъ. Но они не соглашались. Маэстро Брамбилла былъ удивленъ этимъ упрямствомъ.

— Помигите, я понять не могу вашего отказа; вѣдь я вамъ предлагаю не болѣе, не менѣе, какъ богатство. Вы довольны своимъ положеніемъ? Прекрасно, но вы имѣете право не желать большаго для себя, а за дочь не имѣете права отказываться отъ богатства, которымъ ее наградила природа. Извините, что я, будучи незнакомъ, говорю вамъ такъ откровенно. Но было бы въ самомъ дѣлѣ преступленіемъ, святотатствомъ, пренебречь такимъ громаднымъ талантомъ. Вѣдь знаете, что черезъ годъ—говорю вамъ вѣрно и совершенно увѣренъ въ томъ, что говорю—эта дѣвушка можетъ зарабатывать двадцать, тридцать, пятьдесятъ тысячъ въ годъ. Кажется, это не шутка, чтобы этимъ пренебрегать.

— Это такъ, сказали синьоръ Джакомо, но меня страшитъ театральная карьера.

— Изволите видѣть, маэстро, виѣшалась Корали, эти два перла имѣютъ несчастье водиться съ однимъ попомъ, соборнымъ монсеньоромъ, который все запугиваетъ ихъ разными страхами.

— Не говорите этого, протестовала синьора Катерина, монсеньоръ святой человекъ.

— Пусть онъ святой, но отъ поповскихъ посѣщеній добра не бываетъ. Представьте, маэстро, онъ вломился разъ ко мнѣ и сталъ мнѣ приказывать, чтобы я запретила жильцамъ пѣть любовныя аріи на соблазнъ сосѣдямъ.

— Такъ вы отказываете мнѣ изъ страха этого монсеньора? Но если онъ къ вамъ расположенъ, то не можетъ быть, чтобы онъ про-

тивился вашему счастью. И вовсе не правда, что театр непременно опасенъ; знаменитой пѣвицѣ ничуть не опасно. Гораздо опаснѣе бѣдность, особенно при красотѣ, а синьора Корали говоритъ, что ваша дочь красавица.

— Ну, хорошо, сказалъ синьоръ Джакомо; завтра мы вѣрно увидимъ монсиньора и спросимъ его.

— А если онъ не позволитъ?

— Ну, такъ что же дѣлать.

— Такъ я же его заставлю согласиться, заключилъ маэстро и вышелъ съ Корали.

Когда монсиньоръ пришелъ, супруги, помявшись, сообщили ему предложеніе маэстро. Онъ вскипѣлъ и понесъ такую чепуху, что даже Джентили это показалось черезчуръ страннымъ. Впрочемъ, въ другомъ случаѣ никакая чепуха не возбудила бы въ немъ сомнѣнія; но тутъ отцовская гордость и блестящія надежды, поданныя маэстро, нѣсколько просвѣтили его, такъ что онъ позволилъ себѣ разныя возраженія. Это неожиданное противорѣчіе озадачило монсиньора. а тутъ на подмогу явился самъ Брамбилла, который былъ у Корали и, увидавъ приходъ аббата, поспѣшилъ на помощь семейству Джентили.

— Вотъ маэстро Брамбилла, сказалъ синьоръ Джакомо монсиньору, обрадовавшись прибытію подмоги.

Противники обмѣнялись пристальнымъ взглядомъ. Оба были фанатично преданы каждый своему дѣлу, оба были готовы постоять за него, оба отличались отвагой, нетерпимостью и вспыльчивостью.

— Такъ это вы хотите лишить это почтенное семейство скромнаго мира, который такъ трудно обрести въ свѣтской жизни?

— Я не священникъ, а профессоръ музыки, я открылъ въ дѣвущкѣ необыкновенный талантъ и счелъ обязанностью предупредить объ этомъ родителей.

— И вотъ эти христіанскія души уже волнуются разными желаніями и надеждами, которыя иначе имъ и въ голову не пришли бы, они уже мечтаютъ, что дочь ихъ будетъ принцессой. И если все это разлетится прахомъ, вы окажете имъ большую услугу.

— Я не говорилъ имъ, что ихъ дочь будетъ принцессой, а говорилъ и говорю, что она будетъ великой артисткой.

— Положимъ; но что же изъ этого выйдетъ?

— Какъ что выйдетъ? Да я былъ бы оселъ или подлець, еслибы,

прійдя въ этотъ домъ и услыхавъ голосъ этой дѣвушки, не сказала родителямъ ея, что она можетъ сдѣлаться чудомъ искусства.

— О, пропади это искусство!

— Какъ? Музыка?

— Музыка, да, музыка.

— Вы ли это говорите, ученый такой человекъ, какъ я слышалъ? Да не гармонія ли все твореніе? Развѣ ангелы въ небѣ не поютъ? Развѣ не изображаютъ ихъ съ флейтами и скрипками великіе живописцы? А царь Давидъ? А святая Цецилія? Что вы говорите? Проклинать музыку, считать ее пагубной? Да Богъ самъ первый учитель музыки!

— Я не говорю о священной музыкѣ. Хорошо было бы, если бы музыка никогда не выходила изъ церкви... Я говорю о театральной; все это безнравственность; костюмы, пляски, развращеніе; пороки вошли въ моду съ того дня, какъ человѣческія страсти были выведены на сцену, облеченныя въ чувственныя мелодіи, зажигающія роковой пылъ въ крови юности.

— Такъ это вина не музыки, а крови, которая зажигается. Притомъ Содомъ и Гоморра были раньше изобрѣтенія оперы. Если бы истреблять все, что можетъ послужить ко вреду, ничего не осталось бы. Пришлось бы выдергать все виноградники, потому что есть пьяницы, срубить все туковыя деревья, потому что нѣкоторыя женщины разоряются на шелки, исковеркать лица всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, потому что нѣкоторыя юпоши гибнутъ отъ любви. Что это за идеи?

— Вы живете за органомъ, маэстро, а я въ исповѣдальнѣ. Я знаю, до чего доводитъ театр. Мои уши слышали такія вещи, что волосы поднимаются дыбомъ. Я отдыхалъ на зрѣлищѣ доброй, мирной, честной, скромной, религіозной семьи и только молил Бога, чтобы онъ сохранилъ ей ея душевный миръ; а вы врываетесь въ нее съ соблазнами, съ посулами богатства, не думая о томъ, что въ одну дверь съ богатствомъ могутъ войти въ нее все скорби, тревоги и огорченія свѣтской суеты, которыхъ она до сихъ поръ не знала. Нѣтъ, я всѣми силами буду противиться этому.

— Въ вашихъ словахъ, мопсиньоръ, есть доля правды. Но позвольте спросить, еслибы эти господа получили богатое наслѣдство, вы тоже посоветывали бы имъ отвергнуть его, чтобы перемяна состоянія не нарушила ихъ внутренняго мира?

— Въ ихъ рукахъ богатство служило бы только на благо ближнихъ.

— Значить, вы допускаете, что богатство не непременно развращаетъ. Точно также и талантъ. Я знаю артистокъ, которыхъ далеко нельзя считать образцами нравственности, но знаю и такихъ, которыя могутъ служить примѣрами всѣмъ женщинамъ. Возьмите на примѣръ, Карлоту Маркіони.

— Да, я о ней слышала очень хорошо. Но дѣло въ томъ, что эта дѣвица не обладаетъ роковымъ даромъ красоты. Это великое дѣло! Красота даетъ соблазнъ, и соблазнъ рано или поздно восторжествуетъ.

— Но онъ можетъ восторжествовать всюду. Неужели вы думаете, что швея, вышивальщица или портниха болѣе обезпечены отъ соблазна, чѣмъ артистка?

— Нѣтъ, но для этого существуетъ бракъ, и я беру съ найти ей въ свое время жениха.

— Вотъ еще! Выборъ мужа—ея дѣло, а не соборнаго священника. Такъ вы хотите не только помѣшать ей счастью, а еще закабалить на весь вѣкъ, наградивъ мужа по вашему вкусу.

Споръ сдѣлался тутъ еще ожесточеннѣе, и наконецъ монсеньоръ вышелъ, рѣшительно заявивъ супругамъ Джентили, что если они примутъ предложеніе маэстро, то нога его не будетъ больше въ ихъ домѣ. На томъ пока все и кончилось. Родители ничего не сказали Стефаніи, но она все узнала отъ Корали. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она собралась съ духомъ и рѣшилась поговорить съ матерью она стала жаловаться, что ею жертвуютъ капризу монсеньора, отказываясь отъ великодушнаго предложенія маэстро. На ее бѣду мать только что возвратилась съ причастія въ самомъ воинственно-церковномъ настроеніи и отвѣчала на ее жалобы двумя звонкими пощечинами. Однако самое это лишнее усердіе послужило ей на пользу. Стефанія видѣ себя, плача и крича, сказала, что убѣжить изъ дому; мать перепугалась, и ей стало совѣстно своей расправы. Корали воспользовалась этимъ, и по ее приглашенію маэстро Брамбилла сдѣлалъ новое нашествіе, кончившееся на этотъ разъ водвореніемъ фортепiano въ квартирѣ Джентили. Уроки начались и пошли съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Черезъ годъ дѣвушка уже пѣла въ концертахъ, въ купеческихъ казино, въ присутствіи эрцгерцогини, которая расцѣловала ее и подарила ей браслетъ, потомъ въ фило-

драматическомъ театрѣ, гдѣ у нея не замедлила образоваться цѣлая партія поклонниковъ. Это льстило ея самолюбію, но она была еще слишкомъ молода и слишкомъ занята своимъ искусствомъ, чтобы различать кого нибудь въ этой толпѣ: только двое въ ней возбуждали больше другихъ ея вниманіе: она съ удовольствіемъ слушала игру на скрипкѣ молодого Джунио Бароджи, хотя безъ всякаго глубокаго чувства, и съ особенной стыдливостью уклонялась отъ выраженій восторга графа Альберика Б***, который возбуждалъ въ ней какую то непонятную антипатію.

VI.

Графъ Альберикъ Б*** вмѣшалъ въ себѣ всѣ пороки италянской аристократіи временъ Цезаря Борджія, гнуснѣйшій развратъ, звѣрскую жестокость, полную безсовѣстность, но прикрытые іезуитскимъ воспитаніемъ своего времени. Ему было только двадцать одинъ годъ, когда онъ женился въ первый разъ на дѣвушкѣ своего круга; эта первая жена его умерла черезъ пять лѣтъ, и тогда уже объ ея участи ходили такіе слухи, что когда вскорѣ по смерти ея онъ посватался къ другой, многіе отговаривали невѣсту принимать его предложеніе, не смотря на то, что отцовское богатство его было въ это время увеличено неожиданнымъ огромнымъ побочнымъ наслѣдствомъ. Но это была женщина твердаго характера, гордая, властолюбивая и тщеславная и, понадѣявшись на себя, рѣшилась принять предложеніе. Въ домѣ новобрачныхъ не замедлило начаться непрерывное междоусобіе, прерываемое лишь рѣдкими перемиріями. Черезъ нѣсколько лѣтъ ежедневныхъ баталій дѣло дошло до того, что въ одинъ прекрасный вечеръ графъ хватилъ жену каминными щипцами по головѣ, вслѣдствіе чего родственники ея начали противъ него процессъ и добились постановленія суда, по которому графиня получила свободу, а мужъ ея былъ отданъ подъ опеку. Когда она черезъ годъ умерла, опекуномъ ея дочери былъ назначенъ родственникъ графа, маркизь Ф***. Графъ въ это время жилъ открыто съ одной куртизанкой и, получивъ извѣстіе о смерти жены, задалъ пиръ горой. Когда Стефанія Джентили стала являться

въ концертахъ, онъ сдѣлался самымъ пламеннымъ поклонникомъ ея, бросилъ свою содержанку и рѣшился во что бы то ни стало овладѣть молодой красавицей. Узнавъ, что какая то молодежь собирается задавать ей серенаду, онъ подбилъ общество Шерстки произвести нападеніе въ надеждѣ проломить голову предполагаемому сопернику. Когда онъ увидѣлъ между музыкантами графа Бельджіозо, это встревожило его, соперникъ оказался ему не по силамъ; но его успокоили, сообщивъ ему, что у графа есть другой предметъ и что въ Стефанію влюбленъ его пріятель, юній Бароджи. Однако собранныя имъ свѣдѣнія удостовѣрили его, что будетъ совершенно напрасной мечтой стараніе сдѣлать дѣвушку своей любовницей. Онъ ни мало не задумался тогда искать ея руки и обратился даже за помощью къ маркизу Ф***, которъй съ своей стороны представилъ это дѣло монсеньору Опицони.

Монсеньоръ возликовалъ. Въ то время, когда сатана уже, казалось, окончательно восторжествовалъ въ лицѣ маэстро Брамбилла, и дѣвушка готовилась поступить на сцену, представлялся неожиданный случай спасти ее отъ этой пропасти и привести въ убѣжище суиружества. Правда, репутація жениха была ужасна, но монсеньору такъ хотѣлось разрушить всѣ надежды маэстро Брамбилла и отомстить ему за свое пораженіе, что онъ очень легко доказалъ себѣ, что бракъ будетъ имѣть благотворное вліяніе и на графа, что онъ остепенится и обратится къ религіи и что такимъ образомъ онъ за одинъ разъ спасетъ цѣлмхъ двѣ души, устроивъ эту свадьбу. Поэтому онъ съ большой готовностью полетѣлъ сватомъ къ Джентили.

Какъ разъ передъ этимъ къ Стефаніи явился импрессаріо Барбайа. Этотъ пропыра и аферистъ началъ свое поприще прикащикомъ въ винномъ погребѣ, потомъ завелъ кофейню и въ тотъ самый годъ, какъ Вольта открылъ свой столбъ, изобрѣлъ навѣки прославившую его имя Барбайату, смѣсь сливокъ съ кофеемъ и шоколадомъ. Это великое открытіе привело его къ обогащенію; онъ содержалъ потомъ рулетку въ фойе Скалы, а наконецъ, сдѣлался директоромъ и Скалы, и Санъ Карло въ Неаполѣ. Хотя онъ ровно ничего не смыслилъ ни въ чемъ, кромѣ кофея и какао, но былъ одаренъ необыкновеннымъ нюхомъ и умѣлъ открывать рѣдкіе таланты, пребывающіе въ неизвѣстности, и законтрактывать ихъ по дешевымъ цѣнамъ. Узнавъ о Стефаніи въ концертахъ, онъ явился къ ней съ покровительственнымъ видомъ, сказалъ, что у

нея пріятный, хотя небольшой голосъ, при томъ очень непрочный, какъ онъ убѣдился по нѣкоторому дрожанію, и послѣ всѣхъ этихъ предисловіи предложилъ заключить контрактъ на шесть лѣтъ съ платой въ первый годъ 5 тысячъ, въ слѣдующіе три по 6 т., а въ остальные два по 8 т. Это предложеніе весьма разочаровало родителей Стефаніи, которымъ Брамбилла насулилъ гораздо больше. Сама Стефанія рѣшительно отказала, на что импрессарио ни какъ не хотѣлъ согласиться, увѣщевалъ, доказывалъ и объявилъ, что еще вернется за окончательнымъ отвѣтомъ.

Въ это то время явился монсиньоръ Опицони въ качествѣ свата. Предложеніе его ослѣпило родителей Стефаніи. Они жили такъ далеко отъ большого свѣта, что почти понятія не имѣли о графѣ Б***. Синьоръ Джакомо что то слыхалъ о его кутежахъ, но когда заикнулся объ этомъ монсиньору, тотъ до того сталъ восхвалять свой товаръ, что намекнулъ даже на несчастный выборъ двухъ первыхъ жонъ, бывшій будто бы причиной ошибокъ графа. Въ то же время онъ такъ краснорѣчиво распространился о его любви и о богатствѣ и такъ умилительно представилъ, сколько добра можетъ сдѣлать Стефанія въ такомъ высокомъ положеніи, пользуясь вліяніемъ своимъ на влюбленнаго мужа, что родители были совершенно очарованы. Блестящія надежды, поданныя маэстро Брамбиллой, заставили ихъ пренебречь гнѣвомъ монсиньора; теперь выходило, что эти надежды далеко не такъ блестящи, а напротивъ, блескъ открывается въ предложеніи священника.

Когда они объявили о немъ Стефаніи, она отвѣчала, что не хочетъ выходить за мужъ вообще, а за графа Альберика въ особенности, потому что онъ не молодецъ, дурень и въ добавокъ позволилъ себѣ въ отношеніи ея неприличные комплименты. Родители вознегодовали, отецъ разразился бранью; мать принялась допрашивать, нѣтъ ли у нея любовника. Въ домѣ водворились брань и слезы, и чортъ рѣшительно поселился въ квартирѣ семьи, проныкнувъ туда подъ рясой своего заклятаго врага, монсиньора. Наконецъ родители отъ себя разрѣшили графу бывать. Его свѣтскій лоскъ и тактъ позволили ему воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Онъ держалъ себя скромно, почтительно, безукоризненно. Отецъ и мать блаженствовали, синьоръ Джакомо, полушутя, полусерьезно, называлъ дочь ваше сіятельство, мать чуть не молилась на нее и благоговѣла передъ ней, какъ передъ высшимъ существомъ. Когда

настала рѣшительная минута, Стефанія не нашла въ себѣ духа отказомъ ниспровергнуть все это блаженство и снова вернуть прежній адъ. Къ общему восторгу она дала согласіе, за что монсиньоръ умиленно возблагодарилъ небо. Графъ, дошедши до послѣднихъ предѣловъ животной страсти, даже подобрѣлъ и смягчился внутренно, узнавъ, что желаніе его сбылось. Въ эту минуту онъ дѣйствительно мечталъ сдѣлать Стефанію счастливой. Въ себя отъ радости, онъ полетѣлъ къ маркизу Ф***, который завѣдовалъ опекой надъ его имуществомъ, чтобы попросить у него займы сто тысячъ лиръ на свадебные расходы. Къ его изумленію маркизь принялъ его очень сухо и сказалъ рѣшительно:

— Не дамъ ничего, мнѣ не до тебя.

— Что случилось?

— Случилось то, что мнѣ нельзя раздавать деньги, особенно на прихоти, которыя ведутъ къ безобразію.

— Къ какому безобразію?

— Къ такому, что я не повимаю, какъ дѣвушка въ 18 лѣтъ съ такимъ талантомъ и красотой можетъ выходить замужъ за подобнаго тебѣ. Я просилъ монсиньора взяться за это дѣло, чтобы отдѣлаться отъ тебя; но я рассчитывалъ, что онъ все скажетъ ей родителямъ, скажетъ, что тебѣ 37 лѣтъ и что ты уже дважды вдовецъ.

— Что это за рѣчи? Чѣмъ же я виноватъ, что мои жены умерли?

— Не знаю. Но я не выдалъ бы дочь за человѣка, который мѣняетъ жонъ, какъ собакъ. А денегъ я не дамъ.

Эта внезапная переменна была результатомъ извѣстія, полученнаго маркизомъ, что дѣло о наслѣдствѣ его внучатнаго дяди грозитъ возобновиться очень неприятнымъ для него образомъ, такъ какъ директоръ полиціи получилъ письмо весьма важнаго содержания отъ нотариуса Агудіо, находящагося при смерти въ деревнѣ своей близъ Варезе.

VII.

Въ эту эпоху въ Миланѣ свирѣствовала мода на русскія горы. Какой то антрепренеръ завелъ въ загородномъ трактирѣ «Горы Фавора» за Римскими воротами, катанье съ гладкаго паркетнаго спуска шаговъ въ 150 длины на маленькихъ санкахъ, гдѣ могъ удобно помѣститься одинъ человекъ, а то и двое, если одинъ соглашался сидѣть на колѣпяхъ у другаго. Это нововведеніе произвело фуроръ, и трактиръ былъ всегда такъ переполненъ народомъ, что счастливый изобрѣтатель, взимая по 50 сантимовъ за входъ, получалъ до 3,000 франковъ въ день.

Въ воскресенье 24 сентября, послѣ обѣда, множество экипажей стояло передъ воротами заведенія, и тутъ же толпилась густая толпа кучеровъ, слугъ и той части публики, которая не имѣла въ карманѣ по 50 сантимовъ или предпочитала истратить ихъ на выпивку; стоя передъ воротами, она слушала даромъ музыку двухъ военныхъ оркестровъ, игравшихъ на дворѣ и въ саду трактира. Народу было больше обыкновеннаго, потому что ожидали приѣзда эрцгерцога и эрцгерцогини, имѣвшихъ изъ Вѣны инструкцію приобрести популярность, являясь въ публику.

Въ шесть часовъ ихъ высочества прибыли въ двухъ каретахъ шестернями, предшествуемая желтымъ скороходомъ, и были привѣтствуемы дружными рукоплесканіями и виватами. Особенно эрцгерцогиня возбудила чрезвычайный энтузіазмъ, когда понеслась въ санкахъ, причемъ развѣвающіяся юбки обнаружили пару такихъ полныхъ и круглыхъ нборъ, какихъ никто не ожидалъ увидѣть. Для иностранца, не посвященнаго въ текущую политику, не было бы сомнѣнія, что въ Миланѣ царствуетъ золотой вѣкъ, что итальянцы пылаютъ любовью къ своимъ нѣмецкимъ государямъ, что историческій барометръ показываетъ прочно ясную погоду и что все населеніе погружено въ какое то ослиное благодушіе. Онъ едва ли повѣрилъ бы, что только что изданъ декретъ противъ карбонаровъ, публично обѣщаны награды за доносы на нихъ, что многочисленныя войска двигаются на Тичино и По, и что неаполитанскій консулъ высланъ полиціей изъ Милана за конституцію, вытребованную отъ его короля, какъ будто онъ могъ распространить ее, какъ жолтую лихорадку или черную оспу. Трудно было повѣрить,

что подъ городомъ на всѣхъ дорогахъ рыщутъ шайки разбойниковъ, а въ городѣ всякую ночь совершаются драки, убійства и грабежи.

Трогательный союзъ правящихъ съ управляемыми не замедлилъ обнаружиться и среди толпы, наполнявшей дворъ и садъ увеселительнаго заведенія.

Джуніо Бароджи стоялъ одинъ на террасѣ остеріи, откуда видна была вся гуляющая публика, когда почувствовалъ, что кто то прикасается къ его плечу и, оглянувшись, увидѣлъ Суарди съ какимъ то молодымъ человѣкомъ приятной наружности и щегольски одѣтымъ.

— Возвращаю вамъ вашего друга, сказалъ этотъ господинъ:— Я былъ такъ счастливъ, что могъ способствовать его освобожденію. Мы искали васъ, были у васъ на квартирѣ и, не заставъ, предположили, что вы здѣсь. Всего часъ, какъ вашъ другъ покинулъ свою келью. Очень радъ, что могъ исполнить свое обѣщаніе вамъ освободить его.

Этотъ молодой человѣкъ былъ не болѣе, не менѣе, какъ австрійскій чиновникъ, секретарь регирунгсрата Пагани, который въ свою очередь былъ помощникомъ директора полиціи барона Гегаузена. Бароджи хлопоталъ черезъ него по дѣлу Суарди, но до сихъ поръ хлопоты были безуспѣшны. Теперь же секретарь сообщилъ Бароджи, что дѣло приняло неожиданный оборотъ, что маркизъ Ф*** вдругъ самъ принялся ходатайствовать объ освобожденіи Суарди, отказавшись отъ всякихъ претензій противъ него за учиненный скандалъ и что вслѣдствіе этого Суарди былъ освобожденъ. Эта перемена въ маркизѣ была слѣдствіемъ неожиданнаго письма нотариуса Агудіо къ директору полиціи, письма, уведомлявшаго полицію и президента гражданскаго суда, что шесть лѣтъ тому назадъ имъ были переданы адвокатамъ Гамбаронѣ и Фальки важные документы по дѣлу о наслѣдствѣ Ф***. Это письмо должно было имѣть важное вліяніе на судьбу Бароджи.

Выслушавъ все это, Бароджи разговорился съ секретаремъ о постороннихъ дѣлахъ.

— Взгляните, говорилъ онъ, какъ всё толпится вокругъ Томасо Гросси, точно хотятъ посмотреть, такіе ли у автора Ильдегонды носъ, глаза и уши, какъ у всѣхъ смертныхъ. Какой успехъ! Всего нѣсколько дней, какъ книжка вышла, и уже такая слава!

— Да, мы шибко пошли впередъ. Въ апрѣлѣ вышла Кармань-ола, а въ сентябрѣ Пльдегонда.

— Скажите пожалуйста, что это за капитан полка Бельгарда, съ которымъ Гросси разговариваетъ?

— Это одинъ юноша изъ Бергамо, музыкантъ, ученикъ Майера, поссорился съ отцомъ, который не позволялъ ему заниматься музыкой и поступилъ въ солдаты. Майеръ замолвилъ за него генералу Бубиѣ, и тотъ распорядился, чтобы молодому гренадеру было дано время писать музыку.

— Какъ его зовутъ?

— Доницетти.

— А, я слышалъ его Ливонскаго Платника; очень хорошая музыка.

— Да, но кто бы подумалъ, что этотъ высокій, толстый, красивый гренадеръ такой музыкантъ?

— Что же? Чимароза былъ шарообразенъ, Джамелли не могъ сидѣть на одномъ стулѣ, а Россини имѣетъ такую пухлую, лосную физиономію, что трудно понять, какъ изъ подъ нея вылился плачь Дездемоны.

Между тѣмъ Суарди разговаривалъ въ сторонѣ съ Бикинкаммеромъ.

— Ну, говорилъ послѣдній, ты напрасно являешься въ такомъ обществѣ, какъ этотъ чиновникъ.

— Да онъ же меня выручилъ изъ тюрьмы, былъ со мною чрезвычайно любезенъ и самъ настоялъ проводить меня въ Бароджи и сюда.

— Его всѣ хвалятъ, но я не понимаю, какъ можно слѣдить разомъ и Богу, и чорту.

— Не знаю; только онъ очень услужливъ и такъ искренно былъ радъ моему освобожденію. Ногариусъ Агудіо въ письмѣ къ директору полиціи тоже просилъ за меня. Этого я уже не понимаю; съ какой стати? Секретарь самъ показывалъ мнѣ его письмо.

— Какъ оно очутилось у него?

— Очень просто; директоръ полиціи передалъ его совѣтнику Полани, а этотъ все ему сообщаетъ.

— А маркизу Ф**** кто сообщилъ письмо?

— Все онъ же, и маркизъ такъ испугался, что тотчасъ отказался отъ претензіи противъ меня и просилъ о моемъ освобожденіи.

— А куда дѣвалось письмо?

— Не знаю.

— Тутъ что то темно. До сихъ поръ кромѣ твоего освобожденія не видно никакихъ результатовъ письма. Маркизь такъ силенъ...

— Я думаю, не хочеть ли секретарь устроить сдѣлку между маркизомъ и Бароджи.

— Какая же сдѣлка, когда теперь все ясно, и Бароджи слѣдуетъ получить свое безъ всякихъ сдѣлокъ.

Въ это время къ нимъ присоединились Бароджи съ чиновникомъ, и всѣ четверо направились къ мѣстамъ по двѣ лиры, окружавшимъ ротонду, гдѣ сидѣлъ дворъ. Тутъ сидѣло и семейство Джентили съ графомъ Альберикомъ. Съ того вечера, когда эрцгерцогиня подарила браслетъ Стефаніи, ея мать считала себя какъ бы въ родствѣ съ принцессой и являлась всюду, гдѣ могла ее встрѣтить въ надеждѣ, что эрцгерцогиня удостоитъ ея дочь благосклоннаго вниманія.

На этотъ разъ надежда не обманула ея. Эрцгерцогиня Елисавета, урожденная принцесса Савойская, осматривая публику, увидѣла и узнала Стефанію и подозвала ее къ себѣ. Всѣ глаза устремились на дѣвушку, она была въ простомъ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ голубой отдѣлкой. Эрцгерцогиня, сама очень молодая и красивая женщина, заговорила съ ней самымъ дружескимъ тономъ и между прочимъ спросила ее, не собирается ли она замужъ. Синьора Джентили поспѣшила отвѣтить за дочь и представить графа Альберика, какъ ея жениха. Принцесса посмотрѣла на него свысока и повидному была нещпріятно удивлена. Она была откровеннаго и прямого характера и, не смотря на свое дворцовое воспитаніе, не умѣла скрывать впечатлѣній.—Постойте, сказала она Стефаніи, я поищу вамъ кавалера для катанья въ санкахъ. И обведя взглядомъ всю толпу, она остановила его на молодомъ, добромъ лицѣ Бароджи, который съ восторженнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на Стефанію; съ безцеремонностію, на которую ей давали право ея высокое молодое и ея молодость, она бивнула ему и сказала:—будьте вы кавалеромъ нашей пѣвицы, прокатите ее.

Эта оригинальная выходка изумила всю публику, привела въ оцѣпенѣніе родителей Стефаніи, заставила позеленѣть графа Альберика и привела въ крайнее смущеніе юношу. Только эрцгерцогъ Райнеръ, мужчина не первой молодости, массивный, здоровый, ру-

мянный, съ типичной австрійской фізіономіей, апатичный и влюбленный въ молодую жену, добродушно улыбался ея причудѣ. Графъ Альберикъ прошипѣлъ на ухо синьорѣ Джентили: «Предупредите же этотъ скандалъ». Стефанія стояла передъ принцессой, въ недоумѣніи посматривая то на родителей, то на сконфуженнаго Бароджи.

— Что же ты? шепнулъ ему Бикинкомеръ. Не робѣй, братъ! Сама эрцгерцогиня тебѣ свахой? Самъ Людовикъ XV не пожелалъ бы больше.

Какъ часто бываетъ съ робкими людьми, когда они рѣшятся преодолѣть робость, Бароджи вдругъ вышелъ изъ замѣшательства, необыкновенно развязно поклонился принцессѣ, съ отчаянной смѣлостью подавъ руку дѣвухѣ и повелъ ее къ санкамъ. Усадивъ ее, онъ всталъ на запятки, и они покатили. Онъ наклонился надъ нею, и когда въ быстромъ движеніи вѣтеръ приподнялъ ее локоны, онъ поцѣловалъ ихъ на лету; она почувствовала это, и священный трепеть пробѣжалъ у нея по спинѣ. Ни слова не было произнесено между ними во время быстрого полета санокъ, но высаживая ее, онъ уже могъ сказать, какъ послѣ долгаго объясненія: падо вамъ отдѣлаться отъ этаго негодяя, на что она также отвѣчала, какъ бы подразумѣвая цѣлый предшествующій разговоръ: ахъ, уже поздно! Эрцгерцогиня собиралась уѣзжать, она снова подозвала Стефанію, надѣла ей свое кольцо на палецъ и пенсула: если вамъ понадобится защита, обращайтесь ко мнѣ; я не дамъ васъ въ обиду. Дворъ уѣхалъ; родители и жепихъ окружили Стефанію, точно опасаясь нападенія, но она, разсѣянно отвѣчая на ихъ вопросы, искала глазами Бароджи.

ХІІІ.

Стемнѣло. Въ Бикинкомеру подошли два человѣка и, взявъ его въ сторону, сказали:

— Они здѣсь.

— Кто?

— Фальки съ мужемъ; но съ ними цѣлое общество.

— Они пѣшкомъ или въ экипажѣ?

— Въ каретѣ.

— Есть ктонибудь изъ товарищей?

— Есть теплые ребята, готовы головы проломить.

— Ломанія головъ пыче не будетъ. Въ другой разъ. Сегодня надо только заполнить адвокатшу. Надо слѣдить за ея экипажемъ.

Люди эти были богатый прикащикъ Гранцини, имѣвшій ночью послѣ смерти Принны таинственное пренепрательство съ адвокатшей, членъ общества Шерстки, и другой старинный знакомый ея, Бернакки, бывшій кучеръ, долго сидѣвшій въ сумашедшемъ домѣ послѣ своего покушенія на жизнь маркиза Висконти. Бикинкоммеръ, знавшій кое что объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ къ адвокатшѣ, думалъ осуществить черезъ нихъ часть обширнаго затѣяннаго имъ военнаго плана. Фундаментомъ этого плана было письмо нотариуса Агудіо, надѣлавшаго такого перенолоха въ судѣ, въ полиціи и въ домѣ маркиза Ф***. Нотариусъ былъ неповиненъ въ этомъ письмѣ, которое было плодомъ каллиграфскаго искусства Бикинкоммера. Онъ зналъ, что нотариусъ такъ тяжело боленъ, что обманъ не сразу разоблачится, и дѣйствительно посланный къ нему въ деревню актуариусъ суда не былъ допущенъ къ нему лечившимъ его врачомъ. Бикинкоммеръ могъ даже надѣяться, что Богъ приберетъ нотариуса, прежде чѣмъ онъ успеетъ раскрыть обманъ. Но тогда предстояла бы провѣрка письма, и могли бы возникнуть сомнѣнія въ его подлинности. Поэтому не худо бы было заручиться другими уликами, и эти то улики онъ предполагалъ выжать изъ адвокатши, которая, какъ ему было извѣстно, знала всѣ тайны своего мужа. Похищенія женщины не были необыкновеннымъ поступкомъ со стороны общества Шерстки. Поэтому, давая инструкціи Гранцини и Бернакки, Бикинкоммеръ сказалъ: знайте же, что должны доставить ее въ Симонету, гдѣ нашъ чудакъ баронъ устроилъ другое чудачество, которое послужитъ намъ на пользу въ случаѣ, если Фальки вздумаетъ послѣ жаловаться, потому что тогда все сойдетъ за шутку, неизбѣжную никакой серьезной цѣли; къ такимъ шуткамъ наши уже привыкли всѣхъ.

Проводивъ своихъ агентовъ, Бикинкоммеръ подошелъ къ Бароджи и спросилъ его:

— Сегодня вечеромъ не увидимся?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бароджи, — но я уже говорилъ о тебѣ графу,

и завтра ты будешь формально принятъ въ наше общество и увидишь всѣхъ членовъ.

— Хорошо; гдѣ же собираются?

— Сегодня у башмачника Ропкети, а завтра у графа: всякій день въ другомъ мѣстѣ.

Покинувъ Бароджи, Бикинкоммеръ вышелъ изъ воротъ заведенія и сталъ приглядываться къ экипажу Фальки. Это былъ новомоднѣйшій фазтонъ съ англійской упряжкой, безъ кучера на козлахъ, котораго замѣнялъ жокей, сидѣвшій на одной изъ лошадей. Бикинкоммеръ сказалъ Бернакки, который стоялъ въ толпѣ кучеровъ:

— Жаль, что они не иѣшкомъ.

— Разумѣется, лучше было бы.

— Ну, въ томъ то и дѣло, чтобы экипажъ оказался негоденъ.

— Какъ же сдѣлать это?

— Учинить какую нибудь суматоху, напугать лошадей, что нибудь такое. Кромѣ тебя есть еще какой нибудь вѣрный человекъ съ фіакромъ?

— Можно найти.

— Стало бытъ, держи на готовѣ два фіакра.

— Хорошо.

— А я пойду наблюдать за ней.

— Она у музыки подлѣ генерала Бубны.

— Хорошо, что она меня не знаетъ; я могу наблюдать за нею близко. Впрочемъ, прежде пойду взгляну на ея кучера.

Онъ подошелъ къ экипажу Фальки, запустивъ руки въ карманы, и сталъ любоваться, повидимому, на чистокровныхъ коней, но больше посматривать на жокея: «Ишь ты, думалъ онъ про себя: сейчасъ видно выскочекъ; съ милліонами обзавелись англійскими фазтонами и лошадьми, а въ жокеи взяли какого то деревенскаго олуха. Что, братъ? Хоть и въ лосиныхъ штанахъ и въ дивреѣ, а видно, что взять отъ сохи.

Онъ постоялъ въ раздумьи, отошелъ, еще подумалъ, перемигнулся съ Бернакки, Грандини и другими и направился въ кухню трактира.

— Есть сырая печенка? спросилъ онъ повара.

— Есть. Прикажете зажарить?

— Нѣтъ, мнѣ сырую, такой ужъ у меня вкусъ.

— Какъ же такъ?

— Да я тебѣ заплачу, какъ за жареную и пережареную. Давай.

— Берите; не испачкайтесь.

Бикинкоммеръ вышелъ съ своимъ приобретениемъ.

Начался разъѣздъ. Экипажи подъѣзжали одинъ за другимъ при появленіи изъ воротъ своихъ господъ или ихъ слугъ. Между ними была суматоха; члены общества Шерстки сновали кругомъ, окружая фазтонъ Фальки. Въ ту минуту, какъ жокей, готовясь подать экипажъ, сѣлся на сѣдло, Бикинкоммеръ подошелъ къ нему и мазнулъ печенкой по бѣлымъ штанамъ. Фальки съ мужемъ вышла. Жокей выѣхалъ подавать. Вдругъ вокругъ него раздались крики: «Стой! Стой! Что это? Смотри! Онъ раненъ! Вы ранены! Вы весь въ крови!» Жокей оглянулся, увидѣлъ кровь, испугался, затащилъ поводья, сталъ кричать; лошади встревожились, стали биться, пугая толпу; одни разбѣгались, другіе подбѣгали. Какіе то обязательные люди подхватили испуганнаго жокея, удержали лошадей, ободрили хозяевъ; Бернакки вскочилъ на сѣдло, выѣхалъ изъ толпы и поскакалъ въ галопъ. За нимъ понеслись два фіакра, кучера которыхъ отчаянно ругались между собой; когда они догнали фазтонъ, въ руготнѣ ихъ принялъ участіе и жокей его. Всѣ три экипажа остановились, и кучера, и жокей сошли съ мѣсть; изъ фіакровъ вылѣзали люди, и все это готовилось, повидимому, вступить въ драку. Адвокатъ, высунувшись изъ экипажа, сталъ кричать и бранить своего жокея; тогда всѣ бросились на него, вытащили его изъ экипажа, а жокей въ то же время очутился на лошади и, повернувъ экипажъ, поскакалъ въ противную сторону отъ города, не взирая на крики Фальки, которая напрасно вопила, что мужъ ея остался на дорогѣ. Оба фіакра также повернули и во весь опоръ помчались за фазтономъ, покинувъ несчастнаго адвоката.

IX.

Мы не знаемъ, что думалъ и чувствовалъ сянборъ Фальки, очутившись въ такомъ критическомъ положеніи на большой дорогѣ. Жена же его была такъ поражена всѣмъ случившимся, что не узнала въ суматохѣ и въ потьмахъ Бернакки и даже не замѣтила, что ее везутъ не въ городъ, а въ противную сторону. Она опом-

нилась только тогда, когда экипажъ загремѣлъ въ воротахъ загороднаго замка, въ которомъ она къ неопisanному своему удивленію узнала знакомый ей замокъ Симонету, знаменитый своимъ эхо. Изумленіе перешло въ ужасъ, когда предъ ней предсталъ Бернакки, соскочившій съ лошади передъ крыльцомъ и обратившійся къ ней со словами: «поблагодарите меня, я васъ спасъ». Этотъ ужасъ еще увеличился, когда вслѣдъ за ней въѣхали на дворъ два фіакра и изъ нихъ вылѣзло десять человѣкъ, между которыми она узнала Гранцини. Ее, повидимому, ждали. На встрѣчу ей вышелъ высокій и толстый человѣкъ, совершенно плѣшивый, хотя еще не старшій, съ краснымъ лицомъ и носомъ Фальетафа, одѣтый въ простое охотничье платье, но державшій себя хозяиномъ. Въ городѣ между своими аристократическими собратьями онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ барона Весельчака, а въ народѣ носилъ прозвище Разрази, потому что однажды убилъ шестерыхъ напавшихъ на него одного разбойниковъ. Онъ не былъ владѣльцемъ Симонеты, но недавно напаялъ этотъ замокъ и поселился въ немъ.

— Хотя я не имѣю удовольствія знать васъ лично и вы меня тоже не знаете, обратился онъ къ адвокатшѣ,—но я очень радъ, что вы пожаловали сюда. Здѣсь вы найдете отличное общество женщинъ, вполне достойныхъ васъ, и кавалеровъ, какихъ не ожидаете, хотя, можетъ быть, не совсѣмъ такихъ, какихъ вы желали бы. Я не говорю о себѣ и объ этихъ господахъ; мы обыкновенные люди.

Фальки, озадаченная и испуганная, отвѣчала:

— Я дѣйствительно васъ не знаю; поэтому будьте такъ добры, объясните мнѣ, зачѣмъ я пошла въ этотъ домъ, гдѣ вы, повидимому, хозяинъ.

— Говори ты, сказалъ баронъ Бернакки.

— Меня то вы знаете, обратился извопикъ къ Фальки.

— Знаю.

— По чьей винѣ я просидѣлъ два года въ сумасшедшемъ домѣ?

— Вѣрно по своей, если сумасшедшіе могутъ быть виноваты.

— А если они не виноваты, значитъ, виноватъ тотъ, кто награвливаетъ ихъ на убійство. Господа, вотъ подлая вѣдьма, которая довела честнаго малаго до преступленія.

— Повимаете теперь? сказалъ баронъ.—вы здѣсь передъ судомъ?

— А меня вы знаете, синьора? сказалъ Гранцини.

— Знаю.

— Ну!

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Тутъ не далеко кладбище, не лежатъ ли тамъ кто нибудь, кто мерещится вамъ по ночамъ?

— Что вы говорите, я не знаю.

— Такъ хотите, я скажу всѣмъ то, чего вы не знаете.

— Да, и мы будемъ судить, сказалъ баронъ гробовымъ голосомъ.

— А знаете вы нотариуса Агудіо? спросилъ Бикинкоммеръ.

— Нѣтъ.

— Знаете и знаете, какъ покупать у него нужныя бумаги во вредъ бѣдному семейству и въ пользу богача.

— Ничего не знаю.

— Ну, мы найдемъ средства заставить васъ сознаться въ истинѣ.

— Да, мы будемъ васъ судить, прорычалъ баронъ, какъ изъ бочки.

Послѣ того ее ввели въ большую освѣщенную залу, гдѣ уже сидѣло нѣсколько плачущихъ женщинъ и около дюжины чудовищныхъ карликовъ.

Намъ надо объяснить присутствіе этихъ карликовъ. Порода ихъ, разведенная средневѣковой аристократіей въ итальянскихъ городахъ, до сихъ поръ очень многочисленна, и большинство ихъ отличается ужасной злобой. Однимъ изъ самыхъ злыхъ былъ извѣстный всему Милану «напъ Гасджотъ», по профессіи цвѣточникъ, принадлежавшій къ разряду такъ называемыхъ на непереводаемомъ народномъ языкѣ безіосовъ. Эти карлики отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, часто геркулесовской силой, ужаснымъ безобразіемъ, происходящимъ отъ крайней непропорціональности. Гасджотъ былъ не только золъ, но дерзокъ, грубъ и нахально привязывался самымъ циническимъ образомъ ко всѣмъ женщинамъ, оскорбляя ихъ словами и дѣйствіями. Такъ случилось ему затронуть одну дѣвushку, короткую пріятельницу одного изъ членовъ общества Шерстки. Чтобы наказать его, этотъ человекъ придумалъ продержатъ его въ заключеніи въ замкѣ у барона, который охотно согласился. Это навело общество Шерстки на мысль заняться систематическимъ похищеніемъ карликовъ, что и было приведено въ исполненіе. Началась настоящая травля карликовъ, которые послѣ нѣсколькихъ похищеній узнали о грозящей имъ опасности; самые знаменитые изъ нихъ, которымъ она больше грозила, всячески укрывались отъ

своихъ преслѣдователей, но это еще болѣе подстрекало жаръ охотниковъ, и забава была очень веселая. Наконецъ, набравъ до дюжины карликовъ, ихъ хотѣли угостить роскошнымъ промѣмъ и отпустить, но тутъ Бикинкоммеру пришла мысль воспользоваться этимъ собраніемъ.

— Я часто думаю, сказалъ онъ барону, что съ подлецами мы расправляемся палками, а на подлыхъ женщинъ у насъ нѣтъ никакой расправы. Что-бы изобрѣсти для наказанія тѣхъ тварей, которыя не стыдятся заводить любовныя интриги съ австрійскими офицерами или такнхъ, какъ снпюра К*** (извѣстная въ то время красавица), которая хохотала въ ложѣ вечеромъ того дня, когда любовникъ ея пустилъ себѣ пулю въ лобъ? Чѣмъ ихъ пронять? Одно только средство — подвергнуть опозоренію, но не нравственному, идеальному, — это на нихъ не подѣйствуетъ, — а физическому, матеріальному. Вотъ примѣръ запретъ-бы ихъ на почтѣ въ обществѣ этихъ карликовъ и пожелать пріятнаго сна.

Бикинкоммеръ сказалъ это въ шутку, но баронъ горячо ухватился за эту мысль.

— Превосходно! сказалъ онъ: — грѣшно было-бы оставить втунѣ такую счастливую мысль. Надо этимъ запастись; вотъ будетъ погѣха! что всѣ прежнія похищенія!

— Позвольте; это очень опасно; барыни знатныя.

— Тѣмъ лучше; тѣмъ больше скандала.

Онъ такъ дѣятельно принялся за осуществленіе этой мысли, что къ тому дню, когда Фальки была привезена въ Симонету, у него уже сидѣло нѣсколько плѣнницъ. Когда баронъ ввелъ Фальки въ залу, онѣ сидѣли тамъ съ видомъ плѣнныхъ Зиновій.

— Сударыни, возгласилъ онъ, вотъ вамъ еще достойная подруга, вѣроятно знакомая вамъ. Изъ за нея то нѣкоторымъ изъ васъ пришлось двое сутокъ дожидаться размызки. Теперь ожиданіе кончено, и завтра вы вернетесь по домамъ, а пока прошу васъ поужинать. Такъ какъ я и друзья мои недостойны васъ, то я пригласилъ вамъ для компаніи этихъ господъ. Желаю вамъ аппетита.

При этихъ словахъ дверь отворилась, открылась другая ярко освѣщенная зала, и ливрейный лакей объявилъ: кушанье подано!

Слѣдуя наставленію Горація: *Nec pueros cogam populo Medea trucidet*, мы не послѣдуемъ въ эту залу. Можно описывать ужинъ

Альфонна и черепъ Кунимунда, но расправу членовъ Шерстки могъ бы изобразить только Аретинъ. Бикинкомеръ положилъ впрочемъ скоро конецъ этой сценѣ, и въ ту же ночь несчастныхъ баринь отправили въ Миланъ. Синьору Фальки задержали дольше, что бы добиться отъ нея признаній по дѣлу Агудіо, но эта неустрашимая женщина, освирипѣвшая, а не струсившая, ничего не сказала, и пришлося отослать ее, ничего отъ нея не добившись. Баронъ поспѣшно удралъ въ швейцарскій Кантонъ Тессинъ, гдѣ у него было имѣніе, а прочіе члены, незнакомые дамамъ, кромѣ Бернаки и Гранцини, которыхъ знала Фальки, остались въ Миланѣ. Хотя эхо замка Симонеты молчало, но въ Миланѣ поднялся шумъ. Дамы, правда, не имѣли желанія жаловаться, но нѣкоторыя изъ нихъ пронадали изъ дому по двое сутокъ, и родные ихъ успѣли забить тревогу, такъ что хотя подробностей не рассказывали, но общій крикъ поднялся противъ общества Шерстки и противъ австрійскихъ властей, терпящихъ подобныя ужасы. Синьора Фальки, хотя вѣдь себя отъ бѣшенства, была расположена больше другихъ молчать, боясь разоблаченій Бернаки и Гранцини. Но планъ Бикинкомера рушился. Нотаріусъ Агудіо неожиданно выздоровѣлъ, и подлогъ письма обнаружился. Мало того: возбуждилось подозрѣніе противъ Бароджи, какъ лица главнымъ образомъ заинтересованнаго въ этой поддѣлкѣ.

X.

Бароджи, ничего не знавшій, обѣдалъ съ Бикинкомеромъ въ ресторанѣ, когда изъ разговоровъ сосѣдей услышалъ въ первый разъ толки о похищеніи дамъ и о неслыханномъ скандалѣ, устроенномъ членами общества Шерстки. Онъ спросилъ Бикинкомера, правда ли это, и тотъ во-всемъ сознался ему. Бароджи пришелъ въ ужасъ и негодованіе, и сталъ убѣждать Бикинкомера выйти изъ общества.—Я тебѣ говорилъ, сказалъ онъ, что тебѣ надо поступить къ намъ; сегодня у насъ опять собраніе у башмачника Ронкоти, и мы вмѣстѣ отправимся туда. Намъ нуженъ человекъ, хорошо знающій Пиемонтъ, и ты намъ будешь очень кстати. Если

у васъ въ Шерсткѣ есть еще люди, способные отстать отъ безобразныхъ дурачествъ и взяться за серьезное дѣло, ты приведешь ихъ къ намъ. Пока я тебя научу нашему условному знаку. Если ты встрѣчаешь незнакомаго человѣка и не знаешь, какъ говорить съ нимъ, ты прежде чѣмъ вступать въ разговоръ, кланяешься ему, сложивъ руки вотъ такъ; если въ отвѣтъ на это онъ коснется рукой бедра, какъ-бы хватаясь за рукоятку шпаги, значитъ онъ изъ федератовъ. и ты можешь говорить съ нимъ откровенно.

— Но вѣдь вы не то, что карбонары и франкмасоны.

— Нѣтъ, но мы имѣемъ сношенія съ карбонарами.

— Есть у васъ тоже іерархія?

— Нѣтъ, у насъ только двѣ степени: начальники и рядовые.

— Какая между ними разница?

— Начальникъ обязанъ завербовать по крайней мѣрѣ четырехъ человѣкъ, которымъ передаетъ приказанія. Я вотъ тебя четвертаго вербую.

— Такъ у башмачника Ронкетти?

— Да. У насъ аристократія держится особнякомъ, и мало такихъ, какъ я, которые посѣщаютъ и собранія у Ронкетти, и собранія у графа Эмилио.

— Ну, это плохо.

— Что дѣлать? Надо брать то, что есть.

Они вышли изъ ресторана, погуляли до вечера, посидѣли въ остеріи Трехъ Дроздовъ, тогда самой модной, выпили бутылку Виллакортезе, тоже самага моднаго, и въ восемь часовъ вошли въ домъ Ронкетти. Это былъ типъ рабочаго ума, плебейской честности и демагогическаго энтузіазма. Превосходство его природнаго ума было таково, что самые образованные и замѣчательные люди того времени дорожили его знакомствомъ, и онъ, простой башмачникъ, могъ подъ конецъ жизни похвастаться собраніемъ автографовъ, не хуже Альгаротти или Талейрана. У него большею частью собиралось тайное общество федератовъ. Бароджи, явившись туда, отрекомендовалъ Бикинкоммера, объяснивъ, что онъ принадлежитъ къ обществу Шерстки, среди котораго можно произвести усильную вербовку, такъ какъ въ немъ есть люди хорошіе и энергическіе, понавшіе туда только за недостаткомъ всякой другой дѣятельности. Предложеніе это было принято, но уже на другой день оказалось опоздавшимъ. Полиція пробудилась наконецъ изъ своей апатіи и

своими дѣйствіями доказала, что прежняя терпимость ея была совершенно добровольная. Въ одинъ день было арестовано Солѣе 60 человекъ, которыхъ за недостаткомъ мѣста заперли сначала въ монастырѣ Санъ Марко, а потомъ спровадили въ Венгрію и Моравію. За этими арестами послѣдовали другіе. Графъ Альберикъ, явился къ губернатору съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и сознаниемъ въ принадлежности къ обществу; онъ заявлялъ, что чувствуетъ величайшее негодованіе противъ общества, дошедшаго до возмутительныхъ безобразій, на которыя онъ считалъ его неспособнымъ; чтобы прекратить эти безобразія и доказать свое раскаяніе, онъ назвалъ многихъ членовъ его, въ томъ числѣ и Бароджи, что было неправдой. Тѣмъ не менѣе Бароджи получилъ анонимную записку, которую онъ приписалъ секретарю совѣтника Пагани, съ совѣтомъ уѣхать, такъ какъ «общество открыто». Принявъ это на счетъ своего общества, онъ успѣшилъ уѣхать изъ Милана.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I.

Парижъ—столица міра: въ этомъ надо признаться и не французамъ. Онъ наследовалъ въ этомъ главенствѣ древнему Риму. Парижъ столица міра, потому что всегда и во всемъ служитъ его представителемъ и органомъ, выражаетъ и осуществляетъ все его смутныя идеи и стремленія; потому что, не щадя себя, собираетъ себя какъ въ фокусъ все электричество мысли, бродящее въ мірѣ; потому наконецъ, что онъ есть общее отечество всехъ великихъ умовъ. Парижъ чтитъ геній, откуда бы онъ не вышелъ, и умѣетъ всегда оцѣнить великаго пророка, непризнаннаго и гонимаго въ отечествѣ.

Десятаго августа 1829 г. поздней ночью Джулио Бароджи съ своимъ другомъ Суарди возвращались къ себѣ на квартиру въ третьемъ этажѣ красиваго небольшого дома въ Сите близъ Двойного моста. Когда они вошли въ комнату, изъ сосѣдней раздался голосъ:

— Славно, господа! Сейчасъ пробило половина четвертаго. Вотъ вы какъ кутите въ Парижѣ!

— Другъ мой, это совсѣмъ особый случай. Мы присутствовали на торжествѣ Италіи во Франціи. Парижане давали серенату Россіи, а потомъ мы сидѣли въ кафе Тортони, куда послѣ серенаты собрались Галеві, Элгръ, Нодье, Мюссе, Арманъ Каррель, Виньи, Деларошъ.

Съ этими словами Бароджи и Суарди вошли въ комнату гово-

рившаго. Это былъ недавно прїѣхавшій изъ Милана по дѣлу Ф*** — Бароджи, адвокатъ Монтанара; онъ лежалъ въ постели.

— То то вы такъ сіяете! сказалъ онъ:— а Суарди, говорить, что ты все грустишь..

— Чему же мнѣ веселиться?

— Но и грустить нѣтъ причины, Ты молодъ, хорошъ собой, уменъ, никогда не зналъ бѣдности, а теперь даже можешь назвать себя капиталистомъ.

— Да, братъ, двадцать тысячъ дохода! воскликнулъ Суарди.

— Пожалуй и тридцать, замѣтилъ Монтанара. Впрочемъ я знаю его еще со школьной скамьи; мы вмѣстѣ учились въ Павіи; я былъ на четвертомъ курсѣ, а онъ на первомъ. Всегда былъ буйкой; я тогда же обѣщаль ему, что, сдѣлавшись адвокатомъ, выхлопочу ему наслѣдство, чтобы развеселить.

— А въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ это удалось? спросилъ Суарди; вѣдь никому не удавалось.

— Адвокатъ, все равно, что полководецъ, сказалъ, Монтанара;— ему мало знать технику своего ремесла; онъ долженъ знать людей, умѣть пользоваться всѣми представляющимися обстоятельствами, хотя и нелегальными. Не въ томъ дѣло, чтобы адвокатъ былъ великимъ юристомъ; тогда пиши книги, занимайся теоріей, а въ практику не суйся. Адвокатъ, какъ полководецъ, обязанъ прежде всего побѣдить, а какъ—это другое дѣло. При Фарсаль Юлій Цезарь взялъ тѣмъ, что, зная кокетливость молодыхъ патриціевъ, велѣлъ своимъ солдатамъ мѣтить имъ въ лицо, а эти фралты боялись безобразія больше смерти. Ну, этого правила вы ни въ какой тактикѣ не найдете, Я вотъ въ дѣлѣ Бароджи обратился къ президенту Мацети, который въ 1820 былъ въ Миланѣ инспекторомъ трибуналовъ.

Вижу—святоша, другъ маркиза, по человѣкъ честный; вотъ я и налегъ на него; поднялъ всю исторію ab ovo, добылъ показанія двухъ писцовъ потаріуса Агудіо, и хотя каждый фактъ въ отдѣльности не могъ служить легальнымъ доказательствомъ, но убѣдить президента мнѣ удалось. Онъ же человѣкъ вліятельный не только какъ президентъ, но какъ членъ кружка ханжей, къ которому принадлежатъ маркизъ; маркизъ его мнѣніемъ дорожить больше всего. Черезъ нѣсколько времени обращается ко мнѣ черезъ другого своего пріятеля, также друга президента; согласенъ, говорить, покон-

чить миромъ. Я было заломилъ миллионъ, тотъ предлагаетъ семьсотъ тысячъ: я спустилъ сто тысячъ, на первыхъ порахъ ничего не рѣшили, но наконецъ пріятель обѣщался все устроить, и дѣло такимъ образомъ кончится. Но только представь себѣ, Суарди, знаешь, почему я долженъ былъ пріѣхать самъ въ Парижъ? Никакъ не могъ письмами добиться отъ этого чудака довѣренности; приходится насильно почти давать ему въ руки богатство. Вѣдь правду я говорю, оригиналъ ты этакій.

— Ахъ, право мнѣ не до того было, отвѣчалъ Бароджи.

— Ну, ужъ я не знаю, что съ тобой дѣлается. Повѣдай ты мнѣ, наконецъ, свое горе, можетъ быть я могу тебѣ помочь.

— Ну, такъ и быть, я вамъ все скажу, друзья мои, хотя едва ли можетъ быть тутъ какая нибудь помощь. Слушайте. Я живу въ вѣчномъ ожиданіи какой нибудь ужасной катастрофы, грозящей женщиной, глубоко несчастной и которую я люблю всѣми силами моей души. Она тоже меня любитъ, хотя противъ воли, хотя считаетъ эту любовь преступленіемъ, ужаснымъ недугомъ. Попы извратили въ ней совѣсть, увѣрили ее, что ей воспрещено всякое чувство; они ее сосватали, выдали по собственному выбору замужъ за нелюбимаго человѣка и наполнили ее душу нелѣпѣйшими сомнѣніями; Притомъ человѣкъ, съ которымъ они связали ее, негодяй, убійца, но убійца легальный, титулованный, миллионеръ, убившій двухъ жень, прежде чѣмъ жениться на этой несчастной. Попы и выдали ее за него, чтобы спасти его душу.

— Кто же это такой? спросилъ Монтанора.

— Ты его знаешь. Это графъ Альберикъ Б***, а его жена — Стефанія Джентили.

— А кто попы?

— Я говорилъ о попахъ, но по настоящему слѣдовало бы говорить въ единственномъ числѣ. Это соборный священникъ Опипони, понинѣ здравствующій, слывущій святымъ и въ этомъ званіи губящій семейства, развращающій совѣсти и помрачающій умы. Графъ же съ женой здѣсь. Взгляните изъ этого окна за мостъ черезъ два дома на третій угольный домъ, вотъ они тутъ и живутъ въ третьемъ этажѣ. Въ зрительную трубку я могу видѣть ее болѣзненное личико. Онъ нарочно забрался сюда, гдѣ никто его не знаетъ, чтобы на свободѣ замучить ее. Она серьезно больна, а онъ по страшной скупости, которая одолѣла его послѣ прежнего

мотовства, не позволяет ей даже лечиться, называя ее болѣзнь притворствомъ. Я тайкомъ подсылаю къ ней доктора Бруссе.

— Ты съ нимъ знакомъ?

— Прежде былъ знакомъ. Мы встрѣтились съ нимъ по дорогѣ во Флоренцію. Хотя я прежде его зналъ, зналъ, что онъ меня ненавидитъ и старался повредить мнѣ, однако, ради ея, счелъ нужнымъ сойтись съ нимъ и терпѣливо переносить его общество. Я велъ съ нимъ знакомство во все время его пребыванія во Флоренціи.

— Тутъ и началась у васъ съ ней любовь?

— Любви собственно не было. Она казалась мнѣ слишкомъ недостижимой. У насъ была дружба. Хотя можетъ быть свѣтъ думалъ иначе, но вотъ вамъ доказательство. Въ это время я случайно встрѣтился съ одной дѣвушкой, покинутой любовникомъ; она была въ такомъ отчаяніи, что я принялъ въ ней участіе; когда отчаяніе ея прошло, она созналась мнѣ, что не можетъ жить безъ меня. Я не устоялъ противъ этого признанія и нѣкоторое время любилъ ее. Но въ одно прекрасное утро я неожиданно узналъ, что обманутъ. Это меня ужасно огорчило, и я не утерпѣлъ, чтобы не повѣрить своего горя другу. Тогда только она не выдержала, и въ отвѣтъ на мой признанія дала мнѣ понять, что любитъ меня. Тогда только я съ своей стороны осмѣлился полюбить ее, какъ женщину. Но и тутъ у насъ не дошло до откровеннаго объясненія. Мы попили другъ друга, но молчали. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вдругъ графъ неожиданно исчезъ съ женой изъ Флоренціи, и я уже не скоро узналъ, что они въ Парижѣ. Поэтому я и живу здѣсь, но уже не бываю у нихъ послѣ одной сцены съ нимъ. Ну, великій адвокатъ, можно ли тутъ чѣмънибудь помочь, какъ ты думаешь? Зная ея мужа, я постоянно трепещу за нее. Самыя ужасныя предположенія приходятъ мнѣ въ голову. Спасти ее можно только разводомъ. И, какъ подумаешь, сколько такихъ женщинъ, которыя мучатся въ безысходномъ аду неразрывнаго брака, гдѣ мужъ—тиранъ, покровительствуемый закономъ, а жена—раба, неудостоиваемая закономъ даже покровительственнаго взгляда! Ахъ, сколько томовъ написали юристы, а между тѣмъ не дали даже точнаго опредѣленія правъ и обязанностей человѣка, не установили предѣловъ родительской и супружеской власти; важнѣйшіе вопросы человѣчества они изучаютъ по ископаемымъ доктринамъ вмѣсто

того, чтобы искать ихъ разрѣшенія въ живой житейской дѣйствительности. Что ты на это скажешь?

— Я согласенъ съ тобой. Люди трусливаго ума все стоятъ за неразрывный бракъ. Они думаютъ, что разводъ разрушитъ семью, наполнитъ города замужними вдовами и покинутыми дѣвцами: страхъ замѣняетъ у нихъ разсудокъ и считается лучшимъ возраженіемъ противникамъ. — Но хуже всехъ поны, которые навязываютъ неразрывный бракъ, понятія не имѣя о бракѣ и о семьѣ. живя холостяками. Они проповѣдуютъ семейную нравственность: но это не нравственность, а тиранія. Никому въ голову не придетъ теперь превратить слугъ въ рабовъ, которые не могутъ покинуть господина, чтобы онъ ни дѣлалъ, а жена все же, кажется, болѣе, чѣмъ слуга, но не пользуется и правомъ слуги. Богословы разсуждаютъ о женщинахъ ни дать, ни взять, какъ султаны о своихъ гаремныхъ одалискахъ. Странно, какъ подумаешь, что изъ самыхъ простыхъ и естественныхъ вещей и отношеній люди умѣютъ устроить себѣ посредствомъ ухищреній цѣлый адъ безвыходныхъ мученій. Такъ вотъ, друзья, судите мое положеніе, завидуйте мнѣ и зовите меня чудакомъ и ипохондриккомъ.

II.

— Вскорѣ послѣ этого разговора Суарди уѣхалъ въ Лондонъ а Монтанора вернулся въ Миланъ. Въ числѣ немногихъ друзей, оставшихся у Бароджи въ Парижѣ, былъ докторъ Бруссе, авторъ знаменитой книги о сумасшествіи, въ то время профессоръ въ Военномъ госпиталѣ, человекъ свѣтлаго ума, простой и необыкновенно добрый.

Черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ Монтанари, Бароджи получилъ отъ него увѣдомленіе, что все кончено, а вслѣдъ за тѣмъ и деньги, восемьсотъ тысячъ франковъ векселями на банкъ Агадо. Полученіе этого капитала подало Бароджи нѣкоторую надежду. Ему казалось, что графиня можетъ принять отъ него часть этой суммы, что дало бы ей возможность развѣхаться съ мужемъ и жить независимо. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ случая предложить ей это. По воскресеньямъ

она ходила къ обѣднѣ въ Нотръ-Дамъ, и онъ поджидаль ее на улицѣ; это были ихъ единственныя минутныя свиданія. Онъ нетерпѣливо дожидался воскресенья, но когда оно настало, графиня не вышла. Всѣ эти дни онъ смотрѣлъ на окна ея квартиры, которыя можно было хорошо разсмотрѣть изъ его окна въ зрительную трубку, но она не показывалась и въ окнахъ. Пробродивъ напрасно у церкви, онъ вошелъ къ себѣ и схватился за бинокль, но ничего не было видно. Онъ вышелъ въ чрезвычайномъ волненіи и направился къ ея дому, самъ не зная, на что рѣшиться; ему уже приходило въ голову идти прямо къ графу, какія бы послѣдствія изъ этого не вышли, какъ вдругъ изъ дому вышелъ докторъ Бруссе. Это появленіе и встревожило, и обрадовало его. Докторъ, не дожидаясь его вопроса, сказалъ ему,

— Успокойтесь, графиня въ постели, но болѣзнь не серьезная. Бароджи перевелъ духъ.

— Да, эта болѣзнь не серьезная, продолжалъ докторъ, но такъ продолжаться не можетъ. Этой несчастной женщинѣ необходимъ покой, иначе здоровье ея не выдержитъ, тогда какъ полгода покойной жизни совершенно возстановили бы ее. Если хотите спасти ее, вамъ надо на что нибудь рѣшиться. Вы теперь богаты, уговорите ее убѣжать съ вами. Она васъ страстно любитъ. Только эти идеи объ обязанности! Я говорю какъ медикъ, не вступая въ разборъ этихъ идей. Какъ врачъ, я говорю, что, живя съ вами, эта женщина будетъ здорова, а продолжая теперешнюю жизнь свою—умреть. Поэтому для спасенія ея жизни я совѣтую вамъ увезти ее, какъ совѣтовалъ бы сдѣлать операцию. Черезъ нѣсколько дней вы ее увидите, тогда поговорите.

Дѣйствительно, въ слѣдующее воскресенье Бароджи увидѣлся съ графиней.

— Я чуть не умеръ отъ страха, сказалъ онъ ей, спасибо доктору Бруссе, успокоилъ.

— Теперь какъ видите, мнѣ лучше, сказала она, пожимая ему руку.

— А что тотъ?

— Съ вѣкотораго времени тоже лучше; докторъ Бруссе имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, не знаю, что онъ ему сказалъ, но какъ будто напугалъ.

— Ну, это не на долго.

— Я тоже думаю.

— Стало быть, надо рѣшиться.

— Я уже давно рѣшилась.

— На что?

— Идти смерти.

— Что вы говорите!

— Къ чему обманывать себя напрасными надеждами? Лучше приготовиться.

— Если бы не было спасенія, тогда такъ; но средство спасенія есть, и было бы самоубійствомъ отказываться отъ него.

— Какое же?

— Скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

— Не заставляйте меня грѣшнить, въ своихъ чувствахъ я невольна, по выраженіе ихъ было бы грѣхомъ.

— Какой тутъ грѣхъ!

— Взгляните, какъ смотрять на насъ прохожіе; по ихъ взглядамъ вы можете видѣть, что они уже догадываются, что происходитъ между нами. Подумайте, что сказали бы они, если бы знали, кто я, и кто вы. Тотъ судъ строгъ, но справедливъ. Всѣ бывающіе теперь въ нашемъ домѣ сожальютъ обо мнѣ, но это сожалѣніе превратилось бы въ презрѣніе, если бы они прочли въ моемъ сердцѣ.

— Что намъ за дѣло до людей? Притомъ если бы они дѣйствительно прочли въ твоёмъ сердцѣ, то вѣрно не осудили бы тебя. Я думаю, твой духовникъ, если только это не свирѣпый кретинъ, и тотъ не осуждастъ тебя.

— Нѣтъ, онъ осуждастъ меня за то, что я не умѣю побороть въ себѣ чувство, за то...

— А за то, что ты жертвуешь жизнью, губишь свое здоровье, за это онъ тебя не осуждастъ? Но оставимъ этотъ бесполезный споръ. Тебѣ надо разстаться съ мужемъ. Между нами не можетъ быть и рѣчи о денежныхъ счетахъ. Ты возьмешь у меня сто тысячъ франковъ и поселишься, гдѣ тебѣ вздумается, съ твоими родителями. Я надѣюсь, ты позволишь мнѣ иногда павѣщать тебя, какъ другу.

Когда Бароджи говорилъ это, глаза его увлажились и слезы потекли по щекамъ. Графиня тоже плакала.

— И такъ какъ же?

— Твоя огромная доброта заставляетъ тебя считать возможными несбыточныя вещи.

Почему несбыточныя? Что же можетъ быть проще и легче? Все зависитъ отъ твоей воли; ради Бога, подумай о сохраненіи своей жизни, отъ которой зависитъ моя. Если ты откажешься, это будетъ ясное доказательство, что ты только воображаешь, что любишь меня. Любовь безстрашна и не знаетъ препятствій.

Предложеніе Джупіо озарило душу графини лучемъ надежды. Ей начинала мерещиться лучшая будущность. Она чувствовала сильное искушеніе принять его, но это же искушеніе возбуждало въ ней новую тревогу и сомнѣнія.

— Такъ что же?

— Не знаю; у меня голова кружится. Дай подумать. Завтра въ два часа въ церкви Маделены.

Они разстались.

На другой день Стефанія оказалась упрямае прежняго. Бароджи пытался подѣйствовать на нее черезъ доктора Бруссе, но вся его философія не могла поколебать ее сомнѣній.

Однажды утромъ докторъ постучался къ Бароджи.

Я можетъ быть нашелъ средство уговорить эту несчастную женщину, сказалъ онъ. Она, впервыхъ, суетѣрна, а во вторыхъ, боится, что сказать мужу и роднымъ, если ее спросятъ, на какія деньги она будетъ жить одна. Одинъ мой знакомый банкиръ выигралъ недавно сорокъ пять тысячъ флориновъ въ баденъ-баденскую лотерею; билетъ еще у него. Онъ мнѣ сказалъ сегодня объ этомъ, и мнѣ пришло въ голову, чтобы вы внесли ему сорокъ пять тысячъ флориновъ за билетъ. Такъ какъ давно уже на всѣхъ перекресткахъ Парижа красуются объявленія объ этой лотереѣ, то графиня могла взять билетъ, а съ билетомъ могла и выиграть. Передайте ей билетъ, она покажетъ мужу и такимъ образомъ можетъ избѣжать всякаго злословія.

— Прекрасно! Бѣгу за деньгами. О, какъ я вамъ обязанъ, докторъ!

Встрѣтясь съ графиней, Бароджи показалъ ей купленный билетъ и сказалъ:

— Судьба видимо за насъ. Смотрите, вотъ какой кушъ я выигралъ. Возьмите этотъ билетъ и получите деньги. Вы можете сказать мужу, откуда они вамъ достались. Такимъ образомъ все улажено.

— Возможное ли дѣло?

— Ради Бога, бери! Если ты еще будешь упрямиться, я за себя не отвѣчаю.

— Хорошо, беру.

— Ну, слава Богу! Наконецъ ты свободна, избавлена отъ этого удава. Ради Бога, больше не раздумывай, бери билетъ и получай деньги: это тебѣ надо самой сдѣлать для отклоненія всякихъ подозрѣній. Теперь прощай! Не могу выразить тебѣ моей радости. Ты будешь здорова. Будь счастлива!

III.

Стефанія въ смущеніи и тревогѣ отправилась домой. Часто мечтала она о счастіи жить одной, но теперь, когда надо было сдѣлать рѣшительный шагъ, у нея замиралъ духъ; она не знала, какъ объясниться съ мужемъ. Настало время обѣда. Они сѣли за столъ. Она молчала; щеки ея пылали. Мужъ нѣсколько разъ взглядывалъ на нее и наконецъ спросилъ:

— Что съ тобой сегодня? Какъ ты горюшь? Ужъ не была ли ты у князя Демидова, я слышалъ, онъ отъ тебя въ восторгѣ. Чтожъ? У его десять милліоновъ дохода, и онъ молодъ.

— Я никакого князя не знаю и не понимаю, что ты говоришь. Графъ злобно хихикнулъ.

Графиня встала изъ за стола, возмущенная до глубины души. Негодованіе ободрило ее и дало силу говорить.

— Я раскрасилась отъ радости, что могу утѣшить васъ.

— Чѣмъ?

— Освободивъ васъ отъ моего ненавистнаго присутствія въ нашемъ домѣ.

— Это что за новости?

— Новости такія, что Богъ сжаился надо мной и послалъ мнѣ средство оставить васъ. Вы видѣли, можетъ быть, объявленія о баденъ-баденской лотереѣ. Два мѣсяца тому назадъ я, проходя по улицѣ, увидѣла его и взяла билетъ въ пятнадцать франковъ. Сегодня утромъ я увидѣла у бакира объявленіе о розыгрышѣ. Мой билетъ выигралъ сорокъ пять тысячъ флориновъ, около девяносто тысячъ франковъ. Стало быть, я не буду больше раззирать васъ.

Графъ былъ такъ пораженъ, что всталъ изъ за стола и началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Отчего же ты мнѣ не сказала? наконецъ закричалъ онъ.

— О чемъ? Что взяла билетъ? Вы еще стали бы бранить меня за расходъ пятнадцати франковъ. Но надѣюсь, что вамъ пріятно теперь узнать, что я могу жить приличнымъ образомъ одна, ничего вамъ не стоя.

Въ отвѣтъ на это онъ стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что полетѣли бутылки и стаканы и вбѣжала служанка.

— Вы чего лѣзете? закричалъ на нее графъ.

Онъ точно взбѣсился, принялся орать на весь домъ и швырять посудой. Стефанія въ ужасѣ, боясь самыхъ ужасныхъ оскорбленій, схватилась за ножъ. Это подѣйствовало на него, и онъ вышелъ изъ комнаты. Но тутъ силы оставили ее, она упала, ее отнесли въ постель. На другой день былъ призванъ докторъ Бруссе. Бароджи ничего не зналъ и нѣсколько дней съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ отъ нея извѣстій.

Однажды онъ проснулся въ туманное и сырое парижское утро начала ноября. Мучимый безпокойствомъ, онъ могъ заснуть только на зарѣ, и пробужденный уличнымъ шумомъ, еще лежалъ въ полудремотѣ.

Вдругъ среди нестройнаго шума улицы особый звукъ поразилъ его и заставилъ вскочить съ постели. Онъ прислушался. На улицѣ раздавалось тоненькое дребезжаніе колокольчика. Дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ подбѣжалъ къ окну, отворилъ его и высунулся. Изъ церкви Нотръ-Дамъ черезъ Двойной Мостъ несли причастіе. Хотя въ этомъ не было ничего особеннаго, но онъ, самъ не зная, почему, весь дрожалъ, и руки его судорожно тряслись, когда онъ одѣвался. Какъ сумасшедшій сбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и нагналъ процессію. Нѣсколько старупонокъ сопровождали священника, гнуса мрачными голосами:

— *Consolatrix afflictorum—Ora pro ea.*

— *Refugium peccatorum—Ora pro ea.*

Онъ съ трепетомъ прислушался, говорятъ ли онѣ про ео или про еа, по вскорѣ страшная увѣренность возникла въ немъ, когда багдахинъ свернулъ къ дому, гдѣ жила графиня.

Онъ опѣмѣлъ и машинально вошелъ за священникомъ въ домъ. Привратникъ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ, равнодушно

отвѣчалъ, что причастіе несутъ графинѣ Б***. при смерти больной. Онъ походилъ по двору, жестикулируя и шлолгоса разсуждая самъ съ собой, потомъ вдругъ сталъ рѣшительно подниматься по лѣстницѣ. Дверь въ графскую квартиру была отворена. Нѣсколько женщинъ стояло передъ ней на колѣняхъ. Онъ вошелъ, прошелъ нѣсколько комнатъ и остановился передъ дверью спальни.

Постоявъ передъ дверью, онъ рѣшился войти. Графиня увидѣла его и съ радостнымъ крикомъ хотѣла придти къ нему, но тотчасъ снова упала на подушки. Онъ опустился у кровати на колѣни, взялъ ее руку и цѣловалъ, обливая слезами.

Священникъ въ ужасѣ отступилъ съ восклицаніемъ: кто это? и дернулъ колокольчикъ. Въѣжала служанка, а велѣдъ за ней появился на порогѣ графъ.

— Какой мерзавецъ, вскричалъ онъ, осмѣливается осквернять покой умирающей? Вы, представитель Бога, прогоните дерзкаго святотатца!

Священникъ, здоровенный мужчина, подскочилъ къ Бароджи, стоявшему на колѣняхъ, и съ такою силою толкнулъ его въ плечо, что онъ упалъ, но въ ту же минуту поднялся на ноги и посмотрѣлъ вокругъ себя.

Графъ въ дверяхъ звалъ людей.

Малый колоколь Нотръ-Дамъ отбивалъ медленные заукокойные удары.

Стефанія испустила духъ.

— Священникъ, осѣняя ее крестомъ, сказалъ Бароджи:—вы, можете быть, помѣшали этой душѣ пойти на небо.

Люди сбѣгались на крики графа.

— Этотъ злодѣй пришелъ доканать мою несчастную жену, кричалъ онъ.

Бароджи молчалъ и былъ повидимому безчувствененъ. Это дало графу смѣлость подскочить къ нему и схватить его за руку, чтобы вывести.

Вдругъ Бароджи какъ будто очнулся, схватилъ графа за шиворотъ и потащилъ къ окну, точно собираясь выбросить на улицу. Къ нимъ бросились, чтобы выручить графа. Но Бароджи, держа его за шиворотъ лѣвой рукой, правой далъ такую пощечину какому то подскочившему юношѣ, что тотъ перелетѣлъ черезъ всю комнату

и стукнулся затылкомъ о противоположную стѣну. Всѣ остолбенѣли, и Бароджи итащилъ графа въ сосѣднюю комнату.

— Пришла расправа за твои злодѣйства, говорилъ онъ ему:— Въ тебѣ будетъ наказанъ законъ, позволяющій подобнымъ тебѣ совершать безнаказанно убійства; въ тебѣ будетъ наказанъ попъ, предающій во власть подобныхъ тебѣ безотвѣтныя жертвы. — И прежде чѣмъ присутствующіе успѣли опомниться, онъ подтащилъ графа къ камину, выхватилъ оттуда горящую головешку и дважды ткнулъ ею въ глаза ему. Графъ завизжалъ, какъ борзовъ подъ ножомъ мясника, и отпущенный Бароджи упалъ и завертѣлся на полу.

IV.

Въ августѣ 1849 авторъ этого разсказа сидѣлъ ночью въ Венеціи въ остеріи Кавалетто съ нѣсколькими пріятелями. Тутъ были офицеры всѣхъ родовъ оружія, защитники несчастнаго города, доживавшаго послѣдніе дни своей геройской борьбы. Тутъ были итальянцы изъ всей Италіи, поляки, венгерцы, далматы, греки, воевавшіе за Италію. Миланъ уже подпалъ подъ австрійское иго; Тоскана была возвращена великому герцогу; Римъ былъ занятъ французами; вся Италія была наводнена завоевателями. Одна Венеція еще держала надъ будущими волнами знамя Италіи, уже колебавшееся въ ея слабѣющихъ рукахъ.

Въ остеріи было шумно. У всѣхъ столиковъ сидѣли и разговаривали все на одну тему—отечество въ опасности. За однимъ столикомъ сидѣлъ полковникъ Белуци съ моимъ другомъ Моранди и съ нимъ человекъ лѣтъ 50, сѣдой, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, одѣтый въ черное. Я подошелъ къ Моранди.

— Итакъ, по вашимъ словамъ городъ недолго продержится? говорилъ незнакомый мнѣ господинъ.

— Недѣли двѣ, три, не больше.

— Это удивительно; всюду, куда я ни приѣду въ нынѣшнемъ году, мнѣ приходится присутствовать при послѣднихъ дняхъ. Въ Туринѣ я приѣхалъ за два дня до Наваррскаго пораженія; въ Римъ явился къ Гарибальди за нѣсколько дней до паденія города; теперь здѣсь.

— Что дѣлать? Дольше нельзя защищаться; правительство не умѣло и не хотѣло съ самаго начала вести защиту.

— Да, это вина Манина, онъ былъ убѣжденъ, что Англія и Франція дадутъ Венеціи права ганзейскаго города и въ этомъ убѣжденіи онъ не хотѣлъ ничего дѣлать для продолжительнаго сопротивленія, не приготовилъ флотъ, не организоналъ армію, не сдѣлалъ достаточныхъ запасовъ.

— А теперь уже все кончено.

Въ это время къ намъ подошелъ пруссакъ Стерницъ, филозофъ и поэтъ, человекъ ученый, умный, хотя большой оригиналъ, влюбленный въ Италію, литературу которой зналъ, какъ свою собственную, и недовольный своимъ соотечественниками. Онъ долго жилъ въ Венеціи, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Онъ предложилъ намъ найти подышать свѣжимъ воздухомъ на моль.

Когда мы вышли, я спросилъ Моранди.

— Кто этотъ господинъ въ черномъ?

— Это одинокій миланецъ; я его зналъ въ Парижѣ, а потомъ въ Афинахъ; его зовутъ Джунио Бароджи.

— Какъ? вскричалъ я:—этотъ тотъ Бароджи, о которомъ я слышалъ трагическую исторію?

— Тотъ самый; онъ долго просидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ въ Парижѣ, по свидѣтельству извѣстнаго доктора Бруссе, который этимъ спасъ его отъ приговора.

— Да, я знаю это; а что этотъ несчастный, которому онъ выжегъ глаза?

— Умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Въ 1831 году я еще видѣлъ его почти совершенно слѣпымъ.

V.

Мы вышли на моль. Глухо гудѣли пушки на Кампальто и Кампантонѣ. Въ тишинѣ ночи слышался временами звукъ, какъ бы раздраемой шелковой матеріи, который производитъ летящее ядро. Мы шли молча, какъ вдругъ Бароджи остановился и заговорилъ:

— Ахъ, вы не были здѣсь въ мартѣ прошлаго года! Что за сто лѣтъ.

чудный день было 22 марта! Когда Манинъ овладѣлъ арсеналомъ и, утѣрившись въ содѣйствіи всѣхъ солдатъ венеціанскаго флота, которые убили майора Болая, приказывавшаго имъ стрѣлять въ гражданскую гвардію, вышелъ на площадь и провозгласилъ республику св. Марка,—что тутъ было! Какой восторгъ возбудили эти слова! Всѣ взоры обратились къ крылатому льву, возносившемуся надъ австрійскими орлами, еще распускавшими свои крылья; но въ одну минуту полетѣли въ прахъ эти эмблемы чужого владычества, и всѣ колокола исторической Винеджіи зазвонили въ отвѣтъ колоколу главной колокольни, который первый прогудѣлъ въсть освобожденія. Кто видѣлъ такой день, тотъ даже въ нынѣшнюю минуту гибели не откажется въ итальянскомъ народѣ и не захочетъ промѣнять роль побѣжденныхъ итальянцевъ на роль побѣдителей нѣмцевъ. Извините меня, господинъ Стерницъ, но для меня ваша Германія, не смотря на свою науку, представительница варварства, потому что наука вездѣ благотворна, а въ Германіи она служить ко вреду человѣчества.

Растроганный Стерницъ пожалъ ему руку.

— Повѣрьте, сказалъ онъ, какъ ни тяжело мнѣ видѣть несчастіе Италіи, но еще тяжеле быть свидѣтелемъ побѣды моего отечества.

Вскорѣ послѣ того замолкъ пушечный громъ, такъ давно не умолкавшій. Настало молчаніе смерти, молчаніе болѣе тяжелое, чѣмъ прежній шумъ бомбардировки. Капитуляція была подписана. Августа 27, я выѣхалъ изъ Венеціи въ Геную. Передъ тѣмъ я простился съ Бароджи, отправлявшимся на англійскомъ кораблѣ въ Лондонъ. Мы болѣе съ нимъ не видѣлись. Черезъ три года я получилъ извѣстіе о его смерти въ Римѣ.

КОНЕЦЪ.

Me II 2 - 12812

Въ конторѣ «Устоевъ» продается по уменьшенной цѣнѣ небольшое число экземпляровъ изданнаго студентами С.-Петербургскаго университета, въ пользу нуждъ товарищей, литературнаго сборника

„ОТКЛАНЪ“

Содержаніе: I. Отъ издателей-студентовъ. — II. Утесъ. Стихотвореніе Н. Никифорова. — III. Старая крыса. Очеркъ А. Михайлова (Шеллера). — IV. Разладъ. Стихотвореніе П. Я. — V. Прогрессъ. Стихотвореніе П. Минскаго. — VI. Далила. Разсказъ Максима Бѣлинскаго. — VII. Колдунъ. Повѣсть Н. Никифорова. — VIII. Къ свѣту. Стихотвореніе П. Я. — IX. Усиѣхи рационализма въ древней Греціи. Очерки О. Мищенко. — X. Одни. Очеркъ К. Баранцевича. — XI. Физиологическое и общественное значеніе пищи. М. Антоновича. — XII. Прометей. Стихотвореніе Я. Полонскаго. — XIII. Очеркъ поземельной собственности въ Англіи и проектовъ ея переустройства. Н. Ш. — XIV. Шекспиръ и Пушкинъ. В. Чуйко. — XV. Бруть. Драматическія сцены А. Михайлова. (Шеллера). — XVI. Старый грѣшникъ. Разсказъ Н. Златовратскаго. — XVII. Народу. Стихотвореніе К. Барыковой. — XVIII. Достоевскій и его популярность въ послѣдніе годы. С. Венгерова. — XIX. Подъ сѣгомъ. Стихотвореніе П. Я. — XX. Объ изученіи народнаго быта. А. Григорьева. — XXI. — XXIII. Два стихотворенія А. Плещеева. — XXIV. На пути въ деревню. Разсказъ В. Метелицы. — XXV. Призывъ. Стихотвореніе П. Я.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ОСНОВЫ

НАРОДНИЧЕСТВА

И. ЮЗОВА.

Цѣна 1 р. 50 к. Обращающіеся въ контору «УСТОЕВЪ» платятъ 1 р.

ЖУРНАЛЬ „УСТОИ“

Будеть выходить въ 1883. году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ копторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки:	Съ доставкою въ Петербургъ:	Съ пересылкою:
На 1 годъ . . .	10 р.	11 р.	12 р.
» полгода . . .	5 » 50 в.	6 »	7 »

Журналь «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Ведостѣвецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минский, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопсневъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій.
Редакторъ-издатель С. А. Венгеровъ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

3 2044 098 419 955